Труды
исторического факультета
МГУ

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Под редакцией С. П. Карпова
[74]

Серия II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(33)

Москва
2017

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

Р. М. Шукуров

Тюрки в византийском мире

(1204–1461)

Издательство Московского университета
2017

УДК 94"04/15"
ББК 63.3(0)4
Ш95

Исследование подготовлено в рамках проекта
«Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений
Руси, Востока и Запада в Средние века»,
поддержанного Российским научным фондом
(соглашение № 14-28-00213 от 15 августа 2014 г.
между Российским научным фондом
и МГУ имени М. В. Ломоносова).

Шукуров Р. М.

Ш95 Тюрки в византийском мире (1204–1461). — М.: Издательство Московского университета, 2017. — 631 с. — (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 74; Сер. 2, Исторические исследования, 33).

ISBN 978-5-19-011131-6

В монографии впервые комплексно описывается феномен тюркского меньшинства в Византийской империи, исследуется роль инородцев-тюрков в социальной и культурной жизни Византии. Изучая многообразные влияния тюркского меньшинства на трансформацию поздневизантийской культуры, автор показывает, что именно наличие тюркских групп внутри византийского общества значительно облегчило завоевание Византии турками-османами. В книге представлены как описание отдельных групп византийских тюрков с ареалами их расселения, так и биографические портреты наиболее ярких их представителей. Значительное место уделено влиянию тюрков на поздневизантийскую повседневность и обыденную ментальность.

Ключевые слова: ислам, история, христианство, демография, Палеологи, монголы, греки, Трапезунд, Ласкариды, Византия, лексикология, тюрки.

УДК 94"04/15"
ББК 63.3(0)4

Shukurov R. M.

Turks in the Byzantine World (1204–1461). — Moscow: Moscow University Press, 2017.

Rustam Shukurov offers an account of the Turkic minority in Late Byzantium including the Nicaean, Palaiologan, and Grand Komnenian empires. The demography of the Byzantine Turks and the legal and cultural aspects of their entrance into Greek society are discussed in detail. Greek and Turkish bilingualism of Byzantine Turks and Turkophonia among Greeks were distinctive features of Byzantine society of the time. Basing his arguments upon linguistic, social, and cultural evidence found in a wide range of Greek, Latin, and Oriental sources, Rustam Shukurov convincingly demonstrates how Oriental influences on Byzantine life led to crucial transformations in Byzantine mentality, culture, and political life.

Keywords: Islam, history, Christianity, demography, Palaiologoi, Mongols, Greeks, Trebizond, Laskarids, Byzantium, lexicology, Turks.

ISBN 978-5-19-011131-6

Посвящается моему отцу
Мухаммаду Шукурову
(1925–2012)

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всего своего существования — с IV по XV в. — Византия находилась в тесном и многообразном контакте с цивилизациями Востока. Вплоть до XII в. центр тяжести политической, культурной и экономической жизни располагался в Восточном Средиземноморье, обнимая византийские территории и мусульманский Ближний Восток. Именно к востоку от Византии располагались сверхдержавы, сравнимые с ней по цивилизационному потенциалу. Поэтому не случайно, что вектор жизненных интересов Византийской империи был направлен на Восток. С ним Византийскую империю связывали разнообразные коммуникативные каналы, именно оттуда в империю шли жизненно важные для нее информация и товары. Центральное положение Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока в цивилизационных структурах ойкумены предопределяло остроту политического и культурного соперничества в регионе, одним из неизменных субъектов которого являлась Византия.

На протяжении большей части своей истории Византия находилась в состоянии перманентной борьбы с восточными соседями за главенство в Восточном Средиземноморье, за контроль над торговыми потоками и территориями. Эта борьба порой выливалась в крупномасштабные вооруженные конфликты, сравнимые с мировыми войнами Новейшего времени. Отношения с Востоком отнюдь не сводились к вооруженному противостоянию, однако война была их важным элементом, и с точки зрения византийской ментальности традиционно наиболее опасный и опытный враг располагался именно на Востоке.

Соперничество с Востоком складывалось по-разному. В ранний период главным контрагентом Византии была Сасанидская держава. Хотя большую часть времени империи удавалось сохранять статус-кво с Сасанидами, эпилогом византийско-иранского соперничества явилась поистине «мировая» война 602–628 гг., которая охватила огромные пространства от Египта до Армении и от Константинополя до Ктесифона. В последующую эпоху, начиная с VII в., структура взаимоотношений с восточными народами усложняется: на Ближнем Востоке сасанидский Иран сменила новая сверхдержава — мусульманская империя (сначала Омейадский, а затем

Багдадский халифат), а в Северном Причерноморье утверждаются языческие тюркские народы, перекочевавшие на Запад из глубин Северо-Восточной Азии. Мусульманские завоевания значительно сократили территорию Византии и существенно ослабили ее политико-экономический потенциал как сверхдержавы. Византии понадобилось более трех столетий, чтобы оправиться от мусульманского натиска и частично восстановить свои позиции.

На протяжении XI в. Византия испытывала новые мощные удары со стороны тюркских народов, наводнивших территорию империи на севере (на Балканах) и на востоке (в Анатолии). Хотя к концу XI в. империя оказалась на краю гибели, но вновь, как и в прежние эпохи, в XII в. она нашла силы стабилизировать ситуацию и восстановить свой престиж великой державы. Однако в XIII–XV вв., вследствие катастрофы 1204 г. и захвата латинянами Константинополя, противостояние с тюркскими народами вступило в новую фазу. Если на Балканах давление со стороны кочевых тюрков к XIII в. не представляло серьезной угрозы, то анатолийские мусульмане, создав преуспевающее смешанное (частично оседлое, частично кочевое) ирано-тюркское общество, постепенно усиливали натиск на империю.

Ко второй половине XIV в. византийцы, по существу, проиграли соперничество с анатолийскими тюрками; окончательное падение империи стало лишь делом времени. Настоящее исследование посвящено именно заключительному периоду в истории Византии, который завершился в середине XV в. гибелью византийской цивилизации — одного из самых влиятельных цивилизационных феноменов Средневековья. К принципиальным проблемам истории Византии, до сих пор так и не получившим систематического и общепризнанного разрешения, относится вопрос о причинах стремительного упадка и гибели византийской цивилизации в XIII–XV вв. Коренной вопрос заключается в следующем: почему византийский мир, прежде столь устойчивый и гибкий перед лицом многих внутренних и внешних изменений, вдруг исчерпал свою жизненную силу и не смог найти адекватного ответа на тюркский вызов?

1. Проблема и метод

Взаимоотношения Византии с тюрками с самого зарождения византинистики как научной дисциплины в XV–XVI вв. продолжают занимать в ней центральное место. Пожалуй, нет ни одного обобщающего исследования по истории Византии XI–XV вв., которое бы обошло вниманием эту тему. Причем, следует отметить,

на более ранних этапах развития византинистики тема тюрков занимала даже большее место, нежели в поздней историографии: лишь с развитием науки в XIX и XX вв. стали открываться иные горизонты византийской истории, формулировались новые проблемы социальной, культурной, духовной и экономической жизни империи, не связанные или мало связанные с тюркской угрозой[1]. Основной чертой ранней историографии взаимоотношений Византии и тюркского мира является эмпиризм. Поскольку в трудах историков XVII–XIX вв. преобладала политическая история, история войн, характеров, придворных и дипломатических интриг, то византийско-тюркские отношения рассматривались исключительно в измерении политическом и персональном. В концептуализации этой проблематики весьма популярной была идея религиозного и культурного противостояния христианства и мусульманства. Причем эта базовая концепция была унаследована от средневековой (западноевропейской и византийской) историографии. Наиболее влиятельная версия византийско-тюркского конфликта формулируется в знаменитом труде Эдварда Гиббона[2]. Исследователь рассматривал турецкие завоевания как следствие интриг, трусости и раздоров в византийской среде. Турки при этом характеризуются положительно: «...ennobled by martial discipline, religious enthusiasm, and the energy of the national character»[3]. Картина исторического поражения Византии в передаче Э. Гиббона выглядит весьма схематичной и упрощенной: необъяснимая военная мощь мусульман и их непреодолимое стремление к завоеванию, с одной стороны, и персональная воля предателей-византийцев — с другой, привели цивилизацию к катастрофе.

Последующие поколения исследователей недалеко ушли от схемы Э. Гиббона в объяснениях исторического проигрыша Византии, принимая во внимание два класса гетерогенных (хотя и взаимосвязанных) факторов — с одной стороны, так называемые *внутренние*, порожденные изменениями в собственно византийских общественных и хозяйственных институтах, и, с другой стороны,

---

[1] Подробнее см., например, очерки ранней западноевропейской историографии: *Pertusi A.* Bisanzio e i Turchi nella cultura del Rinascimento e del Barocco. Milano, 2004; Europa und die Türken in der Renaissance / Hrsg. B. Guthmüller, W. Kühlmann. Tübingen, 2000; *Bisaha N.* Renaissance Humanists and the Ottoman Turks. PhD Dissertation, Cornell University. Ithaca, 1997.

[2] *Gibbon E.* History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 1–3. L., 1994 (наиболее близкий к первоначальному текст); *Idem.* History of the Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. J.B. Bury. Vol. 1–7. L., 1909–1914 (текст, отредактированный выдающимся британским византинистом).

[3] В издании Джона Бьюри: *Gibbon E.* History... Vol. 7. P. 1 (Ch. LXIV).

внешние, привнесенные из-за пределов византийского мира — с тюрко-мусульманского Востока, из Западной Европы или с тюрко-славянского Севера. Исследователи вполне единодушны в том, что решающую роль в судьбе Византии сыграл не только *внутренний* (хозяйственный и социальный) кризис, но и *внешний* удар тюрок, в одночасье покоривших Анатолию, часть Балкан, а затем и сам Константинополь. При этом *турецкий* (*тюркский*) *вопрос* решительно выводится за рамки внутренней жизни империи, *тюркское начало* квалифицируется как нечто сугубо чуждое и противоположное византийскому миру, а потому вдвойне разрушительное[4].

Кажущаяся самоочевидность такого толкования тюркского вызова долго препятствовала серьезному изучению конкретных *механизмов* освоения тюрками византийской ойкумены. При этом особо подчеркнем, что описание данных механизмов никак не может ограничиваться лишь разработкой сугубо тюркологической тематики, сводимой к реконструкции «методов тюркского завоевания»[5].

Первые важные шаги в сторону воссоздания механизмов разложения византинизма под воздействием тюркского начала делались не столько в обобщающих историях, сколько в узкоспециальных работах, концентрировавшихся на исчерпывающем анализе компактных коллекций источников. Наиболее ранняя попытка такого рода была предпринята Альбертом Вехтером, учеником Г. Гельцера, в небольшой монографии «Упадок эллинизма в Малой Азии в XIV в.»[6]. Основываясь преимущественно на актах Константинопольского патриархата и Notitiae episcopatuum, А. Вехтер убедительно продемонстрировал стремительно нараставший кризис в анатолийском христианстве XIV в. Эта книга замечательна оче-

[4] См., например, наиболее авторитетные общие истории: *Finlay G.* The History of Greece from Its Conquest by the Crusaders to Its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond: 1204–1461. Edinburgh; L., 1851; *Idem.* A History of Greece from Its Conquest by the Romans to the Present Time. Vol. 4. Oxford, 1877; *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963 (рус. пер.: *Острогорский Г.А.* История Византийского государства / Пер. М.В. Грацианского; под ред. П.В. Кузенкова. М., 2011); *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. СПб., 1998; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи (XI–XV вв.). Т. 3. М., 1997; История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. М., 1967; Le monde byzantin / Sous la direction de C. Morrisson; avec la collaboration de B. Bavant, D. Feissel, B. Flusin et al. T. 3. P., 2011.

[5] *Matanov H.* A Method of Conquest or a Stage of Social Development? // ÉB. 1989. № 3. P. 72–77; *Inalcik H.* Ottoman Methods of Conquest // Inalcik H. The Ottoman Empire. Organization and Economy. L., 1978. № 1. P. 103–129.

[6] *Wächter A.* Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert. Leipzig, 1903.

видным несоответствием между сугубой фактографичностью и сухостью исследовательской манеры автора и ярко выраженной концептуальностью самого подхода к материалу. А. Вехтер скуп на аналитические рассуждения, но сама идея рассмотреть изменения в организационных структурах церкви в этнокультурном (а не только историко-церковном) ракурсе стоила многого. Он обозначил один из базовых индикаторов и, одновременно, действенных факторов угасания византинизма на территориях, перешедших под контроль мусульман, а именно развернувшийся процесс *дехристианизации* и *деэллинизации* анатолийского этнокультурного пространства.

Следующий принципиальный шаг в осмыслении проблемы был сделан много десятилетий спустя Спиросом Врионисом, выдающимся американским византинистом греческого происхождения, концепция которого органично включила в себя и развила подход А. Вехтера. В монографии и последующей серии статей С. Врионис открывает и обосновывает фактор *номадизации* наиболее густонаселенных и хозяйственно значимых регионов Анатолии, который влек за собой массовое и скоротечное вытеснение земледельцев-автохтонов с их земель. Причем, как подчеркивает С. Врионис, в отличие от Сасанидов и арабов прошлых эпох тюрки захватывали анатолийские земли не столько вследствие крупномасштабных сражений регулярных армий, сколько в результате спонтанных множественных миграций кочевников. Освоение византийской Анатолии тюрками рассматривается как следствие завоевания-миграции, которое вводило в действие на занятых землях два параллельных процесса — процесс депопуляции территорий и процесс исламизации тех греков, которые остались под властью тюрок. В течение нескольких лет, от силы десятилетий, занятые кочевыми тюрками территории лишались большей части греческого населения, а оставшиеся греки скоро теряли свою конфессиональную и этническую идентичность. Таким образом, депопуляция, деэллинизация и исламизация делали византийскую реконкисту территорий абсолютно невозможной. Нарастающие территориальные потери вели не только к экономическому упадку Византии, но и (что может быть важнее) к истощению ее человеческих ресурсов. Два связанных процесса — деэллинизация и исламизация, виртуозно продемонстрированные С. Врионисом на материале источников XI–XV вв., признаются в современной науке основными движущими силами в освоении тюрками византийского

мира[7]. В толкованиях С. Вриониса проблема византийско-тюркского взаимодействия остается в русле идей политического и этноконфессионального соперничества между греко-христианским и тюрко-мусульманским мирами. Его концепция закрепляет за тюрками статус *внешней* по отношению к византийскому миру силы, разрушительные для эллинизма потенции которой реализовывались почти исключительно через или вследствие *открытого насилия*.

В сходном направлении — постулируя непримиримую чуждость греческого и тюркского субстратов — двигались наиболее влиятельные школы тюркологии и османистики. В 1936–1938 гг. Пауль Виттек выдвигает быстро завоевавшую признание концепцию, согласно которой главенствующим этосом анатолийских тюрков, и в особенности османов, в конце XIII в. была идея *газавата*, т.е. священной войны с христианством, а сами тюркские правители именовали себя и своих воинов *гази* — «борцами за веру»[8]. Концепция П. Виттека в силу недостаточности источниковой базы носила довольно умозрительный характер. Исследования С. Вриониса, написанные через тридцать лет, в силу своей опоры на богатый греческий источниковый материал более предметны и детальны.

Однако концепции греко-тюркского противостояния, несмотря на свою влиятельность и даже самоочевидность в контексте науки того времени, не были единственными. Пересмотр и корректировка этих концепций выстраивается по двум линиям, причем развиваемым по большей части тюркологами и османистами.

---

[7] *Vryonis*. Decline; *Vryonis S.* “The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization”, the book and its reviewers ten years later // Greek Orthodox Theological Review. 1982. Vol. 22. P. 225–285; *Idem*. “The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the 11th through the 15th Century”: the book in the light of subsequent scholarship, 1971–98 // Eastern Approaches to Byzantium / Ed. A. Eastmond. Aldershot, 2001. P. 133–145; *Idem*. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71; *Idem*. Manpower. P. 125–140. На понтийском материале подход С. Вриониса развивал Э. Брайер в классической работе: *Bryer A.* Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149. См. обобщающие монографии последних десятилетий XX в., в которых транслируются подходы С. Вриониса: *Savvides A.* Byzantium in the Near East. Thessaloniki, 1981; *Werner E.* Die Geburt einer Grossmacht — Die Osmanen. Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Wien, 1985; *Nicol D.M.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1993; *Angold M.* The Byzantine Empire, 1025–1204: A Political History. L.; N.Y., 1997; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992.

[8] *Wittek P.* Deux chapitres de l’histoire des Turcs de Roum // Byzantion. 1936. T. 11. P. 285–319; *Idem*. De la défaite d’Ankara à la prise Constantinople // RÉI. 1938. T. 12. P. 1–34; *Idem*. The Rise of the Ottoman Empire. L., 1938; *Idem*. The Taking of Aydos Castle: A Ghazi Legend and its Transformation // Arabic and Islamic Studies in Honor of H.A.R. Gibb / Ed. G. Makdisi. Leiden, 1965. P. 662–672.

Во-первых, «теория гази» в последние десятилетия подверглась решительной критике. Так, например, Руди Линднер в своей монографии показал, что «концепция гази» основывается лишь на одной-единственной надписи в Бурсе, датированной 1337 г., чтение которой сомнительно по палеографическим причинам. Ее явно недостаточно для построения универсальной концепции. Никакой «идеологии гази» в мусульманской анатолийской среде в XI–XIV вв. не существовало, тюркские вождества[9] и государственные образования Анатолии воевали как с христианами, так и с соседними мусульманами. Османский эмират стал превращаться из вождества в государство через седентеризацию кочевников и освоение византийских и иранских техник в экономике и управлении, пользуясь услугами многочисленных христиан. Следовательно, нельзя говорить о какой-то особой идеологии вражды и завоевания со стороны тюрок, которая бы оказалась главным фактором их успеха в разрушении византийской цивилизации[10]. Во-вторых, другая, много более ранняя тенденция в историографии связана с антропологическими исследованиями в области повседневной жизни Анатолии и Балкан. Совершенно новый подход к проблеме греко-тюркских

[9] Определение «вождества» (англ. *chiefdom*): «An autonomous political unit comprising a number of villages or communities under the permanent control of a paramount chief» (*Carneiro R.L.* The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Eds. G.D. Jones, R.R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 37–79); о возникновении и эволюции концепции «вождества» см.: Ibid. P. 38–45.

[10] *Lindner R.* Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983. P. 1–43. Разработки Р. Линднера были подхвачены и детализованы многими исследователями: *Imber C.* Paul Wittek's «De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople» // Osmanlı Araştırmaları. 1986. C. 5. P. 65–81; *Jennings R.C.* Some Thoughts on the Gazi-Thesis // WZKM. 1986. Bd. 76. P. 151–161; *Beldiceanu-Steinherr I.* Analyse de la titulature d'Orhan sur deux inscriptions de Brousse // Turcica. 2002. T. 34. P. 223–240; *Lowry H.* The Nature of the Early Ottoman State. Albany, 2003; *Heywood C.* The 1337 Bursa Inscription and Its Interpreters // Turcica. 2004. T. 36. P. 215–232. См. также серию статей Кита Хопвуда о византийско-тюркском пограничье в Анатолии: *Hopwood K.* Nomads or bandits? The pastoralist/sedentarist interface in Anatolia // Manzikert to Lepanto. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571 / Eds. A. Bryer, M. Ursinus. Amsterdam, 1991. P. 179–194; *Idem.* The Byzantine-Turkish Frontier c. 1250–1300 // Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums / Hrsg. M. Köhbach, G. Procházka-Eisl und C. Römer. Wien, 1999. P. 153–161; *Idem.* Low-level diplomacy between Byzantines and Ottoman Turks: the case of Bithynia // Byzantine Diplomacy / Eds. J. Shepard, S. Franklin. L., 1992. P. 151–158; *Idem.* Peoples, Territories, and States: The Formation of the Begliks of Pre-Ottoman Turkey // Decision Making and Change in the Ottoman Empire / Ed. C.E. Farah. Kirksville, 1993. P. 129–138; *Idem.* Osman, Bithynia and the Sources // Archív Orientální. Supplementa. 1998. T. 8. P. 155–164; *Idem.* Türkmen, Bandits and Nomads: Problems and Perceptions // Comité international d'études pré-ottomanes et ottomanes: VIth Symposium, Cambridge, 1–4 July 1984 / Eds. J.L. Bacqué-Grammont, E. van Donzel. Istanbul, 1987. P. 23–30.

взаимоотношений был в свое время предложен блестящим ученым Фредериком Хаслуком[11]. Британский исследователь на примере верований, суеверий, обычаев и магических обрядов, распространенных по преимуществу в низших социальных пластах анатолийского и балканского населения под властью тюрок, наглядно демонстрирует совершенно иной модус христианско-мусульманского взаимодействия и взаимопроникновения, которые зачастую результировали в некоем неразделимом синкретическом единстве элементов обеих религий и культур в сознании греческого и тюркского обывателя. Ф. Хаслук был пионером в исследовании многих тем, таких как учение *бекташи* и роль христианских персонажей в низовом и мистическом мусульманстве (Христос, св. Георгий, Иов, св. Харитон, Семь Эфесских отроков), связь между *мавлави* и христианами, почитание мусульманами христианских святых мест, мусульманские легенды, связанные со св. Софией, тайное крещение у мусульман, христианские амулеты у тюрок и т.д. Эта линия получила признание и дальнейшее развитие только после Второй мировой войны в преимущественно антропологических исследованиях, изучавших синкретические феномены в *переживаемой* низовой религиозности и культуре[12].

В последние десятилетия наиболее ярким исследователем симбиоза и взаимовлияния греческого и тюркского культурных элементов стал французский тюрколог и грецист Мишель Баливе, который, подобно Фредерику Хаслуку, концентрируется на позитивных трансформациях византийского и тюркского культурных субстратов, приводивших к постепенному их сближению. Причем М. Баливе с успехом делает это, в частности, и на византийском материале, составляя противовес концепции С. Вриониса. На основе широкого привлечения малоисследованного материала касательно религиозных, культурных, политических контактов между греками и тюрками французский исследователь, не отрицая самого наличия конфликта между Византией и тюрками в военно-политической сфере, объединяет византийский и тюркский элементы

[11] *Hasluck F.W.* Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 1–2. Oxford, 1929.

[12] Archaeology, Anthropology and Heritage in the Balkans and Anatolia: The Life and Times of F.W. Hasluck, 1878–1920 / Ed. D. Shankland. Istanbul, 2004–2013. Vol. 1–3; Syncrétismes et heresies dans l'Orient seldjoukide et ottoman (XIVe–XVIIIe siècle) / Éd. G. Veinstein. P., 2005 (с дальнейшей библиографией). См. также новейшую критику подходов Ф. Хаслука: *Krstić T.* Contested conversions to Islam: narratives of religious change in the early modern Ottoman Empire. Stanford, 2011; *Eadem*. The Ambiguous Politics of "Ambiguous Sanctuaries": F. Hasluck and Historiography on Syncretism and Conversion to Islam in 15th- and 16th-century Ottoman Rumeli // Archaeology, Anthropology and Heritage… Vol. 3. P. 247–262.

в пределах одного пространства, обладавшего известным этнокультурным единством, — «Романии/Рума», ибо не только греки трансформировали тюркский мир, но и тюрки, согласно его концепции, оказывали осязаемое влияние на греко-византийский субстрат на уровне народной культуры, повседневности и мистического интеллектуализма. В ходе контактов с мусульманским миром (как и с латинским Западом) сама Византия претерпевала хотя и скрытые, но несомненные перемены, равно как эволюционировали и тюрки, занявшие завоеванное ими «римское» (т.е. византийское) географическое пространство. Это обоюдное преобразование происходило в направлении исчезновения наиболее непримиримых противоречий между обоими мирами. Взаимную трансформацию культур следует учитывать при исследовании истории формирования «полиэтнического стиля жизни»[13].

Нельзя не признать плодотворность подхода М. Баливе, который делает значительный шаг в реконструкции именно *микроуровня* контактов, некоего специфического пространства греко-тюркского «примирения» («une aire de conciliation»). Тем не менее этот подход не особенно популярен в современной византинистике. И этому есть свое, довольно простое, объяснение: концепция С. Врионисa более лаконично и точно обрисовывает суть греко-тюркской встречи как исторического феномена. Во всем комплексе проблем, связанных с византийско-тюркскими взаимоотношениями, можно выделить две самоочевидные аксиомы, которые и заставляют исследователей делать выбор (осознанный или подсознательный) в пользу концепции С. Врионисa. Во-первых, все многообразие фактов взаимоотождествления греческого и тюркского элементов для греческой стороны явилось результатом *вынужденного и нежелательного приспособления* к внезапно изменившимся условиям, которые носили однозначно разрушительный характер для традиционных форм жизни автохтонов. Во-вторых, проблема греко-тюркского взаимодействия должна быть оценена в контексте ближайшей исторической перспективы, которая однозначно указывает на то, что главнейшим результатом византий-

[13] *Balivet.* Romanie byzantine; *Idem.* Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. Istanbul, 1999; *Idem.* Islam mystique et révolution armée dans les Balkans ottomans. Vie du Cheikh Bedreddîn le «Hallâj des Turcs» (1358/59–1416). Istanbul, 1995; *Idem.* Turcobyzantiae: échanges régionaux, contacts urbains. Istanbul, 2008. См. также наш обзор: *Шукуров Р.М.* Зона контакта: проблемы межцивилизационных отношений в современной византинистике (рец. на: Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; Balivet M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994) // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 258–268.

ско-тюркских контактов явилось исчезновение самой Византии как цивилизационного феномена: было бы слишком несправедливой натяжкой перетолковывать этот неоспоримый факт гибели цивилизации как некую метаморфозу Византии в новом (тюркском/турецком) образе. Концепция С. Вриониса в этом смысле более точно и честно обрисовывает конечную суть греко-тюркской встречи как исторического феномена. Таким образом, как мы видим, тема византийско-тюркских взаимоотношений остается актуальной по сию пору именно в силу ее прямой связи с поисками ответа на вопрос о причинах упадка византийской цивилизации.

Отталкиваясь от представленного очерка наиболее значимых для нас подходов, можно теперь попытаться сформулировать предмет, цели и задачи нашего исследования. По высказанным причинам я, придерживаясь линии А. Вехтера и С. Вриониса, продолжаю интерпретировать греко-тюркскую встречу в ракурсе цивилизационного конфликта, который оказался гибельным для одной из сторон. Однако материал византийско-тюркских контактов, извлекаемый из корпуса разнообразных письменных и материальных источников, позволяет существенно скорректировать и дополнить общие установки современных концепций. Сближаясь с М. Баливе, я склонен рассматривать тюркское начало не только как *внешний* военно-политический фактор, но, по крайней мере с XIII в., и как один из действенных социальных и культурных элементов, трансформирующих сам византинизм изнутри. Однако очевидно, что ни концепция противостояния, ни концепция взаимоуподобления не выходят за пределы бинарной исследовательской стратегии «влияний», рассматривающей византийский и тюркский элементы как внешние по отношению друг к другу. Необходимо интериоризировать проблему тюркского влияния и понять, насколько глубоко проник тюркский субстрат в толщу византийского общества и культуры и в каком направлении он их трансформировал. В настоящей работе я предлагаю описать тюркское начало как один из элементов само́й поздневизантийской цивилизации. Этот специфический ракурс отличает мой подход и от концепции противостояния, и от концепции взаимоуподобления греков и тюрков.

Еще одно существенное возражение по поводу имеющихся подходов. Как известно, после катастрофы 1204 г. византийский мир распался на два главенствующих анклава: первый, который в рамках настоящей работы я буду называть *западновизантийским*, обнимает Никейскую и Палеологовскую империи и византийский

Эпир; второй, восточновизантийский, совпадает с границами Трапезундской империи. В историографии до сих пор не делалось попыток систематически изучить региональные особенности этих анклавов в их взаимоотношениях с тюркским началом, а, как показывают частные исследования (см. ниже), такие особенности, несомненно, имели место. Реконструкция двух региональных моделей реакции на проникновение тюркского элемента (т.е. западновизантийской и восточновизантийской) и их систематическое сравнение могли бы дать новую значимую информацию для углубления нашего понимания поздневизантийской ойкумены и конечных судеб византинизма.

И, наконец, последнее: как С. Врионис, так и М. Баливе концентрируются почти исключительно на взаимодействии византийцев и анатолийских тюрков, упуская из виду, что существовала и другая парадигма — взаимоотношения византийцев и балканских тюрков-кочевников, продолжавшиеся со средневизантийского периода вплоть до завоевания османами византийских Балкан в последней четверти XIV в. Само собой разумеется, что это упущение с необходимостью должно быть восполнено; сравнительный анализ «анатолийской» и «балканской» парадигм может открыть новые ракурсы проблемы.

Таким образом, предметом исследования являются и сами византийское общество и культура, и их реакция на имплантацию в них тюркского элемента, а именно те социокультурные трансформации, которые испытала византийская цивилизация под воздействием тюркского начала. Речь идет не столько о «внешних» влияниях на византийскую цивилизацию, сколько о существенной ее перестройке в результате включения в ее горизонт тюркского начала как одного из элементов «своего». Определение характера и меры освоения тюркского начала византийским обществом и культурой позволит более предметно ответить на вопрос о причинах неэффективности поздневизантийской цивилизации перед лицом внешних завоеваний в XIII–XV вв. Не отрицая влияния внешнего военно-политического (С. Врионис) и внешнего культурного (М. Баливе) факторов на судьбы византинизма, мы считаем не менее важным изучить явные и подспудные изменения в самой византийской ментальности, приведшие к ее экзистенциальному поражению.

Отсюда же вытекают хронологические и географические рамки исследования. В книге обсуждается поздневизантийский период — с 1204 по 1461 г.: именно тогда наблюдаются кардинальные изменения традиционных парадигм византийской идентичности, а также

нарастающие изменения в отношении византийцев к тюркам. При этом византийская ойкумена рассматривается в ее целостности, с учетом обоих ее главных вариантов — западновизантийского (Западная Анатолия и Балканы) и восточновизантийского (Трапезундская империя).

Из сформулированной интерпретационной стратегии проистекают и конкретные цели исследования: выявление тех сфер византийской социальной и культурной реальности, которые претерпели трансформацию под влиянием встречи с тюрками, и определение меры воздействия этих трансформаций на «иммунные» механизмы византийской цивилизации. Важно выяснить реакцию на встречу с тюрками самого византинизма, как живого и борющегося (пусть, в конце концов, и проигравшего) цивилизационного организма: как на микроуровне индивидов, дворцового, церковного, городского и сельского быта переживала византийская цивилизация свое отступление перед лицом более мощных противников. Воссоздание зримой картины *исторического проигрыша* Византии в этом цивилизационном противоборстве прояснило бы достаточно многое, а главное — действительную роль тюркских народов в трагедии, постигшей византийский мир, равно как и реальное соотношение между внутренними и внешними факторами истощения жизнеспособности византинизма.

Для достижения обозначенных целей следует поставить и разрешить конкретные исследовательские задачи, лежащие в двух плоскостях: первая группа вопросов относится к сфере социальной и антропологической, вторая группа — к сфере по преимуществу социолингвистической и ментальной. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы в наших прежних исследованиях выдвигалось предположение о наличии на византийских территориях групп «византийских тюрков», т.е. тех тюрков, которые приняли византийское подданство и были расселены византийской администрацией в империи. Следовательно, необходимо продемонстрировать на материале первоисточников само наличие на территории Византийской империи тюркских этнических меньшинств, объединенных воспоминанием об общем происхождении (либо тюркском анатолийском, либо тюркском дунайском), которое при определенных условиях отделяло их от большинства других меньшинств; описать эволюцию тюркских меньшинств в поздневизантийскую эпоху; определить их удельный вес в общей численности населения в различных географических зонах византийского мира; обрисовать пути проникновения тюрок-иммигрантов в византийское общество; реконструировать степень и конкретные механизмы ас-

симиляции иммигрантов; определить место, которое занимали тюрки-иммигранты в византийском обществе.

Во-вторых, следует определить, насколько были влиятельны иммигранты-тюрки в культурном отношении; выявить, какие сферы византийской культуры подвергались трансформациям под воздействием тюрок (как натурализованных, так и иностранцев); если такого рода воздействие действительно присутствовало, то следует выяснить, как оно могло повлиять на реакцию византийцев на внешнюю угрозу со стороны тюркских государств. Анализ ментальных трансформаций наиболее эффективен в рамках социолингвистического исследования (см. подробнее ниже). Поэтому среди важнейших задач следует назвать сбор и этимологизацию негреческих по происхождению языковых элементов, вошедших в византийский греческий, определение пути их проникновения в греческую языковую среду; оценку степени влияния этих иностранных языковых элементов на греческую языковую практику. Связанная с предыдущей группа задач состоит в выяснении масштабов присутствия в византийском пространстве тюркофонии, а также в выявлении ее агентов: кто, по какой причине и в каких масштабах мог на византийской территории ее практиковать.

При этом исследование с неизбежностью должно носить выраженный сравнительный характер: во-первых, следует проанализировать и сравнить западновизантийскую (ласкаридскую, палеологовскую) и восточновизантийскую (понтийскую) парадигмы взаимодействия с тюрками; во-вторых, необходимо проследить типологические связи и различия между тюркскими анатолийской и северночерноморской парадигмами в их отношении к византийскому субстрату.

Очевидно, что поставленные задачи, в силу многообразия и разножанровости источниковедческой базы, могут решаться только в рамках междисциплинарного подхода. Именно типологическая и жанровая природа источников в сочетании со спецификой исследуемых вопросов предопределила набор используемых частных методик и методологических стратегий, относящихся к широкому спектру гуманитарных наук: исторической науке (включая многие вспомогательные исторические дисциплины), филологии, лингвистике, искусствознанию и т.д. Такая методологическая стратегия вслед за Жаном-Франсуа Лиотаром может быть названа «номадической»: в зависимости от объекта исследования мысль ученого «мигрирует» не только по разным частным методикам, но и по различным, может быть в прошлом и конфликтовавшим между собой, методологическим концепциям (позитивистский и марк-

систский подходы, «новая историческая наука», герменевтика, феноменология, поэтология, эпистемологический подход в духе Мишеля Фуко и т.п.). Именно этот методологический «номадизм» соответствует нынешнему духу времени, когда пришло осознание того, что каждая из зрелых гуманитарных методологий обладает преимуществом в изучении тех или иных специфических аспектов культуры. Задача исследователя заключается в том, чтобы знать эти подходы и уметь применять их к месту.

Весьма сложной проблемой методологического характера оказалось то обстоятельство, что в письменном наследии Византии сохранилось слишком мало эксплицитных сведений о натурализовавшихся иностранцах (будь то латиняне, славяне или тюрки) и том воздействии, как правило подспудном, которое они оказывали на византийскую ментальность. Жанровая и идеологическая обусловленность византийских текстов в целом отторгала такого рода информацию. То, что мы имеем в византийских письменных источниках на эту тему, в основном является счастливым для исследователя исключением. Однако очевидно, что сохранившиеся тексты отнюдь не являются точным оттиском той социальной и ментальной реальности, которая их создавала. Отсутствие в текстах информации о том или ином объекте или феномене вовсе не означает, что этих объектов или феноменов не существовало в исторической реальности. Индифферентность византийской письменности к этническим характеристикам в собственной среде и явилась, в частности, причиной почти полной неисследованности избранной нами темы. Обычная научная оптика зачастую просто не различает объекта нашего исследования. Проблема реконструкции тюркского присутствия в византийской социальной жизни и ментальности в настоящей работе будет решаться двояко. Во-первых, ведущую роль в реконструкции этнического состава населения сыграет *ономастика*, в особенности ее *антропонимическая* и *топонимическая* части. Наиболее эффективным средством оказалась антропонимика, при некоторых условиях вскрывающая этническую идентичность носителя имени. Микротопонимика, хотя и менее обильная в сравнении с антропонимикой, дает важный материал по расселению не столько индивидов, сколько групп иноэтничных мигрантов. Во-вторых, для реконструкции значимых трансформаций в византийской ментальности, инициированных тюркским субстратом, главную роль сыграет анализ языковых заимствований. Именно он поставляет наиболее важную информацию об интенсивности восприятия византийской ментальностью восточных реалий, обрисовывает состав и содержание «чужой» информации, освоенной византийским мышлением.

Опора на лексикологию не только влечет за собой применение особых методик исследования, специфичных для этого раздела лингвистики, но и выдвигает на первый план роль *этимологической* работы. В нашем случае наиболее действенными оказываются греческие, арабские, персидские, тюркские, латинские, южнославянские, картвельские этимологии. Именно этимология поставила тот исходный материал, который сначала проходил лексикологическую обработку, а на следующем этапе — социологическую, антропологическую и культурологическую интерпретацию. Причем для начальной социологической обработки полученного антропонимического материала весьма действенен методический инструментарий *просопографического* исследования. Таким образом, наше обращение к лингвистике преследует скорее социоантропологические, чем сугубо языковедческие задачи: с помощью лингвистического инструментария мы постараемся реконструировать историческую реальность в ее социальном и культурном аспекте.

Завершающий этап анализа предполагает *герменевтическую* перечитку византийских текстов разных жанров через призму тех результатов, которые были получены в ходе лексикологического анализа, и их социоантропологических интерпретаций. На герменевтическом этапе исследования наиболее эффективными оказываются современные *аллологические* подходы. Собранные нами конкретные примеры встречи византийского «собственного» и тюркского «чужого» интерпретируются в модусе *присвоения*, то есть *уничтожения* «чуждости». Сосредоточенность традиционного византийского сознания на себе в его отношениях с чужим — одна из стержневых идей, задающих базовые ориентиры нашей синтезирующей герменевтической интерпретации.

Потребность как типологического, так и количественного анализа больших объемов лексического материала повлекла за собой применение современных информационных технологий, а именно создание электронных баз данных, которые значительно расширили исследовательские возможности. В основе настоящей работы лежат две электронные базы данных, созданные нами на подготовительном этапе работы: «Восточная антропонимика в поздней Византии, XIII–XV вв.» и «Восточные заимствования в среднегреческом, XI–XV вв.»[14].

---

[14] См. опубликованные и прокомментированные части антропонимической базы данных: *Shukurov R.* The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeios. 1999. T. 6. P. 7–47; *Шукуров Р.М.* Иагупы: тюркская фамилия на византийской службе // ВО. СПб., 2006. С. 205–229; *Он же.* Анатавлы: тюркская фамилия на византийской службе // ВВ. 2007. Т. 66 (91). С. 193–207; *Он же.* Семейство ‘Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Византии //

2. Источники

В настоящей работе ставится задача комплексного исследования всех значимых сведений о тюркском элементе в византийской цивилизации в источниках любых жанров и типов, включая материальные, вне зависимости от языка их создания. Важная особенность нашей темы заключается в том, что ни один из типов или даже комплексов источников не является в полной мере приоритетным для ее раскрытия. Поэтому источниковая база исследуемой проблемы характеризуется исключительной широтой и пестротой. Это, в частности, предельно усложняет сбор источникового материала, рассыпанного во всем корпусе сохранившихся письменных и материальных памятников. Мы стремились к исчерпывающей проработке всех сохранившихся источников византийского, мусульманского, латинского и славянского круга. В западновизантийском ареале наибольшее значение имеют греческие, латинские, южнославянские, арабские и турецкие письменные источники. Для восточновизантийского ареала более всего важны греческие, латинские, персидские, арабские, картвельские источники. Каждому из аспектов темы, вкратце обрисованных выше, соответствуют отдельные комплексы источников, часто (но не всегда) относящиеся к одному специфическому жанру. Наличие добротной источниковедческой литературы избавляет нас от необходимости давать развернутый анализ отдельных памятников[15]. Ниже внима-

ВВ. 2008. Т. 67 (92). С. 89–116; *Он же.* Византийские тюрки: к вопросу об этническом составе Византийской империи в эпоху Палеологов // ВВ. 2009. Т. 68 (93). С. 108–134. Данные лексикологической базы частично использованы в: *Он же.* Восточные лексические заимствования в среднегреческом (XI–XV вв.): предварительные замечания // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 7. СПб., 2009. С. 54–71; *Он же.* Ζαρκολᾶς и ζαρκουλᾶς: два османских заимствования в среднегреческом // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973) / Под ред. И.В. Зайцева, С.Ф. Орешковой. М., 2010. С. 511–515.

[15] См., например: *Бибиков М.В.* Византийская историческая проза. М., 1996; *Он же.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 1. М., 2004; *Karayannopoulos I.E., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). Bd. 1–2. Wiesbaden, 1982; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. I–II. München, 1978; *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959; *Idem.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971; *Savvides A., Lampakis S.* Γενική βιβλιογραφία περί του βυζαντινού Πόντου και του κράτους των μεγάλων Κομνηνών της Τραπεζούντας. Αθήνα, 1992, а также добавления: ΑΠ. 1994. Τ. 45. Σ. 79–91; ΑΠ. 1996–1997. Τ. 47. Σ. 345–350; ΑΠ. 1998–1999. Τ. 48. Σ. 232–250; ΑΠ. 2002. Τ. 49. Σ. 149–153; *Brockelmann K.* Geschichte der arabischen Literatur. Bd. 1–2. Weimar, 1898–1902; Suppl. Bd. 1–3. Leiden, 1937–1940; *Стори Ч.А.*

ние будет уделено преимущественно тематико-жанровой систематизации всего многообразия привлекаемых источников в применении к нашим задачам.

Как уже говорилось, в основе нашего исследования лежат данные лексикологии — антропонимы, топонимы, восточные заимствования в греческом языке (а эпизодически — и в других балканских языках). Подавляющее большинство значимых для нас антропонимов и топонимов извлечено из документальных источников, а особенно из актового материала, весьма богатого для поздневизантийского периода. Это публичноправовые и частноправовые акты — императорские хрисовулы, простагмы, патриаршие послания, синодальные постановления, периорисмы, практики, дарственные, завещания, купчие и т.д., — содержащие обильную демографическую информацию. Более 70% антропонимов и микротопонимов восточного происхождения обнаруживается именно в актовом материале. Наиболее богатый документальный материал собран в изданиях актов афонских монастырей, подавляющее большинство которых относится к XIII–XV вв.[16] Издание афонских актов было начато российскими византинистами еще до 1917 г.[17], не все из них переизданы на современном уровне. С 1937 г. и по сегодняшний день французские византинисты продолжают систематическое издание афонских актов в серии *Archives de l'Athos*, которая была основана Габриэлем Милле и Полем

Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. Ч. 1–3. М., 1972; *Babinger Fr.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927; *Rosenthal Fr.* A History of Muslim Historiography. Leiden, 1968; *Melville Ch.* The Early Persian Historiography of Anatolia // History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honor of John E. Woods / Eds. J. Pfeiffer, S.A. Quinn in collab. with E. Tucker. Leiden, 2006. P. 135–166.

[16] О составе и истории изучения Афонских актов см.: *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 156–164; *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949. S. 5–31; *Karayannopoulos I.E., Weiss G.* Quellenkunde... Bd. 1. S. 105–107; *Laiou A.E.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977. P. 9–10. О византийском частноправовом акте см.: *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988. О византийских правовых источниках в целом, в особенности для поздней эпохи, см.: *Он же.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

[17] См., например: Actes de l'Athos I. Actes de Xénophon / Éd. L. Petit // ВВ. Приложение к т. 10, № 1. СПб., 1903; Actes de l'Athos II. Actes de Pantocrator / Éd. L. Petit // ВВ. Приложение к т. 10, № 2. СПб., 1903; Actes de l'Athos III. Actes d'Esphigménou / Éd. L. Petit, W. Regel // ВВ. Приложение к т. 12, № 1. СПб., 1906; AZog; AChil (Petit–Korablev); Actes de l'Athos VI. Actes de Philothée / Éd. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // ВВ. Приложение к т. 20. СПб., 1913; ARus.

Лемерлем; к настоящему времени вышло уже 22 тома[18]. За пределами этих публикаций остается значительный пласт монастырских документов, изданных в сборниках, отдельных монографических исследованиях и статьях[19]. Важным дополнением к данным греческих документов являются сербские акты второй четверти XIV в.[20] Для Понтийского региона центральное значение имеют Вазелонские акты, существующее издание которых ныне устарело и требует доработки на современном уровне[21]. Близки по жанру и значимости сборники и регесты документов, относящихся к деятельности Константинопольского патриархата[22]. Важными оказались финансовые заметки византийских купцов, в которых не только упоминаются имена людей, но и дается специальная терминология, названия товаров и предметов быта, заимствованные с Востока[23]. Менее информативны латинские как светские (в первую очередь — венецианские и генуэзские), так и церковные документы, дающие редкую, но зачастую уникальную информацию о тех или иных лицах тюркского происхождения, живших на территории империи[24]. Некоторое значение имеют османские документы, а в особенности ретроспективные данные османских када-

[18] Особенно важны для нас: AEsph; ALavr; APantél; Actes de Docheiariou / Éd. N. Oikonomidès. P., 1984; AIvir; APantokr; AChil (Živojinović–Kravari–Giros); Actes de Vatopedi / Éd. J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. T. 1–2. P., 2001–2006.

[19] Наиболее важны для нас: MM. Vol. 4; DöSch; *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika…; *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. P., 1955; AVat III; PKar; *Kravari V.* Nouveaux documents du monastère de Philothéou // TM. 1987. T. 10. P. 261–356; *Соловьев А., Мошин В.* Грчке повеље српских владара: Издање текстова, превод и коментар. Београд, 1936.

[20] *Мошин*. Акти.

[21] AV (издание Ф. Успенского и В. Бенешевича). Греческое переиздание: *Uspenskij F.I., Benesevic V.N.* Τα Acta της Μονής Βαζελώνος. Στοιχεία για την ιστορία της αγροτικής και μοναστηριακής έγγειας ιδιοκτησίας στο Βυζάντιο κατά τον 13ο–15ο αιώνα / Μετάφρ. Η. Πετρόπουλος. Θεσσαλονίκη, 2007. Подробный обзор см. в: *Shukurov R.* The Oriental Margins of the Byzantine World: a Prosopographical Perspective // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Eds. J. Herrin, G. Saint-Guillain. Aldershot, 2011. P. 167–171. См. также: *Alexakis A., Mavromatis G.* Eleven Documents from the Acta of the Monastery of St. John the Forerunner of Vazelon in Trebizond // Myriobiblos: Essays on Byzantine Literature and Culture / Eds. Th. Antonopoulou et al. Boston, 2015. P. 1–24.

[22] MM; см. также: *Henkelmann N., Ludat A.* Namenregister zu Miklosich–Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi Vol. IV und V. Stuttgart, 1986; RegPatr; RPK.

[23] *Schreiner.* Texte; *Kugéas S.* Notizbuch eines Beamten der Metropolis in Thessalonike // BZ. 1914–1919. Bd. 23. S. 143–163.

[24] ASV, SM, XLVII; *Mertzios K.* Μνημεία μακεδονικής ιστορίας. Θεσσαλονίκη, 1947; *Rubió y Lluch A.* Diplomatari de l'Orient català (1301–1409). Colleccio de documents per a la historia de l'expedicio catalana a Orient i dels ducats d'Atenes i Neopatria / Ed. M.T. Ferrer i Mallol. Barcelona, 2001; *Jorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1896–1900. T. 4–8.

стров (defterler) и *вакуфных* грамот, которые создавались османской администрацией с XV в. Данные кадастров содержат ретроспективную информацию как о западновизантийской демографии, так и о византийском Понте[25]. Однако для нашей темы, в силу ее спе-

---

[25] MAD 828; *Barkan.* Osmanlı; *Demetriades V.* Τοπογραφία της Θεσσαλονίκης κατά την εποχή της τουρκοκρατίας. 1430–1912. Θεσσαλονίκη, 1983; *Balta E.* Les vakıfs de Serrès et de sa région (XVe et XVIe s.). Athènes, 1995; Hicrî 859 tarihli Sûret-i defter-i sancak-ı Tirhala / Metni bir giriş ile neşredenler M. Delilbaşı ve M. Arıkan. Ankara, 2001; XVI. yüzyıl Menteşe livası vakıfları (338 numaralı mufassal evkâf defteri H. 970 / M. 1562) / Hazır. A. Yiğit. Ankara, 2009; *Lowry H.* The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trabzon (ca. 1486–1583): PhD dissertation, Un. of California. Los Angeles, 1977; *Idem.* Trabzon şehrinin islamlaşması ve türkleşmesi: 1463–1583. İstanbul, 1981; Османские документальные источники о Грузии и Закавказье (XVII–XVIII вв.) / Тур. текст с груз. пер., введением, факсимиле и индексом подгот. А.Т. Велковым и Н. Шенгелия. Кн. II. Тбилиси, 1989; *Карпов С.П.* Сельское хозяйство Трапезундской империи по данным османской налоговой описи (ок. 1486 г.) // ВО. СПб., 2001. С. 23–38; *Lefebvre M.-M.* Timars alloués aux garnisons de plusieurs fortresses maritimes de la province de Trébizonde après 1461 // Byzantion. 1992. T. 62. P. 311–379; *Beldiceanu N.* Les sources ottomanes au service des études byzantines // Studien zur Geschichte und Kultur des vorderen Orients: Festschrift für Bertold Spuler zum siebzigsten Geburtstag. Leiden, 1981. P. 1–11; *Idem.* Biens monastiques d'après un registre Ottoman de Trébizonde (1487). Monastères de la Chrysoképhale et du Pharos // RÉB. 1977. T. 35. P. 175–213; *Idem.* L'empire de Trébizonde à traverse un registre ottoman de 1487 // АП. 1979. T. 35. P. 54–73; *Idem.* Les Qavāzid/Kabazitès à la lumière d'un registre ottoman de Trébizonde // Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor, XIX. Napoli, 1982. P. 41–54; *Beldiceanu N., Nasturel R.* Biens du monastère Sainte-Sophie de Trébizonde dans plusieurs bandons du pays à la charnière de la conquête (1461) // Byzantion. 1990. T. 60. P. 25–89; *Iidem.* Le monastère de la Théosképastos à la lumière d'un recensement ottoman de Trébizonde // Byzantion. 1985. T. 55. P. 260–331; *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I.* Biens des Amiroutzès d'après un registre ottoman de 1487 // TM. 1981. T. 8. P. 63–78; *Beldiceanu-Steinherr I., Ganchou Th.* Tarhaniyat/Menemen, de Byzance à l'Empire ottoman // Turcica. 2006. T. 38. P. 47–122; *Beldiceanu-Steinherr I.* Analyse de la titulature d'Orhan sur deux inscriptions de Brousse // Turcica. 2002. T. 34. P. 223–240; *Eadem.* La Conquête d'Andrinople par les Turcs: la pénétration turque en Thrace et la valeur des chroniques ottomanes // TM. 1965. T. 1. P. 439–461; *Eadem.* La conquête de la Bithynie maritime, étape décisive dans la fondation de l'État ottoman // Byzanz als Raum. Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraums / Hrsg. Kl. Belke, Fr. Hild, J. Koder, P. Soustal. Wien, 2000. P. 21–35; *Eadem.* La géographie historique de l'Anatolie centrale d'après les registres ottomans (communication du 30 avril 1982) // Comptes-rendus des séances de l'année: Académie des inscriptions et belles-lettres. 1982. 126e année / № 3. P. 443–503; *Eadem.* La population non-musulmane de Bithynie (deuxième moitié du XIVe s. — première moitié du XVe s.) // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 7–22; *Eadem.* Le destin des fils d'Orhan // Archivum Ottomanicum. 2005/2006. T. 23. P. 105–130; *Eadem.* L'installation des ottomans // La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. P., 2003. P. 350–374; *Eadem.* Notes pour l'histoire d'Alaşehir (Philadelphie) au XIVe siècle // Philadelphie et autres études. P., 1984. P. 17–37; *Eadem.* Pachymère et les sources orientales // Turcica. 2000. T. 32. P. 425–434; *Eadem.* Review: Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana / Hrsg. P. Schreiner.

цифических особенностей, османская документация дает мало информации: тюрки, принявшие до османского завоевания византийское подданство, и их потомки разочаровывающе редко различимы в тюркской же антропонимической номенклатуре этих источников.

Следующий по значимости корпус источников представлен нарративными текстами. Нарративные источники, в первую очередь историография, имеют двоякое значение. Во-первых, они дают политический и социальный фон, необходимый для любого социологического и культурологического исследования. Во-вторых, именно историография является следующим после документальных источников резервуаром сведений о тюркских поселенцах в византийском мире. Историографический нарратив имеет и существенное преимущество перед актовым материалом: историки часто прямо указывают на этническое происхождение персоны или группы лиц (что в документальных материалах встречается исключительно редко), иногда дают более или менее пространные описания как интересующих нас лиц, так и демографических и культурных процессов. В корпусе нарративных источников, несомненно, наибольшее значение имеют византийские тексты. Историки XIII в. и самого начала XIV в. — Никита Хониат (ок. 1155 — 1215 или 1216), Георгий Акрополит (1217–1282), Феодор Скутариот (ок. 1230 — после 1283), Георгий Пахимер (1242 — ок. 1310)[26] — со вниманием и, вместе с тем, профессиональным беспристрастием относятся к тюркской теме в византийской истории, отслеживая наиболее значимые события, не скупясь на пространные описания воздействия тюрков на византийскую жизнь и упоминания выходцев из тюркской среды. Наиболее информативен из них Георгий Пахимер, который описал не только войны империи с тюрками в Западной Анатолии и на Балканах (последняя четверть XIII — начало XIV в.), но и интенсивный приток тюрков в высшие слои общества и армию той эпохи. Византийская мысль в XIII в. еще не

Città del Vaticano, 1991 // Turcica. 1994. T. 26. P. 378–381; *Smyrlis K.* The First Ottoman Occupation of Macedonia (ca. 1383 — ca. 1403): Some Remarks on Land Ownership, Property Transactions and Justice // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Eds. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Chr.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008. P. 327–348.

[26] *Nic. Chon.*; *Acrop.*; *Skoutareiotes.* Ανωνύμου Σύνοψις Χρονική // Sathas K. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. Βενετία, 1914. T. 7. Σ. 1–556; *Pachym.* См. также комментированные переводы: *Magoulias H.J.* O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984; *Георгий Акрополит.* История / Пер. с древнегреч. П.И. Жаворонкова. СПб., 2003; *George Akropolites*. The History / Introd., trans. and commentary R. Macrides. Oxford, 2007.

воспринимала тюрков как смертельную угрозу существованию империи и потому относилась к ним вполне беспристрастно. Даже Пахимер, остро ощутивший потенциальную губительность неудач империи в анатолийских войнах, сохраняет профессиональную скрупулезность и уравновешенность в темах, касающихся тюрков и монголов.

Этого совсем не скажешь об историографии первой половины XIV в., которая представлена мемуарной и апологетической «Историей» Иоанна Кантакузина (ок. 1292 — 1383) и историческим сочинением его идеологического противника Никифора Григоры (нач. 1290-х — кон. 1350-х или нач. 1260-х)[27]. Для обоих историков тюрки превратились в весьма болезненную, жгучую тему. Причем оба автора весьма тенденциозно (хотя и каждый по-своему) развивают тюркскую проблематику.

Григора, отчасти в силу его высоких классицизирующих стандартов, вообще не склонен лишний раз упоминать тюрков. Тюрки и монголы на страницах его «Истории» появляются лишь при крайней необходимости (например, в случае их слишком разрушительных набегов) или когда их появление служит обвинению Кантакузина (тюркские союзники Кантакузина, его тесные контакты с ними). В этом отношении характерны письма Григоры: «персы» (т.е. «анатолийские тюрки» на языке XIV в.) упоминаются в большинстве случаев лишь в исторических реминисценциях на тему Александра Великого, Кира и т.д.[28]

Болезненность тюркской проблемы иначе проявила себя у Иоанна Кантакузина. С одной стороны, он так же, как и Григора, не склонен упоминать тюрков без особой нужды, но, с другой стороны, изо всех сил стремясь оправдать свои союзы с варварами, он зачастую дает совершенно неожиданную информацию, уникальную для всего корпуса византийской письменности. Так, по какой-то не совсем ясной сейчас причине и вопреки прежней византийской традиции Кантакузин оказывается весьма чутким к вопросу зна-

---

[27] *Cantac.*; *Greg.* Недавний русский перевод: *Никифор Григора.* История ромеев / Пер. Р. Яшунского. СПб., 2013–2014. Т. 1–2. Работа с «Историей» Григоры облегчается благодаря обширным комментариям (с указанием датировок и параллельных мест), которыми снабжено издание ее немецкого перевода: *Nikephoros Gregoras.* Rhomäische Geschichte / Übers., erläut. J.L. van Dieten. Bd. 1–6. Stuttgart, 1973–2007. Для первых трех книг Кантакузина эта работа проделана в: *Kantakuzenos, Johannes.* Geschichte / Übers., erläut. G. Fatouros und T. Krischer. Bd. 1–3. Stuttgart, 1982–2011. Не потеряли свое значение и много более ранние исследования: *Parisot V.* Cantacuzène homme d’état et historien. P., 1845; *Флоринский Т.Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1–2. СПб., 1882.

[28] *Guilland R.* Correspondance de Nicéphore Grégoras. P., 1927. P. 93, 98, 159, 203, 286.

ния византийцами языка тюрков. Он не только хвастает собственной способностью говорить на их языке, но и указывает еще на нескольких представителей византийской знати, умевших это делать. Среди своих современников Кантакузин, пожалуй, наиболее интересный и информативный автор для нашей темы: усиленно оправдываясь, он зафиксировал информацию, в целом не типичную для византийского нарратива. Григора, например, на протяжении всей своей обширной «Истории» ни словом не обмолвился о знании византийской знатью языка тюрков.

Эпоха Кантакузина и Григоры — воистину переломная эпоха, катастрофическая для византийского сознания. В результате самоубийственной политики Кантакузина в отношении тюрков византийцы впервые в своей истории остро прочувствовали надвигающуюся гибель, которую они уготовали себе сами. Нечто подобное видно и в писаниях других современников, например у Акиндина (1300–1348) и Кидониса (ок. 1324 — 1397/1398), которые усиленно избегают излишних упоминаний о тюрках, вовсю хозяйничавших тогда во Фракии[29]. Возможно, это было последствием экзистенциального шока, который византийское сознание сублимировало бегством от болезненной темы в идеально чистый и нетленный мир риторики[30].

Из историографов последующей эпохи наиболее интересен для нас Дука (ок. 1400 — после 1462)[31]. Это было уже другое поколение византийцев, давно свыкшееся с мыслью о неизбежном конце своей цивилизации, но так и не смирившееся с окончательной ката-

---

[29] Letters of Gregory Akindynos / Greek text, English translation A. Constantinides Hero. Washington, 1983; *Démétrius Cydonès*. Correspondance / Éd. R.J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. T. 1–2.

[30] О Кантакузине и его времени см.: *Bosch U.V.* Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965; *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Monch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969; *Werner E.* Johannes Kantakuzenos, Umur Paşa und Orhan // BS. 1965. T. 26. S. 255–276; *Idem.* Die Geburt einer Grossmacht — Die Osmanen. Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Wien, 1985; *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucureşti, 1974. Vol. I. P. 69–92; *Nicol D.M.* The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, c. 1295–1383. Cambridge, 1996; *Флоринский Т.Д.* Южные славяне…

[31] *Ducas*; комментированный перевод: *Magoulias H.J.* Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. Detroit, 1975; о нем: *Черноусов Е.* Дука, один из историков конца Византии // ВВ. 1915. Т. 21. С. 171–221; *Красавина С.К.* Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки // ВВ. 1973. Т. 34. С. 97–111; *Hunger H.* Die hochsprachliche… Bd. 1. S. 490–494; *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 198–199.

строфой и пытливо искавшее ей объяснение. Дука важен для наших целей не только как достоверный информатор о событиях того времени. Для людей этого поколения знание тюркского языка уже не было чем-то нарушающим интеллектуальную гигиену (как это было для Григоры и Кидониса)[32]. Дука в своем повествовании фактически позволяет себе двуязычие: нередко он описывает турецкие реалии, используя аутентичную турецкую терминологию, которую тут же переводит и растолковывает по-гречески. Этим он словно стремился добиться научной точности в описании реалий «чужой» жизни, а также и шире — в своей деконструкции падения византийской цивилизации.

Некоторый дополнительный материал содержится в историографии, создававшейся менее образованными византийцами, нежели перечисленные выше: это анонимные византийские «малые хроники», анонимная «Морейская хроника», «Трапезундская хроника» Михаила Панарета[33] и т.д., содержащие как фактический материал, так и разговорные языковые элементы, интересные для нашего исследования.

Следующий по значимости пласт информации содержится в восточных нарративных источниках — у персидских, арабских и турецких авторов. Наиболее важные из них — сельджукские хронисты Ибн Биби и Аксарайи, мамлюкские историографы Мухи ал-Дин б. ʿАбд ал-Захир, Байбарс Мансури и др.[34] Они в большей степени полезны для реконструкции и уточнения необходимого для нашего исследования общего событийного фона, не всегда хорошо изученного в современной историографии (как, например, история бегства сельджукского султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II в Константинополь). В восточной историографии временами встречаются и совершенно уникальные сведения о тюркском присутствии в Византии: так, османская хроника Йазыджизаде ʿАли[35]

---

[32] Ср.: *Anna Comn.* XV, 9: «...ἀλλ᾽ ἵνα μὴ τὴν γλῶτταν μολύνω τὴν ἐμαυτῆς...».

[33] *Schreiner.* Kleinchroniken; The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmitt. L., 1904. О «Морейской хронике» см.: *Shawcross T.* The Chronicle of Morea. Historiography in Crusader Greece. Oxford, 2009; *Panaretos*.

[34] *Ibn Bibi* (AS); *Ibn Bibi* (Duda) (необходимую библиографию см. в нашей недавней статье: *Shukurov R.* Ibn Bībī // Encyclopedia of the Medieval Chronicle / Ed. R.G. Dunphy. Leiden; Boston, 2010. P. 830–831); *Aqsarayi*; Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali. Tehran, 1999; Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par F.N. Uzluk. Ankara, 1952; *Baybars al-Mansuri al-Dawadar*. Zubdat al-fikra fi taʾrikh al-Hijra. History of the Early Mamluk Period / Ed. D.S. Richards. Beirut; B., 1998; *Muḥī al-Dīn b. ʿAbd al-Ẓāhir.* Al-Rawḍ al-ẓāhir fī sīrat al-Malik al-Ẓāhir / Ed. ʿAbd al-ʾAzīz al-Khuwayṭir. Al-Riyāḍ, 1976.

[35] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin); *Yazıcızâde Ali* (Bakır).

сообщает о переселении в Византию множества кочевых тюрок в 1260-х гг., а иранский историк и географ Хафиз Абру дает уникальную информацию о существовании криптомусульман на византийском Понте на рубеже XIV и XV вв.[36] Некоторая информация была почерпнута из западноевропейских нарративных текстов, авторы которых, однако, почти не интересовались натурализовавшимися в Византии тюрками[37].

Богатый материал касательно восточных влияний на дворцовый быт и византийскую чиновную иерархию содержат прозаические и поэтические трактаты «Табели о рангах», авторство которых в науке условно приписывается Псевдо-Кодину. В них содержится значительный пласт восточной лексики (восточные названия чинов и воинских подразделений), а также дается уникальный материал об императорских гвардейцах восточного происхождения, их роли в дворцовых церемониях, их мундирах и регалиях[38].

---

[36] *Hafiz Abru*. Geography. British Library. Or. 9316; *Idem*. Geography. British Library. Or. 1577; *Idem*. Geography. Bodleian Library. MS Elliott 357; *Хафиз Абру*. География. СПб. Публ. библиотека. Dorn 290. Критическое издание сочинения: *Hafiz-i Abru*. Jughrafiya-yi Hafiz-i Abru / Ed. Sadiq Sajjadi. Vol. 1–3. Tehran, 1997–1999.

[37] *Pertusi A.* La caduta di Costantinopli. T. 1: Le testimonianze dei contemporanei. Verona, 1976; *Cornet E.* Giornale dell'assedio de Costantinopoli 1453 di Nicolò Barbaro P.V. corredato di note e documenti. Vienna, 1856; *Leonardus Chiensis Mitylenaeus Archiepiscopus*. Notitia // PG. T. 159; *Brocardus*. Directorium ad passagium faciendum // RHC: Documents arméniens. P., 1869–1906. T. 2. P. 365–517; Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea compilado por comandamiento de Don Fray Johan Ferrandez de Heredia, maestro del Hospital de S. Johan de Jerusalem (Chronique de Morée au XIIIe et XIVe siècles publiée et traduite pour la première fois pour la Société de l'Orient Latin) / Ed. A. Morel-Fatio. Genève, 1885; Chronik des edlen En Ramon Muntaner / Hrsg. K. Lanz. Stuttgart, 1844; *Ramon Muntaner*. Cronica Catalana / Ed. A. de Bofarull. Barcelona, 1860; *Idem*. Les Almogavres. L'expédition des Catalans en Orient / Éd. et trad. J.-M. Barberà. Toulouse, 2002; *Lampros S.* Υπόμνημα περί των Ελληνικών χωρών και εκκλησιών κατά τον δέκατον πέμπτον αιώνα // ΝΕ. 1910. Τ. 7. Σ. 360–367; A Narrative of Italian Travels in Persia, in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Transl. and ed. Ch. Grey. L., 1873; *Клавихо Р. Гонзалес де*. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Текст, пер. и примеч. под ред. И.И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28; *Pero Tafur*. Travels and Adventures (1439–1453) / Transl. and ed. with an introd. M. Letts. L., 1926 (рус. пер.: Странствия и путешествия Перо Тафура (1453–1454) / Пер., предисл. и коммент. Л.К. Масиеля Санчеса. М., 2006).

[38] *Pseudo-Kodinos*. Traité; Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies / Eds. R. Macrides, J. Munitiz, D. Angelov. Farnham, 2013. См. также анализ этих трактатов в: *Поляковская М.А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011; *Она же*. Сакрализация парадной жизни византийского императорского дворца эпохи Палеологов // Известия Уральского гос. ун-та. 2009. № 4 (66). С. 229–237; *Она же*. Место императорской стражи в византийском церемониале XIV в. // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009. С. 437–444.

Византийская географическая и астрологическая литература имеет решающее значение не только для уяснения содержания концепта «тюрок», но и для реконструкции нараставшего дрейфа византийской географической номенклатуры от старых названий к новым, тюркским[39]. Крупицы информации (иногда весьма важные) обнаружились в византийской эпистолографии[40], народной литературе[41], каноническом праве[42], монастырских типиках[43], полемической литературе[44], агиографии[45].

Следует сказать, что все перечисленные типы и разновидности византийских текстуальных источников несут в себе в большей или меньшей мере лексические элементы, связанные с Востоком и Севером, и в частности с тюрками. Материалом для лексикологи-

---

[39] См. наиболее важные тексты: TH; *Libadenos*; *Nicephorus Blemmydes.* Conspectus geographiae // Geographi Graeci Minores / Ed. K. Müller. P., 1861. Vol. 2; *Idem.* Ἑτέρα ἱστορία περὶ τῆς γῆς // Ibid. P. 469–470; *Katrarios*; *Laskaris Kananos.* Reseanteckningar från de nordiska länderna / Utg. V. Lundström. Uppsala, 1902; Ioannis Canabutzae Magistri ad principem Aeni et Samothraces in Dionysium Halicarnasensem commentarius / Ed. M. Lehnerdt. Lipsiae, 1890; *Diller A.* A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // Isis. 1937. Vol. 27/3. P. 442–446; *Гукова С.Н.* К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ. 1983. Т. 44. С. 94–97; *Шангин М.А.* Новый географический текст // ВДИ. 1938. № 4. С. 252–255; *Mercier R.* An Almanac for Trebizond for the Year 1336. Louvain-la-Neuve, 1994.

[40] Γρηγορίου του Κυπρίου Επιστολαί / Εκδ. Σ. Ευστρατιάδης // Εκκλησιαστικός Φάρος. 1909. Τ. 4. Παράρτημα; Maximi monachi Planudis Epistulae / Ed. P.A.M. Leone. Amsterdam, 1991; The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, members of the imperial family, and officials / Ed., transl., and commentary A.-M. Talbot. Washington, 1975; Letters of Gregory Akindynos; *Guilland R.* Correspondance…; The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G.T. Dennis. Washington (DC), 1977; *Rhabdas.* Epistula; Theodori Gazae epistolae / Ed. P.A.M. Leone. Napoli, 1990. О византийской эпистолографии см.: *Сметанин В.А.* Византийское общество XII–XV веков (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987; *Karayannopoulos I.E., Weiss G.* Quellenkunde… Bd. 1. S. 83–86.

[41] Digenes Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen / Hrsg. E. Trapp. Wien, 1971; La satira bizantina dei secoli XI–XV / Ed. R. Romano. Turino, 1999; *Canivet P., Oikonomidès N.* La Comédie de Katablattas. Invective byzantine du XVe s. // Δίπτυχα. 1982–1983. Τ. 3. P. 5–97; *Bakker W.F., Gemert A.F. van.* Ιστορία του Βελισαρίου. Αθήνα, 2007.

[42] *Rhalles K., Potles M.* Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων. Τ. 1–6. Αθήνα, 1852–1859; Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. G. Prinzing. B.; N.Y., 2002.

[43] Английские переводы типиков с подробными комментариями см. в: Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Eds. J. Thomas, A.C. Hero, G. Constable. Vol. 1–5. Washington, 2000; там же см. указания на наиболее авторитетные издания греческих оригиналов.

[44] Византийские сочинения об исламе / Под ред. Ю.В. Максимова. М., 2006; *Kantakouzenos*. Contra Mahometem Apologia I–IV // PG. T. 154. Col. 372–584; *Kantakuzenos, Johannes.* Christentum und Islam. Apologetische und polemische Schriften / Griechisch-deutsche Textausgabe von K. Förstel. Würzburg; Altenberge, 2005; *Manuel II. Palaiologos*. Dialoge mit einem „Perser" / Hrsg. E. Trapp. Wien, 1966.

[45] *Lazaropoulos*; *Halkin F.* Hagiographica inedita decem. Turnhout; Leuven, 1989.

ческого анализа, представленного в последней главе книги, послужили, по существу, все жанры и типы греческих письменных источников. Наиболее информативными из них оказались утилитарные жанры — документальный материал, заметки купцов, астрологические тексты, в которых слабы диглоссийные фильтры. Интересный лексический материал и уникальные сведения о византийских дворцовых янычарах содержат мемуарные записки Сильвестра Сиропула[46]. Ценные данные о роли туркофонии в поздневизантийский период содержатся у Геннадия Схолария[47].

Наконец, несмотря на свою малочисленность, особое место занимают изобразительные источники: в первую очередь, это венецианский кодекс середины XIV в. с самой ранней рукописью «Романа об Александре», богато украшенный миниатюрами. Проблема заключается в том, что костюмы сподвижников Александра Великого, которые явно имитировали моду того времени, почти неотличимы от восточных, анатолийских[48]. Визуальные источники, содержащие данные по византийскому костюму, публиковались в монографиях Ж. Эберзольта, Э. Пильц, М. Парани, Дж. Болл[49]. Влияние Востока на византийскую архитектуру наиболее ярко проявилось в трапезундском храме Св. Софии, подробно описанном в недавней монографии Э. Истмонда[50]. Изобразительный материал, имеющий отношение к византийским тюркам, содержится и в сигиллографии[51].

В качестве сравнительного материала привлекался широкий круг преимущественно византийских нарративных источников прежних эпох, и в особенности X–XII вв. Некоторые затронутые

[46] Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438–1439) / Éd. et traduc. par V. Laurent. P., 1971.

[47] *Scholarios Georges*. Œuvres complètes / Éd. L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. P., 1928–1936. T. 1–8. Новейший анализ биографии и трудов Схолария: *Blanchet M.-H.* Georges Gennadios Scholarios (vers 1400 — vers 1472): un intellectuel orthodoxe face à la disparition de l'empire byzantin. P., 2008.

[48] Διήγησις Ἀλεξάνδρου. Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Post-Bizantini. Cod. gr. 5.

[49] *Ebersolt J.* Les arts somptuaires de Byzance. Étude sur l'art impérial de Constantinople. P., 1923; *Piltz E.* Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994; *Parani M.G.* Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries). Leiden; Boston, 2003; *Ball J.* Byzantine Dress: Representations of Secular Dress. Basingstoke, 2005.

[50] *Eastmond A.* Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium. Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Aldershot, 2004.

[51] См., например: *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. М., 1991; *Laurent V.* Les bulles métriques de la sigillographie Byzantine // Ἑλληνικά. 1932. T. 5. P. 191–228, 321–360; *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2003–2009. Vol. 1–3.

в работе темы (проблема византийской классификации тюрок и лексикологическая часть) потребовали расширения нижней хронологической рамки на несколько столетий. Наиболее полезными оказались Константин Багрянородный, Атталиат, Скилица, Анна Комнина, Иоанн Киннам, Птохопродром, Иоанн Цец, Евстафий Солунский и др.[52]

3. Историографический очерк

Выше, при постановке проблемы, уже говорилось о наиболее перспективных линиях в изучении византийско-тюркских отношений, которые прямо повлияли на наш выбор темы и ее развитие. Хотя избранный нами аспект византийско-тюркского взаимодействия в науке систематически не разрабатывался, однако его полноценное исследование не может обойтись без широкого фактографического и концептуального контекста. Этот контекст с неизбежностью учитывался и влиял на ход нашего исследования. Начнем с тех работ, которые (помимо упомянутых выше) оказались наиболее полезными для решения наших задач.

Нельзя сказать, что проблема тюркского присутствия в поздней Византии совсем не привлекала внимания исследователей в последние десятилетия. Конечно, ныне не может быть сомнений в существовании тюркских поселенцев на территории империи[53]. Однако

---

[52] *Constantin VII Porphyrogénète*. Le livre des cérémonies / Commentaire par A. Vogt. T. 1–2. P., 1967; *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. Gy. Moravcsik. English translation by R.J.H. Jenkins. New, rev. ed. Washington, 1967; Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / Rec. J.J. Reiske. T. 1. Bonn, 1829; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989; *Attal.*; Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. H. Thurn. B.; N.Y., 1973; *Hunger H.* Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes // BZ. 1953. Bd. 46. S. 302–307; Ioannis Tzetzae Historiae / Rec. P.A.M. Leone. Napoli, 1968; Die Theogonie des Johannes Tzetzes aus der bibliotheca Casanatensis / Hrsg. I. Bekker // AKAW. Aus dem J. 1840. B., 1842. S. 147–169; *Moravcsik Gy.* Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes // BNJ. 1930. Bd. 7 (1928–1929). S. 352–365; *Anna Comn.*; *Анна Комнина*. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я.Н. Любарского. СПб., 1996; *Cinn.*; *Eideneier H.* Ptochoprodromos. Einfrührung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar. Köln, 1991; Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula / Ed. Th.L.F. Tafel. Frankfurt am Main, 1832; Eustathii Thessalonicensis Opera minora / Ed. P. Wirth. B.; N.Y., 2000; *Eustathius Thessalonicensis*. Commentarium in Dionysii periegetae orbis descriptionem // Geographi Graeci Minores. Vol. 2. P. 201–407.

[53] *Atabinen R.S.* Les Turcs à Constantinople du Ve au XVe siècle // Revue d'Histoire diplomatique. 1953. T. 67. P. 338–364; *Balivet M.* Les turcs dans Byzance avant 1453 // Balivet M. Turcobyzantiae... P. 115–131; *Charanis P.* The Formation of the Greek People // The "Past" in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1978. P. 97; *Idem.* The Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire // Comparative

тюрки на византийских территориях до сих пор рассматриваются в рамках двух традиционных для византинистики тем — «иностранцы в Византии» и «византийская аристократия». Первая тема заострена на изучении торговцев, послов и других представителей иностранных государств, наемников-солдат, художников, путешественников, т.е. категории лиц, которые являются иностранными подданными и находятся на территории империи лишь временно[54]. Очевидно, что, несмотря на кажущуюся близость, вопрос об иностранцах имеет лишь опосредованное отношение к проблеме тюрок, натурализовавшихся в Византии и ассимилировавшихся с местным населением. Тем не менее в рамках его разработки было сделано много того, что может прояснить и нашу проблематику.

В первую очередь я имею в виду несколько концептуальных работ, затронувших сюжеты, значимые для нашего исследования. Во-первых, это уже упоминавшаяся выше работа С. Вриониса «Византийское и тюркское общество и источники их людского ресурса»[55]. С. Врионис, рассуждая о территориальных потерях Византий-

---

Studies in Society and History. 1961. Vol. 3/2. P. 148–152; *Vryonis*. Manpower. P. 125–140; *Asdracha C.* La région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: étude de géographie historique. Athen, 1976. P. 75–84; *Đoković Z.* Stanovništvo istočne Makedonije u prvoj polovini XIV veka // Зборник радова Византолошког института. 2003. Т. 40. С. 97–244; *Zachariadou E., Kazhdan A.* Turks in Byzantine Service // ODB. Col. 2129–2130.

[54] Некоторые исследования, развивавшие тему «иностранцы в Византии»: *Canard M.* Les relations politiques et sociales entre Byzance et les Arabes // DOP. 1964. Vol. 18. P. 33–56; *Laiou A.* The Foreigner and the Stranger in 12th-century Byzantium: Means of Propitiation and Acculturation // Fremde der Gesellschaft. Historische und sozialwissenschaftliche Untersuchungen zur Differenzierung von Normalitat und Fremdheit Herausgegeben / Hrsg. M.Th. Fagen. Frankfurt am Main, 1991. P. 71–97; *Smythe D.C.* Byzantine Perceptions of the Outsider in the 11th and 12th Centuries: A Method. PhD Thesis. University of St. Andrews, 1993; *Guillou A.* La frontière pour les byzantins. Le barbare et le voisin // Byzance et ses voisins. Mélanges à la mémoire de G. Moravcsik. Szeged, 1994. P. 8–12; Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего государства: Тез. докл. конф. Москва, 23–25 июня 1997 г. М., 1997; *Reinert S.W.* The Muslim Presence in Constantinople, 9th–15th Centuries: Some Preliminary Observations // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 125–150; Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider / Ed. D.C. Smythe. Aldershot, 2000; *Halsall G.* Funny Foreigners: Laughing with the Barbarians in Late Antiquity // Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. Halsall. Cambridge, 2002. P. 89–113; *Jacoby D.* Foreigners and the Urban Economy in Thessalonike, ca. 1150 — ca. 1450 // DOP. 2003. Vol. 57. P. 85–132; *Korobeinikov D.* A Sultan in Constantinople: the Feasts of Ghiyāth al-Dīn Kay-Khusraw I // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19): Food and Wine in Byzantium / Eds. L. Brubaker and K. Linardou. L., 2007. P. 93–108; *Anderson G.D.* Islamic Spaces and Diplomacy in Constantinople (Tenth to Thirteenth Centuries C.E.) // Medieval Encounters. 2009. Vol. 15. P. 86–113.

[55] *Vryonis*. Manpower.

ской империи в последние столетия ее существования, совершенно правомерно ставит вопрос и о неизбежном параллельном истощении византийского человеческого ресурса. Именно недостаток людского материала для армии подвигал византийцев опираться на иностранных наемников, в первую очередь тюрков. Это происходило в последние десятилетия XI в. — в эпоху Алексея I Комнина, в начале XIII в. в Западной Малой Азии в эпоху Феодора I Ласкариса, со второй четверти XIV в. Данное наблюдение С. Вриониса, весьма существенное для нас, подталкивает искать ответ и на следующий вопрос: а что, собственно, становилось потом с этой привлеченной людской силой?

Другая работа, имеющая важные пересечения с нашим интересом, принадлежит Ангелики Лайю: «Иностранец и чужак в Византии XII в.: пути его умиротворения и аккультурации». Несмотря на то, что статья посвящена иностранцам и выходит за наши хронологические рамки, ее концептуальный вектор имеет прямое отношение к рассматриваемой нами теме. Во-первых, в статье дается весьма детальная терминологическая проработка: подробно обсуждаются все возможные в греческих текстах определения и обозначения иностранца, чужака; во-вторых, обсуждаются традиционные византийские инструменты не столько даже «умиротворения» иностранца (как это определяет автор), сколько его ассимиляции и натурализации. Такой сдвиг в постановке вопроса заставляет нас искать в материале XIII–XV вв. ответы на вопрос о том, насколько осевшие в Византии тюрки продолжали считаться чужаками, а также проанализировать конкретные механизмы натурализации переселенцев.

В концептуальном смысле важна и статья Чарльза Бранда, которая также выходит за хронологические пределы нашего исследования[56]. Автор дает скрупулезное описание тюрков в высших классах Византии XII в., подробно обсуждая пути их проникновения в византийское общество, отношение к ним их современников, их культурный уровень, восстанавливает их биографии. Хотя Ч. Бранд и ставит вопрос о тюрках в средних и низших классах, однако убедительно развить эту тему ему не удается в силу опоры исключительно на нарративные источники.

Тема «иностранцев-чужаков» имеет и другой аспект, связанный с реконструкцией образов тюрков-чужаков в византийской литературе. Исследования, посвященные формированию и содержанию образа тюрков в XI–XV вв., стали особенно интенсивными

[56] *Brand.* Turkish.

в последние десятилетия. Для XI–XII вв. это работы Н. Икономидиса, Э. Стоуна, К. Дура́ка, А. Байхаммера[57]; эту тему подробно затрагивает и упомянутая статья Ч. Бранда. Для XIII–XV вв. наибольший вклад в исследование данного вопроса внес Мишель Баливе[58]. Повторимся: несмотря на значимость этих статей для нашей работы, упомянутые исследователи так и не вышли за рамки темы «иностранцев-чужаков».

Другая традиционная тема, «византийская аристократия», прямо относится к предмету нашего исследования. Некоторые знатные индивиды и семьи тюркского происхождения удостоились специальных исследований[59]. Однако этим работам, посвященным частным вопросам, недостает концептуального заряда. Они содержат ценный фактический материал, но недостаточны для понимания роли тюркского элемента в византийском обществе.

Итак, как мы видим, внимание исследователей редко привлекает последующая судьба тюркских наемников и переселенцев, военнопленных и рабов, которые навсегда осели на территории империи. До сих пор отсутствует обобщающее исследование о роли тюркского элемента в этническом составе поздней Византии: мы не знаем, представляли ли собой тюркские поселенцы компактные этнические группы, где они расселялись и даже — какова была их религиозная принадлежность. О натурализовавшихся на территории империи тюрках упоминают лишь походя. Симптоматично, что два весьма добротных сборника, посвященных «внутренней диаспоре» и «этническим и религиозным меньшинствам»

---

[57] *Vryonis S.* Byzantine attitudes toward Islam during the Late Middle Ages // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1971. Vol. 12, № 2. P. 263–286; *Oikonomides N.* The Turks in the Byzantine Rhetoric of the Twelfth Century // Decision Making and Change in the Ottoman Empire / Ed. C.E. Farah. Kirksville, 1993. P. 149–155; *Idem.* The Turks in Europe (1305–13) and the Serbs in Asia Minor (1313) // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 163–164; *Stone A.F.* Stemming the Turkish Tide: Eustathios of Thessaloniki on the Seljuk Turks // BS. 2004. T. 62. P. 125–142; *Durak K.* Defining the 'Turk': Mechanisms of Establishing Contemporary Meaning in the Archaizing Language of the Byzantines // JÖB. 2009. Bd. 59. P. 65–78; *Beihammer A.* Die Ethnogenese der seldschukischen Türken im Urteil christlicher Geschichtsschreiber des 11. und 12. Jahrhunderts // BZ. 2009. Bd. 102. S. 589–614; *Idem.* Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries) // Al-Masāq. 2011. Vol. 23/1. P. 15–36.

[58] *Balivet M.* Byzantins et Ottomans…; *Idem.* Mélanges byzantins…; *Idem.* Turcobyzantiae…

[59] *Laurent V.* Une famille turque au service de Byzance. Les Mélikès // BZ. 1956. Bd. 49. P. 349–368; *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί απόγονοι του Ιζζεδίν Καικαούς Β' στη Βέροια // Μακεδονικά. 1964–1965. Τ. 6. Σ. 62–74; *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии (XIII — середина XIV в.). Ч. 1: Тюркская аристократия // ВВ. 2006. Т. 65. С. 168–169.

в Византии, обходят молчанием проблему византийских тюрков[60]. Лишь в один из сборников включена статья С. Райнерта о мечетях в Константинополе: хотя сама по себе она весьма серьезная и новая, однако вновь фокусируется на исследовании «иностранцев»[61].

Отсутствие обобщающих работ о византийских тюрках вполне объяснимо, поскольку любое этнодемографическое исследование, касающееся поздневизантийской эпохи, сталкивается с почти непреодолимыми трудностями методологического характера. Этнический состав западновизантийских земель и византийского Понта характеризовался чрезвычайной пестротой. Западноанатолийский регион в XIII в., как кажется, был в наибольшей степени гомогенным: большинство населения составляли греки и некоторое количество тюрков. На Балканах в XIII–XV вв. сосуществовали в тесном контакте друг с другом по крайней мере четыре крупные этнические группы — греки, болгары, сербы и албанцы. Наличие западноевропейских, тюркских, армянских, валашских, цыганских и еврейских поселенцев на Балканах делает виртуальную этническую карту византийских территорий еще более сложной и запутанной[62]. Этнический состав подданных Трапезундской империи был также весьма разнообразен, может быть, как нигде в Анатолии. Главенствующим народом там были греки; вероятно, вторым по численности этносом был картвельский (лазы и чаны); заметный слой составляли армяне (в частности, амшенские); как будет показано ниже, источники фиксируют присутствие на византийском Понте также тюрков (как огузов, так и кыпчаков), арабов, курдов, монголов, персов; относительно многочисленной была и община натурализовавшихся итальянцев[63]. К этому еще надо добавить контекст бурных военно-политических событий того времени, как внутри византийских анклавов, так и за их пределами, приводивших к частым и радикальным сдвигам политических границ, за-

---

[60] Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998, особенно см. статью А. Лайю: *Laiou A.E.* Institutional Mechanisms of Integration // Ibid. P. 161–181; Ethnische und religiöse Minderheiten in Kleinasien. Von der hellenistischen Antike bis in das byzantinische Mittelalter / Hrsg. P. Herz, J. Kobes. Wiesbaden, 1998; *Dagron G.* Minorités ethniques et religieuses dans l'Orient byzantin à la fin du Xe et au XIe siècle: L'immigration syrienne // TM. 1976. T. 6. P. 177–216; *Makris G.* Die Gasmulen // Θησαυρίσματα. 1992. T. 22. S. 44–96.

[61] *Reinert S.W.* The Muslim Presence in Constantinople…

[62] См. обобщающие исследования, учитывающие этническую карту Балкан в Средневековье: *Fine J.V.A.* The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor, 1994; *Idem.* When Ethnicity Did Not Matter in the Balkans: A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early Modern Periods. Ann Arbor, 2006.

[63] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 52–55.

воеваниям и отступлениям, к движению больших групп людей и, как можно думать, к повторяющимся изменениям этнической карты. Сохранившиеся источники часто недостаточны для достоверной реконструкции этнических изменений, происходивших на византийских территориях. На сегодняшний день возможна лишь предельно общая и преимущественно статическая картина этнической ситуации. На нынешнем этапе исследований диахронный анализ этнических изменений зачастую оказывается неосуществимым из-за нехватки сохранившихся сведений.

Как уже говорилось, отправной точкой настоящего исследования является ономастический анализ личных имен и географических названий, сохранившихся в поздневизантийских источниках. Именно ономастика позволяет судить об этническом составе населения с относительно высокой точностью. Однако в целом следует отметить, что ономастические исследования занимают гораздо более скромное место в современной византинистике, нежели, например, в истории античности и медиевистике[64]. Между тем во многих случаях ономастика позволяет восполнить лакуны в традиционных источниках. Можно упомянуть несколько византинистских работ, в которых ономастика широко использовалась

[64] См., например: Personal Names Studies of Medieval Europe. Social Identity and Family Structures / Eds. G.T. Beech, M. Bourin, P. Chareille. Kalamazoo, 2002; Greek Personal Names. Their Value as Evidence / Eds. S. Hornblower, E. Matthews. Oxford, 2000; *Huyse Ph.* Iranische Namen in den griechischen Dokumenten Ägyptens // Iranische Namen in Nebenüberlieferungen Indogermanischer Sprachen. Bd. 5, Fasz. 6a. Wien, 1990. Добротный обзор ономастики как исторического источника по средневековой Европе см. в: *Shagrir I.* Naming Patterns in the Latin Kingdom of Jerusalem. Oxford, 2003. P. 1–22. Исследования по поздневизантийской ономастике: *Moritz H.* Die Zunamen bei den byzantinischen Historikern und Chronisten. Bd. 1–2. Progr. des K. Hum. Gymnasiums in Landshut für das Schuljahr 1896/1897, 1897/1898; *Laiou A.E.* Peasant Names in Fourteenth-Century Macedonia // Byzantine and Modern Greek Studies. 1975. Vol. 1. P. 71–95; *Eadem.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977 (особенно см. Chapter IV "Names"); *Lefort J.* Anthroponymie et société villageoise (X^e^–XIVe siècle) // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. II: VIIIe–XVe siècle / Éd. V. Kravari, J. Lefort et C. Morrisson. P., 1991. P. 225–238; *Idem.* Toponymie et anthroponymie: le contact entre Grecs et Slaves en Macédoine // Castrum 4. Frontière et peuplement dans le monde méditerranéen au Moyen Âge / Éd. J.-M. Poisson. Rome; Madrid, 1992. P. 161–171; *Malingoudis Ph.* Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. Wiesbaden, 1981; *Brunet F.* Sur l' hellénisation des toponymes slaves en Macédoine byzantine // TM. 1985. T. 9. P. 235–265; *Kravari V.* L'hellénisation des Slaves de Macédoine orientale, au témoignage des anthroponymes // ΕΥΨΥΧΙΑ: Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. P., 1998. Vol. 2. P. 387–397; *Целебџи Д.* Словенски антропоними у судским актима Димитрија Хоматина // Зборник радова Византолошког института. 2006. Т. 43. С. 483–498; *Ђоковић З.* Проучавање словенске антропонијске грађе у практицима XII и XIII века // Там же. С. 499–516. Указания на другие важные работы по поздневизантийской ономастике, и особенно топонимике, см. в последующих ссылках.

для реконструкции этнических и социальных процессов и на которые я ориентировался в методическом плане. Это работы по истории Равенны О.Р. Бородина, А. Гийю, Т.С. Брауна, которые анализировали греческую антропонимику в византийской Италии, работы А.П. Каждана об армянах в Византийской империи[65], антропонимические разработки Ангелики Лайю в ее демографическом и социально-экономическом исследовании крестьянских общин в Македонии[66], просопографические работы о византийских знатных семействах[67]. Следует упомянуть и современные антропонимические исследования французской школы[68]. Топонимика предоставляет богатый материал о расселении франков на Пелопоннесе[69]. В отношении Трапезундской империи антропонимика и топонимика являются чуть ли не единственным свидетельством

[65] *Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII вв. Барнаул, 1991; *Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'Empire byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1972; *Brown T.S.* Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. AD 554–800. Rome, 1984; *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византии XI–XII вв. Ереван, 1975; *Он же.* Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. // BZ. 1973. Bd. 66. С. 47–60; *Он же.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; *Kazhdan A.P., Ronchey S.* L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1999. О славянской антропонимике см.: *Дуйчев И.* Славянски местни и лични имена във византийските описни книги // Известия на Институт за български език. 1962. Кн. 8. С. 197–215. Антропонимика в армянских источниках анализировалась в: *Garsoïan N.G.* Notes préliminaires sur l'anthroponymie arménienne du Moyen Âge // L'anthroponymie. Document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux: Actes du colloque international… Rome, 1996. P. 227–239.

[66] *Laiou A.* Peasant Society…

[67] См., например: *Varzos*. Γενεαλογία; *Papadopulos A.Th.* Versuch einer Genealogie der Palaiologen. 1259–1453. München, 1938; *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography…; *Nicol D.M.* The Byzantine Family of Kantakouzenos. Washington, 1968; *Božilov I.* Les Bulgares dans la préséance et dans l'administration Byzantine // Études balkaniques. 1978. T. 14. P. 112–120; *Божилов И.* Асеневци (1186–1400). Генеалогия и просопография. София, 1985; Études prosopographique / Éd. J.-C. Cheynet, J.-F. Vannier. P., 1986; *Magdalino P.* Prosopography and Byzantine Identity // Fifty Years of Prosopography. The Later Roman Empire, Byzantium and Beyond / Ed. A. Cameron. Oxford, 2003. P. 41–56.

[68] Hommes et richesses dans l'Empire byzantin / Éd. V. Kravari, J. Lefort et C. Morrisson. T. II. P., 1991. P. 225–238: Anthroponymie et société villageoise (X[e]–XIVe siècle).

[69] *Kahane H., Kahane R.* The Western Impact on Byzantium: The Linguistic Evidence // DOP. 1982. Vol. 36. P. 127–153; *Iidem.* Italienische Ortsnamen in Griechenland. Athen, 1940; *Iidem.* Abendland und Byzanz // Reallexikon der Byzantinistik / Hrsg. P. Wirth. Amsterdam, 1970. S. 345–634 (Sprache); *Kahane H., Kahane R., Tietze A.* The Lingua Franca of the Levant: Turkish Nautical Terms of ltalian and Greek Origin. Urbana, 1958; *Markl O.* Ortsnamen Griechenlands in frankischer Zeit. Graz; Köln, 1966; *Bon A.* La Morée franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaia, 1204–1430. P., 1969. T. 1.

фактического этнического разнообразия понтийского населения[70]. Перечисленные работы в целом подтверждают эффективность ономастики как средства социоантропологического и культурологического анализа.

Поскольку этимологии лежат в основе многих разделов нашей работы, необходимо отметить также ряд изданий по лексикографии среднегреческого языка. Еще в начале XX в. была осознана необходимость сбора и анализа восточных заимствований в среднегреческом. Одной из первых попыток явилась диссертация и основанная на ней монография М. Триандифилидиса[71]. Его изыскания были лишь самым первым подходом к разработке темы: автору удалось собрать лишь малую часть содержащихся в византийской литературе восточных заимствований. Как бы то ни было, М. Триандифилидис внес заметный вклад в дальнейшие исследования своей попыткой выделить фонетические закономерности включения восточных слов в греческий. Задача по сбору и этимологизации восточной ономастики в византийских текстах была облегчена фундаментальным двухтомным справочником Д. Моравчика, изданным в исправленном и дополненном виде в 1958 г.[72] В первом томе исследования дается библиографический обзор истории тюркских народов с IV по XV в. в их отношениях с Византией, обширный каталог византийских источников, содержащих сведения о тюрках, с указанием рукописей, изданий и переводов. Для своего времени это наиболее полный справочный очерк по историографии и источниковедению, по своей значимости выходящий далеко за пределы византийско-тюркской проблематики. Второй том представляет собой словарь восточной ономастики в византийских текстах с IV по XV в., обнимающий антропоними-

---

[70] О натурализовавшихся латинянах на византийском Понте см.: *Шукуров Р.М.* Латиняне в сельской Мацуке (XIII–XV вв.) // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова… С. 627–642. О картвелах в Трапезундской империи см.: *Жордания Э.Г.* Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Ч. I: Лазы // BS. 1996. Vol. 57. С. 125–139; *Он же.* Этнический состав населения и некоторые вопросы топонимики Понта в XIII–XV вв. Ч. II: Чаны // BS. 1999. Vol. 60. С. 71–86; *Он же.* Картвельское население Понта в XIII–XV вв.: Дис. … канд. наук: 07.00.03. М., 2002.

[71] *Triandaphyllidis M.* Studien zu den Lehnwörtern der mittelgriechischen Vulgärliteratur. Inaugural-Dissertation einer hohen philosophischen Fakultät Sektion I der Ludwig-Maximilians-Universität zu München… Marburg, 1909; *Idem.* Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur. Strassburg, 1909.

[72] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Мы пользовались лейденским репринтом последнего, третьего издания (1958 г.), который снабжен предисловием О. Карсая с некоторыми библиографическими добавлениями. См. также: *Каждан А.П.* Рец. на: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica // ВВ. 1959. Т. 16. С. 271–287.

ку, топонимику и другую лексику, заимствованную византийцами. Лексика, вошедшая в словарь, сопровождается этимологическими комментариями, указываются источники, в которых встречается то или иное слово, и соответствующие исследования. Д. Моравчик стремился каталогизировать всю лексику, так или иначе касающуюся тюркских народов. Поэтому помимо тюркизмов в его справочник вошло и некоторое количество арабских и персидских слов, заимствованных тюрками. Однако автор не ставил перед собой задачу исследовать арабизмы и иранизмы систематически. Д. Моравчиком был выполнен титанический труд, который не потерял своего значения и по сей день. Но у этого исследования есть и существенные недостатки. Из-за чрезвычайно широкого хронологического охвата автору не всегда удается выдерживать заданный им самим высокий уровень исследования. Это привело к большим лакунам в антропонимике и микротопонимике поздневизантийского периода. Этимологии, предложенные Д. Моравчиком, зачастую недостаточны, а иногда и ошибочны. Несомненно, собранный им гигантский материал требует сегодня существенного дополнения и серьезного пересмотра.

Важны для наших целей общие работы по лексикографии среднегреческого. Наряду со стандартными справочниками Х.Г. Лидделла и Р. Скотта, Дж. Лампе и Э. Софоклиса[73], тут в первую очередь следует назвать не потерявший своей ценности словарь Ш. Дюканжа[74], а также лексиконы Э. Криараса[75] и Э. Траппа[76]; последние два до сих пор не завершены. Незаменимым ресурсом для работы с лексическим материалом византийского времени является электронный портал The Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature (University of California, Irvine, USA)[77]. Для работы с понтийским диалектом наиболее значим словарь А. Пападопулоса, охвативший лексику как XX в., так и прежних эпох, включая локальные понтийские диалекты[78]. В сравнительном ключе нами ис-

[73] *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon / Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, 1996; *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1969; *Sophocles E.A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods from B.C. 146 to A.D. 1100. Hildesheim; Zürich; N.Y., 1992. Vol. 1–2.

[74] *Du Cange.* Glossarium.

[75] *Kriaras*. Λεξικό.

[76] LBG.

[77] TLG (http://www.tlg.uci.edu/).

[78] *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν; *Emiroğlu K.* Trabzon-Maçka Etimoloji Sözlüğü. Ankara, 1989. См. также: *Oikonomides D.* Die Lautlehre des Pontischen. Leipzig, 1908; *Tompaïdes D.E.* Η ποντιακή διάλεκτος. Αθήνα, 1988.

пользовался материал греческого диалекта Италии[79]. Однако нельзя не отметить, что восточные этимологии для византийской лексикологии до сих пор составляют слабое место в сравнении с латинскими, средневековыми западноевропейскими и славянскими. Парадоксально, но лексикографы-византинисты в большинстве своем, как кажется, почитают их за что-то второстепенное. Так, в упомянутых современных словарях Э. Криараса, А. Пападопулоса, Э. Траппа этимологии восточных заимствований в среднегреческом по большей части неудовлетворительны — либо недостаточны, либо ошибочны. Тем не менее при разработке нашей темы нельзя не учитывать эти и другие работы по лексикографии среднегреческого, дающие богатый сравнительный материал. Важное значение имеют частные словари к тому или иному произведению или автору, часть этих работ прямо касается восточных заимствований[80].

Между среднегреческим и новогреческим языками существует тесная преемственность, поэтому в нашем исследовании активно использовались словари новогреческого языка — Н. Андриотиса, Г. Вавиниотиса, Д. Димитракоса[81]. Зачастую данные восточных заимствований в новогреческом помогали этимологизировать византийскую лексику — ниже этому сюжету в нашей работе будет посвящено много страниц. Приходилось обращаться и к специальным этимологическим словарям греческого[82], и к справочникам по средневековой латыни[83]. Привлекались также и многие другие

---

[79] *Caracausi G.* Lessico greco della Sicilia e dell'Italia meridionale (secoli X–XIV). Palermo, 1990.

[80] См., например: Lexicographica Byzantina: Beiträge zum Symposion zur Byzantinischen Lexikographie (Wien, 1.–4. 3. 1989) / Hrsg. W. Hörandner, E. Trapp. Wien, 1991; *Trapp E.* Lexicographical Notes, Illustrating Continuity and Change in Medieval Greek // DOP. 1994. Vol. 48. P. 243–255; *Schreiner P.* Slavisches in den griechischen Athosurkunden // «Tgolí chole Mêstró»: Gedenkschrift für Reinhold Olesch / Hrsg. R. Lachmann, A. Lauhus, T. Andowski, B. Zelinsky. Köln; Wien, 1990. S. 307–316; *Vagiakakos D.* Διαλεκτικά εκ του μεσαιωνικού Πόντου // ΑΠ. 1964. Τ. 26. Σ. 267–289; *Dawkins R.M.* The Nature of the Cypriot Chronicle of Leontios Makhairas. Oxford, 1945; *Aerts W.J.* Ein Lexikon (in statu nascendi) zur Chronik von Morea // Lexicographica Byzantina… S. 1–10; *Aerts W.J., Hokwerda H.* Lexicon on The Chronicle of Morea. Groningen, 2002.

[81] *Andriotes.* Ετυμολογικό; *Babiniotis.* Λεξικό; *Demetrakos D.* Μέγα Λεξικόν ʻΟλης της Ελληνικής Γλώσσης. Αθήνα, 1953. Τ. 1–15.

[82] *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1–4. P., 1968; *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Heidelberg, 1960–1972.

[83] *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearbeitete Aufl. von J.B. Hofmann. Heidelberg, 1938; *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976; *Latham R.E.* Revised Medieval Latin Word-List from British and Irish Sources. Oxford, 1983.

общие и частные исследования по греческой лингвистике[84] и восточным заимствованиям в греческом[85]. Необходимым подспорьем явились публикации по греческой антропонимике[86]. Особую важность имеет небольшое исследование Д. Томпаидиса о тюркских фамильных именах у современных греков, мало известное византинистам[87]. В силу отмеченной преемственности между поздневизантийской и новогреческой культурой заметное число имен, зафиксированных в справочнике Д. Томпаидиса, встречается и в поздневизантийской письменности. Восточные заимствования в среднегреческом в сравнительном ключе проверялись также и на предмет их вхождения в славянские языки в XIX в.[88]

Весьма разнообразен и привлеченный материал по тюркскому, персидскому и арабскому языкознанию. Это стандартные словари[89],

[84] *Buturas A.* Ein Kapitel der historischen Grammatik der griechischen Sprache. Leipzig, 1910; *Lampsides O.* Sprachliches zu den Vazelonos-Urkunden // BZ. 1935. Bd. 35. S. 18–19; *Idem.* Γλωσσικά σχόλια εις μεσαιωνικά κείμενα του Πόντου // ΑΠ. 1952. Τ. 17. Σ. 227–238; *Schwyzer.* Griechische Grammatik; *Dawkins*. Modern Greek; *Idem.* Notes on the Study of Modern Greek of Pontus // Byzantion. 1931. T. 6. P. 389–400; *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν; *Horrocks G.* Greek: A History of the Language and its Speakers. L.; N.Y., 1997; *Mackridge P.* The Pontic Dialect: A Corrupt Version of Ancient Greek? // JRS. 1991. Vol. 4. № 4. P. 335–339; *Browning R.* Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1969; *Idem.* The Language of Byzantine Literature // The “Past” in Medieval and Modern Greek Culture. P. 103–134; *Karapotosoglou.* Ετυμολογικά.

[85] *Caracausi G.* Arabismi medievali di Sicilia. Palermo, 1983; *Georgiadis P.* Die lautlichen Veränderungen der türkischen Lehnwörter im Griechischen: Dissertation... München, 1974; *Symeonidis*. Lautlehre; *Zerzelides.* Ερμενευτική; *Georgacas D.* The Names for the Asia Minor Peninsula and a Register of Surviving Anatolian Pre-Turkish Placenames. Heidelberg, 1971; *Idem.* Ichthyological Terms for the Sturgeon and Etymology of the International Terms *Botargo*, *Caviar* and Congeners (A Linguistic, Philological and Culture-Historical Study). Athens, 1978.

[86] *Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3. Aufl., neu bearbeitet von G. Benseler. Bd. 1–2. Braunschweig, 1911 (repr.: Graz, 1959); *Frazer P.M., Matthews E.* A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 1–4. Oxford, 1987–2005; *Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l’Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980; *Trapp* 1978; *Cheynet J.-C.* Du prénom au patronyme: les étrangers à Byzance (X^e^–XIIe siècles) // Studies in Byzantine Sigillography / Ed. N. Oikonomides. Washington, 1987. P. 57–66; *Nimet A.* Die türkische Prosopographie bei Laonikos Chalkokandyles: Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Hamburgischen Universität. Hamburg, 1933; *Hartmann R.* Zur Wiedergabe türkischer Namen und Wörter in den byzantinischen Quellen. B., 1952. S. 1–12.

[87] *Tompaïdes*. Ελληνικά.

[88] *Miklosich.* Die Türkischen.

[89] Например: *Redhouse* 1921; *Redhouse* 1997; *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1977; *Lane E.W.* Arabic-English Lexicon. Vol. 1–8. L., 1863–1893; *Steingass F.* Arabic-English Dictionary. New Delhi, 1978; *Idem.* A comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. L., 1984; *Dehkhodâ.* Loghatnâme; Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтодои асри XX). Ч. I–II. М., 1968.

лексика тюркских диалектов Анатолии[90], сравнительные словари тюркских языков[91], этимологические словари[92], важный справочник по тюркским и монгольским заимствованиям в средневековой персидской письменности[93], отдельные исследования по греческим и иным заимствованиям в турецком[94] и т.д. Добротный материал по восточной антропонимике собран у А. Гафурова[95]; небесполезным оказался турецкий справочник по тюркской антропонимике Э. Йуртсевера[96]. Для анализа понтийского лексического материала привлекались справочники и по картвельским языкам[97].

Для включения наших результатов в социальный, культурный и политический контекст привлекался широкий пласт современной византиноведческой литературы, где подробно рассматривается проблема хронологии византийско-тюркского политического соперничества. Среди общих работ по истории Византии XIII–XV вв. это, в первую очередь, недавно опубликованные кембриджские «История христианства», «История Средних веков», «История Византийской империи» и «История Турции», написанные ведущими британскими и американскими исследователями, и обобщающий коллективный труд французской школы «Византийский мир»[98]. Не потеряли своего значения и добротные компендиумы А. Вакалопулоса и Д. Никола[99]. Среди исследований, посвященных отдельным периодам политической и социальной истории, следует упо-

---

[90] Türkiye’de halk ağızından derleme sözluğu. C. 1–12. Ankara, 1963–.

[91] *Радлов*; *Будагов*.

[92] *Clauson*; *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974; Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербак. Л., 1969.

[93] *Doerfer.* Türkische.

[94] *Maidhof A.* Rückwanderer aus den islamitischen Sprachen im Neugriechischen (Smyrna und Umgebung) // Glotta: Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. 1920. Bd. 10. S. 1–22; *Tietze A.* Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch // Oriens. 1955. Vol. 8. S. 204–257; *Tietze A., Lazard G.* Persian Loanwords in Anatolian Turkish // Oriens. 1967. Vol. 20. P. 125–168; *Kahane H., Kahane R., Tietze A.* The Lingua Franca of the Levant…; *Tzitzilis G.* Griechische Lehnwörter im Türkischen (mit besonderer Berücksichtigung der anatolischen Dialekte). Wien, 1987.

[95] *Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь. М., 1987.

[96] *Yurtsever E.* Türkçe Adlar Derlemesi. İstanbul, 1997.

[97] *Марр*; *Adjarian H.* Étude sur la langue laze // Mémoires de la société de linguistique. 1898. T. 10. P. 145–160, 228–240, 364–401, 405–448.

[98] CHBE; CHT; The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 1998–2005. Vol. 5–7; The Cambridge History of Christianity. Eastern Christianity / Ed. M. Angold. Cambridge, 2006. P. 3–168; Le monde byzantin…

[99] *Vacalopoulos A.* Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, 1970; *Nicol D.M.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1993.

мянуть работы О. Тафрали, Дж. Денниса, С.П. Карпова, А. Лайю, К.-П. Мачке, Д. Никола, У. Бош, Ф. Бреденкемпа, Г. Вайса, Э. Захариаду, Дж. Баркера, И. Важари, Д.А. Коробейникова, коллективную монографию «Византийская дипломатия»[100]. Работа с трапезундским материалом значительно облегчилась благодаря недавней обобщающей монографии С.П. Карпова[101]. Особое место занимает монография турецкой византинистки Невры Неджипоглу «Византия между османами и латинянами», которая примечательна во многих смыслах[102]. Во-первых, она снабжена чрезвычайно подробным обзором исследовательской литературы и источников для всего поздневизантийского периода. Хотя этот обзор носит несколько квалификационно-диссертационный характер, его присутствие отчасти оправданно: автор учитывает новейшие исследования и издания источников и приводит их в систему. В основной части своего исследования Н. Неджипоглу фокусируется на трансформации политической, социальной и экономической жизни византийского общества под воздействием османского завоевания в период с середины XIV в. и до 1453 г. В монографии в отдельных очерках рассматриваются три наиболее значимых византийских региона того времени: Фессалоника, Константинополь и Морея. Материал, собранный исследовательницей, чрезвычайно богат и добротен, а в силу избранного аналитического ракурса во многих случаях инновационен. Однако и в этой работе тюркское начало рассматривается как внешняя сила. В рассмотрении византийско-турецкого противостояния Н. Неджипоглу, несомненно, делает

---

[100] *Карпов.* Романия; *Tafrali O.* Thessalonique au quatorzième siècle. P., 1913; *Dennis G.T.* The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Rome, 1960; *Laiou A.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge (MA), 1972; *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983; *Bosch U.V.* Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965; *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos…; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981; *Barker J.* Manuel II Palaeologus (1391–1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969; Byzantine Diplomacy / Eds. J. Shepard and S. Franklin. L., 1992; *Nicol D.M.* The Immortal Emperor. The Life and the Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans. Cambridge, 1992; *Idem.* The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene…; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224–1242). Thessaloniki, 1996; *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005; *Korobeinikov D.* Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. Oxford, 2014.

[101] *Карпов*. История.

[102] *Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.

значительный шаг вперед по сравнению с предыдущей историографией: она показывает, что эти взаимоотношения не сводились только к противостоянию (как это представлялось раньше), но включали в себя и элементы взаимной адаптации (*accommodation*).

Интеллектуальная история поздней Византии изучена в науке хорошо, что явилось значительным подспорьем при написании данной работы. Помимо ставших уже классическими работ[103], наибольшее значение имеют недавние обобщающие монографии по различным аспектам византийской идентичности[104]. Специальные исследования по христианско-мусульманской полемике дают сравнительный материал и необходимую перспективу для наших рассуждений о месте конфессионального фактора в процессе натурализации византийских тюрков[105]. Сюжеты, связанные с эконо-

---

[103] *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892. Разд. IV, V; Культура Византии / Под ред. Г.Г. Литаврина. Т. 3. М., 1991; *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009; *Медведев И.П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; *Он же.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997; *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998; *Beck H.-G.* Theodoros Metochites: die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952; *Ševčenko I.* La vie intellectuelle et politique à Byzance sous les premiers Paléologues. Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962; *Idem.* Theodore Metochites, the Chora, and the Intellectual Trends of His Time // The Kariye Djami / Ed. P.A. Underwood. Vol. 4. Princeton, 1975. P. 11–55; *Idem.* Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981; *Idem.* Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World. L., 1982; *Runciman S.* The Last Byzantine Renaissance. Cambridge, 1970; *Idem.* Mistra. Byzantine Capital of the Peloponnese. L., 1980; *Constantinides C.N.* Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204 — ca. 1310). Nicosie, 1982; *Blum W.* Georgios Gemistos Plethon. Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355–1452). Stuttgart, 1988; *Mergiali S.* L'enseignement et les lettrés pendant l'époque des Paléologues (1261–1453). Athènes, 1996.

[104] *Кущ Т.В.* На закате империи: интеллектуальная среда Поздней Византии. Екатеринбург, 2013; *Angelov D.* Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007; *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition (Greek Culture in the Roman World). Cambridge, 2007; *Page G.* Being Byzantine: Greek Identity Before the Ottomans, 1200–1420. Cambridge, 2008; *Ryder J.* The Career and Writings of Demetrius Kydones. A Study of Fourteenth-Century Byzantine Politics, Religion and Society. Leiden, 2010.

[105] *Мейендорф И.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997 (особенно ч. 1, гл. 6); *Лобовикова К.И.* Георгий Трапезундский. «Об истинности христианской веры». Самарканд, 2009; *Todt K.-P.* Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos und der Islam: Politische Realität und theologische Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz. Würzburg; Altenberge, 1991; *Khoury A.-Th.* Polémique byzantine contre l'Islam. Leiden, 1972; *Khoury P.* Jean Damascène et l'Islam. Würzburg, 1994; *Glei R., Khoury A.-Th.* Schriften zum Islam. Würzburg, 1995; *Balivet M.* Pour une concorde islamo-chrétienne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen-âge (de Nicolas de Cues à Georges de Trébizonde). Roma, 1997; *Ducellier A.* Le Miroir de l'Islam. Musulmans et Chrétiens d'Orient au Moyen Âge (VIIe–XIe siècle). P., 1971.

мической историей, выверялись по работам ведущих отечественных византинистов — С.П. Карпова, А.П. Каждана, К.В. Хвостовой, а также по фундаментальной коллективной монографии под редакцией А. Лайю, трудам А. Харви, М. Хенди, совместной книге А. Лайю и С. Морриссон, исследованию социальных и хозяйственных структур К.-П. Мачке и Ф. Тиннефельда[106].

Наконец, особый разряд исследований, привлекавшийся в данной работе, касается специфики аллологической интерпретации источников. Это, в первую очередь, работы философов и философов культуры Э. Гуссерля, Ж. Деррида, М. Бубера, Ж. Делёза, Б. Вальденфельса, В. Подороги, Р.З. Хестанова, В.Н. Топорова и др., которые дают необходимую концептуальную оснастку в развитии специфических аллологических подходов на византийском материале[107]. Многие параллели для нашего материала обнаруживаются в концептуальных трудах В.А. Арутюновой-Фиданян, посвященных судьбам армян в византийском мире[108].

---

[106] См., например: *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952; История Византии… Т. 3; *Хвостова К.В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980; *Она же.* Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М., 1992; *Она же.* Особенности Византийской цивилизации. М., 2005; *Она же.* Византийская цивилизация…; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990; *Он же.* Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; EHB; *Hendy M.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge, 1985; *Harvey A.* Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200. Cambridge, 1990; *Laiou A., Morrisson C.* The Byzantine Economy. Cambridge, 2007; *Matschke K.-P., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien, 2001.

[107] *Бубер М.* Я и Ты / Пер. В.В. Рынкевича. М., 1993; *Подорога В.А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. М., 1995; *Делез Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб / Пер. И.Я. Волевич. СПб., 1999. С. 282–302; *Гуссерль Э., Деррида Ж.* Начало геометрии / Пер. М.А. Маяцкого. М., 1996; *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Пер. О. Кубановой // Логос. 1994. № 6. С. 77–94; *Хестанов Р.З.* Трансцендентальная феноменология и проблема истории // Логос. 1991. № 1. С. 67–75; *Топоров В.Н.* Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301A, B и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспективы) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 142–200; *Он же.* Эней — человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Т. 1. М., 1993. См. подробнее: Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999.

[108] *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. Ереван, 1980; *Она же.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; *Она же.* «Повествование о делах армянских» (VII в.): источник и время. М., 2004.

Подводя итог историографическому обзору, следует сказать, что хотя работ, прямо относящихся к нашей теме, не так много, однако для достижения поставленных целей оказалось необходимым привлечь весьма широкий круг общих и частных исследований, которые в той или иной мере влияют на разработку сформулированных проблем, а зачастую и предопределяют способы их разрешения.

Следует особо отметить, что в этой работе я стремился избежать нежелательного упрощения, случающегося при выстраивании унитарной концептуальной перспективы. Многие из обсуждаемых в книге феноменов византийского сознания содержат в себе заметную долю противоречия. Противоречивость была обусловлена богатством и исключительным разнообразием воспринятых от прошлого гетерогенных традиций (полисная аттическая, имперская эллинистическая, римские республиканская и имперская, семитская христианская и т.д.), которые подвергались непрестанной переоценке и модификации в потоке исторической реальности. Унитарные объяснения нередко подводят под общий знаменатель явления, на мой взгляд, несопоставимые. Моя стратегия заключается в том, чтобы, напротив, как можно более контрастно обозначить выявленные противоречия в византийском сознании, а также попытаться объяснить те механизмы их нивелирования, которые позволяли культуре сохранять целостность и жизнеспособность.

* * *

В примечаниях и библиографии имена современных греческих авторов даны для удобства пользования в стандартной латинской транскрипции. Пространные персидские и арабские цитаты приводятся в арабской графике. Отдельные термины на этих языках даны, как правило, в стандартной латинской транскрипции по системе, принятой во втором издании *The Encyclopaedia of Islam*, с ныне общепринятыми модификациями: буква ج передается через «j», а ق — через «q». В некоторых местах дана стандартная востоковедческая русская транскрипция (кириллический вариант системы EI)[109]. Цитаты на османском турецком приводятся либо на арабице, либо в латинской транскрипции.

Во избежание анахронизмов все арабские, персидские и тюркские имена собственные даны в условной научной транскрипции,

[109] Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.

за исключением имен турок-османов, которые более привычны в их современной турецкой форме (тур. *Селим*, а не араб. *Салим*, тур. *Мехмед*, а не араб. *Мухаммад* — и пр.).

* * *

Работа над этой книгой была начата в Центре византийских исследований в Думбартон Окс (Вашингтон, США), где я работал в качестве стажера в 2004–2005 гг. и летом 2015 г. Многое было сделано в период моего четырехмесячного пребывания в Университете Цинциннати (США, весенний семестр 2008) в качестве стипендиата программы «Тайтес» (Tytus), а также во время работы в Уайденеровской библиотеке (Гарвардский университет, США, июнь 2008), в Университете Монпелье (Франция, октябрь 2008, ноябрь 2011), в парижском Доме наук о человеке (Франция, 2012–2014). Работа в этих научных центрах открыла мне доступ к необходимым публикациям, позволила в полной мере сосредоточиться на исследовании. Я благодарен работникам перечисленных институций за оказанную мне помощь, которая часто простиралась далеко за рамки их служебных обязанностей. В этой же связи следует поблагодарить М.В. Грацианского, открывшего мне доступ к значительному числу публикаций. Советы, замечания, а также многообразная помощь коллег, оказанная в разное время и по разным поводам, повлияли на окончательный вариант книги. Среди них я с благодарностью упоминаю Э. Брайера, С. Вриониса, П. Мэкриджа, Б. Брендемёна, Н.Г. Гарсоян, Б.Л. Фонкича, покойную Э. Патлажан, покойного Гетцеля Коэна, М.В. Дмитриева, М.В. Бибикова, И.П. Медведева, М.С. Мейера, М. Баливе, покойную А. Лайю, К.И. Лобовикову, Ойа Панджароглу, Соню Кольпар, Н.В. Сазонову, М.А. Меньшикову, А.В. Стрелецкого. Я глубоко признателен Е.А. Босиной и А.В. Русанову за существенную помощь в редактуре книги. Особые слова благодарности обращаю к С.П. Карпову за разнообразную помощь и понимание.

Автор вспоминает с благодарностью самоотверженную поддержку своей покойной матери К.В. Луканиной и благодарит своих братьев Ш.М. Шукурова и А.М. Шукурова, без чьей настойчивой инициативы это исследование вряд ли увидело бы свет, а также своего сына О.Р. Шукурова.

Глава I

ВИЗАНТИЙСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКОВ

В настоящей главе будет проанализирована византийская классификация тюркских народов — или, другими словами, реконструирована тюркская идентичность так, как она понималась византийцами. В предпринимаемой реконструкции нет другого пути, кроме как использовать в качестве модели *самоидентификационную* парадигму византийцев, т.е. тот набор идентифицирующих критериев, которыми византийцы описывали себя сами, отличая себя от окружающих народов. Именно по линии критериев византийской самоидентичности мы сможем нащупать ключевые точки отличия «римлянина» от тюрка и тем самым определить, что́ означало для византийского мышления «быть тюрком». Набор элементов византийского самоописания хорошо изучен[1]. В самоидентификационной модели византийцев можно выделить следующие компоненты: 1) πατρίς — «отчизна», т.е. локус, место происхождения, напрямую связанное с «этничностью» (ἔθνος) в византийском понимании, 2) τὸ ἔθος, τὰ ἔθη — «нрав, обыкновение», «образ мыслей» и, следовательно, «воспитание», а в наших терминах — «культура», которая включала в себя как составной элемент γλῶσσα — язык, 3) πίστις, θρησκεία — религия, 4) «подданство» — принадлежность к той или иной политической общности (ὑπήκοος). По обозначенному плану и будет ниже обсуждена идентичность тюрков, отличавшая их от византийцев, за исключением четвертого параметра — подданства, поскольку в центре нашего внимания находятся именно те тюрки, которые византийское подданство уже приняли.

Итак, начнем с византийских представлений о тюркской «этничности». Византийская этническая и географическая терминология, касающаяся тюркских народов, отличалась значительным многообразием, насчитывая более двух десятков именований,

[1] *Шукуров Р.М.* Конфессия, этничность и византийская идентичность // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе / Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 243–262 (там же см. ссылки на библиографию). См. также два относительно новых исследования, первое из которых более концептуально сбалансированное и убедительное: *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition (Greek Culture in the Roman World). Cambridge, 2007, особенно Part I (p. 11–187); *Page G.* Being Byzantine: Greek Identity before the Ottomans, 1200–1420. Cambridge, 2008.

связь и соотношение между которыми не всегда легко определить. Цель нашего исследования — реконструкция византийской классификации тюркских народов, а также раскрытие и описание тех таксономических моделей, которые подлежали этой классификации. Анализ византийского ономастикона, касающегося тюркских народов, значительно облегчается наличием фундаментального труда Дьюлы Моравчика «Byzantinoturcica», который представляет собой свод лексических элементов в среднегреческом, имеющих отношение к истории алтайских народов в целом и тюрков в частности[2]. «Byzantinoturcica» наиболее полна и надежна в своей этнонимической и топонимической части. Д. Моравчик составил самый полный на сегодня каталог именований, прилагавшихся к алтайским народам в византийских текстах всех жанров, наглядно суммировав эти данные в указателях к своему труду (см. разделы «Volksnamen», «Stammensnamen», «Geschlechtsnamen»)[3].

Однако до сих пор так и не было сделано попыток аналитического осмысления материалов, собранных Д. Моравчиком. Ниже мы попытаемся нащупать общие византийские эпистемологические принципы в той их части, которая касается этногеографических представлений. Далее, отталкиваясь от этих общих принципов византийской эпистемологии, мы постараемся реконструировать логический механизм византийской таксономии и выстроить из наличного терминологического многообразия этнических и топонимических наименований, относившихся к тюркам, некую иерархическую классификацию. В последующем изложении мы будем оперировать наиболее типичными примерами из византийской литературы, отсылая читателя, желающего увидеть подробный терминологический список со ссылками на соответствующие источники, к каталогу этнонимов и топонимов Д. Моравчика.

Прежде чем перейти к предмету исследования, следует сделать одну важную оговорку. Ниже мы сконцентрируемся на собственно византийской этнонимической классификации, принимая ее как историческую данность, без того, чтобы специально анализировать «реальное» конкретно-историческое содержание обсуждаемых этнонимов. Как показывают современные исследования средневековой идентичности, термины источников, воспринимаемые современным сознанием как этнонимы, практически никогда не были тождественны *этничности* в современном смысле этого слова

[2] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 1–2.
[3] Ibid. Bd. 2. S. 359–360.

и отнюдь не указывали на нее[4]. Реконструкция этнических, социальных, политических, культурных и иных реалий, которые скрываются за тем или иным византийским этнонимом, прилагавшимся к тюркам, — предмет отдельного исследования.

1. О византийской эпистемологии

Тексты средне- и поздневизантийского периода пестрят древними именованиями («галлы», «колхи», «гепиды», «скифы», «сарматы», «гунны», «тавроскифы», «трибаллы», «геты», «даки» и т.д.), которые никак, на сегодняшний взгляд, не коррелируют со средневековыми народами, ими обозначенными. Казалось, византийцы избегали неологизмов и лексических заимствований из внешнего мира; географические пространства, народы и племена, реалии чужеземного социального и культурного быта нередко именовались в традиционных, уже устоявшихся терминах классической науки (историографии, географии и т.д.)[5]. Этот известный феномен исследователи обычно именуют «архаизацией» современных византийским авторам реалий.

Проблема истока и функций византийской «архаизации» решалась в современной литературе на базе нескольких методологий, применяемых в области исследований культуры. Подавляющее большинство этих подходов развивается в контексте традиционной филологии и литературной критики и концентрируется на анализе *стилистических* особенностей византийских текстов. Согласно литературно-критическому объяснению, византийцы воспроизводили архаические топонимические и этнические термины, стремясь сохранить классическую целостность литературного дискурса, часто в ущерб фактологической точности[6]. Наиболее полно эта позиция была сформулирована Г. Хунгером, который говорил даже о стилистическом «снобизме» византийских авторов

[4] Содержательный обзор нынешнего состояния науки в области средневековой идентичности см. в кн.: *Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge, 2004. Chapter 1: Ethnicity, Ethnography and Community in the Fifth and Sixth Centuries, особенно p. 13–33. Относительно византийского материала см. также: *Page G.* Being Byzantine... P. 11–21; *Wiita J.E.* The Ethnika in Byzantine Military Treatises. Un. of Minnesota, Ph.D. Minneapolis, 1977.

[5] Постановку вопроса с характерными примерами см. в статье: *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии // ВО. М., 1982. С. 148–150.

[6] *Dieterich K.* Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, 5.–15. Jahrhundert. Leipzig, 1912 (repr.: Hildesheim; N.Y., 1973). S. XV–XVII; *Ditten H.* Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles, interpretiert und mit Erläuterungen versehen. B., 1968. S. 3–11.

и их пренебрежении к какой бы то ни было новой информации. Исследователь интерпретировал «архаизацию» и в более осторожных терминах — как «мимесис», подражательное воспроизведение византийцами языка, стилевых особенностей и тем античной литературы[7]. Следовательно, сама способность византийцев, якобы всецело погруженных в имитацию древних форм и образов, к адекватному отражению реальности вызывала серьезные сомнения[8]. Так, например, Г.-Г. Бек говорил об отсутствии у византийцев любопытства по отношению к другим народам, что было следствием принципиальной автаркичности византийского сознания. Варвары рассматривались как некое недифференцированное и гомогенное единство[9].

Свой вклад в прояснение генезиса византийских «архаизирующих» построений внесла *поэтология*, представленная отечественным исследователем М.В. Бибиковым, который подверг анализу византийские описания других народов вновь преимущественно с филологической точки зрения, но с использованием более изощренного аналитического инструментария. Он показал, что «архаизация» была не столько рабским подражанием античным авторитетам, сколько одной из функций поэтологической структуры византийских текстов. Исследователь находит возможным говорить о *хронотопе варварского мира*, т.е. об особой организации пространства и времени в повествовании, которая и обусловливала функциональность и предметную значимость древних этниконов в византийском контексте[10]. В устойчивости практики их сохранения сыграли свою роль и специфические стилистические стратегии

---

[7] *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 71, 407–408 и др., и особенно S. 509; см. также: Ibid. Register (рубрика «Archaisieren»); *Idem.* On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 15–38.

[8] *Dieterich K.* Byzantinische Quellen... S. XX: «Konnten denn aber die Byzantiner wirklich beobachten und Beobachtetes auch wirklich darstellen? — Schon die Stellung dieser Frage schiene absurd, wenn von irgendeiner andern Menschenklasse die Rede wäre als von Byzantinern».

[9] *Beck H.-G.* Theodoros Metochites: die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 89–90; *Lechner K.* Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner: die alten Bezeichnungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewusstseins. Thesis (doctoral) – Ludwig-Maximilians-Universität. München, 1954. S. 75.

[10] *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 91–97; *Он же.* Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР (XII — первой половины XIII в.) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978; *Он же.* Византийская этнонимия: архаизация как система // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 70–72.

византийцев: они избегали включения в свое повествование «чужой речи», т.е. варварских неологизмов-этнонимов, чтобы не нарушить целостность повествовательной ткани[11]. Исследователь толкует «архаизацию» и в контексте «этикетности» средневекового дискурса, привязывающей этнонимику к географическому пространству[12].

«Архаизация» получала и социокультурную интерпретацию, которая, однако, весьма явственно тяготела к филологическим толкованиям. К примеру, Г. Хунгер полагал, что в XIV в. «архаизация» являлась уделом интеллектуалов из слоя μέσοι, для которых она служила объединяющим знаком корпоративного единства и корпоративной исключительности. И.И. Шевченко поддерживает эту идею, рассуждая о классическом знании (и, соответственно, способности к классицистической имитации) как о престижном групповом маркере, отделявшем интеллектуалов от низших классов[13]. Обсуждение этих и других точек зрения содержится в статье М. Бартузиса, который не только привел господствующие в историографии мнения, но и выдвинул свое видение проблемы. Исследователь справедливо рассматривает «архаизацию» как часть еще более обширного вопроса об отношении византийцев к своему прошлому[14].

Ниже мы предложим еще одно возможное решение проблемы «архаизации», рассмотренной в частном контексте византийской этнонимической классификации. В применении к этнической терминологии эта проблема вряд ли может быть решена только средствами литературной критики и поэтологии, на нее следует взглянуть с более общих, *эпистемологических* позиций, которые позволят достичь большей ясности в понимании того, как византийцы структурировали мир вокруг себя. Другими словами, следует уяснить, какими критериями тождеств и различий пользовались византийцы при построении своих этнических таксономий.

Отправной точкой для последующих рассуждений явились две работы — Ж. Дагрона и С.С. Аверинцева. В одной из работ, посвященных византийским описаниям окружающих народов, Ж. Дагрон, в частности, высказал идею о том, что древние этниконы

---

[11] *Бибиков М.В.* Византийские источники… С. 87–88.

[12] *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии… С. 154–155.

[13] *Hunger H.* Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jh. // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucureşti, 1974. Vol. I. S. 139–151; *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Ibid. P. 88–89.

[14] *Bartusis M.* The Function of Archaizing in Byzantium // BS. 1995. T. 56/2. P. 271–278.

в византийском контексте представляли собой скорее идеальные модели, обобщающие многообразие реальных единичностей[15]. Однако французский исследователь не дал развернутого обоснования этой мысли, находившейся на периферии развиваемых им тем. В то же время механизмы создания идеальных типов через редукцию видовых единичностей подробно рассматривались С.С. Аверинцевым на примере греческой риторики[16]. Оба исследователя сделали существенную попытку выйти за пределы филологических подходов в интерпретации византийской ментальности. Этот подход я и попытаюсь развить ниже.

Как представляется, проблема метода, который мы с некоторой долей условности назовем «научным» методом греческого Средневековья, выходит далеко за пределы литературной критики и поэтики. Речь должна идти не только и не столько о поэтологических конструкциях литературного текста, но много шире — об эпистемологических моделях, генерировавших и воспроизводивших знание как таковое.

Решающее значение имела сама базовая логика византийского метода систематизации и классификации объектов, которую проще всего будет проиллюстрировать на примере элементарной логики Аристотеля. По своим принципам научный метод византийцев мало отличается от современного: оба они восходят к аристотелевской эпистемологии, которая господствовала в пространстве традиционной науки вплоть до XIX в. Ключом для понимания византийской таксономии являются две взаимосвязанные пары категорий, подробно разрабатывавшиеся Аристотелем и воспринятые античной и византийской наукой как фундаментальные идеи: во-первых, это *общее* и *единичное*, во-вторых — *род* и *вид*. Единичное воспринимается чувственно и присутствует «где-либо» и «теперь». Общее — это то, что существует в любом месте и в любое время («повсюду» и «всегда»), проявляясь при определенных условиях в единичном, через которое оно познается[17]. Общее постигается умом, и именно оно является предметом науки. Частное многообразие объектов, объединяемых по общности их свойств и признаков, редуцируется к условным, «общим» родовым категориям.

[15] *Dagron G.* «Ceux d'en face»: Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // TM. 1987. T. 10. P. 207–232, и особенно p. 214–215.

[16] *Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158–190.

[17] См., например: *Аристотель.* Соч. в 4 т. Т. 1. Метафизика. I.2, III.4 и др.; Т. 2. Категории. III.

По определению Аристотеля, «род есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещах]»[18]. Еще более ясно формулирует Порфирий: «…род есть то, что сказывается о многих и различных по виду вещах, при указании существа этих вещей, а вместе с тем мы обозначаем вид как то, что подчинено разъясненному выше роду…»[19].

Другими словами, родовые категории представляют собой универсальные модели и идеальные типы, которые в классификации объединяют реальные единичности («многие и различные по виду вещи»), обладающие известными общими чертами.

Согласно описательным моделям Аристотелевой топики, «то, что род не содержит, не содержит и вид. Однако не необходимо, чтобы то, что вид не содержит, не содержал род»[20]. Виды объединяются в роды лишь по части собственных свойств, и роды, таким образом, могут объединять весьма непохожие видовые единицы, имеющие, однако, некие существенные общие черты.

В идеале родовые категории призваны охватить собой не только известные «единичные» объекты, но и вновь открываемые. В этом смысле метод византийцев идентичен современному; оба они обращены в будущее — к освоению непознанного через подобие и аналогию. Византийская таксономическая иерархия, содержательно и методологически унаследованная от античности, классифицирует и систематизирует не только известные, но и новые, открываемые объекты.

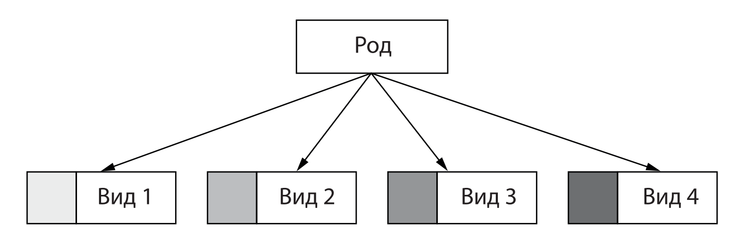

Рис. 1.1. Двухчастная родо-видовая классификация

Приведем несколько примеров из историографии. Зосим в V в., определяя гуннов, подводит их под классификационную (родовую) модель *скифов*, отчетливо при этом осознавая, что народ этот новый и не тождественный древним скифам: «Некое варварское

[18] *Аристотель*. Соч. Т. 2. Топика. I.5.

[19] *Порфирий*. Введение // Аристотель. Категории / Под ред. Г. Александрова, пер. А.В. Кубицкого. М., 1939. III.

[20] *Аристотель*. Соч. Т. 2. Топика. II.4.

племя поднялось на скифские народы, жившие по ту сторону Истра, которое прежде не было известным и тогда неожиданно появилось, — звали их гуннами, их же следует именовать или царскими скифами, курносым и слабым народом (как о них говорил Геродот), живущим на Истре, или же теми [скифами], которые переселились из Азии в Европу...»[21] Другими словами, автор отнюдь не думает, что гунны во всем тождественны скифам Геродота; в его классификации они — одна из разновидностей идеального родового понятия «скифы», аналогичная некоторым видам древних скифов.

Согласно той же логике Атталиат, Никифор Вриенний, Иоанн Скилица и другие авторы, сообщавшие о появлении в XI в. новой силы на Востоке — тюрков-сельджуков, единодушны в том, что тюрки были одним из разрядов гуннского типа, ставшего к тому времени родовым. Историки в перечисленных случаях отнюдь не утверждали, что тюрки XI в. тождественны историческим гуннам, но лишь обозначали идеальный научный тип, к которому можно отнести недавно появившихся кочевников (см. об этом подробнее ниже).

Другой пример. В XV в. Лаоник Халкокондил подводит единичный феномен влахов под общую классификационную модель даков, а русских — под общую категорию сарматов: «Сарматия простирается от скифских кочевников (т.е. тюрков. — *Р.Ш.*) до даков и литовцев... [Сарматы] обычаями пользуются теми же, что у эллинов, а платье же носят подобное скифскому...»[22] Как видно из указанного отрывка, автор вполне допускает наличие весьма существенных видовых особенностей у русских, которые, однако, в конечном счете подпадают под родовую модель сарматов.

Принципиальные установки византийской науки в этом отношении не претерпели существенных изменений между V и XV вв. «Архаизация» являлась прямым следствием самого византийского метода освоения новой информации. Нет нужды в дальнейших иллюстрациях: византийские источники не знали иной логики, нежели эта, в соответствии с которой единичные видовые феномены подводились под общие родовые категории. Многие показательные примеры такого рода собраны в упоминавшейся книге

---

[21] *Zosime*. Histoire nouvelle / Éd. F. Paschoud. Vol. 1–3. P., 1971–1989. Vol. 2/2. IV, 20, 3 (p. 280.1–5); *Dieterich K.* Byzantinische Quellen... Bd. 2. S. 1.

[22] *Chalc.* T. 1. P. 122.5–12. Подробное обсуждение этого пассажа см. в: *Диттен Г.* Известия Лаоника Халкокондила о России (I, 122.5–126.9) // ВВ. 1961. Т. 21. С. 54–59; *Ditten H.* Der Russland-Exkurs... S. 16–17; *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии... С. 150–151.

Карла Дитериха, до сих пор не потерявшей своего значения как хрестоматия по византийской этнологии.

К византийской географической и этнической терминологии вряд ли можно применять термины «архаизация» и «подражательность»; речь должна идти скорее о специфическом методе систематизации и классификации нового знания. Первый термин стоит употреблять с осторожностью в отношении византийской этнографической и географической науки, как вводящий в заблуждение. «Архаизация», в ее применении для описания соседних народов, ни в коем случае не являлась самостоятельным принципом (как это можно понять из современных литературно-критических, поэтологических и культурологических ее оценок), но была не более чем *средством* реализации неких эпистемологических установок. «Архаизация» всегда *инструментальна*, она включала новые объекты в наличное знание (преимущественно воспринятое от античной традиции) через их уподобление и аналогизацию с элементами нормативного, выверенного веками представления о составе окружающего мира. То, что оказывалось в поле зрения, приводилось к уже известным, научным типам. Этот метод византийских интеллектуалов, искавших ключ к объяснению современного мира через установление *подобий* и *аналогий* (ср. с σύγκρισις — «сопоставление», «сравнение» в риторике[23]), способствовал сохранению целостности и внутренней непротиворечивости византийской системы знаний и обеспечивал ее способность к распознаванию и систематизации новых объектов.

2. Локативный критерий и теория климатов

Проблема заключается в том, что византийская таксономическая сетка тождеств и различий, на основе которой и осуществлялось приведение новой информации к уже известным моделям, значительно отличалась от современной. Византийские схемы в части классификации народов существенно разнились с нынешними вследствие применения иных, нежели в современной науке, классификационных критериев. В отличие от сегодняшних этнических классификаций, византийская наука практически не применяла *языковой критерий*. Даже в древнегреческих моделях самоидентичности он носил второстепенный характер, что подробно

[23] *Аверинцев С.С.* Риторика как подход… С. 162–165. О синкрисисе подробно говорит и Г. Хунгер, приводя многочисленные примеры из византийской энкомиастики и историографии, хотя его интерпретация синкрисиса находится в пределах расплывчатой концепции мимесиса: *Hunger H.* On the Imitation… P. 23–27.

обсуждалось исследователями применительно к классической и позднеримской эпохам[24].

Если современная наука выставляет главным критерием в систематизации народов их языковую принадлежность, то византийское знание классифицировало народы посредством их локативных параметров. В качестве вторичного, дополнительного критерия учитывались социокультурные характеристики. В зависимости от места обитания народа (Галлия, Дунай, Северное Причерноморье, Кавказ, Анатолия, Ближний Восток, Северная Африка и т.д.) и его образа жизни (кочевой/оседлый) на него переносилась та или иная традиционная модель, а вместе с ней и маркирующий этникон.

По замечанию Ж. Дагрона, «la géographie commande à l'ethnologie»[25]; как, однако, представляется, значение локативного критерия выходило далеко за пределы византийской «этнографии». Обсудим локативный критерий более подробно. Начнем с того, что критерий географического локуса (πατρίς, *отчизна*, *родина*) являлся базовым в персональной идентификации византийцев[26]. Византиец ассоциировал себя и других своих соотечественников в первую очередь с местом рождения и, соответственно, с людьми, живущими там. Πατρίς может обозначать деревню, город, провинцию, историческую область (Исаврия, Фракия, Вифиния, Пафлагония, Каппадокия, Понт и т.д.), государство (например, Романия) в их географическом аспекте. Важная роль πατρίς как одного из распространенных способов идентификации человека удостоверяется моделями византийской антропонимики, и особенно прозвищами, которые указывают на географическое происхождение их носителей. Идентификация человека по локативному прозвищу, образованному от места его рождения или жительства (Кесарийский, Газский, Каппадокийский, Трапезундский, Пафлагонец, Исавриец и т.д.), была довольно обычной практикой для Византии, унаследовавшей этот способ маркировки от прежних времен. Локативное прозвище считалось, по-видимому, наиболее простым и удобным способом обозначить индивидуальность человека.

Любовь византийцев к родине удостоверяется многими текстами, представляющими собой особый жанр — *patria*, который служил манифестацией ностальгии. Одной из наиболее разработанных

---

[24] *Zgusta L.* Die Rolle des Griechischen im Römischen Kaiserreich // Die Sprachen im römischen Reich der Kaiserzeit. Bonn, 1980. S. 121–122. Ср.: *Walbank F.W.* The Problem of Greek Nationality // Phoenix. 1951. Vol. 5/2. P. 41–60.

[25] *Dagron G.* «Ceux d'en face»... P. 215.

[26] О *патрии* см. также: *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium... P. 46–49.

ветвей этого византийского жанра была *Patria Constantinopolitana*, «Константинопольская отчизна», скрупулезно описывающая топографию Константинополя, его памятники, церкви, святые места, административные здания, дворцы, рынки и т.д.[27] Хорошо известны, особенно для раннего периода, многочисленные аналогичные описания больших и малых городов помимо Константинополя. Мы знаем о раннем византийском описании Антиохии, Фессалоники, Тарса, Бейрута, Милета и других городов империи[28]. От последующих периодов до нас дошло несколько *экфрасисов*, восхваляющих многие большие и малые центры византийского мира: Антиохию, Никею, Трапезунд, Ираклию Понтийскую, Амасью и т.д.[29] Любовь к родине проявляется не только в *patria* и *экфрасисах*, она обнаруживается как структурно выделенный элемент в других жанрах византийской литературы. Это могла быть история родного города или области, как, например, «Взятие Фессалоники» X в., созданное Иоанном Каминиатом и посвященное осаде и захвату города в 904 г. «Наша отчизна, мой друг, Фессалоника» (Ἡμεῖς, ὦ φίλος, πατρίδος ἐσμὲν Θεσσαλονίκης), — начинает Иоанн Каминиат свое описание красот Фессалоники, таким образом предваряя скорбный рассказ о том, как арабы разрушили эти красоты города и почти сравняли его с землей[30]. Значимость пространственного измерения в идентичности человека особенно ярко видна в византийской агиографии. Одним из обязательных элементов житийного повествования было указание на географический локус, из которого происходит святой (как сформулировал один из византийских агиографов в конце IX в.: «…поскольку это является обычным при написании истории — рассказать, кем являлся [человек] и откуда [он происходит]…»)[31]. Обычно агиографы давали краткие хвалебные характеристики месту рождения описываемого ими святого («выдающийся», «славный» город, «блаженный» остров и т.д.), бу-

---

[27] Scriptores originum Constantinopolitanarum / Ed. Th. Preger. Leipzig, 1901–1907. Bd. 1–2; *Dagron G.* Constantinople imaginaire: études sur le recueil des «Patria». P., 1984; Constantinople in the Early Eighth Century: the Parastaseis Syntomoi Chronikai. Introduction, Translation and Commentary / Eds. A. Cameron and J. Herrin. Leiden, 1984. P. 3–9; *Berger A.* Accounts of Medieval Constantinople. The Patria. Cambridge (MA), 2013.

[28] *Dagron G.* Constantinople imaginaire… P. 9–13.

[29] См. главу «Ekphraseis» в: *Hunger H.* Die hochsprachliche… Bd. 1. S. 171–188; а также: ODB. Vol. 1. P. 683.

[30] Ioannis Caminiatae de expugnatione Thessalonicae / Ed. G. Böhlig. B., 1973. 3 (1).

[31] Holy Women of Byzantium. Ten Saints' Lives in English Translation / Ed. A.-M. Talbot. Washington, 1996. P. 165. Об указании на происхождение святого как обязательном элементе агиографического повествования см.: *Mertel H.* Die biographische Form der griechischen Heiligenleben. München, 1909. S. 90; *Лопарев Х.М.* Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914. С. 16 и сл.

дучи особенно внимательными к тому, было ли это место колыбелью других святых людей в прошлом. Агиограф будто пытается найти истоки выдающихся достоинств героя жития, в частности, и в характеристиках его отчизны, влияющих на нрав обитателей[32].

Однако многие из византийских текстов свидетельствуют о том, что происхождение из той или иной местности могло наделять индивида как явными преимуществами, так и изъянами. Некоторые из этих предрассудков концентрированно отразил Константин Багрянородный в *De Thematibus*. Так, каппадокийцы считались жадными и нечестивыми, как ехидна[33]. Народ Пафлагонии со ссылкой на Гомера характеризовался как «заслуживающий порицания и известный своим бесстыдством и испорченностью»[34], а последующая византийская традиция отзывалась о них еще хуже[35]. Подобные же предрассудки бытовали в отношении исаврийцев, которые считались разбойниками и безжалостными варварами[36]. Географическое происхождение человека легко могло стать объектом презрения и насмешек, в которых предполагаемые негативные черты характера уроженцев данной местности представлялись в гротескном виде[37]. Эти топографические предрассудки хорошо известны во многих культурах Средиземноморья и за его пределами, и в этом смысле византийцы не являлись исключением. Происходящие извне πατρίς именуются «иноземцами», «чужаками» — ξένοι, ἐξωτικοί. Негативные коннотации «иноземца» и «чужака» носят в основном «культурный» смысл, обозначая людей, чьи характер, воспитание и образования заведомо хуже, чем у местных.

Любопытно, что противоположные (позитивные и негативные) оценки того, как влияет определенный пространственно-географический локус на характер его жителей, мирно сосуществовали в актуальном сознании. Константин Багрянородный от упомянутой

---

[32] Схожая тема византийской «агиогеографии» святых мест обсуждалась в: *Magdalino P*. Constantine VII and the Historical Geography of Empire // Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space / Eds. S. Bazzaz, Y. Batsaki, D. Angelov. Cambridge; L., 2013. P. 24.

[33] *Costantino Porfirogenito*. De Thematibus / Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952. II. P. 66.70–77.

[34] Ibid. VII. P. 72.1–2f.

[35] *Magdalino P.* Paphlagonians in Byzantine High Society // Byzantine Asia Minor (6th–12th Centuries) / Ed. N. Oikonomidès. Athens, 1998. P. 141f.; см. также: *Haldon J.* Humour and the everyday in Byzantium // Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. Halsall. Cambridge, 2002. P. 58.

[36] *Burgess W.D.* Isaurian Names and the Ethnic Identity of the Isaurian in Late Antiquity // The Ancient World. 1990. Vol. 21. P. 109–121.

[37] См.: *Halsall G.* Funny Foreigners: Laughing with the Barbarians in Late Antiquity // Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages. P. 89–113.

негативной характеристики каппадокийцев вдруг переходит к весьма лестным замечаниям на их счет: «Из этих столь ославленных людей (каппадокийцев. — *Р.Ш.*) произросли или даже, лучше сказать, засверкали, как яркие звезды, люди прославленные мудростью, ревнители христианской веры: епископ Неокесарийский Григорий Чудотворец, Федим Амасийский — славный царь, принявший мученический венец за христианскую веру при Лицинии, архиепископ Команский Василиск, который погиб как мученик, с кем были погребены мощи Иоанна Златоуста, а также епископ Кесарии Василий Великий, епископ Назианза Григорий Богослов, сейчас положенный в церкви Святых Апостолов вместе с патриархами этого города, благочестивым и христолюбивым императором Константином, а также братья Василия Великого Петр, Григорий и Навкратий — и Кесарий, брат Григория Богослова»[38]. Причем Константин Багрянородный оставляет без объяснений это противоречие, завершая раздел о Каппадокии: «Вот, вкратце, о Каппадокии». Он переходит к описанию другой провинции, не пытаясь снять это противоречие в своих диагнозах каппадокийского «национального характера»[39].

Необходимо подчеркнуть, что биографо-географические особенности связаны не столько с этническими, племенными или религиозными компонентами идентификации, сколько с «культурными» и «психическими». Византийские авторы, описывая свою собственную или чью-то отчизну, не уделяют никакого внимания этнической или конфессиональной принадлежности ее населения, однако в то же время часто подчеркивают «культурные» преимущества или недостатки (добродетели, воспитание, образование), связанные с той или иной местностью. Географический локус сам по себе, особенности его пространственности предопределяют склонности и характер его жителей. Бессознательный и подсознательный географический детерминизм, коренящийся в античной традиции, оказался весьма функциональным в мировидении византийцев. Таким образом, отчизна была не более чем локусом, географическим местом происхождения и обычно не имела ничего общего с конфессиональной или этнической (в нашем смысле) характеристикой его жителей.

Внимание к географическому происхождению того или иного лица, по-видимому, имело связь с более общими «биографо-географическими» идеями древнегреческой астрономии/астрологии, физиологии и географии, которые сочетались в теории климатов.

---

[38] *Costantino Porfirogenito*. De Thematibus. II. P. 66.78–90.

[39] Ibid. P. 91.

Климатическая теория была продуктом развития эллинистической астрономии и географии. В астрономии/астрологии изначально под климатом (κλίμα — «наклон», «склонение»; от греч. κλίνω) понимался угол наклона полярной оси небесной сферы по отношению к горизонту, увеличивающийся по мере удаления от экватора. Причем именно для астрологии широтные изменения были наиболее существенны: для составления гороскопа угол склонения небесной сферы в определенной точке Земли имел принципиальное значение. В географии под климатом понимался угол наклона падающих солнечных лучей к земной поверхности, от которого зависела долгота дня: на юге, соответственно, дни были короче, а на севере — длиннее. Климатами обозначали зоны на земной поверхности, средняя долгота дня в которых разнилась примерно на ½ часа, что напоминало современные временны́е зоны[40]. Позже, с развитием теории климатов, античная наука пришла к идее широтных зон на поверхности Земли, протянувшихся с востока на запад и располагающихся с юга на север параллельно экватору. В населенной части Земли выделялось 7 климатических (т.е. широтных) зон — от Мероэ на юге до Борисфена (устье Днепра) на севере. Окончательное оформление идея широтных параллелей нашла у Клавдия Птолемея[41].

Соединение географической, физиологической и астрологической концепций привело к представлению о влиянии широтных различий на людские нравы. Еще Гиппократ сформулировал зависимость природных качеств людей от влияния окружающей их природной среды[42]. Посидоний связывал интенсивность солнечного света и влияние других небесных светил с географическими характеристиками земной поверхности, а эти характеристики, в свою очередь, — с нравом живущих там народов. Крайние юж-

---

[40] *Honigmann E.* Die sieben Klimata und die ΠΟΛΕΙΣ ΕΠΙΣΗΜΟΙ: eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929. S. 4–7, 13–14ff.; *Bagrow L.* The Origin of Ptolemy's Geographia // Geografiska Annaler. 1945. Vol. 27. P. 320–329; *Dicks D.R.* The ΚΛΙΜΑΤΑ in Greek Geography // The Classical Quarterly. New Series. 1955. Vol. 5. No. 3/4. P. 248–255; *Evans J.* The History and Practice of Ancient Astronomy. N.Y.; Oxford, 1998. P. 95–97.

[41] *Honigmann E.* Die sieben Klimata… S. 58–72.

[42] Oeuvres complètes d'Hippocrate / Éd. E. Littré. P., 1840 (repr.: Amsterdam, 1961). Vol. 2. P. 14–20. Рус. пер.: *Гиппократ*. О воздухе, водах и местностях // Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М., 1994. С. 279–306; *Müller K.E.* Geschichte der Antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. Bd. 1–2. Wiesbaden, 1972–1980. Bd. 2. S. 137f.; *Backhaus W.* Der Hellenen-Barbaren-Gegensatz und die Hippokratische Schrift Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1976. Bd. 25/2. S. 170–185, особенно S. 183; *Dagron G.* «Ceux d'en face»… P. 209–210.

ный и северный климаты он определял через этниконы — «эфиопский» и «скифский и кельтский» соответственно. При этом Посидоний, по всей видимости, продолжал рассматривать климат не как широтную ленту, но как регион[43]. Вероятно, первым артикулированно сформулировал этнографический аспект климатической теории Плиний Старший, постулировавший зависимость флоры, фауны и человеческих нравов от широтной локализации[44].

Идея связи между географическим локусом и нравами как индивидов, так и народов отчетливо прослеживается в корпусе астрологических текстов, согласно которым особенности географического происхождения, влияющие на «культурные» черты народов, в немалой степени обусловлены небесными светилами, в первую очередь Солнцем и Луной, которые воздействуют на различные точки земной поверхности по-разному. Астрологические описания климатов исследователи, начиная с О. Буше-Леклерка, выделяют в особый жанр астрологической хорографии: это, как правило, краткие трактаты, в которых проводится соответствие между различными регионами ойкумены и управляющими ими знаками зодиака и светилами[45]. Наиболее теоретически насыщенная и стройная астрохорографическая концепция содержится в «Тетрабиблосе» Клавдия Птолемея[46]. Именно описание народов Птолемей считает важнейшей астрологической задачей: «…предсказание посредством астрономии обнимает два самых больших и важных раздела… первый (в большей степени родовой) охватывает относящееся к целым народам, странам и городам и называется всеобщим, а второй (по большей части видовой) — это раздел, относящийся к отдельным людям, именуемый генефлиалогиальным»[47]. (Отрывок, помимо про-

---

[43] *Страбон.* География / Пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского, под ред. О.О. Крюгера, под общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1964. 2.II.1–3 (95–96), 2.III.1; *Honigmann E.* Die sieben Klimata… S. 24–30; *Dihle A.* Die Griechen und die Fremden. München, 1994. S. 90–93.

[44] *Secundi C.P.* Naturalis historiae libri XXXVII / Ed. K. Mayhoff. Stuttgart, 1967–1970. Bd. 1–6. II.5–6, VII.41, особенно II.80: «Contexenda sunt his caelestibus nexa causis. Namque et Aethiopas vicin sideris vapore torreri adustisque similes gigni, barba et capillo vibrato…»; *Honigmann E.* Die sieben Klimata… S. 33–40; *Trüdinger K.* Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918. S. 37–38, 51ff.; *Müller K.E.* Geschichte der Antiken Ethnographie… Bd. 1. S. 141–142. Ср.: *Halsall G.* Funny Foreigners… P. 91ff.

[45] *Bouché-Leclercq A.* Chorographie astrologique // Mélanges Graux. P., 1884. P. 341–351; *Idem.* L'astrologie grecque. P., 1899. P. 327.

[46] *Bouché-Leclercq A.* L'astrologie grecque. P. 338–355; *Honigmann E.* Die sieben Klimata… S. 41–50; *Riley M.* Science and Tradition in the "Tetrabiblos" // Proceedings of the American Philosophical Society. 1988. Vol. 132/1. P. 67–84.

[47] *Ptolem*. Opera. II.1.2: «…εἰς δύο τοίνυν τὰ μέγιστα καὶ κυριώτατα μέρη διαιρουμένου τοῦ δι᾽ ἀστρονομίας προγνωστικοῦ, καὶ πρώτου μὲν ὄντος καὶ γενικωτέρου τοῦ καθ᾽ ὅλα

чего, ярко демонстрирует использование родо-видовой систематизации в научном дискурсе.) Далее Птолемей говорит: «Итак, разграничение своеобразия народов осуществляется по целым параллелям и углам, через их положение относительно проходящего через середину зодиака круга и Солнца...» — и затем подробно развивает эту идею на многочисленных частных примерах[48]. Астрономическая этнография Птолемея детально исследовалась О. Буше-Леклерком, Э. Хонигманном и М. Райли, и мы к ней еще будем возвращаться.

Согласно общепринятым представлениям, выводимым из астрологических и географических изысканий, превосходство римлян и греков состоит в том, что они живут в серединной части ойкумены, находясь в наиболее благоприятном климате, который обеспечивает идеальный баланс между горячей и холодной натурой. Другие народы находятся в регионах, располагающихся слишком далеко от климатического равновесия, что приводит к определенному дисбалансу в их натурах. Следовательно, только римляне и греки, проживающие в серединной части цивилизованной ойкумены, обладают гармоничным национальным характером[49].

Теория климатов была хорошо известна в поздневизантийское время. Георгий Пахимер в XIV в. повторяет традиционную античную схему, утверждая, что природные способности людей, их характер и темперамент зависят от силы солнечного света и теплоты климата. Южане, которые получают больше солнечного света, — умны, способны в области искусств и наук, но слишком изнеженны и неумелы в бою; северяне же, живущие в условиях холодного климата, — бледны, недалеки, жестоки, грубы, но и более воинственны. Географическое положение, как объясняет Пахимер, прямо влияет на характер[50]. Подобные рассуждения (хоть и не столь подробные и концептуальные) встречаются и у других авторов[51].

ἔθνη καὶ χώρας ἢ πόλεις λαμβανομένου, ὃ καλεῖται καθολικόν, δευτέρου δὲ καὶ εἰδικωτέρου τοῦ καθ᾽ ἕνα ἕκαστον τῶν ἀνθρώπων, ὅπερ καλεῖται γενεθλιαλογικόν».

[48] *Ptolem*. Opera. II.2.1.

[49] *Riley M.* Science and Tradition in the “Tetrabiblos”. P. 76; *Dauge Y.A.* Le barbare: recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles, 1981. P. 806–810.

[50] *Pachym.* T. I. III.3 (p. 236–237, и особенно p. 237.3–7). Подобные примеры из военных трактатов предыдущих эпох см. в: *Dagron G.* «Ceux d’en face»... P. 211–215. Об указанных рассуждениях Пахимера см. также: *Успенский Ф.И.* Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24. С. 1–8; *Laiou A.E.* The Black Sea of Pachymeres // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D.M. Nicol. L., 1993. P. 109–111.

[51] См., например: *Eustathius Thessalonicensis*. Commentarium in Dionysii periegetae orbis descriptionem // Geographi Graeci Minores / Ed. K. Müller. P., 1861. Vol. 2. P. 258, 265, 339.

В византийское время климатическая теория продолжала находиться в тесной связи с астрологией. Получил распространение жанр особых списков πόλεις ἐπίσημοι, «знаменитых городов», представлявший собой перечисление главных городов ойкумены (преимущественно греко-римской), которое содержало указания на их координаты и систематизировалось по широтным климатам[52]. В XIV в. астролог Иоанн Катрарий вполне закономерно в контексте греческой астрологии связывал судьбы народов с их локализацией. Он выделял семь широтных климатов и устанавливал зависимость их от конкретных планет и знаков зодиака. В его описании каждый климат и соответствующая зона небесной сферы влияют на судьбы городов, а следовательно, и их жителей[53].

Как мы видим, астрогеографический детерминизм, коренящийся в античной традиции, оставался функциональным и в мировидении византийцев. Небесные и земные обстоятельства рождения как отдельного человека, так и сообщества людей находятся в прямой зависимости от локуса.

Существенное значение локативного аспекта для формирования персональных характеров и коллективных черт людских сообществ выдвигало на первый план географическое знание. В географии византийцы вплоть до XV в. придерживались выработанной в античности карты мира, опираясь преимущественно на Страбона. «География» Птолемея была им известна, но использовалась мало. После введения «Географии» Птолемея в научный оборот Максимом Планудом в 1295 г. ее влияние усилилось: византийские географы корректировали Страбонову и Птолемееву системы, сравнивая их и добавляя новые сведения[54]. Пространства к северу от Дуная и далее на восток до края обитаемой части земли географы продолжали классифицировать как Скифию, простиравшуюся на юг до реки Инд. Каспийское море по-прежнему считалось заливом Океана или озером, отделенным от него узкой полосой суши. В Скифии у Каспийского моря помещались земли гуннов, гирканцев, массагетов, тохаров, саков и т.д. На Ближнем Востоке византийские авторы выделяли Месопотамию, Персию, Аравию, Мидию, Армению и т.д. При этом вся поверхность обитаемой части

---

[52] *Honigmann E.* Die sieben Klimata… S. 82–92.

[53] *Katrarios*. 2.12–14 (p. 51–58), особенно p. 56–58; *Bouché-Leclercq A.* L'astrologie grecque. P. 322–323, 346–347; *Honigmann E.* Die sieben Klimata… S. 100–101; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли в Византии. СПб., 2000. С. 126.

[54] *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur… Bd. 1. S. 509–514; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли в Византии. С. 126–132 и далее; The History of Cartography / Eds. J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; L., 1987. Vol. 1. P. 268; *Laiou A.E.* The Black Sea of Pachymeres. P. 95.

земли делилась на семь климатов[55]. Таким образом, византийцы восприняли корпус античной географии, которая и давала им базовую научную терминологию для описания современного им мира.

Как в античной, так и в византийской науке этническая терминология обычно находилась в зависимости от топонимики и следовала ей. В одном из своих рассуждений Никифор Григора ясно отразил зависимость названий этнических от географических. В известном пассаже о монгольских и тюркских кочевниках Северного Причерноморья он говорит: «[Скифы] — народ чрезвычайно многолюдный, распространенный севернее всей нашей ойкумены, не до самого Северного полюса, но все же вплоть до самых северных параллелей, на которые разделена вся ойкумена. Так передают нам древние историки, и так мы сами, насколько это возможно, обнаружили после своего многолетнего изучения… Древние мудрецы дают нам их название по-разному. Гомер называет их киммерийцами, Геродот, описавший персидские войны, — скифами разных [племен], херонеец Плутарх — кимврами и тевтонами… Они имеют каждый на своем языке настоящее свое название. Те же, которые пользуются эллинскими их названиями, называют их по-разному, каждый как захочет (ἄλλοτε ἄλλως, ὡς ἕκαστοι βούλοιντο), смотря по тому, какие места занимают они (ἄλλοτε ἄλλους ἐπιλαμβάνουσι τόπους), разливаясь по нашей ойкумене подобно потоку»[56]. Таким образом, как указывает Григора, племена обычно именовались по географическому локусу, ими занимаемому. Причем утверждение Григоры о том, что в византийском мире каждый их называет как захочет, показывает, что сами византийцы отчетливо осознавали условность научных названий, унаследованных от древности.

Таким образом, античные этническая и географическая модели, равно как и идея климатического происхождения расовых различий, в византийскую эпоху оставались общепринятыми способами объяснения мира. Названия народов находились в тесной связи с пространствами, ими занятыми, а нравы народов зависели от климатических особенностей географического локуса.

В свете сказанного вполне понятна преданность византийцев традиционной географической и этнической номенклатуре: древние топонимы и этнонимы были не просто именами, но *концептами*, содержащими в себе указания на происхождение, внутреннюю структуру и смысл обозначаемых ими феноменов. Концепты

---

[55] *Nicephorus Blemmydes*. Conspectus geographiae // Geographi Graeci Minores. T. 2. P. 463–467; *Idem*. Ἑτέρα ἱστορία περὶ τῆς γῆς // Ibid. P. 469–470; The History of Cartography. Vol. 1. P. 266–267.

[56] *Greg*. T. 1. P. 30.24–32.19.

«скиф», «перс» и др. изначально несли в себе значимую информацию об обозначаемых ими объектах (среда обитания, нравы и обычаи, способы ведения войны и т.д.) и помещали эти объекты в некий таксономический ряд[57].

3. Двухчастная классификация: роды и виды

В конечном счете, византийский метод приводил к парадоксальному (на сегодняшний взгляд) переносу древней терминологии на новые средневековые реалии, что нередко вводит в замешательство современного исследователя. Однако в действительности парадоксального тут мало, ибо современная научная таксономия работает принципиально так же, используя родовые и видовые категории, возникшие в разное время и часто весьма условные. И мы, например, употребляем именования «Америка», «Австралия», как и многие другие, лишь в силу научной традиции, но не от того, что они адекватно отражают какие-либо специфические географические, культурные или этнические характеристики. Отличие византийской классификации от современной заключается лишь в использовании иных квалификационных критериев.

Следует вместе с тем признать, что античная и византийская «этнологические» теории обладали меньшей последовательностью и строгостью в сравнении с современными, поскольку, по той или иной причине, они так и не были подвергнуты проблематизации и категориальной проработке. Это почувствовал Страбон, которому принадлежит весьма меткое критическое замечание о древней этнологии: древние эллины «называли жителей знакомых им северных стран одним именем “скифов” (или “номадов”, как у Гомера), и… позднее, когда познакомились с жителями западных стран, те были названы кельтами, иберийцами или составным именем — кельтоиберийцами и кельтоскифами, потому что вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно имя (ὑφ᾽ ἓν ὄνομα τῶν καθ᾽ ἕκαστα ἐθνῶν ταττομένων διὰ τὴν ἄγνοιαν)»[58]. Страбон ощутил ограничение метода, однако дело тут было не столько в ἄγνοια, «неведении», сколько в самих механизмах освоения новой информации, которая подводилась под уже известные

[57] Ср. с близкими толкованиями этнонима как некоего концепта, вмещающего в себя многообразную культурную информацию: *Gyóni M.* Le nom de βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène // BZ. 1951. Bd. 44. P. 246–247 («влах» как образ жизни); *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии… С. 155–156 (этноним как географо-культурно-бытовой концепт).

[58] Strabonis Geographica / Rec. A. Meineke. Vol. 1–3. Leipzig, 1877 (repr.: 1969). Vol. 1. 1.II.27.9–10; *Страбон.* География. С. 40.

родовые категории. Приводимое выше высказывание Григоры о произвольности применения тех или иных родовых именований к новым народам созвучно критике Страбона (хотя Григора не говорил, что эта произвольность была следствием «незнания»)[59].

Можно также переформулировать замечание Страбона в том смысле, что слабая сторона античной, а вместе с ней и византийской таксономии заключалась в ее малой детализации. Византийская таксономическая шкала недостаточно детальна и оперирует преимущественно парными разрядами — родом (общее) и видом (частное). Более сложная классификация, чем эта базовая *двухчастная*, в отношении варваров Северо-Востока и Востока чаще всего невозможна. Это не должно удивлять, ибо к таксономической двухчастности тяготел в своих рассуждениях и Аристотель, оперировавший той же схемой род–вид, не стремясь к созданию многоуровневой иерархической системы.

Византийцы восприняли методологические преимущества и недостатки античной науки. Отмеченные особенности византийской парадигмы освоения новой информации проявили себя в полной мере в византийской номенклатуре тюркских народов. В силу описанных выше причин в византийских представлениях о тюрках, как мы увидим ниже, присутствовала значительная доля непоследовательности и противоречивости (даже в рамках дискурса самой античной и византийской науки).

4. Родовые категории

Прежде всего следует сказать, что тюркские народы подпадали под наиболее общее именование «варвары». В византийскую эпоху «варвары» противостояли не столько «эллинам», как это было в классическую и эллинистическую эпохи[60], сколько «римлянам», Ῥωμαῖοι. Переход от модели Ἕλληνες καὶ βάρβαροι к Ῥωμαῖοι καὶ βάρβαροι, с привнесением в римскую имперскую идентичность христианской компоненты, в деталях описывался Килианом Лехнером. Как показал К. Лехнер, концепт «варвар» носил безусловно негативный смысл и был дополнительным (Komplementärbegriff) к концепту «римлянин». Базовая бинарная модель Ῥωμαῖοι καὶ βάρ-

[59] См. предыдущий раздел — «Локативный критерий и теория климатов».

[60] *Dihle A.* Die Griechen und die Fremden… S. 36–53, особенно S. 44–49; *Idem.* Die Wahrnehmung des Fremden im Alten Griechenland. Akademievorlesung gehalten am 29. Oktober 2002 // Berichte aus den Sitzungen der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften e.V., Hamburg. Jahrg. 21, Heft 2. Göttingen, 2003. S. 3–30; см. также репрезентативный сборник статей разных авторов за несколько последних десятилетий: Greeks and Barbarians / Ed. Th. Harrison. N.Y., 2002.

βαρoι делила все человечество на «своих», т.е. христиан и граждан Римской/Византийской империи, и всех остальных, находящихся за ее пределами[61]. При этом, следует подчеркнуть, «варварство» было политико-культурным концептом, но ни в коем случае не этнонимом. Мы сейчас не будем углубляться в политическую и культурную полисемантичность определения «варвар», в особенности в его применении к описанию подданных Римской державы[62]. В данном контексте достаточно обозначить, что тюрки рассматривались как одна из частей *внешнего* по отношению к Римской империи варварского моря.

Далее, для описания тюркских народов наиболее универсальной была традиционная классификационная модель скифских кочевников с последующими ее модификациями. Именование Σκύθαι («скифы») маркировало особый класс народов, живущих на севере и северо-востоке от устья Дуная, в Северном Причерноморье и далее на восток вплоть до пределов обитаемой земли и океана. Помимо главного (локативного) признака, при построении этнических классификаций византийцы (вновь вслед за античной наукой) применяли дополнительные, социокультурные критерии. Как известно, античная наука различала три основных типа варварских обществ: 1) оседлые варвары, 2) варвары-охотники, 3) кочевники-скотоводы[63]. Согласно этой классификации, все народы Севера и Северо-Востока, которые вели кочевой образ жизни, подпадали под разряд «скифы». Общеизвестность и функциональность этого идентификационного критерия подчеркивается многочисленными ссылками византийских авторов на кочевой быт скифов/тюрков; в источниках они именуются νομάδες, ποιμνῖται, σκηνῖται[64]. В XIII в. Никифор Влеммид, опираясь на Дионисия Периегета, продолжал классифицировать все кочевые народы, населяющие Северо-Восток, обобщенно как скифов[65]. В XIV в. Северное Причерноморье (включая Крым) обозначено как ἡ Σκυθία у Иоанна Кантакузина, который именовал «скифами» также и золотоордынцев[66].

---

[61] *Lechner K.* Hellenen und Barbaren… S. 10–37, 73–83; *Idem.* Byzanz und die Barbaren // Saeculum. 1955. Bd. 6. S. 292–294. См. также обсуждение проблемы варварства в: *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003 (особенно гл. 1).

[62] *Dauge Y.A.* Le barbare… P. 307–378.

[63] *Müller K.E.* Geschichte der Antiken Ethnographie… Bd. 1. S. 120f.

[64] *Vryonis S.* Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 48–49.

[65] *Nicephorus Blemmydes*. Conspectus geographiae. P. 464.3–6: «…εἰσὶ δὲ καὶ ἄλλοι πυκνοὶ Σκύθαι, οἵτινες κατοικοῦσιν εἰς τὰ ἔσχατα μέρη, ὅπου οἱ ἄνεμοι δυσάνεμοι καὶ χάλαζαί εἰσι, καὶ ἔστι τὸ μέρος ἐκεῖνο ἀοίκητον». Ср. также: Ibid. P. 468.1.

[66] *Cantac*. T. 3. P. 192.7 и ниже (IV.26).

Тюркские народы соответствовали и другому дополнительному критерию, характеризующему «скифский» тип и развиваемому преимущественно военной мыслью: тюрки, как и скифы, воевали верхом, были лучниками, их войско представляло собой легкую, весьма подвижную кавалерию[67]. Эта особенность военного дела тюрков (как северных дунайских, так и анатолийских) стала общим местом в византийской историографии XI–XIV вв. и в подробностях описывается у многих авторов — от Атталиата до Никифора Григоры. Тюркские воинские контингенты в византийской армии (печенеги, узы, половцы, анатолийские тюрки) выполняли функции легкой кавалерии[68].

В астрологической хорографии скифы характеризовались приверженностью к кочевому образу жизни, примитивностью социальной организации, бедностью, невежеством, воинственностью, что вполне совпадало с мнением историков и географов. Клавдий Птолемей подтверждает родовой характер именования «скиф», говоря о жителях северо-восточной части ойкумены, что «обобщенно мы называем их скифами» (καλοῦμεν δὲ τούτους ὡς ἐπίπαν Σκύθας). Живущие в этой части света испытывают холод Полярного круга и влажность, присущую этому региону, а потому они белокожи, имеют прямые волосы, высокий рост, хорошее телосложение и холодный темперамент; их обычаи варварские в силу холода, царящего в их жилищах. Холодный климат предопределяет особенности как фауны, так и флоры региона[69]. Птолемей помещает скифские земли в тригон, управляемый зодиакальными знаками Близнецов, Весов и Водолея; наибольшее влияние на него оказывает Водолей, а из планет — Сатурн, соправителем которого выступает Юпитер. Населяющие эту часть ойкумены народы целомудренны, благородны, честны, преданны, готовы на самопожертвование. Но преобладающее влияние Водолея делает их характер грубым, непреклонным и несдержанным[70].

Однако астрологи не были согласны друг с другом в некоторых существенных деталях. Наряду с птолемеевской схемой соответствий между географическими регионами и знаками зодиака и

---

[67] Подробнее см.: *Pohl W.* Telling the Difference: Signs of Ethnic Identity // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. W. Pohl. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 28–30.

[68] См., например: *Birkenmeier J.* The Development of the Komnenian Army. 1081–1180. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 27, 81, 91, etc.; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. P. 257–258, 330.

[69] *Bouché-Leclercq A.* L'astrologie grecque. P. 344–345; *Ptolem.* Opera. II. 2. 2.

[70] Ibid. II. 2. 3. О бытовом и этическом наполнении концепта «скиф» в литературе до XII в. см.: *Крюков А.М.* Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 7. СПб., 2009. С. 33–53.

планетами существовало и несколько других. Марк Манилий (I в.) считал, что Скифия, Азия и Аравия находятся под управлением Тельца. Под покровительство Тельца Скифия помещена и у Веттия Валенса (II в.)[71]. В одном из астрологических текстов XI в. разногласия относительно соответствий земель и небесных объектов сведены в сравнительную таблицу[72]. Как считал О. Буше-Леклерк, эти соответствия, как и разногласия о них, носили довольно произвольный характер. В XIV–XV вв. Τουρκία (т.е. Скифия) под влиянием иранской астрологии привязывалась к зодиакальному знаку Льва и к Марсу[73].

В исторических источниках под категорию «скифов» в разные эпохи подводили гуннов, древних тюрков, хазар, аваров, болгар, венгров, печенегов, узов, куманов (половцев), монголов и татар; кроме того, скифами называли анатолийских тюрков — тюрков сельджукской эпохи и турок-османов, о чем более подробно речь пойдет ниже[74]. В XI–XIV вв. категория «скифы» приобретает ограничительный смысл, как обозначение северных кочевников (печенегов, половцев и золотоордынцев) в противопоставление «персам» Анатолии и Ирана; об этой оппозиции мы будем говорить позже в рубрике, посвященной «персам».

Византийцы впервые встретились с алтайскими народами в IV в. в лице гуннов, по всей видимости близкородственных позднейшим тюркам. Однако возможно, что о гуннах в греко-римском мире знали уже с начала нашей эры (Οὖννοι, Χοῦνοι): Клавдий Птолемей считал Χοῦνοι одним из племен Сарматии[75]. Уже в VI в. можно наблюдать перемещение именования «гунн» из видовой категории в родовую: Агафий Миринейский считал именования «скиф» и «гунн» синонимичными[76]. Этникон «гунны» с этих пор и далее используется как полный синоним «скифов», выступая как

---

[71] *Vettius Valens.* Anthologiarum libri novem / Ed. D. Pingree. Leipzig, 1986. I.2 (P. 7. 14–15).

[72] См.: Αἱ χῶραι συνοικειούμεναι τοῖς ιβ’ ζῳδίοις // Anecdota Astrologica / Rec. A. Ludwich. Lipsiae, 1877. Σ. 112–119; *Bouché-Leclercq A.* Chorographie astrologique. P. 343–350.

[73] CCAG. T. 4. P. 126 (XV в.); T. 5/2. P. 138 (XIV в.); T. 5/3. P. 131 (XIV в.); T. 9/1. P. 160 (XV в.). Ср.: *Miquel A.* La géographie humaine du monde musulman jusqu’au milieu du 11e siècle. II: Géographie arabe et représentation du monde: la terre et l’étranger. P., 1975 (réimpr.: 2001). P. 34–50.

[74] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 279–283.

[75] Claudii Ptolemaei Geographia / Ed. K. Müller. Vol. 1.1. P., 1883. III.5, 10.21. См. также: *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 209–210 (статья «Гунны»).

[76] Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / Rec. R. Keydell. B., 1967. P. 177.1–2: «…οὗτοι δὲ ἅπαντες κοινῇ μὲν Σκύθαι καὶ Οὖννοι ἐπωνομάζοντο».

родовая маркировка для болгар, аваров, древних тюрков, узов, венгров, куманов (половцев); к гуннам относили также анатолийских сельджукских тюрков и изредка — османов[77]. В позднюю эпоху в отношении «гуннов» происходит колебание между родовым и видовым категориальным статусом. В XII в. так именовали венгров, низводя тем самым эту категорию на уровень видовой (Иоанн Киннам, Никита Хониат), ибо венгры считались одновременно скифским народом[78].

К причерноморским тюркам Тюркского каганата византийцы впервые стали применять этникон Τοῦρκοι (VI в.), квалифицируя их как разновидность «скифов» и «гуннов»[79]. Во второй половине VI в. для Маврикия «скифы» и «гунны» являются полными синонимами и общими категориями, а Τοῦρκοι, наряду с Ἀβάρεις, — лишь дополнительной, видовой[80]. Еще в середине VII в. Феофилакт Симокатта свидетельствовал, что в его время именование Τοῦρκοι присутствовало преимущественно в обыденном языке и, следовательно, имело видовой статус: «Это были гунны, жившие на востоке по соседству с персами, а их большинство более привыкло называть тюрками…»[81]

Этникон Τοῦρκοι был заимствован из среднеперсидского языка (именно так именовали иранцы тюрков Тюркского каганата), на что указывал Феофилакт Симокатта[82]. От иранцев этникон «тюрк» примерно в то же время проник и в арабскую среду, где он впервые

---

[77] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 231–237.

[78] Ibid. S. 280 (Σκύθαι) и S. 235 (Οὖννοι): иллюстрации из Константина Багрянородного, Льва Диакона, Никиты Хониата, Иоанна Киннама и др.

[79] *Menander Protector.* Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903. P. 204.6–7; Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1829. P. 297–298 (Менандр).

[80] *Mauricius*. Arta militară / Ed. H. Mihăescu. Bucureşti, 1970. XI.2 (p. 268–269): «Как нужно справляться со скифами, то есть аварами и тюрками и другими гуннскими народами, ведущими подобный образ жизни» (Πῶς δεῖ Σκύθαις ἁρμόζεσθαι, τουτέστιν Ἀβάροις καὶ Τούρκοις καὶ λοιποῖς ὁμοδιαίτοις αὐτῶν Οὐννικοῖς ἔθνεσιν); др. примеры: Index // Ibid. P. 384 (Οὐννικὸν ἔθνος; Σκυθικὸν ἔθνος).

[81] Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor, corr. P. Wirth. Stuttgart, 1972. I.8.5: «Οὖννοι δ᾽ οὗτοι, προσοικοῦντες τῇ ἕῳ, Περσῶν πλησιόχωροι, οὓς καὶ Τούρκους ἀποκαλεῖν τοῖς πολλοῖς γνωριμώτερον…» Рус. пер.: *Феофилакт Симокатта.* История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957.

[82] Ibid. III.6.9: «…τῶν Οὔννων τοιγαροῦν τῶν πρὸς τῷ βορρᾷ τῆς ἕω, οὓς Τούρκους ἔθος Πέρσαις ἀποκαλεῖν». Это повторено и Константином Багрянородным: Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. C. de Boor. Vol. 1: Excerpta de legationibus. B., 1903. Pt. 1. P. 223. 1–2. См. также: *Dieterich K.* Byzantinische Quellen… Bd. 2. S. 24.

фиксируется письменно в доисламской поэзии начала VII в.[83] Мусульманская этнографическая наука, ориентировавшаяся на языковой критерий в большей степени, чем античная и византийская, употребляла этноним «тюрки» (перс. ترک / мн. ч. ترکان; араб. ترک / мн. ч. اتراک) в современном смысле, обозначая им близкородственные по языку и происхождению народы и племена, которые мы называем тюрками и сейчас.

Именование Τοῦρκοι с IX в., будучи примененным к хазарам, венграм и тюркам на службе у халифата, начинает играть роль родовой категории[84]. С этих пор «тюрки» как родовой концепт отчасти оттесняют «гуннов», маркируя все (в современном смысле) тюркские народы, попадавшие в поле зрения Византии. Насколько мне известно, в исторической литературе тюрками эксплицитно нигде не названы лишь тюркские кочевники узы и печенеги, хотя это вовсе не означает, что их не считали подпадающими под общую категорию Τοῦρκοι. Это именование являлось общепринятым и для обозначения анатолийских тюрков — как тюрков-сельджуков, так и турок-османов, причем для маркировки последних оно использовалось наиболее часто[85]. Наряду с этим византийские писатели продолжали называть кочевников Причерноморья и Анатолии «скифами» и «гуннами».

В поздней астрологической литературе именование Τοῦρκοι заместило «скифов» почти повсеместно. В тексте из рукописи XIV в. (Vat. gr. 191. F. 232r) дается следующее описание связи между небесными светилами и национальным характером тюрков: «Второе — Туркия, имеет восходящим знаком Льва в доме Солнца, Луну в Стрельце, управителем — Марс. По этой причине большинство их из-за восходящего Льва обладают звериной природой, грабители, нелюдимые, благодаря Марсу — кровожадные и воинственные, благодаря Стрельцу — распутные, скотоложцы и лошадники»[86]. Несмотря на полное несовпадение привязок к небесным светилам у Птолемея (см. выше) и анонимного ученого XIV в., их вердикты относительно социокультурной физиономии скифов-тюрков весьма близки.

[83] *Doerfer.* Türkische. Bd. 2. S 490.

[84] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 321–322.

[85] Ibid. S. 322–325.

[86] CCAG. T. 5/2. P. 138.9–13: «Δεύτερον δὲ Τουρκία ἔχουσα τὸν ὡροσκόπον Λέοντα οἶκον Ἡλίου, τὴν δὲ Σελήνην ἐν Τοξότῃ, ὡροκράτορα Ἄρεα· διὰ τοῦτο ἐγένοντο οἱ πλεῖστοι διὰ μὲν τὸν ὡροσκόπον τὸν Λέοντα θηριώδεις, ἁρπαγαί, φιλέρημοι, αἱμοπόται δὲ καὶ πολεμισταὶ διὰ τὸν Ἄρεα καὶ ἀσελγεῖς καὶ κτηνοβάται καὶ ἱπποτρόφοι διὰ τὸν Τοξότην».

Интересна трансформация этнонима Τοῦρκοι в топоним Τουρκία, который с IX в. превращается в полный эквивалент «Скифии», обозначая северные территории от Подунавья (включая земли венгров) до Каспия. В этом значении топоним употребляется вплоть до поздневизантийского времени. В поздних астрологических трактатах топоним Τουρκία применяется для обозначения именно северных климатов. Однако начиная с XI в. как Τουρκία иногда определяют и тюркскую Анатолию, а в османское время это название становится обычным для Османского султаната[87].

Таким образом, наиболее *общими* родовыми категориями, обозначавшими алтайские кочевые народы, происходившие из регионов севернее и восточнее Дуная, Черного моря и Каспия, являлись Σκύθαι, Οὖννοι и Τοῦρκοι. Они считались синонимами, и византиец был волен выбирать любой термин из данного ряда. Наиболее устойчивым, общепринятым и широким было именование Σκύθαι, которое в идеале охватывало собою все кочевые (а у некоторых авторов даже и оседлые) народы, живущие к северу от цивилизованной ойкумены. Неологизмы Οὖννοι и Τοῦρκοι часто выступают полными синонимами «скифов», но в их употреблении наблюдается некоторая ограничительная тенденция: для части тюркских народов, подпадавших под классификацию «скифы», мы не имеем сведений о том, чтобы их называли гуннами и тюрками. Тем не менее по крайней мере к XI в. категории «гунны» и «тюрки», наряду со «скифами», несомненно, принадлежали к высшему родовому разряду в классификации.

5. Видовые категории

Видовые категории (т.е. *единичности*) представляли собой более низкий таксономический разряд, который маркировал единичные народы и племена, подпадавшие под общий родовой признак «скифов», но обладавшие некоторыми существенными отличительными чертами. Причем среди видовых категорий встречаются как традиционные именования, восходящие к античности или

[87] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 320; TH. P. 33: Τουρκίαν καὶ Ταταρίαν. Несомненно, Τουρκία тут обозначает северные климаты, но не Анатолию, вопреки мнению Д. Моравчика и прежним толкованиям автора этих строк (*Шукуров Р.М.* Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 54; *Shukurov R.* Horizons of Daily Interest // BF. 1999. Bd. XXV. P. 8). См. также не учтенные у Д. Моравчика сведения: CCAG. T. 4. P. 126.7–8; T. 5/2. P. 138.9; T. 5/3. P. 131.17; T. 9/1. P. 160.5 и др. Как обозначение османских земель см., например: *Schreiner*. Kleinchroniken. Bd. 1. No. 65.III.30: «…ἐγίνηκε πεῖνα μεγάλη εἰς τὴν Τουρκίαν ὅλην καὶ μάλιστα εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν».

ранневизантийскому времени, так и новые. Вопреки обвинениям в слепой имитации античности и либо нежелании, либо неспособности воспринимать новое, в византийскую номенклатуру проникало большое число новых этнонимов, нередко происходивших от самоназваний соответствующих народов. Эта новая этнонимия, судя по сохранившимся примерам, чаще всего сначала появлялась на уровне обыденного языка и лишь по прошествии времени воспринималась научным дискурсом, представленным литературной историографией.

Существовало несколько способов видовой маркировки. Во-первых, использовалась традиционная номенклатура, как, например, довольно употребительный этникон Μασσαγέται («массагеты»), который применялся к гуннам, аланам, древним тюркам, монголам, татарам, восточным тюркам[88].

Массагетами назывались кочевые народы, в целом подпадающие под родовое понятие «скиф»[89], но происходящие из регионов северо-восточнее Каспийского моря, как это ясно обозначил Лаоник Халкокондил в своем рассказе о происхождении Тамерлана (которого он называл массагетом)[90]. Понятие «массагеты» носило явственный ограничительный характер в сравнении с категорией «скифы»: его применяли чаще всего тогда, когда хотели подчеркнуть происхождение народа с крайних, закаспийских степей Северо-Востока. Именно поэтому в поздневизантийское время оно применялось по отношению к монголам и восточным тюркам Михаилом VIII Палеологом[91], Псевдо-Сфранзи, Халкокондилом и др. Вместе с тем это употребление не было устойчивым. Если старший современник Михаила Палеолога Никифор Влеммид локализует массагетов справа от Каспия, южнее Хорезма (т.е. достаточно да-

[88] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 183.

[89] Ср., например: Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt / Rec. A. Meineke. B., 1849. P. 435.16: «Μασσαγέται, ἔθνος Σκυθῶν…»

[90] *Chalcocondyles*. T. 1. P. 109.23–110.1: «[Гирканское море] именуют также и Каспием по имени тамошнего народа; граничит оно на юге с саками, а также и с кадусиями на протяжении 30 000 стадиев, а с востока и севера — с массагетами» («…λέγεται δὲ αὕτη καὶ Κασπία ἐς τὴν τοῦ ἔθνους τούτου ἐπωνυμίαν διήκει δὲ κατὰ μεσημβρίαν Σάκας τε ἔχων καὶ Καδουσίους ἐπὶ σταδίους τρισμυρίους, πρὸς ἕω δὲ καὶ βορρᾶν Μασσαγέτας»).

[91] *Grégoire H.* Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua // Byzantion. 1959–1960. T. 29–30. P. 453 (перевод — p. 454); *Троицкий И.Е.* Автобиография императора Михаила Палеолога. СПб., 1885. С. 533; Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Eds. J. Thomas, A.C. Hero, G. Constable. Washington, 2000. Vol. 5. P. 1243.

леко на восток)[92], то его младший современник Никифор Григора последовательно именует массагетами иранских кочевников аланов и помещает их ближе к Европе — в районах восточнее Танаиса[93].

В применении к тюркам изредка употреблялся древний этникон Σαυρομάται («сарматы»). Этот народ, по представлениям древних греков, подчинил в северных степях скифов. Временами «сарматами» именовали венгров, печенегов и узов[94]. Редкий случай квалификации османов как сарматов фиксируется уже в поствизантийской традиции, в XVI в., в апокалиптическом тексте Георгия Клонцы; хотя не исключено, что сами византийцы посчитали бы это отождествление ошибочным[95]. Именования «сарматы» и «Сарматия» были закреплены более или менее устойчиво за русскими и Русью соответственно[96].

Никита Хониат в качестве еще одного видового обозначения для половцев несколько раз применил этникон Ταυροσκύθαι[97], который, впрочем, по отношению к ним не прижился. Вообще «тавроскифами» устойчиво обозначалось население Русского государства[98]. В отношении двусоставных именований такого типа следует сказать, что они относились исключительно к видовым категориям (см. раздел «Концепт Πέρσαι»).

Помимо традиционных научных Μασσαγέται, Σαυρομάται и Ταυροσκύθαι византийцы для обозначения видовых категорий широко воспринимают новые «варварские» этнические именования, заимствуя их у цивилизованных соседей (как мусульманских восточных, так и западных) либо в ходе собственного общения с новыми племенами. Эти видовые (племенные) именования довольно определенно и точно идентифицируют различные тюркские племенные группы. Так, к примеру, в X–XII вв. в византийской литературе присутствуют этниконы Πατζινάκοι[99] и Οὗζοι[100], обозначавшие конфедерации огузских тюркских племен, вторгшихся на Балканы из южнорусских степей. Оба именования, по всей видимости, происходят от тюркских самоназваний этих конфедераций

---

[92] *Nicephorus Blemmydes.* Conspectus geographiae... P. 464.33–40.

[93] См., например: *Greg.* T. 1. P. 36. 5–8, 204.15–16.

[94] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 270.

[95] *Lampros S.* Ο μαρκιανός κώδιξ του κρητός Γεωργίου Κλόντζα // ΝΕ. 1915. Τ. 12. Σ. 44.

[96] *Ditten H.* Der Russland-Exkurs... S. 16–19, passim.

[97] *Nic. Chon.* T. 1. P. 312.2–3, 333.54; *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 303.

[98] *Ditten H.* Der Russland-Exkurs... S. 9, 83 (Anm. 63), 91f. (Anm. 106), 135 (Anm. 225).

[99] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 247–249. О печенегах в византийской историографии см.: *Kurat A.N.* (*Nimet A.K.*) Peçenek tarihi. İstanbul, 1937. S. 1–10, 143ff.; *Malamut É.* L'image byzantine des Petchénègues // BZ. 1995. Bd. 88. P. 105–147.

[100] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 228.

или же входивших в них отдельных племен (Πατζινάκοι ← тюрк. *beçenek*; Οὖζοι ← тюрк. *üz* ← *oğuz*). С XI по XV в. византийцы фиксируют племенное название Κούμανοι (XI–XIV вв., ← тюрк. *quman*)[101], которое они прилагали к половцам.

Особый разряд новой этнонимики появился вследствие монгольского нашествия. Помимо родовых именований «скифы» и «гунны» и видового названия «массагеты», применявшихся к татарам и монголам, в византийское пространство проникают видовые термины Τάταροι (XIII–XV вв.)[102], Μουγούλιοι и Μουγούλαι[103], воспринятые из персидско-арабской номенклатуры (соответственно تاتار *tātār* и مغول *mughūl*). Кроме того, восточные тюрки, татары и монголы с XIV в. маркируются именованием Χαταΐδες, произошедшим от топонима Χατάϊα (от перс. خطای *khiṭāy* ← уйгур. *kytai*, отсюда и рус. *Китай*), который византийцы локализовывали далеко на востоке, рядом с Китаем[104]. Эти видовые категории получают и традиционные эквиваленты Τόχαροι[105] и Κιμμέριοι (киммерийцы) — обозначения народов дальнего северо-востока ойкумены[106], в XIII–XIV вв. применявшиеся по отношению к монголам и татарам[107].

В поствизантийскую эпоху, под влиянием османской терминологии, в греческую историографию входит целый ряд новых этниконов: Μαμελούκοι (XIV–XV вв.)[108], Ὀθομανοί (с XV в.)[109], Ὀγούζιοι (т.е. огузские племена, предшественники османов у Халкокондила)[110].

К видовым категориям следует отнести также и названия более мелких племенных объединений и отдельных племен, часто заимствованные у самих носителей, как, например, Ἀμιτιῶται для племен *аккуйунлу* (происхождение до конца не выяснено, возможно — от

---

[101] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 167–168. О куманах в византийских источниках см.: *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.

[102] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 301.

[103] Ibid. S. 193.

[104] Ibid. S. 342–343; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер., дополн. О.Н. Трубачева, под ред. Б.А. Ларина. Т. 1–4. М., 1986. Т. 2. С. 240–241.

[105] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 329.

[106] Ibid. S. 160.

[107] Подробнее о византийском «этнографическом» концепте монголов см.: *Kaldellis A.* Ethnography After Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Philadelphia, 2013. P. 156–166.

[108] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 181.

[109] Ibid. S. 215.

[110] Ibid. S. 213–214.

топонима *Омидия* на Понте[111]), Ποσδογάνης (← тюрк. *bozdoğan*)[112], Καρμανοί и Καρμιάν для тюрков *гермийан* (← тюрк. *germiyan*)[113], Καραμάνοι и Καραμάν для анатолийского тюркского государства Караман (← тюрк. *qaraman*)[114] и т.д.

Византийцы отчетливо сознавали различия в этническом происхождении, что находит отражение в византийской антропонимике. В византийской номенклатуре личных имен обнаруживается большое разнообразие иностранных племенных и этнических названий, включая Τοῦρκος (встречается как самостоятельное прозвище, а также как первый элемент в составных именах Τουρκοθεόδωρος, Τουρκοθεριανός, Τουρκοϊωάννης и т.д.)[115]. Большинство таких имен были прозвищами, указывавшими на этническое происхождение их владельца или его ближайших предков.

Описанная родо-видовая классификация графически представлена на рис. 1.2.

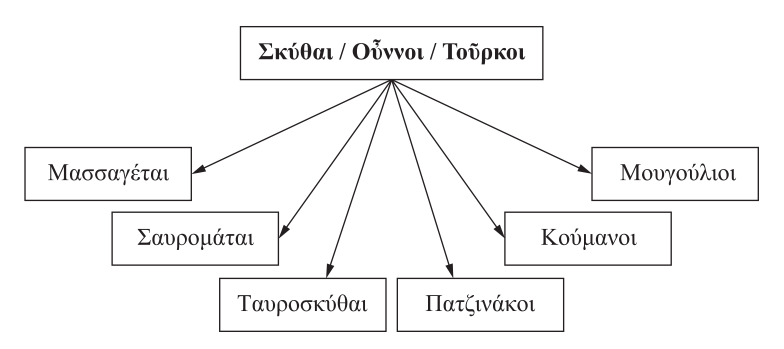

Рис. 1.2. Двухчастная классификация тюрков

6. Концепт Πέρσαι

Другой крупный таксон маркировался именованием Πέρσαι. С XI в. категория Πέρσαι применялась широко к анатолийским тюркам, а также к жителям исторической Περσίς — Азербайджана, Ирана, Хорасана, включая с XIII в. монголов и пришедших с ними тюрков[116]. Так, Иоанн Киннам называет анатолийских тюрков только

[111] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. S. 58; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 233–236.

[112] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 256; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 237–238.

[113] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 160.

[114] Ibid. S. 151–152.

[115] *Shukurov R.* The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeios. 1999. T. 6. P. 11–28.

[116] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 252–254.

«персами», ни разу не обозначив их «тюрками»[117]. Вообще, в древности и до XI в. Περσίς и Πέρσαι являлись важными *родовыми* категориями, будучи общим определением для обширного множества видовых географических и этнических единичностей[118]. Как родовые категории Περσίς и Πέρσαι стояли по значимости в одном ряду со Σκυθία и Σκύθαι. Однако в позднюю эпоху, в силу локативного критерия, как элемент номенклатуры тюркских/скифских народов Πέρσαι претерпевает любопытную метаморфозу, превращаясь из родовой категории в видовую. Как именование анатолийских тюрков и иранских монголов, оно находилось в явно подчиненном состоянии по отношению к родовым понятиям «скифы/гунны/тюрки».

В отождествлении персов и анатолийских тюрков наиболее эксплицитен Атталиат, который применяет к ним именование «персы» только в силу их расселения на исторической территории Персиды (локативный критерий): «персы, которых теперь часто именуют тюрками» (οἱ Πέρσαι, Τούρκους δὲ τούτους νυνὶ ὁ λόγος οἶδε καλεῖν)[119], «ибо появившиеся из Персии тюрки напали на римские земли» (οἱ γὰρ ἐκ Περσίδος ἐπιφανέντες Τοῦρκοι τοῖς Ῥωμαϊκοῖς ἐπιστρατεύσαντες θέμασι)[120]. Подобное понимание мы находим и у Никифора Вриенния и Анны Комнины, переносивших на тюрок именование «персы» только потому, что они овладели Персидой[121]. В XIII в. Феодор Скутариот подтверждает синонимичность для византийского сознания пары «тюрки/персы» в применении к сельджукам, говоря о них как о «тюрках, именуемых и персами»[122].

Вместе с тем о скифском/гуннском/тюркском (т.е. северном) происхождении анатолийских тюрков было хорошо известно византийцам. О нем упоминают все крупные историки — современники сельджукских завоеваний в Передней Азии в XI в. Михаил Атталиат, называя тюрков-сельджуков персами, в то же время

---

117 *Cinn.* Passim. Лишь в одном случае он говорит о «туркоманах» как подданных сельджукского султана, имея в виду туркменских кочевников пограничной зоны (*удж*): *Cinn.* V.3 (p. 208.1).

118 *Dagron G.* «Ceux d'en face»... P. 211–213; *Cameron A.* Agathias on the Sassanians // DOP. 1969–1970. Vol. 23–24. P. 67–183; *Schreiner P.* Theophylaktos Symokattes und das Perserbild der Byzantiner im 6. und 7. Jh. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1980. Bd. 21. Suppl. 5. S. 301–306.

119 *Attal.* P. 80.4–3.

120 Ibid. P. 135.17–18.

121 См., например: *Nicéphore Bryennios*. Histoire / Éd. P. Gautier. Bruxelles, 1975. P. 97. 1–2 («Ἀλλ' οὕτω μὲν Ῥωμαίων οἱ Τοῦρκοι γεγόνασιν ὅμοροι, τὴν Περσῶν ἀρχὴν κατασχόντες...»); *Anna Comn.* VII.7 («οἱ δὲ νῦν τὰ Περσῶν φρονοῦντες Τοῦρκοι»).

122 *Theodoros Skoutariotes*. Σύνοψις χρονική // Sathas K.N. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. Βενετία; P., 1894. T. 7. Σ. 183.27.

определяет их как разновидность гуннов (Οὖννοι Νεφθαλῖται; τῶν Νεφθαλιτῶν Οὔννων ἤτοι τῶν Τούρκων)[123]. Гуннским народом называли тюрков-сельджуков Михаил Пселл и Никифор Вриенний[124]. Точно так же и Феодор Газий в середине XV в. в своем письме к Франческо Филельфо, опираясь на предыдущую традицию, повторяет, что тюрки принадлежат к гуннским народам (Τοῦρκοι ἔθνος Οὐννικὸν εἶναί φησιν)[125]. Никифор Григора, сообщая о сельджукском посольстве к никейскому императору Иоанну III Ватацу в отношении заключения антимонгольского союза, называет анатолийских сельджуков тюрками, а иранских монголов — скифами[126]. У византийцев не было ни малейшего сомнения в истинном происхождении ближневосточных тюрков, которые получили именование «персы» только по локативному признаку.

С конца XI в. в византийской литературе наблюдается явная тенденция к противопоставлению двух ареалов — персидского на востоке и скифского на западе. Алексей I Комнин, описывая в наставлении к сыну Иоанну плачевное состояние империи в начале своего правления, противопоставляет ἡ Σκυθῶν μυριαρχία на западе и ἡ Περσικῶν ὅπλων βία на востоке[127]. Вплоть до середины XIV в. противопоставление Πέρσαι и Σκύθαι было общим местом; под первыми подразумевают анатолийских тюрков, позже и иранских монголов, а под вторыми — балканских половцев, аланов, а затем и золотоордынских монголов[128]. Может возникнуть ложное представление, что анатолийские (по большей части огузы) и балканские (огузы и кыпчаки) тюрки того времени в системе этнографических представлений оказывались отнесенными к различным родовым категориям, повторяющим родовое разделение между персами и скифами в классической древности и в ранневизантийскую эпоху. Однако эта явственная тенденция к разграничению двух тюркских ареалов все же не заслоняла представление о «скифском» происхождении овладевших Персией и Анатолией тюрков и монголов. Уже упоминавшийся Атталиат, устойчиво квалифицировавший сельджукских тюрков как гуннов и персов, в другом месте,

[123] *Attal.* P. 33.16–17; 59.16–17.

[124] Michaelis Pselli Orationes panegyricae / Ed. G.T. Dennis. Stuttgart, 1994. Vol. 127; *Nicéphore Bryennios*. Histoire. P. 91.1.

[125] Theodori Gazae Epistolae / Ed. P.A.M. Leone. Napoli, 1990. P. 97.11.

[126] *Greg.* T. 1. P. 41.4–6.

[127] *Maas P.* Die Musen des Kaisers Alexios I. // BZ. 1913. Bd. 22. S. 348–369, особенно S. 361.

[128] См., например: *Nic. Chon.* T. 1. P. 30.1–2, 178.4–5, passim; *Grégoire H.* Imperatoris… V–VII.

рассуждая о сельджукском вожде Хризоскуле, отмечает, что тот внешне был похож на скифа (τὴν ὄψιν Σκύθης), поскольку и в самом деле происходил от скифов (τὸ γένος ἐκ Σκυθῶν). Тем самым автор подчеркивает генетическое родство балканских «скифов» и анатолийских «персов»[129]. Точно так же Никифор Григора знает, что иранские монголы — это на самом деле Σκυθικὸν γένος, покоривший некогда Ассирию, Мидию, Персию[130].

В хорографической системе Птолемея Персия находится в восточной части Средиземноморского квадрата, влияние Солнца на которую более велико; благодаря этому регион характеризуется как солнечный, дневной, праворукий и мужской (в отличие от западной части Средиземноморья — лунной, ночной, леворукой и женской). Соответственно, люди, живущие там, обладают здравым смыслом, любознательностью, склонностью к наукам, они мужественны и решительны[131]. Персия, в трактовке Птолемея, находится под управлением зодиакальных знаков Тельца, Девы и Козерога и двух планет — Сатурна и Венеры. В силу этого ее обитатели отличаются способностью предсказывать будущее, страстностью, похотливостью, любовью к роскоши, но также и благородством, великодушием и воинственностью[132]. В классической астрологической хорографии существовали и другие привязки для Персии[133]. В текстах XIV–XV вв., под влиянием иранской астрологии, Персия ассоциируется с зодиакальным знаком Овна и Юпитером[134].

Таким образом, источником переноса имени «персы» на анатолийских тюрков являлись географические представления византийцев, квалифицировавших сопредельный Анатолии географический регион как Персию, а его жителей, соответственно, как персов. Тюрки, захватившие Анатолию в XI в., пришли из Персии и, в соответствии с занимаемым ими локусом, именовались персами. Однако византийская практика была, по всей видимости, обусловлена не только внутренней логикой традиционных представлений.

Именование Πέρσαι окончательно закрепилось за тюрками Анатолии в XII в., потеснив (но не отменив) именование Τοῦρκοι. Это изменение в византийской номенклатуре происходило одно-

---

[129] *Attal.* P. 107.1–2. Дополнительные примеры см. в: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 282 (10).

[130] *Greg.* T. 1. P. 35ff.; T. 2. P. 689.5–6.

[131] *Ptolem.* Opera. II.2.2.

[132] Ibid. II.2.3.

[133] Другие зодиакальные и планетарные привязки к Ирану см. в: Αἱ χῶραι συνοικειούμεναι τοῖς ιβ' ζῳδίοις... Σ. 112–119; *Bouché-Leclercq A.* Chorographie astrologique. P. 343–350.

[134] CCAG. T. 4. P. 126.4–5; T. 5. P. 131.2.

временно с развитием в самом анатолийском Сельджукском султанате представлений о связи своей державы с иранской, в особенности древне- и среднеперсидской (ахеменидской и сасанидской), государственностью. Роль персидской культуры и языка в высших слоях сельджукского общества была чрезвычайно велика. Сами высшие классы мусульманского общества в Анатолии культурно и лингвистически ассоциировали себя скорее с иранцами и арабами, чем с тюрками-кочевниками, цивилизационный статус которых в мусульманском Средневековье традиционно был невысок.

Можно предположить, что одним из внешних толчков к конструированию этой идейной связи между анатолийской и иранской государственностью была обсужденная выше византийская идентификация анатолийских тюрков как персов и инициированный византийцами аналогизирующий перенос на византийско-тюркские отношения в Анатолии традиционной модели греко-персидских отношений в древнюю и раннесредневековую эпоху. Не исключено, что внешний толчок, данный византийцами, наложился на широкий приток в Анатолию иранских эмигрантов из Мавераннахра, Хорасана и Северного Ирана, который достиг своего пика в первой половине XIII в. Персидский язык был одним из разговорных языков сельджукского городского населения, а также языком государственного делопроизводства, дворцового церемониала и высокой культуры до последних десятилетий XIII в. Не исключено также, что неожиданное сочетание этих двух факторов — византийского наречения персами и физического присутствия иранцев и иранской культуры — и подтолкнуло элиту сельджукского общества к удивительному повороту в поисках собственной идентичности.

В категории Πέρσαι можно выделить некоторые подвиды, маркировка которых конструировалась по традиционным моделям: Περσαρμένιοι (Данишмандидская династия в XII в., владевшая частью исторической Великой Армении)[135], Περσοσκύθαι и Σκυθοπέρσαι (сельджуки)[136], Περσοτοῦρκοι и Τουρκοπέρσαι (туркменские племена *аккуйунлу* в Восточной Анатолии)[137] и т.д. Появившееся в XII в. поня-

---

[135] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 254.

[136] Ibid. Bd. 2. S. 255, 283. У Д. Моравчика не учтены множественные упоминания Περσοσκύθαι в литературе конца XII и XIII в., см., например: Teodoro II Duca Lascari Encomio dell'Imperatore Giovanni Duca / Ed. L. Tartaglia. Napoli, 1990. P. 50.94–95; *Langdon J.S.* Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N.Y., 1992. P. 20–21.

[137] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 255, 327.

тие Τουρκομάνοι[138] обозначало туркменских кочевников Анатолии и было, по-видимому, заимствовано у оседлых мусульман этого региона. Анатолийские Τουρκομάνοι рассматривались византийцами как подвид в таксоне Πέρσαι: например, Акрополит связывает тех и других, говоря о туркменах, что «народ этот стережет удаленные границы персов» (ἔθνος δὲ τοῦτο τοῖς ἄκροις ὁρίοις τῶν Περσῶν ἐφεδρεῦον)[139]. Таким образом, Πέρσαι по отношению к перечисленным этниконам выступает в роли родовой категории, как это показано на рис. 1.3.

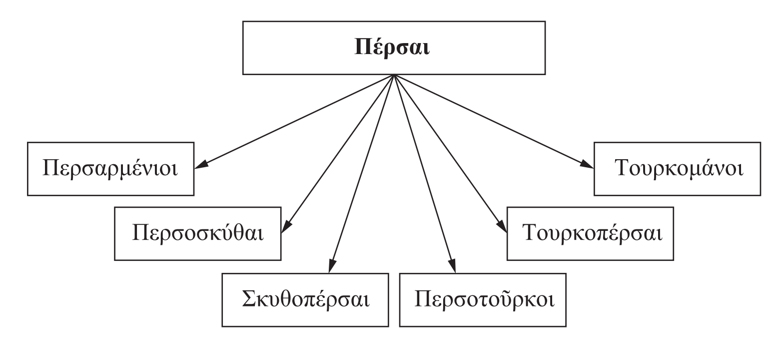

Рис. 1.3. Πέρσαι как родовая категория

Категория Πέρσαι стоит особняком, ее статус колеблется между родовым и видовым разрядами. Таксон Πέρσαι как обозначение мощного и грозного восточного народа, угрожающего империи, несомненно, занимал место родового понятия, охватывавшего серию видовых категорий. С другой стороны, византийцы продолжали считать, что народ Πέρσαι изначально представляет собой одну из разновидностей скифов/гуннов/тюрков, тем самым низводя его на более низкий, видовой разряд.

[138] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 320, 327. Именование «туркмен» (تركمان, арабизир. мн. ч. تراكمة, перс. мн. ч. تركمانان), возможно, произошло от этнонима «тюрк» + тюрк. *-man/-men* (увеличительный суффикс) — или же, согласно альтернативной средневековой этимологии, которую не следует полностью сбрасывать со счетов: ← перс. ترک مانند *turk mānand*, ترک مانا *turk-mānā* «похожий на тюрка», «тюркоподобный». Отказаться от традиционной персидской этимологии мешает то обстоятельство, что чисто тюркская этимология, к которой сейчас склоняется большинство тюркологов, все-таки не дает правдоподобной семантики: если *-man/-men* является увеличительным суффиксом, то «туркмен» будет означать «турчище», что имеет мало смысла. Поэтому более убедительной представляется традиционная этимология (← перс. *turk-mānā*). Ср.: *Doerfer*. Türkische. Bd. 2. S. 498–499; *Clauson*. P. XIV.

[139] *Acrop*. Vol. 1. P. 136.11–12.

7. Изъяны метода

В уже цитировавшемся отрывке Никифор Григора говорил, что византийские писатели, «которые пользуются греческими названиями [варваров], называют их по-разному, каждый как захочет»[140]. Он довольно точно ухватил главный изъян византийского метода освоения новой информации о строении внешнего мира: в нем присутствует некая непоследовательность в распределении новых народов по родовым и видовым разрядам.

Действительно, Григора прав в том, что привязка новых народов к родовым категориям не подвергалась ожидаемой нами унификации. Так, если для Атталиата тюрки-сельджуки — это гунны, захватившие Персию и получившие поэтому именование «персы», то в изложении Анны Комнины прослеживается явная тенденция чаще связывать именование «персы» с Великими Сельджуками Ирана, а тюрков Анатолии обозначать чаще как Τοῦρκοι; хотя в некоторых случаях, похоже, и анатолийские тюрки именуются у нее «персами»[141]. Иоанн Киннам и Никита Хониат никогда не называли тюрков-сельджуков «гуннами», хотя в предыдущей и последующей традиции, как мы показали выше, эта идентификация была общеизвестной. Киннам и Хониат применяли именование «гунны» исключительно к венграм. Иоанн Киннам никогда не называл тюрков-сельджуков Τοῦρκοι, тогда как Хониат обозначал их вперемежку и как Τοῦρκοι, и как Πέρσαι. Георгий Пахимер повсюду применял к тюркам-сельджукам именование Πέρσαι, употребляя Τοῦρκοι исключительно в отношении тюркских союзников каталонцев[142]. Такого рода примеры можно было бы умножить за счет разнобоя в обозначении северных тюрков (печенегов, узов и половцев, монголов), а также в употреблении древних видовых именований Μασσαγέται, Τόχαροι, Κιμμέριοι и др.

Исследователями неоднократно отмечался разнобой в применении древних названий к тем или иным новым народам[143], который и вводит современного читателя в замешательство более всего. Однако этот разнобой отнюдь не выливался в произвольность. Традиционные и новые именования народов в византийском сознании выстраивались в синонимические ряды как родовых, так и

[140] *Greg*. T. 1. P. 32.

[141] *Anna Comn*. VI.3, VII.7, XIII.8 («персы» как анатолийские тюрки).

[142] *Pachym*. XI.27; XIII.12–13, 26–27, 29, 38.

[143] *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 431; *Hunger H.* On the Imitation... P. 31; *Moravcsik G.* Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung // Polychronion, Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. S. 372ff.

видовых категорий, что мы и продемонстрировали выше. Византийские авторы были вольны выбирать из этих синонимических рядов тот элемент, который им казался более подходящим. Хотя, скажем, Киннам никогда не называл анатолийских сельджуков «скифами», «гуннами» и «тюрками», трудно себе представить, чтобы он не знал об их истинном скифско-гунно-тюркском происхождении. Различие между синонимическими группами всегда оставалось актуальным: никто из византийцев не мог назвать и не называл печенегов или половцев «массагетами» и «тохарами» (это именование было закреплено за народами, жившими в восточной части «Скифии»), никто также не называл тюрков и иранцев Ближнего Востока, скажем, «арабами» или «сарацинами» (последнее именование было закреплено, вопреки мнению Д. Моравчика, исключительно за арабами[144]).

Итак, византийская классификация северо-восточных и восточных народов была по преимуществу *двухчастной*, что в большинстве случаев не позволяет выстроить полноценную шкалу иерархических соотношений между различными элементами родового и видового таксонов. Редко удается выстроить таксономическую шкалу, которая бы содержала больше двух иерархических категорий: родо-видовые пары в византийских текстах сосуществуют как двухатомные молекулы, не вступающие друг с другом в субординационную связь. Конечно, в иерархической шкале *варвары–скифы–массагеты/киммерийцы/тохары и т.д.* присутствует, как мы видим, трехчастность, а в схеме *варвары–скифы–персы–персо-турки/персо-армяне/амитиоты и т.д.* — даже четырехчастность. Однако эти шкалы реконструируются сейчас скорее умозрительно, по аналогии с современными классификациями, они не были в ходу в реальной классификационной деятельности византийских интеллектуалов, оперировавших двухчастными моделями.

Главными родовыми категориями, обозначавшими алтайские кочевые народы, являлись Σκύθαι, Οὖννοι и Τοῦρκοι. Наиболее устойчивым, общепринятым и широким было именование Σκύθαι, применявшееся ко всем кочевым народам, происходившим из регионов севернее и восточнее Дуная, Северного Причерноморья и Каспия.

Категория Πέρσαι, в принципе подчиненная родовому понятию «скифы/гунны/тюрки», но и имеющая подвиды, была скорее ис-

[144] Ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 268. Об этнонимике и образе арабов в византийской литературе см.: *Christides V.* The Image of Pre-Islamic Arab in the Byzantine Sources. Princeton, 1970; *Idem*. Saracens' *prodosia* in Byzantine sources // Byzantion. 1970. T. 40. P. 5–13; *Idem*. The Names Ἄραβες, Σαρακηνοί etc. and Their False Byzantine Etymologies // BZ. 1972. Bd. 65. P. 329–333.

ключением из правила. В некоторых случаях она выступала как родовое понятие, определяя тюрков (а также и собственно иранцев), живших в мусульманской Анатолии и на Среднем Востоке, в противоположность «скифам», обитавшим на севере и северовостоке ойкумены.

Видовая номенклатура византийских текстов свидетельствует о достаточной степени предметности знания византийцев, об их уверенной ориентации в этнополитической карте современного им тюркского мира. Более того, адекватность этой номенклатуры удостоверяется и тем, что она в своей значительной части принята современной наукой. Мы продолжаем называть тюрков тюрками, печенегов печенегами, куманов куманами, туркмен туркменами и т.д. Будет нелишним подчеркнуть это наблюдение: для описания этнической карты средневекового мира мы во многом пользуемся ныне именно византийской этнической номенклатурой. Именно византийцы поименовали мир и наделили многие народы именами, которые те (а вместе с ними и современная наука) воспринимают сейчас как самоназвания.

Обвинения византийской науки о народах и землях в косности и закрытости для новой информации представляются преувеличенными. Несправедливость этих упреков наиболее явственна на уровне утилитарного знания, в котором новая этническая и географическая номенклатура свободно циркулировала. В заблуждение вводит то, что «реальная» номенклатура присутствовала в византийских текстах как обозначение *единичностей* и перемежалась с традиционными, научными *общими* именованиями, призванными показать место той или иной единичности в таксономической иерархии. Но таковы принципы науки per se. При учете особенностей византийской таксономии мнимые противоречия между новой (видовой) номенклатурой и архаической (родовой) во многих случаях исчезают[145].

8. Языковой критерий

Сказанное в предыдущих разделах о доминировании локативного критерия в классификационных моделях отнюдь не означает, что византийцы не замечали языковой специфики «новых» народов, что они не отличали чужие языки друг от друга. Однако именно

[145] Схожие выводы о сущности «византийской этнографии» (хотя и с явственным литературно-критическим уклоном в аргументации) см. в: *Kaldellis A.* Ethnography After Antiquity… P. 106–117.

в вопросе языка и языковой идентичности прослеживается существенная противоречивость византийского мышления. В нем действовало одновременно несколько конфликтующих моделей языковой идентичности, которые просуществовали непримиренными до самого конца византийской цивилизации.

Следует начать с того, что базовое разделение между «мы» и «они», «свои» и «чужие» в античной и средневековой греческой культуре отталкивалось от первичного языкового критерия, отраженного в общем, «родовом» термине для обозначения чужеземца — βάρβαρος, который происходил от насмешливой имитации звуков иностранной речи (*onomatopœia*). Язык в данном конкретном случае играет роль основного критерия этнокультурного различия, в Древней Греции очерчивая границы «своего» и противопоставляя эллинам чужие, иноязычные культуры[146]. Наряду с продолжавшим существовать представлением о связи эллинской идентичности с греческим языком, уже в античную эпоху в непременности этой связи возникают сомнения. Широко известна максима Исократа, в чьем определении эллинов отсутствует языковой критерий — т.е. в нашем понимании «родовой» признак этничности ставится под сомнение: «…имя “эллины” не обозначает более племя, но образ мыслей (διάνοια), и “эллином” именуются воспитанные по-нашему скорее, чем обладающие общим с нами происхождением»[147]. Другими словами, эллин не тот, кто по рождению эллин, но тот, кто воспитан по-эллински и живет по эллинским обычаям. Современный наблюдатель уточнил бы, что эллинский образ мыслей, конечно, предполагал в первую очередь обладание главным инструментом мышления — языком. Однако, парадоксальным образом, древние греки и позже византийцы не проблематизировали тему главенства языка в процессе «окультуривания» и эллинизирующей ассимиляции[148]. Овладение греческим языком виделось как нечто само собой разумеющееся, но никогда не рассматривалось как от-

---

[146] *Dihle A.* Die Griechen und die Fremden…; *Idem.* Die Wahrnehmung des Fremden… S. 4. В применении к византийской ситуации см. также: *Page G.* Being Byzantine… P. 42–46.

[147] *Isocrate.* Discours / Éd. É. Brémond et G. Mathieu. T. 2. P., 1938. 50.4–7: «…τὸ τῶν Ἑλλήνων ὄνομα μηκέτι τοῦ γένους, ἀλλὰ τῆς διανοίας δοκεῖ εἶναι, καὶ μᾶλλον Ἕλληνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδεύσεως τῆς ἡμετέρας ἢ τοὺς τῆς κοινῆς φύσεως μετέχοντας».

[148] Античные представления о языке и его зарождении подробно обсуждались в двух недавних монографиях: *Верлинский А.Л.* Античные учения о возникновении языка. СПб., 2006; *Gera D.L.* Ancient Greek Ideas on Speech, Language, and Civilization. Oxford, 2003. См. также: Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936; Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996.

правная точка и необходимая предпосылка эллинизации. Именно эта модель будет использоваться и в византийском пространстве, в котором понятие «образ мыслей» часто передавалось через термин τὸ ἔθος, τὰ ἔθη («нрав, обыкновение»), а также γνώμη («сознание, мнение, склонность») — т.е. обозначало скорее то, что ныне мы называем *культурой*[149]. Никита Хониат, желая выразить полную культурную ассимиляцию итальянца Альдебрандина с греками, говорит о воспитании его в римской/эллинской «культуре» (ἐντεθραμμένος τοῖς Ῥωμαϊκοῖς ἔθεσι)[150]. В XV в. ту же формулу повторяет и Халкокондил, стремясь объяснить читателю, что Великие Комнины были вполне греками: «Были они эллинами и по происхождению, и по нравам, тем более что говорили на языке эллинов» (Ἕλληνάς τε ὄντας τὸ γένος, καὶ τὰ ἤθη τε ἅμα καὶ τὴν φωνὴν προϊεμένους Ἑλληνικήν)[151]. Этот пример замечателен и тем, что Халкокондил раскрывает содержание τὰ ἔθη, применяя его как общее понятие, а язык истолковывая как частное проявление этого общего. Под τὰ ἔθη подразумеваются в этих примерах римские/эллинские «воспитание» и «обычаи», которые включали в себя в качестве одного из элементов и знание греческого языка[152]. В этих примерах проблема языка парадоксальным для нашего сознания образом затушевана как несущественная, второстепенная.

Базовое разделение на «свой» и «другие» языки претерпело существенные трансформации в римскую имперскую эпоху. Явная противоречивость просматривается и в позиции языка в римско-византийском этатизме. В пространстве имперской идеологии, по выражению Ж. Дагрона, «византийцы пытались примирить фактическое многоязычие с юридическим моноязычием»[153]. В идеале в Римской империи существовал один «главный» язык, который использовался в государственном законодательстве и делопроизводстве. Однако эта идеальная модель сталкивалась с фактической

---

[149] Как показала Дебора Гера, для античных греков язык был неразрывно связан со специфической диетой и образом жизни того или иного племени: *Gera D.L.* Ancient Greek Ideas on Speech… P. 10, 44, 57–61, 192–194, etc.

[150] *Nic. Chon.* T. 1. P. 639.6.

[151] *Chalc.* T. 2. P. 219.4–5. Другие примеры такого рода из более ранней литературы обсуждались в: *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium… P. 90–92; *Page G.* Being Byzantine… P. 54.

[152] См. также обсуждение близкой темы греческой παιδεία в: *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium… P. 21–41.

[153] *Dagron G.* Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle) // TM. 1994. T. 12. P. 219 (рус. пер.: *Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 160).

латинской и греческой диглоссией, т.е. ситуацией одновременного распространения обоих языков, функции которых были распределены между различными сегментами культуры (не путать с двуязычием). Латинский язык в основном играл роль государственного языка, языка законодательства, администрации и армии, в то время как греческий был языком культуры[154]. По крайней мере до VI в. латинский сохранял позиции государственного языка, хотя греческий шаг за шагом вытеснял его из официальной сферы. Впрочем, византийцы продолжали называть себя римлянами и, следовательно, никогда не забывали о латинском происхождении своей державы и культуры. Напомню в этой связи, что выражение «ῥωμαϊκὴ γλῶσσα» («римский язык») могло обозначать в равной степени как латинский, так и греческий язык[155]. Переход от латинского языка к греческому стал возможным и даже логически оправданным благодаря фактической полиэтничной имперской стратегии римской государственности. Конечно, эта стратегия не осознавалась как таковая, но осуществлялась де-факто, будучи обусловленной самим ходом событий.

Универсалистский характер римской/византийской государственности предполагал также фактическое функционирование на территории империи множества языков, которые, правда, оставались на маргиналиях культурной и государственной жизни[156]. Благодаря римскому/византийскому универсализму негреческие и нелатинские провинции империи могли развивать свои собственные литературы и религиозные традиции на местных языках (сирийском, коптском, грузинском, славянском, арабском). Расцвет местных культур на окраинах империи приходится на средне- и поздневизантийский периоды, когда в самой метрополии латинско-греческая диглоссия уже давно была преодолена. Развитию локальных культурных традиций на местных языках способствовало и в целом либеральное отношение византийской церкви к богослужению на местных языках[157]. Знание греческого языка для византийских подданных было весьма желательным, но формально,

---

[154] *Dagron G.* Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état // Revue historique. 1964. T. 241. P. 23–56; *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium… P. 66–70, 113–114.

[155] *Dagron G.* Formes et fonctions… P. 219–240 (рус. пер.: *Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма… С. 160–193).

[156] См.: Die Sprachen im römischen Reich…

[157] О полилингвизме римского и византийского пространства см.: *Dagron G.* Formes et fonctions… P. 219–220; ODB. Vol. 2. P. 1177; *Kahane H., Kahane R.* Abendland und Byzanz: Sprache // Reallexikon der Byzantinistik. Amsterdam, 1968–1976. Bd. 1. Col. 345–640; *Macmullen R.* Provincial Languages in the Roman Empire // American Journal of Philology. 1966. Vol. 87. P. 1–17.

юридически — далеко не обязательным. Таким образом, вопреки принципиальной моноязычной установке, в позднеримскую и ранневизантийскую эпоху официальное моноязычие находилось в конфликте с латинско-греческой диглоссией, а позже — с фактическим расцветом национальных культур на окраинах Византии. На протяжении всей истории империи она представляла собою де-факто многоязычное пространство.

Однако языковой плюрализм византийской цивилизации не стоит преувеличивать. Несмотря на фактическую многоязычность византийского пространства, в средне- и поздневизантийскую эпоху безусловная значимая социальная и культурная роль признавалась только за собственным, греческим языком. Его знание было первым и самым важным условием социального успеха в Византийской империи. Греческий оставался основным языком администрации, высокой литературы и церкви до самого падения империи. В эпоху упадка Византии, начиная с XIII в., византийские интеллектуалы стали чаще, чем прежде, ассоциировать себя с конкретным этносом — οἱ Ἕλληνες, «эллинами», тем самым будто бы этнически и лингвистически противопоставляя себя другим народам. Может сложиться впечатление, что на своем закате византийская культура как бы возвращается к древней, изначальной бинарной парадигме «эллин–варвар». Это впечатление лишь усиливается в связи с продолжавшимся господством греческого языка в официальной сфере и в пространстве культуры. И даже более того, именно с XIII в. наблюдается новое усиление классицистических тенденций в византийской словесности. Нет сомнений, что две эти тенденции — возрождение эллинской идентичности и пуризм в словесном творчестве — были прямо связаны между собой[158].

Вместе с тем, как представляется, это было лишь частичным и частным возвратом к изначальной модели «эллин–варвар», который не имел существенных последствий в реальной культурной и политической практике: размышления об узкоэтнической эллинской идентичности римлян были уделом исключительно интеллектуалов. Империя, хотя и неуклонно сокращалась в размерах, продолжала оставаться полиэтничным и многоязычным пространством. Как справедливо указывал в свое время Кирилл Манго, значение «эллинского национализма» XIII в. не следует преувеличивать:

[158] *Lechner K.* Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner… S. 56–68; *Vacalopoulos A.* Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, 1970. P. 46–60; *Koder J.* Byzantinische Identität — einleitende Bemerkungen // Byzantium. Identity, Image, Influence. Major Papers. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. S. 4–5.

в XIII–XV вв. империя оставалась над-этничным и универсалистским по сути образованием, и универсалистские «римские» представления о собственной идентичности господствовали в византийском менталитете, особенно в среде средних и низших классов. Иосиф Вриенний (ок. 1350 — до 1438) — известный проповедник, который в эпоху нарастания османской экспансии апеллировал к патриотизму византийской паствы, — в своем патриотическом дискурсе опирается отнюдь не на эллинскую, но на римскую идентичность слушателя[159]. В поздней Византии мы не найдем эксплицитных утверждений, что византиец непременно должен быть греком и грекоязычным. До самого конца империя оставалась многоэтничным политическим образованием, универсальной державой, которая потенциально охватывала все человечество, независимо от того, на каком языке говорили ее подданные. Простейшая схема, базирующаяся на языковых различиях («византийцы — это те, которые говорят на греческом» и, следовательно, «невизантийцы — это те, которые говорят на других языках»), не действовала в византийском пространстве.

На отмеченные «врожденные» противоречия в отношении языка накладывалась еще одна традиция, привнесенная из семитской культурной среды. В пространство византийской культуры оказалась включенной библейская модель языкового разнообразия в мире, которая воспринималась как объяснение и оправдание фактического многоязычия мира. Согласно библейским представлениям, первоначально люди говорили на одном языке. Но Бог наказал людей, смешав (т.е. разделив) их языки. Таким образом, многоязычие мира соответствует Божественному замыслу. Сюжет о Вавилонском столпотворении и рассеянии народов присутствует уже у Евсевия Кесарийского[160]. Библейское объяснение языковых различий было общепризнанным в византийском пространстве. Эпизоды глоссолалии из Нового Завета (Деян. 2:3–4; 1 Кор. 12:10, 14:4–5) добавляли к этому представление о сущностной многоязычности христианства и предназначенности его всем языкам и народам. Однако в богословской теории лишь за тремя языками — древнееврейским, греческим и латынью — безусловно признавался статус «главных», что поначалу заставляло сомневаться в право-

[159] *Mango C.* Byzantinism and Romantic Hellenism // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1965. Vol. 28. P. 32–34.

[160] См., например: *Eusebius.* Die Praeparatio evangelica // Eusebius. Werke / Hrsg. K. Mras. B., 1954. Bd. 8. IX.15.1. Об этой теме в греческой патристической традиции см.: *Borst A.* Der Turmbau von Babel: Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen. Bd. 1. Stuttgart, 1957. S. 227–257.

мерности перевода Писания и литургии на местные языки, не входящие в эту тройку[161].

Важно отметить, что различные линии отношения к языкам (как собственным, так и других народов) в византийском пространстве не сходились и никогда не подвергались систематизации. На практике все эти противоречивые тенденции сводились к принципиальному равнодушию к знанию чужих языков. В византийском мире не существовало традиции двуязычных и многоязычных словарей, которые были так широко распространены на мусульманском Востоке, в славянском мире и в Западной Европе. Для византийского пространства единственным исключением являются греческие толковые и латино-греческие словари, которые создавались с ранневизантийской эпохи и были в употреблении вплоть до гибели империи[162]. Вместе с тем следует помнить, что латинский считался родным языком византийцев, а изучение латыни представлялось скорее освоением собственного прошлого в духе платоновского «воспоминания», чем изучением иностранного языка. Того же рода была работа византийских лексикографов, создававших греческие толковые словари: это «припоминание» и запоминание своего собственного классического языка, который все более и более удалялся от византийцев. В этот ряд вряд ли надо ставить многочисленные специальные тексты утилитарного и научного характера, наподобие ботанических, фармацевтических, географических и др. глоссариев. Эти тексты по своему жанру и функциям были скорее толковниками специальной географической, медицинской и др. иностранной терминологии, нежели многоязычными словарями, предназначенными для изучения другого языка[163].

Напротив, мусульманская, славянская и западная культуры разработали богатую традицию многоязычных словарей. В исламском мире существовали арабо-персидские, арабо-тюркские, монгольские, индийские и т.п. словари, а также многоязычные лексиконы, включавшие в себя до 6 языков[164]. В Европе с VIII в. появляются

---

[161] *Dagron G.* Formes et fonctions… P. 223–230 (рус. пер.: *Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма… С. 167–177). Ссылки на наиболее важные работы на эту тему см. в: *Thomson F.J.* SS. Cyril and Methodius and a Mythical Western Heresy: Trilinguism. A Contribution to the Study of Patristic and Mediaeval Theories of Sacred Languages // Analecta Bollandiana. 1992. T. 110. P. 67–122.

[162] *Hunger H.* Die hochsprachliche… Bd. 2. S. 33–44, особенно S. 34–35 (греко-латинские и латино-греческие словари).

[163] Ibid. S. 272–273.

[164] Encyclopedias and Dictionaries, Arabic and Persian // Dictionary of the Middle Ages. N.Y., 1984. Vol. 4. P. 444; Translation and Translators, Islamic // Ibid. Vol. 12. P. 127–133.

глоссы — переводы с латинского, а вслед за ними — двуязычные и многоязычные словари (например, «Райхенауские глоссы» в VIII в., «Кассельский глоссарий» в VIII–IX вв. и т.д.). Можно указать и на известный «Codex Cumanicus» на трех языках — латыни, персидском и тюркском, — составленный около 1330 г.[165]

Словари с переводом с греческого на другие языки помимо латинского появились в славянском и мусульманском пространстве. Один из наиболее ранних — двуязычный греко-славянский словарь «Речь тонкословия греческого», составленный в XIV в.[166] Самый ранний греческий лексикон в мусульманском пространстве — так называемый «Расулидский гексаглот» XIV в., включавший в себя переводы слов на арабский, персидский, греческий, армянский, турецкий и монгольский языки[167]. Мусульманские, западноевропейские и славянские словари были похожи по структуре и принципам организации лексического материала — слова в них сгруппированы чаще не по алфавиту, а по темам: священные слова, местоимения, одежда, пища и т.д. Насколько мне известно, византийская наука не знала такого рода литературы, и я склонен объяснять это отмеченным равнодушием византийцев к языковой проблеме в целом и к иностранным языкам в частности.

Как отмечено выше, языки других народов систематически никогда не изучались (за исключением латыни в некоторые периоды[168]). Проблема чужого языка не обладала самоценной значимостью, равно как и проблема адекватной коммуникации с иноязычным окружением. Интерес к чужим языкам всегда носил инструментальный и утилитарный характер. Ими овладевали лишь под непреодолимым воздействием обстоятельств и использовали их нехотя и сугубо для достижения конкретной цели.

---

[165] Codex Comanicus: édition diplomatique avec fac-similés / Éd. V. Drimba. Bucarest, 2000.

[166] *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprachbuch. Beiträge zur Erforschung der Älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922; *Никольский Н.К.* Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI века. СПб., 1896.

[167] The King's Dictionary: The Rasūlid Hexaglot — Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Ed. P.B. Golden, tr. T. Halasi-Kun, P.B. Golden, L. Ligeti, E. Schütz. Leiden, 2000; *Golden.* Byzantine. P. 41–166. Другие словари: Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächslehrbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache / Beiträgen von T. Berger, Ch. Correll, G.S. Henrich und W. Lehfeldt. Köln; Wien, 1989; *Шукуров Р.М.* Восточные заимствования в среднегреческом по рукописи BnF, Supplément persan 939 // ВВ. 2013. Т. 72. С. 178–186.

[168] *Baldwin B.* Theophylact's Knowledge of Latin // Byzantion. 1977. T. 47. P. 357–360; *Whitby L.M.* Theophylact's Knowledge of Languages // Byzantion. 1982. T. 52. P. 425–428; *Brock S.* Aspects of Translation Technique in Antiquity // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1979. Vol. 20. P. 69–87.

Сущностная индифферентность к проблеме языка была присуща не только византийскому сознанию, но являлась общей чертой культур древности и Средневековья. В этом заключается принципиальное отличие древнего идеала знания от современного. Проблема чужого языка и коммуникации с чужим языковым пространством обрела самоценность лишь в современной цивилизации, в особенности благодаря лингвистической революции, начавшейся примерно с трудов В. фон Гумбольдта и продолжавшейся до времени Ф. де Соссюра (кон. XVIII — нач. XX в.). Именно в XIX в. была изобретена типология языков, которая легла в основу современной классификации этносов и культур. В древности и Средневековье в силу конкретных исторических обстоятельств могли возникать разные модификации взаимоотношений с иными языками и иноязычием: одновременно с византийской моделью существовали и другие более или менее открытые для них системы. Так, например, средневековое западноевропейское сознание было в большей степени восприимчиво и открыто к иноязычию по сравнению с тем, что было свойственно византийцам; иранское сознание занимало серединную позицию, будучи более открытым (например, к арабскому, индийским и тюркским языкам), чем византийское, но и более ориентированным на собственный язык (или, скорее, языки), чем Западная Европа. Однако многообразие вариантов этих взаимоотношений все же сводилось к принципиальной индифферентности к проблеме коммуникации с чужим, а следовательно, и к языку чужого.

9. Языки тюрков

Итак, освоение чужих языков и пользование ими в византийском пространстве носило несистематический, случайный и сугубо утилитарный характер. Хотя византийской образованности была чужда идея изучения языков как особой интеллектуальной практики, тем не менее византийцы, естественно, знали о том, что окружающие народы говорят на своих языках. В ряду иных народов тюрки не были исключением. Анна Комнина знает, что они говорят на τουρκικὴ διάλεκτος[169]. Поздняя астрологическая хорография также выделяет тюркский язык среди других. Анонимный трактат XIV в., условно названный издателем «De planetarum patrociniis» (Monac. № 287), сообщает, что Сатурн соотносится с египетским и еврейским языками, Марс — с персидским, Солнце

[169] См., например: *Anna Comn.* XI.2.9.2.

соотносится с франкским языком и, отчасти, греческим, Меркурий же «управляет языками тюркским и хазарским, соучаствуя с Солнцем в греческом языке»[170]. Из этого интересного пассажа будто бы следует, что греки имели представление о существовании наряду с коптским, еврейским, персидским нескольких тюркских языков, отмечая различия между ними маркерами «тюркский» и «хазарский». (Как отмечалось выше в этой главе, византийцы знали о том, что хазары являются тюрками[171].) В том же духе можно толковать и замечание Анны Комнины в ее описании знаменитой битвы при Ливунии, что печенеги («скифы») и куманы говорят на одном языке (ὁμόγλωττοι)[172]. По всей видимости, Анна имела в виду не столько полную тождественность двух тюркских языков, сколько их близость. Интересно также, что согласно «De planetarum patrociniis» греческий по своей космологической природе оказывался близок и к франкскому, и к тюркскому языку, разделяя с ними планетарных покровителей — Солнце и Меркурий. Таким образом, греческий, франкский и тюркский, объединяясь в близкородственную группу, противостоят «чуждым», азиатским языкам — египетскому, еврейскому и персидскому. Попутно стоит отметить, возвращаясь к проблематике предыдущего параграфа, что в Византии только астрология дает столь всеобъемлющую систематизацию языков, которая, однако, не так часто бывала востребована в византийской науке в целом.

Однако вернемся к знаниям византийцев о тюркском языке. Астрологическая лингвистическая теория, отчетливо разводившая тюркский и персидский в разные языковые группы, все же не была универсальной. Кроме того, в повседневности византийцы, похоже, не отличали тюркский от персидского, смешивая эти языки. Ключевым текстом, однозначно указывающим на это, является отрывок из «Теогонии» Иоанна Цеца, где даны образчики «скифского» и «персидского» языков[173]. Цец утверждает, что может поприветствовать каждого встретившегося в Константинополе иностранца на его собственном языке, приводя в греческой транскрипции

[170] CCAG. T. 7. P. 96.16–17, 97.27–28, 98.5–6: «Ἥλιος... κοινωνεῖ δὲ τὴν Ἑλληνικήν»; 98.31–32: «Ἑρμῆς... ἄρχει δὲ καὶ τῆς Τουρκικῆς διαλέκτου καὶ τῆς Χαζαρικῆς, κοινωνῶν δὲ τῷ Ἡλίῳ καὶ τῆς Ἑλληνικῆς».

[171] См. раздел 4.

[172] *Anna Comn.* VIII.5.6.5–6; *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги // Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 8.

[173] *Tzetzes*. Theogonia. P. 169.768–773 (начальные строки эпилога); *Hunger H.* Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes // BZ. 1953. Bd. 46. S. 304.1–305.8.

приветствия на языках разных народов[174]. Три пассажа среди прочих касаются скифского, персидского и арабского языков[175]:

…καὶ Σκύθην ἀσπαζόμενος οὕτω προσαγορεύω·
καλὴ ἡμέρα σου, αὐθέντριά μου, καλὴ ἡμέρα σου, αὐθέντα μου.
σαλαμαλὲκ ἀλτὴ [– –] σαλαμαλέκ ἀλτοῦγεπ.
τοῖς Πέρσαις πάλιν Περσικῶς οὕτω προσαγορεύω·
καλὴ ἡμέρα σου, ἀδελφέ, ποῦ ὑπάγεις; πόθεν εἶσαι, φίλε;
ἀσὰν χαΐς καρούπαρζα χαντάζαρ χαραντάση.
<…>
τοῖς δ’ Ἄραψιν ὡς Ἄραψιν ἀραβικῶς προσ[λέγω]·
ποῦ ὑπάγεις, πόθεν εἶσαι, αὐθέντριά μου; αὐθέντα μου, καλὴ ἡμέρα σου.
ἀλενταμὸρ βενένεντε σίτη μουλὲ σεπάχα.

Эти фразы толковались Д. Моравчиком, выводы которого приводятся ниже с некоторыми уточнениями и добавлениями[176]. «Скифская» фраза может быть реконструирована следующим образом: σαλαμαλέκ, несомненно, передает тюрк. *selam-alek* ← араб. *salām ʿalayk* سلام عليك «мир тебе, здравствуй»; ἀλτή соответствует тюрк. *altı* (*aldi*) «купленный, купленная женщина, невольница» (также употреблялось как женское имя); тюрк. ἀλτοῦγεπ — это, возможно, *altı* + *ağa* + *bek* (?) «господин, предводитель». Не все в этом толковании бесспорно, но пока у нас нет лучшего варианта. Вся фраза выглядит приблизительно так: «Salam-alek altı, salam-alek altı-ağa-bek», т.е. «Здравствуй, невольница! Здравствуй, господин». Эта фраза, возможно, соответствует половецкому диалекту. Судя по первой строке («Обнимая скифянку, так [ее] приветствую»), Цец, вероятно, намекает тут на скифскую невольницу-блудницу.

В «персидской» фразе ἀσὰν χαΐς, которую Цец перевел как καλὴ ἡμέρα σου, элемент ἀσάν может соответствовать тюрк. *ḥasan* «хороший, добрый, красивый», а также и «хорошо!» ← араб. حسن, а χαΐς, возможно, соответствует тюрк. *qays*(*sın*) со значением «хорошо!

[174] Не исключено, что Иоанн Цец тут следует греческому поэту I в. до н.э. Мелеагру Гадарскому (Anthologia Graeca / Ed. H. Beckby. T. 1. München, 1965. № 419.7–8):
ἀλλ’ εἰ μὲν Σύρος ἐσσί, «Σαλάμ», εἰ δ’ οὖν σύ γε Φοῖνιξ,
«Αὐδονίς», εἰ δ’ Ἕλλην, «Χαῖρε», τὸ δ’ αὐτὸ φράσον.
За эту параллель я благодарю проф. Гетцеля Коэна (Цинциннати, США). Связь с Мелеагром недавно отмечалась и в: *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium… P. 21.

[175] У Цеца есть и аланская фраза, анализ которой см. в: *Kim R.* On the Historical Phonology of Ossetic: The Origin of the Oblique Case Suffix // The Journal of the American Oriental Society. 2003. Vol. 123. P. 43–71; *Idem.* The origin of the Pre-Ossetic oblique case suffix and its implications // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1999. Vol. 6. P. 233–250.

[176] *Moravcsik G.* Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes // BNJ. 1930. Bd. 7 (1928–1929). S. 352–365; *Idem*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 18–19.

замечательно!»[177]; καρούπαρζα, вероятно, передает тюрк. *qaru barsa* «куда ты идешь?»; χαντάζαρ соответствует тюрк. *qanta*(*n*) *ä*(*r*)*sär* «откуда ты?»; наконец, χαραντάση передает тюрк. *qarındaş* «брат». Вся фраза выглядит, следовательно, таким образом: «Ḥasan qays(sın), qaru barsa, qanta(n) ä(r)sär, qarındaş?», т.е. «Хорошо, замечательно! Куда ты идешь, откуда ты, брат?». Возможно, эта фраза соответствует анатолийскому огузскому диалекту.

Наиболее легко дешифруется арабская фраза: «Куда идешь, откуда ты, госпожа? Господин мой, доброе утро!» («ʿAlā ayn tamurr min ayn anti sittī mawlāyī ṣabāḥ»; على اين تمر من اين انت ستى مولاى صباح). Возможно, это объясняется тем, что в XII в. греки имели более точное и глубокое представление об арабском языке, нежели о персидском и тюркском.

Проблема заключается в следующем: фраза, обозначенная Цецем как персидская, на самом деле является тюркской. Вероятно, он стремился отразить анатолийский диалект тюркского языка, если предположить, что он действительно чувствовал разницу между ним и половецким диалектом. Можно было бы подумать, что причиной этой путаницы между персидским и тюркским языками была только некомпетентность Иоанна Цеца. Однако это не так. Источники XII–XIV вв. демонстрируют полное отождествление персидского и анатолийского тюркского языков. Приведем несколько примеров, когда византийские авторы арабские и персидские слова именуют тюркскими, а тюркские — персидскими. Хониат считал, что арабское слово *manshūr* منشور является тюркским: «...σουλτανικοῦ γράμματος, ὅ φασιν οἱ Τοῦρκοι μουσούριον...»[178]. У Дуки тур. *bezistan/bedestan* (πεζεστάνιον, «базар шелковых тканей»), распространенное в османской Турции и неизвестное в Иране, квалифицируется как персидское (Περσιστὶ ὀνομάζεται), а перс. *sharābdār* (σιαραπτάρ, «виночерпий») маркируется как тюркское (κατὰ τὴν Τούρκων γλῶτταν)[179]. Может показаться, что формально Хониат и Дука правы, характеризуя μουσούριον и σιαραπτάρ как тюркские слова, ибо они действительно вошли в тюркский язык как заимствования. Однако Михаил Хониат, который проявил исключительный интерес к тюркам и их обычаям, подобно Цецу считает «персидский» и «скифский» языки вариантами тюркского[180].

[177] *Радлов*. Т. 2. С. 44.

[178] *Nic. Chon.* T. 1. P. 421.11–12.

[179] *Ducas*. P. 427.10, 235.24–25.

[180] Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου — τὰ σωζόμενα / Εκδ. S.P. Lampros. T. 1–2. Αθήνα, 1879–1880. T. 1. Σ. 124.28 (№ 5): «ἀλλ᾽ ὡς ἀπὸ διαλέκτου περσικῆς ἢ σκυθικῆς».

Поэтому в свете рассмотренного пассажа из «Теогонии» следует скорее думать, что византийцы просто не различали эти языки на уровне научного и литературного дискурса.

Иоанн VI Кантакузин несколько раз упоминал персидский язык (Περσιστί, διαλέγεσθαι Περσιστί[181]), но при этом на протяжении всей своей «Истории» неизменно именовал анатолийских тюрков «персами», *ни разу* не употребив именование Τοῦρκοι. Возникает вопрос: какой из языков он имел в виду — персидский или тюркский? Скорее всего, под Περσιστί Иоанн Кантакузин подразумевал анатолийский тюркский, хотя нельзя исключать, что и оба языка — и персидский, и тюркский. Разумеется, на утилитарном уровне, в своей речевой практике византиец не мог не различать тюркский и персидский. Иоанн Кантакузин, говоривший на языке анатолийских тюрков, конечно, в речевой коммуникации не мог путать тюркский и персидский (см. об этом в гл. VIII). Однако, именуя язык «персидским», он ставит исследователя в тупик: мы доподлинно так и не знаем, каким именно языком он владел — персидским или тюркским. В таком же недоумении остается читатель от утверждения одного из трактатов в корпусе Псевдо-Кодина, что тюрки-вардариоты при константинопольском дворе возглашали славословия императору «по-персидски» (περσιστί)[182]. И в данном случае это мог быть как тюркский, так и персидский, а также и оба языка вместе, если эти возглашения сочетали в себе их элементы.

Таким образом, на уровне «научной», абстрактной рефлексии названия «персидский язык» и «тюркский язык» в применении к говорам анатолийских мусульман были взаимозаменяемы. Это на сегодняшний взгляд парадоксальное употребление имеет себе параллелью ситуацию с термином «римский язык», ῥωμαϊκὴ γλῶσσα, который одинаково прилагался как к греческому, так и к латинскому. Не только персидский и тюркский могли маркироваться одним и тем же термином, но и общепринятое именование собственного говора византийцев скрывало под собой разные языки. Истоки этой взаимозаменяемости и в первом, и во втором случае следует искать в чрезвычайной влиятельности локативного критерия. Ведь греки последовательно квалифицировали анатолийский *турки* как «персидский» язык, но никогда не маркировали как «персидский» язык «скифов». Путаница между персидским и тюркским, а также между римским и греческим проистекает из, так сказать,

---

[181] *Cantac.* T. 2. P. 408.3, 552.20; T. 3. P. 66.5–7.

[182] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 210.7–8.

«родового» статуса локативного критерия идентичности, который предопределял большинство других, если не все другие обстоятельства бытования народа. Отношение византийцев к языку анатолийских тюрков в полной мере отобразило показанную выше амбивалентность терминов «персидский» и «тюркский» и их взаимозаменяемость в XI–XV вв.

Нельзя, впрочем, не упомянуть о том, что ко второй половине XV в., когда греки оказались под турецкой властью, они вольно или невольно расширили свой кругозор в сторону Востока и стали различать тюркский и персидский. Так, Халкокондил полагал, что «персы именуются *аджамиями*; говорят они на *аджамском* языке, все они персы и говорят на персидском»[183]. Хотя это утверждение представляется несколько путаным, оно стало шагом вперед по сравнению с предыдущей византийской традицией в освоении лингвистического поля Востока. Здесь под Ἀτζάμιοι понимается араб. عجم *ʿajam* («не-араб, иранец») — старое именование, которое арабы-мусульмане прилагали к иранцам центральной и восточной части халифата. Так что формально Халкокондил был прав, почерпнув эти сведения явно у самих турок или персов, ибо прежде такого рода информация в поле византийского знания о внешнем мире не встречалась. Именно *аджамии* (но не турки), как уяснил для себя греческий историк, и говорят на персидском языке.

Итак, хотя языковой аспект идентичности был известен византийцам, он использовался ими совсем не так, как это делается современным мышлением. Для византийской научной классификации язык имел второстепенное значение. Языковые различия не были проблематизированы византийской научной рефлексией. Византийцы не выстраивали типологий языков, как это делаем мы сегодня, и не искали генетических связей между ними. Точно так же не проблематизировались изучение и знание иностранных языков, которые пребывали в византийской цивилизации в регистре обыденности и повседневной функциональности.

10. Тюрки и конфессиональная идентичность

Византийское право не знало национальных и расовых различий, будучи в отношении этничности подчеркнуто универсалистским. Этнокультурные различия в правовой таксономии замеща-

[183] *Chalc.* T. 1. P. 156.18–157.1: «...Περσῶν τῶν Ἀτζαμίων καλουμένων· ὅσοι γὰρ τὴν Ἀτζαμίων φωνὴν προΐενται, Πέρσαι τε οὗτοι σύμπαντες καὶ τῇ Περσῶν φωνῇ διαλέγονται».

лись критериями конфессиональными. Религиозные различия для византийской правовой системы носили фундаментальный характер[184]. По этой причине византийская правовая мысль была абсолютно индифферентна к тюркам как к этнолингвистической группе. Однако, принимая во внимание преимущественно мусульманскую идентичность анатолийских тюрков и преимущественно языческую идентичность тюрков задунайских, некоторую реакцию на тюркское присутствие внутри империи можно обнаружить в византийских правовых нормах, касающихся инославных религиозных общин и индивидов.

Следует начать с юридического статуса мусульман, упоминания о котором на удивление редки в византийских правовых источниках. Ни гражданское, ни каноническое законодательство не дает какого-либо эксплицитного определения для религии мусульман. Такие определения скорее обнаруживаются в богословской ересиологии и полемистике, откуда они, по всей видимости, были восприняты как базовые также и правовой мыслью. Византийцы в богословской и, отчасти, судебной практике делили всех неправославных на три категории: язычников, иудеев и еретиков[185]. Причем последние две категории (иудеи и еретики) признавались обладателями частичного знания об Истинном Боге, в то время как язычники таковым знанием не обладали. Наследие Иоанна Дамаскина (ум. между 749 и 754 гг.), наиболее авторитетного византийского полемиста с исламом, чья оценка мусульманства повлияла на всю последующую ересиологическую и полемическую традицию, до недавнего времени давало исследователям основания полагать, что ислам мог рассматриваться как одна из христианских ересей. Дамаскин определяет ислам как ложное учение, вдохновленное неким арианским монахом. Однако, как показал П. Хури, последующая богословская традиция не оставляет сомнений в том, что мусульманство с самого начала квалифицировалось Иоанном Дамаскином, а вслед за ним и другими византийскими богословами как ложное *языческое* учение (αἵρεσις, τὰ συντάγματα) и как *языческая* вера (θρησκεία, πίστις)[186].

---

[184] Corpus Iuris Civilis / Rec. T. Mommsen, P. Krueger et al. Vol. 1–3. B., 1928–1929. Vol. 2. 1.1.1–2; Basilicorum libri LX / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda et N. van der Wal. Vol. 1–8. Groningen, 1953–1988. Vol. 1. 1.1.1–2.

[185] Epanagoge Basilii Leonis et Alexandri / Ed. K.E. Zachariae von Lingenthal // Collectio librorum iuris Graeco-Romani ineditorum. Leipzig, 1852. P. 83 (9.13): «Ἕλληνες καὶ ἰουδαῖοι καὶ αἱρετικοὶ οὔτε στρατεύονται οὔτε πολιτεύονται, ἀλλ’ ἐσχάτως ἀτιμοῦνται»; ср.: *Freidenreich D.M.* Muslims in Canon Law, 650–1000 // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History / Eds. David Thomas et al. Vol. 1. Leiden, 2009. P. 90.

[186] *Khoury P.* Jean Damascène et l’Islam. Würzburg, 1994. P. 38–39.

Догматическая интерпретация ислама как язычества отражена и в канонической литературе, и в других жанрах византийской письменности. В первую очередь тут следует сказать о чине отречения от мусульманства, сформировавшемся, по-видимому, к VIII–IX вв.[187] Важно отметить, что отрекающийся от ислама анафематствует не только пророка Мухаммада и его учение, но и «бога Мухаммада», тем самым подчеркивая, что божество мусульман и божество христиан (включая христиан-еретиков и иудеев) суть разные существа. Нельзя сказать, что подобная трактовка мусульманских представлений о божестве не подвергалась сомнению самими византийцами. Хрестоматийным примером таких сомнений является «Томос» императора Мануила I, который незадолго до своей смерти попытался снять анафему «божеству Мухаммада» из чина отречения. Мануил I утверждал, что «божество Мухаммада» и есть тот самый Единый Бог, которому поклоняются и христиане. Константинопольский высший клир не принял трактовки императора, продолжившего настаивать на изменении чина отречения. Хотя Мануилу I и удалось навязать поправку, сразу после его смерти церковь ее аннулировала, вернувшись к традиционным формулам анафемы. Богословы (особенно Евстафий Солунский) настаивали, что Мухаммад славил иного, идолоподобного бога, который был «всекованым» (ὁλόσφυρος), «не родил и не рожден»[188].

Оценка ислама как язычества вполне объяснима в контексте византийской правовой мысли. В XII в. знаменитый канонист Вальсамон (ум. после 1195) объяснял, что по гражданскому законодательству «еретик» определяется как «человек, уклонившийся от православной веры даже на самую малость и подлежащий законам против еретиков». При этом, продолжает канонист, латиняне, армяне, монофелиты, несториане и другие, подобные им, уклонились от православной церкви «отнюдь не мало, но весьма значительно и непростительно» (οὐ διὰ μικρόν, ἀλλὰ διὰ πλάτος μέγα καὶ δυδιεξίτητον ἐκ τῆς τῶν ὀρθωδόξων Ἐκκλησίας ἀπεξενώθησαν)[189]. Валь-

[187] Издание чина оглашения: PG. T. 140. Col. 124–36; критическое издание: *Montet E.* Un rituel d'abjuration des musulmans dans l'église grecque // Revue de l'histoire des religions. 1906. T. 53. P. 145–163. См. также: *Meyendorff J.* Byzantine views of Islam // DOP. 1964. Vol. 18. P. 123–125; *Sahas D.J.* Ritual of conversion from Islam to the Byzantine Church // Greek Orthodox Theological Review. 1991. Vol. 36. P. 57–69; *Hanson C.L.* Manuel I Comnenus and the "God of Muhammad": A Study in Byzantine Ecclesiastical Politics // Medieval Christian Perceptions of Islam / Ed. J.V. Tolan. N.Y.; L., 2000. P. 55–82.

[188] *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 213–219; *Hanson C.L.* Manuel I Comnenus… P. 72–74.

[189] Theodori Balsamonis Opera // PG. T. 138. Col. 985.

самон не говорит здесь о мусульманах, однако очевидно, что в контексте этих рассуждений дистанция между православием и исламом виделась неизмеримо большей, чем расхождение между православием и перечисленными еретиками, а также иудеями.

Сочинения канонистов XII–XV вв. вполне однозначно подтверждают формальное отождествление мусульман и язычников в пространстве юридического дискурса: язычники «скифы» (т.е. печенеги и половцы, среди которых ислам не имел широкого распространения) всегда стоят в одном ряду с «агарянами» — тюрками Анатолии, в той или иной мере воспринявшими ислам еще в Средней Азии и Иране[190]. Поэтому, как представляется, правовой статус мусульманства в Византии следует сопоставлять со статусом именно язычников — «эллинов», «народов» (τὰ ἔθνη) ранневизантийской правовой традиции, но не со статусом христиан других толков и иудеев, которые обладали частичной истиной.

Упоминания мусульман, а также язычников-«скифов» в правовой, а точнее, исключительно в канонической литературе случайны, не систематичны и носят скорее казуальный характер. Нас в первую очередь интересует то, как с XI в. византийское право осмысляло воздействие тюркских нашествий на внутреннюю жизнь империи[191]. Эта специфика исследовательской перспективы и предопределила выбор тем, обсуждаемых ниже: не будет специально анализироваться ситуация с греческим населением на тех балканских и анатолийских территориях, которые оказались под властью завоевателей, но внимание будет сосредоточено лишь на положениях правоведов, касающихся мусульман и язычников и применимых к внутривизантийской ситуации.

Можно выделить следующие центральные темы, которые более всего интересовали юристов в связи с изменившейся политической и, как мы увидим, демографической обстановкой: 1) браки с язычниками, 2) проблема сомнительного крещения младенцев.

---

[190] См. весьма сбалансированный и точный анализ аккультурации тюрков в исламском мире: *Босворт К.Э.* Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150 / Под ред. Д.С. Ричардса. М., 1981. С. 20–35.

[191] Обсуждение в целом небогатого материала для более раннего периода византийско-арабских войн см. в: *Vryonis*. Manpower. P. 131; *Reinert S.W.* The Muslim Presence in Constantinople, 9th–15th Centuries: Some Preliminary Observations // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 125–150; *Balivet.* Romanie byzantine. P. 7–26.

11. Браки с язычниками

Начнем с проблемы браков между христианами и язычниками. Как гражданское, так и каноническое право эволюционировало от ограниченного признания браков между православными и неправославными к полному недопущению таких браков.

«Василики» эксплицитно запрещали лишь браки с иудеями[192]. Гражданское законодательство обходит вопрос браков христиан с еретиками и язычниками[193], по всей видимости считая достаточным прямой запрет 72-го правила Трулльского собора (692 г.) на браки с неправославными. Такие браки, вне зависимости от того, кто является неправославным — муж или жена, — считаются преступным сожительством и должны быть расторгнуты, ибо «не до́лжно соединять несоединимое, сочетать волка с овцой»[194].

Хотя, как видно, на практике этот запрет не всегда соблюдался. Во-первых, в каноническом праве присутствовала не менее авторитетная противоположная точка зрения, разрешавшая браки между православными и иноверцами. В основе ее лежит высказывание апостола Павла, допускавшего брак, в котором один из супругов принял христианство, а другой нет, если супруги согласны жить друг с другом. «Ибо неверующий муж освящается женою верующей, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (1 Кор. 7:12–14). Другими словами, апостол Павел видел в такого рода союзах хотя бы частичное освящение брака, а также, вероятно, и средство приблизить к христианству неверующего супруга и детей. В свете этого противоречия запрет на браки с иноверцами не всегда соблюдался. Так заставляют думать повторные запреты, многократно повторяющиеся у канонистов начиная с XII в.

Прецедентным явилось постановление патриарха Феодота II (1151–1154), занимавшего престол в правление Мануила I Комнина. Некоему императорскому трубачу (βυκινάτωρ/βουκινάτωρ) после того, как он перешел в христианство, предписывалось развестись со своей неверующей женой, которая отказалась внять увещеваниям мужа и принять крещение[195]. Судя по тому, что жена названа

---

[192] Basilicorum libri LX. T. 1. P. 7 (B. I, 1, 34).

[193] См., например: Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965. С. 91.

[194] *Rhalles K., Potles M.* Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων. Τ. 1–6. Αθήνα, 1852–1859. Τ. 2. Σ. 471–472: «μὴ ἐξέστω ὀρθόδοξον ἄνδρα αἱρετικῇ συνάπτεσθαι γυναικὶ, μήτε μὴν αἱρετικῷ ἀνδρὶ γυναῖκα ὀρθόδοξον συζεύγνυσθαι... οὐ γὰρ χρὴ τὰ ἄμικτα μιγνύναι, οὐδὲ τῷ προβάτῳ τὸν λύκον συμπλέκεσθαι...»

[195] PG. T. 119. Col. 768.

«неверующей» (ἀπίστου γυναικός), она и ее муж-трубач были, скорее всего, скифами (половцами). Принадлежность их к армянам-монофизитам, богомилам или анатолийским тюркам менее вероятна, ибо в этих случаях источник вместо ἄπιστος γυνή употребил бы либо αἱρετικὴ γυνή, либо Ἀγαρηνὴ/Ἀγαρηνικὴ γυνή. На это решение патриарха Феодота II, как на прецедентное, ссылаются Вальсамон в конце XII в.[196] и Матфей Властарь в XIV в.[197] Причем оба канониста вспоминают, что апостол Павел допускал такие браки, однако это установление, согласно их замечанию, имело смысл на заре христианства, а теперь такие союзы однозначно признаются недействительными[198].

Вальсамон несколько раз упоминает браки между христианами и агарянами. Так, в своем толковании упомянутого 72-го правила Трулльского собора он приводит в качестве неприемлемого примера практику «ивиров (т.е. грузин. — *Р.Ш.*), без ограничений собственных дочерей выдающих замуж за агарян»[199]. Действительно, получившие распространение в грузинской среде арабские, персидские, тюркские, а позже и монгольские имена указывают на то, что с XII в. в грузинских землях браки с мусульманами были нормой[200].

Александрийский патриарх Марк задал Вальсамону вопрос о том, можно ли причащать православных женщин, находящихся в браке с еретиками и сарацинами. Вальсамон вновь ссылается на 72-е правило Трулльского собора, подтверждая, что указанные женщины могут получить причастие только после расторжения ими незаконного сожительства и исправления через епитимью[201]. Трудно сказать, какие христианки имелись тут в виду — жившие на территории империи или же за ее пределами. Похоже, что по большей части подразумевались те православные женщины, которые жили на мусульманском Ближнем Востоке и на завоеванных тюрками

---

[196] Толкования Вальсамона к 72-му правилу Трулльского собора: *Rhalles K., Potles M.* Σύνταγμα… Т. 2. Σ. 473.

[197] Ibid. Т. 6. Σ. 174–175.

[198] Обсуждение двух конфликтующих линий в каноническом праве см. в: *Oikonomidès N.* La brebis égarée et retrouvée: l'apostat et son retour // Religiöse Devianz: Untersuchungen zu sozialen, rechtlichen und theologischen Reaktionen auf religiöse Abweichung im westlichen und östlichen Mittelalter / Hrsg. D. Simon. Frankfurt am Main, 1990. P. 155–156.

[199] *Rhalles K., Potles M.* Σύνταγμα… Т. 2. Σ. 473: «Σημείωσαι οὖν τὸν παρόντα κανόνα, διὰ τοὺς Ἴβηρας, τοὺς ἀδιαφόρως τὰ οἰκεῖα θυγάτρια τοῖς Ἀγαρηνοῖς ἐκγαμίζοντας». Ср.: *Vryonis*. Manpower. P. 143.

[200] См. гл. VII.

[201] Theodori Balsamonis Opera (2) // PG. T. 138. Col. 985.

анатолийских территориях. Эти православные женщины не раз упоминались в канонической литературе того времени, о чем речь пойдет ниже. Хотя вряд ли следует исключать, что и на территории самой империи могли иметь место прецеденты браков между православными византийками и всегда присутствовавшими там мусульманами.

Примечателен в этом смысле и ответ Вальсамона на канонический вопрос патриарха Марка, касающийся незаконного сожительства, т.е. блуда, между христианами и неверными. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Если православный предался распутству с иудейкой или агарянкой, следует ли исправить его епитимьей или же перекрестить?» Вальсамон отвечает, что крещение дается один раз и оскверненный нечестием должен быть очищен подобающим каноническим наказанием[202]. Очевидно, что тут, как и в предыдущем случае, речь идет по преимуществу о мусульманских территориях, хотя нельзя исключать, что обсуждаемый прецедент мог иметь место и в границах византийской юрисдикции.

В любом случае, сама возможность браков византийцев (а точнее, византиек) с иноверцами удостоверяется практикой византийской элиты: в XIII–XV вв. Палеологи и Великие Комнины заключали династические браки с тюрками и монголами. Так, например, в 1265 г. Михаил VIII Палеолог выдал свою незаконнорожденную дочь за язычника Абаку[203], а в 1346 г. Иоанн VI Кантакузин выдал свою законную дочь Феодору за мусульманина — османского эмира Орхана[204]. Однако если в палеологовской Византии династические браки с восточными правителями были скорее исключением, то в Трапезундской империи они приобрели широкое распространение, превратившись в один из устойчивых инструментов дипломатии. С середины XIV по середину XV в. по меньшей мере 8 деспин, дочерей правящих императоров, были выданы за мусульман[205]. Более того, один из трапезундских императоров — Иоанн IV (1429–

[202] Theodori Balsamonis Responsa // PG. T. 119. Col. 1076: «Ἐὰν ὀρθόδοξος συμφθαρῇ πορνικῶς μετὰ Ἰουδαίας ἢ Ἀγαρηνῆς γυναικὸς, δι᾽ ἐπιτιμίου διορθωθείη, ἢ ἀναβαπτισθήσεται».

[203] *Pachym*. III. 25 (t. 1, p. 235).

[204] См. подробнее в гл. VI, а также: *Nicol D.* Mixed Marriages in Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Church History. 1964. Vol. 1. P. 160–172; *Bryer A.* Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // The Writing of History in the Middle Ages. Essays Presented to R.W. Southern / Eds. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 471–493.

[205] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток… С. 370 (прил. 2).

1460) был женат на некоей турчанке (которая, скорее всего, все же была обращена в христианство)[206]. Это было особенностью трапезундской практики, контрастирующей с традициями Палеологов.

В трапезундском прецеденте мы видим подтверждение и развитие подмеченной еще Вальсамоном особенности (в его жалобе на ивиров, выдающих своих дочерей замуж за агарян): на северо-восточной окраине византийского мира православные, как грузины, так и понтийские греки, более либерально относились к межконфессиональным бракам. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что византийская правовая система не предусматривала присутствия на территории империи мусульман в качестве подданных. Язычники подлежали судебному преследованию по гражданскому праву, а по каноническому — выводились за пределы общества, не имея возможности вступать в браки.

12. Проблема истинности крещения

Другим вопросом, занимавшим канонистов, была проблема истинности крещения тех, кто прибывал извне на территорию империи.

Прежде всего, это касалось византийцев, выкупленных своими у «персов» или «скифов» и утверждавших, что они были крещены как православные во младенчестве. Проблема для церковных властей состояла в том, принимать ли их в лоно церкви как истинных христиан или же перекрестить, признав их первое крещение сомнительным. Аргументы противников повторного крещения заключались в следующем: тех, кто был полонен в христианских землях и, таким образом, скорее всего (πρόσληψὶς ἐστι), был крещен во младенчестве, не следует перекрещивать, чтобы не войти в противоречие с 47-м правилом свв. апостолов, запрещающим повторное крещение. Однако прецедентное решение по этому вопросу было вынесено, по всей вероятности, при патриархе Луке Хрисоверге (1157–1170). Согласно синодальному постановлению, присутствует сомнение в истинности крещения полоненных на византийской территории; если нет заслуживающих доверия свидетелей, подтверждающих, что они были крещены либо во младенчестве, либо уже после возвращения из плена, то предпочтительнее их крестить. Тех же, кто был полонен в землях неверных, было установлено крестить без разбирательств, если только не удостоверили

[206] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток... С. 300–302.

бы свидетели, что они были крещены уже на византийской территории[207].

В этом синодальном постановлении, как мы видим, имеются в виду именно христиане и, надо думать, этнические греки, славяне и т.д., христианская идентичность которых не подвергается сомнению, но истинность крещения которых сомнительна.

Сюжет о сомнительном крещении имел и другое чрезвычайно важное продолжение, касавшееся агарян, оказавшихся на византийской территории. При том же патриархе Луке Хрисоверге некоторые агаряне (т.е. анатолийские тюрки), приведенные в Священный синод, на требование креститься ответили, что уже были крещены в своих землях православными священниками. Расследование синода обнаружило, что в мусульманской Анатолии крещение младенцев было в обычае, ибо, как полагали родители, оно уберегало детей от демонов и избавляло их от «запаха псины» (κατὰ κύνας ὄζειν). Синод постановил, что описанное крещение выполняло функции целебного средства и принималось скорее ради телесного попечения, но не духовного очищения и обретения правой веры. Соответственно, такое крещение агарян признавалось недействительным.

Более того, как выяснилось, некоторые из этих агарян, по их утверждению, были по материнской линии православными (μητέρας… ἔχειν ὀρθοδόξους), и именно заботами их православных матерей они и получили крещение. Очевидно, что под «православными матерями» имеются в виду православные гречанки Анатолии, выходившие замуж за местных мусульман. Однако крещение и этих агарян признавалось сомнительным. Синод выдвигает то же основание для сомнений: нет ясных свидетельств в пользу правдивости утверждений этих агарян. Детей православных гречанок следовало крестить заново[208].

Проблема крещеных агарян оставалась актуальной на протяжении XII–XIV вв.: истинность христианской идентичности имми-

---

[207] Основанием для этого решения явились 84-е правило VI Вселенского собора и 72-е (83-е) правило Карфагенского собора, предписывающие крещение в случае сомнений: PG. T. 119. Col. 785. Комментарии к этому постановлению см. в: *Brand.* Turkish. P. 16–17; *Vryonis*. Manpower. P. 131; *Idem*. Decline. P. 179 (note 267), 441–442.

[208] PG. T. 119. Col. 785; RegPatr. T. 1/II–III. № 1088 (p. 530). См. также: *Brand.* Turkish. P. 16. См. также комментарии Н. Икономидиса: *Oikonomidès N.* La brebis égarée et retrouvée… P. 155. Между прочим отметим, что латинян, обращавшихся в греческое православие, следовало лишь мазать миром. См., например: *Алмазов А.И.* Неизданные канонические ответы Константинопольского патриарха Луки Хризоверга и митрополита Родосского Нила. Одесса, 1903. С. 61 (ответ митрополита Нила, относящийся к 1350–1360 гг.).

грантов из Анатолии вновь обсуждалась Вальсамоном во второй половине XII в. и Властарем в XIV в. Если Вальсамон просто повторяет постановления времен патриарха Луки[209], то Властарь добавляет новые детали относительно обычаев агарян, крестивших своих детей. Как указывает Властарь, «у весьма многих из агарян есть обычай — своих новорожденных младенцев обрезать не прежде, чем христианские священники, состоящие у них в подданстве, хотя и против воли, принуждены будут их окрестить»[210]. Таким образом, судя по словам Властаря, младенцев сначала крестили, а лишь потом подвергали обрезанию.

Западноевропейские авторы дают дополнительную информацию о смешанных браках и детях, рожденных в таких браках. Латинские историки Крестовых походов отмечали в Анатолии особую группу *туркопулов*, т.е. «отпрысков тюрков», которые были рождены от греческой матери и отца-тюрка[211]. Для начала XIV в. Рамон Мунтанер сообщает, что западноанатолийские тюрки женились на девушках из знатных греческих родов. Что самое интересное, мужские потомки этих браков «становились турками и подвергались обрезанию», в то время как женское потомство выбирало религию по собственной воле. Разница в религиозной принадлежности мальчиков и девочек также отмечалась Лудольфом фон Зухеном в середине XIV в.: он писал, что когда тюрки женились на христианках, то мальчики от этих смешанных браков исповедовали ислам, а девочки исповедовали религию своих матерей-христианок[212]. Однако, как следует из византийской канонической традиции, также и мальчики могли быть крещены своими матерями.

Дополнительная информация о крещении детей в мусульманской Анатолии содержится в более поздних источниках. Например, крещение знатных мусульманских младенцев упоминается Бертрандоном де ла Брокьером, который посетил Анатолию в 1432 г. Он сообщает о некоем туркменском вожде из Юго-Восточной Анатолии по имени Рамадан; мать последнего была гречанкой, и она

[209] *Rhalles K., Potles M.* Σύνταγμα… Т. 2. Σ. 497–498.

[210] Ibid. Т. 6. Σ. 120: «…ἔθος γοῦν ἐστι τῶν Ἀγαρηνῶν τοῖς πλείστοις, μὴ πρότερον τὰ σφέτερα περιτέμνειν βρέφη, πρὶν ἂν οἱ ὑποτελεῖς ὄντες αὐτοῖς τῶν Χριστιανῶν ἱερεῖς, καὶ ἄκοντες ἀναγκασθῶσι ταῦτα βαπτίσαι…».

[211] *Vryonis.* Manpower. P. 133.

[212] *Ramon Muntaner.* Les Almogavres. L'expédition des Catalans en Orient / Éd. et trad. J.-M. Barberà. Toulouse, 2002. P. 44; *Ludolphus de Sudheim*. De itinere Terre Sancte / Ed. G.A. Neumann // Archives de l'Orient latin. 1884. T. 2. P. 375. Далее о смешанных браках в Анатолии и на Балканах в османскую эпоху см.: *Vryonis.* Manpower. P. 143–144.

крестила Рамадана, чтобы очистить его от неприятного запаха[213]. Далее Бертрандон посетил Конью, где узнал, что у сына караманского эмира Ибрагим-бека мать гречанка и что этот сын также был крещен по греческому обряду, чтобы избавиться от неприятного запаха[214]. Подобные обычаи отмечались и в более позднее время — в XVI и XVII вв. (Бусбек, венецианские документы XVI в., Казалий)[215]. По общепринятым в Анатолии представлениям, крещение очищало детей от «неприятного запаха», т.е. от «запаха псины», как писали византийские канонисты. Аналогичные сведения можно найти у Ф. Хаслука со ссылкой на Казалия: местные христиане (видимо, греки и армяне) объясняли строгое исполнение мусульманами правил ритуальной чистоты (заключающихся в омовении перед молитвой) именно тем, что мусульмане стремятся избавиться от присущего им запаха псины[216].

Эти примеры показывают, что, во-первых, смешанные браки между мусульманами и христианами на мусульманских территориях были весьма распространены на протяжении долгого времени и, во-вторых, что дети как от мусульманских, так и от смешанных браков могли быть крещены по православному обычаю. Исключительная популярность смешанных браков в мусульманских землях весьма ясно отражена в сочинении византийского историка XV в. Дуки, который писал о турках-османах: «…люди этого бесстыдного и дикого народа, если они захватили греческую или итальянскую женщину или другую иностранку, как пленницу, так и добровольно перешедшую [к ним], испытывают к ней любовь, как к Афродите или Семеле; при этом к женщине своего народа и своего собственного языка они питают отвращение, будто она медведица или гиена»[217].

Однако вернемся к постановлению синода: следует отметить, что решение церковной власти о сомнительности крещения му-

---

[213] *Bertrandon de la Broquière.* Le voyage d'Outremer / Éd. Ch. Schefer. P., 1892. P. 90: «Ramedang… avoit esté filz d'une femme crestienne laquelle l'avoit fait baptisier à la loy gregiesque pour luy enlever le flair et le senteur qu'ont ceulx qui ne sont point baptisiez. Il n'estoit ne bon crestien ne bon sarazin».

[214] Ibid. P. 115: «Il avoit esté baptisié en la loy greguesque pour oster le flair, aussy duquel la mere avoit esté crestienne, comme on me dist».

[215] Подробнее см.: *Hasluck F.W.* Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 1–2. Oxford, 1929. Vol. 1. P. 32–34.

[216] Ibid. P. 32–33.

[217] *Ducas.* IX.1 (p. 59.14–18): «…καὶ ταῦτα τὸ ἀναιδὲς καὶ ἀπάνθρωπον ἔθνος, εἰ Ἑλληνίδα ἢ Ἰταλὴν ἢ ἄλλην τινὰ ἑτερογενῆ προσλάβηται ἢ αἰχμάλωτον ἢ αὐτόμολον, ὡς Ἀφροδίτην τινὰ ἢ Σεμέλην ἀσπάζονται, τὴν ὁμογενῆ δὲ καὶ αὐτόγλωτον ὡς ἄρκτον ἢ ὕαινα βδελύττοντες».

сульман демонстрирует явное ужесточение ее позиции. Еще в IX в. патриарх Фотий (патриаршествовал с перерывом между 858 и 886 гг.) в одном из канонических ответов калабрийскому архиепископу Льву предписывал крестить новорожденных сарацинских младенцев по желанию их матерей (885 или 886 г.). Польза от этого, как считал Фотий, заключается в том, что такое крещение открывает как детям, так и их матерям возможность обретения истинной веры (τὸν τῆς πίστεως ἀρραβῶνα). При этом патриарх отмечает, что сарацинские матери, пошедшие на крещение своих детей, в наибольшей степени склонны к обучению христианству (προθυμότεραι καὶ πρὸς τὴν διδασκαλικὴν τελείωσιν ἔσονται), а значит, надо полагать, в конце концов и к обращению в новую веру. Другими словами, Фотий видел в крещении мусульманских младенцев миссионерскую компоненту[218].

Отметим еще одно существенное различие между прецедентами IX и XII вв.: в более раннем сообщении речь идет о матерях-мусульманках, а в позднем — о матерях-православных, гречанках. Церковные власти в XII в. отрицают истинность крещения детей даже и православных женщин. Очевидно, что в XII в. ситуация виделась совершенно в ином свете именно потому, что крещение мусульманских младенцев приобрело слишком широкое распространение и вовсе не вело, как показала практика, к непременному переходу крещеных мусульман и их родителей в христианство. Надо думать, в конце XIII — XV в. позиция церкви в этом отношении нисколько не изменилась, если еще более не ужесточилась (см. выше замечания о Матфее Властаре): все больше византийцев оказывалось за пределами границ империи в результате нараставшего политического и социального кризиса и катастрофического сокращения территорий, а следовательно, прецеденты крещения агарянских младенцев лишь учащались.

Мы располагаем весьма красноречивым примером того, насколько византийские власти могли быть озабочены соблюдением правил крещения. Речь идет о хорошо известном скандале, разразившемся в Константинополе относительно христианской идентичности сельджукского султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II (1246–1262) и его не названных по именам детей. По всей видимости, это были его сыновья Гийас ал-Дин Масʿуд, Рукн ал-Дин Кайумарс,

[218] PG. T. 102. Col. 780. Указания на другие издания того же текста: RegPatr. T. 1/II–III. № 562 (p. 151–152). Анализ этого отрывка: *Oikonomidès N.* La brebis égarée et retrouvée… P. 155. В связи с интересом Фотия к миссионерской активности вообще ср.: *Иванов С.А.* Византийское миссионерство… С. 143–146 и далее.

третий сын, известный в Византии как Константин Мелик, и четвертый, который позже, возможно, принял имя Саввы[219]. Султан ʿИзз ал-Дин Кайкавус II в 1262–1264/65 гг. жил в Константинополе в качестве изгнанника. Согласно свидетельству писидийского митрополита Макария, он крестил ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II и его детей задолго до бегства последних в Константинополь в 1262 г.[220] Как можно думать, по крайней мере, дети султана были крещены Макарием во младенчестве. Во время пребывания султана и его семьи в Византии тогдашний патриарх Арсений, опираясь на свидетельство Макария, обходился с ним и его детьми как с добрыми христианами. Патриарх позволял султану, его сыновьям и приближенным посещать церковную баню, приказал одному из монахов причащать сыновей султана, а также разрешал им всем, включая султанских «сатрапов», присутствовать на пасхальных богослужениях[221]. После бегства ʿИзз ал-Дина Кайкавуса в Золотую Орду возникли сомнения в том, были ли султан и его семья христианами, а патриарх Арсений был обвинен в неприемлемом общении с язычниками и нарушении церковных канонов. Совершенно очевидно, что дело против Арсения было сфабриковано по желанию Михаила VIII Палеолога, решившего сменить патриарха[222]. Однако примечательным остается указанный факт: противники Арсения выдвинули в качестве главного обвинения именно неканоническое общение с язычниками (помимо этого патриарх обвинялся лишь в том, что исключил из утреннего богослужения псалом, положенный за императора). Византийское общество строго блюло благочестие, и для обывателя обвинение в запрещенных контактах с язычниками было весьма значимым. Самое удивительное заключалось в том, что султан, услышав о процессе против патриарха, из Крыма подтверждал свою принадлежность к христианству и даже просил Михаила VIII Палеолога переслать ему его ладанки (ἐγκόλπια), видимо оставшиеся в Константинополе, и был готов откусить от со-

---

[219] См. подробнее гл. III (разд. 6).

[220] *Pachym*. Т. 2. P. 339.9–12, 349.10–12. О митрополите Макарии см.: PLP. № 16271.

[221] Ibid. P. 337–339. О свидетельстве Макария сам патриарх Арсений говорил: «Τουτέστιν ὥρισα κοινωνῆσαι τοῦς τοῦ σουλτάνου παῖδας· τῆς ᾽Εκκλησίας με ἐξώθησε· καὶ ταῦτα τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Πισσιδίας ἐγγράφως ὁμολογήσαντος ὡς ἐκεῖνος καὶ ἐβάπτισε τούτους καὶ ἐκοινώνησε» (*Arsenios*. Testamentum // PG. T. 140. Col. 956). См. также слова Григоры о христианской идентичности султана: «…σουλτὰν καὶ ἀρχηγὸς ἐγεγόνει τῶν Τούρκων, τότε μὲν ἐν κρυπτῷ διατηρῶν τὰ τῆς εὐσεβείας καιριώτερα, νῦν δ᾽ ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ τὰς θείας ἀσπαζόμενος εἰκόνας καὶ πάντα ἐς προὖπτον τὰ Χριστιανῶν ἐργαζόμενος ἔθιμα» (*Gregoras*. T. 1. IV.4 (p. 94)).

[222] *Троицкий И.Е.* Арсений и арсениты // Христианское чтение. 1867. № 8. С. 190–221.

леной свиной ноги в подтверждение своей христианской идентичности[223].

Одно дополнительное замечание относительно этого интересного прецедента: если сам султан ʿИзз ал-Дин Кайкавус II и его дети восприняли крещение в согласии со всеми правилами (о чем митрополит Макарий и свидетельствовал), то, соответственно, при крещении они приняли христианские имена, которые в дальнейшем носили наряду со своими мусульманскими именами. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем крестные имена ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II и его сыновей Гийас ал-Дина Масʿуда и Рукн ал-Дина Кайумарса; однако благодаря византийским источникам мы знаем, что один из его сыновей был, по-видимому, крещен как Константин (весьма высокопарное царское имя, надо отметить), хотя у нас нет никаких сведений о мусульманском имени Константина[224].

Из всей этой истории об истинности крещения агарянских младенцев следует сделать два весьма важных для наших целей вывода. Во-первых, церковные власти в империи не шли на компромиссы и, если требовалось, настаивали на повторном крещении вновь прибывших варваров. Во-вторых, — а это еще более существенное обстоятельство для нас, — многие анатолийские тюрки, оседавшие на землях империи, в каком-то смысле уже были христианами, хотя церковная власть и отвергала их христианскую идентичность. К этому выводу мы вернемся позже, а именно в разделе о механизмах ассимиляции иммигрантов в византийском обществе.

Свободно исповедовать ислам на византийской территории могли только подданные мусульманских государей, в том числе военнопленные, торговцы и дипломаты. Именно их нужды обслуживали мечети, издавна существовавшие на территории империи[225]. Именно для иностранцев-мусульман в XIV–XV вв. в Кон-

---

[223] *Pachym.* T. 2. P. 347.9–15. О христианской идентичности Кайкавуса II и его семьи см. также мою работу: *Шукуров Р.М.* «Гаремное христианство»: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. СПб., 2011. С. 64–90.

[224] О византийской карьере Константина Мелика см.: *Laurent V.* Une famille turque au service de Byzance. Les Mélikès // BZ.1956. Bd. 49. P. 349–368.

[225] О мечетях на территории империи см.: *Miles G.S.* The Arab Mosque in Athens // Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1956. Vol. 25. P. 329–344; *Balivet.* Romanie byzantine. P. 35–36; *Reinert S.W.* The Muslim Presence in Constantinople…; The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials / Ed., transl. and commentary A.-M. Talbot. Washington, 1975. P. 84–85, 350; *Constable O.R.* Housing the Stranger in the Mediterranean World: Lodging, Trade, and Travel in Late Antiquity and the Middle Ages. Cambridge, 2003. P. 147–150; *Anderson G.D.* Islamic Spaces and Diplomacy in Constantinople (Tenth to Thirteenth Centuries C.E.) // Medie-

стантинополе, под давлением османов, учреждались шариатские суды кадиев[226]. Данные гражданского и церковного законодательства однозначно указывают, что в идеале подданными византийского императора могли быть только православные христиане. Именно поэтому византийские власти были столь бескомпромиссны в вопросах истинности крещения как репатриированных греков, так и натурализовавшихся иностранцев-тюрков из Анатолии и с северных территорий. Однозначный запрет на межконфессиональные браки был дополнительным инструментом, контролировавшим внутри империи реализацию этого фундаментального положения византийского права.

val Encounters. 2009. Vol. 15. P. 86–113. О предположительном существовании мечети в Трапезунде в эпоху Великих Комнинов см.: *Shukurov R.* The Crypto-Muslims of Anatolia // Archaeology, Anthropology and Heritage in the Balkans and Anatolia: The Life and Times of F.W. Hasluck, 1878–1920 / Ed. D. Shankland. Vol. 1–3. Istanbul, 2004–2013. Vol. 2. P. 135–158; *Шукуров Р.М.* Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 6. М., 2005. С. 214–233.

[226] О кадиях в Фессалонике и Константинополе см.: *Necipoğlu N.* Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of the Fifteenth Century // BMGS. 1992. Vol. 16. P. 158–169; *Eadem.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009. P. 101–104, 138–139, 201–202, 207.

Глава II

ВИЗАНТИЙСКАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА

В предыдущей главе я обсудил византийские этнонимы и топонимы, прилагавшиеся к азиатским, в особенности тюркским, народам и территориям. В последующем изложении будет предпринята попытка развить избранный аналитический подход к ономастике и вовлечь в исследование более широкий диапазон онимов, имевших хождение в византийском обществе. Однако, прежде чем перейти к анализу византийской ономастики, следует сделать небольшое отступление, которое разъяснит избранный мною метод и обрисует некоторые его преимущества и ограничения.

1. Антропонимическая база данных

Принципиальное отличие источникового материала XIII–XV вв. от материала предыдущей эпохи заключается в существенном увеличении доли документальных источников, как публично-, так и частноправовых. Главным резервуаром сохранившихся документов для поздневизантийского периода являются афонские монастыри. Число документов резко увеличивается после 1261 г. — со времени полного восстановления византийского контроля над Афоном, о чем уже говорилось выше (см. введение). Традиционные повествовательные источники теперь дополняются массой документального материала. Объем документов столь значим, что меняется характер источниковой базы для исследуемых нами вопросов: актовый материал становится в некоторых случаях самым информативным.

Наиболее важной для нас особенностью документального материала является наличие в нем множества уникальных упоминаний о людях разного социального и имущественного состояния, а также микротопонимики, не зафиксированной в других источниках. Хотя документальные источники, как правило, весьма скупы на дополнительные сведения об упомянутых в них лицах и местечках, сами антропонимы и топонимы могут быть использованы как полноценный источник по демографической истории.

Учитывая обозначенные выше обстоятельства, на предварительном этапе исследования антропонимический и топонимический материал, датируемый 1204–1461 гг., был собран в электронную

базу данных. В нее вошли антропонимы и топонимы, содержащие корни восточного происхождения. Под восточными в данном случае подразумеваются имена арабского, персидского и тюркского происхождения. Антропонимический и топонимический материал извлекался из всех доступных источников, однако очевидно, что наиболее важными являются источники документальные.

Сбор антропонимического материала для палеологовского времени в значительной мере облегчается существованием *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* (*PLP*), в котором зарегистрировано более 28 000 имен лиц, упоминавшихся в византийских источниках. Из всех зафиксированных в PLP имен примерно 14% имеют невизантийское происхождение, т.е. не являются греческими, эллинизированными латинскими или библейскими. Первоначальный список восточных антропонимов создавался в результате сплошной проработки данных, собранных в PLP. Позже, в результате повторного анализа первичных источников, были внесены дополнения и поправки, заключавшиеся, в частности, в восстановлении пропущенных семейных связей и добавлении лиц, не учтенных в PLP. В дополнение к PLP, где информация негреческих источников не учитывалась, в базу данных были включены имена из персидских, тюркских, славянских и западноевропейских текстов, в которых упоминаются отдельные лица, жившие на византийской территории. Однако эти дополнения не являются многочисленными.

В добавление к материалу, собранному в PLP, были привлечены данные из доступных источников ласкаридского времени и византийского Понта до 1261 г., которые добавили к списку PLP еще некоторое количество восточных имен.

Избранные имена восточного происхождения насчитывают около 350 единиц для западновизантийских земель и 69 для византийского Понта, их этимология представляется бесспорной. За пределами базы данных осталось значительно большее число негреческих имен, происхождение которых неизвестно. Эти необъясненные имена восходят, вероятно, к славянским, западноевропейским, армянским, тюркским, албанским или иным корням. Однако доказательное определение их происхождения — задача будущих исследований. Наличный список восточных имен, таким образом, может расшириться в ходе дальнейшей этимологической работы.

Следующий этап исследования состоял в помещении избранных имен в исторический контекст с использованием традиционных методов просопографии. Каждая запись базы данных представляет собой просопографическую таблицу, содержащую следующие руб-

рики: 1) фамилия или прозвище, 2) этимологическое толкование имени, 3) крестное имя, 4) профессия и социальный статус, 5) место, 6) время, 7) семейные связи, 8) источники, 9) исследования.

Необходимо подчеркнуть, что в базу данных не включались имена иностранцев — подданных мусульманских государств (Сельджукского султаната, Османского султаната, мамлюкского Египта, Золотой Орды, княжеств Западной Анатолии, государств Ирана и Ближнего Востока), а также имена, относящиеся к Северному Причерноморью. Таким образом, база данных восточных имен сосредоточена исключительно на византийском населении Ласкаридской, Палеологовской и Великокомниновской империй.

2. Западновизантийские земли

На основании анализа базы восточных имен можно выделить две основные агломерации, представлявшие собой, по-видимому, два крупнейших центра «восточного» этнического присутствия на византийских территориях: а) Македония от Серр до Скопье и Кастории (135 имен), 2) Константинополь и его окрестности, включая Фракию (69 имен). Остальные имена географически связаны с Анатолией (28), северным и юго-западным побережьем Черного моря (19), Эгейским морем с Лемносом и Критом (22), Пелопоннесом (14), Кипром (11), Кефалинией (5), Фессалией и Эпиром (4), Южной Италией (4). Несколько имен локализовать невозможно, в ряде случаев локализация сомнительна (39). Эти 350 человек составляют примерно 1,3% от известных жителей империи для 1204–1453 гг. Приводимые в настоящей работе предварительные расчеты могут быть уточнены в результате дальнейших исследований, однако описываемая здесь общая картина и численные пропорции между выделенными группами вряд ли существенно изменятся.

Как уже отмечалось, в силу состояния источников поздневизантийский актовый материал весьма фрагментарен и в большинстве случаев недостаточен для построения полноценной демографической статистики для той или иной конкретной территории. Это касается всей эпохи Никейской империи: сохранившиеся комплексы документов монастыря Лемвиотиссы и монастырей Латра относительно бедны и охватывают слишком незначительную территорию, чтобы выводить из них заключения об этнических процессах в Анатолии в 1204–1260-х гг. Совершенно не обеспечена массовым документальным материалом Фракия — пожалуй, наиболее интересная для нашего исследования область, в которой в первой половине XIV в. происходил чрезвычайно интенсивный

контакт между византийским и тюркским этническим субстратом. Практически ничего не сохранилось из документальных материалов относительно византийских владений на черноморском берегу Балкан и северо-западном побережье Анатолии. Демография островов Эгейского моря точно так же освещена слишком фрагментарно для построения этнодемографической статистики.

Счастливое исключение составляет Константинополь, а также Македония — сравнительно густонаселенная территория, которая является единственной византийской областью, обеспеченной демографическими данными, достаточными для приблизительных статистических расчетов.

Большая часть данных по византийской Македонии содержится в афонских актах. Исследованные монастырские документы включают в себя императорские хрисовулы и частные акты дарений, документы купли-продажи, судебные постановления относительно спорных участков, периорисмы и т.д. Наиболее информативным типом монастырских документов, содержащим богатую антропонимическую информацию, являются *практики*, т.е. кадастры, фиксирующие фискальную информацию о монастырских землях, о налогах и хозяйствах париков, сидевших на монастырской земле. Земельные описи осуществлялись в Македонии в 1300–1301, 1316–1318, 1320–1321, 1338–1341 гг. После середины XIV в. описи не проводились, лишь в начале XV в. они были возобновлены на короткое время: последний известный практик относится к 1420 г.[1]

Однако у афонских актов есть одно существенное ограничение: сохранившиеся документы касаются преимущественно самих афонских монастырей; лишь немногие из них дают представление о земельной собственности мирян, и сохранились они только потому, что эти земли были включены в монастырские угодья позже.

Характер первоисточников определяет главные хронологические, демографические и территориальные ограничения настоящего исследования: 1) имеющиеся документы освещают материал хронологически очень неравномерно — подробно отражена лишь первая половина XIV в.; 2) источники охватывают лишь часть реально существовавших лиц и 3) касаются только тех земель, которые принадлежали монастырям. Таким образом, значительная часть территорий и, соответственно, населения осталась не описанной в источниках. Другие источники, такие как историография,

---

[1] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 5–31; *Karayannopoulos I.E., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). Bd. 1–2. Wiesbaden, 1982. Bd. 1. S. 105–107; *Laiou A.E.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977. P. 9–10.

императорские и патриаршие документы, бухгалтерские книги, маргинальные пометы и т.д., предоставляют некоторую дополнительную информацию, которая, однако, не в состоянии исправить недостатки нашей источниковой базы.

Географически исследование ограничивается преимущественно балканскими территориями от Серр до Охрида и долины реки Вардар, т.е. территориями, примерно соответствующими нынешней греческой провинции Македония и Республике Македония. Из около 10 000 имен жителей Македонии, упомянутых в PLP, в результате этимологического анализа было избрано 135 восточных имен, что составляет около 1,5% от общего числа зарегистрированных в PLP имен для этого региона. Иногда источники содержат информацию о родственниках носителей этих 135 имен (родители, дяди, братья, дети, внуки и т.д.). Собранные имена охватывают 198 лиц. Важность македонского материала определяется тем, что эти 135 имен составляют более $^1/_3$ (39%) всех собранных восточных антропонимов для западновизантийского ареала (350 имен). Это соотношение подтверждает, что в Македонии мы имеем беспрецедентно высокую по сравнению с другими регионами степень детализации демографических данных.

3. Византийский Понт

Этнические процессы на византийском Понте в период правления Великих Комнинов (1204–1461) изучены в еще меньшей степени, чем демография западновизантийских земель (Западной Анатолии, Балкан, островов Архипелага). Это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, источниковая база наших знаний о византийском Понте много более скудная по сравнению с таковой для западновизантийского ареала. Причем, как уже говорилось (см. введение), лапидарность сведений усугубляется и тем, что они распределены в большом количестве источников на почти всех письменных языках обширного Восточно-Средиземноморского и Черноморского регионов. Во-вторых, этническая ситуация на Понте отличалась, пожалуй, даже большей сложностью, чем, скажем, в Македонии, в силу большей социальной и культурной сплоченности этнических групп, как автохтонных (греки, картвелы), так и пришлых (армяне, тюрки, итальянцы). Если в западновизантийском ареале вплоть до последних этапов существования империи Палеологов ассимиляционные и унифицирующие механизмы не теряли своей эффективности, то на Понте греческие, картвельские, армянские, тюркские группы (в особенности кочев-

ники) сосуществовали преимущественно в неслиянном симбиотическом модусе. При этом такие влиятельные этнические сообщества, как картвельское, армянское и кочевое тюркское, практически не генерировали своей собственной письменной традиции, своего собственного голоса, который мог бы дать информацию о них из первых рук.

Тем не менее наличные источники сохранили достаточно сведений для реконструкции этнической ситуации на поздневизантийском Понте. Как и в отношении западновизантийских территорий, наиболее действенным инструментом тут является антропонимический анализ. Понтийская антропонимия сохранилась главным образом в понтийских греческих источниках: актах Вазелонского монастыря в Мацуке (Maçka), хрисовулах трапезундских императоров, текстах разных литературных жанров, созданных понтийскими интеллектуалами, эпиграфике; наконец, имеются некоторые сведения из восточных и западноевропейских источников[2]. Эта источниковая база имеет те же ограничения, которые обсуждались нами в предыдущем разделе, посвященном западновизантийскому материалу: источники весьма фрагментарны, они покрывают лишь небольшую часть территорий Трапезундской империи и весьма неравномерно освещают разные периоды ее истории. Наиболее полно представлен регион Мацуки, отраженный в кодике Вазелонского монастыря.

Из упомянутых в понтийских источниках преномов, прозвищ и фамильных имен могут быть растолкованы чуть более 50%. Остальные имена остаются неидентифицированными. Э. Брайер определял как греческие лишь 47,3% антропонимов, зафиксированных в Вазелонских актах; остальные 52,7% имен в актах — негреческого происхождения[3]. Очевидно, что эти негреческие имена были привнесены на территорию византийского Понта лицами восточного, картвельского, армянского, латинского и др. происхождения. Наше исследование посвящено преимущественно араб-

---

[2] Вазелонские акты: AV; об актах см.: *Bryer A., Lowry H.* Introduction // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society. Birmingham; Washington (DC), 1986. P. 5–6. Notes 13 and 15; DöUrk. S. 329–344 (repr.: *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 350–370); *Shukurov R.* The Oriental Margins of the Byzantine World: a Prosopographical Perspective // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Eds. J. Herrin, G. Saint-Guillain. Aldershot, 2011. P. 168–169. Другие документальные источники: *Lampros*. Ανέκδοτον. Σ. 187–198 (хрисовул Алексея III); MM. Vol. 5. P. 276–281 (хрисовул Алексея III); *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 241–278 (хрисовулы Алексея IV, Иоанна IV и Давида).

[3] *Bryer A.* Rural Society in Matzouka // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society. P. 53–95, 79–80.

ским, персидским, тюркским и монгольским элементам в негреческой антропонимии.

Из более чем 1600 имен, зафиксированных в понтийских источниках, избрано 69 имен восточного происхождения, которые принадлежат 87 индивидам. Следовательно, азиатские иммигранты и их потомки составляли примерно 5,8% от населения империи, что в четыре раза больше, чем в западновизантийских землях. Избранные имена принадлежат исключительно тем лицам, которые жили на территории Трапезундской империи или имели там собственность. В отличие от западновизантийского материала, этимологизация понтийских имен требует особого внимания к специфике местного греческого диалекта, а также к картвельской и ближневосточной ономастике того времени.

Еще одна особенность понтийских имен, отличающая их от западновизантийских моделей: на Понте христиане из армян и грузин могли иметь арабские, персидские, тюркские и монгольские имена. Использование арабских имен грузинскими христианами было отмечено Ж.-К. Шене в его исследовании о византийских арабах в X и XI вв.[4] У нас нет данных о такого рода практиках в западновизантийском ареале.

При работе над понтийскими этимологиями значительную помощь мне оказали два блестящих лингвиста — проф. Питер Мэкридж из Оксфорда (греческая лингвистика) и проф. Бернт Брендемён из Осло (тюркология). Я с удовольствием выражаю им искреннюю признательность, подчеркивая, что ответственность за все возможные недостатки предложенных этимологий лежит на мне.

4. Византийская антропонимическая модель

Мой список содержит три типа антропонимов: личные имена, прозвища и патронимы. В большинстве случаев невозможно отличить прозвище от патронима. Византийские крестьяне и средние классы обычно идентифицировались либо по крестному имени, либо по прозвищу, которое, как правило, указывало на место рождения, этничность, профессию или отражало особенности характера или внешности[5]. Представители низших классов часто идентифицировались через указание на их семейные связи (например, «отец», «зять», «сын» и т.д.)[6].

---

[4] *Cheynet J.-C.* L'apport arabe à l'aristocratie byzantine des Xe–XIe siècles // Cheynet J.-C. La société byzantine. L'apport des sceaux. Vol. 1–2. P., 2008. Vol. 2. P. 628–629.

[5] О географических и этнических индикаторах в антропониме см. выше (гл. I).

[6] Подробнее, с примерами из источников, см.: *Laiou A.* Peasant Society... P. 108.

Как хорошо известно, византийцы давали имена, далеко не всегда ориентируясь на святцы и древнюю традицию. Наличные списки имен византийского времени изобилуют *уникальными* мужскими и женскими личными именами, прозвищами и патронимами. Имя, как оно зафиксировано в источнике, может содержать все, несколько или только одно из перечисленных средств идентификации. В большинстве случаев прозвища существовали в рамках лишь одного поколения. Термин «фамилия» в собственном смысле этого слова следует применять с большой осторожностью из-за крайней неопределенности его в византийском контексте.

Прозвище редко переходило к потомкам у представителей средних и низших классов. Но иногда это случалось. Например, на Лемносе в 1425–1430 гг. у некоего Χατζίλαλα был сын Γεώργιος. Γεώργιος обозначен в одном из монастырских документов как ὁ υἱὸς τοῦ Χατζίλαλα[7], что соответствует распространенной идентификационной модели «сын такого-то». Однако в другом месте в документах то же самое лицо именуется Γεωργίῳ τῷ Χατζίλαλα[8], имя его отца, таким образом, стало выполнять функцию прозвища.

В отношении патронимов в византийских моделях именования есть одно важное исключение: аристократические семьи, имевшие высокий социальный статус, действительно обладали своего рода фамильными именами. Это было имя (или имена) предка, которое использовалось в качестве общего идентификатора для группы родственников. Однако и тут византийская модель отличалась от современной европейской.

Во-первых, знатный человек мог использовать в качестве патронима либо отцовское, либо материнское родовое имя (или имена), либо сочетание обоих. Во-вторых, супруг мог принять более знатное фамильное имя жены; так, например, Иоанн Масгида Дука (PLP. № 17222) взял родовое имя *Дука* в результате женитьбы на Ирине Дукене (PLP. № 17216). Дети Константина Масгиды (PLP. № 17223) предпочли родовое имя своей матери: Ирина Сфранзена и Иоанн Сфранзи (PLP. № 27284–27285). В-третьих, родные братья и сестры могли иметь разные патронимы. Неясно, насколько произвольным было избрание знатным человеком той или иной модели именования и существовали ли в этом сколько-нибудь строгие правила[9]. В XIII–XV вв. структура имен правящих династий

[7] ADion. № 21.27, 25.96–97.

[8] Ibid. № 21.15, 25.90 (орфография сохранена).

[9] Проблема знатных имен в Византии изучена довольно хорошо: *Каждан А.П.* Об аристократизации византийского общества VIII–XII вв. // ЗРВИ. 1968. Т. 11. С. 47–53; *Kazhdan A.P., Ronchey S.* L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1999. P. 156–158, 383–391; *Laiou A.* Peasant Society… P. 118–120;

(Палеологов и Великих Комнинов) была наиболее близка к современной европейской в силу неизменного сохранения этих патронимов в течение многих поколений, вероятно по причинам идеологического и церемониального характера.

Обладание фамильным именем само по себе являлось свидетельством высокого социального статуса и благородного происхождения. Таким образом, в контексте антропонимического исследования под знатью я имею в виду, с одной стороны, высокопоставленных военных и гражданских чиновников, а с другой — владельцев тех фамильных имен, которые сохранялись на протяжении нескольких поколений.

5. Лингвистическая проблема

Значительная часть имен, собранных в нашем списке, относится к лицам тюркского происхождения, принадлежавшим к низшим и средним слоям общества, что затрудняет поиски для них аналогий в византийских и восточных нарративных источниках того времени, где отражается преимущественно жизнь высших классов. Процесс замещения исконно тюркских антропонимов стандартными общеисламскими именами в подунавской и анатолийской тюркской среде в XIII–XV вв. был далек от завершения и проходил в Северном Причерноморье и в Анатолии далеко не синхронно. Анатолия была в большей степени исламизирована, иранизирована и арабизирована, поэтому стандартные мусульманские имена в ней были распространены много шире по сравнению с половецко-монгольским Причерноморьем. Однако и в Анатолии в эту переходную эпоху даже знатные тюрки, недавние язычники, нередко именовались двойными именами — новым мусульманским (арабским, реже — иранским) и старым тюркским преномом, прозвищем или родовым именем (например, ср.: Фахр ал-Дин Догмуш, Мубариз ал-Дин Кара-Арслан, Сайф ал-Дин Салур, Шамс ал-Дин Огуз и т.д.)[10]. К XV в. в среде анатолийских тюрок исламизация имен успела охватить (да и то не в полной мере) лишь высшие

Patlagean E. Les débuts d'une aristocratie byzantine et le témoignage de l'historiographie: système des noms et liens de parenté aux IXe–Xe siècles // The Byzantine Aristocracy (XI to XIII Centuries) / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 23–41; *Cheynet J.-C.* Du prénom au patronyme: les étrangers à Byzance (X^{e}–XIIe siècles) // Studies in Byzantine Sigillography / Ed. N. Oikonomidès. Washington, 1987. P. 57–66; *Idem*. L'anthroponymie aristocratique à Byzance // L'anthroponymie, document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux / Éd. M. Bourin, J.-M. Martin et F. Menant. Rome, 1996. P. 267–294.

[10] См., например: *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 55–56.

слои общества, причем очевидно, что именник представителей высшей тюркской знати, как он зафиксирован в ближневосточной, анатолийской и византийской хронистике, значительно отличался от списка имен и прозвищ простых кочевников, воинов, горожан и земледельцев. Двойные тюрко-арабские имена, будучи многочисленными в ранних османских дефтерах, практически исчезают к XVII в. Например, в османском *caba defter* для ливы Трабзон 1695–1731 гг. двойные тюрко-мусульманские имена уже крайне редки[11]. В среде сельских и городских обывателей-тюрков и, особенно, в кочевой среде общеисламские имена окончательно вытесняют исконно тюркские именования, вероятно, лишь к XVIII в.

В свою очередь, в тюрко-монгольском Северном Причерноморье в XIII–XV вв., несомненно, преобладали исконно тюркские и тюрко-монгольские имена. Ислам начал распространяться в широких массах населения лишь при хане Узбеке (1313–1341), а процесс глубинной исламизации населения занял столетия[12]. Это привело к определенной консервации исконной тюркской антропонимической номенклатуры. Наше знание о тюркской антропонимике XIII–XV вв. слишком фрагментарно и несистематично, поэтому не исключено, что некоторые сохранившиеся в византийских источниках тюркские имена не имеют аналогов в письменных источниках того времени.

Кроме того, есть еще одна трудность лингвистического характера. Мы можем лишь предполагать, каковы были местные особенности тюркских диалектов в Подунавье и Анатолии в XIII–XV вв. Несколько волн тюркского кочевого нашествия накрывали Балканы и анатолийские византийские территории с XI по XV в. В этих нашествиях участвовали как огузы, так и кыпчаки. Множество тюркских кочевников различных племен и языков было изгнано из Средней Азии и Северного Ирана под давлением монгольского нашествия. Кочевники продолжали передвигаться по Анатолии и Северному Причерноморью вплоть до XV в. Османские власти с середины XV в. широко практиковали политику насильственного переселения как кочевых, так и оседлых групп в пределах султа-

[11] См., в частности: Османские документальные источники о Грузии и Закавказье (XVII–XVIII вв.) / Тур. текст с груз. переводом, введением, факсимиле и индексом подгот. А.Т. Велковым и Н. Шенгелия. Кн. II. Тбилиси, 1989. С. 536–845. Около 1500 записей этого *джаба-дефтера* содержат не многим более двадцати двойных имен, как, например: Qara Muṣṭafā (с. 548), Yūnus walad-i Qara Khan (с. 652), Muḥammad walad-i Aybek (с. 678), Awliyya walad-i Arslan (с. 692), ʿUthmān walad-i Khudāwerdi (с. 716), Isma'īl walad-i Tash-Timur (с. 720) и т.д.

[12] См.: *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, 1994.

ната[13]. Эти постоянные изменения в демографической структуре обширных балканских, анатолийских и понтийских областей существенно препятствуют определению базовых характеристик господствующего тюркского диалекта для той или иной местности, в той или иной точке времени. Из-за османской политики переселений не всегда возможно полагаться на ретроспективный аспект современного распределения тюркских диалектов на той или иной территории. Лингвистические свидетельства о тюркских группах в XIII–XV вв., как правило, недостаточны. Средневековые источники сохранили слишком мало следов живых разговорных диалектов того времени. Тем не менее корпус греческих документов, разработанный должным образом, может помочь в создании лингвистической истории тюркского населения балканских и понтийских ареалов.

Отмеченные обстоятельства, равно как и обычная для греческих источников высокая степень вариативности написания имен даже греческого происхождения (не говоря уже об иноязычных), создают дополнительные трудности для этимологизации как антропонимов, так и топонимов[14].

В отборе восточных имен в византийских источниках я основывался на общих правилах преобразования восточных лексических элементов в среднегреческом языке с учетом доступных мне данных современных турецких диалектов как Балкан, так и Анатолии. Несмотря на все обсужденные выше сложности, эти турецкие диалекты — часто единственное сохранившееся свидетельство этнического и лингвистического прошлого изучаемых областей. Корни избранных мною имен были проверены также по словарям современного греческого и, по возможности, греческих диалектов для установления того, вошли ли они в число тюркских заимствований. Тот факт, что те или иные корни были заимствованы современным греческим языком, дает дополнительное подтверждение моим идентификациям.

Остается упомянуть также некоторые общие особенности включения в сферу среднегреческого языка слов арабского, персидского, тюркского и монгольского происхождения[15].

1. Как правило, но не всегда сохраняется исконное ударение; причем слова арабского происхождения вошли в язык исследуе-

[13] *Barkan.* Osmanlı. S. 209–237.

[14] *Trapp E.* Probleme der Prosopographie der Palaiologenzeit // JÖB. 1978. Bd. 27. S. 181–201.

[15] См. также: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 29–36; *Hartmann R.* Zur Wiedergabe türkischer Namen und Wörter in den byzantinischen Quellen. B., 1952. S. 1–12.

мых документов в иранизированном или тюркизированном варианте — с ударением на последний слог, вне зависимости от его долготы; если за иноязычной основой следует греческий суффикс или греческий корень, то исконное ударение переносится в соответствии с правилами греческого языка.

2. Большинство имен приобретает окончания первого склонения, и лишь малая их часть относится ко второму склонению; если слово оканчивается на гласную, то конечная гласная основы поглощается окончанием первого склонения -ας, -ης, ударный конечный слог основы в большинстве случаев обретает, слившись с окончанием, облеченное ударение, слово склоняется по первому слитному склонению.

3. Часть имен не получает греческого окончания и в этом случае не склоняется, что было распространенным явлением для иноязычных заимствований в среднегреческом[16]; часть этих имен получает в косвенных падежах окончание -α или -η.

Перечисленные правила применимы не только к антропонимам, но и к другим лексическим заимствованиям из восточных языков, о которых речь будет идти в последующих главах.

6. Проблема поколений

Существует еще одна особенность методологического характера в интерпретации собранного нами антропонимического материала. По одному лишь имени зачастую трудно судить, к какому поколению иммигрантов принадлежит его владелец. Если речь идет об аристократическом патрониме, то его продолжали носить далекие потомки основателя рода — выходца из «скифов» или «персов». Очевидно, что различие между первым, вторым и последующими поколениями иммигрантов в культурном отношении было существенным, особенно при учете весьма эффективных ассимиляционных механизмов византийского общества. Различия между первым и последующими поколениями иммигрантов существенны и для демографического анализа: одно дело — когда под именем скрывается вновь прибывший варвар, совсем другое дело — если носитель иностранного имени унаследовал его от предка. Лишь в первом случае можно говорить о продолжающейся инфильтрации иммигрантов; во втором случае мы имеем дело с обыкновенным византийцем, по той или иной причине носящим негреческое прозвище или патроним. Зачастую мы можем уверенно

[16] *Schwyzer.* Griechische Grammatik. Bd. 1. IV, 29. S. 585.

определить, к какому поколению относится носитель имени, только в тех случаях, когда в нашем распоряжении есть эксплицитное указание на то в источниках. Такого рода указания столь же часты в нарративных текстах, сколь редки в документальном материале. В дальнейшем анализе мы будем отмечать по мере возможности принадлежность лица к первому, второму или последующим поколениям. Вместе с тем, как следует из нашего материала, носители «восточного» имени из низших классов, не обладавших фамильными именами (как у знати), как правило, принадлежали к иммигрантам первого или второго поколения. Так, например, одно из постановлений архиепископа Охридского Димитрия Хоматина, касающееся незнатных лиц, сохранило прямое указание на связь восточного прозвища с этничностью. В некоем разбирательстве относительно прав наследования присутствует следующее любопытное свидетельство истца, жителя Веррии (ок. 1219/1220 г.): «Была у меня сестра по имени Мария. Ее, девицей, наш общий отец сочетал браком с Феодором, тюрком по происхождению, прозванным Сафá...»[17] В этом антропониме Θεόδωρος является крестным именем тюрка-неофита, а Σαφᾶς (← араб. صفا *ṣafā* «верность», «чистота»), по всей видимости, — его прежним, мусульманским личным именем. Как тут уточняется, Феодор был иммигрантом первого поколения и по профессии, как видно из дальнейшего, солдатом. Это утверждает нас в убеждении, что и другие подобные по структуре имена принадлежали натурализованным иммигрантам из Анатолии или Северного Причерноморья. Их восточные прозвища часто оказывались их прежними (мусульманскими или языческими) именами. Как мы увидим ниже на множестве других примеров, иммигранты второго поколения из низших классов также могли носить негреческие имена.

Зачастую, хотя принадлежность к одной фамилии носителей одинаковых патронимов не вызывает сомнений, мы можем определить степень родства между ними лишь предположительно. Именно для тех случаев, где она не фиксируется эксплицитно в источниках, мы воспользуемся особой схемой, которая может дать приблизительное представление о характере родственных связей между ними. Имена будут распределены в таблицах по шкале поколений. За одно поколение берется 20-летний период,

[17] Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. G. Prinzing. B.; N.Y., 2002. P. 235.13–15 (№ 67): «Ἀδελφὴν εἶχον καλουμένην Μαρίαν. Ταύτην ὁ κοινὸς πατὴρ ἡμῶν παρθένον οὖσαν ἀνδρὶ συνήρμοσε κατὰ γαμικὴν ἀκολουθίαν τῷ τουρκογενεῖ Θεοδώρῳ τῷ ἐπονομαζομένῳ Σαφᾷ...» Датировку см. в комментариях издателя: Ibid. S. 150*.

если учитывать ранний брачный возраст. По византийскому законодательству, для юношей брачный возраст наступал в 14 лет, а для девушек — в 12[18]. По подсчетам А. Лайю, в первой половине XIV в. среднестатистический возраст вступления в брак для мужчин-крестьян составлял 20 лет (данные по феме Фессалоника)[19]. Очевидно, что в среде знати средний брачный возраст был несколько ниже. Начало первого поколения в предложенной нами генеалогической таблице отсчитывается от самой ранней даты упоминания первого известного представителя фамилии или от даты рождения (если она известна, чего, как правило, не случалось). Точно так же и другие лица с несколькими разновременными упоминаниями в источниках привязываются к шкале поколений по наиболее ранней дате их упоминания. Такой метод дает некоторое представление о вероятных степенях родства между конкретными индивидами, носившими один и тот же патроним.

7. Достоверность антропонимических данных

Значительное число восточных переселенцев, имена которых попали в базу данных, относилось к иммигрантам первого и второго поколения. В большинстве случаев иммигранты последующих поколений, по крайней мере по их именам, абсолютно неотличимы от коренного населения. На протяжении нескольких поколений можно отследить судьбы лишь некоторых знатных семей, которые сохранили имена своих азиатских прародителей в качестве патронимов.

Более того, иммигранты, крестившись, меняли свои восточные имена на христианские. В случае лиц низкого социального положения это означало, что с крещением и изменением имени их азиатские корни становились совершенно невидимыми для юридической документации, а потому и для нас. Следовательно, можно предположить, что некоторые стандартные греческие христианские имена скрывали за собой лиц азиатского (равно как и любого другого негреческого) происхождения. Удается отследить только тех азиатских иммигрантов низкого социального статуса, которые по какой-либо причине получали восточные прозвища, ставшие неотъемлемым элементом их социальной идентификации. Таким образом, некоторые азиатские иммигранты первого поколения, изменившие свои имена на стандартные греческие или славянские, а также второе поколение иммигрантов, носив-

[18] *Laiou A.* Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles. P., 1992. P. 16.
[19] *Laiou A.* Peasant Society… P. 272–273.

шее греческие или славянские имена, превращались в людей со «скрытой идентичностью». Проблема ложной и скрытой идентичности (spurious and concealed identity) была поставлена в византинистике не так давно. Христианские греческие имена, воспринятые иноземцами, оказавшимися на византийской территории, надежно скрывают от исследователя этническое происхождение их носителей. Проблема ложных и скрытых идентичностей в византийском населении в последнее время обсуждалась Мишелем Баларом, Ангелики Лайю и Давидом Якоби на материале населения средневековых Балкан[20]. В частности, Д. Якоби находит возможным называть ономастику «коварным инструментом» (treacherous tool), ибо, как показывает исследователь на примере натурализовавшихся в Византии латинян, имя может не только манифестировать, но временами и скрывать истинную идентичность своего носителя[21]. Это в полной мере касается и восточной антропонимики: к примеру, Κλεόπας — византийский офицер и сподвижник Феодора II Ласкариса, носивший стандартное греческое имя, — характеризуется в источнике как «скиф»[22]. Если бы не это, вполне случайное, указание источника, то определить его половецкое происхождение было бы невозможно.

Иногда удается вычленить индивидов с такой скрытой идентичностью. Например, некий Γεώργιος Ἀγαρηνός, чье прозвище указывает на его возможное происхождение из мусульманской Анатолии, имел двоюродного брата Γεώργιος Μαυροϊωάννης. Семантика имени Μαυροϊωάννης, т.е. «Черный Иоанн», в сочетании с «мусульманским» прозвищем его кузена позволяет предположить, что и Георгий Мавроиоанн мог быть «персидского» происхождения[23]. Другой пример: некая Κομάνα была дочерью священника Мануила и Ирины и жила между 1317 и 1321 гг. в Мелициани (Стримоне)[24]. Очевидно, либо ее отец, либо мать (а может быть, и оба родителя) были половцами и именно поэтому назвали свою дочь «команкой». Однако этническое происхождение Мануила

---

[20] *Balard M.* La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle). T. 1–2. Roma; Genova, 1978. T. 2. P. 797; *Laiou A.* In the Medieval Balkans: Economic Pressures and Conflicts in the Fourteenth Century // Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1985. P. 145; *Jacoby D.* Foreigners and the Urban Economy in Thessalonike, ca. 1150 — ca. 1450 // DOP. 2003. Vol. 57. P. 86–87, 130.

[21] *Jacoby D.* Foreigners… P. 86.

[22] PLP. № 11787; Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII / Ed. Nicola Festa. Firenze, 1898. № 259.28; Скутариот в: *Akrop*. Т. 1. Р. 293.12.

[23] MM. Vol. 4. P. 76–77 (№ XXIV).

[24] PLP. № 11997. Подобные случаи: PLP. № 12004–12005, 12007, 12011, 24860, 24863, 29190, 93832; *Мошин.* Акти. С. 207.139, 210.333.

и Ирины полностью скрыто от нас. Схожий интересный случай: некий **Коүмань** являлся сыном Иоанна Апостата (**Апостать**) и имел двух братьев — Феодора и Димитрия (ок. 1300 г.)[25]. Очевидно, что прозвище Апостат в сочетании с половецким именем сына ясно указывает на возможные тюркские корни Иоанна, а также на некие значимые события в его жизни: судя по прозвищу, он отказывался либо от христианства, либо от мусульманства, либо от язычества. Причем имена упомянутых тут же братьев Кумана — Феодор и Димитрий, если только они не воспримут прозвище своего отца, никак не проявляют их происхождение от тюрка. Другой пример: парик Γεώργιος Καζάνης (1262 г.) имел дочерей Марию, Кали и Ирину[26]. Судя по прозвищу, Γεώργιος Καζάνης, скорее всего, был тюркским поселенцем первого или второго поколения. Однако крайне вероятно, что его дочери не будут носить прозвища отца и, следовательно, их идентичность окажется скрытой от нас.

Как говорилось, общее число распознанных выходцев с Востока составляет около 1,3% от всего населения западных византийских земель. Однако два отмеченных выше ограничения заставляют предположить, что лишь меньшая часть иммигрантов сохранила восточные прозвища, остальные же, приняв стандартные христианские (греческие и славянские) имена, превратились в лиц со «скрытой этничностью». В этом смысле наша база данных отражает лишь верхушку айсберга, большая часть которого находится под водой. На первый взгляд число идентифицированных восточных имен может показаться довольно скромным. Однако реальные масштабы присутствия в Византии тюркского (и иного «восточного») населения в поздневизантийскую эпоху, вне всяких сомнений, были значительно выше, чем приводимые цифры. Вместе с тем следует признать, что избранная исследовательская методика не позволяет оценить численное соотношение между известными и неизвестными азиатскими иммигрантами.

И последнее, но не менее важное предварительное наблюдение. Действительно, всегда присутствует сомнение, что иностранное прозвище было дано тому или иному лицу по какой-либо другой причине, нежели его происхождение. Например, теоретически нельзя исключить, что этнический грек мог получить каким-либо образом тюркское, славянское, албанское или иное негреческое прозвище. Однако такие случаи, которые теоретически возможны,

[25] *Мошин.* Акти. С. 206.30–35.

[26] PLP. № 93676 (об этом имени см. также ниже). Подобный пример: PLP. № 24864.

являются исключительно редкими. Например, насмешливым прозвищем императора Алексея III Ангела было Βαμβακοράβδης, т.е. «[Человек] с ватным жезлом»[27]. Имя происходит от слова βάμβαξ, βαμβάκιον[28] ← диалектное перс. پنبک *pambak* «хлопок», которое вошло в греческий язык не позднее XI в.; как кажется, к концу XII в. βάμβαξ потеряло свое иностранное звучание. Конечно, это насмешливое прозвище не имеет ничего общего с этническим происхождением Алексея III, который считался своими современниками чистым греком-византийцем. В этом и аналогичных случаях иностранные именования следует рассматривать не столько как указание на этническое происхождение их носителей, но, скорее, как свидетельство распространения иноязычных лексических элементов в греческом разговорном языке.

В византийской антропонимике в виде прозвищ или фамильных имен встречаются производные от восточных по происхождению титулов византийской чиновной иерархии, например Τζαούσης[29] или Δραγουμάνος[30]. Однако вероятность того, что эти восточные прозвища или патронимы скрывали за собой выходцев из тюркской среды, невелика. Коль скоро эта восточная терминология вошла в официальную должностную номенклатуру, она могла использоваться в антропонимике без всякой связи с этническими корнями носителей имен, указывая лишь на их связь с тем или иным разрядом служилой иерархии. Именно поэтому мы исключили эти имена из списка предположительных выходцев с Востока и их потомков. Однако такие «профессиональные» прозвища, как Μουρτάτος и Μουρτατόπουλος[31], а также Τουρκόπουλος (для второй половины XIII и до середины XIV в.)[32], скорее всего, указывали на принадлежность их носителей к военному сословию, а именно к тюркской его части. Распространенность этих прозвищ в византийской антропонимике как раз и указывает на относительную многочисленность военных среди натурализовавшихся тюрок.

Данные источников убеждают нас, что в большинстве случаев иноязычные прозвища указывали на иностранное происхождение их владельцев. Например, насмешливую кличку патриарха Германа III — Μαρκούτζης — Пахимер квалифицировал как «персидское»

[27] *Nic. Chon.* T. 1. P. 453.1 app., 479.44 app.
[28] LBG. S. 262; *Du Cange*. Glossarium. Col. 172–173.
[29] PLP. № 27785 (с соответствующими пояснениями).
[30] PLP. № 5787–5791, 5871, 91829.
[31] PLP. № 19534–19536.
[32] PLP. № 29168, 29176, 29178, 29180, 29181, 29183, 29184.

(т.е. тюркское) слово. Пахимер поясняет, что это прозвище было дано патриарху из-за его «лазского» происхождения[33]. Герман III не был лазом, но принадлежал к известной и давно эллинизированной армянской семье Гавр[34]. Очевидно, что в этом случае прозвище вполне отражало особую «этничность» Германа III, хотя константинопольцы были неправы, определяя Германа как «лаза» и «перса». В глазах константинопольцев трапезундское происхождение Германа было равнозначно иностранному — лазскому или персидскому, для столичных насмешников он был иностранцем.

Мы уже упоминали тюрка-солдата Θεόδωρος Σαφᾶς, имя которого однозначно указывает на связь между этничностью и прозвищем. Приведем еще один пример подобного рода, который даже более показателен. Мария Дипловатацина, незаконная дочь Михаила VIII Палеолога, была отправлена ок. 1265 г. в Иран, чтобы стать женою одного из Ильханов. Выйдя замуж за хана Абаку (1265–1282), при монгольском дворе она сохранила свою христианскую веру. После смерти Абаки, случившейся в 1282 г., Мария вернулась в Византию и приняла постриг под именем Мелании. После возвращения в Византию она получила от впечатленных ее судьбой современников почетные прибавки к имени, как то: «Государыня Монголов» (δέσποινα τῶν Μουγουλίων), «Госпожа Монголов» (κυρὰ τῶν Μουγουλίων), «Царица Востока» (βασιλὶς τῆς Ἑώας). Мария выкупила и расширила монастырь Богородицы Панайотиссы в Константинополе, который после этого стал именоваться в ее честь ἡ τῶν Μουγουλίων μονή[35].

---

[33] *Pachym*. IV.13 (t. 2, p. 367.24); *Vryonis*. Manpower. P. 140; *Balivet M.* Menteşe dit "Sâğlâm Bey" et Germain alias "Mârpûç": deux surnoms turcs dans la chronique byzantine de Georges Pachymère // Turcica. 1993. T. 25. P. 141–142: ← перс. مارپیچ *mārpīch*. Альтернативная и более вероятная этимология: ← тюрк. مالقوچ *malqoç* «хитрец», «интриган» (*Радлов*. Т. 4. С. 2039; *Redhouse* 1921. P. 728: *malkoçoğlu*; ср.: *Du Cange*. Glossarium. Col. 880: μαρκουτζᾶς).

[34] Наиболее вероятная этимология родового имени Γαβρᾶς восходит к арамейскому корню *g-b-r* (→ *gabr* «неверный» — именование, прилагавшееся к христианским акритам на мусульманской службе). См.: *Bryer A.* A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979 — c. 1653 // University of Birmingham Historical Journal. 1970. Vol. XII. P. 166, 169–171, 174–181 (№ 1, 3, 6–13); *Bryer A., Fassoulakis St., Nicol D.M.* A Byzantine Family: The Gabrades. An Additional Note // BS. T. 36. 1975. P. 38–45, и особенно p. 39–40; *Бартикян Р.М.* О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1987. Т. 118. № 3. С. 190–200; 1987. Т. 119. № 4. С. 181–193; 1988. Т. 120. № 1. С. 163–178.

[35] *Pachym*. III.3 (t. 1, p. 235); PLP. № 21395; *Runciman S.* The Ladies of the Mongols // Εις μνήμην Κ. Αμάντου. Αθήνα, 1960. P. 48–53; *Teteriatnikov N.* The Place of the Nun Melania (the Lady of the Mongols) in the Deesis Program of the Inner Narthex of Chora, Constantinople // Cahiers Archéologiques: Fin de l'Antiquité et Moyen Âge. 1995. T. 43. P. 163–184. О монастыре см.: *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Pt. I: Le siège de Constantinople et le Patriarcat œcuménique. T. 3: Les églises et monastères. P., 1969. P. 213–214 (№ 86).

Рис. 2. Изображение Мелании (Государыни Монголов) в монастыре Хора, Константинополь (фото: Natalia Teteriatnikov)

Почетное именование Марии хотя и не стало полноценной частью ее имени, однако однозначно и точно указывало на ее прошлое как государыни иранских монголов. Мария привезла с собой дочь от Абаки, по имени Θεοδώρα Ἀραχαντλούν (монг. *orai* «макушка»[36] + тюрк. *qutlu* «счастливый», т.е. «Счастливая»). Происхождение этого двойного имени абсолютно прозрачно: православное крестное имя *Феодора* сопровождается монгольским именем Ἀραχαντλούν — либо прозвищем, либо (что вероятнее) данным при рождении. Судя по контексту упоминания имени, в византийской среде Ἀραχαντλούν являлось не каким-либо почетным именованием, но частью самого имени, идентификатором его носителя[37]. И в этом случае мы видим, что имя однозначно отражает происхождение Феодоры: по отцу она была монголка, иммигрантка первого поколения.

Древнегреческая культура знала этнические имена, и, как правило, в греческой древности существовала прямая связь между происхождением и семантикой имени и этничностью его носителя; в классической эллинистике эта проблема изучена хорошо[38]. Не существует никаких указаний на то, чтобы эта древняя парадигма претерпела какие-либо радикальные перемены в византийскую эпоху.

Итак, подводя итог обсуждению, сформулируем следующий принцип идентификации имен: носитель «восточного» имени рассматривается как «византийский тюрок» по происхождению в том случае, если в источниках нет эксплицитного опровержения этому. Конечно, нельзя полностью исключать, что некоторые восточные имена на самом деле принадлежали грекам, славянам и т.д. (и это отчасти влияет на точность результатов нашего исследования). В то же время, как показывает анализ источникового материала, подавляющее большинство имен моей базы данных, безусловно, отражает этническую принадлежность их владельцев и является наиболее эффективным средством для реконструкции этнического состава поздневизантийского населения.

8. «Скифские» и «персидские» имена

Как было показано в гл. I, византийцы различали в тюрках два наиболее крупных таксона — скифов (подунайские и северопричерноморские тюрки и монголы[39]) и персов (анатолийские и иран-

[36] *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006. S. 151.

[37] PLP. № 1229; RPK. № 184.56: «ἡ εὐγενεστάτη δηλαδὴ κυρὰ Θεοδώρα, ἡ ἐπονομαζομένη Ἀραχαντλούν».

[38] *Fraser P.M.* Ethnics as Personal Names // Greek Personal Names. Their Value as Evidence / Eds. S. Hornblower, E. Matthews. Oxford, 2000. P. 149–157.

[39] К этому же таксону иногда причисляли и другие, нетюркские народы, населявшие Северное Причерноморье, например аланов.

ские тюрки). Различия между этими таксонами имеют вполне осязаемое историко-культурное содержание и для современной научной рефлексии. Северные тюрки и монголы были слабо исламизированы или исповедовали языческие культы, они, будучи кочевниками, часто оказывались чужды городской культуре и т.д. Анатолийцы, напротив, были преимущественно мусульманами, зачастую — выходцами из городов, т.е. несли в себе традиции мусульманской городской ментальности.

Различение между скифскими и персидскими поселенцами на византийской территории обычно не составляет проблемы при использовании данных, почерпнутых из византийских повествовательных источников: византийские авторы, как правило, были чувствительны к этому базовому различию и отмечали его. Проблема, однако, появляется при обращении к антропонимике и микротопонимике в актовом материале. Составители актов крайне редко озабочивались «этническим» происхождением упоминавшегося в официальном документе лица: византийский вариант римского права не знал этничности как таковой. Если лицо было римским подданным, т.е. субъектом римского права, закон не интересовался его этническим происхождением, равно как и происхождением его предков.

Среди обладателей восточных имен, происхождение которых в источниках специально не оговаривается, я условно выделяю группы, с одной стороны, кыпчакских тюрков и монголо-татар (т.е. «скифов»), а с другой — выходцев из Анатолии (т.е. «персов»). Критерием этого разделения является скорее место происхождения носителя имени или его предков, а не лингвистические параметры антропонима. Следует признать, что предлагаемое разделение на «скифов» и «персов», абсолютно прозрачное для самих византийцев, не является корректным с современной, этнологической и лингвистической точки зрения. Из-за чрезвычайно сложной и до сих пор не исследованной этнической карты как Крыма и южнорусских степей, так и Анатолии в XIII–XV вв., в которых присутствовали вперемежку как огузские, так и кыпчакские и монгольские элементы, здесь трудно провести какой-либо языковой водораздел[40]. В предложенном разделении я следую византийским квазиэтническим *локативным* моделям, которые в избранной исследовательской стратегии представляются единственно оправданными.

---

[40] Об этнической карте кочевого мира Северного Причерноморья и Подунавья см.: *Golden P.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992. P. 270–282; *Idem.* Codex Cumanicus // Central Asian Monuments / Ed. H.B. Paksoy. Istanbul, 1992. P. 33–63. Некоторое представление о до сих пор малоизученной этнической карте Анатолии в XIII–XV вв. может быть получено из: *Sümer.* Oğuzlar; *Idem.* Anadolu'da Moğollar // Selçuklu araştırmaları dergisi. 1969. C. 1. S. 1–147.

Глава III
«СКИФЫ» И «ПЕРСЫ»

1. Предыстория

Для периода VII–XI вв. можно выделить три основные группы иммигрантов с мусульманского Востока, которые могли жить компактно на территории Византии: 1) военнопленные, 2) торговцы и дипломаты, 3) «политические» беженцы. Для первых веков существования халифата, когда военное противостояние между мусульманами и Византией достигало наивысшего накала, наиболее многочисленную группу мусульман на территории империи составляли, по всей видимости, военнопленные. Ибн Хаукал (конец X в.) упоминает тюрьмы для пленных мусульман в фемах Фракисий, Опсикий и Вукелларий. Однако не исключено, что все же большая часть пленников содержалась в Константинополе. Многие из них, вероятно, возвращались домой (благодаря выкупу и обмену); однако некоторых византийцы расселяли на заброшенных землях или обращали в рабство. В последнем случае поселенцы и рабы, будучи рассеянными по разным регионам империи, переставали составлять единое целое, некую консолидированную группу. Принимая христианство, они терялись в толще местного населения, быстро ассимилировались с ним, в частности через браки.

С конца IX в. в византийских торговых городах частыми гостями были мусульманские купцы. Судя по арабской географической традиции, они хорошо знали византийскую систему международной торговли, включая наиболее важные рынки и торговые пути. Однако, как и в случае с военнопленными, основная масса купцов концентрировалась в Константинополе — по-видимому, единственном городе империи, где существовала постоянная мусульманская торговая колония.

Время от времени в Византии находили пристанище группы иммигрантов, изгнанных с мусульманских территорий. Многие из них принадлежали к различным христианским общинам и толкам. Намного реже византийскую границу переходили беженцы-мусульмане и прочие нехристиане, которым византийские власти позволяли поселиться на территории империи при условии перехода в христианство. Среди последней категории беженцев можно упомянуть иранских *хуррамитов*, которые нашли пристанище в Византии в правление Феофила (829–842), «мавров» — прибыв-

ших, вероятно, из Северной Африки и расселенных в Юго-Западной Анатолии (X в.), 12 тысяч арабских всадников с семьями, бежавших из Нисибиса в 941 г. Византийские власти обычно делили иммигрантов на малые группы и рассылали по разным провинциям империи, чтобы ускорить их ассимиляцию с местным населением. Как правило, рассеянные на просторах империи иммигранты теряли свою этническую и религиозную идентичность уже ко второму поколению.

Следует также вспомнить особый феномен восточной византийской периферии — акритские лимитрофные зоны, в которых движение населения через границу в обоих направлениях было достаточно интенсивным. Переходы в стан противника византийских акритов и воинов арабского *thughūr* были нередки, следовательно, в византийских пограничных зонах присутствовали группы ренегатов, бывших мусульман. Их численность была, вероятно, наиболее высокой в период византийской реконкисты Сирии в X — начале XI в. Ассимиляционный фактор христианизации, судя по византийскому эпосу «Дигенис Акрит», играл не меньшую роль в отношении этих арабских перебежчиков, чем в описанных выше случаях.

Судя по данным сфрагистики, в средние и высшие слои византийской военной и гражданской иерархии в X–XI вв. влилось значительное количество выходцев с Востока, носивших арабские имена[1]. Хотя относительно этих иммигрантов с Востока часто трудно однозначно определить, были ли они мусульманами-ренегатами или же арабизированными сирийскими христианами, носившими арабские имена. Так или иначе, оказавшиеся в Византии мусульмане либо очень скоро теряли свою изначальную конфессиональную идентичность (как это было в случае с мусульманскими беженцами и дезертирами), либо представляли собою маргинальные группы иностранных подданных (как в случае с торговцами и военнопленными), находящиеся вне византийской социальной организации и правовой системы[2].

---

[1] См., например: *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. T. 1–5. P., 1981. T. 2. № 106, 208, 253, 380, 407, 558, 591, 808, 904, 916, 922, 923, 1040, 1163, 1204 и др.

[2] Наиболее обширным информационным ресурсом для изучения арабо-византийских отношений остается классическое исследование А.А. Васильева и М. Канара (*Vasiliev A., Canard M.* Byzance et les Arabes. T. 1–3. Bruxelles, 1935–1968). До сих пор не существует обобщающих исследований об арабских переселенцах в Византии, хотя отдельные аспекты темы затрагивались во многих работах: *Canard M.* Les relations politiques et socials entre Byzance et les Arabes // DOP. 1964. Vol. 18. P. 35–56; *Idem*. Byzance et les Musulmans du Proche Orient. L., 1973. (Variorum CS). № 1, 15; *Charanis P.* Studies on the Demography of the Byzantine Empire. L., 1972. (Variorum CS); *Reinert S.W.* The Muslim Presence in Constantinople, 9th–15th Centuries: Some Prelimi-

Эта общая картина кардинально меняется с XI в. — в эпоху тюркских нашествий. Традиционные категории мусульманских пленных, купцов, путешественников и пограничных воинов очень скоро оттесняются на второй план одним преобладающим типом пришельцев — наемниками, которых активно расселяли на всей территории империи. Тюркские наемники появились на византийской службе в больших количествах уже к середине XI в. и в течение последующих десятилетий составили значительную часть византийской армии. Это явилось следствием того, что власти империи стали использовать балканских «скифов» и анатолийских «персов» как основной источник пополнения войска. Многочисленные тюркские наемники обычно служили под началом тюркских командиров, перешедших в христианство, доказавших свою лояльность власти и тем самым вошедших в византийскую военную элиту.

Основатели большого числа византийских знатных родов тюркского происхождения начинали свою карьеру как военачальники. Не исключено, что многие из тюрков на византийской службе изначально были не только военачальниками разных рангов, но и племенными вождями. Как показывает Ч. Бранд, тюркские по происхождению командиры обнаруживаются и в числе средних чинов византийской армии. Точных оценок численности тюрков в византийской армии не существует до сих пор, однако она должна

nary Observations // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 125–150; *Ditten H.* Ethnische Ferschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien von Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. B., 1993; *Oikonomidès N.* L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux 10e–11e siècles et le taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Bucureşti, 1974. T. 1. P. 285–302; *Felix W.* Byzanz und die islamische Welt in früheren 11. Jahrhundert: Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981; *Balivet.* Romanie byzantine. Chapitre 1 (p. 12–14, n. 10–12); *Dagron G.* Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle) // TM. 1994. T. 12. P. 219–240 (рус. пер.: *Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 160–193); о хуррамитах см.: *Cheynet J.-C.* Théophile, Théophobe et les Perses // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6^{ος}–12^{ος} αι.) / Εκδ. Στυλιανός Λαμπάκης. Αθήνα, 1998. P. 39–50; *Idem*. L'apport arabe à l'aristocratie byzantine des Xe–XIe siècles // Cheynet J.-C. La société byzantine. L'apport des sceaux. Vol. 1–2. P., 2008. Vol. 2. P. 627–646; *Letsios D.* Theophilos and his 'Khurramite' Policy: Some Reconsiderations // Graeco-Arabica. 2004. Vol. 9–10. P. 249–271. См. также: *Бибиков М.В.* К вопросу об иноземцах в византийской государственной элите // Бибиков М.В. Очерки средневековой истории экономики и права. М., 1998. С. 173–187; *Иванова О.В.* О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) // Византия между Западом и Востоком / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 48–80. В этих исследованиях читатель найдет дальнейшие ссылки на исследовательскую литературу и источники.

была быть достаточно высокой, чтобы создать у крестоносцев впечатление, что византийцы находятся в союзе с тюрками. «Враждебность к Византии и подозрение к императорам росло в XII в., и использование тюрков [в войсках] этому способствовало», — пишет Ч. Бранд об отношении западноевропейцев к византийцам. Численность тюрков в византийском господствующем классе оценивается А.П. Кажданом примерно в 1% из тех 2500 лиц, которые могут быть причислены к элите империи. При этом армян среди византийских аристократов было не менее 15%. Наибольшее число тюрков в господствующем классе приходится на период 1070–1100 гг. и эпоху Мануила I Комнина[3].

Однако исследования, посвященные выходцам из тюркской среды в византийском обществе, фокусируются исключительно на знатных лицах, вошедших в дворцовую и военную элиту. Тюрки из средних и низших слоев общества так и не стали предметом специальных работ. При этом сами византийцы эксплицитно указывали на присутствие в империи многочисленных тюрков, относящихся к низшим классам[4]. Первые шаги в анализе зон расселения печенежских племен на Балканах были сделаны турецким исследователем А. Куратом[5], но они так и не нашли систематического продолжения в последующей историографии. Очевидно, что незнатные тюркские переселенцы по численности во много раз превосходили своих знатных соплеменников, преуспевших в карьерном продвижении среди византийской чиновной иерархии. Массовый приток наемников, военнопленных и рабов из Подунавья и Анатолии на протяжении XII в., как кажется, лишь усиливался, однако в науке до сих пор нет ни одного исследования, которое бы верифицировало это общее впечатление. Проблема тюркского населения Византийской империи в XI–XII вв. выходит за рамки настоящего исследования и должна изучаться отдельно.

---

[3] *Kazhdan A.P., Ronchey S.* L’aristocrazia bizantina dal principio dell’XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1999. P. 347 (семьи анатолийских и балканских тюрков), 349 (арабские, анатолийские и балканские тюркские семьи в диахронии), 352 (усиление роли тюркских командиров при Мануиле I); *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византии в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 146–147, 167–168; *Brand.* Turkish. P. 1–25; *Necipoğlu N.* The Coexistence of Turks and Greeks in Medieval Anatolia (Eleventh–Twelfth Centuries) // Harvard Middle Eastern and Islamic Review. 1999–2000. Vol. 5. P. 58–76; *Badenas P.* L’integration des Turcs dans la société byzantine (XIe–XIIe siècles). Échecs d’un processus de coexistence // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6ος–12ος αι.). P. 179–188; *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии (XIII — середина XIV в.). Часть первая: тюркская аристократия // ВВ. 2006. Т. 65. С. 163–164.

[4] *Kazhdan A.P., Ronchey S.* L’aristocrazia… P. 87.

[5] См. карты в: *Kurat A.N.* (*Nimet A.K.*) Peçenek tarihi. İstanbul, 1937.

Как уже отмечалось выше, различие между «скифским» и «персидским» происхождением восточных иммигрантов было базовым для византийской ментальности. Следуя этому традиционному делению, в настоящей главе я обрисую основные этапы проникновения тюркских переселенцев в западные византийские земли, включая Западную Анатолию (до начала XIV в.) и Балканы (до XV в.).

2. «Скифы»

Некоторые из азиатских мигрантов прибыли из Дашт-и Кыпчак (южнорусские степи и Крым) и по происхождению были половцами. На это указывают многие имена с основой Κουμάν/Κομάν «куман»[6]: на Балканах — Κόμανος[7], **Коуманъ**[8], **Кѹманъ**[9], Κομάνα[10], Κομανίτζης[11], **Кѹмичанинъ**[12] и Κομάνκα (ж. р.)[13], в ласкаридской Анатолии — Κόμανοι[14]. Тюркские имена Ἀλτούμης (← тюрк. *altun/altın* «золото»)[15], Γιάκσσα (← тюрк. *yakşı* «хороший»)[16], Χαρατζᾶς (← тюрк. *karaca* «темный, черного цвета»)[17], Καζάνης[18], Καζάνος[19], Καζανόπουλος (← тюрк. *kazan* «котел»)[20], Κουτλᾶς (← тюрк. *qutlı/qutlu* «счастливый»)[21], возможно, имели половецкое происхождение. Учитывая тот факт, что половцы в Северном Причерноморье были в меньшей степени исламизированы по сравнению с анатолийскими тюрками, в XIII–XIV вв. они, как правило, носили чисто тюркские имена и прозвища. Что любопытно, в именах Κομανίτζης и Κομάνκα

---

6 О производных от Κουμάν/Κομάν см.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 167–168; LBG. S. 851 («Κομανικός» с весьма неполными ссылками на источник).

7 PLP. № 12004–12008, 12010–12012, 93832, 93833.

8 *Мошин*. Акти. С. 206.30.

9 Ибид. С. 207.139.

10 PLP. № 11997–11998.

11 PLP. № 11999–12002.

12 *Мошин*. Акти. С. 210.333.

13 PLP. № 93830–93831.

14 MM. Vol. 4. P. 165–167 (№ XCI, XCII).

15 *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2003–2009. Vol. 3. № 1812: печать Иоанна Алтума (XIII в.), найденная на территории современной Болгарии. Судя по изображению на ней св. Георгия, Иоанн Алтум был военным. Этимологию см. в: *Rásonyi & Baski*. Onomasticon Turcicum. P. 57–58, 60.

16 PLP. № 4155. Хотя это имя встречалось и у анатолийских тюрков (*Cantac.* T. 2. P. 70).

17 PLP. № 30614.

18 В никейской Анатолии: MM. Vol. 4. P. 8 (№ II, 1235 г.); на Балканах: PLP. № 10115, 93676.

19 PLP. № 92227–92228. Этимологию см. в: *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 80 (Καζάνης ← *kazan*); тюркский корень см. в: *Clauson*. P. 682.

20 PLP. № 10117.

21 PLP. № 13643; ср.: *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 105: Κουτλής ← *kutlu*.

можно различить славянский суффикс мужского рода *-ицъ* (-ιτζη[22]) и славянский суффикс женского рода *-ка* («маленький коман, маленькая команка, команушка»), что указывает на славянские этнические и языковые влияния на балканских половцев и взаимную ассимиляцию[23].

Кыпчакские имена позволяют увидеть один из самых ранних слоев тюркского населения Балкан. Кыпчаки появляются здесь с XI по XV в.[24] В первой половине XIII в. Балканский полуостров накрывают по меньшей мере две волны массовых половецких миграций. В 1237 г. большая группа половцев, которые были вынуждены уйти на запад из Дашт-и Кыпчак под давлением монголов, вторглась в Болгарию, а затем и во Фракию. В 1241 г. еще одна группа половцев, насчитывавшая не менее 10 000 человек, выйдя из Венгрии, переселилась в Болгарию, Фракию и Македонию. Около 1241/1242 г. Иоанн III Ватац переговорами и подарками привлек на свою сторону часть балканских половцев и инкорпорировал их в византийскую армию. Некоторые половцы были переведены с Балкан в Анатолию на византийско-сельджукскую границу, а другая их часть была наделена землями во Фракии и Македонии[25]. Мы не знаем точно, где именно в этих областях Иоанн III Ватац даровал им земли, хотя некоторые данные можно почерпнуть из микротопонимики, о чем подробнее речь пойдет ниже. Половецкие отряды византий-

---

[22] *Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 134.

[23] См., например, старую работу: *Miklosich F.* Die Bildung der Slavischen Personen- und Ortsnamen // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Wien, 1860–1874 (repr.: Heidelberg, 1927). S. 16.

[24] *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 169, 218–219, 266–269; *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990; *Расовский Д.А.* Половцы // SK. 1935. Т. 7. С. 247–262; 1936. Т. 8. С. 161–182; 1937. Т. 9. С. 71–85; 1938. Т. 10. С. 155–178; 1940. Т. 11. С. 95–126; *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 215; *Kazhdan A.P., Ronchey S.* L'aristocrazia… P. 349; *Charanis P.* The Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire // Comparative Studies in Society and History. 1961. Vol. 3/2. P. 148ff.; *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) // TM. 1965. T. 1. P. 26; *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Bucarest, 1978; *Savvides A.* Οι Κομάνοι (κουμάνοι) και το Βυζάντιο (11[ος]–13[ος] αι. Μ.Χ.) // Βυζαντινά. 1985. Τ. 13. Σ. 939–956; см. также: *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.

[25] *Acrop*. Vol. 1. P. 53–54, 65.15–20; *Pachym*. I.3 (t. 1, p. 27.23); *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 64–68; *Asdracha C.* La région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: étude de géographie historique. Athen, 1976. P. 81; *Angold M.* A Byzantine Government in Exile. Oxford, 1975. P. 105; *Bartusis M.* On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium // DOP. 1990. Vol. 44. P. 12; *Idem*. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. P. 26–27; *Savvides A.* Οι Κομάνοι (κουμάνοι)… Σ. 949–953; ср.: *Korobeinikov D.* Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. Oxford, 2014. P. 76.

ской армии (Σκυθικόν), действующие на Балканах, часто упоминаются в источниках на протяжении последующих нескольких десятилетий. В частности, именно «скифский» отряд под командованием Алексея Стратигопула отвоевал Константинополь в июле 1261 г.[26] О попавших в Анатолию половцах известно, что они были расселены по Меандру и во Фригии (восточнее Филадельфии, по-видимому)[27], а также, как показывают акты Лемвиотиссы, в районе Смирны[28].

Около 1302 г. некоторое количество «северных туркопулов» с золотоордынской территории вслед за аланами перешло на службу к императору. Судя по всему, это были половцы или же смешанное половецко-монгольское воинство. Их число нам не известно. По прибытии на византийскую территорию они были крещены (ἐξ ὑπογύου Χριστιανοῖς). В 1305 г. они восстали против императора, их дальнейшая судьба неясна[29]. Еще одно прямое упоминание довольно многочисленной группы половцев (около 2000 человек) на византийской территории связано с 1320-ми гг. Около 1320 г. они переселились из Сербии, однако вскоре попытались призвать золотоордынцев для набега на Фракию. Между 1322 и 1327 гг. Андроник III Палеолог распорядился передислоцировать их на Лемнос, Фасос и Лесбос[30].

Как можно думать, источники фиксируют далеко не все случаи половецких переселений: как показывает актовый материал, приток половцев не прекращался вплоть до середины XIV в. (см. гл. IV)[31].

К «скифам» в византийской классификации относились и татаро-монголы, которые, судя по антропонимике, присутствовали на Балканах (Константинополь): Μουγούλης[32], Παπαμουγούλ(ης)[33] и топоним τῶν Ταταροπούλων[34]. По всей вероятности, это были выходцы

---

[26] *Acrop*. Vol. 1. P. 183.19.

[27] *Greg.* II.5 (t. 1, p. 37).

[28] MM. Vol. 4. P. 165–167.

[29] *Pachym*. XII.32 (t. 4, p. 603–605); XIII.4 (t. 4, p. 627–629).

[30] *Cantac.* T. 1. P. 35.19–22, 259.3–18; *Asdracha C.* La région des Rhodopes… P. 82.

[31] Ср. с интерпретацией половецких имен в афонских актах в: *Spinei V*. The Romanians and the Turkic nomads north of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century. Leiden, 2009. P. 333–340.

[32] PLP. № 19416, 19419. Μουγούλης ← перс.-араб. مغول *mughūl*.

[33] PLP. № 21798.

[34] RPK. № 184.47 (октябрь 1351 г.): χωρίον τὸ λεγόμενον τῶν Ταταροπούλων — неидентифицированная местность во Фракии, предположительно в районе р. Мавропотам (Нестос/Места), принадлежавшая константинопольскому монастырю Панайотиссы (τῶν Μουγουλίων). О названии *Мавропотам* для р. Нестос см.: *Soustal P.* Thrakien (Thrake, Rhodope und Haimimontos). Wien, 1991. S. 360. Первый элемент *татар* в Ταταροπούλων ← перс.-араб. تاتار *tātār* «татарин».

из Золотой Орды. Эти монголы могли быть как купленными в Орде рабами, так и перебежчиками: с последней четверти XIII в. и на протяжении всей первой половины XIV в. Фракия подвергалась регулярным набегам со стороны золотоордынцев[35]. В критском Хандаке упоминаются некая служанка Τατάρα и проститутка Ταταρομούτζουνη[36], которые, вероятнее всего, были скифскими рабынями из Золотой Орды, привезенными торговцами на критский рынок.

Печенегов (огузов) и аланов (иранских кочевников) мы, вслед за византийцами, условно относим к «северным народам», т.е. скифам. Зафиксированный под Смирной в никейскую эпоху Μιχαὴλ Πατζινάκης (1234–1239), возможно, восходил к немногим выжившим группам подунайских печенегов, отчасти слившихся с половцами, а отчасти откочевавших в Венгрию[37]. Печенеги упоминаются между 1208 и 1211 гг. в составе венгерского войска, по просьбе болгарского царя Борила участвовавшего в подавлении восстания в Видине; какие-то остатки печенежских племен в XIII в. все еще кочевали на венгерской территории[38].

Человек, носивший имя Ἀλανός (от этнонима Ἀλανός, иранского племени аланов)[39], вероятно, принадлежал к тем 10 000 или 16 000 аланов, которые переселились в империю ок. 1301–1302 гг., откочевав из Золотой Орды. Они исповедовали христианство и были восторженно приняты императором, когда согласились воевать на стороне византийцев в качестве наемников[40]. До 1305 г. источники упоминают неких Γεωργοῦς (Gircon) и Κυρσίτης как их вождей[41]. В первой половине XIV в. многие аланы служили и в болгарском войске; их предводители, упомянутые в источниках, — Ἰτίλης и Τεμήρης[42].

---

[35] *Bosch U.V.* Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965. S. 64–65.

[36] PLP. № 27537–27538. Имя Ταταρομούτζουνη имеет весьма негативную семантику: «татарская морда» (*Kriaras*. Λεξικό. S.v. μούτσουνο).

[37] MM. Vol. 4. P. 33 (№ VII, 1234–1239 гг.).

[38] О печенегах см.: *Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube aux IXe–XIe siècles. Bucarest, 1970; *Pritsak O.* The Pečenegs: a case of social and economic transformation. Lisse, 1976; *Golden P.* Pečenegs // EI NE. Vol. VIII. P. 289–290; *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 58–60. О печенегах в Венгрии см.: *Pálóczi Horvath A.* Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. Budapest, 1989. Общий обзор и локализацию археологических находок в Венгрии, связанных с печенегами, см. в: *Hatházi G., Szende K.* Ethnic Groups and Cultures in Medieval Hungary // Hungarian Archaeology at the Turn of the Millennium / Eds. Z. Visy, M. Nagy. Budapest, 2003. P. 388–391.

[39] PLP. № 546 (до 1341 г.).

[40] *Pachym.* X.16 (t. 4, p. 336); *Laiou A.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge (Mass.), 1972. P. 89–90.

[41] PLP. № 4137, 14077.

[42] PLP. № 8322, 27564.

3. «Персы»

Похоже, что большинство стандартных мусульманских имен указывают на выходцев из Анатолии: Ἀηλγαζῆς (← перс. عيار ʿ*ayyār* «мóлодец» + тюрк. *gazi* через посредство персидского «налетчик, завоеватель, герой, особенно в борьбе с неверными» ← араб. غازى *ghāzī*)[43], Ἀλιάζης (← араб. الياس *ilyās* библ. «Илия»)[44], Ἀλισέριος (← араб. على ʿ*alī* + перс. شير *shēr* «лев»)[45], Γαζῆς (тюрк. *gazi* ← араб. غازى *ghāzī*)[46], Ἀμελγαζᾶς (← араб. ابوالغازى *abū al-ghāzī* «отец газия»)[47], Μαχλαμᾶς (← тюрк. محرمه *maḥrama* ← араб. مقرمه *maqrama* «платок»)[48], Μαχμούτης (← араб. محمود *maḥmūd* «восхваленный»)[49], Μουσταφάς (← араб. مصطفى *muṣṭafā* «избранный, избранник»)[50], Μυσούρης (← араб. منصور *manṣūr* «победитель»)[51], Σακκᾶς (← араб. سقا *saqqā* «водовоз»)[52], Σαλαχατηνός (← тюрк. *salahaddin/salaheddin* ← араб. صلاح الدين *ṣalāḥ al-dīn* «благо веры»)[53], Χατζίλαλα (← тюрк. ← перс. ← араб. حاجى *ḥājjī* «паломник» + тюрк. ← перс. لله и لالا *lālā* «раб»)[54]. Имя Ἀγαρηνός[55] также принадлежало выходцу из Анатолии, ибо «агарянами» в эту эпоху византийцы звали мусульман именно из этого региона. Стоит отметить, что данное имя на удивление мало распространено в византийской антропонимике — возможно, из-за своих негативных коннотаций.

Имена Κούρτης (← тюрк. *kurt* «волк»)[56], Τοῦρκος (встречающееся несколько раз)[57] и Τουρκίτζη[58] могли указывать как на кыпчаков, так и на огузов. Именование Τουρκόπουλος имело несколько значений: им обозначали тюркские подразделения на византийской службе (гл. VI, разд. 5), тюркских пленных, а также потомков пред-

---

[43] *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals… Vol. 3. № 1810.

[44] PLP. № 654.

[45] Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. G. Prinzing. B.; N.Y., 2002. P. 402; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. S. 63.

[46] PLP. № 3444, 3450, 3452, 93299.

[47] PLP. № 91157.

[48] MM. Vol. 4. P. 91 (№ XXXIV); *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 112: Μαχραμάς ← *mahrama* ποδιά, προσόψι.

[49] PLP. № 17539.

[50] PLP. № 94212.

[51] PLP. № 19898.

[52] PLP. № 24717.

[53] PLP. № 24747.

[54] PLP. № 30729.

[55] MM. Vol. 4. P. 76–77 (№ XXIV).

[56] PLP. № 93896.

[57] PLP. № 29186, 29190, 29191.

[58] PLP. № 29169.

ставителей обеих первых групп. Его применяли в основном (но не исключительно) к анатолийским тюркам[59].

Другая группа имен, возможно, принадлежала выходцам с Востока арабского происхождения: Δαμασκηνός (т.е. выходец из Дамаска)[60], Βαβυλωνίτης (т.е. выходец из Багдада)[61]. Патроним Ἀπελμενέ[62] произошел от араб. *Абу ал-Ма*ʿ*ани* (ابوالمعانى *abū al-ma*ʿ*ānī* «ритор», «знающий человек») или, что менее вероятно, от араб. *Абу ал-Ма*ʿ*али* (ابوالمعالى *abū al-ma*ʿ*ālī* «возвышенный», «великий»)[63]. Оба варианта звучат по-арабски слишком высокопарно, чтобы принадлежать анатолийскому тюрку или половцу; такие имена преобладали в арабском мире: в Египте, Магрибе, Сирии[64]. Возможно, Ἀπελμενέ следует группировать с Βερβέρης (Кефалиния, 1264 г., землевладелец), Βαρβαρηνός (Серры, ок. 1317–1321 гг., парик) и Βαρβαρηνοί (Халкидика, 1327–1340-е гг., солдатская компания)[65], **Коста Гамаль** (← араб. диал. جمال *jamāl* «красота»; Стримон, Кастрин, 1300 г.)[66]. Вероятно, все или некоторые из многочисленных Σαρακηνοί относятся к той же группе[67]. Все эти имена, как кажется, принадлежали пришельцам из арабоязычного мира, по всей видимости из Северной Африки (в частности, берберам), которые служили в византийской армии в качестве легкой кавалерии[68]. Βαρβαρηνοί во второй четверти XIV в. были коллективными держателями пронии в Каламарии, в местечках Русеу, Леонтария, Патрикона, Св. Мамант и, возможно, Варварикий (см. гл. IV)[69].

---

[59] *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 61–62.

[60] PLP. № 5044–5045.

[61] PLP. № 91416.

[62] PLP. № 151–158, 91262; MM. Vol. 4. P. 210 (№ CXXIII).

[63] Ср. с похожей моделью грецизации арабского имени: Ἀπελμουζέ ← Abū al-Muʿizz (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст, пер., коммент. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. Гл. 44. С. 190–191).

[64] См., например: *al-Maqrizi, Taqi al-Din.* Kitab al-suluk li-maʿrifat duwal al-muluk / Ed. Muhammad ʿAbd al-Qadir ʿAta. T. 1–8. Beirut, 1997. T. 8: Indexes.

[65] PLP. № 2625, 2166, 2165. Βαρβαρηνός, возможно, был одним из Βαρβαρηνοί (← араб. этническое имя *barbar*, «берберы»; при этом отметим, что самоназвание берберов — *amazigh*).

[66] PLP. № 2625, 2166, 2165; *Мошин.* Акти. С. 210.299–300.

[67] PLP. № 24860–24866; см. также: PLP. № 24855–24859: Σαρακηνόπουλος. Именование «сарацин» прилагалось византийцами исключительно к арабам: *Christides V.* The Names Ἄραβες, Σαρακηνοί etc. and Their False Byzantine Etymologies // BZ. 1972. Bd. 65. P. 329–333. См. также гл. I настоящего исследования.

[68] *Oikonomidès N.* À propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats // TM. 1981. T. 8 [Hommage à Monsieur Paul Lemerle]. P. 360–364; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 201–202, см. также Index.

[69] *Oikonomidès N.* À propos des armées… P. 361; *Lefort J.* Villages de Macédoine: notices historiques et topographiques sur la Macédoine orientale au Moyen Âge. 1: La Chalcidique occidentale. P., 1982. P. 92, 116, 139, 146.

Примерное численное выражение этнической принадлежности имен дает следующая пропорция (из расчетов исключен антропонимический материал, относящийся к Кипру и Крыму): анатолийские тюрки — более 60%, кыпчаки, монголы и др. «скифы» — более 20%, выходцы с арабоязычных территорий — более 10%.

Преобладание «персидских» имен указывает на растущий приток на Балканы анатолийских тюрков. Проблема этого переселения в литературе специально никогда не исследовалась. В последующем разделе мы перейдем к прояснению этого вопроса.

4. Византийские «персы» в 1204–1262 гг.

В XI и XII вв. тюркская кочевая миграция в Анатолии привела к быстрой номадизации и тюркизации обширных районов, особенно по краям плато в Центральной Анатолии. На протяжении XII в. Комнинам удалось остановить дальнейшее продвижение тюркских кочевников и даже вернуть себе значительные территории. К началу XIII в. роль кочевого элемента в Анатолии постепенно снижается. Некоторые из кочевников перешли к оседлой жизни, другие — понесли фатальные потери в борьбе против византийцев, армян, грузин, а также против мусульман оседлых анатолийских зон. На рубеже XII и XIII вв. оседлые и кочевые тюрки постоянно проникали в византийские владения из Анатолии, хотя сообщения источников, которые могли бы дать представление о масштабах этих переселений, слишком скупы. По меньшей мере, мы знаем, что сельджукские наемники сыграли выдающуюся роль в консолидации власти Феодором I Ласкарисом (1205–1221) и в создании Никейской империи[70].

В 1205 г. на иконийском престоле утверждается Гийас ал-Дин Кайхусрав I (первое правление 1192–1197; второе правление 1205–1211). Он был младшим сыном Кылыч-Арслана II и некоей христианки (вероятно, гречанки). Свергнутый с престола своим старшим братом Рукн ал-Дином (1197 г.), Гийас ал-Дин бежал в Константинополь, где оставался до 1204 г. Изгнанник прижился при византийском дворе: иконийские мусульмане были шокированы вестями о его образе жизни, расходившемся с установлениями шариата. Ходили даже слухи, что василевс Алексей III Ангел окрестил его. В Константинополе Гийас ал-Дин женился на дочери Мануила

[70] *Vryonis S.* Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71; *Idem.* Decline. P. 169–194, 244–285.

Маврозома, который с материнской стороны приходился внуком самому Мануилу I Комнину[71]. В конце концов Гийас ал-Дин вернулся в Рум и возвратил себе престол в *раджабе* 601 г. (22.02–23.03.1205)[72]. Если принять во внимание столь глубокую и продолжительную связь султана с византийским двором, то не покажется удивительным, что этой же весной 1205 г. он заключил военный союз с Феодором I Ласкарисом (до 1204 г. видным вельможей и зятем Алексея III), несомненно хорошо знакомым ему по прежней жизни в Константинополе. Воинство сельджуков помогло Ласкарису в самый сложный для него начальный период борьбы с соперниками на северо-западе Анатолии в 1205–1206 гг.[73]

Вполне возможно, что некоторые из сельджукских наемников и союзников в то время и в последующие годы осели на территории ласкаридской Византии. Доступные документальные источники в некоторой степени отражают приток «персов» в византийские земли. Несколько человек в районе Смирны, вероятно, принадлежали к христианизированным «персидским» иммигрантам. Γεώργιος Ἀγαρηνός упоминается как бывший владелец оливковой рощи в Мантее в марте 1225 или 1240 г. У него был кузен Γεώργιος Μαυροϊωάννης («Черный Иоанн»), который, судя по прозвищу, также мог принадлежать к персам[74]. В 1234–1239 гг. некий «перс» Κωνσταντῖνος Χωσαίνης (← араб. حسين *ḥusayn*, Хусайн) жил (ἔποικος) в селении Павхома южнее Сфурну у Смирны[75]. Наконец, некий Μιχαήλ Μαχλαμᾶς упомянут как свидетель в Смирне в июне 1237 г.[76] Не-

---

[71] *Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey. L., 1968. P. 116; *Brand Ch.M.* Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge (Mass.), 1968. P. 138; *Turan O.* Les souverains seldjoukides et leurs sujets non-musulmans // SI. 1953. T. 1. P. 79–80; *Varzos*. Γενεαλογία. T. 2. Σ. 499.

[72] *Ibn al-Athir*. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Lugduni Batavorum, 1851. T. 12. P. 131; Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par F.N. Uzluk. Ankara, 1952. P. 41; Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali. Tehran, 1999. P. 84.

[73] *Nic. Chon*. Vol. 1. P. 626; *Nicetas Choniates*. Orationes et epistulae / Rec. J.A. van Dieten. B., 1972. P. 136; *Жаворонков П.И.* У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 33; *Он же.* Дополнения к третьему тому «Регест» Ф. Дэльгера периода Никейской империи // ВВ. 1980. Т. 41. С. 183–184: по источникам фиксируется по меньшей мере три соглашения между Ласкарисом и Гийас ал-Дином (№ 2–4) в период с конца 1204 до зимы 1206 г.; *Korobeinikov D.* Byzantium and the Turks… P. 135–156; *Prinzing G.* Byzantiner und Seldschuken zwischen Allianz, Koexistenz und Konfrontation im Zeitraum ca. 1180–1261 // Der Doppeladler. Byzanz und die Seldschuken in Anatolien vom späten 11. bis zum 13. Jahrhundert. Mainz, 2015. S. 26–37.

[74] MM. Vol. 4. P. 76–77 (№ XXIV).

[75] Ibid. P. 34–35 (№ VII/III).

[76] Ibid. P. 91 (№ XXXIV).

сколько анатолийских иммигрантов обнаруживаются на Балканах. Бывший воин-вардариот Γεώργιος Πισσᾶς упомянут между 1225 и 1250 гг.; скорее всего, он был «персом», поскольку в то время именно из них состояла вардариотская гвардия при византийском дворе[77]. Еще один военный и землевладелец — Θεόδωρος Σαφᾶς, уже появлявшийся в гл. II, упоминался ок. 1219–1220 гг. в Веррии[78]. Э. Захариаду предположила, что царедворец (τατᾶς τῆς αὐλῆς) Καλαμπάκης, упомянутый Акрополитом до 1261 г., мог происходить из анатолийских тюрков, выводя его прозвище из тюрк. *kalem* ← араб. قلم *qalam* «тростниковое перо»[79]. Однако, по нашему мнению, имя Καλαμπάκης, довольно распространенное как в Анатолии, так и на Балканах в XII–XV вв.[80], должно произноситься скорее как Kalabak(is) и, вероятно, происходит от названия горы Калабак в Албании.

Информация о «персидских» иммигрантах в византийских землях того времени слишком лапидарна и неполна, чтобы можно было прийти к каким-либо выводам об особенностях их расселения. Однако стоит отметить, что двое из названных персон были воинами и все шестеро принадлежали к средним собственникам.

5. «Персидское» переселение 1262–1263 гг.

Во второй трети XIII в. в Анатолии начинается новая волна тюркской миграции, вызванная монгольскими завоеваниями. Многочисленные туркменские и другие тюркские племена, которые были вытеснены монголами из Восточного Туркестана, Средней Азии и Ирана, наводняют Малую Азию[81]. Концентрация кочевников, которые прошли через всю Анатолию с востока на запад, достигает своей высшей точки на сельджукско-никейской границе, вероятно, в 1250–1260-х гг., когда мигрирующие тюрки были остановлены византийцами в конце анатолийского «коридора». Поначалу Михаил VIII Палеолог (1259–1282) пытался привлечь этих кочевников на свою сторону, надеясь создать из них своего рода буфер вдоль византийских восточных границ в случае мон-

[77] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Т. 1–5. СПб., 1891–1898. Т. 1. Σ. 466; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 370.

[78] Demetrii Chomateni Ponemata… P. 235.13–15 (№ 67).

[79] *Acrop*. Vol. 1. P. 139; *Zachariadou E.* The Emirate of Karasi and That of the Ottomans: Two Rival States // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 228.

[80] PBW. № 20111; PLP. № 10252–10254, 93686, 93687.

[81] *Lindner R.* Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983. P. 12–16.

гольского нашествия[82]. Однако довольно скоро он осознал неосуществимость этого плана. Потерпев неудачу в умиротворении кочевых варваров, император попытался использовать монгольскую военную машину для подавления кочевников и перенес акцент на усиление пограничной фортификации[83].

Первая существенная переселенческая волна из мусульманской Анатолии в Византию была связана с массовой миграцией тюрков (как оседлых, так и кочевников), подданных сельджукского султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II (род. 1237 — ум. 1279/1280, правил в 1245–1262). Султан бежал ко двору Михаила VIII Палеолога в 1262 г. и находился в Византии до 1264/1265 г. Его злоключения в Византии и последующее бегство в Крым широко известны и являются общим местом всех обзорных историй Византии и Сельджукского султаната. Вкратце случай Кайкавуса II состоит в следующем. С конца 1240-х гг. двое братьев-соправителей, ʿИзз ал-Дин Кайкавус и Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан, оспаривали верховную власть в султанате. Монголы Ирана, которые подчинили Анатолию уже в 1243 г., решительно поддержали Рукн ал-Дина. В результате серии конфликтов ʿИзз ал-Дин покинул султанат и бежал в Византию, где оставался до зимы 1264/1265 г. Поначалу его отношения с императором Михаилом VIII Палеологом были дружественными, однако позже между ними появилась напряженность. Султан организовал заговор, намереваясь свергнуть Михаила Палеолога, и обратился за помощью к болгарам и монголам Золотой Орды, которые затем совместно напали на империю. Находясь в Эносе во Фракии, Кайкавус присоединился к монгольско-болгарскому войску и бежал в Золотую Орду. В Золотой Орде он поселился в Солхате, где и умер в 1279/1280 г. Такова общеизвестная версия пребывания султана в Византии. История ʿИзз ал-Дина Кайкавуса довольно симптоматична и демонстрирует две наиболее значимые парадигмы византийских взаимоотношений с тюрками: с теми из них, кто находился за пределами Византии, и с тюрками как византийскими подданными внутри империи. Однако прецедент Кайкавуса II никогда не

---

[82] *Pachym.* T. 1. P. 185.25–187.10.

[83] Ibid. P. 441.25ff. Более подробно см.: *Arnakis G.G.* Byzantium's Anatolian Provinces during the Reign of Michael Palaeologus // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Belgrade, 1964. T. 2. P. 37–44; *Lippard B.G.* The Mongols and Byzantium, 1243–1341. PhD Thesis. Indiana University. Indianapolis, 1984. P. 17–18, 197–198; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army... P. 54–57, 64; *Коробейников Д.А.* Византия и государство Ильханов в XIII — начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 445–448, 464.

был исследован в подробностях, многое в хронологии его жизни в Византии еще остается сомнительным, а некоторые важные детали этой истории по-прежнему неясны.

Приключения Кайкавуса II произвели глубокое впечатление на греческих и восточных авторов. Византийские, персидские, арабские, сирийские и османские историки пересказывали их на протяжении многих последующих десятилетий. Первоисточники содержат по крайней мере четыре независимых варианта истории Кайкавуса II. Греческая сторона представлена связанными между собой версиями Пахимера (ок. 1308) и Григоры (ок. 1359), причем текст Григоры является не более чем переосмысленным пересказом Пахимера[84]. Восточная источниковая традиция является более сложной. Персидские хроники Ибн Биби (ок. 1281) и Аксарайи (1323) дают две независимые, хотя и перекликающиеся версии[85]. Турецкий пересказ истории Ибн Биби под названием «Таварих-и ал-и Салджук», выполненный Йазыджизаде ʿАли (1423), в основном следует своему источнику, добавляя важные новые детали, однако достоверность некоторых из этих дополнений может быть поставлена под сомнение[86]. Мамлюкский историк Мухи ал-Дин б. ʿАбд ал-Захир (1223–1293), который был современником событий, предоставляет уникальную информацию о дипломатической деятельности ʿИзз ал-Дина Кайкавуса до его эмиграции в Византию[87]. Мамлюкский историк и высокопоставленный чиновник Байбарс

[84] См.: *Pachym*.; *Greg*.

[85] *Ibn Bibi* (AS); неполный немецкий перевод: *Ibn Bibi* (Duda); *Aqsarayi*.

[86] У нас до сих пор нет заслуживающего доверия критического издания текста Йазыджизаде ʿАли — источника, содержащего уникальную информацию об Анатолии и Балканах. Для обсуждаемых тут вопросов я пользовался тремя версиями текста: 1) берлинская рукопись — *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin), 2) недавнее критическое издание А. Бакыра (транскрипция оригинальной арабицы современной турецкой латиницей), многие чтения которого не бесспорны, — *Yazıcızâde Ali* (Bakır), 3) пространные цитаты из одной из стамбульских рукописей (Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, Revan Bölümü R.1390), транскрибированные турецкой латиницей, — *Decei A*. Le problème de la colonisation des Turcs seldjoukides dans la Dobrogea au XIIIe siècle // TAD. 1968. T. 6/10–11. P. 87–90. Работа А. Дечея также содержит важное исследование поздней османской традиции, развивавшей данные Йазыджизаде ʿАли.

[87] *Muḥī al-Dīn b. ʿAbd al-Ẓāhir*. Al-Rawḍ al-ẓāhir fī sīrat al-Malik al-Ẓāhir / Ed. ʿAbd al-ʾAzīz al-Khuwayṭir. Al-Riyāḍ, 1976. В 1260-х Мухи ал-Дин б. ʿАбд ал-Захир был секретарем в канцелярии египетского султана ʿАбд ал-Захира Байбарса (1260–1277) и составил многие официальные письма для своего владыки. Не исключено, что он лично составлял и те письма, что шли от мамлюкского двора к ʿИзз ал-Дину Кайкавусу. Таким образом, среди историков Мухи ал-Дин является единственным современником исследуемых нами событий, причем занимавшим высокий пост и получавшим информацию из первых рук. О нем и его сочинении см.: *Khowaiter A*. Baibars the First: His Endeavours and Achievements. L., 1978. P. 144–166.

ал-Мансури (ум. 1325), младший современник событий, представил в своих трудах еще одну независимую версию[88]. Наконец, некоторые мелкие детали можно найти в истории сирийца Бар Эбрея (Абу ал-Фарадж, до 1286) и персидского анонимного автора хроники «Та᾿рих-и ал-и Салджук» (ок. 1300)[89].

Хотелось бы сосредоточиться на нескольких ключевых эпизодах, которые позволят, как я надеюсь, оценить по достоинству важность всей истории злоключений султана в Византии. Во-первых, необходимо уточнить хронологию его прибытия в империю; во-вторых, будет рассмотрен круг придворных и других сторонников Кайкавуса, оказавшихся с ним в изгнании; наконец, в-третьих, следует подробнее остановиться на судьбах людей Кайкавуса после того, как он покинул Византию.

Довольно трудно определить точную дату бегства ῾Изз ал-Дина из султаната по причине хронологической неопределенности как восточных (персидских, арабских и сирийских), так и греческих источников. В исследовательской литературе не сложилось единой точки зрения: подавляющее большинство историков датируют прибытие султана в Византию периодом *перед* захватом Константинополя греками 25 июля 1261 г., в то время как другие считают излишним сужать хронологические рамки, подразумевая, что это произошло в течение 1261 г.[90] Внимательное сличение источников позволяет все же уточнить датировку.

Наиболее вероятная дата прибытия Кайкавуса II в Византию может быть выведена из восточных источников, которые до сих

---

[88] *Baybars al-Mansuri al-Dawadar*. Zubdat al-fikra fi ta᾿rikh al-Hijra. History of the Early Mamluk Period / Ed. D.S. Richards. Beirut; B., 1998. Байбарс ал-Мансури, высокопоставленный военачальник и секретарь при мамлюкском дворе, взял за основу текст Мухи ал-Дина б. ῾Абд ал-Захира, но и добавил обширную информацию, как хранившуюся в султанском архиве, так и полученную им от дипломатов и осведомителей. Информация Мухи ал-Дина и Байбарса ал-Мансури широко использовалась позже мамлюкскими историографами: Макризи (1364–1442), ал-῾Айни (1360–1453; *al-῾Ayni, Badr al-Din Mahmud ibn Ahmad*. ῾Iqd al-juman fi tarikh ahl al-zaman / Ed. M.M. Amin. T. 1: 648–664 H / 1250–1265 M. al-Qahira, 1987) и многими другими (см.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884).

[89] См.: *Abu al-Faraj*. Chronography; Tarix-e al-e Saljuq…

[90] См., например, наиболее обстоятельные исследования: *Mutafčiev P.* Die angebliche Einwanderung von Seldschuk-Türken in die Dobrudscha im XIII. Jahrhundert // Списание на Българската Академия на Науките и Изкуствата. 1943. Т. 66: Клонъ историко-филологиченъ. Т. 32. S. 10; *Wittek P.* Yazijioghlu ῾Ali on the Christian Turks of the Dobruja // BSOAS. 1952. Vol. XIV/3. P. 254; *Geanakoplos D.J.* Emperor Michael Palaeologus and the West (1258–1282). A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge (Mass.), 1959. P. 81; *Failler A.* Chronologie et composition dans l'Histoire de George Pachymérès, I // RÉB. 1980. T. 38. P. 53–55; *Cahen C.* La Turquie pré-ottomane. Istanbul,

пор недооцениваются исследователями. За какое-то время до своего переезда в Византию ʿИзз ал-Дин Кайкавус бежал из Коньи в Анталью, спасаясь от войск своего брата Рукн ал-Дина и монголов во главе с ʿАлиджаком. По словам анонимного автора «Таʾрих-и ал-и Салджук», султан Рукн ал-Дин вошел в Конью 12 августа 1261 г. (14 рамазана 659 г.х.)[91] — через два дня после бегства Кайкавуса в Анталью, как уточняет Ибн Биби[92]. Эту хронологию подтверждает хорошо информированный сирийский историк Бар Эбрей, который сообщает, что гражданская война в Сельджукском султанате и бегство Кайкавуса из Коньи произошли «в конце лета» 1261 г.[93] Следовательно, по меньшей мере еще 10 августа 1261 г. Кайкавус находился в Анатолии.

Кайкавус, после побега из Коньи, провел довольно долгое время в Анталье, где обращался за поддержкой к союзникам за рубежом, а также ожидал результатов контрударов своего полководца ʿАли Бахадура, который собрал большое войско в Сиврихисаре и попытался осадить врага в Конье. В то же время султан отправил послов к Михаилу VIII Палеологу, испрашивая убежища у императора[94]. В конце концов ʿАли Бахадур был разбит Рукн ал-Дином и монголами у Сиврихисара и бежал в пограничные области (اوج, *uc*). После окончательного поражения своих войск султан направился в Византию[95]. Однако возникает вопрос: как долго Кайкавус пребывал в Анталье? Ясный ответ на него может быть найден только в мамлюкских источниках.

Во время своего пребывания в Анталье султан, в частности, связывался с египетским двором в надежде получить военную помощь от мамлюков. Осман Туран в своей фундаментальной работе «Турция в эпоху Сельджуков» указывает на свидетельства мам-

1988. P. 249; *Idem*. Kaykāʾūs II, ʿIzz al-Dīn // EI NE. Vol. 4. P. 813b–814a; PLP. № 328; *Bees N.* Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien), mit Exkursen zur Geschichte der Seldschukiden-Türken. B., 1922. S. 44, 46; *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 168; *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 72–77; The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 722; The Cambridge History of Turkey. Vol. 1: Byzantium to Turkey, 1071–1453 / Ed. K. Fleet. Cambridge, 2009. P. 63, 72. В моих прежних работах я также следовал традиционной датировке — 1261 г.

[91] Tarix-e al-e Saljuq… P. 99.

[92] *Ibn Bibi* (AS). P. 636; *Ibn Bibi* (Duda). S. 283.

[93] *Abu al-Faraj*. Chronography. P. 442.

[94] Сама возможность бегства Кайкавуса в Византию уже обсуждалась его послами и Михаилом VIII Палеологом весной 1259 г. в Нимфее: *Pachym*. II.10 (t. 1, p. 149.15–21).

[95] *Ibn Bibi* (AS). P. 636–637; *Ibn Bibi* (Duda). S. 283, 342. Anm. 371.

люкского историка Мухи ал-Дина б. ʿАбд ал-Захира, которые являются наиболее хронологически надежными среди всех других наличных источников[96]. Сообщения Мухи ал-Дина позволяют достаточно точно определить время пребывания ʿИзз ал-Дина в Анталье. Не будет лишним вернуться к аргументации О. Турана с некоторыми уточнениями и дополнениями. Мухи ал-Дин упоминает о нескольких дипломатических контактах между мамлюкским двором и ʿИзз ал-Дином Кайкавусом. Самое раннее свидетельство относится к мусульманскому 660 г. (25 ноября 1261 г. — 14 ноября 1262 г.) без указания месяца: двое послов ʿИзз ал-Дина прибыли к мамлюкскому двору с его письмом, в котором сельджукский султан «проявил большое смирение по отношению к нему (т.е. мамлюкскому султану Байбарсу. — *Р.Ш.*) и [сообщил], что он потерял власть над половиной своей страны». ʿИзз ал-Дин просил помощи, а в обмен предлагал пожаловать в своих землях *iqṭāʿ* для мамлюкских эмиров по выбору султана Байбарса. Байбарс же «повелел подготовить войска для оказания помощи правителю Рума» и назначил одному из своих эмиров направиться в Рум с 300 кавалеристами[97]. Как показывают последующие отрывки, это произошло в интервале между ноябрем 1261 г. и апрелем 1262 г. В месяц *джумада* II 660 г. (22 апреля — 20 мая 1262 г.) посол Египта был отправлен к ʿИзз ал-Дину морем, т.е., скорее всего, в Анталью, чтобы сообщить, что Байбарс «внял его просьбе и ответил на его призыв

---

[96] *Turan O.* Selçuklular zamanında Türkiye. Siyâsi Tarih Alp Arslan’dan Osman Gazi’ye (1071–1318). İstanbul, 1971. S. 496–497.

[97] *Muhi al-Din*. Al-Rawd… P. 125:

وكذلك الامير شرف الدين الجاكى، والشريف عماد الدين الهاشمى وصلا من عند صاحب الروم عزالدين كيكاوس بن كيخسرو، و صحبتهما الامير ناصر الدين نصرالله بن كوج رسلان، امير حاجب، والصدر صدرالدين الاخلاطى، رسلان منه، و معهما كتابه الى السلطان يتنزل فيه تنزلاً عظيماً، وانه نزل للسلطان عن نصف بلاده؛ وسيّر دروجاً فيها علائم بما يقطع من البلاد لمن يختاره السلطان، و يؤمره، و يكتب له من جهته منشراً قرين منشور صاحب الروم. فلما وصل الرسل اكرمهم السلطان، و سكن جاشهم، و شرع فى تجهز جيش نجدة لصاحب الروم، و امر بكتب المناشير، و عين الامير ناصر الدين اغلمش، السلاح دار الصالحى، لتقدمة العسكر و عين له ثلثمئة فارس، و اقطعه فى الروم.

Мухи ал-Дин ошибочно поместил этот отрывок после сообщения о более поздних событиях *шаʿбана* 660 (20 июня — 18 июля 1262 г.). Это привело к путанице в поздней мамлюкской историографии, использовавшей текст Мухи ал-Дина как главный источник сведений о биографии султана Байбарса: ал-Макризи и ал-ʿАйни воспроизводят этот пассаж под *шаʿбаном* 660 (*al-Maqrizi*. Kitab… T. 1. P. 542; *al-ʿAyni*. ʿIqd… T. 1. P. 334).

о помощи» своим решением отправить войско[98]. В следующем месяце — *раджабе* (21 мая — 19 июня 1262 г.) ʿИзз ал-Дин сообщил мамлюкскому двору, что «его враги, услышав о его союзе с султаном [Байбарсом], были в страхе пред могуществом [султана] и бежали и что он отправился к Конье и осаждает ее, чтобы захватить сторонников брата внутри нее»[99]. Очевидно, что в последнем сообщении от мая-июня 1262 г. ʿИзз ал-Дин подразумевал нападение ʿАли Бахадура на Конью, которое завершилось поражением при Сиврихисаре. По Ибн Биби, «отчаявшись в благоприятном исходе», ʿИзз ал-Дин вскоре после этого отправился в Византию. Что касается готовившейся мамлюками военной помощи Руму, ал-Мансури отметил, что в момент подготовки военной экспедиции пришло известие о бегстве ʿИзз ал-Дина из султаната и необходимость в ней отпала[100].

Опираясь на рассмотренные выше свидетельства, можно сделать вывод, что Кайкавус прибыл в Византию лишь летом 1262 г., не ранее июня[101]. Дополняя нарративные данные, эту же дату подтверждает сельджукская нумизматика. Монеты с именем ʿИзз ал-Дина Кайкавуса еще чеканились в 660 г. (ноябрь 1261 г. — ноябрь 1262 г.), причем возможно, что самые поздние монеты бились в 1262 г. именно в Анталье[102]. Таким образом, лето 1262 г. в качестве даты прибытия ʿИзз ал-Дина в Византию идеально согласуется с информацией, содержащейся в восточных нарративных и нумизматических источниках.

Предлагаемая хронология, в самом деле, не противоречит данным наиболее авторитетного греческого автора — Георгия Пахи-

---

[98] *Muhi al-Din*. Al-Rawd… P. 127:

و ان يتوجه صدر الدين، الرسول الآخر، صحبة رسل السلطان فى البحر، الى السلطان عزالدين، واعلامه بان السلطان قد اجاب داعيه، و لبّى مناديه، و وقع الاهتمام فى كتب المناشير، و تجريد الامراء من حلب و الشام٠

[99] Ibid. P. 128:

و فى هذا التاريخ وصل كتاب صاحب الروم، يذكر فيه ان العدو لما بلغهم اتفاقه مع السلطان خافوا من هيبته، فولوا هاربين، وانه سير الى قونية يحاصرها لياخذ من بها من اصحاب اخيه٠

[100] *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 75:

و لما وقع الاهتمام بذلك جاءت الاخبار بانهزامه…

[101] 1262 г. как дата бегства ʿИзз ал-Дина в Византию принят также в: *Leiser G.* Ṣarı Ṣalṭūḳ Dede // EI NE. Vol. 9. P. 61.

[102] См., например: *Erkiletlioğlu H., Güler O.* Türkiye Selçuklu Sultanları ve Sikkeleri. Kayseri, 1996. S. 184. № 422; *Album S.* A Checklist of Islamic Coins. Second Edition. Santa Rosa, 1998. P. 63. № A1231; *Hennequin G.* Bibliothèque Nationale. Catalogue des monnaies musulmanes. Asie pré-Mongole. P., 1985. P. 769. Note 1.

мера, который не указывает точной даты этого события (II.24), хотя и помещает его перед рассказом о завоевании Константинополя византийским полководцем Алексеем Стратигопулом в июле 1261 г. (II.26)[103]. Пахимеру в те годы было около 19 лет, о событиях он писал много десятилетий спустя. Он не соблюдает строгий хронологический порядок в своем повествовании, часто перескакивая в прошлое или будущее и снова возвращаясь к временно́й точке, покинутой многими страницами выше. По моему убеждению, история султана в тексте Пахимера хронологически должна следовать *после* рассказа о возвращении Михаила Палеолога в Город (15 августа 1261 г.). Кроме того, один аргумент *ex silentio*, вероятно, не будет здесь излишним: ни Георгий Акрополит, ни Феодор Скутариот ничего не говорят о прибытии султана. Эти авторы — наиболее скрупулезные и надежные историки ранней эпохи Михаила VIII, они демонстрируют глубокий интерес к отношениям между Византией и Сельджукским султанатом[104]. Их повествования завершаются торжественным возвращением Михаила VIII в Константинополь 15 августа 1261 г. и, как можно предположить, не сообщают о прибытии Кайкавуса только по той причине, что последний появился в Византии лишь примерно через год после этой даты.

И последнее замечание: по всей вероятности, ʿИзз ал-Дин Кайкавус направился из Антальи прямо в Константинополь, но не в какую-либо гавань на анатолийском побережье империи. Восточные авторы единодушно утверждают, что султан направлялся прямо в столицу империи[105]. Современные исследователи полагают, что султан высадился где-то в Анатолии, основываясь на неправильной датировке событий и думая, что к моменту прибытия Кайкавуса Михаил VIII и его двор все еще находились в анатолийских провинциях. Между тем греческие авторы никогда не утверждали эксплицитно, что султан прибыл именно в византийскую Анатолию, а не в Константинополь. Если принять новую дату события (лето 1262 г.), то мое утверждение, что на самом деле пунктом назначения ʿИзз ал-Дина был Константинополь, никак не противоречит имеющимся данным.

---

[103] Как видно, в изложении тех же событий Григора некритически следовал относительной хронологии Пахимера: *Greg.* IV.2 (t. 1, p. 82.4–83.2). О других неточностях Григоры в связи с семьей султана Кайкавуса см.: *Шукуров Р.М.* Семейство ʿИзз ал-Дина Кай-Кавуса II в Византии // ВВ. 2008. Т. 67 (92). С. 111–113.

[104] См. заключительные главы в: *Acrop.* Vol. 1. P. 188–189; *Theodoros Skoutareiotes.* Ανωνύμου Σύνοψις Χρονική // Sathas K. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. Τ. 7. Βενετία, 1914. Σ. 554–556.

[105] *Ibn Bibi* (AS). P. 637–638; *Ibn Bibi* (Duda). S. 283–284; *Aqsarayi*. P. 70; *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 93; *Abu al-Faraj*. Chronography… P. 442; *al-ʿAyni.* ʿIqd… T. 1. P. 321.

6. Родственники ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II в Византии

С большей или меньшей уверенностью можно говорить о присутствии на византийской территории 10 членов семейства ʿИзз ал-Дина, в их числе его матери-гречанки, двух его греческих дядьев по материнской линии, родной сестры, жены и по меньшей мере пятерых детей — четырех сыновей и одной дочери (табл. 1).

Таблица 1

Семейство ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II в Византии

№	Имя	Социальный статус	Место	Время	№ PLP
1	Продулия/Bardūliya, мать султана		Константинополь, Веррия	р. до 1220 — ум. после 1264	–
2	Кир Хайа / Kīr Khāya, брат Продулии (№ 1)		Константинополь, Добруджа	ум. ок. 1265	–
3	Кир Каттидий / Kīr Kadīd, брат Продулии (№ 1)	*шарабсалар* при сельджукском дворе	Константинополь	ум. после 1264	–
4	Na., сестра султана		Константинополь, Веррия (?)	р. после 1237 — ум. после 1264	–
5	Na., жена султана		Константинополь, Веррия (?)	ум. после 1264	–
6	Масʿуд, сын султана		Константинополь	ум. ок. 1310	17233
7	Кайумарс, сын султана		Константинополь	ум. после 1290	–
8	Константин Мелик, сын султана	севастократор или кесарь (?), правитель Веррии (?), правитель Пиг в Мизии	Константинополь, Веррия (?), Пиги	ум. после 1306	17762
9	N. (Савва Султан?), младший сын султана	иеромонах (?)	Константинополь, Судак (?)	ум. 21.12.1320	26294
10	Na., дочь султана		Константинополь, Веррия (?)	ум. после 1264	–

***№ 1. Προδουλία/Bardūliya/Pardūliya* (*р. до 1220 — ум. после 1264*).** Имя матери султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II — Bardūliya/Pardūliya (بردوليه) в персидской передаче — изначально, несомненно, греческое, его мы находим у Ибн Биби[106]. Бар Эбрей в своей арабской хронике говорит, что мать султана была «румийка/римлянка», добавляя, что она была «дочерью священника» (امه رومية ابنة قسيس)[107]. Поскольку в арабской и персидской письменности того времени и того региона «румиец/римлянин» имело вполне конкретный этноконфессиональный смысл, определение Бар Эбрея следует понимать как однозначное указание на греческую и православную идентичность матери султана. Ее происхождение из семьи «греческого священника» подтверждает Симон де Сен-Кантен («hunc genuerat ipse de filia cujusdam sacerdotis Greci»)[108]. Гийом де Рубрук определяет ее как *греческую* наложницу[109]. О том, что Bardūliya была христианкой, говорили и византийцы. Так, Пахимер характеризует ее как «в высшей степени хорошую христианку» (χριστιανῇ ἐς τὰ μάλιστα οὔσῃ)[110]. Никифор Григора косвенно подтверждает ее христианскую идентичность: он сообщает, что султан ʿИзз ал-Дин был «сыном христианских предков» — χριστιανῶν τε ὑπῆρχε γονέων υἱός, — подразумевая, вероятнее всего, под γονέων не «родителей», но именно обобщенно «предков», то есть семью его матери, а также бабку по отцу, тоже гречанку[111].

Таким образом, имя Bardūliya, скорее всего, надо возводить к какому-то греческому источнику, тем более что и по форме оно напоминает искаженное греческое слово. Трудно сказать с полной уверенностью, какое греческое женское имя подразумевал Ибн Биби. Однако ясно, что это было личное, возможно, крестное, но не фамильное имя, а также не прозвище. Причем оно было довольно редким: точное его соответствие отсутствует в известных мне византийских именниках. Начнем с предварительных замечаний относительно наиболее вероятных фонетических соответствий в греческом для слова بردوليه / *bardūliya*. Начальное «b», вероятно,

[106] Именно такую форму дают все известные варианты исторического сочинения Ибн Биби: *Ibn Bibi* (AS). P. 472–473; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 213; *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 285; *Ibn Bibi* (Duda). S. 204.

[107] *Abu al-Faraj*. Mukhtasar. P. 447.

[108] *Simon de Saint-Quentin*. Histoire des Tartares / Éd. J. Richard. P., 1965. XXXII.26 (p. 82).

[109] *Гильом де Рубрук*. Путешествие в Восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997. С. 188.

[110] *Pachym*. II.24 (t. 1, p. 183.23).

[111] *Greg*. IV.4 (t. 1, p. 94.13–14).

передает греческое «π», персидское «d» следует читать как «δ» или «τ», длинное «ū» соответствует греческому «ου», «ο» или «ω», и, наконец, конечное «iya» означает исконное ια/εια/εα. Персидское *bar* (*par*) могло передавать греческое πρα/προ/πρω, ибо сочетание двух согласных в начале слова противоречит фонетическим законам персидского. Далее. В *par-dūliya* можно вполне ясно угадать сложное слово со вторым элементом «δουλία», который часто встречался в сложных именах, как то: Χριστοδουλία (PLP. № 31002), Θεοδουλία (PLP. № 7215), а также мужское имя Κυριακόδουλος (PLP. № 13961), женский вариант которого несомненно существовал. Как представляется, именно этот легко узнаваемый элемент имени и надо взять за отправную точку толкования.

Суммируя сказанное и принимая во внимание приведенные аналогии, *Bardūliya/Pardūliya*, скорее всего, следует интерпретировать как Προδουλία, в значении «предавшая [себя Богу]» (от πρόδουλος «служащий рабом» и προδουλόω «предавать в рабство»)[112]. Следует признать, что имени Προδουλία мне не удалось найти в византийских источниках. В поддержку моей интерпретации можно отметить, что образование личных имен от прилагательных и глаголов было вполне обычной практикой[113].

Альтернативным толкованием имени Bardūliya является Παρδολέαινα, женский вариант имени Παρδολέων, которое было распространено в Анатолии в XIII в. и обнаруживается в актах монастыря Лемвиотиссы у Смирны[114]. Однако первый вариант прочтения (Προδουλία) представляется более вероятным в силу большего фонетического расхождения между Bardūliya и Παρδολέαινα; кроме того, как видно, Παρδολέων все же было прозвищем, но не крестным именем[115].

Итак, Προδουλία была дочерью священника. Однако это отнюдь не говорит о ее низком происхождении: совершенно ясно, что она обладала в сельджукском обществе весьма высоким статусом и пользовалась большим почетом. Это видно из того, как упоминает о ней Ибн Биби: он называет ее «mukhaddara Bardūliya» (مخدره بردولیه)[116], т.е. «госпожа Продулия». Как «госпожа» мной пе-

---

[112] Значение «предать во власть ч.-л. и к.-л.» для глагола προδουλόω обнаруживается, например, в Житии св. Феклы: «προδουλωσαμένης αὐτοὺς τῷ ὕπνῳ» (*Dagron G.* Vie et miracles de Sainte Thècle. Texte grec, traduction et commentaire. Bruxelles, 1978. P. 382.29–30).

[113] *Pape W.* Wörterbuch der griechishen Eigennamen / Dritte Auflage neu bearbeitet von Dr. G.E. Benseler. Bd. 1–2. Braunschweig, 1911. S. XVI.

[114] MM. Vol. 4. P. 133, 229.

[115] PLP. № 21918–21920.

[116] *Ibn Bibi* (AS). P. 472; в краткой версии *mukhaddara* отсутствует: *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 213.

реведено слово *mukhaddara*: из араб. خدّر *khaddara* — «держать взаперти (девушку, женщину)», следовательно, субстантивированное причастие مخدّره *mukhaddara* означает женщину, живущую взаперти, строго соблюдающую правила благочестия и, как поясняет ʿАли Акбар Деххуда, «никогда не работавшую и не бывшую в услужении»[117]. Это слово прилагалось к весьма знатным и почитаемым особам — девушкам-невестам и женщинам, в особенности из царских семей, женам верховных правителей[118].

Сведения Ибн Биби находят продолжение в тюркской полулегендарной традиции, зафиксированной поздним османским историком Йазыджизаде ʿАли и весьма убедительно разобранной Паулем Виттеком. Йазыджизаде утверждал, что Продулия была сестрой Михаила VIII Палеолога[119]. Несомненно, Йазыджизаде ошибался в этом[120], однако ее легендарная генеалогия в тюркской традиции указывает на знатность и авторитет семейства Продулии. К сожалению, нам не узнать, какое место в обществе занимал ее отец-священник; возможно, он принадлежал к какому-то именитому византийскому роду. Совершенно очевидно, что семья Продулии пользовалась почетом в Иконийском султанате и славилась благочестием. Последнее находит отголосок и в приведенном выше замечании Пахимера, назвавшего ее «в высшей степени хорошей христианкой». Как мы увидим ниже, также и два ее брата, сыгравшие немаловажную роль в политике султаната, оставались верны своей христианской идентичности.

Этой женщине выпала нелегкая судьба. Незадолго до 1237 г. она стала женой султана Гийас ал-Дина Кайхусрава II и скоро родила ему первенца — будущего султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II. В том

---

[117] *Dehkhodâ Aliakbar*. Loghatnâme. Wāzha: مُخَدَّرَة; Фарҳанги забони тоҷики (аз асри X то ибтидои асри XX) / Под ред. М.Ш. Шукурова и др. Т. 1–2. М., 1968. Т. 1. С. 780.

[118] Ср.: *Korobeinikov D.* Byzantium and the Turks… P. 186–187. Тут дано ошибочное чтение имени матери Кайкавуса II как «the secluded [woman] (mukhaddarat) of Burdūl», т.е., следовательно, «Бардулийка». Женское имя Bardūliya/Pardūliya не имеет ничего общего с названием крепости Burdūl, которую подразумевает Д.А. Коробейников, как минимум по двум причинам. Во-первых, Ибн Биби — единственный историк, который упоминает имя этой женщины, однако он никогда не называл указанную крепость Burdūl, предпочитая другое, более древнее имя — Бурглу (Burğlu, برغلو): *Ibn Bibi* (AS). P. 22, 92, 472, 549, 615, 623, 729. Во-вторых, персидский, тюркский и арабский языки не знают такой модели создания личных имен и титулов, как «госпожа какого-то места» (т.е. mukhaddarat Baghdādiya, mukhaddarat Bukhāriya и т.д.); такая модель вряд ли существовала.

[119] *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 648, 655; *Idem.* Les Gagaouzes = Les gens de Kaykaus // Rocznik Orientalistyczny. 1951–1952. T. XVII. P. 15.

[120] *Papadopoulos A.Th.* Versuch einer Genealogie der Palaiologen. 1259–1453. München, 1938. S. 73–74 (№ 109).

браке она стала матерью по меньшей мере еще одного ребенка — дочери, имени которой мы не знаем (см. ниже). Не исключено, что в 1243 г. именно Продулия была той самой женой султана, которую вместе с ее свекровью — православной султаншей Мах-Пари — и дочерью киликийские армяне выдали монголам[121].

После смерти мужа Продулии в конце 1245 или начале 1246 г. реальной властью в Румском султанате овладел визирь *сахиб* Шамс ал-Дин из Исфагана[122]. Отличаясь, согласно Ибн Биби, исключительной надменностью, он взял в жены мать ʿИзз ал-Дина, что вызвало всеобщее возмущение[123]. Не исключено, что инициаторами этого брака были братья Продулии — Кир Кадид и Кир Хайа (см. ниже), заботившиеся об усилении собственной власти. Сторонники Рукн ал-Дина, брата-соперника ʿИзз ал-Дина, стремясь опорочить Шамс ал-Дина в глазах монгольского хана Гуюка, выставляли

---

[121] *Ibn Bibi* (AS). P. 528, 536, 607–608. Ибн Биби упоминает только мать и дочь султана, выданных монголам (p. 536):

والده و کریمه سلطان را باز داشتند و نگذاشتند که ببلاد اسلام گذرند آخر الامر بمغل سپردند...

Перевод: «...[армяне] задержали мать и дочь султана и не позволили им пройти в мусульманские земли; в конце концов их выдали монголам». Ср.: *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 241, 245, 277; *Ibn Bibi* (Duda). S. 234, 264. О том, что среди выданных была и жена султана, сообщает Киракос (*Киракос Гандзакеци*. История Армении / Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976. С. 178): татары потребовали «выдачи матери султана, жены и дочери его, убежавших и скрывшихся в [Киликии]». Смбат Спарапет говорит о выдаче матери и сестры султана (*Галстян А.Г* Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм. М., 1962. С. 47). См. также: *Cahen C.* The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rūm: Eleventh to Fourteenth Century. Harlow, 2001. P. 175.

[122] *Ibn Bibi* (AS). P. 571–572ff.; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 262–263.

[123] *Simon de Saint-Quentin*. Histoire... XXXII.26, p. 83; *Ibn Bibi* (AS). P. 565. Возмущение и даже брезгливость Ибн Биби в отношении этой женитьбы ясно видны в полном варианте его хроники:

متعاقلان فضول پیشه و خواصان جهول اندیشه که در حیاض (؟) ما لا یغنیهم شروع نمایند و از بی تدبیرمصلحت و تحصیل غرض خویش از مفاسد عواقب مناظم کارها غافل باشند نعْم الوزیر و صِدق الامیر پیشه سازند جهت ترویج کار خویش در تزویج صاحب بوالده سلطان سخن راندند۰

Перевод: «...разыгрывающие из себя мудрецов и сующие нос в чужие дела, а также глупцы из знати, которые отделываются “от того, что их не обогащает”, а в преследовании собственных целей не думают об отвратительных последствиях [этого] для порядка вещей и заискивают перед визирями и эмирами, из-за неразумности [своих] интересов и ради достижения своей выгоды заговорили о женитьбе *сахиба* на матери султана». Не исключено, что под мнимыми мудрецами и знатными глупцами тут подразумевались братья Продулии — Кир Хайа и Кир Кадид (ср. ниже). В кратком варианте это место изрядно сокращено и сглажено (*Ibn Bibi* (Houtsma). P. 260). Г. Дуда не вполне отразил эту негативную тональность в своем переводе хроники: *Ibn Bibi* (Duda). S. 248 и Anm. i. Более того, его поправка متعاقلان на متغافلان представляется излишней.

эту женитьбу на Продулии как один из наиболее постыдных его поступков[124]. Как сообщает Бар Эбрей, Продулия в этом браке родила от *сахиба* Шамс ал-Дина Исфахани еще одного сына, судьба которого неизвестна[125]. В 1249 г. визирь был арестован и казнен[126]. Судя по всему, после казни *сахиба* Исфахани Продулия замуж не выходила. В 1262 г. она отправилась со своим сыном в Византию. Пахимер, сообщая о ее прибытии на территорию империи, называет ее «пожилой», «старой» (γηραιᾷ μητρί)[127]. Действительно, если учитывать время рождения ʿИзз ал-Дина (ок. 1237 г.), в 1262 г. ей было около 50 лет[128]. Продулия в числе других родственников ʿИзз ал-Дина жила в Константинополе, по-видимому находясь вместе с прочими женщинами и детьми семейства в одном из императорских дворцов[129].

В 1264/1265 г., во время бегства ʿИзз ал-Дина из крепости Энос (совр. Энез) в Юго-Западной Фракии, она вместе с другими родственниками была подвергнута аресту в Константинополе[130]. Сообщение Ибн Биби о том, что мать ʿИзз ал-Дина была вместе с его сыновьями заключена в некой крепости (т.е. в Эносе), вряд ли соответствует действительности[131]. Йазыджизаде ʿАли солидарен с Пахимером: по его сообщению, мать султана держали под арестом в Константинополе с двумя младшими сыновьями ʿИзз ал-Дина[132].

---

[124] *Abu al-Faraj*. Chronography. Vol. 1. P. 412.

[125] Ibid.

[126] *Ibn Bibi* (AS). P. 587; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 267; *Abu al-Faraj*. Chronography. Vol. 1. P. 413.

[127] *Pachym*. II.24 (t. 1, p. 183.23).

[128] В византийских текстах определение γῆρας прилагалось, как правило, к возрасту в 50–60 лет, см.: *Talbot A.-M.* Old Age in Byzantium // BZ. 1984. Bd. 77. P. 268.

[129] *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 648; *Idem*. Les Gagaouzes… P. 15 (сообщение Йазыджизаде ʿАли).

[130] *Pachym*. III.25 (t. 1, p. 313.14).

[131] *Ibn Bibi* (AS). P. 639:

اورا با والده و دو فرزند غياث الدين ملک مسعود و رکن الدين کيومرث بقلعه باز داشت و بمحافظت او رقبا برگماشت <...> و سلطان با والده ودو ولد در آن قلعه موقوف و محبوس و مسجون مى بود·

Перевод: «[Василевс] его [т.е. ʿИзз ал-Дина] вместе с матерью и двумя сыновьями — Гийас ал-Дином Маликом Масʿудом и Рукн ал-Дином Кайумарсом — заключил в крепости и поставил стражу <…> Султан с матерью и двумя сыновьями в той крепости находился под арестом и в заключении». В оригинале слово مسجون повторено дважды, видимо по ошибке (مسحون و مسحون): с точки зрения средневековой стилистики третье слово тут излишне, оно разрушило бы стандартную синонимическую пару. В *Ibn Bibi* (Houtsma) эта часть отсутствует. Ср.: *Ibn Bibi* (Duda). S. 284–285. Об упомянутых тут сыновьях ʿИзз ал-Дина см. ниже.

[132] *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 648; *Idem*. Les Gagaouzes… P. 15.

Дальнейшая история Продулии угадывается в полулегендарной поздней тюркской традиции, переданной Ибн Биби и Йазыджизаде ʿАли и детально проанализированной П. Виттеком. Можно выделить две версии последующей судьбы матери султана: первая из них говорит о ее самоубийстве вскоре после бегства сына в 1264/1265 г., а вторая предполагает, что из Константинополя она была переведена в Веррию, где и оставалась до самой смерти.

Ибн Биби сообщает, что Продулия погибла вскоре после 1264/1265 г.: поверив в ложный слух о гибели ʿИзз ал-Дина при бегстве из Византии, она от горя бросилась с высокой башни. По версии Ибн Биби, это была башня той крепости, в которой она содержалась вместе с сыном (т.е. Эноса)[133].

Много более сложной является версия Йазыджизаде ʿАли, согласно которой император отослал Продулию с внуками в Веррию (Кара-Верия/Кара-Ферия). В Веррии Продулии были пожалованы в кормление пошлины (вероятно, таможенные), взимавшиеся в воротах Ana Qapusi, т.е. Вратах Матери (в современной турецкой транскрипции — Ana Kapısı)[134]. Рассказ о самоубийстве Продулии аналогичен рассказу Ибн Биби. По словам Йазыджизаде, башня, с которой бросилась Продулия, находилась рядом с Ana Qapusi в Веррии[135]. Однако в отношении версии Йазыджизаде нетрудно заметить, что он противоречит своим же собственным сведениям о том, что Продулия с женщинами и детьми ʿИзз ал-Дина была переселена в Веррию: несомненно, что это переселение могло произойти только после полного разрешения кризиса, связанного с бегством султана. Это противоречие проистекает, по-видимому, из того, что Йазыджизаде попытался механически совместить известные ему исторические факты о пребывании Продулии в Веррии с авторитетной, но более далекой от правды легендой о ее самоубийстве, сложившейся уже к 1280-м гг. в Анатолии и отраженной у Ибн Биби. Мера историчности рассказа Йазыджизаде о Веррии подробно обсуждалась П. Виттеком, который предположил, что это была своего рода «семейная история» потомков ʿИзз ал-Дина, передававшаяся из поколения в поколение. Услышал ее Йазыджизаде, вероятно, в 1420-х гг. от Димитрия и Михаила Лизиков, претендовавших на происхождение от сельджукского султана[136].

---

133 *Ibn Bibi* (AS). P. 639; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 298; *Ibn Bibi* (Duda). S. 285.

134 *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 648, 655–656; *Idem*. Les Gagaouzes… P. 15.

135 *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 648, 655–656; *Idem*. Les Gagaouzes… P. 15.

136 *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 652. Ниже (Ibid. P. 660) П. Виттек высказывает предположение, что в Веррии на самом деле могла оказаться «византийская жена» ʿИзз ал-Дина Кайкавуса с неким сыном. Однако это предположение не представляется обоснованным.

Таким образом, следует признать легенду о смерти Продулии около 1264/1265 г. недостоверной. По-видимому, она, как и другие члены семьи султана, была отправлена в Веррию.

Последнее замечание следует сделать по поводу «Врат Матери» или «Врат Анны». По предположению П. Виттека, тюркская традиция сохранила «народную этимологию» исконного греческого названия городских ворот в Веррии, которые могли называть «воротами ἀνάκαμψις» — воротами, где ἀνάκαμψις, т.е. «ежегодные выплаты» (annual payment), производились окрестными крестьянами. Позднее тюрки растолковали ἀνάκαμψις как Ana Qapusi, «Ворота Матери»[137]. Несмотря на свою привлекательность и вполне оправданный подступ к деконструкции обсуждаемой легенды, эта гипотеза не представляется обоснованной. Действительно, в византийских источниках встречается довольно редкий термин ἀνάκαμψις, однако отнюдь не в общем значении «ежегодных выплат», но в строго техническом смысле «пошлины, выплачиваемой за продление эмфитевзиса»[138]. Зачем выплачивать такого рода пошлину именно в городских воротах, понять было бы сложно. Кроме того, для византийского времени источники не фиксируют такого странного названия для городских ворот в Веррии (или где-либо еще). Позже, в XVII в., Эвлия Челеби свидетельствует о существовании ворот Ana Qapusi в Веррии и дает этому названию толкование, зафиксированное у Йазыджизаде[139]. Хотя современный историк Веррии Г. Хионидис и принимает толкование П. Виттека, считая, что ворота под названием Ἀνάκαμψις действительно существовали в византийское время, твердых оснований для таких выводов нет[140].

Да, действительно, весьма вероятно, что Продулия могла получить в качестве содержания (а именно — *пронии*) сборы, производившиеся в городских воротах. Однако это, скорее всего, были таможенные пошлины, выплачиваемые приезжими торговцами. За этими воротами и закрепилось тюркское название Ana Qapusi, «Ворота Матери», возможно уже в XIV в., ибо к этому времени в некоторых районах империи тюркская речь становилась частью византийского лингвистического ландшафта[141].

Таким образом, Продулия, скорее всего, после 1264 г. и разрешения кризиса, связанного с бегством ее сына, была поселена в Вер-

---

[137] *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 656.

[138] *Wilson N., Darrouzès J.* Restes du cartulaire de Hiéra-Xérochoraphion // RÉB. 1968. T. 26. P. 23. Note 22. См. также: LBG. S. 80 (ἀνάκαμψις).

[139] Подробнее см.: *Chionides G.* Ιστορία της Βεροίας. Θεσσαλονίκη, 1970. Σ. 116.

[140] Ibid. Σ. 116, 144–145.

[141] См. гл. VIII, разд. 14.

рии и получила там на свое содержание пронию. Мы не знаем времени смерти Продулии. По всей видимости, после 1264 г. она прожила какое-то время, возможно немалое.

№ 2–3. Кир Хайа (ум. ок. 1265), Кир Кадид / Кир Каттидий (ум. после 1264). У Продулии было два брата, которые сыграли в истории Сельджукского султаната выдающуюся роль, не раскрытую еще до конца в историографии. Выяснению биографий греческих дядьев ʿИзз ал-Дина препятствует состояние известных источников. О них писали почти исключительно мусульманские хронисты, которые делали это как бы нехотя, обвиняя дядьев во всех бедах страны и, как кажется, нередко воздерживаясь от прямого упоминания их участия в тех или иных событиях: опуская их имена, они предавали их тем самым вечному забвению. Тем не менее в источники просочились кое-какие сведения о данных персонах. На роль Кира Хайа и Кира Кадида впервые обратил серьезное внимание Осман Туран в своей классической статье «Сельджукские государи и их немусульманские подданные»[142]. Отечественная исследовательница О.С. Апанович значительно продвинулась в изучении биографии этих двух исторических персонажей в специальной работе[143]. Ее результаты являются отправной точкой для дальнейших разысканий в этом вопросе.

В персидских и арабских источниках обоих братьев обобщенно именовали арабо-персидским словом اخوال *akhwāl*, мн. ч. от خال *khāl* «дядя со стороны матери». Восточные источники сохранили и их имена: одного, вероятно старшего, брата звали Кир Хайа (كيرخايه / كرخايه *kīr khāya* у персов и كرخيا *kir khayā* у арабов), а другого — Кир Кадид (كيركديت / كركديد *kīr kadīd* / *kir kadīt*). Сведения о дядьях султана распределились в источниках весьма причудливо. Ибн Биби несколько раз упоминает о «дядьях» султана во множественном числе (*akhwāl*), однако по имени называет лишь одного — Кира Кадида, не указав при этом, что тот был одним из этих дядьев.

[142] *Turan O.* Les souverains seldjoukides et leurs sujets non-musulmans // SI. 1953. T. 1. P. 82–83.

[143] *Апанович О.С.* К вопросу о должности кундастабла у Сельджукидов Рума в XIII в.: кундастабл руми и Михаил Палеолог // ВВ. 2007. Т. 66 (91). С. 171–192. См. также дипломную работу О.С. Апанович, защищенную на кафедре истории Средних веков МГУ в 2004 г., которая, несмотря на неизбежные ограничения жанра студенческой квалификационной работы, представляет на данный момент самую полную в историографии сводку сведений из первоисточников о христианских подданных Сельджуков Рума вообще и греческих дядьев султана ʿИзз ал-Дина II в частности: *Она же.* Христиане в мусульманской Анатолии (XI — начало XIV в.): симбиоз, интеграция, ассимиляция. Дипломная работа. Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Ч. I–II. М., 2004. Ч. I. С. 124–136.

Аксарайи упоминает только об одном дяде — Кире Хайа. Лишь арабский историк Рукн ал-Дин Байбарс называет Кира Хайа и Кира Кадида по именам, прямо указывая, что они были дядьями султана[144]. Последующая мамлюкская историография, начиная с ал-ʿАйни, повторяла эти сведения Байбарса[145]. Повсеместно в восточных источниках подчеркивается христианское вероисповедание обоих братьев. У Аксарайи Кир Хайа определяется прозвищем *Румиец, Румийский* (كرخايه رومى *kir khaya-i rūmī*, т.е. «Кир Хайа Римлянин»), что подразумевает его греко-христианскую идентичность[146]. Ибн Биби в одном месте сообщает, что оба дяди были «по вере греки-христиане» (rūmī-kēsh)[147], в другом — что Кир Кадид «исповедовал веру Иисуса» (dīn-i ʿĪsā ʿalayhi al-salām dāsht)[148]. Также и Байбарс говорит, что оба дяди «были христианами по вере» (wa humā ʿalā dīn al-naṣrāniya)[149].

Очевидно, что начальные *kīr* (*kir*) в обоих именах являются персидской и арабской передачей греческой почетной прибавки к имени высокопоставленных персон, включая венценосцев, — κῦρ/κῦρος/κύριος, т.е. «господин», а в случае верховных правителей — «государь». Именно с этой прибавкой именовали на ирано-арабо-тюркском Ближнем Востоке византийских императоров[150]. Таким образом, первый элемент обоих имен толкуется вполне надежно.

Наибольшую сложность представляет имя старшего из дядьев — *Khāya/Khayā*. Персидская и арабская передача исконного имени (или прозвища) довольно сильно его исказила, и поиск греческого эквивалента представляется затруднительным. Тем не менее очевидно, что в исконном крестном имени или прозвище, скорее всего, преобладали гласные, а также присутствовала либо согласная χ, либо γ. Возможно, что источником *Khāya/Khayā* являлся один из следующих преномов, распространенных в палеологовской Византии и необычных для иранского и тюркского слуха: Χειονώ (PLP. № 30824–30825), Χειότης (PLP. № 30845) и Χειώτης (PLP. № 30841), Χιώτης (PLP. № 30841–30846). Однако у имени Khāya есть и другой, семантический аспект. На фарси *khāya* (خايه) в применении к чело-

[144] *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 73, 93.
[145] *al-ʿAyni*. ʿIqd… T. 1 (648–664 H / 1250–1265 M). P. 321, 387.
[146] *Aqsarayi*. P. 40, 82.
[147] *Ibn Bibi* (AS). P. 609.
[148] Ibid. P. 638.
[149] *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 73.
[150] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 47 (*kīr aliks* = кир Алексей [Великий Комнин]).

веку обозначало «евнух, кастрат»[151]. Нет никаких сомнений, что персидские авторы и вообще ираноязычные анатолийцы именно так понимали это имя. Возможно, это было искажением исходного греческого имени, уподобленным персидскому *khāya*. Очевидно, что это прозвище имело уничижительный оттенок.

Что касается личного имени второго из дядьев — Kadīd/Kadīt, то в нем можно усмотреть греческое Καττίδιος, встречающееся в синаксарях. Память мучеников Каттидия и Каттидиана, «побитых камнями» (λιθοβοληθέντες), отмечается 5 августа[152]. Καττίδιος определяется в энциклопедии «Суда» как «мужское имя»[153]. Соответствие перс. Kadīd/Kadīt и греч. Καττίδιος с лингвистической точки зрения идеально[154].

Можно было бы предположить, что истоки влияния греческих дядьев ʿИзз ал-Дина следует искать еще в 1240-х гг., когда *сахиб* Шамс ал-Дин Исфахани женился на их сестре Продулии. Однако у нас нет прямых указаний на роль братьев в устройстве этого брака (см. выше). Источники однозначно фиксируют возвышение греческих дядьев только для более позднего периода, последовавшего после ухода с политической сцены Джалал ал-Дина Каратая, фактически управлявшего государством после Шамс ал-Дина Исфахани. Время смерти Джалал ал-Дина Каратая точно не известно (период с 1254 по 1256 г.), однако он явно уже не участвовал в политической жизни к концу 1254 г.[155] Попутно отметим, что Джалал ал-

[151] *Dehkhodâ Aliakbar*. Loghatnâme. Wāzha: خایه.

[152] Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano. Propylaeum ad AASS Novembris / Ed. H. Delehaye. Bruxellis, 1902. Col. 869.37–39.

[153] *Pape W.* Wörterbuch der griechishen Eigennamen… S. 637.

[154] Альтернативный вариант можно найти в PLP: преном или прозвище Ἑκατίδης (No. 5983), упомянутое в актах Лавры в 1316 г. (ALav. T. 2. P. 305). Единственное преимущество данного варианта заключается в том, что он относительно близок ко времени жизни Кира Кадида. Однако, несмотря на хронологическую близость, Ἑκατίδης вряд ли идентичен Киру Кадиду: Экатид был лишь простым стратиотом, владельцем участка земли у Серр.

[155] Умер Каратай, если верить «Таʾрих-и ал-и Салджук», после 28 рамазана 652 г. х. — 11.11.1254 г. (Tarix-e al-e Saljuq… P. 97), однако датировки этого источника не всегда надежны. Бар Эбрей датирует событие 1254 г. или даже ранее (*Abu al-Faraj*. Chronography. Vol. 1. P. 422). Дату 1254 г. косвенно подтверждает и Аксарайи (*Aqsarayi*. P. 38). Возможно также, что в «Таʾрих-и ал-и Салджук» дана дата начала болезни Каратая и отхода его от дел. Ибн Биби помещает известие о его смерти среди событий 1254–1256 гг., однако контекст сообщения позволяет предположить, что в действительности он умер в 1254 г. (*Ibn Bibi* (AS). P. 618; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 284). И последнее: наиболее поздний из известных актов от имени Джалал ал-Дина Каратая, фиксирующий дарение в пользу одного из медресе, датируется джумада II 652 г. х. (18.07–15.08.1254); возможно, это был последний предсмертный дар вельможи (*Turan O.* Celâleddin Karatay, vakıfları ve vakfiyeleri // Belleten. 1948. C. XLV. S. 137).

Дин Каратай был из греческих вольноотпущенников. За уходом от власти Джалал ал-Дина Каратая последовало усиление влияния «новых людей», группировавшихся вокруг уже выросшего султана ʿИзз ал-Дина. Об этой кардинальной смене режима говорят Ибн Биби и анонимный автор «Таʾрих-и ал-и Салджук». Суть нового курса, в терминах историков того времени, заключалась в переходе контроля над государством в руки «рабов» и «низких людей» (т.е. незнатных), но скорее и даже в большей степени — в росте личного влияния «новых людей» на персону султана[156].

Греческие дядья ʿИзз ал-Дина впервые появляются на страницах источников именно в это время, после отхода от власти Джалал ал-Дина Каратая, в числе выдвиженцев этой «новой волны», заслужившей крайне негативные характеристики современников. С самого начала влияние дядьев на султана противопоставлялось благотворному воздействию Джалал ал-Дина Каратая. Первое упоминание дядьев относится примерно к 1254 г. и принадлежит Ибн Биби, который говорит о них более чем красноречиво (все выделения курсивом принадлежат мне): «...[ʿИзз ал-Дин Кайкавус] же <...> отправился в Конью и занялся пирами и попойками, удовлетворением страстей молодости, наслаждением жизнью и растратой казны, а *подлые и презренные люди* в его услужении обрели полную близость [к нему] и отличие [у него]. Такой образ действий, нарушавший обычаи султанов, эмирам государства, усердствовавшим в укреплении основ султанской власти, пришелся не по нраву. Изрядная непрозрачность и муть появились в их [питающих] дружбу родниках, дающих любовь источниках и в чистоте их преданности. *Дядья султана* [*по матери*], *по вере греки-христиане* (*rūmī-kēsh*), — к которым *по причине вероисповедных разногласий* столпы державы всегда испытывали отвращение, а [сами] были проклинаемы и порицаемы

Время смерти Джалал ал-Дина Каратая обсуждается у К. Каэна, который также затрудняется точно его определить (*Cahen C.* The Formation... P. 183). Однако, судя по приведенным данным, наиболее вероятной датой его смерти является конец 1254 г. См. также: *Turan O.* Selçuklular... S. 472.

[156] *Ibn Bibi* (AS). P. 608; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 288; *Ibn Bibi* (Duda). S. 264; Tarix-e al-e Saljuq... P. 97: «[ʿИзз ал-Дин] потянул наверх своих рабов, должности великих эмиров им дал». Ср.: *Cahen C.* The Formation... P. 183. К. Каэн отмечает, что формально ключевые посты в султанате, возможно, все же оставались в руках прежней элиты. Вероятно, это и было особенностью нового режима: «новые люди» без чинов и званий получили больше реального влияния, чем титулованные вельможи.

[дядьями], — стали вмешиваться в управление, вторгаться в государственные дела и в состояние султаната»[157].

Как видно из этой цитаты, греческие дядья под покровительством венценосного племянника стали играть ключевую роль в формировании властных решений. Они продолжали исповедовать христианство (как и их сестра Продулия), более того, они манифестировали свою веру, противопоставляя ее официальному исламу. В частности, на почве вероисповедных противоречий портились их отношения с элитой султаната. Далее Ибн Биби прямо обвиняет дядьев в том, что они рассорили ʿИзз ал-Дина с его братом и соправителем Рукн ал-Дином Кылыч-Арсланом: «Султана же Рукн ал-Дина, который всегда, согласно решению эмира *атабека* Джалал ал-Дина [Каратая] и всех первых вельмож государства, занимал трон вместе с братом (т.е. ʿИзз ал-Дином. — *Р.Ш.*), [дядья ʿИзз ал-Дина] стали преследовать и [стали] ссориться с ним, и в частности завели речи, создававшие ему препоны, говорили слова, нарушающие приличия, и постоянно обращались с ним как с пленником и нищим, избегая и сторонясь мыслей о последствиях и о стремлении к благополучию»[158].

Как видно, дядья стали активно интриговать, стремясь аккумулировать всю власть в руках своего племянника ʿИзз ал-Дина (а значит, и в своих руках) и удалить от власти группировку знати, окружавшую Рукн ал-Дина. Они стали вмешиваться в назначения должностных лиц, «выдавливая» из администрации верных Рукн ал-Дину людей. Так, в 1254 г. дядья султана отправили в отставку правителя города Нигде и поставили вместо него «негодного гуля-

---

[157] *Ibn Bibi* (AS). P. 608–609:

سلطان عز الدين <...> عزيمت قونيه نمود و بعيش و عشرت و مردوم نوازى و خزانه پردازى و مشيت مرادات جوانى و كامرانى مشغول شد اراذل و ليام را بخدمتش قربت و اختصاص تمام باديد آمد امرا دولت را كه همت بر تشييد مبانى سلطانى مصروف ميداشتند اين طريقت كه خارق عادات سلاطين بود نا مستحسن || آمد در مشارع مودت و موارد محبت و صفا اخلاص ايشان كدر و رنقى فاحش روى نمود احوال رومى كيش سلطان كه پيوسته بسبب مخالفت دين اركان دولت از ايشان انفت مى نمودند و مردود و سركوفته مى بودند در معرض حكم و مداخلت در امور مملكت و احوال سلطنت آمدند ...

Ср.: *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 277–278; *Ibn Bibi* (Duda). S. 264–265.

[158] *Ibn Bibi* (AS). P. 609:

و با سلطان ركن الدين كه پيوسته با برادر بر موجب تقرير امير جلال الدين اتابيک و كافه اكابر دولت بهم بر تخت مى نشست مضايقت و منازعت پيش گرفتند و با او در آن باب بممانعت خطاب آغاز كردند و كلماتى كه از باب ادب پسنديده ندارند مى گفتند و اورا پيوسته چون شهربند و مستمند مى داشتند و از طريق ذكر عاقبت انديشى و عافيت طلبى مجتنب و متنكب مى گشتند.

ма» (غلام نکیر), что вызвало возмущение эмиров, и особенно сторонников Рукн ал-Дина[159]. Дело вскоре закончилось мятежом Рукн ал-Дина и военным столкновением между отрядами двух султанов, которое привело к поражению войск Рукн ал-Дина при Ахмад-Хисаре (1254 г.)[160]. Греческие дядья и тут проявили активность: им приписывается казнь двоих из зачинщиков мятежа, плененных в результате битвы[161].

После своего поражения султан Рукн ал-Дин содержался сначала в Амасье, но затем был переведен на запад султаната — в крепость Бурглу (виз. Созополь) недалеко от византийской границы[162]. В Бурглу его сторожил Кир Хайа Румийский, «который в этот период [заключения Рукн ал-Дина] обращался с ним жестоко»[163]. В другом месте Аксарайи говорит, что Кир Хайа в это время клеветал на Рукн ал-Дина[164]. Как видно, ʿИзз ал-Дин доверял дядьям и поручал им весьма ответственные дела. Кир Хайа же, даже после низложения и ареста Рукн ал-Дина, продолжал с ним открыто враждовать.

Таким образом, если подытожить обвинительные эскапады сельджукских историков, новый режим, созданный при участии дядьев султана, предполагал упразднение сложившегося в султанате двоевластия и сосредоточение всей власти у их племянника ʿИзз ал-Дина. Хотя, скорее всего, он возглавлял страну лишь номинально в силу своей молодости: в 1254 г. ему было около 17 лет. Можно думать, что фактически руководство осуществляла придворная клика, в которой немаловажную роль играли султанские дядья-христиане. Однако единоличное правление ʿИзз ал-Дина, для достижения которого немало сделали его греческие дядья, закончилось неожиданным вторжением в Анатолию монголов во главе с нойоном Байджу. После поражения от Байджу султан ʿИзз ал-Дин в 1256/1257 г. бежал в Никею к Феодору II Ласкарису[165].

Интересно отметить, что влияние греческих дядьев зиждилось отнюдь не только на силе их племянника. Они вполне комфортно себя чувствовали в мусульманской Анатолии и в его отсутствие. После бегства ʿИзз ал-Дина в Никею дядья не только не последовали за ним в, казалось бы, желанную для них Византию, но и сохранили влияние в политической жизни Румского султаната. Кир Кадид и Кир Хайа остались в Анатолии и приняли сторону Рукн

---

[159] *Ibn Bibi* (AS). P. 610; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 279; *Ibn Bibi* (Duda). S. 265 (перевод Г. Дуды — «hergelaufenen Burschen», т.е. «безродного молодца», считаем неудачным).

[160] *Cahen C.* The Formation… P. 183.

[161] *Ibn Bibi* (AS). P. 615; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 282; *Ibn Bibi* (Duda). S. 268.

[162] *Ibn Bibi* (AS). P. 616; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 283.

[163] *Aqsarayi*. P. 40.

[164] Ibid. P. 82: در باره سلطان سعایتی نموده بود.

[165] *Ibn Bibi* (AS). P. 625; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 289.

ал-Дина. Как сообщает Ибн Биби, в числе других эмиров они явились в крепость Бурглу, где был заключен Рукн ал-Дин, который в результате общего решения наиболее влиятельных вельмож был провозглашен султаном. Так греческие дядья оказались в стане своих прежних врагов[166].

Подтверждение отмеченной интегрированности греческих дядьев в сельджукскую элиту обнаруживается в одном отрывочном известии о матримониальных связях Кира Хайа. Аксарайи сообщает, что у Кира Хайа была дочь, которую он выдал замуж за Тадж ал-Дина Хусайна — старшего сына *сахиба* Фахр ал-Дина ʿАли, близкого сподвижника султана ʿИзз ал-Дина. Судя по всему, у этой дочери Кира Хайа были дети, но о них мы не знаем ничего[167].

Сахиб Фахр ал-Дин ʿАли был одной из самых ярких и могущественных фигур сельджукской истории монгольского времени. В 1254 г. он возглавлял посольство, отправленное ʿИзз ал-Дином и Рукн ал-Дином к великому хану Менгу. В 1260 г. султан ʿИзз ал-Дин назначает его своим визирем. По характеристике Аксарайи, Фахр ал-Дин ʿАли был чужд высокой образованности, но обладал выраженным талантом к государственному управлению. Современники высоко ценили его доброжелательный и щедрый характер[168], а его авторитет был настолько высок, что даже после изгнания ʿИзз ал-Дина из султаната в 1262 г. он сохранил пост визиря при новом властителе. Более того, Фахр ал-Дин ʿАли, опираясь на свой авторитет у Ильханов, открыто враждовал с фактическим правителем султаната Муʿин ал-Дином Парвана. Фахр ал-Дин пережил даже поход султана Байбарса на Сирию и Анатолию в 1277 г., когда многие сельджукские вельможи, включая Муʿин ал-Дина Парвана, были казнены монголами или попали в опалу. Около 1280 г., оставаясь визирем, он стал также и *наʾибом* (наместником) Ильханов в Румском султанате. Фахр ал-Дин ʿАли умер в 1288 г., он был последним из «старой гвардии» сельджукских политиков, еще помнивших «золотой век» султаната[169].

---

[166] В *Mukhtasar* упоминание дядьев опущено и присутствует только в полной версии сочинения Ибн Биби: *Ibn Bibi* (AS). P. 623:

و امیر فخر الدین ارسلاندغمش امیر آخور و جماعت خواص سلطان از ملحمه ببرغلو افتادند و بحکم حصانت قلعه از هر طرفی معتبران دیوان و درگاه و اخوال سلطان عزالدین و بعضی از خواص او بدیشان پیوستند.

Перевод: «*Амирахур* эмир Фахр ал-Дин Арслан-Догмуш и группа знати султана [ʿИзз ал-Дина] оказались после побоища в Бурглу, и, из-за укрепленности замка, со всех сторон к ним присоединялись высокопоставленные люди *дивана* и двора, и дядья султана ʿИзз ал-Дина, и некоторые из его вельмож».

[167] *Aqsarayi*. P. 82.

[168] Ibid. P. 63–64.

[169] *Cahen C.* The Formation… P. 181, 190, 193, 196–197, 207, 210, 216.

С таким могущественным человеком и был породнен Кир Хайа Румийский. В первую очередь, это свидетельствует о влиятельности самого греческого дяди султана и его интегрированности в политическую элиту: в этой среде не могло быть случайных браков. Что касается зятя Кира Хайа — Тадж ал-Дина Хусайна, старшего сына *сахиба* Фахр ал-Дина, — то и он был заметной личностью в иконийской политике. Ибн Биби дает ему исключительно лестную характеристику: «...эмир Тадж ал-Дин Хусайн, *шахид* (т.е. мученик, погибший за благое дело, или невинно убиенный. — *Р.Ш.*), старший сын *сахиба* [Фахр ал-Дина], который в управлении войском, владении мечом, любви к солдатам, щедрости, накоплении добрых воспоминаний [о себе] был исключением и в высшей степени отличившимся среди остальных предводителей, всех полководцев и высокопоставленных людей государства Рум...»[170]. Таким образом, Тадж ал-Дин Хусайн оценивался как выдающийся военный и был довольно популярной личностью. В 1262 г. он вместе с братом Нусрат ал-Дином получил в качестве *икта*ʿ «земли в удже», на территориях туркменов Гермийан, — Кютахью, Сандиклы, Гургурум и Акшехир[171]. Следует отметить, что это были земли, пограничные с византийскими владениями. Однако трудно понять, было ли это назначение на западную границу как-то связано с греческой женой Тадж ал-Дина и близостью его отца с султаном ʿИзз ал-Дином и Киром Хайа. В мае 1277 г. во время мятежа Джимри Тадж ал-Дин Хусайн погиб в бою от рук повстанцев-туркмен[172].

После бурных событий 1254–1256 гг. греческие дядья, как кажется, исчезают на время со страниц источников. Следующее их появление относится к 1262–1264/1265 гг. — времени второго изгнанничества ʿИзз ал-Дина в Византии. Причем источники упоминают об обоих дядьях в связи с заговором султана против Михаила VIII Палеолога.

О роли Кира Каттидия в этих событиях мы знаем из сообщений восточных источников. Ибн Биби пишет, что он случайно услышал разговоры некоторых приближенных султана о том, что хорошо бы свергнуть василевса, овладеть страной и присоединить византийские земли к Сельджукскому султанату. Кир Каттидий сразу же

---

[170] *Ibn Bibi* (AS). P. 654:
امیر شهید تاج الدین حسین پسر مهتر صاحب که در لشکرداری و خنجرگذاری و سپاهی دوستی کشاده دستی و اِدِّخار ذکر سایر از سایر سروران و کافه لشکرکشان و جمله اکابران ممالک روم اختصاص و تمییز تمام یافته بود...

Сходную позитивную характеристику ему давал и Аксарайи: *Aqsarayi*. P. 74.

[171] *Aqsarayi*. P. 74.

[172] *Ibn Bibi* (AS). P. 698; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 327; *Aqsarayi*. P. 122. См. также: *Cahen C.* The Formation... P. 193, 206.

предал заговорщиков, донеся об этих замыслах императору[173]. Как видно, его этническая и конфессиональная, а возможно, и политическая идентичность как римлянина/византийца возобладала над прежними связями с окружением племянника (персидским, тюркским и мусульманским). Кир Каттидий, по словам сельджукского хрониста, имел придворный титул *шарабсалара* (т.е. букв. «распорядителя вина», распорядителя пиршеств), который не был значительным с политической точки зрения. О его дальнейшей судьбе не известно ничего.

По версии Байбарса, к василевсу с доносом направились оба султанских дяди, Кир Хайа и Кир Каттидий. Однако, судя по всему, Байбарс тут ошибался и Кира Хайа в это время не было в Константинополе[174]. Так заставляют думать следующие обстоятельства.

В связи с заговором ʿИзз ал-Дина некоего дядю султана упоминает Георгий Пахимер. По словам византийского историка, этот дядя выступал посредником между ʿИзз ал-Дином и его болгарскими и золотоордынскими союзниками. Пахимер называет этого человека «одним из родственников [султана], весьма знаменитым на северном побережье Эвксинского Понта» («τῶν τινι συγγενῶν, ἐπιδόξῳ γε ὄντι κατὰ τὰ πρὸς ἄρκτον μέρη τοῦ Εὐξείνου πόντου»)[175], причем обозначение его как султанского родственника встречается многократно и ниже в описании того, как султан обращался к нему за помощью. В двух других местах Пахимер прямо называет это лицо султанским дядей (θεῖος)[176]. Если исходить из сообщения Ибн Биби, что Кир Каттидий был в это время при особе султана, то Пахимер, несомненно, имел в виду *другого* султанского дядю, а именно Кира Хайа. Толкование А. Файе, что этот «дядя» тождественен Сары-Салтыку, безусловно следует признать беспочвенным[177].

Из этого пассажа Пахимера неизбежно проистекает вывод: Кир Хайа отправился на север с теми тюрками, которые пришли с ʿИзз ал-Дином в 1262 г. и были отосланы Михаилом VIII на дунайскую границу, в Добруджу. Вероятно, дядя султана был поставлен одним из предводителей этих тюрков, ибо Пахимер называет его «весьма знаменитым» на этих территориях.

Пахимер сообщает и некоторые детали о деятельности Кира Хайа в период заговора его племянника. Дядя султана лично от-

---

[173] *Ibn Bibi* (AS). P. 638–639.

[174] *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 93.

[175] *Pachym*. III.25 (t. 1, p. 301.17–18).

[176] Ibid. III.25 (t. 1, p. 303.7, 19). См. также толкования этих сообщений Пахимера: *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 74.

[177] *Pachym*. T. 1. P. 301. Note 6.

правился к болгарскому царю Константину Тиху и уговорил его участвовать в экспедиции против Византии. При этом он действовал через жену Константина — Ирину Ласкарину, дочь Феодора II Ласкариса, мечтавшую отомстить Михаилу VIII за своего младшего брата Иоанна. Кир Хайа также привлек золотоордынцев, отправив послов к Ногаю, темнику, контролировавшему территории между Доном и Дунаем[178]. Хотя следует отметить, что, по двум независимым версиям персидских историков Ибн Биби и Аксарайи, султан обратился не к Ногаю, а к хану Берке[179].

Весьма примечательно, что неожиданный отголосок посреднической деятельности Кира Хайа мы находим у Йазыджизаде ʿАли, который, по-видимому, пытался отредактировать и дополнить Ибн Биби, но в результате получилось довольно неясное повествование. Османский историк сообщает, что «Бог Всевышний внушил *брату* султана, чтобы тот *брат* послал известие хану Кыпчакской степи Берке-хану и попросил его: “Вызволи брата”. [Берке в ответ] послал войско»[180]. Очевидно, что Йазыджизаде ʿАли располагал информацией, пусть даже и смутной, о некоем «брате»-посреднике, организовавшем нападение ордынцев на Византию. В свете сказанного о роли Кира Хайа, нет никаких сомнений, что этот посредник был одним из греческих дядьев, но не братом султана.

Вместе с тем следует упомянуть и другую версию антивизантийской интриги, зафиксированную у Аксарайи. По его сведениям, активно посредничала между ордынцами и султаном ʿИзз ал-Дином и подстрекала татар вмешаться в конфликт султанская *тетка по отцу* (т.е. сестра Гийас ал-Дина Кайхусрава II), которая была замужем за ханом Берке[181]. Возможно, Кир Хайа действовал именно при ее помощи. В последовавшем затем рейде болгар и татар во

[178] *Pachym*. III.25 (t. 1, p. 303.20–25).

[179] *Ibn Bibi* (AS). P. 639; *Aqsarayi*. P. 75–76.

[180] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 368r:

حق تعالی سلطانوك قرداشنه الهام اتدی تا قرداشی دشت خانی برکه خانه خبر گوندردی قرداشمی قورتر دیو دلك اتدی چری گندردی اتفاقله اول ییل قتی قیش اولدی طونا سوییی قتی طوگدی...

В полной версии хроники Ибн Биби (*Ibn Bibi* (AS). P. 639) соответствующее место выглядит следующим образом:

ایزد تبارک و تعالی <пропуск> برادر <пропуск> ملهم گردانید تا بخلاص او لشکر فرستاد...

Судя по всему, если восстановить лакуны, то текст Ибн Биби следует читать так: «Господь Славный и Всемогущий внушил <Берке> брату <Бату>, чтобы тот выслал войско для освобождения [султана]». Ср.: *Ibn Bibi* (Duda). S. 284. Anm. e. Нет сомнений, что Йазыджизаде ʿАли существенно изменил смысл исходного текста Ибн Биби.

[181] *Aqsarayi*. P. 75.

Фракию, по всей видимости, участвовали и тюрки Добруджи (см. о них ниже)[182]. Не исключено, что среди них был Кир Хайа, однако источники его имени не упоминают.

После бегства ʿИзз ал-Дина из Эноса и водворения его в Солхате мы снова находим Кира Хайа в Анатолии. Около 1265 г. он был казнен султаном Рукн ал-Дином IV Кылыч-Арсланом, с которым, как было сказано выше, весьма неподобающе обходился в прежние годы. Тело казненного бросили на растерзание собакам — в высшей степени унизительная казнь. Аксарайи объясняет это личной ненавистью Рукн ал-Дина к Киру Хайа за унижения, испытанные в период заточения в крепости Бурглу[183]. Вместе с тем не исключено, что могли быть и другие, более актуальные на тот момент основания для такой демонстративно жестокой казни Кира Хайа — например, его близость к султану ʿИзз ал-Дину, мечтавшему вернуться на родину; последнее и могло в действительности так разгневать Рукн ал-Дина. Остается только гадать, зачем Кир Хайа на свою беду вернулся в Анатолию так скоро после событий 1264/1265 г. и какое отношение к этому возвращению имел его племянник ʿИзз ал-Дин Кайкавус.

Итак, греческие дядья султана, сыгравшие заметную роль в сельджукской политике того времени, в конце концов разошлись: Кир Каттидий предал племянника и перешел на сторону византийцев, а Кир Хайа, как кажется, остался ему верен до конца, за что и поплатился жизнью.

№ 4. Сестра ʿИзз ал-Дина (р. после 1237 — ум. после 1264). О существовании сестры ʿИзз ал-Дина, которая последовала вместе с ним в Византию, мы знаем из сообщений Георгия Пахимера и Ибн Биби. Ибн Биби говорит, что она осталась в Византии после бегства брата в Золотую Орду, будучи удержанной императором вместе с матерью и двумя сыновьями ʿИзз ал-Дина[184]. Пахимер упоминает о ней трижды[185], однако не сообщает никаких подробностей помимо того, что она была помещена под арест в Константинополе после бегства султана из Эноса[186]. По всей видимости, она была дочерью Продулии и султана Гийас ал-Дина Кайхусрава II и, следовательно, родной сестрой ʿИзз ал-Дина. Возможно, она родилась после своего брата, т.е. после 1237 г. Скорее всего, после бегства султана она осталась в Византии, о ее дальнейшей судьбе ничего не известно.

[182] Ср.: *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 77–79.
[183] *Aqsarayi*. P. 82.
[184] *Ibn Bibi* (AS). P. 639; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 298.
[185] *Pachym.* II.24 (t. 1, p. 183.24), III.25 (t. 1, p. 303.16–17, 313.14).
[186] Ibid. III.25 (t. 1, p. 313.14).

№ 5. Жена ʿИзз ал-Дина. О жене или женах султана ʿИзз ал-Дина сообщает Георгий Пахимер. Причем в двух случаях он говорит о женах во множественном числе[187], в одном — о единственной жене султана[188]. Никифор Григора был убежден, что султан прибыл в 1262 г. на византийские территории только с одной женой[189].

Восточные источники не добавляют ничего существенного. В рассказе о первом бегстве ʿИзз ал-Дина в Никею в 1256/1257 г. Ибн Биби упоминает, что султан бежал из Коньи в Анталью с «дамами гарема» (مخدرات حرم; это понятие могло включать в себя всех султанских родственниц)[190], а из Антальи в Ладик и далее на никейскую территорию — в сопровождении «домочадцев, приближенных и [своих] детей» (حواشی و حشم و اطفال)[191]. Таким образом, в первый раз султан, вероятнее всего, отправился в византийское изгнание с гаремом. В рассказе о повторном бегстве в 1262 г. о семье ʿИзз ал-Дина говорится довольно обобщенно: султан «отправился в Истанбул с детьми и семьей, матерью и сыновьями» (با اطفال و اعیال و والده و ولد)[192].

Скорее всего, во время повторного бегства в 1262 г. при ʿИзз ал-Дине была все-таки одна жена: султан во время византийской эмиграции соблюдал христианские обычаи, которые, естественно, предполагали моногамию. Тем более что одно из упоминаний Пахимера и данные Григоры подтверждают это.

Относительно жены ʿИзз ал-Дина в источниках обнаруживаются некоторые недоразумения. Во-первых, Киракос Гандзакеци с привязкой к 1249 г. довольно смутно сообщает о том, что «брат султана Гийас ал-Дина» стал «зятем Ласкариса», т.е., надо думать, Иоанна III Дуки Ватаца (1221–1254), и с его помощью овладел султанским престолом[193]. Очевидно, что речь тут идет о ʿИзз ал-Дине Кайкавусе II, сыне, но не брате Гийас ал-Дина Кайхусрава II (в тексте Киракоса тут явная описка, ибо выше он сам говорит о смерти Гийас ал-Дина и о его сыновьях)[194]. К. Каэн допускает возможность того, что за ʿИзз ал-Дина действительно была выдана дочь никейского императора[195]. П.И. Жаворонков также считает вероятным брак

[187] *Pachym.* II.24 (t. 1, p. 183.24), III.25 (t. 1, p. 303.16–17).
[188] Ibid. III.25 (t. 1, p. 313.14).
[189] *Greg.* IV.6 (t. 1, p. 101).
[190] *Ibn Bibi* (AS). P. 623; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 287.
[191] *Ibn Bibi* (AS). P. 625; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 289.
[192] *Ibn Bibi* (AS). P. 637.
[193] *Киракос Гандзакеци*. История Армении. С. 196.
[194] Обсуждение этого отрывка см. в: *Апанович О.С.* К вопросу…
[195] *Cahen C.* The Formation… P. 182.

между ʿИзз ал-Дином и дочерью Иоанна III[196]. Однако при ближайшем рассмотрении сообщение Киракоса Гандзакеци не представляется достоверным. Если бы жена ʿИзз ал-Дина действительно была царской греческой крови, то это несомненно нашло бы отклик в современных источниках, в особенности христианских — византийских и сирийских[197]. Поскольку это сообщение не подтверждается другими, более информированными авторами, то историю о женитьбе ʿИзз ал-Дина на греческой царевне следует считать сомнительной.

Во-вторых, согласно поздней османской традиции, после бегства ʿИзз ал-Дина из Эноса бросилась с башни в Веррии не мать, но жена султана — христианка, которую звали Анна. Именно по ее имени городские ворота в Веррии и получили название «Врата Анны», An(n)a Qapusi[198]. Не думаю, что эта версия об Анне — жене ʿИзз ал-Дина заслуживает серьезного обсуждения: вновь, как и в предыдущем случае, в близких к событиям источниках ничто не подтверждает ее правдивость. Эту легенду следует признать недостоверной.

Хотя, конечно, учитывая эти два указания на христианскую и греческую идентичность жены султана, нельзя полностью исключать ее анатолийское «румийское» и даже византийское происхождение. Возможно, оно искаженно преломилось в «Истории» Киракоса и турецкой легендарной традиции, в каждой на свой лад. Однако, повторюсь, ее греческое происхождение на нынешний момент остается недоказуемым.

Жена султана, так же как его мать и сестра, была посажена под арест в 1264/1265 г. и осталась в Византии навсегда. О дальнейшей ее судьбе не известно ничего.

***№ 6. Султан Гийас ал-Дин Масʿуд* (*ум. ок. 1310*).** Гийас ал-Дин Масʿуд был, вероятно, старшим сыном ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II. В 1262 г. он переселился вместе с отцом в Константинополь. В 1264/1265 г., во время бегства отца из крепости Энос, он был одним из двух старших сыновей, сопровождавших Кайкавуса II в Золотую Орду. Умиравший ʿИзз ал-Дин объявил его своим преемником. Летом 1280 г. Масʿуд переправился в Анатолию, чтобы занять

[196] *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток // ВВ. 1978. Т. 39. С. 94–95.

[197] Другие источники не фиксируют наличие дочери у Иоанна III Дуки. Д. Полемис даже не обсуждает возможности такого брака: *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 107–109 (№ 72).

[198] *Hammer J.* Histoire de l’empire ottoman depuis son origine jusqu’à nos jours / Trad. J.-J. Hellert. T. 1 (1300–1400). P., 1835. P. 46–47 (со ссылкой на османского историка Лутфи). Повторено в: *Bees N.* Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche… S. 46–47.

султанский трон. В Пафлагонии он ввязался в войну с местными правителями, которая сложилась для него несчастливо. Масʿуд решил просить помощи у василевса Андроника II Палеолога. Между 1290 и 1293 гг. он прибыл в Константинополь вместе с женой и дочерью, однако так и не встретил императора, который находился в это время в Нимфее. Султан дошел до Адрамиттия, но что-то заставило его срочно вернуться в свои владения. Как предположил Пахимер, он понял, что его просьба к василевсу о помощи по какой-то причине не будет удовлетворена. Хотя личная встреча между Масʿудом и Андроником II не состоялась, тут мы видим явные признаки близости между государями. Во-первых, сам по себе факт приезда султана в Константинополь с семьей знаменателен: передача семьи под чье-либо покровительство в момент опасности была проявлением высшей степени доверия. Во-вторых, перед своим прибытием в Константинополь Масʿуд завоевал Ираклию Понтийскую — восточный византийский форпост, который, по всей видимости, оказался в тот момент в руках соседних тюрков. Как можно предположить исходя из контекста сообщений Пахимера, Масʿуд завоевал Ираклию Понтийскую, чтобы вернуть ее василевсу[199].

Покинув Византию после неудачной попытки встретиться с Андроником II, Масʿуд оставил там свою жену и дочь. Жена Масʿуда, по его просьбе и с соизволения Андроника II, была выслана к нему позже[200]. Что касается его дочери, она осталась в Константинополе как заложница и росла, получая от императора средства на жизнь[201]. Она, как пишет Пахимер, «соблюдала римские обычаи», т.е., другими словами, была грекоязычной христианкой[202].

Пахимер ничего не пишет о византийской помощи Масʿуду, однако мы знаем, что при дворе у него служили византийцы — крещеные выходцы из тюрков. Так, например, в правление Гийас ал-Дина Масʿуда христианин и византийский тюрок Василий Иагуп (Βασίλειος Γιαγούπης) занимал важный придворный пост (см. гл. V). Масʿуд правил Сельджукским султанатом с перерывами до 1307 или 1310 г.[203]

---

[199] *Pachym.* X.25 (t. 4, p. 359–361), XIII.15 (t. 4, p. 651.12), XIII.22 (t. 4, p. 673.28). О дате пребывания Андроника II в Нимфее см.: *Failler A.* Chronologie et composition dans l'Histoire de George Pachymérès, III // RÉB. 1990. T. 48. P. 17.

[200] *Pachym.* XIII.22 (t. 4, p. 673.33–34).

[201] Ibid. XIII.22 (t. 4, p. 673.34–675.1): «ὡς ὅμηρον».

[202] Ibid. XIII.22 (t. 4, p. 671.19–20): «…τοῦ κορίου, τίνος μὲν Μελὴκ θυγάτριον ἦν, ὅπως δὲ καὶ κατὰ πόλιν ἐν τοῖς Ῥωμαίων ἤθεσι προσέκυρσε διαιτᾶσθαι».

[203] О правлении султана Масʿуда II см.: *Cahen C.* The Formation of Turkey… P. 212ff.; *Turan O.* Selçuklular… S. 580–590, а также Indeks.

***№ 7. Малик Рукн ал-Дин Кайумарс* (*ум. после 1290*).** Ибн Биби упоминает *малика* Рукн ал-Дина Кайумарса в числе двух братьев, оказавшихся под арестом вместе с отцом[204]. В другом месте Ибн Биби называет его средним сыном (*pisar-i miyānīn*) ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II, т.е., надо понимать, он был младше Гийас ал-Дина Масʿуда[205]. Он вместе с отцом и старшим братом покинул Византию в 1264/1265 г. В 1280 г., когда его старший брат Масʿуд был провозглашен султаном, Кайумарс, желая, по-видимому, опередить его, высадился в Пафлагонии и направился к Кастамону. Однако он вскоре был схвачен *наʾибом* Кастамону и позже передан в руки старшего брата[206].

***№ 8. Севастократор или кесарь* (*?*) Κωνσταντῖνος Μελήκ (*ум. после 1306*).** О Константине Мелике известно по большей части то, что всего в нескольких строках сообщил Пахимер. Константин Мелик, «еще один из сыновей султана» (ὁ Μελὴκ Κωνσταντῖνος, τῶν τοῦ σουλτάνου υἱῶν ἅτερος), был оставлен отцом в Византии и, «будучи крещен, ревностно придерживался римских обычаев» (βαπτισθεὶς ἐκθύμως προσετετήκει τοῖς ῾Ρωμαϊκοῖς ἤθεσιν). Исаак Мелик, предводитель тюркских анатолийских наемников, предавший каталонцев, предложил императору Андронику II объявить Константина Мелика сельджукским султаном. Однако император не решился пойти дальше того, чтобы назначить Константина Мелика правителем Пиг в Мизии около 1305/1306 г. В Пиги Константин Мелик был отправлен вместе со своей племянницей (т.е. дочерью Масʿуда II, о ней говорилось на с. 177), которая была предназначена в жены наемнику Исааку Мелику[207].

Если верить сообщению Йазыджизаде ʿАли, то вероятно, что Константин Мелик был византийским наместником Веррии вплоть до 1280-х гг. Как рассказывает османский историк, султан Масʿуд II решил узнать о своих братьях, оставшихся в Византии: «К василевсу Палеологу также направил послов, спрашивая о братьях султана и румелийских тюрках. Василевс сообщил, что “один твой брат находится со мной, а другой твой брат — в Кара-Верии, ему вверено управление (beğleği) той областью”»[208]. О первом брате пойдет речь ниже, а упомянутый наместник в Веррии, возможно, и был

[204] *Ibn Bibi* (AS). P. 639 (в сокращенной версии этого упоминания нет); *Ibn Bibi* (Duda). S. 343 Anm. 375.

[205] *Ibn Bibi* (AS). P. 740; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 336.

[206] *Korobeinikov D.A.* The revolt in Kastamonu, ca. 1291–1293 // Byzantinische Forschungen. 2004. Bd. 28. P. 102–103.

[207] *Pachym.* XIII.22 (t. 4, p. 675.2–14).

[208] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 409v:

Константином Меликом. Масʿуд назван султаном, следовательно, информация относится ко времени после 1280 г.

Таким образом, можно заключить, что нам известно о двух этапах карьеры Константина Мелика: около 1280 г. он, возможно, был наместником Михаила VIII Палеолога в Веррии, а около 1305/1306 г. стал наместником Андроника II Палеолога в Пигах. Что случилось с Константином Меликом после 1306 г. и чем закончилось его правление в Пигах, мы не знаем. Гипотеза П. Виттека о бегстве Константина Мелика к сербам в 1308 г. не представляется убедительной и не принята последующей историографией[209]. Константин Мелик был прародителем весьма знатного византийского рода, о котором подробнее будет сказано в своем месте.

№ 9. Сын султана иеромонах Савва Султан (?). Как мы видели, Йазыджизаде ʿАли говорил еще об одном сыне. В продолжение уже цитировавшегося отрывка о двух братьях султана Масʿуда II Йазыджизаде ʿАли сообщает (см. выше, № 8), что тот «брат султана Масʿуда, который находился при императоре (tekûr), вместе с несколькими тюрками хотел бежать. Василевс узнал об этом, схватил его и заключил под стражу. Тогдашний патриарх (patriyârh), который является халифом неверных, попросил и забрал у василевса султанского брата, окрестил (vaftis edüp ← βαφτίζω) его и сделал монахом. Некоторое время он прислуживал патриарху в Айя-Софии»[210]. Далее историк передает, что Сары-Салтык, легендарный святой из тюрков Добруджи, вытребовал у патриарха султанского брата, обратил его в ислам и, более того, передал ему свою святость. Султанский сын под именем Барак стал великим святым в Султании (Северо-Западный Иран)[211].

Трудно сказать, где именно в этом рассказе проходит грань между реальностью и легендарным домыслом. Как уже не раз показывалось выше, информация, добытая Йазыджизаде ʿАли, имела

فاسليوس بلالوغوسه دخی ایلچی گوندرب سلطانوك قرنداشلری و روم ایلندكی اتراك طايفسندن استفسار قلدلر فاسليوس شويله خبر گوندردی كه بر قرنداشوك قاتومده در و بر قرنداشوك قره ويريده و اول طرفوك بكلكی اكا مفوضدر٠

[209] *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 665.

[210] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 409v–410r:

سلطان مسعودوك تكور قاتنداغی قرداشی بير قاچ تركلرله قاچماغه عزم اتمش فاسليوس || طويدی انی دوتب حبس اتدی اول زمانوك پتريارخی كه كافرلروك خليفسی اولور سلطانوك قردشی فاسليوسدن ديليب الدی ووفتيس ايدوب كشيش صورتنه قويدی بر مدت ايا صوفيده پتريارخ خدمتنده اولدی٠

[211] Подробнее, с опорой на один из стамбульских списков сочинения Йазыджизаде ʿАли, см.: *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 650.

реальные основания и в ряде случаев подтверждается другими, бесспорно надежными источниками. В любом случае, в свете сообщений османского историка можно предположить, что существовал еще один сын ʿИзз ал-Дина, который принял монашество и, возможно, находился при особе константинопольского патриарха. В контексте византийских реалий такая судьба аристократа или знатного пленника была бы вполне обычной.

В связи с рассказом Йазыджизаде ʿАли есть весьма удивительное и даже озадачивающее совпадение. Согласно этому рассказу, султанский сын покинул Константинополь и отправился на север, в Добруджу. Примерно в это время в Крыму одна из сугдейских нотиций упоминает некоего иеромонаха по имени Савва, «именуемого Σολτάν», который умер 21 декабря 1320 г.[212] Различие в орфографии Σολτάν и Σουλτάνος совершенно несущественно, это два варианта одного слова. Возможно даже, что Σολτάν — это просто скорописная контракция полной формы Σο(υ)λτάν(ος). Судя по всему, Σο(υ)λτάν(ος) было светским прозвищем или фамильным именем иеромонаха. Подчеркнем особо, Савва Султан — единственный носитель этого уникального фамильного имени, находившийся за пределами Балкан. Тюркские сообщества Добруджи и Крыма были связаны друг с другом. Более того, именно Судак и Солхат были пожалованы султану ʿИзз ал-Дину Кайкавусу II в середине 1260-х гг. золотоордынцами[213]. Если допустить, что Савва Султан имел отношение к султану ʿИзз ал-Дину, то его появление в Судаке более чем логично. Обращает на себя внимание и время смерти Саввы Султана, которое, абсолютно вписываясь в хронологические рамки нашего допущения, усиливает вероятность такой идентификации. Если Савва Султан действительно был сыном султана, то на момент смерти ему не могло быть более 60–65 лет. Не слишком ли много параллелей для случайного совпадения?

---

[212] «† τη αὐτ(η) ἡμέρα ἐτελιωθ(η) ὁ δουλ(ος) του θ(εο)ῦ σάββα(ς) ἱερο(μόνα)χ(ος) (καὶ) λεγομ(ενος) σολτὰν» (*Nystazopoulou M.G.* Η εν τη Ταυρική χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνος. Αθήνα, 1965. Σ. 131, № 146). См. также: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 284; PLP. № 26294.

[213] В недавних работах В. Булгаковой высказывается весьма правдоподобное предположение, что зафиксированные в Сурожском синаксаре христианизированные тюрки появились в Судаке вместе с султаном ʿИзз ал-Дином Кайкавусом II: *Bulgakova V.* Islamisch-christlicher Kulturkontakt im nördlichen Schwarzmeerraum. Sugdaia unter Herrschaft der Seldschuken // Mittelalter im Labor: Die Mediävistik testet Wege zu einer transkulturellen Europawissenschaft. B., 2008. S. 261–274; *Булгакова В.И.* Конфликтная зона Черное море: загадка вооруженного инцидента 1278 года из маргинальных заметок Сугдейского синаксаря // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. СПб., 2011. С. 50–63.

Не исключено, что сын ʿИзз ал-Дина, ставший монахом, действительно существовал. Возможно, Йазыджизаде ʿАли зафиксировал легенду о переезде одного из султанских сыновей, принявших постриг, из Константинополя в Крым, основанную на реальных событиях, но существенно исламизированную посредством введения в нее полулегендарного Сары-Салтыка.

№ 10. Дочь ʿИзз ал-Дина. О дочери султана упоминает однажды только Пахимер, сообщая о ее аресте в Константинополе после бегства ʿИзз ал-Дина из Эноса[214]. По всей видимости, она осталась на территории Византии и была отправлена в Веррию с бабкой Продулией. О дальнейшей ее судьбе ничего не известно.

К проблеме султанских сыновей. Трудно определить точное количество сыновей, находившихся с султаном ʿИзз ал-Дином в Византии. В восточных источниках упоминаются семь его сыновей: Гийас ал-Дин Масʿуд, Рукн ал-Дин Кайумарс, Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан, Сийавуш, Фарамарз, а также двое других, оставшихся в Византии. Причем, как представляется, Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан, Сийавуш и Фарамарз родились уже после 1264 г. в Крыму.

Согласно Ибн Биби, вместе с султаном в Византии находилось четыре сына, Гийас ал-Дин Масʿуд и *малик* Рукн ал-Дин Кайумарс бежали с отцом, а двое неназванных остались. В XV в. Йазыджизаде ʿАли попытался разобраться, кем были двое оставшихся. Он так и не смог выяснить их имен, однако дополнил сведения Ибн Биби вполне правдоподобной информацией о том, что один из них был правителем Веррии, а другой был пострижен в монахи и позже эмигрировал на Север.

Благодаря Пахимеру, один из оставшихся султанских сыновей надежно идентифицируется — *малик* Константин (Константин Мелик). Не исключена возможность существования сына-монаха, который идентичен иеромонаху Савве Султану: османский и греческий источники сошлись слишком близко для простого совпадения.

В научной литературе делались попытки ввести в историю еще нескольких членов семьи ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II, якобы оказавшихся с ним в Византии. А. Файе предположил, что незадолго до султана ʿИзз ал-Дина в Никейскую империю бежал некий его брат по имени Мелик. Этот вывод французский ученый делает из сомнительного чтения двух мест в тексте Георгия Пахимера.

Речь в одном из них идет о посольстве ʿИзз ал-Дина к Михаилу VIII Палеологу в 1261–1262 гг. Потеряв последнюю надежду выиграть противоборство с братом Рукн ал-Дином, ʿИзз ал-Дин запросил

[214] *Pachym.* III.25 (t. 1, p. 313.13).

у Михаила Палеолога убежища. Император принял посольство в Нимфее и обещал принять султана «с распростертыми объятиями». Ибн Биби добавляет, что сельджукским послом тогда был «кундастабил», христианский подданный султана (см. о нем ниже)[215].

Пахимер, в частности, пишет, объясняя мотивы султана к бегству из страны: «Ὁ γὰρ Μελὶκ προσκεχωρήκει, καὶ δέος ἦν τῷ σουλτὰν μήπως ἐκεῖνος ἐπανήξοι μεθ᾽ ἱκανῆς καὶ ὅσην οὐκ ἦν ὑποστῆναι δυνάμεως»[216]. А. Файе понимает этот отрывок в том смысле, что некий султанский брат Мелик уже прежде перебежал к Палеологу и ʿИзз ал-Дин боится, как бы он не вернулся с непобедимой армией[217]. Начнем с того, что *малик* — это титул, который вряд ли мог быть личным именем султанского брата. Кроме того, этот перевод опирается на понимание προσχωρέω как «перебегаю [на сторону]», вместо самоочевидного «подхожу, приближаюсь»: «Ибо Мелик подступал, а султан боялся, что не сможет вернуться со столь же сильным и непобедимым войском». Контекст всего отрывка не оставляет никаких сомнений в том, что под «Меликом» тут подразумевается *малик* Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан IV, брат и соперник ʿИзз ал-Дина, от войск которого и скрылся Кайкавус II на византийской территории. Султан оставался в Византии именно потому, что не был уверен, что сможет собрать достаточно войск для нейтрализации *малика*. А. Файе в своем переводе, скорее всего, следовал ошибочному прочтению этого места Никифором Григорой, который считал, что «султан Азатин, убежав вместе с братом своим Меликом, является к римскому царю Михаилу Палеологу, с большими надеждами и ожиданиями, опиравшимися на недавнее гостеприимство и большую благосклонность, оказанные им Палеологу»[218]. Как видно из этого отрывка, Григора, в отличие от Пахимера, имел довольно смутное представление о перипетиях тогдашней сельджукской политики.

Другое упоминание Пахимером «Мелика», в котором А. Файе видит подтверждение существования брата Кайкавуса с таким именем, хотя стилистически и не совсем гладко, должно быть понято как указание на самого султана ʿИзз ал-Дина[219]. Гипотеза

---

[215] *Ibn Bibi* (AS). P. 637; *Ibn Bibi* (Duda). S. 283–284; *Pachym.* II.10 (t. 1, p. 149.15–21).

[216] *Pachym.* II.10 (t. 1, p. 149.18–20).

[217] *Pachym.* T. 1. P. 148: «Mélek, en effet, avait passé chez eux, et le sultan craignait qu'il ne revînt avec une armée puissante et irrésistible». П.И. Жаворонков в статье о тюркской аристократии в Византии поддержал А. Файе (*Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 169–170).

[218] *Greg.* IV.1 (t. 1, p. 82.5–6).

[219] *Pachym.* II.24 (t. 1, p. 183.25–29).

А. Файе о существовании еще одного брата-*малика* не может быть принята без однозначных подтверждений в других, помимо Пахимера, источниках.

Далее французский исследователь попытался доказать существование у султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II сына с именем Масур/Мансур, опять же на основе сомнительных мест в текстах Пахимера и Григоры, где говорится о столкновении некоего Масура/Мансура с Амурием[220]. Этот загадочный сюжет не раз подвергался детальному анализу, однако до сих пор не поддался разгадке[221]. Но в отношении попыток превращения «Масура/Мансура» в еще одного, не известного по другим источникам сына Кайкавуса II нельзя не согласиться с критикой И. Бельдичеану-Штейнхер и Д.А. Коробейникова: *мансур* — это не личное имя, но церемониальная прибавка к именам султанов[222]. Трудно сказать, кто именно из сыновей Кайкавуса II скрывался под именем Масур/Мансур — либо Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан (И. Бельдичеану-Штейнхер), либо Кайумарс (Д.А. Коробейников), либо Сийавуш (К. Каэн[223]), либо же, к чему я склоняюсь более всего, все-таки султан Масʿуд II, старший сын ʿИзз ал-Дина (см. выше). Ясно одно — сына по имени Мансур у султана не было и быть не могло. Указанные гипотезы А. Файе не были поддержаны востоковедами. Слабость обеих гипотез одна — недостаточное внимание к данным восточных источников, причем в темах преимущественно востоковедческих.

7. Подданные Кайкавуса в Византии

Помимо членов семьи, за султаном последовали в изгнание многочисленные придворные. Очевидно, что в довольно тесных связях с ближним кругом султана был Макарий, писидийский митрополит с 1250 г.; он пришел из сельджукской Анатолии вместе

[220] *Failler A.* Les émirs turcs à la conquête de l'Anatolie au début du 14e siècle // RÉB. 1994. T. 52. P. 92–95. Поддержано П.И. Жаворонковым (Тюрки в Византии… С. 169–170).

[221] *Zachariadou E.* Pachymeres on the 'Amourioi' of Kastamonu // Byzantine and Modern Greek Studies. 1977. T. 32. Vol. 3. P. 57–70 (*Eadem*. Romania and the Turks / (c.1300 — c.1500). L., 1985. (Variorum CS). № II); *Beldiceanu-Steinherr I.* Pachymère et les sources orientales // Turcica. 2000. T. 32. P. 431, 433–434; *Korobeinikov D.A.* The revolt in Kastamonu… P. 87–117. Русский перевод упомянутого отрывка из «Истории» Пахимера: *Коробейников Д.А.* Из ΣΥΓΓΡΑΦΙΚΩΝ ΙΣΤΟΡΙΩΝ Георгия Пахимера // ВВ. 2000. Т. 59. С. 288–292.

[222] *Beldiceanu-Steinherr I.* Pachymère et les sources orientales. P. 427; *Korobeinikov D.A.* The revolt in Kastamonu… P. 103.

[223] *Cahen C.* The Formation… P. 221.

с ʿИзз ал-Дином, послужив, по словам Пахимера, проводником (προαγωγοῦντος) для султана и его семьи[224].

Некоторые представители сельджукской элиты, которые последовали за ʿИзз ал-Дином, известны по именам. Это полководец ʿАли Бахадур со своими людьми, *амирахур* (начальник конюшен) Музаффар ал-Дин Угурлу со своими слугами (خواص)[225], Хусам ал-Дин Ташти, Хаджи Баба[226], Нур ал-Дин Арзинджани[227] и, наконец, эмиры Малик (Μελίκ ← ملك *malik* «царевич», «царь») и Салик (Σαλίκ ← سالك *sālik* «путник», «дервиш»)[228].

Хаджи Баба и Нур ал-Дин Арзинджани не упоминаются в других источниках. Судя по имени, Хаджи Баба принадлежал к духовной элите султаната — возможно, к суфийским кругам. Хусам ал-Дин Ташти, вероятно, идентичен с *шарабсаларом* («виночерпий»; скорее всего, синекура) Хусам ал-Дином Ак-Ташем, который упоминался у Ибн Биби и в одном официальном сельджукском документе[229]. Амирахур Угурлу и, особенно, ʿАли Бахадур хорошо известны из восточных источников: они были высокопоставленными командирами, много воевавшими в Анатолии и пытавшимися противостоять монголам и их анатолийским союзникам. Офицеры (эмиры?) Малик и Салик упоминаются в «Морейской хронике» как командиры «персидских» полков византийской армии, которая вторглась в Морею в 1263 г. Нет никаких оснований полагать, что они принадлежали к правящей династии Сельджуков и были родственниками ʿИзз ал-Дина Кайкавуса, как считают некоторые ис-

---

[224] *Pachym*. II.24 (t. 1, p. 185.3); о митрополите Макарии см.: PLP. № 16271.

[225] Об ʿАли Бахадуре и Музаффар ал-Дине Угурлу см.: *Ibn Bibi* (AS). P. 614, 627, 637–639; *Ibn Bibi* (Duda). S. 268, 276, 283–286; *Aqsarayi*. P. 42, 70, 74, 75; *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 93; *Turan O.* Selçuklular… S. 480, 486–488, 495–496, 499, 521.

[226] Последние два имени упомянуты в: *Aqsarayi*. P. 70. Выше Аксарайи упоминает этих персон среди приближенных ʿИзз ал-Дина Кайкавуса во время его первого бегства в Византию в 1256–1257 гг. (Ibid. P. 42).

[227] *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 93–94 (см. также ниже).

[228] The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmitt. L., 1904. V. 4553–4554, 5171, 5181, 5206–5255, 5315, 5672, 5676, 5661–5738; Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea compilado por comandamiento de Don Fray Johan Ferrandez de Heredia, maestro del Hospital de S. Johan de Jerusalem (Chronique de Morée au XIIIe et XIVe siècles publiée et traduite pour la première fois pour la Société de l’Orient latin) / Ed. A. Morel-Fatio. Genève, 1885. P. 75 (§ 335), 77 (§ 344), 79–82 (§ 359–372), 80 (§ 360); *Bon A.* La Morée Franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d’Achaïe (1205–1430). T. 1–2. P., 1969. T. 1. P. 131–135, 337; PLP. № 17785.

[229] *Ibn Bibi* (AS). P. 623; *Ibn Bibi* (Duda). S. 273, 341; *Turan O.* Türkiye selçukluları hakkında resmî vesikalar. Metin, tercüme ve araştırmalar. Ankara, 1958. S. 87 (персидский текст); *Idem*. Selçuklular… S. 480, 484; ср.: *Cahen C.* La Turquie… P. 249 (согласно К. Каэну, прозвище Tashtī могло указывать на то, что он являлся носителем придворного титула *tashtdār*, т.е. «хранитель султанского рукомойника»).

следователи[230]. По всей вероятности, это были эмиры среднего звена, которые отвечали лишь за часть тюркского контингента. В следующем году Малик и Салик со своими людьми перешли на сторону ахейского князя Гийома де Виллардуэна, поскольку византийцы отказались платить им жалованье. Князь женил Малика на благородной даме, вдове рыцаря Эмона де Симико. Позже некоторые из тюрков Малика поселились в Морее, в Вунарви и Ренте, в то время как сам Малик вернулся домой в «Валахию» (см. об этом ниже).

Очень вероятно, что «византийский/римский *констабль*» султана (کندصطبل رومی *kundaṣṭabil-i rūmī*) также нашел убежище в Константинополе. *Констабль* султана был христианин и грек, его брат носил придворный титул *амирмайдана*. *Констабль* появился в сельджукских источниках в 1256 г. В 1258 г. он получил титул *beglerbeg*, и с тех пор его влияние на политику султаната чрезвычайно усилилось. Титулы «констабль» и «беглербег» были высшими воинскими чинами при сельджукском дворе; *амирмайдан* формально был ответственным за организацию игры в поло (chawgān) при дворе[231]. Роль греческого *констабля* в политической жизни султаната оценивалась крайне негативно мусульманскими историками того времени. Вскоре после середины августа 1261 г. *констабль* был отправлен султаном к Михаилу Палеологу с тем, чтобы обеспечить переезд ʿИзз ал-Дина в Византию и получить на это согласие императора.

О. Туран в свое время представил самоочевидным фактом то, что под «римским *констаблем*», о котором сельджукские историки упоминают в 1256–1262 гг., скрывался именно Кир Хайа[232]. Действительно, как показала О.С. Апанович, в пользу этого предположения говорит то, что «греческий *констабль*»: 1) так же как и Кир Хайа, довольно агрессивно манифестировал свою христианскую идентичность[233]; 2) так же как и Кир Хайа, имел брата[234]; 3) так же как и Кир Хайа, обладал чрезвычайным влиянием на личность султана ʿИзз ал-Дина, а следовательно, и на политику султаната[235]. Против этого отождествления, наверное, существует лишь одно серьезное возражение. Ибн Биби в рассказе о событиях, последовавших за разгромом сил Кайкавуса II войсками Байджу (1256 г.,

[230] *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 171.
[231] *Cahen C.* La Turquie… P. 189.
[232] *Turan O.* Les souverains seldjoukides… P. 82–83.
[233] *Aqsarayi*. P. 50–51.
[234] *Ibn Bibi* (AS). P. 623; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 287.
[235] *Апанович О.С.* К вопросу…

см. выше), упоминает и *констабля* с братом, и дядьев султана — как разных лиц. Сразу после сражения *констабль* и его брат находились в Анталье и, можно думать, сопровождали султана в его никейском изгнании, а греческие дядья султана тем временем объявились в Бурглу, как упоминалось выше[236]. Еще одно противоречие, хоть и не такое значимое, как предыдущее: брат *констабля* носил титул «амирмайдан», в то время как Кир Каттидий был *шарабсаларом*. Обе должности номинально близки по функциям и относились к организации увеселений, однако вовсе не тождественны. Это также ставит под сомнение идентификации *румийского констабля* с Киром Хайа, а Кира Кадида — с братом *румийского констабля*. Карьера христианского *констабля* и его брата при дворе ʿИзз ал-Дина была всесторонне изучена О.С. Апанович, которая, однако, не решилась идентифицировать kundaṣṭabil-i rūmī с каким-либо известным персонажем того времени[237].

Параллельное прочтение Пахимера и восточных авторов оставляет мало сомнений в тождественности христианского *констабля* и его брата с братьями Василиками (Βασιλικοί). По Пахимеру, братья Василики (одного из них звали Василий) происходили с Родоса; начиная как «театральные актеры» при дворе Сельджуков, они вскоре сблизились с султаном, получили высшие придворные должности и собрали несметные богатства. Незадолго до прибытия султана в Константинополь братья появились в Византии и были хорошо приняты Михаилом Палеологом из-за той дружбы, которую он наладил с ними во время своего изгнания в Сельджукский султанат за несколько лет до того. Василий Василик был пожалован византийским придворным титулом παρακοιμώμενος τοῦ κοιτῶνος, а его брат стал великим этериархом[238]. Возможно, именно Василий Василик, как наиболее известный из двух братьев, был *констаблем* и *беглербегом* при дворе Сельджуков. Рассказ Пахимера и свидетельства восточных авторов совпадают по всем ключевым пунктам: 1) у *констабля* был брат, также и Василики были двумя братьями; 2) *констабль* и его брат были греками-христианами, как и Василики; 3) *констабль* занимал очень видное положение при дворе Сельджу-

---

[236] Весь отрывок, касающийся и *констабля* и дядьев, см. в: *Ibn Bibi* (AS). P. 623.

[237] *Апанович О.С.* К вопросу… С. 171–192; *Ibn Bibi* (AS). P. 623, 637; *Aqsarayi.* P. 49–50, 65–66. О.С. Апанович также показала, что отождествление сельджукского *констабля* с Михаилом Палеологом, распространенное в исследовательской литературе, является ошибочным.

[238] *Pachym.* II.24 (t. 1, p. 181–183), VI.12 (t. 2, p. 575), VI.24 (t. 2, p. 615.12); PLP. № 2458, 2452.

ков, точно так же и Василики; 4) *констабль* прибыл в Византию до султана, равно как и Василики. Если Василий Василик был *констаблем* и *беглербегом*, а его брат — бывшим *амирмайданом* султана, то это хорошо объясняет, почему двое иммигрантов встретили столь роскошный прием в Константинополе и столь быстро и без проволочек оказались включены в аристократическую элиту империи. Если моя гипотеза верна, то прибытие Василиков в Византию состоялось вскоре после середины августа 1261 г.

Один из придворных султана, оказавшихся в Константинополе, упоминается только по его титулу: *амирмаджлис*, имени его мы не знаем; в его обязанности входила организация султанских приемов и аудиенций[239]. Наконец, в Константинополе султан был окружен своими ближайшими слугами (οἰκεῖοι)[240] и «устрашающими телохранителями» (φοβεροὺς σωματοφύλακας)[241], которые пришли с ним из султаната, однако у нас нет никаких указаний на численность этих οἰκεῖοι и отряда телохранителей.

Мы также знаем по имени одного человека, принадлежавшего, вероятно, к низшим социальным слоям: Сары-Салтык (Ṣārū Ṣalṭūq) — полулегендарный суфийский святой, который в последующие века в османской традиции стал довольно известной фигурой и отодвинул в тень султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса[242]. Сары-Салтык, возможно, был связан скорее с анатолийскими кочевниками, чем с горожанами. Эта фигура подводит нас к вопросу о тюркских кочевниках, которые последовали за султаном ʿИзз ал-Дином в его изгнании.

Кочевые тюрки Кайкавуса. Тексты Пахимера, Ибн Биби и Йазыджизаде ʿАли сообщают, что за султаном также последовало значительное число анатолийских кочевников, которые не признали власти монголов в Анатолии и их марионетки — султана Рукн ал-Дина. Свидетельства Пахимера и Ибн Биби являются вполне правдоподобными, но довольно расплывчатыми, в то время как Йазыджизаде ʿАли рассказывает об этом более подробно и предметно, но с явными эпическими элементами.

---

[239] *Baybars al-Mansuri.* Zubdat… P. 93.

[240] *Pachym*. III.25 (t. 1, p. 303.18).

[241] Ibid. II.24 (t. 1, p. 185.8).

[242] О Сары-Салтыке и исследованиях, ему посвященных, см.: *Leiser G.* Ṣarı Ṣalṭūḳ Dede…; *Ocak A.Y.* Sarı Saltık. Popüler Islâm'ın Balkanlar'daki Destanî Öncüsü (XIII. Yüzyıl). Ankara, 2002. Дополнительную информацию о связях Сары-Салтыка с Крымом см. в: *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (PA), 1994. P. 251–256.

Из рассказа Пахимера можно понять, что значительное число анатолийских кочевых тюрков (σκηνίτας) отказалось признать власть монголов и перешло на византийскую территорию, приняв сторону императора. Однако отношения между переселенцами и местным населением были далеки от гармоничных: кочевники грабили местных жителей, и последние отвечали им тем же. Тем не менее Михаил Палеолог «старался привлечь на свою сторону пограничных персов», желая использовать их в качестве барьера в случае нападения монголов[243]. Итак, из этого рассказа можно заключить, что некоторые кочевые тюрки, в результате внутреннего конфликта в султанате, пересекли границу и признали власть Михаила Палеолога.

Данные восточных источников подтверждают это и дают дополнительную информацию. После бегства ʿИзз ал-Дина из султаната в пограничных регионах (*удж*) на западе, севере и юге страны война между промонгольскими силами султана Рукн ал-Дина и кочевыми тюрками затянулась на многие месяцы[244]. Это вполне объяснимо, ибо в 1230–1260 гг. многие кочевники пришли в Анатолию из Туркестана, Средней Азии и Ирана как беженцы от монголов. Вероятно, они считали ʿИзз ал-Дина символом сопротивления ненавистным монголам и рассматривали поражение султана как свое собственное. Византийцы, похоже, временами участвовали в столкновениях туркмен с промонгольским режимом в западном сельджукском пограничье: некий Писар-и Хурма восстал в районе Данишмандия в Юго-Западном Понте и сеял смуту в Кастамонской области, куда «по его наущению вторглось римское войско» (بتدبير او لشكر روم هجوم كردند)[245]. ʿАли Бахадур вместе с *амирахуром* Угурлу пытался осадить Рукн ал-Дина в Конье, но был разгромлен у караван-сарая Алтунба[246]. ʿАли Бахадур бежал в районы *уджа* и некоторое время сражался в областях Чанкыры

[243] *Pachym*. II.24 (t. 1, p. 187.6–7): «...τοὺς μὲν κατὰ τὰ ὀχυρώματα Πέρσας καὶ λίαν ὑπεποιεῖτο, ὡς θριγγοῖς ἐλπίζων χρᾶσθαι». Мой перевод отличается от варианта А. Файе. См. также комментарии к отрывку: *Zachariadou E.* Histoire et légendes des premiers Ottomans // Turcica. 1995. T. 26. P. 84.

[244] *Aqsarayi*. P. 71–74. О тюркских восстаниях в верховьях Меандра см.: *Baybars al-Mansuri*. Zubdat... P. 76.14–22; *Lippard B.G.* The Mongols and Byzantium... P. 24–25.

[245] *Aqsarayi*. P. 74. Я отредактировал прочтение этого места Османом Тураном, которое грамматически неприемлемо, — его следует сверить вновь с рукописным оригиналом. Это сообщение является уникальным свидетельством о вовлеченности византийцев в гражданскую войну в султанате в те годы. Имя туркменского повстанца Pisar-i Khurmā («Сын Хурмы»), весьма вероятно, имеет среднеазиатское происхождение.

[246] *Ibn Bibi* (AS). P. 637; *Ibn Bibi* (Duda). S. 342. Anm. 373.

(کنکری, виз. Гангра) и Анкары, которые прилегали к северо-восточной границе Византии. Однако он вновь потерпел поражение от промонгольских сил[247]. Описанные события происходили в период с осени 1261 по осень 1262 г. Ибн Биби дает продолжение истории ʿАли Бахадура: тот «нашел прибежище в *удже*, но не смог там закрепиться, находясь все время в страхе от дерзости тюркских шаек, поэтому вместе с отрядом из своей свиты направился в Стамбул на службу к султану»[248].

Наиболее подробный рассказ о миграции кочевых тюрков в Византию содержится в нескольких спорных отрывках из «Истории Сельджукской династии» Йазыджизаде ʿАли. Его сообщение можно понять в том смысле, что Михаил Палеолог санкционировал иммиграцию большого числа кочевых тюрков, сторонников ʿИзз ал-Дина, из Анатолии в европейскую часть Византийской империи. По-видимому, основную массу переселенцев византийские власти расселили в Южной Добрудже. Духовным лидером тюрков Добруджи был Сары-Салтык. Воины из этих кочевых групп приняли участие в нескольких победоносных войнах на стороне императора, в частности, можно думать, в повторном завоевании Добруджи в пользу византийцев[249]. Позже османский историк Локман добавлял, что кочевое переселение в Добруджу произошло в 662 г.х. (4 ноября 1263 г. — 23 октября 1264 г.); эта дата идеально согласуется с имеющейся информацией из других источников[250]. Соответствующие выдержки из Йазыджизаде ʿАли и поздней османской традиции всесторонне обсуждались востоковедами, византинистами,

[247] *Aqsarayi.* P. 74. О тюркских восстаниях в 1260-х гг. см. также: *Cahen C.* Notes pour l'histoire des Turcomanes d'Asie Mineure au XIIIe siècle // JA. 1951. T. 239. P. 336–337; *Idem.* Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Roum au moment de l'invasion mongole // Byzantion. 1939. T. 14. P. 136; *Lippard B.G.* The Mongols and Byzantium… P. 24–25.

[248] *Ibn Bibi* (AS). P. 638:

و در اوج پناه جست و آنجا مستقری نداشت و همه از جهالت طوایف اتراک خایف می بود با شرذمه از حواشی خویش باستنبول روی بخدمت سلطان نهاد٠

Ср.: *Ibn Bibi* (Duda). S. 284.

[249] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 367b; *Decei A.* Le problème… P. 87–90; *Yazıcızâde Ali* (Bakır). S. 772–774; *Wittek P.* Yazijioghlu… P. 648–649. Я следую, по большей части, чтению А. Бакыра, которое, однако, не всегда бесспорно. Ср. с менее убедительным чтением и переводом Г. Дуды: *Duda H.* Zeitgenössische islamische Quellen und das Oġuznāme des Jazyǧyoǧlu ʿAlī zur angeblichen türkischen Besiedlung der Dobrudscha im 13. Jhd. n. Chr. // Списание на Българската Академия на Науките и Изкуствата. 1943. Т. 66: Клонъ историко-филологиченъ. Т. 32. S. 143–144, оригинальный текст: S. 144. Anm. 1.

[250] *Lagus J.J.W.* Seid Locmani ex libro Turcico qui Oghuzname inscribitur excerpta. Helsingfors, 1854. P. 3 (лат. пер.: Ibid. P. 2).

специалистами по истории Румынии и Болгарии. Несмотря на энергичные попытки поставить под вопрос достоверность этой традиции, в настоящее время она расценивается как в целом заслуживающая доверия[251]. Может быть сделана только одна дополнительная поправка: скорее всего, во главе добруджских тюрков стоял дядя султана Кир Хайа, а не святой мистик Сары-Салтык[252].

Тюрки Кайкавуса, будучи включены в византийскую армию, принимали участие в ее войнах. Ибн Биби сделал ʿАли Бахадура героем этих войн: он утверждает, что каждый раз, когда появлялся враг, император просил ʿАли Бахадура о помощи из-за исключительного мужества последнего. ʿАли Бахадур боролся с противниками императора и побеждал их. Благодаря этому его положение на византийской службе укреплялось, и он удостаивался наград в виде почетной одежды и других благ от императора[253].

Сообщения византийских историков о тюркских отрядах в византийской армии во временны́х пределах одного поколения после появления в Византии султана (1262–1280-е гг.) весьма скудны и никогда не упоминают об ʿАли Бахадуре. Пахимер для этого периода упоминает воинов Кайкавуса в византийской армии исключительно как Πέρσαι и τὸ Περσικόν[254]. Он говорит, что в византийской кампании в Морее в 1263 г. принимали участие отряды τὸ Περσικόν. Какая-то часть этих тюрков находилась под командованием вышеупомянутых Малика и Салика. Возможно, «Морейская хроника» содержит намек на Добруджу как «отчизну» этих тюрков: около 1265 г. Малик просил у своего господина Гийома де Виллардуэна позволения вернуться в свою «вотчину» (εἰς τὰ ἰγονικά); получив согласие князя, он отправился в «Валахию» (ἐδιάβη τῆς Βλαχίας).

---

[251] См., например, наиболее обстоятельные исследования с дальнейшими библиографическими ссылками: *Mutafčiev P.* Die angebliche Einwanderung… (великолепный обзор византийских и болгарских источников и подробное обсуждение предшествующей историографической традиции); *Wittek P.* Yazijioghlu… (виртуозная защита достоверности текста Йазыджизаде ʿАли); *Decei A.* Le problème… (исчерпывающее обсуждение османской традиции XV–XVII вв.); *Idem.* Dobruca // IA. C. 3. S. 632; *Inalcik H.* Dobrudja // EI NE. Vol. 2. P. 610; *Vryonis.* Manpower. P. 131, 134; *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 77–79.

[252] *Shukurov R.* Oriental Margins… P. 188–189; *Шукуров Р.М.* Семейство… С. 96–105.

[253] *Ibn Bibi* (AS). P. 638:

باری چند فاسیلیوس را معادیان و منازعان ظاهر شدند علی بهادررا بدفع ایشان فرمان داد دران باب جواب خصوم ملک الروم چنانک از کمال حماست او اقتضا کرد واجب دید وباقامت رسانید و بقمع کفار آثار صرامت ظاهر کردانید بدانواسطه پایه او در خدمت ملک الروم در وقار و حشمت بیفزود و هر بار سحاب خلعت و صلت ازخزانه ملک الروم در باره او دارّ و فایض بود و پیوسته بانعام و اکرام او اختصاص می یافت.

Ср.: *Ibn Bibi* (Duda). S. 284.

[254] *Pachym.* III.16 (t. 1, p. 273.3).

Учитывая довольно расплывчатый и многозначный смысл Βλαχία и Βλάχοι в то время, не могло ли это быть указанием на Добруджу? Или, возможно, Βλαχία тут означала какое-то другое место на Балканах (например, Македонию или Фракию), которое было предоставлено тюркам византийскими властями? В любом случае, ἰγονικά Малика располагалась в Европе, а не в Анатолии; это подтверждает, что его воины принадлежали к тюркам Кайкавуса[255].

В 1271 г. Πέρσαι приняли участие в осаде Новых Патр в Фессалии под командованием Римпса[256]. Это был крещеный тюрок, находившийся на византийской службе с конца 1250-х. Мы видим обычную в империи практику — ставить во главе негреков должностных лиц того же происхождения.

В XIV в. потомки тюрков Кайкавуса обычно известны как Τουρκόπουλοι, а именования Πέρσαι и τὸ Περσικόν встречаются все реже. Это видно из рассказа Пахимера о битве при Апре в июле 1305 г.: он говорит об отрядах, которые «ранее [называли] τὸ Περσικόν, а также именовали Τουρκόπουλοι»[257]. Следовательно, было бы логич-

[255] The Chronicle of Morea. V. 5729–5732. Греческая версия хроники дает довольно путаное описание происхождения этих тюрков. При первом их упоминании они характеризуются следующим образом: «Ἐνταῦτα ἦλθεν στὴν Τουρκίαν κ' ἐρρόγεψε τοὺς Τούρκους || χιλίους ἐρρόγεψε ἐκλεχτοὺς κι ἄλλους πεντεκοσίους, || καὶ ἦλθαν <κι ἀνατολικοὶ κἂν ἄλλες δύο χιλιάδες>». Перевод: «Таким образом, он [т.е. Михаил VIII Палеолог] пошел в Туркию и нанял тюрков; он нанял 1000 отборных [воинов] и еще 500, и еще около 2000 анатолийцев пошло [вместе с ним]» (Ibid. V. 4553–4555). Во-первых, проблема состоит в том, что Τουρκία в это время терминологически могла обозначать Золотую Орду, однако временами в нетерминологическом употреблении могла прилагаться к Анатолии (см.: TLG). Неясно, подразумевается ли тут монгольское или куманское подразделение или же две разные группы анатолийцев. Я полагаю, что Туркия тут, скорее всего, указывает на Анатолию. Во-вторых, если Туркия идентична Анатолии, то возможно, что хроника стремится провести различие между 1500 наемников, набранных в Анатолии/Туркии, и 2000 анатолийских тюрков, живущих на Балканах, т.е. тюрками Кайкавуса. Несомненно, Малик принадлежал к последней группе балканских тюрков, поскольку он рассматривал как свою вотчину некую местность на Балканах.

Возможно, более достоверные цифры даны в арагонской версии «Морейской хроники»: всего 3000 тюрков, из них 1500 дезертировали с Маликом (Libro de los fechos… P. 75 (§ 335), 80 (§ 360)).

[256] *Pachym*. IV.31 (t. 2, p. 425.18). Этимология имени: Ῥιμψᾶς, т.е. Irim-paşa ← тюрк. *irim* «добрый знак, доброе предзнаменование, удача» + тюрк. *paşa* «предводитель» (*Sulejman Efendi*. Čagataj-Osmanisches Wörterbuch / Bearbeitet von I. Kúnos. Budapest, 1902. S. 90; *Rásonyi & Baski*. Onomasticon Turcicum. P. 305; ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 260).

[257] *Pachym*. XII.23 (t. 4, p. 573.6): «…τὸ ἐκ παλαιοῦ Περσικόν, οὓς καὶ Τουρκοπούλους ὠνόμαζον». Ср. с французским переводом этого места у А. Файе, который представляется менее точным. О тех же событиях Григора говорит, что туркопулы «прибыли вместе с султаном Азатином, перебежавшим к римлянам»: *Greg*. VII.4 (t. 1, p. 229.11–12). Однако очевидно, что это были представители последующих поколений, но не изначальные тюрки Кайкавуса; Григора вновь небрежно репродуцирует слова Пахи-

ным предположить, что первоначально отряды тюрков Кайкавуса технически именовались Πέρσαι и τὸ Περσικόν и только их потомки приобрели синонимичное обозначение Τουρκόπουλοι.

Не существует абсолютно достоверных указаний на общее количество тюрков, перебравшихся из Анатолии на Балканы. Единственную ссылку на численность тюркского подразделения можно найти в «Морейской хронике». В 1263 г. от 3000 до 3500 тюрков участвовали в византийской кампании против Мореи, 1500 из них находились под командованием вышеупомянутых Салика и Малика[258]. Похоже, люди Малика и Салика пришли в Морею без своих семей, поскольку позже ахейский князь «женил их, и они родили детей»[259]. Только Йазыджизаде ʿАли дает некоторые количественные оценки: «В земле Добруджа было два или три мусульманских города и от тридцати до сорока объединений (*bölük*, بولوك) кочевых тюркских семей»[260]. Из другого его пассажа следует, что в Византии султан мог рассчитывать на «десять или двенадцать тысяч» своих сторонников, под которыми, вероятно, подразумеваются только воины[261]. Если на самом деле от 10 000 до 12 000 тюрков Кайкавуса были в состоянии носить оружие, то это соответствует минимум 35 000–42 000 человек — мужчин, женщин и детей (1 взрослый мужчина × 3,5)[262]. Интересно, что указание Йазыджизаде ʿАли «около 30 или 40 объединений кочевых тюркских семей» вполне могло соответствовать этим цифрам: если в каждом «объединении» было до 100 семей, то это дало бы в среднем 35 000 чело-

---

мера. Точно такой же анахронизм Григора допускает в рассказе о войне в Фессалии 1271 г., называя «персов» туркопулами: *Greg.* IV.9 (t. 1, p. 111).

[258] Libro de los fechos… P. 80 (§ 360). В греческой версии хроники даются следующие указания на численность: 1500 или 2000 человек (The Chronicle of Morea. V. 4553–4554), 1000 человек (Ibid. V. 5095).

[259] The Chronicle of Morea. V. 5737.

[260] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 367b.8–9:

اکی اوچ پاره مسلمان شهری اوتوز و قرق بولوك اوبالری ترك واردی.

См. также: *Decei A.* Le problème… P. 88; *Yazıcızâde Ali* (Bakır). S. 772; *Wittek P.* Yazijioghlu… P. 648.

[261] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 367b.13: اون اون ایکی بیك ار واروز. Ср.: *Yazıcızâde Ali* (Bakır). S. 772–773. А. Дечей пропустил этот пассаж.

[262] О моделях подсчета средневекового населения см.: *Пономарев А.Л.* Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги — массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 4. СПб., 2000. С. 386–395. То же соотношение (×3,5 и ×4) для кочевых и полукочевых обществ XVII в. см. в: *Di Cosmo N.* Ancient City-States of the Tarim Basin // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures: An Investigation / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 397–398.

век[263]. Цифры, названные Йазыджизаде ʿАли, на удивление правдоподобны, что является еще одним косвенным аргументом в пользу надежности его сообщений. Если это так, то перешедшие на сторону Гийома де Виллардуэна 1500 тюрков были относительно крупной силой, составлявшей по меньшей мере 15% от общего числа тюркских воинов-иммигрантов.

Свидетельства византийской просопографии. Византийская просопография — это еще один инструмент, который помогает определить тюрков Кайкавуса на византийской службе. Начнем с того, что в греческих источниках, кроме членов семьи султана, митрополита Макария и (согласно общим ссылкам) слуг и телохранителей, никто другой прямо не определен как прибывший в Византию вместе с ʿИзз ал-Дином. Однако известен ряд лиц восточного происхождения, которые вполне могли быть переселенцами, пришедшими с самим султаном либо чуть позже вместе с ʿАли Бахадуром или группами кочевых переселенцев. Ниже я представлю возможных кандидатов на статус Кайкавусовых тюрков. Однако следует иметь в виду, что приток в Византию анатолийских тюрков, наемников и рабов, никогда не прекращался во второй половине XIII в. Это ставит определенные ограничения: не имея прямых указаний в источниках, мы можем лишь предполагать о принадлежности той или иной персоны к тюркам Кайкавуса. Я использую два основных критерия отбора: 1) хронологический — 1260-е — конец 1280-х гг. для первого поколения анатолийских переселенцев; 2) лингвистический — анатолийское происхождение имени возможного кандидата.

1. Некий военный Γαζῆς, умерший до сентября 1286 г., бывший владелец земли в Лозикии (Македония, к югу от озера Вольви), вполне мог быть одним из воинов Кайкавуса[264]. Γαζῆς был служащим кавалерийского фемного войска Фессалоники (ἀπὸ τοῦ μεγάλου Θεσσαλονικαίου ἀλλαγίου)[265]. О нем и его возможных потомках см. в гл. V.

2. Некий Φαχρατίνης, по-видимому офицер «персидских» полков, который умер до 1283–1289 гг., также мог принадлежать к тюркам Кайкавуса. О нем и двух его сыновьях см. в гл. V и VI.

---

[263] Нет никакой возможности определить количественное содержание bölük для времени Йазыджизаде ʿАли. *Būlūk/bulūk/bölük* могло означать, в частности, групповую единицу, состоящую из некоторого числа семей, которые совершали вместе сезонные миграции и совместно использовали пастбища (см.: *Towfiq F.* ʿAšāyer // Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. Vol. 4. L., 1990, версия в Интернете: http://www.iranicaonline.org/articles/asayer-tribes). О بلوك как административной единице в позднесредневековом Иране см.: *Dehkhodâ*. Loghatnâme, s.v.

[264] AZog. № X, 15–19, 27 (p. 27–28); PLP. № 3444.

[265] О нем подробнее см. ниже (с. 255).

3. Неизвестный по имени отец Василия Иагупа (Βασίλειος Γιαγούπης), упомянутого в знаменитой надписи церкви Св. Георгия в Белисырме между 1282 и 1304 гг., мог быть одним из тюрков Кайкавуса. Βασίλειος Γιαγούπης, скорее всего, принадлежал ко второму поколению тюрков, полностью ассимилировавшемуся с византийцами: его имя построено в полном соответствии с византийской антропонимической парадигмой (см. в гл. V).

4. Протоиеракарий Ἀβράμπαξ (← араб.-тюрк. ابراهيم بيك «Ибрагим-бек» или араб.-перс. ابراهيم پاشا «Ибрагим-паша»), судя по слабой эллинизированности его имени, вполне мог принадлежать к первому поколению тюрков Кайкавуса[266]. В 1290-е гг. протоиеракарий Ἀβράμπαξ был проводником и одновременно стражем, сопровождавшим сельджукского султана Масʿуда II (Μελήκ у Пахимера) в предпринятом им путешествии из Константинополя в Адрамиттий для встречи с Андроником II[267]. Это единственное упоминание об Ибрагим-беке в источниках (см. в гл. VI).

5. Некий Ἀραβαντηνὸς Μασγιδᾶς был землевладельцем в Коцакии на Стримоне в 1273 г. и, возможно, основателем знатной семьи Масгид, которая процветала в XIV и первой половине XV в.[268] Судя по дате упоминания, он мог быть одним из людей Кайкавуса. О нем и его гипотетических потомках см. в гл. V.

6. Можно также предположить, что группы тюрков-вардариотов, которые, вероятно, обитали в Северо-Западной Македонии и служили в качестве дворцовой стражи при византийском дворе, восполнялись тюрками Кайкавуса в 1260-х гг. или позже. Как утверждает Псевдо-Кодин, они были «персами» и во время празднований Рождества в императорском дворце выкрикивали аккламации на «персидском» (см. в гл. IV)[269].

7. Наконец, некоторые из многочисленных византийских аристократов, которые носили фамильное имя Σουλτάνος в конце XIII – XV в., весьма вероятно, были потомками одного из родственников Кайкавуса, сопровождавших его в изгнании[270]. Более подробно генеалогия Σουλτάνοι будет нами обсуждена в гл. V.

---

[266] *Pachym*. X.25 (t. 4, p. 361.10–11); PLP. № 61; *Zachariadou E.* Observations on Some Turcica of Pachymeres // RÉB. 1978. T. 36. P. 267.

[267] См. выше в этой главе.

[268] AIvir. T. III. № 61.21 (p. 112), а также p. 110: упомянут как владелец соседнего участка; PLP. № 94097.

[269] *Pseudo-Kodinos*. P. 210.7–8.

[270] *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί απόγονοι του Ιζζεδίν Καικαούς Β’ στη Βέροια // Μακεδονικά. 1964–1965. Τ. 6. Σ. 62–74; *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 171–174.

Перечисленные выше лица являются наиболее вероятными кандидатами на принадлежность к людям Кайкавуса, однако, как уже говорилось, у нас нет этому прямых доказательств. Приток тюрков в византийское общество в XIII в. был существенен, и, не имея однозначных подтверждений, нельзя быть до конца уверенным в истинной предыстории того или иного анатолийского переселенца.

П.И. Жаворонков идентифицировал еще нескольких лиц как прибывших в Византию с ʿИзз ал-Дином Кайкавусом[271]. Однако при более внимательном рассмотрении его построения относительно некоторых персон оказываются сомнительными. Во-первых, следует исключить из списка П.И. Жаворонкова всех лиц, которые не соответствуют хронологическому критерию первого поколения (1260–1280-е гг.). Во-вторых, в число тюрков Кайкавуса вряд ли может быть включен *севаст* Μιχαὴλ Ἀπελμενέ (1268 г.), принадлежавший к знатному роду[272]. Он, по-видимому, был родственником (потомком?) Πόθος Ἀπελμενέ, землевладельца в Мантее около Смирны и, скорее всего, основателя знатной фамилии. Есть и лингвистические основания для исключения Апельмене из числа людей Кайкавуса: имя Ἀπελμενέ, скорее всего, изначально принадлежало выходцу не из Анатолии, но из арабоязычных земель (см. выше разд. 3, а также гл. V). В-третьих, у нас нет достаточных оснований связывать с людьми Кайкавуса группу лиц, носивших восточные имена, которые жили в Западной Анатолии. Это Ιωάννης Προυσούχ (Смирна, 1272–1283 гг.; ← тюрк. *borsuq* «барсук»), Γεώργιος Χαλούφης (Эфес, 1273 г.; ← араб. خليفه *khalīfa* «преемник, наследник»), Κουτλᾶς (Смирна, 1280 г.), Μανουὴλ Σαρακηνός (Смирна, 1280 г.) и Ξένος Σακκᾶς (Смирна, 1272 г.)[273]. Конечно, нельзя полностью исключить связь этих лиц или, по крайней мере, некоторых из них с Кайкавусом, особенно в свете сообщения Пахимера о том, что Михаил VIII Палеолог селил в пограничных областях тюркских кочевников (см. выше). Однако, как кажется, они скорее могли изначально быть перебежчиками, военнопленными или рабами, оказавшимися в византийских анатолийских провинциях по другим причинам и разными путями.

С расселением тюрков Кайкавуса можно было бы связать появление во второй половине XIII в. или немного позже новой тюрк-

[271] *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 173–176.
[272] PLP. № 1158; его вероятные потомки: PLP. № 1151–1157, 91262.
[273] PLP. № 23844, 30532, 13643, 24866, 24717.

ской топонимики в Македонии. Это — Γαζῆς (около Русеу в Каламарии), Μελίκι (к востоку от Веррии), Τουρκοχώριον (5 км к северо-северо-западу от Веррии) и, наконец, еще один Τουρκοχώριον (около Гаврианы в Каламарии), о которых подробнее речь пойдет в гл. IV. Возможно, эта топонимика указывает на места наибольшей концентрации тюркских военных прониаров и земледельцев, потомки которых наследовали земли в течение нескольких десятилетий[274].

У нас есть лишь приблизительные данные о численности тюркских иммигрантов в 1262–1263 гг. — их, возможно, было около 40 000, из которых большая часть расселилась в Добрудже. Тем не менее, как будет показано в следующей главе, тюрки и в Македонии были достаточно многочисленны, чтобы оказать заметное влияние на этническую ситуацию.

8. «Персидские» переселения до начала XIV в.

Последующие переселения анатолийцев — последней трети XIII в. и, в особенности, периода гражданских войн первой половины XIV в. — чрезвычайно плохо документированы. По сравнению с весьма ярким и детальным материалом переселения 1260-х гг. мы располагаем лишь крупицами информации для более поздних десятилетий.

Как и в 1260-х, в последнюю треть XIII в. — первую половину XIV в. главным источником притока анатолийского тюркского населения оставались отряды наемников, в некоторые периоды дополнявшиеся и массовым поступлением рабов. Единственный документированный эпизод для 1290-х гг. касается деятельности знаменитого полководца Алексея Филантропина. В 1293 г. тюрки прорвались далеко на север вплоть до верховий Каика, район Ахирая также оказался в руках кочевников. Пинкерн Алексей Филантропин тогда находился во главе Фракисийской фемы, а Неокастры, включая имперский город Нимфей, возглавлял протовестиарит Ливадарий. Филантропин в 1293–1295 гг. вернул Ахирай и Милет, освободил от тюрков южный берег Меандра у Меланудия, очистил от противника оба берега среднего течения Меандра[275].

---

[274] См. также: *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί… Σ. 73–74.

[275] *Laiou A.* Constantinople and the Latins… P. 79–84; *Schreiner P.* Zur Geschichte Philadelpheias im 14. Jahrhundert (1293–1390) // OCP. 1968. Vol. 34. S. 377–388 (несколько устаревшая работа). Датировку и последовательность событий см. в: *Failler A.*

Что важно для целей данного исследования, в период этих победоносных войн множество тюрков влилось в византийское общество в качестве рабов, перебежчиков и наемников. Это однозначно следует из многочисленных писем Максима Плануда, который с восхищением описывает результаты кампаний Филантропина, сообщая о том, в частности, как его победы виделись из Константинополя[276]. Плануд говорит о несметном множестве пленных-тюрков[277]. Более того, он называет беспрецедентным наплыв варваров-рабов на рынки Константинополя, а в азиатских провинциях рабов-персов, по его словам, было так много, что их цена упала ниже стоимости овцы[278]. Овца в Константинополе в 1270–1290-х гг. стоила примерно $^2/_5$–$^7/_8$ перпера, что представляется необычайно низким для цены раба, ибо в 1281 г. различные категории невольников в Пере стоили от 7 до 31 перпера[279]. Захваченные Филантропином рабы экспортировались за границу (например, на Кипр[280]), обменивались на византийских пленных[281], но также, естественно, оседали и на территориях империи.

Chronologie et composition dans l'Histoire de George Pachymérès, III // RÉB. 1990. T. 48. P. 28–37; *Ragia E.* Η αναδιοργάνωση των θεμάτων στη Μικρά Ασία τον δωδέκατο αιώνα και το θέμα Μυλάσσης και Μελανουδίου // Σύμμεικτα. 2005. Τ. 17. Σ. 223–238 (о феме Миласса и Меланудий).

[276] Maximi monachi Planudis Epistulae / Ed. P.A.M. Leone. Amsterdam, 1991. № 60, 71, 77, 81, 86, 91, 96, 105–107, 117, 119, 120. Письма Максима Плануда проанализированы в: *Beyer H.-V.* Die Chronologie der Briefe des Maximos Planudes an Alexios Dukas Philanthropenos und dessen Umgebung // RÉB. 1993. T. 51. S. 111–137. Более ранние попытки анализа сведений Плануда: *Schreiner P.* Zur Geschichte Philadelpheias... S. 377–383; *Laiou A.* Some Observations on Alexios Philanthropenos and Maximos Planudes // BMGS. 1978. Vol. 4. P. 89–99.

[277] Maximi monachi Planudis Epistulae. № 77.78 (πλὴν τῶν ζωγρείᾳ ληφθέντων); № 107.10–11 ([σὺ] καταδούλου и ниже); № 112.8–9 (ὑπηκόους Ῥωμαίοις); № 117.34 (πεντάκις ἑκατὸν βαρβαρικὰς οἰκίας συμπατουμένας καὶ τοὺς ἐν ταύταις ἀνδραποδιζομένους).

[278] Ibid. № 107.11–12 (τὴν βασιλίδα ταύτην ἐμπίπλα τῶν αἰχμαλώτων); № 120.181–183 (καὶ νῦν οὕτως ἐστὶν εὔωνον Περσικὸν ἀνδράποδον ἐν Ἀσίᾳ ὡς οὐδὲν ἂν τῶν ὁποίων ἂν εἴποι τις προβάτων).

[279] EHB. Vol. 2. P. 840, 848.

[280] Maximi monachi Planudis Epistulae. № 120.179–180: «...ὡς ἤδη τὴν μεγίστην Κύπρον πᾶσαν αὐτῶν πλησθῆναι καὶ μηκέτι θέλειν ὠνεῖσθαι...». Позже, для 1330–1340-х гг., о притоке тюрков-военнопленных на Кипр сообщает и Григора: *Guilland R.* Correspondance de Nicéphore Grégoras. P., 1927. P. 124 (№ 122). Возникает вопрос: не был ли Кипр в ту эпоху привычным местом сбыта пленных рабов из Анатолии и с Балкан? О работорговле на Кипре см.: *Близнюк С.В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М., 1994. С. 115–119.

[281] *Köpstein H.* Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Philologisch-historische Untersuchung. B., 1966. S. 65–66; *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2: Italie, Colonies italiennes du Levant, Levant latin, empire byzantin. Gand, 1977. P. 991.

Воинские таланты Филантропина и огромные богатства, захваченные им в ходе кампаний, привлекли на его сторону тюрков, которые переходили к нему целыми родами. Григора говорит, что этих тюрков оттесняли с востока монголы, подтверждая сведения восточных источников о карательных операциях Ильханов против кочевников в Западной Анатолии. В результате Филантропин сформировал многочисленный тюркский контингент в составе своей армии[282]. В описываемый краткий период победоносных походов массы тюрков были поглощены и ассимилированы византийским обществом. Хотя после подавления мятежа верных Филантропину тюрков уничтожали, очевидно, что часть тюркских воинов осталась в составе византийской армии в Анатолии или на Балканах.

Какое-то количество рабов и наемников влилось в византийское общество в период каталонского похода в Анатолию 1303–1305 гг. Говоря о самом начале кампании, Мунтанер сообщал о захвате рабов — мужчин и женщин — и отправке их к Андронику II, императрице, Михаилу IX, а также супруге Рожера де Флора Марии[283]. Очевидно, что по законам войны захваты рабов продолжались в ходе кампании и далее, хотя источники не говорят об этом прямо.

К поколению тюрков 1290–1300-х гг. принадлежал знатный анатолийский тюрок Μαχράμης (← перс. بهرام *bahrām* «победоносный»), житель Скамандра. Он был высокопоставленным слугой и *икеем* (οἰκεῖος) императора Андроника II. В 1304 г., когда практически все анатолийские провинции были заняты тюрками, Бахрам взял на себя оборону Ассоса — города на берегу залива Адрамиттий. Однако в конце концов Ассос был оставлен, а Бахрам бежал на Лесбос — в Митилену. Там он был обвинен в дезертирстве Рожером де Флором и обезглавлен[284]. Хронологически Бахрам мог принадлежать к тюркам Филантропина, если предположить, что он сделал карьеру в византийской армии и при дворе до 1304 г.

[282] *Pachym.* IX. 9 (t. 3. p. 239.8–26): «…κατ᾽ ἀγάπην ἅμα γυναιξὶ μετῳκημένοι καὶ τέκνοις»; *Greg.* T. 1. P. 196.8–14. О карательных операциях монголов против кочевников в Западной Анатолии см.: *Cahen C.* La Turquie pré-ottomane. P. 287–288; *Lippard B.G.* The Mongols and Byzantium… P. 30–31; *Korobeinikov D.* Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century… P. 262–264.

[283] *Ramon Muntaner.* Cronica Catalana / Ed. A. de Bofarull. Barcelona, 1860. CCIII (p. 386–387); *Idem.* Les Almogavres. L'expédition des Catalans en Orient / Éd. et trad. J.-M. Barberà. Toulouse, 2002. P. 47.

[284] *Pachym.* XI. 26 (t. 4. p. 481–482); *Wittek P.* Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13.–15. Jahrhundert. Istanbul, 1934. S. 21; PLP. № 17544.

Не исключено, что на рубеже XIII и XIV вв. на византийской службе оказался некий знатный анатолийский тюрок, предок аристократической византийской семьи Анатавла, представители которой известны вплоть до 1380-х гг. Об этой семье речь более подробно пойдет в гл. V.

Возможно, упоминавшийся у Мануила Фила Γεώργιος Παχατούρ (← тюрк. بهادر *bahādur* «богатырь») принадлежал именно к тем рабам, которые были захвачены в период между 1290-ми и 1305 гг. Из эпитафии Фила известно, что он был «персом», еще в детские годы плененным византийцами (т.е. изначала был рабом); впоследствии он воспитывался в семье видного аристократа протовестиария протосеваста Андроника Ангела Комнина Дуки Палеолога (ум. 1328)[285]. Георгий Бахадур погиб в бою до 1328 г., будучи молодым.

Походы Филантропина и Рожера де Флора (в особенности, как кажется, первого) были последними прецедентами массового притока дешевых рабов из анатолийских провинций на византийские рынки. Миграция анатолийских тюрков на Балканы не прекращалась и позже, но ее содержание существенно изменилось. Преобладающим типом анатолийских тюркских переселенцев становятся не столько рабы, сколько наемники.

9. Тюркские поселенцы в первой половине XIV в.

В 1320–1340-х гг. союзники и наемники из анатолийских тюрков использовались византийцами преимущественно в гражданских войнах и лишь эпизодически — для отпора внешней угрозе со стороны болгар и сербов. Первый зафиксированный в источниках случай участия во внутренней смуте тюрков из Анатолии относится к 1322 г., когда Андроник II отправил тюркский контингент совместно с византийской армией против своего внука Андроника III[286].

[285] Manuelis Philae carmina / Ed. E. Miller. Vol. 1–2. P., 1855–1857. Vol. 2. P. 19.43–46:
Παίδευμα γὰρ ἦν ἐκ τριχὸς πρώτης, ξένε,
Ληφθεὶς ἀπ᾽ αὐτῆς εὐτυχῶς τῆς Περσίδος
Ὁ βάρβαρος παῖς ὑπὲρ Ἑλλήνων γένους
Ἥρωος ἀνδρὸς εὐκλεοῦς ἀριστέως.

[286] *Cantac.* T. 1. P. 151–152. Иоанн Кантакузин подчеркивает негативное отношение Андроника III (а также и свое) к самому факту выставления тюркских войск против собственных земляков («τὴν μὲν κατὰ τῶν ὁμοφύλων τῶν Περσῶν ἐπαγωγὴν ἐθαύμασε τῶν ἀντιτεταγμένων»). Подчеркнутое осуждение Кантакузином действий Андроника II, вероятно, имело целью оправдать свою собственную практику: Кан-

Кто были эти тюрки — выходцы из эмирата Караси или Сарухан, османы или же независимые компании наемников — неизвестно. С этого времени тюркские контингенты активно использовались на полях сражений против политических противников — и в столкновениях между Андроником II и его внуком Андроником III в 1321–1328 гг., и в войне между Иоанном Кантакузином и константинопольской партией во главе с Анной Савойской в 1341–1347 гг., а также и в столкновении между Иоанном VI Кантакузином и Иоанном V Палеологом в 1352–1354 гг. Северо-Западная Анатолия рассматривалась византийскими противоборствующими партиями как резервуар наемной военной силы. Надежно идентифицировать этих тюрков удается не всегда: нередко источники именуют их просто «персами», без более точных указаний на их принадлежность к тому или иному эмирату.

Особый характер приобрели отношения между Иоанном Кантакузином и айдынским эмиром Умур-беком (1334–1348). В 1336 г. в Албании впервые на стороне византийцев воевали айдынские союзники. Кампания Андроника III против мятежных албанцев была успешной, победители завладели богатой добычей. По словам Кантакузина, греки не обращали в рабство албанцев (ибо последние были христианами), но не могли запретить этого союзным тюркам. Андроник III из человеколюбия выкупил у тюрков некоторых из албанских рабов[287]. Возможно, именно в 1337 или 1338 г. флот Умура, пройдя через проливы в Черное море, по просьбе византийцев атаковал золотоордынские владения[288]. Зимой 1342/1343 г. Умур отозвался на призыв Кантакузина о помощи и, поднявшись на кораблях вверх по р. Марице, снял болгарскую осаду с Дидимотики, в которой находилась жена Иоанна; тюрки, однако, были вынуждены вернуться в Смирну из-за ужасных холодов[289].

такузин впоследствии выиграл гражданскую войну только благодаря союзным тюркам. Первое столкновение союзного греко-тюркского воинства между Селимврией и Цурулом с силами Андроника III и Кантакузина закончилось разгромом тюркских наемников.

[287] *Cantac.* T. 1. P. 496–497. Датировка дана по: *Johannes Kantakuzenos*. Geschichte / Übers., erläut. G. Fatouros und T. Krischer. Bd. 1–3. Stuttgart, 1982–2011. Bd. 2. S. 232. Anm. 272. На основании сообщения Григоры можно сделать вывод, что албанская кампания проходила в 1337 или даже в 1338 г.: *Greg.* T. 1. P. 544–545.

[288] *Mélikoff I.* La Geste d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri). P., 1954. V. 1209–1306. Датировка и цель похода обсуждались в: *Alexandrescu-Dersca M.-M.* L'expédition d'Umur beg d'Aydin aux bouches du Danube (1337 ou 1338) // Studia et Acta Orientalia. 1959. T. 2. P. 3–23. Ср.: *Lemerle P.* L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha». P., 1957. P. 129–143.

[289] *Cantac.* T. 2. P. 344–348; *Greg.* T. 2. P. 648–652.

Через несколько недель, весной 1343 г., айдынские корабли появились перед Фессалоникой, тюрки далее участвовали в кампании Кантакузина во Фракии, оставаясь в распоряжении византийцев до поздней весны 1344 г.[290] С весны до начала осени 1345 г. Умур участвовал в походах против Болгарии, совместно с Кантакузином он нанес поражение грозному болгарскому предводителю Момчилу (под Перифеорием)[291]. Позже, занятый борьбой со Священной Лигой за Смирну, Умур-бек уже не мог лично участвовать в кампаниях Кантакузина, но продолжал присылать воинские контингенты[292]. Следует подчеркнуть, что именно помощь Умура в 1341–1343 гг. позволила Кантакузину избежать разгрома и полного краха политической карьеры. Роль отрядов Умура в гражданской войне вполне осознавалась и современниками: противники Кантакузина пытались подкупить айдынского эмира, но успеха в этом не добились[293].

Однако Умур-бек был далеко не единственным тюркским участником византийских гражданских войн. Иоанн Кантакузин, помимо помощи айдынского эмира Умур-бека, пользовался услугами Сулаймана из эмирата Караси[294]. В 1341 г. Кантакузин заключил с эмиром Гермийана союз, направленный либо против эмирата Сарухан, либо против Караси[295]. Среди союзников Кантакузина оказывались и тюрки эмирата Сарухан — в последнюю кампанию Умур-бека во Фракии. Однако наиболее действенными помощниками Кантакузина после Умура были тюрки Османского эмирата, которые и обеспечили ему победу в гражданской войне на ее заключительном этапе (1346–1347 гг.).

Услугами тюркских удальцов широко пользовались и противники Кантакузина. Весной 1343 г. в распоряжении Апокавка находилось 22 тюркских судна под командованием некоего Ἁρμόπακις

[290] *Cantac.* T. 2. P. 383–405; *Greg.* T. 2. P. 671–676, 692–693; *Lemerle P.* L'emirat d'Aydin… P. 144–179.

[291] *Cantac.* T. 2. P. 529–534, 550–551; *Greg.* T. 2. P. 726–729.

[292] *Cantac.* T. 2. P. 591–592.

[293] Ibid. P. 384.11–20.

[294] Ibid. P. 476.12–18. Последнего пыталось привлечь на свою сторону и константинопольское правительство, однако Сулайман отказался (Ibid. P. 507.15–20).

[295] Ibid. P. 82.10–14: «Ὁδοῦ δὲ πάρεργον καὶ τοὺς τῆς Ἰωνίας διερευνησάμενοι ναυστάθμους καὶ ποταμοὺς, ἐν οἷς οἱ Πέρσαι τὰς σφετέρας αὐτῶν προσορμίζουσι ναῦς, καὶ καταφλέξαντες πυρὶ, (οὕτω γὰρ Ἀλησέρῃ τῷ Κοτυαείου σατράπῃ καὶ ἐμοὶ συντέθειται, ἐκ τῆς ἠπείρου παραβοηθοῦντι ἅμα στρατιᾷ πεζῇ τε καὶ ἱππικῇ)…» Ср.: *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983. P. 29.

(Khurmā-bek), которые помогли Апокавку водвориться в Фессалонике[296]. В том же 1343 г. против Кантакузина под Веррией действовали тюркские войска, нанятые Константинополем; однако, узнав о приближении отрядов Умура, они покинули Веррию[297]. В 1347 г. императрица Анна Савойская наняла тюрков из эмирата Сарухан; они совершили опустошительный набег на Болгарию и византийские земли. Затем они подступили с награбленной добычей к самому Константинополю, требуя от Анны Савойской оплаты за свои услуги. Не добившись денег, тюрки опустошили земли вплоть до Селимврии. С помощью айдынцев их переманил на свою сторону Кантакузин и отправил обратно в Сарухан[298]. Константинопольская партия обращалась за помощью и к османскому эмиру Орхану, но Кантакузин, которому, видимо, больше доверяли тюрки, оказался более удачлив, наладив с Орханом устойчивые дружеские отношения.

Однако во Фракии и Македонии находились не только союзные грекам тюрки. Начиная с 1320-х гг. Фракия оказывается объектом грабительских походов враждебных анатолийских тюрков. Как видно из повествования Григоры, уже к 1321 г. и Македония, и Фракия подвергаются частым морским набегам, которые заставили Андроника II задуматься об увеличении налогов для постройки нового флота, содержания войска в Европе и в Вифинии, а также для дани грабителям[299]. В ноябре 1326 г. Андроник III и Кантакузин отбили набег тюрков на Фракию, о котором сохранилось довольно смутное сообщение самого Кантакузина[300]. Присутствие малоазийских пиратов в Геллеспонте зафиксировано для 1328 г.[301] Трудно сказать, что за тюрки атаковали Фракию в этот период. Наиболее вероятна привязка этих походов к эмирату Караси, однако не исключено, что в них участвовали и тюрки Сарухана и Айдына. Последние островки византийских материковых территорий в Анатолии также оказались под ударом. Гермиянский эмир Йаʿкуб-бек и айдынский эмир Мухаммад осадили Филадельфию в 1322 г. Осада длилась год и семь месяцев — до тех пор, пока в го-

---

[296] *Cantac.* T. 2. P. 349–383; *Greg.* T. 2. P. 659; *Schreiner.* Kleinchroniken. Bd. 1. № 49. S. 351.

[297] *Cantac.* T. 2. P. 368–384.

[298] Ibid. P. 591–596; *Greg.* T. 2. P. 763–764. Посредником между Анной Савойской и эмиром Сарухана был Георгий Тагарис, который хорошо знал эмира (*Cantac.* T. 2. P. 591.9–12; *Schreiner P.* Zur Geschichte Philadelpheias… S. 395).

[299] *Greg.* T. 1. P. 302, 317, 351.

[300] *Cantac.* T. 1. P. 206–207; *Johannes Kantakuzenos*. Geschichte… Bd. 1. S. 277. Anm. 288.

[301] *Greg.* T. 1. P. 384.

род не прибыл Алексей Филантропин, которому удалось договориться с врагами и снять осаду[302].

В набегах на Фракию особенно активны были тюрки из эмирата Караси: говоря о 1335 или 1336 г., Григора сетует на бедность Фракии и Македонии из-за частых грабежей со стороны тюрков и болгар; для 1337 г. он дважды сообщает о рейдах тюрков эмирата Караси (οἱ δὲ τὰ περὶ Τροίαν) как о постоянных и частых; в связи с 1339 г. набеги тюрков на Фракию Григора характеризует как обычное событие, о котором «не хочется все время повторять»[303]. Говоря об очередном пиратском набеге 1340 г., Григора отмечает, что вся Фракия до границ с Болгарией превратилась для римлян в «пустынную и непроходимую [землю]» (ἔρημόν τε καὶ ἀτριβῆ), а тюрки днем и ночью вывозят награбленное добро в Азию[304]. Для начала 1341 г. Григора и Кантакузин упоминают новый морской набег на Фракию, вновь определяя такие события как привычные; Кантакузин называет разоренную Фракию σκυθικὴ ἐρημία, «скифская пустыня»[305]. Стоит отметить в этой связи, что понятие ἐρημία (и прилагательное ἔρημος у Григоры) в византийских источниках рассматриваемого и предшествующего периода как раз и было точным эквивалентом тюркского *uc*/اوج, «пограничной земли», в которой действовали акритские модели поведения[306]. В первой половине августа 1341 г. Херсонес Фракийский подвергся двойному нападению тюрков Караси, которые, потерпев поражение от Кантакузина в первый раз, через короткое время вернулись с подкреплением. Однако и второе войско было разбито; эмир Караси, заключив пе-

---

[302] *Schreiner P.* Zur Geschichte Philadelpheias... S. 389–401. Историю византийской Филадельфии также см. в: *Ahrweiler H.* La région de Philadelphie au XIVe siècle (1290–1390), dernier bastion de l'hellénisme en Asie Mineure // Comptes-rendus des séances de l'année: Académie des inscriptions et belles-lettres. 1983. 127e année / № 1. P. 175–197; Philadelphie et autres études / Éd. H. Ahrweiler. P., 1984. Premiere Partie (p. 9–125).

[303] *Greg.* T. 1. P. 524, 535 (κατὰ τὸ συνεχές), 538 (πάλιν ὁμοίως), 545 (ὀκνῶ διηνεκῶς διηγεῖσθαι).

[304] Ibid. P. 548.

[305] Ibid. P. 683; *Cantac.* T. 2. P. 181, 186.8. Σκυθικὴν ἐρημίαν — распространенный топос, часто вспоминавшийся авторами XII–XIV вв. в приложении к Анатолии, а потом и Фракии в период разложения византийской границы в результате тюркских нашествий. См. некоторые примеры: Constantini Manassis Breviarium Chronicum / Ed. O. Lampsides. Athenis, 1996. P. 110.2058, 215.3955; Μιχαήλ Ακομινάτου του Χωνιάτου — τα σωζόμενα / Εκδ. Σ. Λάμπρος. Τ. 1–2. Αθήνα, 1879–1880. Τ. 2. Σ. 216.28, 307.6, 321.18.

[306] Подробнее о семантической близости ἐρημία/ἔρημος и *uc* (наравне с близостью между *uc* и ἄκρα) см.: *Hopwood K.R.* Peoples, Territories, and States: The Formation of the Begliks of Pre-Ottoman Turkey // Decision Making and Change in the Ottoman Empire / Ed. C.E. Farah. Kirksville (Mo.), 1993. P. 130. См. также: *Zachariadou E.* Udj // EI NE. Vol. 10. P. 777.

ремирие с Кантакузином, удалился[307]. В конце 1341 г., в ходе новой атаки на Фракию, также сопровождавшейся грабежом, тюрки столкнулись с остатками разбитого болгарского войска, шедшего из-под Адрианополя, и довершили его уничтожение[308]. По всей видимости, часть набегов, которые прямо не отнесены к тюркам Караси, следует связывать с эмиратом Сарухан: Кантакузин упоминает, что в 1341 г. ему самому удалось предотвратить атаку тюрков Сарухана, после неудачной попытки флота Апокавка остановить их[309]. Частые набеги на Фракию выходцев из Караси и Сарухана продолжались и далее. Григора и Кантакузин, не имея намерения (каждый по своим резонам) систематически описывать все эти атаки, тем не менее сообщают о них для 1345 г.[310] и июня–июля 1348 г.[311] В январе 1351 г. тюркские набеги на Фракию вплоть до болгарской территории вновь характеризуются Кантакузином как постоянные[312].

При этом следует отметить и другую особенность ситуации, которая сложилась во фракийском «пограничье»: тюркские пиратские «компании», грабившие греческие территории, могли быть и бывшими союзниками той или иной византийской партии. Так, Кантакузин, рассказывая о грабительском набеге тюрков в 1348 г. и своей попытке договориться с ними, отмечает, что он был знаком с этими тюрками, которые когда-то были его союзниками: «Ибо был он (т.е. Кантакузин. — *Р.Ш.*) небезызвестен им, воевавшим много раз вместе [с ним] во время гражданской войны»[313]. Далее Кантакузин повествует о неудачных действиях своего зятя — деспота Никифора, который в самый момент переговоров атаковал представителей противника. Кантакузин спас окружавшую его толпу тюрков, приказав им бежать к своему лагерю, а сам остановил наседавших греков и отчитал Никифора. Благодаря вмешательству Кантакузина, тюрки потеряли лишь 9 воинов и одного командира[314]. Таким образом, бывшие союзники оказывались противниками на поле боя, но это отнюдь не означало, что прерывались

[307] *Cantac.* T. 2. P. 69.22–70.15. Во главе пиратов был Γιαξής — т.е. Йахши, либо сам эмир Йахши (ум. ок. 1341), предводитель эмирата Караси, либо один из его потомков.

[308] Ibid. P. 181.

[309] Ibid. P. 77.

[310] *Greg.* T. 2. P. 747.

[311] *Cantac.* T. 3. P. 63–67; *Greg.* T. 2. P. 835–839. Во главе тюрков были неидентифицированные эмиры Καραμαχούμετ (Кара-Мухаммад) и Μαρατουμάνος (Мир-ʿУсман).

[312] *Cantac.* T. 3. P. 162–163.

[313] Ibid. P. 65.10–12: «Ἦν γὰρ αὐτοῖς οὐκ ἄγνωστος, πολλάκις συστρατεύσασι κατὰ τὸν τοῦ ἐμφυλίου πολέμου χρόνον».

[314] Ibid. P. 65–66.

коммуникационные каналы между ними и что в будущем они не могли опять выступить вместе. Этот эпизод напоминает об этосе пограничья, где дружба и вражда — категории относительные.

Как уже отмечалось, часто нет возможности определить подданство совершавших набеги тюрков или хотя бы их географическую принадлежность. Как Кантакузин, так и Григора часто именуют их просто «персами», т.е. анатолийскими тюрками, без более точных указаний. Вполне вероятно, что некоторые из них не имели прочной привязки к тому или иному анатолийскому эмирату, но представляли собой сборные шайки бойцов во главе с «сильным человеком», наподобие каталонских компаний. Возможно, именно поэтому наши источники просто не в состоянии дать им более точное определение, нежели обобщенное «персы»[315]. Сказанное подтверждается замечанием Григоры относительно набегов двух компаний тюрков на Фракию и Восточную Македонию летом 1348 г. По словам историка, это было «некое персидское войско из вольных людей, ведущих разбойничий образ жизни и собравшихся из разных мест»[316]. Об одной из таких тюркских компаний сохранились более детальные сведения. Около 1352 г. Кантакузин поселил компанию тюрков в крепости Чимпе (у византийского городка Вранхиалион, то же, что совр. Bolayır). Можно предположить, что тюрки (первоначально, вероятно, числом не более 500) были поселены в Чимпе как коллективный прониар самим императором. Вероятно, они кормились налогами с отведенных им территорий и участвовали в военных действиях по требованию Кантакузина[317]. Можно думать, что некоторые прочие набеги в прежние годы и в последующем совершались подобными, никому не подчинявшимися компаниями тюркских удальцов, которые объединялись лишь для краткой грабительской кампании. Именно поэтому византийской власти редко удавалось договориться с такими группами: это были лишь временные пиратские армии, которые не представляли собой сколько-нибудь устойчивое сообщество.

---

[315] Ср. с идеей Т.Д. Флоринского, который предложил идентифицировать как османские все набеги, не привязанные византийскими авторами к какому-либо конкретному эмирату или правителю (*Флоринский Т.Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1–2. СПб., 1882. Вып. 1. С. 42. Сн. 1).

[316] *Greg.* T. 2. P. 835.24–25: «Περσική τις δύναμις, ἐξ αὐτονόμου καὶ λῃστρικῆς ἄλλη ἄλλοθεν ἠθροισμένη τροφῆς καὶ διαίτης».

[317] *Cantac.* T. 3. P. 242–244. Подробный разбор сведений о Чимпе и расселенных там в 1352 г. тюрках см. в: *Oikonomidès N.* From Soldiers of Fortune to Gazi Warriors: The Tzympe Affair // Studies in Ottoman History in Honour of Professor V.L. Ménage / Eds. C. Heywood and C. Imber. Istanbul, 1994. P. 239–247 (= *Idem.* Society, Culture and Politics in Byzantium. Aldershot, 2005. (Variorum CS). № XX).

Тюркские набеги на Фракию и Македонию были настоящим бедствием и для местного населения, и для власти, которая лишалась наиболее плодородных и прежде густонаселенных областей — главного источника доходов византийского фиска. Походы анатолийских тюрков стали интенсивными уже к началу 1320-х гг. и продолжались вплоть до водворения во Фракии османов в 1354 г. (или даже до 1370-х гг.). Еще в 1965 г. Ирен Бельдичеану-Штейнхер высказывала предположение, что к середине XIV в. Фракия контролировалась скорее независимыми тюркскими командирами, нежели централизованной османской властью. Лишь ок. 1376/1377 г. османский правитель Мурад I установил прямой контроль над этими независимыми беями[318].

Не менее опустошительные набеги обрушили на Фракию «скифы» Золотой Орды. Большинство из них, вероятно, осуществлялось также вольными компаниями разбойников. Они часто сопровождались и набегами болгар, традиционно поддерживавших тесные связи с половцами, а позже и с тюрко-монголами Золотой Орды[319]. «Скифские» набеги на Византию начались с 1264/65 г., когда золотоордынские и болгарские войска освободили ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II из Эноса. В 1271 г. «скифы» в союзе с болгарами вновь грабили Фракию. В условиях растущего хаоса во Фракии в первой четверти XIV в., вторжения из Золотой Орды учащаются. В 1320 г., дважды в 1321 г., в апреле 1323 г., с конца 1323 и до начала 1324 г. золотоордынцы совершают опустошительные набеги на плодородные долины Фракии[320]. В начале 1337 г. «скифы», приближаясь к Фракии со стороны Дуная, столкнулись с вольными тюркскими разбойниками из Анатолии. К великому удивлению греков, «скифы» набросились на «персов», как «собаки на труп» (ὥσπερ κύνες τεθνηκότι σώματι... ἐπεισπίπτοντες), убивая их и захватывая в плен. «Скифы» остались во Фракии в течение последующих пятидесяти дней, продолжая грабить окрестности. Как отметил Григора, это было необычайно долго для «скифского» разбойничьего набега[321]. Татарские набеги продолжались по крайней мере до 1341 г., когда Кантакузин восстановил важную стратегическую крепость Арка-

[318] *Beldiceanu-Steinherr I.* La Conquête d'Andrinople par les Turcs: la pénétration turque en Thrace et la valeur des chroniques ottomanes // TM. 1965. T. 1. P. 439–461. Сходные рассуждения см. в: *Oikonomidès N.* From Soldiers of Fortune to Gazi Warriors: The Tzympe Affair.

[319] Подробнее о роли тюрко-монголов в балканской политике и их связях с болгарами см.: *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 114–133.

[320] *Bosch U.V.* Andronikos III. Palaiologos... S. 64–65; *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 122–131.

[321] *Greg.* T. 1. P. 535–536; *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 132.

диополь, расположенную в центре Фракии и защищавшую как саму область, так и Константинополь от враждебных набегов с севера[322]. Весной того же года византийские власти отправили отца Димитрия Кидониса к золотоордынскому хану Узбеку с поручением положить конец татарским набегам[323].

Рис. 3.1. «Скифские» воины, изображенные с явными монголоидными чертами. Китайские надписи на шлемах воинов, вероятно, указывают на их происхождение из Золотой Орды. Фреска в церкви Св. Златоуста в Ераки, XIII–XIV вв. (*Moutsopoulos N.* Σινικό ιδεόγραμμα σε τοιχογραφία του Γερακιού // Byzantiaka. 1998. T. 18. Σ. 28, εικ. 5–6)

Бессилие имперской власти перед этими набегами становится особенно явственным, если принять во внимание, что византийцы иногда заблаговременно получали сведения о готовящемся набеге от своих информаторов[324]. Парадоксальность, более того, противоестественность ситуации заключалась в том, что балканские провинции грабили не только враги, но и тюркские союзники греков, которых в эту эпоху было немало. Разорение Фракии и прекращение импорта из Черноморья из-за генуэзско-монгольской войны привело к острой нехватке зерна и голоду в Константинополе и окрестностях (1343 г.); эта нехватка была восполнена поставками из северо-восточной Анатолии, находившейся под контролем тюрков[325].

[322] *Cantac.* T. 1. P. 541; *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 132.
[323] *Vásáry I.* Cumans and Tatars… P. 132; PLP. № 13824.
[324] *Cantac.* T. 2. P. 65.
[325] *Greg.* T. 2. P. 683.5–16.

Как уже отмечалось, ни Кантакузин, ни Григора — главные информаторы о событиях того времени — отнюдь не стремились к фиксации всех случаев участия тюрков в военных действиях, упоминая о них лишь эпизодически. Однако складывается впечатление, что тюркские контингенты, служившие той или иной византийской партии, практически постоянно находились на византийской территории. Причем участие союзных тюрков в военных действиях неизбежно влекло за собой разорение ими территорий, лояльных противной партии, а именно ограбление и обращение в рабство местного населения. В этом смысле показательны условия уговора между Анной Савойской и эмиром Орханом, согласно которым последний в награду за участие в войне мог обращать в рабство и вывозить в Азию захваченное на вражеской территории население. Кантакузину удалось помешать этому союзу и переманить Орхана на свою сторону. При этом Кантакузин, пеняя Анне Савойской за столь жестокое отношение к своим подданным, стыдливо умалчивает в своей «Истории» об условиях собственного альянса с Орханом. Как отмечал Т.Д. Флоринский, условия, очевидно, были те же, если не еще более жестокие[326]. Грабежом, согласно законам войны, занимался даже Умур-бек, наиболее лояльный тюркский союзник византийцев.

Ранний период взаимоотношений Османского эмирата и Византии прямо связан с рассмотренной выше историей тюркских союзников. Османы активно вовлекались во внутренние распри в империи всеми противоборствующими сторонами. Первые мирные контакты с османами восходят ко времени завоевания ими Вифинии, вскоре после весьма странного поражения греков при Пеликане и Филокрине в 1329 г.[327] В 1333 г. Андроник III, узнав о падении Никеи и об осаде Никомидии, отправился с войском на помощь городу. Османский эмир Орхан посредством посольства запросил у василевса мира. Мирный договор был заключен, однако условия его для Орхана были исключительно выгодными (много более выгодными, чем Кантакузин желал это представить в своем рассказе): за гарантии безопасности для Никомидии и других

[326] Подробнее: *Флоринский Т.Д.* Южные славяне… Вып. 1. С. 78.

[327] *Cantac.* T. 1. P. 341–360; *Greg.* T. 1. P. 433–436; *Schreiner.* Kleinchroniken. Bd. 1. S. 78 (8.21); *Nikephoros Gregoras.* Rhomäische Geschichte / Übers., erläut. J.L. van Dieten. Bd. 1–6. Stuttgart, 1973–2007. Bd. 1. S. 306–307; *Bosch U.V.* Andronikos III. Palaiologos… S. 152–156; *Foss C.* Nicaea: A Byzantine Capital and Its Praises. With the Speeches of Theodore Laskaris “In Praise of the Great City of Nicaea” and Theodore Metochites “Nicene Oration” / With the collaboration of J. Tulchin. Brookline, 1996. P. 84.

городов Месофинии византийцы должны были платить ежегодно 12 000 перперов; эти деньги собирали с жителей этой области[328].

В конце лета 1337 г. тюрки Орхана предприняли морской набег на Фракию, который завершился полным провалом. Информаторы заранее предупредили власти империи. Стало известно, что тюрки Орхана собираются высадиться в непосредственном соседстве с Константинополем, ближайшие окрестности которого пока не подвергались разорению, а следовательно, изобиловали добычей. В распоряжении Андроника III практически не было войск, однако он решил выступить против врага. Сам император на 3 судах атаковал неприятеля в море, захватил 14 судов, а остальные вынудил отступить. На суше великий доместик с отрядом всего в 70 отборных всадников напал на рассеявшихся в поисках добычи тюрков и устроил большую резню: до 1000 врагов было убито, около 300 — взято в плен. При этом ни один греческий воин не погиб. Византийцы понесли большие потери лишь среди боевых коней, которые в столкновениях византийской кавалерии с пешими тюрками были главной мишенью врага. Эта победа и самим современникам представлялась невероятной, они считали ее вдохновленной Божественным Промыслом[329]. Однако османы были полны решимости и далее расширять свои владения за счет византийцев. В 1338 г. Орхан покорил Никомидию, завершив тем самым завоевание ключевых стратегических оплотов греков в Вифинии. Древний путь из Анатолии на Константинополь, последней стратегической твердыней на котором и являлась Никомидия, был по существу открыт для османских тюрков[330].

Лишь в 1341 г., после смерти Андроника III, Кантакузин смог заключить с Орханом мирное соглашение, об условиях которого мы не знаем[331]. Полноценный договор между Кантакузином и эмиром был заключен зимой 1344/1345 г. при посредстве эмиссара османов евнуха Хаджи (Χατζής). Кантакузин связался с Орханом, когда узнал, что Анна Савойская пытается склонить турок на свою сторону. Получив приглашение от Кантакузина, Орхан предпочел иметь дело с ним[332]. Кантакузин, говоря об этом эпизоде, очень скуп на подробности и не сообщает ничего об условиях соглашения, однако указывает, что немедленно прибывший от турок контин-

[328] *Schreiner*. Kleinchroniken. Bd. 1. S. 80; Bd. 2. S. 243–244; *Cantac.* T. 1. P. 446–448; *Greg*. T. 1. P. 458; *Zachariadou E.* Trade and Crusade… P. 23, 101–102.

[329] *Greg.* T. 1. P. 539–541; *Cantac.* T. 1. P. 505–508.

[330] *Greg.* T. 1. P. 545. Датировка дана по комментариям ван Дитена (*Nikephoros Gregoras*. Rhomäische Geschichte. Bd. 2. S. 286. Anm. 493).

[331] *Cantac.* T. 2. P. 66.

[332] Ibid. P. 498.

гент помог ему подчинить все черноморское побережье вплоть до Созополя. С этого момента османская военная помощь Кантакузину становится постоянной. Именно с помощью воинов Орхана Кантакузину удалось нанести решающее поражение своим политическим соперникам. Выдача замуж за эмира Орхана Феодоры, дочери Кантакузина, ранним летом 1346 г. увенчала соглашение с турками[333].

Военный союз с Орханом, послуживший победе Кантакузина в гражданской войне, имел своим результатом практически постоянное присутствие турецких войск на европейских территориях Византии. С 1348 г. османы начали проводить все более самостоятельную политику во Фракии, все реже соотнося ее с византийскими интересами. Между Кантакузином и Орханом назревало отчуждение, о непосредственных причинах которого можно только гадать (возможно, инициатором его был сам Кантакузин, не получавший ожидаемой помощи от турок). В балканской политике того времени тюрки превратились в значительного игрока, способного существенно корректировать расстановку сил. Приобретению ими особой ниши в балканской политике немало способствовал именно Кантакузин. Теперь его главное оружие начало обращаться против него самого.

В войнах с Иоанном V Палеологом и Стефаном Душаном Иоанн VI Кантакузин осуществил дальнейшие важные инновации в уже привычных способах использования тюрков во внутриполитической борьбе — инновации, которые имели поистине катастрофические последствия. Как уже говорилось выше, в начале войны против Иоанна V Палеолога (1352 г.) Кантакузин переселил в Чимпе (севернее Галлиполи) около 500 тюркских воинов вместе с семьями в качестве коллективных прониаров, чтобы всегда иметь под рукой наемников. В ходе гражданской войны сын Орхана Сулейман переправлялся из Азии в Херсонес к этим тюркам уже как «в собственную колонию и отцовскую землю» (ὡς εἰς ἰδίαν ἀποικίαν καὶ πατρίαν γῆν διαβὰς τὸν Ἑλλήσποντον)[334]. Таким образом, Кантакузин способствовал массовому оседанию тюрков в Европе. Спохватившись, он попытался выкупить Чимпе у турок за 10 000 перперов, но безуспешно.

---

[333] *Nicol D.* The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Washington, 1968. P. 134–135 (№ 29); *Bryer A.* Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // The Writing of History in the Middle Ages. Essays Presented to R.W. Southern / Eds. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 471–493.

[334] *Greg.* T. 3. P. 203.20–21 и выше (p. 203.15–17: «...δούλοις διηνεκέσιν ἤδη κεχρῆσθαι παντάπασι τοῖς ἐκεῖ ταλαιπώροις Ῥωμαίοις»), а также p. 224.

2 марта 1354 г. в Южной Фракии произошло сильнейшее землетрясение, принесшее серьезные разрушения; многие погибли под развалинами. Тюрки Херсонеса воспользовались этим и стали занимать пострадавшие местечки. Наконец, спешно переправившийся из Азии во Фракию Сулейман, сын Орхана, занял ключевой пункт на Дарданеллах — Галлиполи, переселил туда множество тюрков и восстановил разрушенные землетрясением укрепления[335]. Кантакузин пытался разрешить проблему с помощью переговоров, однако Орхан утверждал, что захват Галлиполи был личной инициативой его сына; эмир обещал воздействовать на своего отпрыска за 40 000 перперов. Для завершения этого дела эмир и император уговорились встретиться в Никомидии. Однако Кантакузин, в назначенное время прибывший в Никомидию, напрасно дожидался Орхана: тот так и не явился, сказавшись больным[336]. Османы немедленно приступили к развитию и закреплению своего успеха. К 1355 г. они установили контроль над всем побережьем Пропонтиды вплоть до Константинополя. Их набеги достигали и южных территорий Болгарии.

Византийцы отчетливо осознавали масштабы этой внешнеполитической катастрофы. Водворение турок во Фракии и, в особенности, их демонстративный переход к самостоятельной политике в этом регионе сулили империи скорую гибель. В Константинополе в связи с захватом Галлиполи началась настоящая паника. Как свидетельствует Кидонис, константинопольцы (вероятно, богатейшая их часть) в страхе переселялись в Италию и даже Испанию[337]. Таким образом, тюркские союзники Кантакузина в конце концов нанесли его режиму смертельный удар — население со всей справедливостью обвиняло именно его в столь неблагоприятном развитии событий. Развязка наступила скоро: в ноябре 1354 г. Иоанн V Палеолог, легко войдя в Константинополь, низложил Кантакузина. Свергнутый император принял постриг в столичном Манганском монастыре под именем Иоасаф и навсегда удалился от активной политической жизни.

В долгий период гражданских войн до водворения на Балканах османов в 1354 г. преобладающим типом тюркских поселенцев на византийской территории были воины, переходившие на византийскую службу и оседавшие в Македонии и Фракии. К этой группе могут быть отнесены некоторые высокопоставленные ви-

[335] *Cantac.* T. 3. P. 276–278; *Greg.* T. 3. P. 223–226; *Schreiner.* Kleinchroniken. Bd. 2. S. 283.

[336] *Cantac.* T. 3. P. 279–281.

[337] *Demetrius Kydonis.* Oratio alia deliberative de non reddenda Callipoli petente Amurate // PG. T. 154. Col. 1013.

зантийцы тюркского происхождения. Так, например, некий Ἀμζᾶς (← араб. حمزه *ḥamza* «острый, жгучий»), приближенный Алексея Апокавка, в 1344 г. перешел на сторону Иоанна Кантакузина и сообщил о готовившемся против него заговоре. Хамза был анатолийским тюрком — ἐκ Περσῶν γὰρ Ἀμζᾶς τὸ γένος ἦν, о чем свидетельствует и его арабское мусульманское имя[338].

Некий Михаил Ибрагим-бек (Μιχαὴλ Ἀβραμπάκης ← араб. ابراهيم *ibrāhīm* «Авраам» + тюрк. *bek* «вождь») был комендантом (κεφαλή) Серр в апреле 1346 г., осуществляя руководство от имени сербского царя Стефана Душана[339]. Судя по имени, не исключено, что он был сыном или внуком известного протоиеракария Ἀβράμπαξ, жившего в эпоху Андроника II. Стефан Душан на завоеванных у греков территориях полагался на прежнюю греческую администрацию и широко привлекал византийских военных и гражданских чиновников, к числу которых, можно полагать, Μιχαὴλ Ἀβραμπάκης как раз и принадлежал. На это указывает византийская антропонимическая модель, по которой построено его имя, а также, скорее всего, анатолийское происхождение прозвища Ἀβραμπάκης. Если он не был связан родственными узами с протоиеракарием Ἀβράμπαξ, то мог принадлежать к наемным тюркам эпохи гражданской войны, крестившимся и перешедшим на службу к византийцам.

Не исключено, что к натурализовавшимся анатолийским тюркам принадлежал и некий Χαρατζᾶς (← тюрк. *qaraca* «темный», «черного цвета»), паламит, преследовавший друзей Акиндина в Фессалонике в 1345–1347/1348 гг.[340] Скорее всего, он был византийским тюрком в первом или втором поколении, ибо Акиндин насмешливо говорит о его склонности к политеизму (ὁ τῶν θεοτήτων πλῆθος τεθαυμακὼς Χαρατζᾶς)[341]. Судя по письмам Акиндина, это был весьма влиятельный и известный человек. Поэтому его идентификация с другим Караджей, который упоминался в должности примикерия экскувиторов в 1353–1354 гг., нам представляется возможной[342].

В ходе столкновений противоборствующие группировки византийцев захватывали пленных — в том числе тюрков, которые по традиции обращались в рабов, о чем в этот период сохранились

---

338 PLP. № 772; *Cantac.* T. 2. P. 488–489.

339 PLP. № 60; AProd. № 46 (p. 135.2); *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 54.

340 PLP. № 30614; Letters of Gregory Akindynos / Greek text, English translation A. Constantinides Hero. Washington, 1983. № 40.2, № 41.49, № 57.10, 21, 24, № 58.5–7, № 74.45.

341 Ibid. № 74.44–45.

342 Об этой идентификации см. комментарии в: Ibid. P. 373. О примикерии экскувиторов Карадже см.: PLP. № 30615; RPK. Bd. 3. № 205.75–76 (S. 182).

единичные указания в нарративных источниках[343]. Однако очевидно, что по сравнению с предыдущей эпохой доля рабов в сравнении с натурализовавшимися тюрками-воинами стала ничтожной.

Для периода 1324–1354 гг. более всего восточных имен дает нам актовый материал афонских монастырей. Многие имена принадлежали лицам незнатного происхождения, расселенным в Македонии. Подробнее о них речь пойдет в следующей главе.

* * *

После 1354 г. турки-османы развили стремительное наступление на Балканах. Ко второй половине 1360-х гг. они заняли Фракию, а к началу 1380-х — Македонию за исключением Фессалоники, которая попала под их власть в 1387 г. История захвата османами византийских, болгарских и сербских земель хорошо изучена в литературе, и тут нет нужды останавливаться на ней подробно[344]. Для целей данного исследования важно подчеркнуть, что время Кантакузина было последней эпохой в истории империи, знаменовавшейся наличием на ее территории значительной группы византийских тюрков, которая, с одной стороны, находилась в процессе ассимиляции с местными греками и славянами, а с другой — постоянно обновлялась потоками вновь прибывающих иммигрантов. Территориальные потери Византии во второй половине XIV в. парадоксальным образом привели к резкому сокращению притока тюрков в византийское общество. Имперская служба для тюрков-наемников и других иммигрантов из тюркской среды потеряла привлекательность из-за отсутствия достаточных земельных богатств у государства, что означало не только коллапс прониарной системы обеспечения войска, но и катастрофическое обеднение казны[345]. Благодаря османским завоеваниям тюрки на Балканах, став подданными весьма успешного и стремительно богатеющего султаната, более не нуждались (или нуждались в значи-

---

[343] *Köpstein H.* Zur Sklaverei… S. 57–61; *Verlinden Ch.* L'esclavage… P. 992, 998.

[344] *Nicol D.M.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1993; *Idem.* The Immortal Emperor. The Life and the Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans. Cambridge, 1992; *Idem.* The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, c. 1295–1383. Cambridge, 1996; *Zachariadou E.* Trade and Crusade…; *Bosch U.V.* Andronikos III. Palaiologos…; *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Monch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981; *Barker J.* Manuel II Palaeologus (1391–1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969; Byzantine Diplomacy / Eds. J. Shepard and S. Franklin. L., 1992; *Vásáry I.* Cumans and Tatars…; *Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.

[345] *Vryonis.* Manpower. P. 128.

тельно меньшей степени) в милостях христианских государей. Они продолжали служить под флагом Византии в междоусобных войнах между соперничавшими представителями дома Палеологов. Но это были не столько наемники, сколько союзники, подданные султана, пришедшие по его воле на помощь к тому или иному императору или претенденту на престол. Количество ассимилированных тюрков первого поколения на службе у византийцев резко сократилось.

10. Последние из византийских тюрков?

В результате Анкарского сражения 28 июля 1402 г. османы потерпели сокрушительное поражение от эмира Тимура, которое повлекло за собою краткий период антиосманской реставрации в Анатолии и на Балканах. Сын умершего в плену султана Байазида I (1389–1402) Сулейман Челеби, опасаясь переправы воинства Тимура через Проливы и его вторжения на балканские территории султаната, в срочном порядке урегулировал свои отношения с наиболее значимыми силами в регионе — Византией, Венецией, Генуей и др. Лояльность своих вчерашних противников он купил беспрецедентными уступками. Общий договор был заключен, по-видимому, в самом начале 1403 г.; по нему, в частности, Иоанну VII Палеологу передавались обширные владения, включавшие в себя Фессалонику и Каламарию, часть Македонии, фракийское побережье от Панидоса до Месемврии, окрестности Константинополя, острова Скиаф, Скопел и Скирос[346]. Византийцам были переданы также некоторые азиатские земли, о которых речь и пойдет ниже.

В сочинениях османских историков XV–XVI вв. содержится краткое описание похода турок в эпоху правления османского султана Мехмеда I (1413–1421) против греческих крепостей на главной военной дороге, ведшей от Никомидии к Скутари (Хрисополю) и протянувшейся вдоль побережья Никомидийского залива, т.е. по области, которую византийцы называли Месофинией. Наиболее

[346] Текст договора и его анализ см. в: *Dennis G.T.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88; *Zachariadou E.* Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman chronicles // Der Islam. 1983. Bd. 60.2. P. 268–290. См. также подробный анализ обстоятельств заключения договора и его последствий для Византии: *Kastritsis D.* The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden, 2007. P. 50–59; *Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins… P. 33–35, 39, 98, 100–101; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. S. 40–141; *Barker J.* Manuel II Palaeologus… P. 224; *Nicol D.M.* The Last Centuries of Byzantium… P. 335.

Попытка передатировать заключение общего договора — ранее 1 января 1403 г. — предлагается в: *Пономарев А.Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2012. С. 609. Сн. 121.

важные из этих османских источников — исторические сочинения «Таварих-и ал-и осман» Ашикпашазаде (вторая половина XV в.), «Хашт бихишт» Идриса Бидлиси (начало XVI в.) и «Тадж ал-таварих» Саадеддина (конец XVI в.). Согласно османским историкам, Мехмеду I сообщили, что какие-то местности на морском побережье напротив Константинополя оказались во власти византийцев. Султан отправил на покорение этих земель войска, которые легко захватили греческие крепости.

Сообщения Ашикпашазаде[347] и Идриса Бидлиси в ключевых моментах совпадают, но опираются на разные первоисточники и дают различающиеся версии событий. Саадеддин повторяет Ашикпашазаде, помещая информацию своего предшественника в цветистую риторическую оболочку[348].

Исследователи, как османисты, так и византинисты, до сих пор необъяснимо обходят вниманием это свидетельство турецких историков. Из византинистов лишь Клайв Фосс в своем исследовании, посвященном фортификации Никомидии и ее окрестностей, вкратце пересказал версию Ашикпашазаде[349]. Среди османистов использовала эту версию только Ирен Бельдичеану-Штейнхер в своем исследовании ранних османских кадастров[350].

Наиболее подробное и интересное из упомянутых выше сообщений о турецкой операции в Месофинии содержится в до сих пор не изданном персидском сочинении Идриса Бидлиси, поэтому оно и будет взято за основу последующего изложения. Приведем текст Бидлиси в оригинале и переводе — он никогда не публиковался и не введен в научный оборот. Персидский текст привлекался нами в двух рукописях — парижской и петербургской[351]. При транскрибировании отрывка орфография оригинала сохранена, современная пунктуация в оригинальный текст мною не вносилась.

---

[347] *Aşıkpaşazade*. Tevarih-i al-i Osman. İstanbul, 1332/1914. S. 93–94; *Ašikpašazade.* Vom Hirtenzelt zu Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik „Denkwurdigkeiten und Zeitlaufte des Hauses Osman" von Derwisch Ahmed, genannt Ašik-Paša-Sohn / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von R.F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 132–133.

[348] *Saadeddin*. Tac-üt-Tevarih. C. 1–2. İstanbul, 1279–1289 (1862–1872). C. 1. S. 295–296.

[349] *Foss C.* Survey of Medieval Castles of Anatolia. Vol. 2: Nicomedia. Ankara, 1996. P. 44–61.

[350] *Beldiceanu I.* La côte orientale de la mer de Marmara, des Dardanelles au Bosphore, du XIVe au XVe siècle (population, ressources) // École pratique des hautes études. Livret-Annuaire. № 16 (2000–2001). P., 2002. P. 78–82.

[351] *Idris Bidlisi.* Hasht Bihist. BnF. Supplément persan 1558. Fol. 204b; *Идрис Бидлиси.* Хашт бихишт. СПб. Отд. рукописей ПФ ИВ РАН. С 387. Л. 212 об. Об обширной рукописной традиции сочинения Бидлиси см.: *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. Ч. 1–3. М., 1972. Ч. 2. С. 1255–1256.

Текст

Sigla:

A: *Idris Bidlisi*. Hasht Bihist. BnF. Supplément persan 1558.

B: *Идрис Бидлиси*. Хашт бихишт. СПб. Отд. рукописей ПФ ИВ РАН. C 387.

[A 204b] [B 212 об.]

و مع ذلک بمسامع علیه رسید که در نواحی قسطنطنیه بعضی قصبات و مواقع و قریه که آبا و اجداد جنت معاد و اجناد معسکر جهاد حصوصا پادشاه جنت مکان اورخان خان[1] بتصرف درآورده بوده از عروض فترات امیر تیموری و از ضرر مخالفات برادران سلطان در مسند قیصری ملوک کفار دیگر باره بدر الحرب الحاق کرده اند و بمرور ایام صاحب اسطنبول و غیره آن محلها بتصرف درآورده اند مجددا لشکر مجاهدان را تجهیز نموده بتسخیر آن بلاد مقرر داریم و همگی[2] آن محال که مفتوح گردد بنیت وقف آن بقاع الخیر مقرر انگاریم و بنا برین رای اصابت مآل اموربیک ولد تیمورتاش را بالشکری از دلاوران مجاهد بتسخیر آن فرستاد و برحسب وعده دلخواه من کان لله کان الله له[3] چون لشکر اسلام روی بآن صوب نهاد در بدایت شروع در نواحی شهر ازنکمید که بتصرف سلطان بود قلعه هرکه که در زمان فترت[4] امیر تیموری حافظان آنجا تابع اسطنبول شده بودند قلعه را خالی انداخته باسطنبول فرار نمودند و چون آن کشور معتبر بی نزاع و خصام بتصرف اهل اسلام درآمد و ازآنجا تجاوز نموده بقصبه گگبیزه که یک مرحله راه به اسطنبول است نهضت فرمودند کفار آنجا باعتماد حصانت حصار آهنگ جنگ وعناد کردند و روی بمقابله و مدافعه آوردند لاجرم عساکر مجاهدان مقدام و دلاوران معارک التحام صرف توجه و همت و اهتمام نمودند و بطریقه یغما بر قلعه جنگ انداختند و با سهل وجوه قلعه گگبیزه[5] را مسخر ساختند و سپاه اسلام بغنایم ما لا کلام فایز و مغتنم گشتند و شهر و توابع را بقوانین دین و آیین عدل مبین منتظم کردند و حاکم و قاضی تعیین[6] نمودند و وظایف مملکت داری مقرر فرمودند و از آنجا متوجه موضع نکیته و قلعه پندکله و قرتال شدند و از حوف سیاست مجاهدان همگی باطاعت مبادرت کردند و مستحفظان قلاع شهربند و حصارها را گذاشته باسطنبول گریختند و امور بیک هم مردم مضبوط فرستاد تمامی حصارها در قبضه اقتدار در آورده بدار الاسلام آمیختند چون تمامی آن قصبات وقلاع با توابع و[7] مزارع و مراتع ساحل دریا از شهر ازنکمید تا کنار معبر اسطنبول مسخر گشت سلطان محمدی حصال بموجبی که در خاطرعالی منوی داشت تمامی آن قصبات و مواضع را بر ابواب البر خود وقف فرمود و دیگر رقبات نافع و مواضع پر منافع بر آن موقوفات افزود و الیوم آن مدرسه عالی در غایت رواج و انفع مدارس شهر بُرسا است و وظایف مدرس و طلبه آنجا از جمیع مدارس سلاطین[8] روم اوفر و ارفع است چنانجه هر روزه یومی مدرس آنجا با سایر فواید از یکصد اقچه متجاوز است وعمارت[9] و زاویه و دار الضیافه ورباط و بساط اطعام و انفاق بی اندازه بنوعی مبسوط است که ارتفاع سلاطین عالم متمیز است٠

[1] B: اورخان
[2] A: بهمگی
[3] B: من کان الله له
[4] A: فترت ندارد
[5] A: ککیوبزه
[6] B: وتعیین
[7] A: و توابع ندارد
[8] B: وسلاطین
[9] A: درعمارت

Перевод

«Вместе с тем до слуха Его Величества дошло, что в окрестностях Константинополя некоторые поселения, местности и деревни, которые были покорены ныне пребывающими в Раю предками [султана] и ратями бивака джихада, в особенности царем и райским жителем Орхан-ханом, из-за случившегося безвластия [времен] эмира Тимура и вреда, нанесенного соперничеством братьев султана за кесарев трон, цари безбожников снова присоединили к “земле войны”. С течением времени государь Стамбула и другие овладели теми местами. “Снова снарядив войска муджахидов[352], поручим им покорение той страны, и всю ту землю, которая будет взята, думаем сделать благой землей, [обратив] ее в вакф[353]”, — с этими праведными мыслями [султан] отправил на их завоевание Умур-бека, сына Тимурташа[354], с войском храбрецов-муджахидов. В соответствии с приятным сердцу обещанием “Кто с Богом, с тем и Бог”[355], когда войско Ислама направилось в ту землю, в самом начале в окрестностях города Изникмид, находившегося во владении султана, защитники крепости Хереке, которые в годы безвластия [времен] эмира Тимура покорились Стамбулу, крепость оставили пустой и бежали в Стамбул. Когда эта значительная область без применения силы оказалась под властью народа Ислама, [войска] вышли за ее пределы и направились к поселению Гюйебизе, которое находится на расстоянии в один переход от Стамбула. Тамошние неверные, уповая на укрепленность твердыни, вознамерились сражаться и сопротивляться и приготовились к противодействию и обороне. Волей или неволей воины-муджахиды, храбрецы и богатыри ратных полей, приложили усилие и беспощадно обрушились на крепость с войной. [Они] с легкостью взяли крепость Гюйебизе, и рать Ислама обогатилась и овладела неописуемой добычей. Город же и его окрестности упорядочили канонами веры и законом истинной справедливости, определили *хакима*[356] и *кадия*[357] и назначили [все] необходимое для управления страной. Оттуда направились в местность Неките и к крепостям Пендикла и Картал. Из страха перед наказанием от муджахидов все они поспешили подчиниться, а охранители крепостей, оставив укрепления и замки, бежали в Стамбул. Умур-бек же, отправив отважных людей, все крепости

---

[352] *Муджахид* — воин, ведущий джихад, священную войну.

[353] *Вакф* — тут подразумевается неотчуждаемое имущество, предназначенное для благотворительных целей.

[354] Умур-бек — сын Тимурташа, визиря Байазида I Йылдырыма.

[355] Хадис.

[356] *Хаким* — комендант города.

[357] *Кадий* — шариатский судья.

захватил и соединил с “землей Ислама”. Когда все поселения и [их] окрестности, пашни и пастбища на берегу моря от города Изник вплоть до переправы к Стамбулу были покорены, султан, обладающий Мухаммадовыми качествами, согласно с тем, что содержалось в его возвышенных мыслях, все те поселения и местности, как свой дар Богу, назначил в вакф, а также и другими прибыльными пожалованиями и весьма прибыточными землями приумножил те вакфы. По сей день те превосходные медресе[358] — чрезвычайно многолюдные и лучшие из всех медресе города Бурсы, а содержание тамошних преподавателей и студентов обильнее и значительнее, чем во всех других медресе султанов Рума. Так, ежедневное содержание тамошних преподавателей вместе с другими доходами превышает одну сотню *акче*[359]. А *имаретов*[360], *завие*[361], *дарульзияфе*[362], постоялых дворов, мест питания и собраний — без числа и так много, что величие Султанов Вселенной становится исключительным».

Комментарий

В нижеизложенных комментариях данные Бидлиси будут дополнены тем немногим, чем отличаются от них версии Ашикпашазаде и Саадеддина. Итак, османские войска, выдвинувшись из Никомидии (Изникмида) в сторону Скутари по древней военной магистрали, последовательно завоевали крепости Хереке (виз. Χάραξ, ныне Hereke), Гюйебизе (виз. Δακίβυζα, ныне Gebze), Неките (виз. Νικητίατα, ныне Eskihisar южнее Гебзе), Пендикла (виз. Παντείχιον, ныне Pendik) и Картал (виз. Καρταλιμήν, ныне Kartal)[363]. Вариант Ашикпашазаде (и Саадеддина) опускает в списке крепостей Неките, но добавляет Дарыджу (виз. Ῥίτζιον, ныне Darıca)[364]. В ре-

[358] *Медресе* — мусульманская высшая школа, аналог университета в христианском мире.

[359] *Акче* — османская серебряная монета.

[360] *Имарет* — бесплатная столовая для бедных.

[361] *Завие* — суфийская обитель.

[362] *Дарульзияфе* — бесплатная больница для бедных.

[363] Часть крепостей описаны в: *Foss C.* Survey of Medieval Castles… P. 50 (Δακίβυζα), 50–58 (Νικητίατα), 59–61 (Χάραξ). Ирен Бельдичеану-Штейнхер в докладе о старейших османских *дефтерах* (1419/1420 г., 1523 г.), относящихся к Месофинии, идентифицировала некоторые османские топонимы, обозначенные у Ашикпашазаде: *Beldiceanu I.* La côte orientale de la mer de Marmara… P. 78–82. Идентификация топонимов также делалась по: *Ramsay W.M.* The Historical Geography of Asia Minor. L., 1890. P. 183–185; La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. P., 2003. P. 83, 87, 102, 215ff. (см. Index).

[364] *Ašikpaša-zade.* S. 133; *Saadeddin*. Tac-üt-Tevarih. C. 1. S. 296; *Foss C.* Survey of Medieval Castles… P. 47; La Bithynie… P. 87.

зультате этого похода были захвачены «все поселения и их окрестности, пашни и пастбища на берегу моря» от Никомидии и вплоть до переправы к Константинополю, т.е. Скутари. Все крепости, кроме Дакивизы, были взяты без боя, а их гарнизоны «бежали в Стамбул». Дакивиза была захвачена приступом, причем турки «беспощадно обрушились на крепость» и «обогатились неописуемой добычей» — т.е. в наказание за сопротивление подвергли ее грабежу по законам войны. По-видимому, в районе Дакивизы с близлежащими к ней Ритзионом и Никитиатой существовал своего рода «укрепленный район» Византии (см. рис. 3.2).

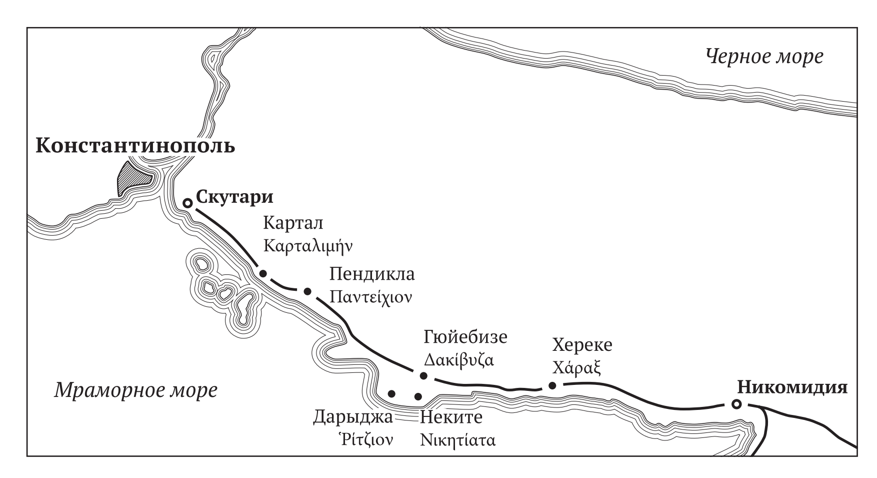

Рис. 3.2. Крепости на военной дороге между Скутари и Никомидией (картограф: О.Р. Шукуров)

Проблема с этим сообщением османских историков заключается в том, что земли Месофинии были захвачены у Византии еще османским эмиром Орханом (как Бидлиси справедливо и отмечает). В июне 1329 г. Андроник III и великий доместик Иоанн Кантакузин предприняли отчаянную попытку снять блокаду с Никеи, столь много значившей для византийцев той эпохи, и высадились в Месофинии с войском. Император потерпел поражение от турок у Пеликана и Филокрина (западнее Никомидии, у Дакивизы), однако, весьма вероятно, Месофиния осталась в руках византийцев[365]. Временем перехода Месофинии под османскую власть принято считать 1337 г., т.е. произошло это уже после падения Никомидии,

[365] *Cantac.* T. 1. P. 341–342; *Greg.* T. 1. P. 433–434; *Schreiner.* Kleinchroniken. Bd. 1. S. 78 (8.21); *Nikephoros Gregoras.* Rhomäische Geschichte. Bd. 1. S. 306–307; *Bosch U.V.* Andronikos III. Palaiologos… S. 152–153.

хотя у нас нет подробных сведений о ходе этого завоевания. В любом случае, примерно после 1337 г. Месофиния оказалась под прочным контролем турок. Ключ к решению данной проблемы дает Идрис Бидлиси, сообщая, что эти земли были потеряны османами в период Тимуровой смуты, т.е. после Анкарского сражения 1402 г.[366] Нет сомнений, что имеется в виду византийско-османский договор начала 1403 г.

О возвращении Византии земель в Анатолии сохранились глухие сведения в других источниках, которые, однако, невозможно растолковать без привлечения османских текстов. Так, в итальянском пересказе договора 1403 г. говорится: «...in Turchia queli castelli che tegniva lo imperador tuti li ho dadi»[367]. Несомненно, тут имеется в виду передача тех крепостей в Месофинии вплоть до османской Никомидии, о которых и говорят Идрис Бидлиси и Ашикпашазаде. У Халкокондила мы находим смутную ссылку на получение византийцами прибрежной территории в Азии[368]. Также и Дука сообщает для 1413 г., когда Мануил II и Мехмед I возобновляли мирный договор, что речь шла о правах византийцев на «всю Пропонтиду», очевидно указывая и на ее азиатский берег[369]. На отрывок из Халкокондила обратил внимание А. Вакалопулос, но затруднился объяснить его; Невра Неджипоглу характеризует византийские владения в Месофинии как «unidentified places in Anatolia»; Димитрис Кастрицис высказывается в том же ключе: «...nothing more is known of these castles which do not appear in any other source»[370]. Приведенное сообщение османских историков все ставит на свои места. Сулейман Челеби на самом деле передал Иоанну VII Месофинию с крепостями Хараксом, Дакивизой, Никитиатой, Ритзионом, Пантихионом и Карталименом.

Хотя нельзя исключать, что эти земли были отданы византийцам самим эмиром Тимуром еще в 1402 г., а Сулейман Челеби лишь подтвердил это в договоре. Эмир Тимур вел переговоры и заключал соглашение с Константинополем. При этом как греческие,

---

[366] Саадеддин также указывает на «Тимурову смуту» (فترت تيمورى), дополняя тем самым Ашикпашазаде, не сделавшего такого уточнения: *Saadeddin*. Tac-üt-Tevarih. C. 1. S. 295.

[367] *Dennis G.T.* The Byzantine-Turkish Treaty... P. 78 (4).

[368] *Chalc.* T. 1. P. 163: «...τήν τε Θέρμην τοῖς Ἕλλησιν ἀπέδωκε καὶ Ζητοῦνιν καὶ τὴν παράλιον τῆς Ἀσίας χώραν...».

[369] *Ducas.* XX.1 (p. 133): «...δοὺς ἅπαντα τὰ τοῦ Εὐξείνου Πόντου κάστρα καὶ τὰ πρὸς Θετταλίαν χωρία καὶ κάστρα καὶ τὰ τῆς Προποντίδος ἅπαντα...».

[370] *Bakalopulos A.* Les limites de l'Empire byzantin depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453) // BZ. 1962. Bd. 55/1. P. 60; *Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins... P. 33; *Kastritsis D.* The Sons of Bayezid... P. 54–55. Note 44.

так и персидские источники сообщают о том, что подразделения Тимура взяли Никомидию, а затем дошли до самой переправы в Константинополь, т.е. до Скутари. От Никомидии к Скутари вела единственная древняя магистраль, удобная для переброски войск к босфорскому побережью, как раз через перечисленные у Идриса Бидлиси крепости[371].

Желание византийцев в 1402–1403 гг. установить контроль над этими крепостями понятно: во-первых, тем самым они потенциально восстанавливали контроль над Пропонтидой и возможность закрыть ее для кораблей противника, а во-вторых, несомненно, они лелеяли надежду на развитие успеха при благоприятном стечении обстоятельств и на перенос борьбы в Анатолию. Но судьба не дала им такого шанса. Во время османской реконкисты только в Дакивизе византийский гарнизон активно сопротивлялся, дав османам одно из последних сражений в истории империи.

Относительно даты возврата этих крепостей Мехмедом I сохранились следующие сведения. В сочинении Саадеддина эти события даны под 822 г.х. (27.01.1419–16.01.1420)[372]. Идрис Бидлиси подтверждает эту датировку, привязывая события примерно к 1419 г., когда Мехмед I находился в Бурсе после подавления мятежа Берклюджи Мустафы (кон. 1418 г.). Османская кадастровая опись для Месофинии эпохи Мехмеда I, в которую включены и рассматриваемые нами территории между Никомидией и Скутари, как показала Ирен Бельдичеану-Штейнхер, скорее всего, датируется тем же 1419 г. (822 г.х.)[373]. Следовательно, данные территории были описаны османским финансовым ведомством сразу после их покорения. Взятие турками этих крепостей именно в 1419 г. легко объяснимо[374]. По всей видимости, это была карательная акция за поддержку греками Лже-Мустафы и Джунайда, восстававших в 1415–1416 гг. против власти Мехмеда I. Именно после этих восстаний отношение султана к византийцам переменилось на враждебное[375].

Согласно исследованию османского кадастра 1419 г. (tapu ve tahrir defter), проведенному Ирен Бельдичеану-Штейнхер, подавляющее большинство населения прибрежных районов составляли

[371] См.: *Ducas*. XVII.1 (p. 103); *Ali Yazdi.* The Zafarnamah by Maulana Sharafuddin Ali Yazdi / Ed. Mawlawi M. Ilahdad. Vol. 1–2. Calcutta, 1885–1888. Vol. 2. P. 454; *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne de Timur en Anatolie (1402). Bucureşti, 1942. P. 80–81.

[372] *Saadeddin*. Tac-üt-Tevarih. C. 1. S. 295.

[373] *Beldiceanu I.* La côte orientale de la mer de Marmara… P. 79.

[374] К. Фосс ошибочно датирует его 1421 г.: *Foss C.* Survey of Medieval Castles… P. 46.

[375] *Ducas*. XXII.7 (p. 161): «Μετὰ δὲ ταῦτα ἤρξατο ἐν κρυφῇ τρέφειν ἔχθραν κατὰ τῆς Πόλεως ἦν γὰρ ταῦτα κρύπτων εἰς βάθος ἀλλ᾽ οὐ φανερῶς τὸ παράπαν ἐδείκνυε».

греки[376]. Причем, как отмечает исследовательница, греческое население после 1419 г. обладало в Месофинии значительными налоговыми льготами, что хорошо объясняется ее недавним вторичным завоеванием османами. Преобладание греческого населения в Месофинии, возможно, указывает на намеренную эллинизацию региона византийской администрацией в 1403–1419 гг. в силу его стратегической значимости.

Даже если Месофиния и претерпела ускоренную эллинизацию в 1403–1419 гг., то это вряд ли отменяло сохранение ее старого тюркского населения, образовавшегося за почти 70 лет османского владычества — с 1337 по 1403 г. Логично было бы ожидать, что часть тюрков, оставшихся под властью империи на Балканах и в Анатолии после 1403 г., натурализовалась и интегрировалась в византийское общество. Разыскать этих тюрков пока не удается: известные мне греческие и османские источники молчат о них. Однако очевидно, что после 1403 г., с возвратом давно освоенных османами земель, Византия испытала последний в своей истории приток тюркского населения и вновь, как в прежние времена, располагала на своей территории общинами *византийских тюрков*.

Для периода византийского господства в Фессалонике в 1403–1423 гг. вопрос о судьбе турок, оседавших в городе в предшествующие десятилетия, поставила в своей работе Невра Неджипоглу. Как показала исследовательница, те турки, которые имели на территории города недвижимость в частной собственности, сохранили ее и, следовательно, остались там. Более того, в византийской Фессалонике османы настояли на учреждении шариатских судов кадиев, чтобы рассматривать дела между мусульманами[377]. Собранный Н. Неджипоглу материал однозначно относится не к тем туркам, которые перешли в подданство Византии, но к подданным османского султана, т.е. к иностранцам, находившимся на территории империи. Скорее всего, речь идет о довольно крупных собственниках, которые предпочли покровительство османского султана.

У нас нет подобных данных о судьбах старого тюркского населения Месофинии, хотя очевидно, что в 1403–1419 гг. там, наряду с эллинизацией, проходил и неизбежный процесс его инкорпорации в византийское правовое поле. Тут можно сделать одно осторожное предположение. По данным османских кадастров, довольно скоро после рассматриваемых событий — в 1430-х гг. — из Месофи-

[376] *Beldiceanu I.* La côte orientale de la mer de Marmara… P. 79.
[377] *Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins… P. 56–83, 101–102.

нии в Албанию было переселено множество тимариотов[378]. Не были ли они теми самыми *византийскими тюрками*, которых османы посчитали за благо переселить ради обеспечения их полной лояльности? Вероятно, эти тимариоты или какая-то их часть были остаточным следом натурализации старого тюркского населения Месофинии византийской властью в 1403–1419 гг.

* * *

Как кажется, *византийская* история анатолийских крепостей в Месофинии на обсужденном турецком походе 1419 г. все же не завершилась. В конце рассказа Ашикпашазаде содержится одно загадочное замечание, отсутствующее у Бидлиси, объяснений которому у нас пока нет. Хотя это замечание стилистически и небезупречное, его смысл однозначен [379]:

الحاصل بو دکز کنارنده کافر حصارجقلریکم واردر شمدی یه دکین کاه مسلمانلره دونردی وکاه کافره دونردی، تا مراد خان اوغلی محمده دکین٠

Перевод: «Итак, какие-то из этих мелких крепостей неверных, что на берегу моря, до сего дня подчинялись временами мусульманам, а временами подчинялись неверным — [т.е.] до времени Мурадова сына Мехмеда».

Естественно, под «неверными» тут надо понимать христиан-византийцев, а под «Мурадовым сыном Мехмедом» — Мехмеда II (1444–1446; 1451–1481). Если верить Ашикпашазаде, то упомянутые выше крепости после их взятия Мехмедом I и вплоть до правления Мехмеда II время от времени оказывались в руках византийцев. Саадеддин точно так же понял этот отрывок из Ашикпашазаде: он лишь пространно пояснил, что крепости окончательно покорил именно Мехмед II, однако каких-либо значимых подробностей об этом не привел[380]. Как видно, следует продолжить поиск в источниках более подробных сведений о связи между Константинополем и крепостями Месофинии в период между 1419 и 1453 гг.

[378] *Beldiceanu I.* La côte orientale de la mer de Marmara… P. 80.

[379] *Aşıkpaşazade*. Tevarih-i al-i Osman. P. 94; *Ašikpaša-zade.* S. 133.

[380] Ср.: *Saadeddin*. Tac-üt-Tevarih. C. 1. S. 296:

عاقبت ظهور جاه و جلال و طلوع کوکب اقبال سلطان غازی ابو الفتوحات و المغازی فاتح قسطنطینیه سلطان محمد خان بن سلطان مراد خان البسهما الله تعالی حلل الرحمة والرضوان اول اطراف و نواحیدن تیغ آتشناك مصباحی ایله ظلام ظلمی و چرك شرکی رخی اولوب رایات سعادت آیات اسلامی اول ولایاتده منصور و تصرف اهل اسلامه منسوب و ممالك عثمانیه دن محسوب ایلدی٠

Глава IV
ТЮРКИ В БАЛКАНСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Восточная антропонимика и топонимика, в сопряжении с традиционными документальными и повествовательными источниками, позволяют отчасти реконструировать демографию византийских тюрков. Наиболее детальная картина их расселения в западновизантийских землях в доосманскую эпоху может быть воссоздана для византийских провинций Македонии в силу относительной многочисленности документальных источников. Эта область дает нам наиболее сбалансированную информацию о численности, особенностях расселения и социальной структуре местного византийского населения. Во многих случаях эти демографические данные достаточны для статистических оценок.

Именно поэтому Македония является наиболее изученным и изучаемым регионом поздней Византии, описанным с разных точек зрения в целом ряде монографических исследований. География, экономика, демографические процессы в данном регионе, а особенно в его южной и юго-восточной частях (Халкидика, нижнее течение Стримона), анализировались весьма детально[1]. Ниже

[1] Литература по поздневизантийской Македонии исключительно обширна, здесь перечислены лишь главные исследования: DöSch; *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949; *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. P. 259–368; *Хвостова К.В.* Особенности аграрно-правовых отношений в Поздней Византии (XIV–XV вв.). М., 1968; *Она же.* Судьбы парики и особенности налогообложения в Византии // ВВ. 1978. Т. 39. С. 54–75; *Она же.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 63–148; *Laiou A.E.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977; *Lefort J.* Habitats fortifiés en Macédoine orientale au Moyen Age // Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Lyon, 1983. P. 99–103; *Idem.* Radolibos: population et paysage // TM. 1985. T. 9. P. 195–234; *Idem.* De Bolbos à la Plaine du Diable, recherche topographique en Chalcidique byzantine // TM. 1979. T. 7. P. 465–489; *Idem.* Population and Landscape in Eastern Macedonia during the Middle Ages: The Example of Radolibos // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Eds. A. Bryer, H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. P. 11–21; *Idem.* Population et peuplement en Macédoine orientale, IXe–XVe siècle // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. 2. P., 1991. P. 63–82; *Kondov N.* Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus die Gebiet des Unteren Strymon in der erstern Halften des XIV. Jahrhunderts // Études balkaniques. 1965. T. 2–3. S. 261–272; *Idem.* Das Dorf Gradec. Die demographisch-wirtschaftliche Gastalt eines Dorfes aus dem Gebiet des unteren Strymon von Anfang des 14. Jahr-

я попытаюсь обрисовать этническую ситуацию в Македонии в ракурсе присутствия тюркского субстрата, который систематически прежде не исследовался. Причем, как мы увидим, случай Македонии весьма характерен для византийской ситуации в целом и может быть экстраполирован на некоторые другие территории.

Моя задача облегчается несколькими недавними исследованиями. Тут следует упомянуть статью П.И. Жаворонкова о тюркской аристократии в поздневизантийскую эпоху, которая анализирует преимущественно материал греческих нарративных источников[2]. Исследование Зорицы Джокович явилось первой обобщающей работой, изучающей поздневизантийскую антропонимику Восточной Македонии как источник по этнической истории региона[3]. Эта работа наиболее ценна выделением в общем комплексе имен славянских антропонимов. В ней также делается попытка описать и другие этнические группы: албанцев, влахов, тюрков. Однако именно в отношении последних исследование З. Джокович наиболее уязвимо и неполно, что лишний раз подтверждает насущную необходимость настоящего анализа.

Таким образом, обсуждение демографии византийских тюрок я начну с ситуации в Македонии, которая поможет разобраться в демографических данных других частей империи. Другие регионы, относительно которых сохранились значимые демографические свидетельства, — Константинополь и Лемнос — также будут рассмотрены в данной главе.

---

hunderts // Études balkaniques. 1971. T. 7. S. 31–55; 1977. T. 13. S. 71–91; *Jacoby D.* Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe et XIVe siècles // Études rurales. 1962. T. 5–6. P. 163–186; *Idem.* Foreigners and the Urban Economy in Thessalonike, ca. 1150 — ca. 1450 // DOP. 2004. Vol. 57. P. 85–132; *Karlin-Hayter P.* Les Catalans et les villages de la Chalcidique // Byzantion. 1982. T. 52. P. 244–263; *Kravari V.* L'habitat rural en Macédoine occidentale (XIIIe–XIVe siècles) // Byzanz als Raum: Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraums / Hrsg. K. Belke et al. Wien, 2000. P. 83–94; *Smyrlis K.* The First Ottoman Occupation of Macedonia (ca. 1383 — ca. 1403): Some Remarks on Land Ownership, Property Transactions and Justice // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500: Aspects of Cross-Cultural Communication / Eds. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Chr.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008. P. 327–348.

[2] *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии (XIII — середина XIV в.). Часть первая: тюркская аристократия // ВВ. 2006. Т. 65. С. 168–169.

[3] *Đoković Z.* Stanovništvo istočne Makedonije u prvoj polovini XIV veka // Зборник радова Византолошког института. 2003. Т. 40. С. 97–244; *Ђоковић З.* Проучавање словенске антропонијске грађе у практицима XII и XIII века // Зборник радова Византолошког института. 2006. Т. 43. С. 499–516.

1. Византийская Македония

В случае византийской Македонии весьма примечательным и важным является следующее обстоятельство: если обозначить на географической карте места расселения носителей восточных имен, то становится очевидным, что распространение их в Македонии не было равномерным. Эти места довольно явственно образуют на карте серию компактных районов. Выделяются следующие области концентрации носителей восточных антропонимов в Македонии: Нижний Стримон и Серры, Веррия и окрестности озера Яница, долины рек Вардар и Струмица, Каламария в Халкидике, а также Иериссос и берега озера Вольви, города Фессалоника и Константинополь. Ниже будут описаны наиболее важные из этих регионов (рис. 4.1).

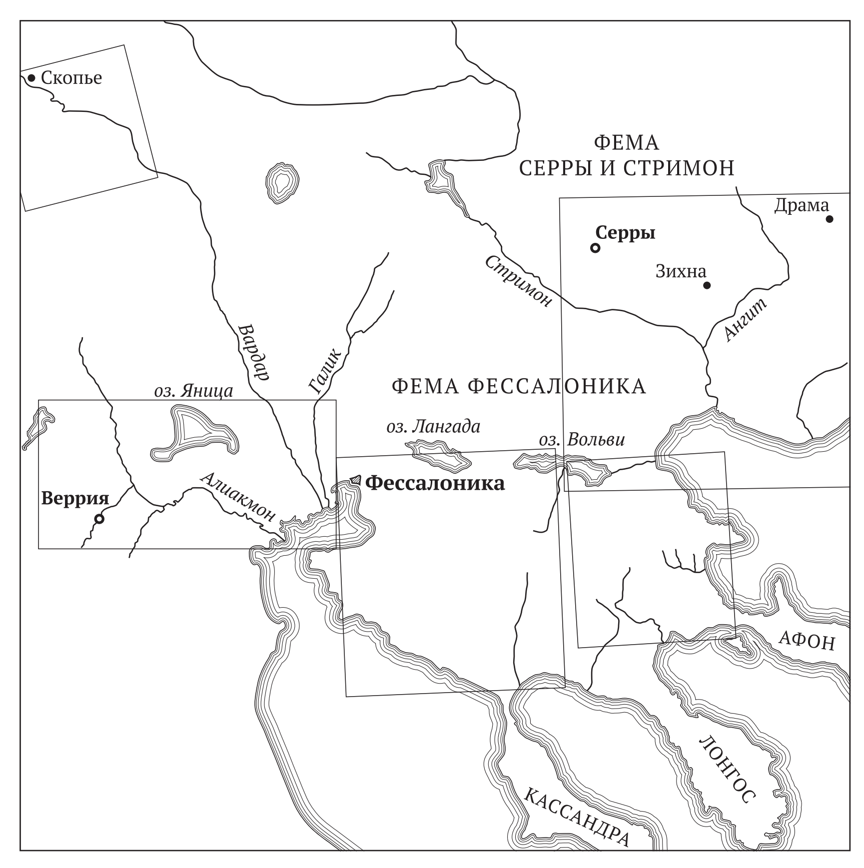

Рис. 4.1. Зоны расселения тюрков (картограф: О.Р. Шукуров)

Македонская микротопонимика в полной мере соответствует данным антропонимики. Топонимы можно разделить на две группы. Во-первых, это кыпчакские топонимы:

Команиц (Κομανίτζης), 1325–1338 гг., к северо-востоку от Веррии, топоним, возникший от имени бывшего землевладельца[4].

Кумански Брод, 1300 г., точная локализация неизвестна, в окрестностях Скопье, в долине реки Вардар[5].

Куманци, 1481 г., Западная Македония, микротопоним в Спанци (ныне Фанос, 20 км к юго-востоку от Флорины)[6].

Куманичево, 1372–1375 гг., в южной части долины Вардара[7].

Куманова, 1467–1468 гг., 23 км к юго-востоку от Скопье, современное название — Гумалево[8].

Вторая группа названий, вероятно, отражает присутствие в Македонии тюрков из Анатолии:

Γαζῆς (← араб. غازى *ghāzī*), кон. XIII — нач. XIV в., местечко возле Русеу в Каламарии, вероятно, названо по имени бывшего прониара; к 1327 г. местечко принадлежало компании солдат Βαρβαρηνοί[9].

Κουμουτζούλου, Κουμουντζούλου (← тюрк. *kümcülü* «имеющее зарытый клад», где *kümcü* ← *kümüncü* «зарытый клад»[10]; ср. осм. *gömü* «зарытое сокровище»), 1301 г. — сер. XV в., поблизости от Неохоракия в Каламарии[11].

Μελίκι (← тюрк. *melik*, в тюрк. перешло через перс. из араб. ملك *malik* «царь»), кон. XIII — XIV в. (?), к востоку от Веррии, вероятно, названо по имени бывшего прониара[12].

Следующие микротопонимы могли быть привнесены как кыпчаками, так и анатолийскими тюрками:

Τουρκοχώριον («тюркская деревня»), XIV в. (?), современное название — Патрис, в 5 км к северо-западу от Веррии, у подножия Вермиона[13].

Τουρκοχώριον, ок. 1302 г., вероятно, поблизости от Гаврианы в Каламарии. Локализация топонима спорна. Ж. Лефор располагает

[4] *Kravari V.* Villes et villages de Macédoine occidentale. P., 1989. P. 76–78; PLP. № 11999.

[5] *Kravari V.* Villes et villages… P. 133.

[6] Ibid. P. 333.

[7] Ibid. P. 133.

[8] Ibid. P. 132.

[9] ADoch. № 18.13 (p. 142), p. 140; *Lefort J.* Villages de Macédoine… P. 139.

[10] *Clauson*. P. 722.

[11] *Lefort J.* Villages de Macédoine… P. 83–84.

[12] *Chionides G.* Ιστορία της Βεροίας, της πόλεως και περιοχής. Θεσσαλονίκη, 1970. Σ. 103, 161; AVat III. Σ. 68 (карта).

[13] *Kravari V.* Villes et villages… P. 91.

его к западу от Фессалоники[14]. Однако один из актов Лавры (chrysoboullon sigillion Андроника II Палеолога) упоминает его вместе с Гаврианой (τὴν Γαβρίανην καὶ τὸ Τουρκοχώριον); важно то, что все населенные пункты, упомянутые в хрисовуле, относятся исключительно к Каламарии[15]. Издатели актов Лавры локализуют Τουρκοχώριον в Каламарии[16]. Я присоединяюсь к последнему мнению, предполагая, что он находился где-то рядом с Гаврианой.

Наконец, Βαρβαρίκιον, XIV в., микротопоним в деревне Криа Пигадия в Каламарии[17], который, вероятно, произошел от компании солдат Βαρβαρηνοί (см. гл. III, разд. 3).

Примечательно, что кыпчакские топонимы в основном относятся к северной и западной частям Македонии, в то время как анатолийские топонимы встречаются исключительно в южных регионах, особенно вокруг Веррии и Каламарии. Свидетельства топонимики и антропонимики согласуются и подтверждают друг друга, хотя часто неясно, когда возник тот или иной топоним. Топонимы принадлежат к трем регионам из обозначенных антропонимикой: к районам Каламарии, Веррии и Вардара-Струмицы.

2. Нижний Стримон и Серры

Хотя в источниках не сохранилось топонимов тюркского происхождения для Нижнего Стримона и Серр, концентрация тюркских поселенцев, как кажется, там была одна из самых высоких в Македонии: 30% всех ее восточных имен локализуется именно здесь. Восточные иммигранты составляют около 1,7% от общего числа имен, зарегистрированных в PLP для этого региона. Тут представлены как «скифы», так и «персы», но с некоторым преобладанием последних: соотношение между кыпчаками и анатолийскими тюрками составляет примерно 2:3. Местности, в которых фиксируются выходцы с Востока, обозначены на рис. 4.2.

Среди кыпчакских имен следует отметить Κόμανος (Радоливо, Лемин)[18], Κομανίτζης (Радоливо)[19], Κομάνα (Мелициани)[20]; вероятно,

---

[14] *Lefort J.* Villages de Macédoine… P. 61, 62. Note 2, 110.
[15] ALav. T. 2. № 94.23 (p. 123).
[16] ALav. T. 4. P. 91–92, 98, 151, 156.
[17] ALav. T. 2. № 108.485 (p. 202); T. 4. P. 98; *Lefort J.* Villages de Macédoine… P. 90.
[18] PLP. № 12004, 12005, 12007.
[19] PLP. № 12000–12002.
[20] PLP. № 11997.

Рис. 4.2. Нижний Стримон, Серры, Зихна, Драма
(картограф: О.Р. Шукуров)

к той же группе принадлежат и Καζανία (Луковикея)[21], **Коүмань** (Кастрин)[22], **Кꙋмань** (Кастрин)[23], **Коста Кꙋмичанинь** (Мунцени)[24].

Имена Ἀβραμπάκης (Серры)[25], **Сиригань Гази** (Кастрин)[26], Κατζάριος (Мелициани)[27], Μασγιδᾶς (Серры, Коцакий, Св. Продром, Малу-

[21] PLP. № 10116; вероятно, Καζανία является ж. р. от Καζάνης (← тюрк. *kazan* «котел»).

[22] *Мошин*. Акти. С. 206.30.

[23] Ибид. С. 207.139.

[24] Ибид. С. 210.333.

[25] PLP. № 60.

[26] *Мошин*. Акти. С. 208.171–172; возможно, то же лицо упомянуто в: ADoch. № 18.13, а также р. 140; в PLP не зафиксирован.

[27] PLP. № 11492. Κατζάριος ← тюрк. *kaçar/qacar* «движущийся быстро, бегущий», возможно, от туркменского племенного имени *Qajar* (см.: *Sulejman Efendi*. Čagataj-Osmanisches Wörterbuch. S. 112).

ка)[28], Μελίκης (Каменикея)[29], Σουλιμᾶς (Доксобус)[30], Τουρμπασᾶς (Радоливо) принадлежали анатолийским тюркам[31]. В историческом сочинении Йазыджизаде ʿАли содержатся имена двух членов аристократической семьи Султанов (Δημήτριος и Μιχαήλ; ديمترى سلطان *Dīmitrī Sulṭān*, ميخو سلطان *Mīkhū Sulṭān*), жителей Зихны после 1387 г., связанных родственными узами с семьей Лизиков (Λυζικοί)[32].

Σαρακηνός (Мелициани, Эвнуху, Серры)[33] и Σαρακηνόπουλος (Хрисополь)[34], Δαμασκηνός (Драма)[35], двое представителей семейства Ἀπελμενέ[36], а также **Коста Гамаль**[37] были выходцами с арабского Востока; Βαρβαρηνός (Пинарион/Эдарокастрон)[38], вероятно, являлся одним из солдат Βαρβαρηνοί.

Численная пропорция азиатских поселенцев по отношению к местным грекам и славянам представлена в табл. 2.

В связи с расселением тюрков можно отметить одну важную особенность: не исключено, что тюркских поселенцев намеренно расселяли ближе к морю и подальше от основных городских центров региона — Серр, Зихны и Драмы.

Нижний Стримон известен как регион, где власти расселяли солдат и наемников, как это было в случае с *прозалентами*, гребцами флота, которым были даны земли к востоку от устья Стримона[39]. Весьма интересно, что парик Γεώργιος Βαρβαρηνός, возможно, принадлежал к солдатской компании Βαρβαρηνοί и жил в прибрежном Пинарионе недалеко от устья Стримона. Не исключено, что тюркам, так же как и арабам и Βαρβαρηνοί, там были выделены земли в качестве платы за службу.

---

[28] PLP. № 17216, 17219, 17221, 17222, 94097.

[29] PLP. № 17787.

[30] PLP. № 26329–26330. По всей видимости, Σουλιμᾶς ← араб. سليمان *sulaymān* «Соломон» (*Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 286).

[31] PLP. № 29194. Τουρμπασᾶς ← тюрк. *turum* или *turun* «похожий на жеребца» (см.: *Clauson*. P. 549; *Sulejman Efendi*. Čagataj-Osmanisches Wörterbuch. S. 197) + тюрк. *paşa* «вождь, предводитель» (← перс. پاشا *pāshā*, сокращенная форма от پادشاه *pādshāh* «царь»).

[32] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 410b; *Wittek P.* Yazijioghlu ʿAli… P. 650–651; *Idem.* Les Gagaouzes… P. 19ff. Лизики, вероятно, изначально были славянами: *Đoković Z.* Stanovništvo istočne Makedonije… S. 202.

[33] PLP. № 24860, 24861, 24863, 24864.

[34] PLP. № 24856.

[35] PLP. № 5043.

[36] PLP. № 1153, 1156.

[37] PLP. № 2625, 2166, 2165; *Мошин*. Акти. С. 210.299–300.

[38] PLP. № 2166.

[39] *Bartusis M.* The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. P. 48–49.

Таблица 2

Восточные иммигранты на Нижнем Стримоне, в Серрах, Зихне и Драме

Место	Число жителей, упомянутых в PLP	Восточные иммигранты	%
Доксобус	183	2	1
Драма	19	1	5,2
Зихна	148	2	1,3
Каменикея	28	1	3,5
Кастрин	215	5	2,3
Коцакий	5	2	40
Лемин	21	2	9,5
Луковикея	7	1	14,2
Малука	32	1	3,1
Мелициани	126	4	3,1
Мунцени	38	1	2,6
Радоливо	620	9	1,4
Серры	1626	9	0,5
Хрисополь	12	1	8,3
Эвнуху	28	1	3,5

3. Каламария в Западной Халкидике

Каламария демонстрирует достаточно высокий уровень концентрации тюрков — примерно 16% от общего числа восточных имен Македонии (рис. 4.3). Вместе с тем выходцы с Востока составляют всего лишь 1% от общего числа лиц, упомянутых для Каламарии в PLP.

Присутствие кыпчаков в Каламарии удостоверяется именами Κόμανος (Велона, Панагия)[40] и Κομάνα (Стомион)[41]. Анатолийские тюрки и тут более многочисленны: Ἀναταυλᾶς (Портарея)[42], Ἰαού-

[40] PLP. № 93833, 12012.
[41] PLP. № 11998.
[42] PLP. № 869, 871.

Рис. 4.3. Каламария (картограф: О.Р. Шукуров)

πης (Сарантареа)[43], Ἰαγούπης (Св. Парамон)[44], Μασοῦρος (Пасхалия)[45], Μουρτάτος (Эрмилия)[46]. Имена Τοῦρκος (Агия Триас, Афетос, Като Волво)[47], Τουρκίτζη (Дримосита)[48], Τουρκόπουλος (Пинсон)[49] могли принадлежать как кыпчакам, так и анатолийским тюркам.

[43] PLP. № 7816.

[44] PLP. № 7824.

[45] PLP. № 17232. Μασοῦρος ← араб. منصور *manṣūr* «победоносный». Ср. то же имя в: *Nicéphore Bryennios*. Histoire / Éd. P. Gautier. Bruxelles, 1975. IV.2 (p. 259.20): Μασούρ; *Pachym*. X.25 (t. 4, p. 359.14): Μασούρ.

[46] PLP. № 19535.

[47] PLP. № 29186, 29190.

[48] PLP. № 29169.

[49] PLP. № 29182.

Антропонимические данные находят подтверждение в топонимике, указывающей как на кыпчакских, так и на огузских поселенцев: Τουρκοχώριον, Κουμουτζούλου, Γαζῆς, в то время как Βαρβαρίκιον мог быть связан с поселением выходцев из Магриба (см. разд. 1 настоящей главы). Знаменательно, что эти топонимы локализуются в тех же областях, где, по данным антропонимики, были расселены восточные иммигранты. Как видно на карте, тюркские поселенцы располагаются в юго-западной части Каламарии, ближе к прибрежным районам. Мы видим ту же логику, что и в случае с Нижним Стримоном: византийские власти, по-видимому, намеренно расселяли тюрков подальше от Фессалоники — второго по важности города после Константинополя.

Численное соотношение между азиатскими поселенцами и местным населением по деревням дано в табл. 3.

Таблица 3

Восточные иммигранты в Каламарии

Место	**Число жителей, упомянутых в PLP**	**Восточные иммигранты**	**%**
Агия Триас	61	1	1,6
Велона	11	1	9
Гурны	28	1	3,5
Дримосита	115	1	0,8
Като Волво	123	1	0,81
Линоврохий	6	1	16,7
Панагия	37	1	2,7
Пасхалия	19	1	5,3
Пинсон	92	1	1
Портарea	36	3	5,5
Русеу	21	2	9,5
Сарантарea	50	1	2
Св. Мамант	33	1	3
Св. Парамон	3	1	33
Стомион	59	1	1,6
Эрмилия	184	1	0,5

4. Восточная Халкидика

Другим районом концентрации восточных иммигрантов была восточная часть Халкидики, особенно деревни Иериссос, Камена, Контогрик, Металлин, Селада. Выходцы с Востока жили в гористом районе между Иериссосом и озером Вольви (рис. 4.4). Δαμασκὼ (т.е. «из Дамаска», Иериссос), возможно, был иммигрантом из Сирии[50]. Αλανός, упомянутый в Иериссосе до 1341 г., вероятно, был из аланских наемников начала XIV в. или, что вероятнее, потомком такого наемника[51].

В этом районе мы вновь видим смешение анатолийских и кыпчакских имен. Например, Βασίλειος Ἀμελγαζᾶς (Селада)[52], скорее всего, был анатолийского происхождения. Кыпчакское присутствие запечатлено именами Κόμανος (Контогрик[53], Металлин[54]), Ἰωάννης Κόμανος (Селада)[55], Γεώργιος Καζάνης (Камена)[56]. Интересно отметить также, что документы фиксируют тут двух париков с прозвищем Αἰγύπτιος (оба из Иериссоса)[57], что указывает на наличие в регионе цыган[58].

Для данного региона также зафиксировано присутствие представителей знатных родов анатолийского происхождения: землевладелец и воин «великой аллагии» Γαζῆς (Лозикий)[59] и землевладелец Ἀναταυλᾶς (Лозикий)[60].

Возможно, что некоторые имена, появившиеся в Восточной Халкидике в XV в., принадлежат тем, кто переселился сюда в ходе османских завоеваний: Γιάκσσα (Сидерокавсия, 1445 г.)[61], Σάρσστζα (Иериссос, 1445 г.)[62] и Μουσταφάς (Иериссос, 1454 г.)[63]. Тюркские по

[50] PLP. № 5047.
[51] PLP. № 546.
[52] PLP. № 91157.
[53] PLP. № 12006.
[54] PLP. № 12008.
[55] PLP. № 12011.
[56] PLP. № 93676.
[57] PLP. № 438, 91095.
[58] О цыганах на византийских землях см.: *Soulis G.C.* The Gypsies in the Byzantine Empire and the Balkans in the Late Middle Ages // DOP. 1961. Vol. 15. P. 141–165, особенно p. 148f.; *Fraser A.* The Gypsies. Oxford; Cambridge (MA), 2003. P. 45–59; *Đoković Z.* Stanovništvo istočne Makedonije… S. 177.
[59] PLP. № 3444.
[60] PLP. № 868.
[61] PLP. № 4155.
[62] PLP. № 24941. Σάρσστζα ← тюрк. *sarsac* «скворец», ср. осм. *sığırcık*, см.: *Sulejman Efendi.* Čagataj-Osmanisches Wörterbuch. S. 167.
[63] PLP. № 94212.

Рис. 4.4. Восточная Халкидика (картограф: О.Р. Шукуров)

происхождению имена Γιάκσσα и Σάρσστζα могли принадлежать анатолийским кочевникам, переселенным османами в Македонию.

Пропорция между тюркскими поселенцами и местным населением представлена в табл. 4.

Как видно из таблицы, самый высокий процент азиатских иммигрантов регистрируется для внутренних земель региона — в деревнях Лозикий и Сидерокавсия, что отличается от отмеченной выше тенденции к расселению тюрков в прибрежных областях.

Таблица 4

Азиатские иммигранты в Восточной Халкидике

Место	Число жителей, упомянутых в PLP	Восточные иммигранты	%
Иериссос	1219	6	0,5
Камена	32	1	3,1
Контогрик	110	1	0,9
Лозикий	14	2	14,3
Металлин	73	1	1,3
Селада	332	2	0,3
Сидерокавсия	17	1	5,8

5. Веррия и озеро Яница

Этот район можно разделить на две подобласти: первая — вокруг Веррии, вторая — у озера Яница. Наивысший уровень концентрации тюркских имен демонстрирует регион Веррии. Он, вероятно, был заселен как кыпчаками, так и анатолийскими тюрками. Топоним *Команиц* (Κομανίτζης), происходивший от имени бывшего владельца и локализуемый к северо-востоку от Веррии (см. выше), указывает на присутствие там кыпчаков. Любопытно, что тюркский переселенец парик Νικόλαος Τοῦρκος был жителем Команица в 1338 г.[64] Если это не было простой случайностью, то, возможно, мы видим свидетельство того, что прозвище Τοῦρκος применялось в повседневном языке и к половцам.

Вместе с тем большая часть выходцев с Востока, вероятно, были иммигрантами из Анатолии. Некоторые члены семьи султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II были расселены византийскими властями в регионе Веррии: мать султана Προδουλία/Bardūliya, возможно, его жена, сестра, дочь и сын Константин Мелик были жителями этого города (см. гл. III). Скорее всего, другие азиатские жители Веррии (Μυσούρης[65], Μελίκ[66] и Ἀστραπύρης Μελίκης[67]) также были анатолийскими тюрками или их потомками. Местечки Τουρκοχώριον

[64] PLP. № 29191.
[65] PLP. № 19898. Μυσούρης ← араб. منصور *mansūr* «победоносный» (ср. со сн. 45).
[66] PLP. № 17784, 92662.
[67] PLP. № 1597.

и Μελίκι, как видно, получили свои имена от тюрков анатолийского происхождения.

В регионе Веррии и болотистой местности неподалеку от озера Яница располагались земельные участки, принадлежавшие семейству Султанов, которое, весьма вероятно, было связано с сельджукским правящим домом: Θεοδώρα Μονομαχίνα Σουλτανίνα (Веррия)[68], Ξένη Σουλτανίνα Παλαιολογίνα (Несион, Ресене)[69], Ἀθανάσιος Σουλτάνος (Комaниц)[70], Ἀλέξιος Σουλτάνος Παλαιολόγος (Несион)[71], Δημήτριος Σουλτάνος Παλαιολόγος (Ресене)[72], Σουλτάνος Παλαιολόγος (Веррия)[73]. Возле озера Яница были расположены также владения аристократической семьи Лизиков, имевшей родственные связи с Султанами; Веррия была родиной Георгия Лизика (Γεώργιος Λυζικός)[74].

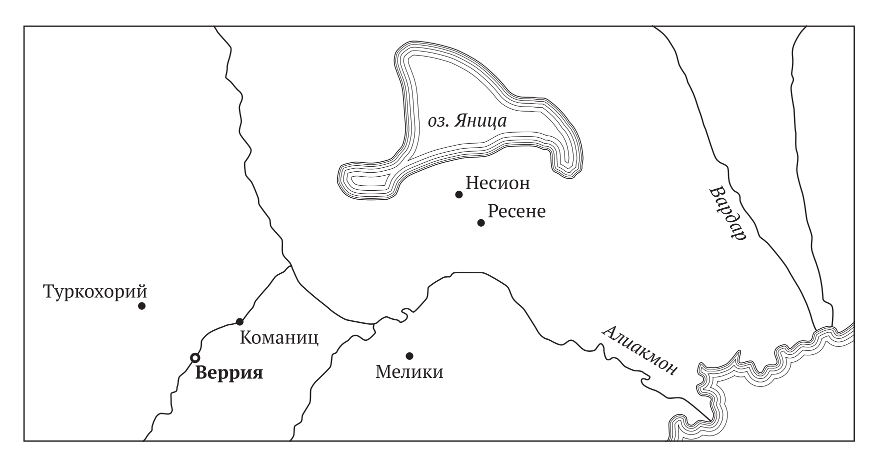

Рис. 4.5. Веррия и озеро Яница (картограф: О.Р. Шукуров)

Следует отметить, что Ἀθανάσιος Σουλτάνος, происходя, несомненно, из Анатолии, владел землей в Команице, получившем название от имени своего бывшего половецкого владельца. Если это место действительно принадлежало славянизированному половцу, а затем было передано анатолийскому тюрку, то в этом можно усмотреть некую преемственность: возможно, традиционно этот район был предназначен для наделения землями тюркских мигрантов.

[68] PLP. № 26335.
[69] PLP. № 26336.
[70] PLP. № 26337.
[71] PLP. № 26338.
[72] PLP. № 26340.
[73] PLP. № 26341.
[74] PLP. № 15196.

Пропорция между восточными иммигрантами и местным населением отражена в табл. 5.

Таблица 5

Восточные иммигранты в районе Веррии и озера Яница

Место	Число жителей, упомянутых в PLP	Восточные иммигранты	%
Веррия	194	15	7,7
Команиц	2	2	100
Несион	12	1	8,3
Ресене	2	2	100

Восточные имена в этом регионе составляют 15% от списка для всей Македонии и 8% от общего числа жителей области, зарегистрированных в PLP. Это самый высокий показатель. Вполне возможно, это объяснялось тем, что область Веррии и, в особенности, болота неподалеку от озера Яница традиционно использовались для расселения тюркских иммигрантов. С другой стороны, высокий процент известных выходцев с Востока может объясняться и тем фактом, что большинство из упомянутых в этом регионе восточных имен принадлежали известным аристократическим семьям (Султаны, Мелики, Лизики), которые упоминались непропорционально часто в сравнении с простолюдинами.

6. Долина Вардара, Скопье, Струмица

Как представляется, выходцы с Востока в этой области были преимущественно кыпчаками. Топонимика окрестностей Скопье и реки Вардар указывает исключительно на половцев: Кумански Брод близ Скопье (в долине реки Вардар), Куманичево в южной части долины Вардара, Куманова к юго-востоку от Скопье (см. об этих топонимах выше).

Азиатские иммигранты в Палеокастроне (район Струмицы) были также, скорее всего, кыпчакского происхождения: Κόμανος[75], две женщины по имени Κομάνκα[76] и, весьма вероятно, Τουρκόπουλος[77].

75 PLP. № 93832.
76 PLP. № 93830–93831.
77 PLP. № 29178.

Рис. 4.6. Скопье и долина р. Вардар (картограф: О.Р. Шукуров)

Однако среди восточных иммигрантов были и анатолийцы. Например, Ἰσάχας (Пелагония)[78] был, скорее всего, выходцем из Анатолии.

Таблица 6

Восточные иммигранты в долине Вардара

Место	**Число жителей, упомянутых в PLP**	**Восточные иммигранты**	**%**
Палеокастрон	186	4	2,1
Пелагония	7	1	14

[78] PLP. № 92115; Ἰσάχας ← араб. اسحاق *isḥāq* (библ. *Исаак*).

Кроме того, в X в. в долине Вардара, по всей вероятности, были расселены венгерские иммигранты, из которых формировалось подразделение императорских телохранителей и которых именовали Τοῦρκοι Βαρδαριῶται, т.е. «тюрки-вардариоты»[79]. В источниках XIII и XIV вв. тюрки-вардариоты продолжают упоминаться как одно из подразделений дворцовой гвардии[80]. Если принять во внимание имеющуюся информацию об этническом составе населения этого региона и соседних с ним районов, то представляется маловероятным, чтобы в XIV в. вардариотская гвардия продолжала оставаться венгерской или же состояла из потомков венгров. Опираясь на обсуждаемую ономастику региона, можно предположить, что по меньшей мере в XIII и XIV вв. солдаты-вардариоты были либо кыпчаками, либо анатолийскими тюрками, которые с течением времени заменили венгров, но сохранили традиционное название Τοῦρκοι Βαρδαριῶται. Не исключено, что понятие Τοῦρκοι Βαρδαριῶται в то время носило сугубо территориальный смысл и подразумевало компактно проживающую группу поселенцев смешанного происхождения, которые традиционно зачислялись в отряды дворцовой гвардии[81]. Как представляется, тюрки-вардариоты занимали Нижний Вардар ближе к Фессалонике, однако точную локализацию в настоящее время дать невозможно[82].

Существует один серьезный аргумент в пользу анатолийского происхождения тюрков-вардариотов XIII–XIV вв. В XIV в. Псевдо-Кодин сообщал, что во время рождественских праздников в императорском дворце они славили василевса «на языке их древней родины, то есть по-персидски» (κατὰ τὴν πάλαι πάτριον καὶ τούτων φωνήν, ἤτοι Περσιστί)[83]. В другом месте этот же автор вновь связывает тюрков-вардариотов с «Персией», отмечая, что они носили

[79] *Janin R.* Les Turcs Vardariotes // Écho d'Orient. 1930. T. 29. P. 437–449; *Kyriakides S.* Η Αχριδώ και η επισκοπή της — οι Τούρκοι Βαρδαριώται // Επιστημονικές Επετηρίδες Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1939. Τ. 3. Σ. 513–520; *Laurent V.* Ὁ Βαρδαριωτῶν ἤτοι Τούρκων. Perses, Turcs asiatiques ou Turcs hongrois? // Сборникъ въ паметъ на проф. Петъръ Никовъ. София, 1940. P. 275–288; *Konidares G.I.* Η πρώτη μνεία της επισκοπής Βαρδαριωτών Τούρκων υπό τον Θεσσαλονίκης // Θεολογία. 1952. Τ. 23. Σ. 87–94, 236–238; *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 1. S. 87, 322; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. B.; Amsterdam, 1967. T. 1. P. 304; *Oikonomidès N.* Vardariotes–W.l.nd.r–V.n.nd.r: Hongrois installés dans la vallée du Vardar en 934 // Südost-Forschungen. 1973. Bd. 32. P. 1–8 (repr.: *Idem.* Documents et études sur les institutions de Byzance (VIIe–XVe s.). L., 1976); *Kazhdan A.* Vardariotai // ODB. P. 2153.

[80] *Acrop.* Vol. 1. P. 131.26–28; *Pachym.* IV. 29 (t. 2, p. 417.3).

[81] *Janin R.* Les Turcs Vardariotes… P. 447.

[82] *Charanis P.* The Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire // Comparative Studies in Society and History. 1961. Vol. 3/2. P. 148; *Vryonis*. Manpower. P. 138.

[83] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 210.7–8; *Pseudo-Kodinos* (Macrides). P. 155.

«персидские головные уборы, называемые *angouroton*» (Περσικὸν φόρεμα, ἀγγουρωτὸν ὀνομαζόμενον)[84]. Наконец, еще в одном отрывке Псевдо-Кодин поясняет, что «они были персами по происхождению; император (место для имени оставлено пустым. — *Р.Ш.*) переселил их оттуда (т.е. из Персии. — *Р.Ш.*) и поселил на реке Вардар, отчего они и именуются вардариотами»[85].

Как уже отмечалось выше (гл. I), византийская литература XII–XIV вв., как правило, персами называла анатолийских тюрков, а их язык именовала персидским. Можно поэтому предположить, что Псевдо-Кодин под императором, который переселил «персов» с их родины на Вардар, подразумевал Иоанна III Ватаца (1221–1254), Феодора II Ласкариса (1254–1258) или, что еще более вероятно, Михаила VIII Палеолога[86]. Возможно, что Τοῦρκοι Βαρδαριῶται в XIV в. были (по крайней мере, частично) потомками тюркских иммигрантов из Анатолии, прибывших в долину Вардара во второй половине XIII в., и именно от этих тюрков вардариоты унаследовали их «персидский язык»[87]. Как мы уже видели, анатолийские тюрки составляли большинство азиатских переселенцев в соседних районах Македонии. Если это так, то гвардейцы-вардариоты, возможно, произносили свои аккламации во дворце на одном из анатолийских тюркских диалектов или же, действительно, на персидском, который имел широкое хождение при сельджукидском дворе в XIII в.[88]

7. Фессалоника и другие районы Македонии

Некоторая часть восточных имен встречается в крупнейших городах региона. 21 имя упоминается для Фессалоники (1% от общего числа зарегистрированных в PLP для этого города имен). Значительная часть владельцев этих имен принадлежала к аристократическим семьям, гражданскому и военному чиновничеству: некий

---

[84] *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 181.26–28; *Pseudo-Kodinos* (Macrides). P. 101.

[85] *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 182.6–10; *Pseudo-Kodinos* (Macrides). P. 103.

[86] Конечно же, тут подразумевался отнюдь не император Феофил, как считали Р. Жанэн и Д. Моравчик: *Janin R.* Les Turcs Vardariotes… P. 440–445; *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 322.

[87] Не исключено, что первые тюрки из Анатолии появились в долине Вардара еще в XII в., как предположил В. Лоран (*Laurent V.* Ὁ Βαρδαριωτῶν ἤτοι Τούρκων. P. 285–286).

[88] О хождении персидского языка в сельджукской Анатолии см.: *Hillenbrand C.* Ravandi, the Seljuk Court at Konya and the Persianisation of Anatolian Cities // Mésogeios. 2005. Vol. 25–26. P. 157–169; *Ateş A.* Hicri VI–VIII. (XII–XIV.) asırlarda Anadolu'da farsça eserler // Türkiyat Mecmuası. 1945. C. VII–VIII/2. S. 94–135.

высокопоставленный чиновник Χαρατζᾶς (см. о нем выше)[89], этериарх Ἀναταυλᾶς[90], севаст Γεώργιος Ἀναταυλᾶς[91], протоиеракарий Ἰαγούπης[92], οἰκεῖος императора и συγκλητικὸς ἄρχων Θεόδωρος Ἰαγούπης (Διαγούπης)[93], δοῦλος императора Ἀλέξιος Μασγιδᾶς Κομνηνὸς[94] и еще пять представителей этой фамилии, апографевс Фессалоникийской фемы Δημήτριος Ἀπελμενέ[95], кир Δημήτριος Σουλτάνος Παλαιολόγος[96], проталлагатор Γαζῆς[97] и еще три Газия, принадлежавших к интеллектуалам, священничеству и купечеству[98]. Встречается лишь несколько представителей средних и низших классов: в финансовых нотициях упомянуты Ἀληθινὸς Ἀλιάζης (← араб. الياس *ilyās* «Илия»)[99], землевладелец Βαβυλωνίτης[100], парик Θεόδωρος Καζάνης[101] и солдат (кастрофилак) Δημήτριος Ταλαπᾶς[102].

Преобладание аристократии не должно удивлять: поскольку Фессалоника была вторым крупнейшим после Константинополя городским и административным центром империи, концентрация чиновников и элиты здесь вполне закономерна. Низкий процент азиатских иммигрантов весьма примечателен и предоставляет дополнительный аргумент в пользу нашего предположения о сознательной политике византийских властей, расселявших тюрков вдали от основных городских центров. Эта гипотеза поддерживается и цифрами для Серр, где зафиксировано лишь девять выходцев с Востока, два из которых принадлежали к элите (*кефали* Μιχαήλ Ἀβραμπάκης[103] и Εἰρήνη Μασγίδαινα Δούκαινα[104]).

Отдельные восточные имена обнаруживаются и в других областях Западной и Центральной Македонии: Кастории (Σαρακηνός)[105], Гревене (Σαρτζάπεϊς)[106].

---

[89] PLP. № 30614–30615.
[90] PLP. № 870.
[91] PLP. № 872.
[92] PLP. № 92055.
[93] PLP. № 7822.
[94] PLP. № 17220.
[95] PLP. № 1155.
[96] PLP. № 26339. См. о нем: *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί απόγονοι... Σ. 69.
[97] PLP. № 91580.
[98] PLP. № 3450, 3452, 93299.
[99] PLP. № 654; *Kugéas S.* Notizbuch eines Beamten der Metropolis in Thessalonike // BZ. 1914–1919. Bd. 23. S. 144. № 1–2.
[100] PLP. № 91416.
[101] PLP. № 10115.
[102] PLP. № 27416; Ταλαπᾶς ← тюрк. ← перс. ← араб. طلبة *ṭalaba* «ученик».
[103] PLP. № 60.
[104] PLP. № 17216.
[105] PLP. № 24862.
[106] PLP. № 24942; Σαρτζά — то же, что Σάρσστζα, см. сн. 62.

8. Этническая и социальная структура

Македонская антропонимика весьма показательна в отношении отмечавшегося разделения между квазиэтническими локативными категориями «скифов» и «персов». В данной области присутствовали представители обеих групп, причем соотношение между ними примерно соответствует общевизантийскому.

Таблица 7

«Персы» и «скифы» в Македонии

Происхождение	Количество имен	%
«Персы»	92	68
«Скифы»	26	20
Другие	17	12

Преобладание мусульманских имен указывает на растущий приток на Балканы анатолийских тюрков, о чем подробно говорилось в предыдущей главе. Весьма вероятно, что большинство носителей восточных имен, перечисленных в базе данных, или их ближайшие предки первоначально были военными: либо переселенцами, либо нанятыми правительством наемниками. По крайней мере, информация из сохранившихся источников, как мы видели выше, не содержит другого объяснения для этих миграций с Востока на византийские территории.

Многочисленность анатолийских тюрков показывает значительный масштаб их миграции на Балканы, и нарративные источники дают дополнительные данные для реконструкции истории этого процесса. Их расселение в Македонском регионе началось не ранее XII в., но, скорее всего, основная часть анатолийских мигрантов появилась тут во второй половине XIII в., особенно в связи с приходом султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II, сопровождаемого свитой, войском и кочевыми подданными. В рассмотренных выше регионах также присутствуют кыпчаки. Похоже, что византийские власти намеренно перемешивали различные группы мигрантов на одной и той же территории. Повсеместно (за исключением района Скопье и Струмицы) соседствуют кыпчакские и анатолийские имена. Причем, как правило, невозможно выделить какие-либо районы, населенные представителями лишь одной из этих групп. Если это действительно было следствием сознательной политики византийцев, то она находилась в полном согласии с их традицией ассимиляции и растворения пришлых этнических групп[107].

[107] *Charanis P.* The Transfer…; *Ditten H.* Ethnische Ferschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien von Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. B., 1993.

Входящие в мой список лица принадлежали к разным слоям византийской социальной иерархии, различно было их имущественное положение. Распределение носителей восточных имен по шкале социальной иерархии показано в табл. 8 (процентные соотношения округлены).

Таблица 8

Социальный состав византийских тюрков

Социальный статус	Количество имен	%
Аристократия и прониары	46	34
Клирики, монахи и интеллектуалы	9	7
Торговцы	2	2
Мелкое крестьянство и парики	69	51

Большая часть носителей восточных имен была занята, как и следовало ожидать, в управлении, военном деле, сельской экономике. Доля духовенства, монахов и интеллектуалов является довольно низкой. Такое распределение иммигрантов в социальной иерархии вполне ожидаемо. Для них было легче найти социальную нишу в мирских делах, но не в интеллектуальной деятельности, которая предполагает глубокое погружение в местную культуру. Внешнее принятие христианства не было достаточным. Преобладание аристократии и прониаров, вероятно, свидетельствует о том, что многие из вновь прибывших либо являлись в тот момент, либо были прежде военными, практика наделения которых пронией в качестве оплаты за услуги была широко распространена в Византии в кон. XIII — XIV в.[108]

Доля мелкого крестьянства и париков (51%) весьма высока и значительно отличается от общих цифр PLP: PLP, например, дает только 17% париков от числа зафиксированных лиц, в то время как для тюрков в моей общевизантийской базе данных фиксируется 31% париков. Это может свидетельствовать о том, что тюркские поселенцы вливались преимущественно в нижние классы общества. Крестьяне и парики из моего списка, возможно, были привлеченными в качестве наемников кыпчаками и анатолийскими тюрками (а также сопровождавшими их домочадцами), вторым поколением солдат, поселенных на землях, или же, наконец, рабами, отпущенными на волю.

[108] *Bartusis M.* On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium // DOP. 1990. Vol. 44. P. 1–126; *Idem.* The Late Byzantine Army… P. 157–190. См. также ниже.

База данных содержит для Македонии патронимы семи знатных семей: Ἀναταυλᾶς[109], Γαζῆς, Ἰαγούπης[110], Μασγιδᾶς[111], Μελίκ[112], Σουλτᾶνος[113], Ἀπελμενέ[114]. Высокий процент аристократии в македонской части моего списка (ок. ¼) может быть отчасти объяснен особенностями наличной источниковой базы. Источники регистрируют в основном крупных военачальников и гражданских чиновников. Очевидно, что знать численно значительно уступала представителям средних и низших классов.

9. Константинополь и некоторые другие территории

Число восточных имен для Константинополя весьма значительно — 61 имя, однако по сравнению с македонским материалом они дают еще менее сбалансированную и достоверную картину. Информация о восточных иммигрантах в Константинополе почерпнута преимущественно из нарративных текстов и малого числа императорских и патриарших документов, которые, за редким исключением, отражали реалии лишь высшего византийского общества. Более половины восточных имен принадлежит высокопоставленным военным и гражданским чиновникам и интеллектуалам.

Таблица 9

Выходцы с Востока в Константинополе

Социальный статус	Количество имен	%
Знать и прониары	37	59,6
Клирики, монахи и интеллектуалы	13	20,9
Мелкое крестьянство и парики	11	17,7

Несколько знатных фамилий зафиксированы для Константинополя: Ἰαγούπης[115], трое Γαζῆς[116], двое Μελίκης[117], трое Ἀπελμενέ[118],

[109] PLP. № 868–871.
[110] PLP. № 7816, 7822, 7824, 92055.
[111] PLP. № 17216–17224, 94096, 94097.
[112] PLP. № 17784, 17787.
[113] PLP. № 26334–26340.
[114] PLP. № 1152–1153, 1155–1156.
[115] PLP. № 7814, 7819, 7821 и сын № 7821.
[116] PLP. № 3446, 3447, 3448.
[117] PLP. № 92662, 17788.
[118] PLP. № 1151, 1152, 1158.

четверо Σουλτάνος[119], трое Συργιάννης[120]. Однако не во всех случаях есть уверенность, что носитель имени принадлежал к известным знатным семьям, обладавшим этими патронимами.

Многочисленны представители высшего чиновничества: протоиеракарий Ἀβράμπαξ (1290-е гг.)[121], апографевсы и икеи Мануила II Ἀλέξιος и Γεώργιος Ἰαγούπης[122], Ῥιμψᾶς (πανσέβαστος и πραίτωρ τοῦ δήμου в 1286–1287 гг.)[123], Τζυράκης — οἰκέτης императрицы Анны[124], Χαρατζᾶς — примикерий экскувиторов в 1352 г.[125]

Группа имен принадлежит высшим офицерам тюркских подразделений византийской армии: полководцы Кайкавуса II ʿАли Бахадур и Угурлу в 1260-х, Νικηφόρος Ῥιμψᾶς (командир в 1259–1271 гг.)[126], Σαλίκ (командир в 1263 г., воевал на Пелопоннесе)[127], Ταγχατζιάρις (командир в 1305/06 г.)[128], Χαλίλης (командир туркопулов в 1305–1313 гг.)[129]. Несколько восточных имен из Фракии также принадлежали военным командирам: Ἰωάννης Ἀπελμενέ был дукой фемы Волерон и Мосинополь в 1324 г.[130], Μελήκ командовал тюркскими подразделениями во Фракии в 1305–1308 гг.[131], Τζαράπης был комендантом Апра в 1306 г.[132]

Несколько клириков разного иерархического статуса в Константинополе также носили восточные имена: священники Θεόδωρος Ἀμηρασάν (1357 г.)[133], Θεόδωρος Κούμανος[134], Κωνσταντῖνος Μελίκης[135], Παπαμουγούλ[136], Ἰωάννης Τζαμᾶς[137], знаменитый уроженец города архиепископ Σίμων Ἀτουμάνος[138]; высокопоставленный Μελέτιος, из бывших мусульман, также, вероятно, жил в Константинополе[139].

---

119 PLP. № 21387, 26333; см. также гл. V.
120 PLP. № 27167, 27168, 27233.
121 PLP. № 61.
122 PLP. № 7819, 7821.
123 PLP. № 24291.
124 PLP. № 28154; об этом имени см. гл. VI, разд. 7.
125 PLP. № 30615.
126 PLP. № 24292.
127 PLP. № 24757.
128 PLP. № 27546; Ταγχατζιάρις ← тюрк.-монг. имя *Tağaçar*.
129 PLP. № 30401.
130 PLP. № 1157.
131 PLP. № 17761.
132 PLP. № 27802; Τζαράπης ← тюрк. ← перс. ← араб. جرب *jarab* «шелудивый».
133 PLP. № 776.
134 PLP. № 13447.
135 PLP. № 92662.
136 PLP. № 21798.
137 PLP. № 27731.
138 PLP. № 1648.
139 PLP. № 17738.

Весьма любопытны имена тюрко-монгольского происхождения в Константинополе и округе. Документ афонской Лавры 1334 г., описывая монастырские земли в Ангурине (область Параполия в нескольких километрах к западу от Константинополя), сообщает о некоем землевладельце Μουγούλης и парике Μιχαὴλ Μουγούλης[140]. В Ангурине мы находим также топоним Τουρκοβούνιν, т.е. «Тюркский Холм». Человек с «монгольским» именем упомянут среди духовенства — священник Παπαμουγούλ (т.е. «отец Монгол») в 1357 г. Кроме того, в источниках встречается любопытный топоним в области Константинополя, вероятно за пределами города: патриарший акт 1351 г. упоминает χωρίον τὸ λεγόμενον Ταταροπούλων, принадлежавший монастырю Мугулион[141]. Имена Μουγούλης и Ταтάρης, а также Τουρκής (1323 г., в Мамицоне)[142] в этом контексте позволяют предположить значительное присутствие выходцев из Золотой Орды — монголов и тюрков. Источники содержат еще одно монгольское имя для Константинополя — пресловутого Κουτζίμπαξις[143], а также сведения о трех носителях половецкого имени Συτζιγάν, первый из которых был знатным половецким иммигрантом в 1241–1242 гг.[144], Γεώργιος Κόμανος[145] и упомянутом выше священнике Θεόδωρος Κούμανος. Многочисленность «скифских», и особенно «монгольских», имен является особенностью Константинополя, нетипичной для Македонии и византийской Западной Анатолии. Эти имена безошибочно указывают на заметное присутствие тюркских и монгольских поселенцев с Севера. Это, вероятно, свидетельствует о демографических последствиях частых монгольских набегов на Фракию и окрестности Константинополя в конце XIII и в первые десятилетия XIV в.

Приток варваров в саму столицу в XIII–XV вв. не прекращался, однако он отражен весьма фрагментарно в силу специфики источников: слишком мал удельный вес документального материала. Относительно следующих лиц точно известно, что они были иммигрантами первого поколения: Ἀντώνιος[146], Ἀμζᾶς[147], а также только что упомянутые Μελέτιος, Συτζιγάν и Κουτζίμπαξις. Новое для византийской антропонимики имя Τζελεβός (ум. до 1401 г.)[148] указывает

---

[140] ALavr. T. III. P. 18.18, 19.42; PLP. № 19416, 19419.
[141] RPK. Bd. 3. S. 68.47 (№ 184).
[142] PLP. № 29168.
[143] PLP. № 13622.
[144] PLP. № 27233.
[145] PLP. № 93834.
[146] PLP. № 91235.
[147] PLP. № 772.
[148] PLP. № 16895, 27830; Τζελεβός ← осм. *çelebi* «благородный человек, господин».

на османское происхождение его владельца, а в сочетании с датировкой смерти — на то, что он принадлежал к первому поколению иммигрантов. Адресат Мануила Гавалы Ἀτουμάνος был, скорее всего, тюрком во втором поколении (ок. 1313 г.)[149]. Вероятно, ко второму поколению принадлежал и Ἀντώνιος Μπελχασήμ (← араб. ابوالقاسم *Abū al-Qāsim*), сын Филиппа[150].

Некоторое тюркское присутствие обнаруживается также на Лемносе. Восточные иммигранты представлены там преимущественно лицами низкого социального статуса — мелкими землевладельцами и париками. Ἰωάννης Κόμανος (ум. 1304 г.), Ἰωάννης Μουρτατόπουλος (1331–1392) и Πέτρος Καζάνος (первая половина XV в.)[151] были париками, а Ἀλιάζης (конец XIV в.), Ἀμηράλεσσα (1407 г.), другой Καζάνος (первая половина XV в.), Μουρτάτος (1355, 1361 гг.) и Τουρκοϊωάννης (1407 г.) названы держателями земли[152]. Χατζίλαλα и его сын Γεώργιος (1425–1430 гг.) были относительно богатыми землевладельцами[153]. Имя Κόμανος указывает на половецкий компонент среди тюркских иммигрантов. Ἰωάννης Μουρτατόπουλος и Μουρτάτος, судя по их «военным» прозвищам и годам деятельности, могли быть теми половцами (или их потомками), которые были расселены на Лемносе по приказу Андроника III Палеолога в 1322–1327 гг. Χατζίλαλα, скорее всего, происходил из османских турок, равно как и Αἰτίνης, сын Κλαυδιώτης[154]. Приток тюркских поселенцев на Лемнос не прекращался с XIII в. и продлился до первой половины XV в.

10. О хронологии демографических данных

Наличие зон компактного расселения тюрков и других азиатских иммигрантов удостоверяет эффективность избранной методологии, а нарративные источники дают ей дополнительные подтверждения. Преобладание анатолийских тюрков показывает масштаб их иммиграции на Балканы. Как уже отмечалось, расселение анатолийских иммигрантов в Македонии началось не ранее XII в., но, скорее всего, основная их часть появилась там во второй половине XIII в., главным образом благодаря переселению в Византию ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II со своей свитой и войском, а также с частью его оседлых и кочевых подданных.

---

[149] PLP. № 1646.
[150] PLP. № 19695.
[151] PLP. № 12010, 19534, 92228.
[152] PLP. № 19536, 29175, 91159, 92227, 93053.
[153] PLP. № 30729–30730.
[154] PLP. № 460.

Хронологически обсуждаемые имена охватывают временной диапазон от примерно 1262 г. до середины XV в. Однако для македонских областей они распределены по шкале времени весьма неравномерно: 8% имен приходится на период 1261–1299 гг., 56% имен зарегистрировано для 1300–1348 гг., 17,5% — для 1350–1399 гг., 18,5% приходится на 1400 г. — сер. XV в. Как мы видим, более чем половина из отобранных имен датируется периодом между 1300 и 1346 гг. Прецедент кыпчакских имен для Македонии еще более показателен. Кыпчакские имена встречаются в источниках с 1300 до 1445 г., однако по меньшей мере 87% этих имен датируется 1300–1348 гг. и лишь небольшая их часть — временем после 1348 г. В целом обозначенная динамика находится в полном соответствии с информацией нарративных источников о волнах половецких переселений в Македонии. Вместе с тем столь резкое сокращение в количестве половецких имен после 1348 г. несколько озадачивает.

В то же время, другие регионы империи дают иную картину. Например, Константинополь демонстрирует абсолютно иное распределение восточных имен по хронологической шкале: 31% приходится на 1263–1291 гг., 25% — на 1300–1334 гг., 22% — на 1352–1396 гг. и, наконец, 22% — на 1401–1450-е гг. Данные по Лемносу также отличаются от македонского случая: 33% для периода 1304–1361 гг., 66% — для ок. 1400–1453 гг.

Может ли быть, что цифры по Македонии указывают на определенные тенденции в демографическом развитии региона? Одна из причин этой неравномерности может крыться в характере основных источников по македонской демографии, а именно актов афонских монастырей, содержащих наиболее подробную информацию лишь для XIV в. Однако, как представляется, тут можно было бы выдвинуть еще одно объяснение. Не исключено, что резкое сокращение числа выходцев с Востока после середины XIV в., в действительности, отразило влияние «черной смерти» на демографическую ситуацию в регионе. Волны чумы, несколько раз прошедшие через регион после 1347 г., привели к серьезному демографическому кризису[155]. Похоже, что именно эпидемия значительно изменила этническую структуру региона, уничтожив азиатских мигрантов. Азиатские поселенцы пострадали от чумы ровно в той же степени, что и другие этнические группы; однако, когда пик пандемии был пройден, автохтонное греческое и славянское население восполнилось, а азиатские переселенцы, из-за того что не было пополнения извне, исчезли. Резкое сокращение количества

[155] *Lefort J.* Rural Economy and Social Relations in the Countryside // DOP. 1993. Vol. 47. P. 104–106; *Idem.* Population… P. 69–71; EHB. P. 48–49.

азиатских мигрантов после середины XIV в. означает также, что высшая точка миграции как анатолийских тюрков, так и кыпчаков в Македонию приходится на конец XIII и первые десятилетия XIV в.; приток азиатских мигрантов, как видно, сходит на нет к середине XIV в.

Новая волна перемещений населения из Анатолии и Дашт-и Кыпчак на Балканы начнется позже, в середине XV в.[156] Однако это будет уже новый этап тюркизации Балкан, не связанный с внутренней историей Византии.

11. Проблема торговцев

Несколько озадачивает низкий процент торговцев в нашем списке. Однако это вполне соответствует процентным соотношениям в общевизантийской базе данных. Имеющиеся источники практически не отражают деятельность купцов. Лишь несколько сохранившихся документов, как, например, счетные книги, непосредственно касаются торговли и содержат имена лиц, торговавших на византийской территории[157]:

Γαζῆς, Γεώργιος ← араб. غازى *ghāzī* «гази», см. выше (Фессалоника, 1356/57 г.; PLP. № 93299).

Ἰωσούπης (Ἰοσούπης) ← араб. يوسف *yūsuf* библ. *Иосиф* (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 93669).

Καβάδης, Μανουήλ ← перс. قباد *qubād*, вероятно в его вариантном произношении *kawād* (виноторговец, Черное море, 1319, 1324 или 1349 г.; PLP. № 93671).

Μασγιδᾶς ← араб. مسجد *masjid* «мечеть», подробнее об этимологии имени см. гл. V (Фессалоника, 1356/57 г.; PLP. № 94096).

Μαχμούτης ← араб. محمود *maḥmūd* «восхваляемый» (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 94127).

Μουσούλης, Θεόδωρος ← Μουσοὺλ, город в Сирии ← араб. الموصل, перс., тюрк. *Mūṣul*, следовательно, уроженец этого города (Черное море, 1440 г.; PLP. № 94210).

Μουσουλμάνος (Μουλσουμάνος) ← араб. سليمان *sulaymān* библ. *Соломон*[158], или же византийское прозвище «Мусульманин» ← перс., тюрк. مسلمان *musulmān* «мусульманин» (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 94211).

Μουσταφᾶς ← араб. مصطفى *muṣṭafā* «избранный» (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 94213).

---

[156] См., например: *Smyrlis K.* The First Ottoman Occupation of Macedonia… P. 327–348.
[157] См. указатели в: *Schreiner.* Texte.
[158] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 198.

Σατουλμίσης ← тюрк. *satılmış* «проданный» (торговец мылом, Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 24964).

Σουλαμάνης ← араб. سليمان *sulaymān* библ. *Соломон* (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 26320).

Ταρτάρης, Μανόλης ← араб., перс., тюрк. تاتار *tātār* «монгол», «татарин» (торговец яблоками и орехами, Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 27457).

Τζάκας ← тюрк. *ocak* «очаг» (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 27694).

Τοῦρκος (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 29185).

Τοῦρκος, Δημήτριος (Черное море, 1440 г.; PLP. № 29187).

Τοῦρκος, Ἰωάννης (Черное море, 1400 г.; PLP. № 29188).

Τοῦρκος, Μιχάλης (Черное море, 1400 г.; PLP. № 29189).

Τουρκόπλος ← Τουρκόπουλος (Черное море, 1314, 1329 или 1344 г.; PLP. № 29176).

Χαλίλης ← тюрк., перс., араб. خليل *khalīl* «верный сподвижник» (Черное море, Ираклия Понтийская, 1363 г.; PLP. № 30400).

Χαμάλης ← тюрк., перс., араб. حمال *ḥammāl* «носильщик» (Черное море, 1438 г.; PLP. № 30545).

Χαντζαλής (или, правильнее, Χαντζαλῆς) ← тюрк. قانجه لو *kancalı* «имеющий крюк, крючкообразный», ср.: Καντζέλης[159] (Фессалия, Фанарий, 1404 г.; PLP. № 30587).

Χησάπογλας, Μανόλης ← араб. حساب *ḥisāb* «счет» + тюрк. *oğlu* «сын»; прозвище, вероятно, подразумевает торговые расчеты, счетные книги (Черное море, XV в.; PLP. № 30794).

Большинство имен зафиксировано в финансовых заметках XIV–XV вв., опубликованных П. Шрайнером, и относится к Западному Причерноморью. Причем в ряде случаев, когда антропоним не сопровожден крестным именем, нет уверенности в том, был ли его носитель византийским подданным или купцом-иностранцем. Следовательно, Ἰωσούπης, Μαχμούτης, Μουσουλμάνος, Μουσταφᾶς, Σουλαμάνης, Τζάκας, Χαμάλης, Χαντζαλής могли быть мусульманскими торговцами из Анатолии, Крыма или с Балкан. Судя по именам, подавляющее большинство купцов происходило из Анатолии. Только Ταρτάρης, вероятно, был «скифом», а Σατουλμίσης и Τοῦρκος могли быть как «персами», так и «скифами». Преобладание анатолийцев вполне ожидаемо: в Анатолии городская жизнь и торговля были развиты в неизмеримо большей степени, нежели в Золотой Орде. Низкий процент купцов в базе данных восточных имен объясняется недостатком адекватных источников.

[159] *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 85.

Глава V
ТЮРКСКАЯ ЗНАТЬ

В силу особенностей источников, знатные лица представлены в моей базе данных много лучше средних и низших классов. Знать по понятным причинам упоминается непропорционально часто как в нарративных, так и в документальных источниках. Это мы уже видели выше на примере балканской антропонимики, общевизантийский материал лишь подтверждает данную тенденцию. Итак, представителей знатных фамилий и высокопоставленных военных и гражданских чиновников в моей базе данных насчитывается около 35,15% (122 человека). Причем в число этих 122 человек входят представители всех поколений. Примерное соотношение лиц, принадлежащих к первому и последующим поколениям, составляет 1:3. Следовательно, 75% зафиксированных представителей знати являлись отнюдь не иммигрантами, но урожденными византийцами, хоть и потомками (зачастую далекими) «персов» и «скифов», поэтому их можно лишь условно называть выходцами с Востока или Севера.

Следует отметить и другую особенность: среди представителей знати «персы» значительно преобладали над «скифами». Последние составляют лишь около 8% от общего числа знатных лиц, остальные — «персы» и «арабы». В то же время число париков со «скифскими» и «персидскими» именами дает прямо противоположное соотношение: «скифов» 60% от их общего числа, а «персов» — лишь 40%. Следовательно, выходцы из Анатолии с большей легкостью инкорпорировались в византийское общество и делали более успешную карьеру. Все известные на данный момент знатные семейства имеют либо «персидское», либо «арабское» происхождение. Хотя в числе высшего чиновничества и придворных присутствовали единичные «скифы», однако нам не известно, чтобы семейства, породненные с правящим домом и другими громкими фамилиями империи, были по происхождению «скифскими». Единственное исключение — «скифская» семья Сириянов, которая была связана родственными узами с Палеологами и другими знатными домами Византии, но просуществовала лишь в течение двух поколений (середина XIII в. — ок. 1334 г.)[1]. Нет сомнений в том, что этот небезынтересный феномен объясняется, прежде всего, «качеством»

---

[1] PLP. № 27233, 27167, 27168.

человеческого материала, поставляемого «персидской» и «скифской» миграцией. Анатолийский культурный субстрат был много более развит в сравнении со «скифской» (будь то половецкой, будь то золотоордынской) средой. Именно поэтому анатолийцам было проще освоиться в Византии и принять правила игры, предложенные византийским обществом. К этому важному наблюдению я еще вернусь ниже.

1. Знатные роды

В своих классических трудах по составу византийской знати XI–XII вв. А.П. Каждан ключевой стратегией для систематизации информации избрал выстраивание «семейств»[2]. При этом главным критерием «конструирования» семьи являлась идентичность или сходство «патронима». Между тем, как показывает мое исследование, восточные имена чаще всего были отнюдь не патронимами, но лишь прозвищами, происходившими либо от личного имени или прозвища иммигранта, которое он носил до крещения, либо от его титула или почетного именования. После крещения он воспринимал новое, христианское имя, а старое превращалось в прозвище. Тут не место для критики того, как А.П. Каждан интерпретировал материал XI–XII вв., однако, по моему убеждению, в ряде случаев его конструирование семейств носило довольно произвольный характер.

Следует быть осторожным в выделении родов: одни и те же иностранные прозвища и патронимы могли носить не связанные родственными узами семьи и индивиды, зачастую значительно отдаленные друг от друга географически и хронологически. Все зависело от распространенности того или иного имени в среде иммигрантов. Приведу некоторые примеры. Носителей имени Κόμανος в моем списке 14, но ни один из них не был знатным лицом, и вряд ли кого-либо из них можно объединить в семью. То же касается и прозвища семи лиц — Σαρακηνός, равно как и пятерых Καζάνης/Καζάνος. Это были широко распространенные прозвища-имена, типичные для низших классов и принадлежавшие людям, не обяза-

[2] *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византии в XI–XII вв. Ереван, 1975; *Он же.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; расширенный, дополненный и исправленный вариант предыдущей монографии: *Kazhdan A.P., Ronchey S.* L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1999. См. также: *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии (XIII — середина XIV в.). Часть первая: тюркская аристократия // ВВ. 2006. Т. 65. С. 163–177. П.И. Жаворонков в вопросе конструирования «тюркских» семей в Византии XIII–XV вв. следует схеме А.П. Каждана.

тельно связанным родственными узами. Как мы увидим ниже, если обратиться к удостоверяемо знатным семьям, то обнаружится еще более сложная картина.

2. Семьи Газиев (I и II)

Весьма распространенным среди «персов» было прозвище Γαζῆς, Газий. Это имя происходит от известного арабского слова *гази* (*ghāzī*, غازى), которое на турецком и персидском того времени означало «воин, завоеватель, налетчик, солдат удачи»[3]. Византийцы знали слово γαζῆς именно как производное от восточного *гази* (воин) с XII в. Повествуя о событиях 1116 г., Анна Комнина сообщает о некоем Гази (Γαζῆς), знатном тюрке на службе у Сельджуков, который был сыном эмира Ἀσὰν Κατούχ[4]. В XII в. почетный титул *гази* широко употреблялся данишмандидскими правителями, которые использовали его как в арабской, так и в греческой форме. Греческая легенда монеты Гюмюштегина Гази (1104–1134) дает форму его мусульманского титула как ὁ μέγας ἀμηρᾶ(ς) Ἀμὴρ Γαζῆ(ς)[5]. *Гази* иногда использовалось в анатолийской антропонимике и как преном[6]. Начиная с XII в. слово γαζῆς непрерывно циркулировало в грекоязычном мире[7]. Таким образом, маловероятно, что-

[3] В данном случае араб. غازى *ghāzī* является субстантивированным активным причастием от глагола *ghazā* (корень *gh-z-w*) со значением «совершать поход, набег, нападать, завоевывать». *Газават* («война, набег») — существительное от того же глагола — приобрело дополнительный оттенок не просто войны, но той, которая ведется против неверных. Строго говоря, значение *гази* «борец за веру» — вторичное и позднее. Компании воинов-*гази* известны еще в Средней Азии в эпоху господства там Саманидов: это были банды солдат удачи, жившие тем, что добывали от разбойничьих набегов на немусульман. Подобные банды наемников-*газиев* встречаются в византийско-арабском пограничье в эпоху Омейадов. В Анатолии и Сирии XI–XIII вв. воины-*гази* (кочевники-туркмены) приобрели даже большее значение, чем в более ранние эпохи (*Mélikoff I.* Ghāzī // EI NE. Vol. 2. P. 1043–1044).

[4] *Anna Comn.* XV.6.9.

[5] Имя Ἀμὴρ Γαζῆ(ς) встречается и на некоторых более поздних данишмандидских монетах. В XIII в. Бахрам-Шах Мангуджак в Эрзинджане (1168–1225), Аййубиды Сирии и Салдукиды носили почетный титул *гази*. Позже османские эмиры и султаны стали именовать себя *гази*. Более подробно см.: *Шукуров Р.М.* Формулы самоидентификации анатолийских тюрков и византийская традиция (XII–XIII вв.) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 5. М., 2001. С. 151–173.

[6] См., например: *Ibn al-Athir.* Al-Kamil fi al-tarikh. T. 1–13. Beirut, 1966. T. 11. P. 329; T. 12. P. 278–279.

[7] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 108, 109; *Demetrakos D.* Μέγα Λεξικόν Ὅλης της Ελληνικής Γλώσσης. Τ. 1–15. Αθήνα, 1953. Τ. 2. Σ. 1534.

бы в византийском языковом пространстве XIII–XV вв. это слово могло быть спутано с чем-то другим.

Газиев для поздневизантийского периода насчитывается 14 человек. Однако только часть из них можно гипотетически объединить в семейства. Некий военный Γαζῆς, умерший до сентября 1286 г., упомянут как бывший владелец земли в Лозикии (Македония, к югу от озера Вольви) и вполне мог быть одним из воинов Кайкавуса II[8]. Этот Γαζῆς, служащий кавалерийского фемного войска Фессалоники (ἀπὸ τοῦ μεγάλου Θεσσαλονικαίου ἀλλαγίου)[9], скорее всего, был иммигрантом первого поколения. В данном случае Γαζῆς было прозвищем, которое позднее превратилось в фамильное имя его потомков. Славянский практик Хиландарского монастыря для 1315 г. упоминает **проник Газига Сиригианова** (имя соответствует греч. Συργιάννης Γαζῆς) в деревне Кастрин на Стримоне, который, очень вероятно, был солдатом и офицером, за что получил во владение пронию[10]. В сентябре 1344 г. некий проталлагатор Γαζῆς, высокопоставленный офицер из Фессалоники, был свидетелем в расследовании спора между Дохиарским монастырем и финансовым чиновником[11]. Все три перечисленных лица были военными, носили одно и то же фамильное имя (или прозвище) и жили в одном регионе, поэтому было бы логичным предположить, что все они принадлежат к семье потомственных солдат:

I поколение (*1260–1280-е гг.*)
Γαζῆς, ἀπὸ τοῦ μεγάλου Θεσσαλονικαίου ἀλλαγίου,
ум. до 1286

II поколение (*1280–1300-е гг.*)
N.

III поколение (*1300–1320-е гг.*)
Συργιάννης Γαζῆς, прониар, 1315 г.

IV поколение (*1320–1340-е гг.*)
Γαζῆς, πρωταλλαγάτωρ, 1344 г.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что *мегалоаллагит* Γαζῆς приходился дедом прониару Συργιάννης Γαζῆς и прадедом проталлагатору Γαζῆς. Главным критерием объединения этих лиц в одно семейство является не только единство их второго

---

[8] AZog. № X.15–19, 27 (p. 27–28); PLP. № 3444.

[9] О *megala allagia* см.: *Bartusis M.* The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. P. 192–196.

[10] *Мошин.* Акти. С. 208.171–172; возможно, то же лицо упомянуто в: ADoch. № 18.13 et p. 140; в PLP не зафиксирован.

[11] ADoch. № 23.10 (p. 170); PLP. № 91580.

имени, но и близость их профессий, а также проживание в одном регионе. Кроме того, не исключено, что Παῦλος Γαζῆς, житель Фессалоники, который в 1400–1419 гг. назван «рабом» (δοῦλος) императора и апографевсом[12], был родственником перечисленных Газиев, однако между ним и проталлагатором Γαζῆς пролегает временной разрыв в два поколения, что делает такое предположение рискованным.

Как уже отмечалось, Γαζῆς было довольно популярным именем: в византийской просопографии XIII–XV вв. насчитывается еще 11 человек (включая Павла Газия), носивших его. Однако слишком рискованным было бы утверждать, что все они или некоторые из них приходились родственниками тем, кто обсуждался выше[13].

Вместе с тем очевидно, что существовала еще одна довольно знатная семья с патронимом Γαζῆς, из которой вышел известный интеллектуал Феодор Газий. Его родственники — отец Антоний и братья Андроник и Димитрий — названы самим Феодором Газием в письмах по именам и без патронима[14]. Однако наличие такого сугубо азиатского патронима у самого Феодора, сына христианина Антония, может быть объяснено только тем, что его отец носил прозвище или патроним Γαζῆς и передал его сыну. Тогда можно предположить, что и братья Феодора Андроник и Димитрий носили тот же патроним. Имели ли они отношение к военной династии Газиев, описанной выше, — сказать трудно. Учитывая распространенность имени среди византийских тюрков — выходцев из Анатолии, они могли быть лишь «однофамильцами».

3. Семья Меликов

Другое распространенное среди знати имя — Μελίκ (Μελήκ). Действительно, в Византии существовал аристократический род Меликов, основателем которого был севастократор или кесарь Κωνσταντῖνος Μελήκ (ум. после 1306), сын султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II. Этот персонаж уже упоминался выше в связи со злоключениями своего отца. Напомним, он был наместником василевса в Пигах и, вероятно, в Веррии. Греческое μελήκ в имени Константина является одной из форм арабского по происхождению

[12] PLP. № 3452.

[13] PLP. № 3443 (некий «знаменитый» муж в Лакедемоне, 1415–1425 гг.), № 3445 (бывший владелец участка в Кефалинии, 1262 г.), № 3449 (переписчик рукописи и священник, 1270 г.), № 93299 (вероятно, торговец из Фессалоники).

[14] PLP. № 3446–3448, 3450; Theodori Gazae epistolae / Ed. P.A.M. Leone. Napoli, 1990. № 12.1, p. 66 (имя отца: Θεόδωρος Ἀντωνίου); № 4.1, p. 48 (имена братьев: Ἀνδρονίκῳ καὶ Δημητρίῳ τοῖς ἀδελφοῖς).

титула ملك *malik* «царь, царевич», рано перешедшего в персидский и тюркский языки. В сельджукской Анатолии XIII в. оно чаще всего употреблялось как почетное именование «царевич», «сын султана» (т.е. эквивалент персидского *shāh-zāda*), а также стало использоваться для образования титулов высшего чиновничества в значении «глава», «верховный» (*malik al-umarā* «глава эмиров», *malik al-sawāḥil* «правитель поморья», *malik al-shuʿarā* «главный придворный поэт» и т.д.)[15]. Словоупотребление Пахимера однозначно указывает на то, что «Мелик» в случае Константина было прозвищем, произошедшим от почетного именования «царевич» (*малик* Константин → Константин Мелик)[16].

Отмеченная эволюция слова Μελήκ от почетного титула к прозвищу и фамильному имени дает еще один аргумент в поддержку точки зрения В. Лорана, считавшего Константина родоначальником аристократической семьи Меликов, породнившейся в первой половине XIV в. с домом Раулей[17]. Выводы французского исследователя основываются на анализе нотиций конца XV в. в евангелиарии Barber. gr. 449, касающихся предков некоего Матфея Мелика Рауля. Согласно этим заметкам, не названный по крестному имени прародитель Меликов (προπάππος) происходил из Персии (т.е. Сельджукского Рума) и пришел с конным войском спасать Константинополь. Вполне возможно, что это — указание на переезд в Византию ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II в преломлении семейной традиции: султан действительно привел с собой конное войско. Заметка называет прародителя αὐθέντης, что можно понять и как «государь», т.е. указание на принадлежность его к царской крови; это вполне применимо к *малику* Константину. Кроме того, сообщается, что головной убор прародителя был украшен огромным красным камнем (λιθάριν κόκκινον), т.е., вероятно, памирским лалом, а по велению императора он носил синее одеяние (γεραναῖον). Как справедливо отмечает В. Лоран, большие драгоценные камни в головном уборе были царским атрибутом, синее же платье указывало на то, что его владелец обладал достоинством *севастократора* или *кесаря*. Таким образом, делает вывод В. Лоран, наиболее подходящим претендентом на роль основателя рода Меликов является

---

[15] *Ayalon A.* Malik // EI NE. Vol. VI. P. 261a–b; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 5 etc., passim; *Cahen C.* The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rūm: Eleventh to Fourteenth Century. Harlow, 2001. P. 286; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461 гг.). СПб., 2001. С. 129–132.

[16] *Pachym.* XIII. 22 (t. 4, p. 675.2–14): «ὁ Μελὴκ Κωνσταντῖνος, τῶν τοῦ σουλτάνου υἱῶν ἅτερος».

[17] *Laurent V.* Une famille turque au service de Byzance. Les Mélikès // BZ. 1956. Bd. 49. P. 349–368.

Константин Мелик[18]. Я полностью разделяю эту точку зрения. Ранг наместничества, которым был облечен Константин в Веррии и Пигах, предполагал высокий статус в иерархии чинов. Он может считаться иммигрантом первого поколения, ибо, скорее всего, родился еще в Сельджукском султанате, а к 1264/1265 г., то есть к моменту бегства его отца из Византии, был несовершеннолетним и находился при женщинах султана.

Судя по сообщению Пахимера, восточное почетное именование «малик» сначала перешло в прозвище Константина, а позже, согласно пометкам в евангелиарии, трансформировалось в фамильное имя, что было совершенно обычным для византийской антропонимики. Хотя Пахимер и не упоминал о титуле или чине Константина, однако нотиции указывают на то, что он был, скорее всего, почтен одним из высших достоинств севастократора или кесаря — титулов, стоящих на самом верху византийской табели о рангах[19]. Потомками Константина Мелика, вероятно, были Ἀστραπύρης Μελίκης (PLP. № 1597, известен в 1338–1343 гг.), Ῥάλης Μελίκης (PLP. № 17791, ок. 1400 г.), Μανουὴλ Ῥαοὺλ Μελίκης (PLP. № 17788, ок. 1439/40 г.), Ματθαῖος Ἀσάνης Παλαιολόγος Ῥαοὺλ Μελίκης (PLP. № 17790, р. 1397 — ум. в 1497 г.). Может быть, к потомкам Константина Мелика принадлежали и Ἰωάννης Μελίκης (PLP. № 17787; землевладелец в Серрах, 1323–1326 гг.) и другой Μελίκ, крестного имени которого мы не знаем (PLP. № 17784, из Веррии, 1350–1352 гг.).

I поколение (*1280–1300-е гг.*)
Κωνσταντῖνος Μελήκ, ум. после 1306 г.

II поколение (*1300–1320-е гг.*)
Ἰωάννης Μελίκης, 1323–1326 гг.

III поколение (*1320–1340-е гг.*)
Ἀστραπύρης Μελίκης, 1338–1343 гг.

IV поколение (*1340–1360-е гг.*)
Μελίκ, 1350–1352 гг.

V поколение (*1360–1380-е гг.*)
N.

VI поколение (*1380–1400-е гг.*)
Ῥάλης Μελίκης, ок. 1400 г.

VII поколение (*1400–1420-е гг.*)
N.

---

[18] *Laurent V.* Une famille turque… P. 362–363. Ср.: *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 169–170.

[19] *Pseudo-Kodinos.* Traité. Passim.

VIII поколение (*1420–1440-е гг.*)
Μανουὴλ Ῥαοὺλ Μελίκης, ок. 1439/1440 г.

IX–X поколение (*1440–1480-е гг.*)
N.

XI поколение (*1480–1500-е гг.*)
Ματθαῖος Ἀσάνης Παλαιολόγος Ῥαοὺλ Μελίκης, ум. в 1497 г.[20]

По-видимому, имя *Мелик* носили только знатные или же высокопоставленные лица. В списке Меликов нет ни одного, которого можно было бы однозначно идентифицировать как представителя низших классов. Однако следующие лица, носившие это имя, определенно не имели отношения к обсуждавшейся выше аристократической фамилии. Уже упоминавшийся Μελίκ, один из командиров «персидского» контингента византийской армии во время войны на Пелопоннесе в 1263 г. (PLP. № 17785), был много ниже по статусу и к тому же, скорее всего, много старше Константина Мелика. Несомненно, этот Μελίκ был иммигрантом первого поколения, пришедшим вместе с ʿИзз ал-Дином Кайкавусом II. О его потомках мы не знаем ничего.

Ἰσαάκ Μελήκ (PLP. № 8242), предводитель анатолийских тюрков и союзник каталонцев, перешел на сторону Андроника II, который обещал ему руку знатной тюрчанки — дочери султана Масʿуда II, жившей в Константинополе. Император назначил Исаака Мелика губернатором Пиг в Мизии. Однако в 1305/1306 г. он был казнен каталонцами. Судя по имени, Ἰσαάκ Μελήκ был крещеным тюрком[21]. Перейдя на сторону Андроника II и став византийским подданным, он фактически стал иммигрантом первого поколения, но новым статусом воспользоваться не успел.

Другой Μελήκ (PLP. № 17761) был христианином и командиром византийских туркопулов и перешел в стан каталонцев в 1305 г. На их стороне он в 1307 г. участвовал в войнах во Фракии, а в 1308 г. со своими людьми покинул каталонцев и отправился в Сербию. Хотя Григора настойчиво связывает этого Мелика с султаном ʿИзз ал-Дином, хронологически маловероятно, чтобы он был из поколения воинов Кайкавуса; скорее всего, Григора тут неточен, как и во многих других случаях, когда он описывает события XIII — начала XIV в.[22] Этот Мелик был, вероятнее всего, иммигрантом второго поколения.

---

[20] См. также: *Fassoulakis S.* The Byzantine Family of Raoul-Ral(l)es. Athens, 1973. P. 86–88.

[21] *Pachym*. XIII.15, XIII.22–23, XIII.29 (t. 4, p. 651, 671, 673–675, 695–697).

[22] *Greg.* T. 1. P. 229.11–12, 248.5–10, 254.3–17.

Вряд ли имел какое-либо отношение к обсужденным выше Меликам священник из Константинополя Κωνσταντῖνος Μελίκης (Μελίκης, 1357 г.)[23], хотя не исключено, что он был отпрыском знатного родителя. То же можно сказать о переписчике Μελικᾶς (PLP. № 17786). Скорее всего, эти Мелики были потомками иммигрантов.

Данных примеров достаточно для того, чтобы отнестись с большой осторожностью к конструированию семей лишь на основе идентичности прозвища.

4. Семейство Султанов (I)

Возможно, в таком же ключе следует интерпретировать наличие родственных взаимоотношений между носителями громкого имени Σουλτάνος. Нам известно 12 обладателей этого имени — в большинстве случаев, вероятно, патронима, но не прозвища. Несомненно, что фамильное имя Σουλτάνος указывало на происхождение от правящего дома анатолийских Сельджуков. Проблема заключается в том, что эти лица, скорее всего, принадлежали к разным семьям, которые и были связаны между собой генетическим родством, восходя к общему предку.

Как показали исследования Э. Захариаду и П.И. Жаворонкова, существовало по крайней мере две семьи Султанов, происходящих от разных представителей Сельджукского правящего дома[24]. Одна из них берет начало от некоего Афанасия Султана (Ἀθανάσιος Σουλτάνος; PLP. № 26337), идентификация которого представляет некоторые трудности. Об этом лице сохранились лишь отрывочные сведения в двух документах Ватопедского монастыря на Афоне. Согласно хрисовулу Андроника II Палеолога от июня 1324 г., незадолго до этой даты пансеваст севаст скутерий Феодор Сарантин (ум. 1330; PLP. № 24906) основал монастырь Иоанна Предтечи в Веррии, называемый Петра, и просил у императора следующее: 1) подтвердить независимость монастыря и сделать его патриаршим, 2) освободить от налогового бремени его владения в Крицисте, подаренные монастырю, а также и другие владения, предназначенные обители, — как его родовые, так и полученные в качестве приданого от его покойного тестя Султана (τοῦ πενθεροῦ αὐτοῦ, τοῦ Σουλτάνου ἐκείνου[25]).

---

[23] *Hunger H.* Die Exarchenlist des Patriarchen Kallistos I. im Patriarchatsregister von Konstantinopel // ΚΑΘΗΓΗΤΡΙΑ. Essays presented to Joan Hussey for her 80th birthday / Ed. J. Chrysostomides. Camberley, 1988. S. 438 (№ 1.54); PLP. № 92662.

[24] *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί απόγονοι του Ιζζεδίν Καικαούς Β’ στη Βέροια // Μακεδονικά. 1964–1965. Τ. 6. Σ. 62–74; *Жаворонков П.* Тюрки в Византии... С. 171–172, 174.

[25] AVat. T. 1. № 62, p. 334, 336.71–72.

В завещании Феодора Сарантина, датированном октябрем 1325 г., среди перечисленных движимых и недвижимых богатств, отказанных монастырю Иоанна Предтечи в Веррии, вновь упоминается земля, прежде принадлежавшая его тестю[26]. Этот документ несет дополнительную информацию о Султане. Во-первых, тесть Сарантина назван по своему крестному имени — κύρις Ἀθανάσιος ὁ Σουλτάνος, отсутствующему в предыдущем документе, отмечается его исключительно знатное происхождение (εὐγενέστατος). Во-вторых, из того же документа известно, что единственной женой Феодора Сарантина была Евдокия Дукена Ангелина Комнина (PLP. № 151), которая, следовательно, и была дочерью упомянутого Афанасия Султана[27]. Судя по имени дочери, Афанасий Султан был женат на весьма знатной даме — некоей Дукене Ангелине Комнине[28]. В-третьих, документ сообщает некоторые подробности о бывших владениях Афанасия, перешедших к Феодору Сарантину в качестве приданого: это пашня и лес в Команице. Селение Команиц, весьма обстоятельно описанное Василики Кравари, располагалось примерно в 5 км севернее Веррии, на южном берегу реки Трипотам. Лес, упомянутый в документах, ныне не существует, но сохранялся в восточных окрестностях селения до 1958 г.[29] Небезынтересно само название села — Κομανίτζης, происходящее от этнонима κόμανος «куман» и славянского суффикса с уменьшительным значением (см. гл. III, разд. 2). В. Кравари предполагает, что данное название произошло от антропонима, имени бывшего владельца этой местности[30]. Если данные земли действительно прежде принадлежали тюрко-славянину (возможно, славянизированному куману), а затем перешли к тюрку-сельджуку, то тут можно усмотреть и некую преемственность: не предназначался ли издавна этот регион для расселения иноземцев? В-четвертых, в завещании Сарантина указывается время, в течение которого он владел этой землей, — 46 лет. Можно рассматривать этот срок как указание на дату женитьбы Феодора Сарантина на Евдокии, дочери Афанасия

[26] AVat. № 64, p. 344–361.

[27] AVat. № 64, p. 358.141.

[28] *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 164. Ср. с точкой зрения Э. Захариаду, которая считает, что громкие фамильные имена Евдокия получила от своего мужа: *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί... Σ. 67.

[29] *Kravari V.* Villes et villages de Macédoine occidentale. P., 1989. P. 76–78 (см. там же обсуждение других локализаций Команица), carte 10.

[30] Ibid. P. 76.

Султана, — 1279 г., а также (с некоторой натяжкой) предположить, что в 1279 г. Афанасий был еще жив[31].

Попутно отметим, что Феодор Сарантин был престижной партией для Евдокии. Мало того, что он к концу жизни обладал довольно значимыми чинами (пансеваст, севаст, скутерий), — много важнее его принадлежность к слою высшей знати.

Сначала Г. Теохаридис предположил, что Афанасий Султан был братом или сыном ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II и был женат на неизвестной сестре Михаила Палеолога[32]. Затем Э. Захариаду отождествила Афанасия с одним из сыновей ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II, оставшихся в Византии[33]. Последняя гипотеза была принята как доказанная Г. Хионидисом[34]. Однако издатели PLP эту идентификацию принимают со знаком вопроса. Авторы парижского издания актов Ватопеда констатировали ее существование, не приводя аргументов ни «за», ни «против».

Основания для сомнений в этой идентификации весьма серьезны. Если разложить по хронологической шкале обсужденные выше датировки, связанные с Афанасием Султаном, то становится очевидным, что сыном ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II он быть не мог. Если его дочь Евдокия достигла брачного возраста (12 лет) и вышла замуж к 1279 г., то родилась она не позже 1267 г., а скорее всего, раньше. В таком случае, сам Афанасий должен был родиться не позже чем в 1250–1251 гг., чтобы на момент рождения дочери достичь репродуктивного возраста (16–17 лет)[35]. А следовательно, он не мог приходиться сыном султану ʿИзз ал-Дину, который родился в 1237 г. и которому в 1250–1251 гг. было всего 13–14 лет. При этом известно, что старшим сыном Кайкавуса был, скорее всего, Масʿуд.

Относительно датировок, содержащихся в актах, нужно отметить следующее. Оба документа дают еще одно временно́е указание, которое может быть растолковано лишь гипотетически. В них утверждается, что Афанасий Султан владел неким поместьем «восемьдесят лет» (в хрисовуле 1324 г.) и «восемьдесят и больше лет»

---

[31] AVat. № 64, p. 355.64–356.67: «…τὸ ζευγηλατεῖον μου, τὸ τοῦ Κομανίτζη μετὰ πάντων αὐτοῦ τῶν δικαίων τὲ καὶ προνομιῶν, τοῦ εὑρισκομένου λόγγου καὶ τῶν ὑλοκοπίων, καθὼς παρεδόθη πρός με διὰ γυναικείας προικὸς καὶ καθὼς ἐκράτει αὐτὸ καὶ ὁ εὐγενέστατος πενθερός μου κύρις Ἀθανάσιος ὁ Σουλτάνος ἐπὶ χρόνοις πολλοῖς, καὶ ἐγὼ ἤδη τὴν σήμερον χρόνους τεσσαρακονταέξ».

[32] AVat III. Σ. 55. Σημ. 6.

[33] *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί… Σ. 70–72.

[34] *Chionides G.* Ιστορία της Βεροίας, της πόλεως και περιοχής. Θεσσαλονίκη, 1970. Σ. 115–117.

[35] Ср.: *Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 171 (годом рождения Афанасия дается 1244-й, что ошибочно).

(в завещании 1325 г.)[36], что указывает, таким образом, примерно на 1244 г. как на дату водворения там Афанасия. По мнению Э. Захариаду, принятому В. Кравари, Афанасий или его отец могли получить эту землю лишь после 1261 г. (вернее, после 1262 г.), времени переселения ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II в Византию[37]. Однако мы не можем игнорировать рассмотренного указания Феодора Сарантина: очевидно, что представление об этих «восьмидесяти годах» хранилось в *семейной памяти* и было привнесено его женой и тестем Афанасием Султаном, которые подразумевали некое конкретное событие в прошлом. Что могла обозначать эта настойчивая ссылка на восьмидесятилетнее владение землей?

Скорее всего, Феодор Сарантин и его информаторы подразумевали возвращение в этот регион никейцев: Иоанн III Ватац захватил долину Вардара, Фессалонику и Веррию как раз осенью-зимой 1246 г.[38] Интересный материал дает энкомий Иоанну III Ватацу, написанный его сыном Феодором II Ласкарисом. По утверждению Феодора, Иоанн III переселял половцев в Малую Азию, а анатолийских тюрков, напротив, — на Запад, т.е. на Балканы[39]. Более того, утверждается, что сам «Перс», т.е. сельджукский султан, «прислал своих сыновей» (возможно, как заложников) к Иоанну III и что они поселились в империи[40]. О переселении половцев в 1241/42 г. хорошо известно из других источников, о чем уже говорилось выше. Нет причин не доверять Феодору II в том, что какие-то анатолийцы были отправлены на Балканы и что некие дети султана по той или иной причине оказались на территории Никейской империи.

---

[36] AVat. № 62, p. 336.71–72 («κατεχόμενα παρ᾽ αὐτοῦ τε (καὶ) τοῦ πενθεροῦ αὐτοῦ τοῦ Σουλτάνου ἐκείνου ἐπὶ χρόνοις ἤδη ὀγδοήκοντα»), № 64, p. 356.69–70 («τὴν τῶν ὀγδοήκοντα καὶ ἐπέκεινα χρόνων ταύτην»). Прочтение П.И. Жаворонковым этого отрывка ошибочно: исследователь посчитал, что упомянутые тут «восемьдесят лет» являются указанием на возраст Афанасия Султана в момент его смерти (*Жаворонков П.И.* Тюрки в Византии… С. 171).

[37] *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί… Σ. 70; *Kravari V.* Villes et villages… P. 76. Note 1.

[38] *Acrop.* Vol. 1. P. 78–84; *Kravari V.* Villes et villages… P. 43.

[39] Teodoro II Duca Lascari Encomio dell'Imperatore Giovanni Duca / Ed. L. Tartaglia. Napoli, 1990. P. 50.95–98: «…καὶ γὰρ τὸ πρὶν ἐκ τῆς δυτικῆς καὶ τῶν δυτικῶν χωρίων ἀποσπάσας τὸν Σκύθην τῇ ἑῴᾳ ἔδνα δοῦλα τὰ τούτου γεννήματα συνεισήγαγες, καὶ ἀνταλλάξας τέκνα τὰ Περσικὰ δεσμεῖς τούτων τὰς ἀντιστάσεις πρὸς τὰς δυσμὰς ἀσφαλῶς». См. также об этом энкомии: *Langdon J.S.* Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N.Y., 1992. P. 19–20.

[40] Teodoro II Duca Lascari Encomio… P. 50.88–92: «Πέρσης… καὶ τέκνα σοι φέρει καὶ χρήματα δίδωσι καί, τὸ καινότατον, ἀποικισμοὺς τῶν ὁμοφύλων ὁρῶν, τιτρωσκόμενος τὴν ψυχήν…»

Однако трудно утверждать однозначно, какой именно из сельджукских султанов имелся в виду Феодором II, особенно потому, что нельзя ожидать от риторического текста строгого соблюдения хронологии событий. Не исключено, что в действительности переселение половцев и прибытие султанских детей происходило в разное время. ʿАла ал-Дин Кайкубад I (1220–1237) представляется наиболее вероятным кандидатом на роль «султана» в тексте Феодора II, ибо мы знаем, что у его преемника Гийас ал-Дина Кайхусрава II (1237–1246) было только три сына, биографии которых хорошо известны.

Итак, можно предположить, что Афанасий Султан был одним из сыновей Кайкубада I, поселившимся в империи и отправленным в область Веррии после ее отвоевания в 1246 г. Ничего удивительного, если семейная память удревнила пребывание Афанасия на этих землях на 1–2 года. Если Афанасий Султан действительно был сыном Кайкубада I, то ʿИзз ал-Дин Кайкавус II приходился ему племянником. Похоже, это единственная правдоподобная интерпретация, не противоречащая данным сохранившихся источников.

Другие лица из семьи Афанасия Султана, помимо его дочери Евдокии и Феодора Сарантина, нам неизвестны.

5. Семейство Султанов (II)

Много больше имен сохранилось от других Султанов, которые восходили к иному ближайшему родственнику ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II. Родоначальником этой семьи является некий Σουλτάν (PLP. № 26333), упомянутый Мануилом Филом как отец Димитрия Султана Палеолога (PLP. № 26339, начало XIV в.). Из слов Фила следует, что это была персона султанской крови (σουλτανικοῖς αἵμασιν), родившаяся в «Персии» (ἐξήνεγκε Περσίς), но сменившая «отеческую веру» (πάτριον σέβας) на христианскую[41]. Нет сомнений, что речь идет о представителе Сельджукского правящего дома. Возможно, это был неизвестный нам ближайший родственник ʿИзз ал-Дина Кайкавуса — сын, племянник и т.д., переселившийся вместе с султаном в Византию в 1262 г. Σουλτάν был женат на некоей Палеологине Комнине, сестре протоиеракария Димитрия Палеолога. У Султана и Палеологины Комнины, по-видимому, было два сына — старшим братом упомянутого Димитрия Султана Палеолога был, вероятно, Алексей Султан Палеолог (PLP. № 26338; возможно, иден-

[41] Manuelis Philae carmina inedita / Ed. A.E. Martini. Neapoli, 1900. P. 71.5–10 (№ 56). Анализ этих строк см. в: *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί… Σ. 70.

тичен PLP. № 26341). Алексей Султан Палеолог был женат на Ксении Султанине Палеологине (PLP. № 26336) и имел от нее сына — вероятно, Димитрия Султана Палеолога (PLP. № 26340). У последнего была дочь Феодора Султанина (PLP. № 26335), которую он выдал замуж за Мануила Мономаха[42].

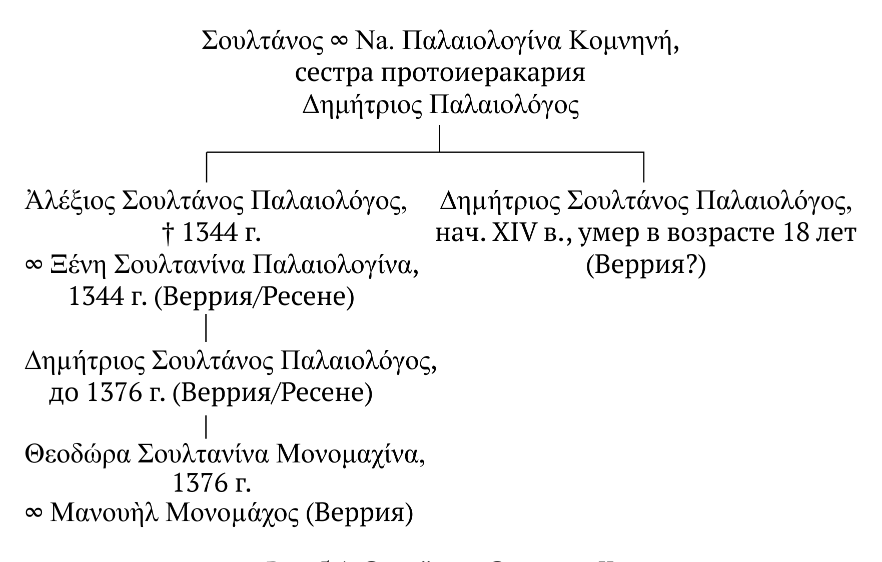

Рис. 5.1. Семейство Султанов II

Скорее всего, к одной из этих двух семей — Афанасия Султана или Σουλτάν — восходили Михаил Султан и Димитрий Султан, жившие в первой четверти XV в. и упомянутые у Йазыджизаде ʿАли. С последними была связана известная знатная семья Лизиков[43]. Выше было высказано предположение, что Савва Султан (PLP. № 26294), живший в Суроже, мог быть одним из младших сыновей ʿИзз ал-Дина Кайкавуса. С точки зрения византийской ономастической практики это вполне вероятно. Из обсужденных примеров видно, что члены одного рода могли иметь разные, но при этом синонимические или почти синонимические прозвища: сын султана ʿАла ал-Дина I носил прозвище Султан, сын султана ʿИзз ал-Дина Константин — Мелик (т.е. «царевич»), другого сына прозвали Султан, равно как именовался Султаном и другой близкий родственник ʿИзз ал-Дина. Позже в трех обсужденных случаях эти прозвища превратились в фамильные имена. Эти примеры весьма

[42] *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί... Σ. 70–72.

[43] Об этих Султанах и Лизиках см. гл. IV, разд. 2.

показательны для византийских принципов антропонимической идентификации. Как бы то ни было, в XIII–XIV вв. прозвище и патроним Султан прилагались, похоже, только к потомкам правящего дома Сельджуков и поэтому были редкими. Позже, в эпоху Туркократии, статус имени, как кажется, меняется и оно встречается как личное имя христианки: в середине XV в. или, скорее всего, позже в маргиналиях одной из рукописей Евангелия-апракоса автор нотиции поминает некую Σουλτάνη (PLP. № 26334) в ряду других лиц; как видно, она была членом семьи, которая владела списком[44].

6. Семейство Апельмене

Патроним Ἀπελμενέ, похоже, скрывает за собой одно семейство: слишком редок он как для восточной, так и для византийской антропонимики[45]. Если это действительно так, то это семейство возникло еще в никейское время. В актах Лемвиотиссы упоминается Πόθος Ἀπελμενέ (после 1235 г.), землевладелец в Мантее у Смирны[46]. Через несколько десятилетий (1268 г.) опять же у Смирны зафиксирован некий чиновник финансового ведомства севаст Μιχαὴλ Ἀπελμενέ (PLP. № 1158). С 1300 по 1394 г. в источниках фиксируется еще 7 носителей этого имени, все они — весьма знатные люди. Δημήτριος Ἀπελμενέ (PLP. № 1155), умерший между 1320 и 1323 гг., был назван апографевсом (1299/1300–1304 гг.), севастом (1300–1302 гг.) и пансевастом (с 1304 г.) Фессалоникийской фемы. Ἰωάννης Ἀπελμενέ (PLP. № 1157) ок. 1324 г. был дукой фемы Волерон и Мосинополь во Фракии. Другой Ἀπελμενέ (PLP. № 1151, 1342 г.; PLP. № 1152, 1343 г.) был высокопоставленным придворным, οἰκέτης Иоанна VI Кантакузина, который покровительствовал ему и в чьем доме он вырос и получил образование[47].

Среди них были и довольно успешные представители клира: один эпистемонарх на Лемносе (PLP. № 91262, до 1355 г.), Δημήτριος Ἀπελμενέ — протекдик в Серрах (PLP. № 1153, 1156; 1360 г.), Γεώργιος

[44] *Hutter I.* Corpus der Byzantinischen Miniaturenhandschriften. Bd. 3.1: Oxford, Bodleian Library. Stuttgart, 1982. S. 140 (№ 93).

[45] PLP. № 151–158, 91262.

[46] MM. Vol. 4. P. 210 (№ CXXIII).

[47] *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Monch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 30, 41, 56, 59, 147–150. Кантакузин упоминает своего οἰκέτης Апельмене несколько раз, отмечая, что в 1342 г. последний предал его: *Cantac.* T. 2. P. 138, 247. Однако в 1343 г. Кантакузин вновь говорит о нем как о своем стороннике (Ibid. P. 432). Гюнтер Вайс и PLP разделяют эти упоминания Кантакузина, считая, что существовало двое разных придворных, носивших имя Апельмене. Однако нет никаких оснований делать это. Скорее всего, Кантакузин имел в виду одного и того же человека, который был очень близок ему, однажды разочаровал, но позже вновь завоевал его благосклонность.

Ἀπελμενέ (PLP. № 1154, 1381–1394 гг.) — священник, экзарх, хартофилак и т.д. в Киосе. Столь высокое положение светских чиновников и само наличие представителей духовенства в этом семействе указывают на его глубокую, а значит, и давнюю интегрированность в византийское общество.

7. Семьи Масгида (I и II)

Знатная семья Масгида процветала в XIV и первой половине XV в. На первый взгляд, этимология Μασγιδᾶς прозрачна: ← μασγίδιον «мечеть» ← араб. *masjid* (مسجد) с тем же значением[48]. Проблема заключается в семантике имени. Ясно, что имя безошибочно ассоциирует его владельца с мусульманским миром. Однако трудность в том, что Μασγιδᾶς, в отличие от других личных имен, обсуждаемых здесь, не имело восточных эквивалентов. В отличие от христианской традиции, в которой личные имена со значением «церковь» обычны (ит. Chiesa, Tempio, англ. Temple и Church, нем. Kirche и т.п.), традиционная мусульманская антропонимика никогда не использовала «мечеть» в качестве личного имени или прозвища. Можно выдвинуть два возможных объяснения. Во-первых, Μασγιδᾶς вполне могло обозначать выходца из мусульманской страны: «азиат», «происходящий из мусульман», возможно с уничижительным оттенком. Вероятно, оно синонимично прозвищам Ἀγαρηνός (см., например, Γεώργιος ὁ Ἀγαρηνός[49]) и Σαρακηνός. Второй вариант, Μασγιδᾶς, мог быть эллинизированным и неправильно интерпретированным византийцами арабским именем Маджид (مجيد *majīd* «славный»).

Нам известно 16 Масгид, включая одного Масгидиота. Судя по хронологии и локализации этих имен, существовали две семьи, носившие этот патроним.

Первая и более старая семья была связана с областью Серр и Зихны, особенно с селениями Коцакий, Малука, Мелициани в долине Стримона. Ее вероятный родоначальник Ἀραβαντηνὸς Μασγιδᾶς упоминается в 1273 г. как владелец участка в Коцакии[50]. Возможно, он был одним из людей Кайкавуса. Следующее поколение семьи представлено Каллистратом Масгидой и его женой Марфой, которые жили в 1270–1290-х гг. и имели сыновей Ἀθανάσιος Μασγι-

[48] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 182–183.

[49] MM. Vol. 4. P. 76–77. Ἀγαρηνός как прозвище было на удивление редким в Византии, возможно в связи с его негативными коннотациями в византийском контексте (см. гл. I, разд. 10).

[50] AIvir. T. III. № 61.21 (p. 112), а также p. 110; PLP. № 94097. О семье Масгид: APhilK. P. 305–306; APantél. P. 99.

δᾶς (PLP. № 17219; ум. в марте 1336 г.) и Ἰωάννης Μασγιδᾶς Δούκας (PLP. № 17222; ум. ок. 1351)[51]. Афанасий зафиксирован в документе как монах, а его брат Иоанн, во-первых, породнился с Дуками, женившись на Ирине Масгидене Дукене (PLP. № 17216), а во-вторых, помечен как δοῦλος императора Андроника II. В 1324 г. Иоанн Масгида и его жена Ирина пожертвовали свои наследственные земли в Коцакии Ивирскому монастырю[52]. Следует подчеркнуть, что Ирина добавила патроним своего мужа к собственному имени, что подтверждает знатность рассматриваемой фамилии.

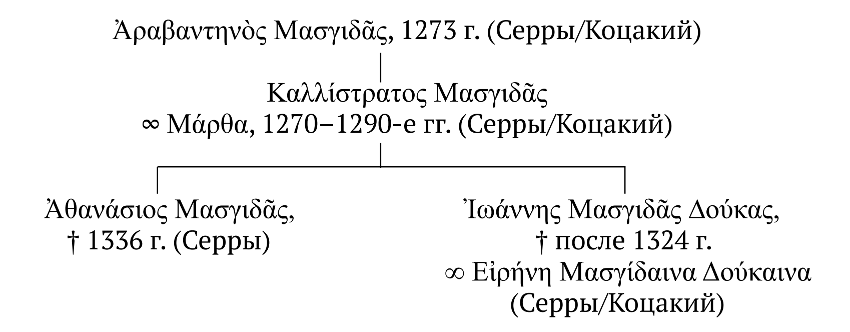

Рис. 5.2. Семейство Масгид I

Два других Масгиды упомянуты в монастырских документах как жители региона Серр, Зихны и Стримона. Θεόδωρος Μασγιδᾶς, землевладелец в Малуке, умерший до 1310 г., вероятно, принадлежал к поколению Каллистрата (PLP. № 17221). Ἰωάννης Μασγιδᾶς, который владел наследственными землями в Драгосте и умер до 1351 г.[53], по-видимому, может быть отнесен к следующему поколению после Афанасия и Иоанна Масгиды Дуки. Весьма вероятно, что Феодор и Иоанн принадлежали к роду Аравантина Масгиды, однако нет возможности определить степень их родства с известными членами фамилии. Наконец, Μασγιδιώτης (PLP. № 17224), упомянутый как собственник в 1341 г. в Мелициани, также мог относиться к этой семье.

---

[51] *Mercati S.G.* Sull'epitafio di Atanasio Masgidas nel monastero del Prodromo presso Serres // OCP. 1947. Vol. 13. P. 239–244.

[52] AIvir. T. III. № 81.287–289.

[53] Этот Иоанн Масгида идентифицирован в PLP с Иоанном Масгидой Дукой и упомянут под тем же номером — 17222. См. также: APantél. № 11.17–18 (p. 99); *Kravari V*. Nouveaux documents du monastère de Philothéou // TM. 1987. T. 10. № 4.26–27 и p. 306; AIvir. T. III. P. 287.

Вторая семья Масгида, которая известна на протяжении XIV в., связана с Фессалоникой и византийской Каламарией. Она реконструирована издателями актов Лавры[54]. Константин Масгида (PLP. № 17223, ум. до 1374 г.) жил в Фессалонике и имел там собственность. Возможно, что он приходился младшим родственником или даже сыном некоему Μασγιδᾶς (PLP. № 17217), который в 1321 г. владел землями в Линоврохии в Каламарии. Константин был женат на знатной женщине Сфранзене, чье крестное имя неизвестно. От этого брака родились Εἰρήνη Σφράτζαινα и Ἰωάννης Σφρατζῆς. Племянником Константина был Ἀλέξιος Μασγιδᾶς Κομνηνός (PLP. № 17220, 1374 г.), отмеченный в документе как δοῦλος императора.

Рис. 5.3. Семейство Масгид II

Некий Масгида, умерший до 1342 г.[55], упомянут как землевладелец в Неохории, недалеко от Линоврохия, что подтверждает связь семейства Масгид II с Каламарией. Возможно, что он идентичен Константину Масгиде или же он тот самый Масгида, который женился на Комнине. Другой Масгида известен как купец в Фессалонике в 1356/57 г. (PLP. № 94096). Один венецианский документ 1425 г. содержит упоминание двух Масгид, не отмеченных в PLP и принадлежавших, судя по контексту, к фессалоникийской знати[56]. Возможно, что все тут перечисленные лица относились к фессалоникийской семье Масгида II.

[54] ALavr. T. III. P. 98.

[55] PLP. № 17218 (однако тут дана ошибочная дата его упоминания).

[56] *Mertzios K.* Μνημεία μακεδονικής ιστορίας. Θεσσαλονίκη, 1947. Σ. 51, ψ. 3α (факсимиле оригинального документа).

Родственную связь между двумя семьями Масгида восстановить невозможно. Однако вполне вероятно, что они были связаны: имя Μασγιδᾶς встречается только в Македонии (Фессалоника, Серры, Зихна, Стримон), все его обладатели отмечены в источниках как землевладельцы или знатные люди.

Ниже фокус исследования будет сужен, на примере двух семейств я попытаюсь с большей детализацией проследить судьбы и карьеры их членов. Это позволит с максимальными подробностями визуализировать механизмы интеграции иммигрантов в византийское общество.

8. Иагупы

Фамильное имя Иагуп (Ἰαγούπης и Γιαγούπης) встречалось на протяжении всей палеологовской эпохи в XIII–XV вв. Еще В. Лоран писал, что патроним Γιαγούπης — восточного происхождения, полагая, что один из его носителей (Василий — см. ниже) был крещеным тюрком[57]. Действительно, греческое Ἰαγούπης/Γιαγούπης происходит от «Йаʿкуб» *yaʿqūb* (يعقوب) — арабского имени, варианта библейского «Иаков»[58]. Следовательно, носители патронима Иагуп, скорее всего, были потомками некоего мусульманина по имени Yaʿqūb. Связь этого имени с библейской (коранической) традицией является указанием на то, что родоначальник фамилии, вероятнее всего, был выходцем из Анатолии. Трудно сказать по самому преному, каков был статус его исконного носителя, ибо имя было весьма распространено в мусульманском мире и могло принадлежать как простолюдину, так и знатному лицу. Однако, судя по тому, что византийские потомки Йаʿкуба ревностно сохраняли патроним в течение последующих восьми поколений, восточный основатель рода был весьма знатным человеком. Именно к его славе и родовитости они и апеллировали. Не исключено, что этот тюркский родоначальник принадлежал к правящему дому эмирата Гермийан — туркменского княжества с центром в Кютахье. Некоторые соображения в пользу этой гипотезы я приведу ниже, после того как будут обсуждены биографии известных Иагупов.

---

[57] LaurBel. P. 369.

[58] *Firestone R.* Yaʿḳūb // EI NE. Vol. XI. P. 254a. Эта этимология зафиксирована уже у Д. Моравчика: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 135. В. Лоран, зная о выводах Д. Моравчика, дал, тем не менее, ошибочную этимологию: выводя патроним из имени данишмандидского правителя Йаги-Басана (← тюрк. ياغی بسان «громящий врага»), он ошибочно полагал, что «Йаги-Басан» (виз. Ἰαγουπασάν) как-то связано с араб. «Йаʿкуб» (LaurBel. P. 368).

Таблица 10

Просопографическая анкета Иагупов

№	Патроним	Крестное имя	Соц. статус	Место	Время	Источник	№ PLP
IA-1	Γιαγούπης	Βασίλειος	эмир	Каппадокия / Белисырма	ок. 1282–1304	LaurBel. P. 367–371; *Vryonis* 1977. P. 11	4149
IA-2	Ἰαγούπης (Ἰαούπης)	N.	землевладелец	Халкидика / Сарантарея	1300–1321	ALavr. II. № 90. P. 82–83; № 108. P. 185	7816
IA-3	Ἰαγούπης	Κωνσταντῖ-νος	свидетель	Халкидика / Св. Парамон	1335	AChil. № 125. P. 261	7824
IA-4	Ἰαγούπης	N.	протоиеракарий, свидетель	Фессалоника	1344	ADoch. № 23. P. 170	92055
IA-5a	Ἰαγούπης (Ἰαγούπ)	Ἀλέξιος	апографевс, οἰκεῖος Мануила II	Константино-поль (?)	1394 (в PLP ошибочно 1396) — 1400	APantokr. № 20. P. 145; № 21. P. 148; № 22. P. 155; MM. II. P. 354	7819
IA-5b	Ἰαγούπης, тот же, что Ἰα-γούπης Ἀλέξιος	N.	ἄρχων	Константино-поль	1396	RegPatr. T. 2/6. № 3025	7814
IA-6	Ἰαγούπης	Γεώργιος	апографевс, οἰκεῖος, «раб» Мануила II	Константино-поль	1406–1407	HungChort. S. 176; ARus. P. 188, 198; APantél. № 16. P. 120; № 17. P. 125	7821
IA-7a	[Ἰαγούπης], сын IA-6	N.	ребенок, ученик Иоанна Хортасмена	Константино-поль	нач. XV в.	HungChort. S. 176	–
IA-7b	Ἰαγούπης (Διαγούπης), тот же, что IA-7a	Θεόδωρος	οἰκεῖος императора, συγκλητικὸς ἄρχων	Фессалоника	1421	AIvir. IV. № 97. P. 158; DöSch. № 102. S. 266.	7822

Итак, нам известно семь знатных лиц, носивших в палеологовской Византии патроним Иагуп. Рассмотрим подробнее, какие данные сохранились в источниках о каждом из них.

IA-1: Βασίλειος Γιαγούπης

Василий Иагуп упомянут в надписи в церкви Св. Георгия в Белисырме (Каппадокия), датируемой последней четвертью XIII в.[59] Она сопровождает изображение св. Георгия, слева от которого находится Василий Иагуп, а справа — кира Тамара, подносящая святому модель храма. Сохранившаяся надпись в оригинальной орфографии гласит: «Ἐκαλληεργίθ(η) ὡρ(αίως) ὁ πάνσεπτος ναὸς τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίο[υ διὰ συνδρο]μῆς, πολουποθ(ήτου) (καὶ) κόπου τ(ῆς)... γεγραμέν(ης) κυρᾶς Θαμάρη κ(αὶ) τοῦ ἀμὴρ αὐτῆς κυ(ροῦ) Βασιλείου Γιαγού[πη]· [ἐπὶ] μὲν τοῦ πανηυψηλοτ[άτου] μεγαλουγένους μεγάλου σουλτάν[ου Μα]σούτη, ἐπὴ δὲ Ῥομέων βασιλέβοντος κυ(ροῦ) Ἀν[δρονίκου]...» («Эта многочтимая церковь святого и славного великомученика Георгия была превосходно украшена благодаря помощи, великому усердию и усилиям изображенной киры Тамары и ее эмира Василия Иагупа, в [правление] всевысокого и благородного великого султана Масʿуда, когда римлянами правил кир Андроник...») (см. рис. 5.4)[60].

На изображении голову Василия Иагупа венчает чалма. Хотя тюрбан и был одним из стандартных элементов поздневизантийского костюма, особенно в восточных провинциях империи[61], головной убор Василия по форме все же ближе именно к мусульманской чалме. Его платье, а именно запашной халат (jāma, khilʿat), также типично мусульманского (иранского, анатолийского) типа.

---

[59] LaurBel. P. 369–370; *Restle M.* Byzantine Wall Painting in Asia Minor. Greenwich (Conn.), 1967. Vol. 1. P. 66, 176–177, III, pl. LX. О церкви Св. Георгия, с дополнительной библиографией: *Teteriatnikov N.* The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Roma, 1966. P. 136, 224. См. также популярный очерк, обсуждающий церковь и ее надписи и фрески: *Фоменко И.К.* Храм парадоксов // Историк и художник. 2004. № 1. С. 102–108.

[60] Надпись дается согласно прочтению В. Лорана, уточненному Софи Метивье: LaurBel. P. 369–370; *Métivier S.* Byzantium in question in 13th-century Seljuk Anatolia // Liquid and Multiple: Individuals and Identities in the Thirteenth-Century Aegean / Eds. G. Saint-Guillain and D. Stathakopoulos. P., 2012. P. 239. Ошибочный вариант прочтения надписи во французском переводе: *Thierry N.* La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Âge. Turnhout, 2002. P. 283 (тут же см. основную библиографию, касающуюся памятника и интересующей нас надписи).

[61] О чалме в византийском костюме см.: *Parani M.G.* Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries). Leiden; Boston, 2003. P. 68, 70, 78, 119, 221, 225, 232, 242, 294, 326, 327, 331.

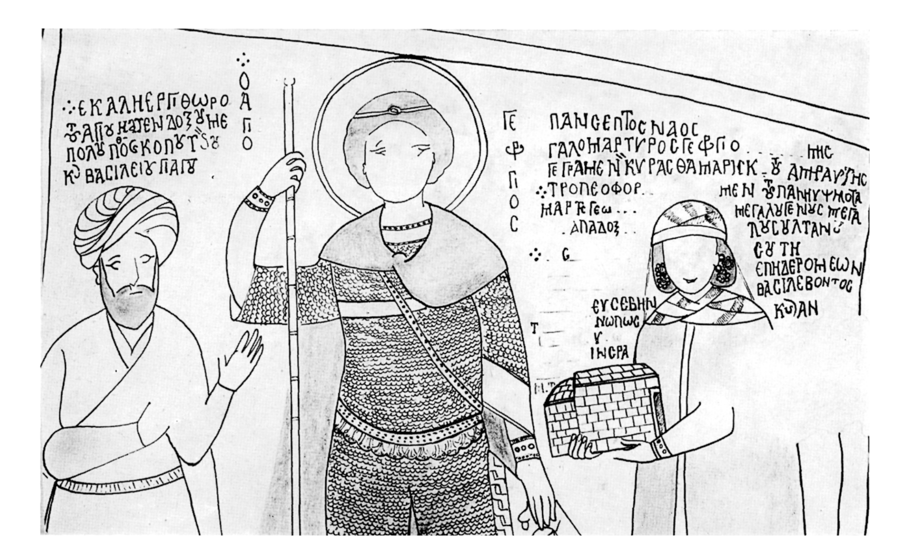

Рис. 5.4. Церковь Св. Георгия в Белисырме, донаторская надпись (воспроизводится по: LaurBel. P. 369)

Вместе с тем крестное имя Василий однозначно указывает на христианскую идентичность Иагупа. Сама модель, по которой оно построено (крестное имя в сопровождении фамильного имени), выдает в его носителе знатного византийца. Составленные по этой модели имена не были свойственны антропонимике Сельджукского Рума, в котором местные христиане, как правило, именовались на мусульманский лад. Следовательно, Василий Иагуп был византийцем, оказавшимся на иностранной службе.

Что касается киры Тамары, то, как показал С. Врионис, это была грузинская царевна, родившаяся от брака между Сельджукидом Давудом, сыном правителя Эрзерума Тугрул-шаха (1201/1203–1225), и грузинской царицей Русудан (1222–1245). Свадьба Русудан и Давуда произошла ок. 1223 г. (620 г.х.). Тугрул-шах предварительно крестил своего сына по требованию невесты — факт, беспрецедентный в истории ближневосточного ислама. Вскоре Русудан развелась с Давудом и заточила его в темницу. Давуд был освобожден хорезмшахом Джалал ал-Дином, однако затем вновь сбежал к грузинам — несмотря на то, что царица вышла замуж за другого. От брака Русудан и Давуда родилась Тамара, выданная в 1237 г. замуж за сельджукского султана Гийас ал-Дина Кайхусрава II (1237–1246), а также Давид — будущий царь Грузии Давид IV Нарин

(1245/47–1259)[62]. Согласно восточным источникам, Гийас ал-Дин был так влюблен в Тамару, что хотел даже бить ее лик на монетах[63]. Она была известна среди своих сельджукских подданных под именем Gurjī-khātūn, т.е. «Госпожа Грузинка», и носила почетный титул *malikat al-malikāt*, т.е. «Царица Цариц»[64]. Тамара была матерью ʿАла ал-Дина Кайкубада II, будущего султана, соправителя своих братьев в 1250–1254 гг. После смерти Кайхусрава II, судя по сообщениям Афлаки, Тамара вышла замуж за Муʿин ал-Дина Парвана, погибшего от рук монголов в 1277 г. Несмотря на утверждение Григория Абу ал-Фараджа, что Тамара, будучи султаншей, перешла в мусульманство, она все же сохранила христианскую идентичность, что, в частности, подтверждается и обсуждаемой надписью из Белисырмы[65]. В церкви Св. Георгия грузинская царевна изображена в типично византийском платье.

Наибольшую сложность в надписи представляет прочтение титула Василия Иагупа. Ж. Лафонтен-Досонь предположила, что он назван *ἀνδρὸς αὐτῆς*[66], при этом чтение *ἀνδρός* является абсолютно неудовлетворительным с палеографической точки зрения (см. рис. 5.4). Затем Н. и М. Тьерри предложили читать именование Василия как *ἀμηράρζης*, понимая это как сельджукский дворцовый титул *amīr al-ʿāriḍ* (امير العارض)[67], который в анатолийском разговорном персидском и тюркском того времени произносился как *amīrāriz*[68]. В 1977 г. С. Врионис поддержал вариант Н. и М. Тьерри

[62] *Ibn al-Athir.* Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.T. Tornberg. Vol. 12. Leiden, 1853. P. 270–271; *Abu-l-Feda.* Annales muslemici. Arabice et latine / Rec. I.G.C. Adler. Vol. 4. Hafniae, 1792. P. 318–320; *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави*. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны / Изд. критического текста, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М., 1996. С. 165, 341–342; *Ibn Bibi* (AS). P. 167; *Abu al-Faraj*. Chronography. Vol. 1. P. 403; *Salia K.* Histoire de la nation géorgienne. P., 1980. P. 218; *Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey. L., 1968. P. 127; *Balivet.* Romanie byzantine. P. 71; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 119.

[63] *Abu al-Faraj*. Chronography. Vol. 1. P. 447.

[64] *Şams al-Din Ahmad al-Aflaki al-'Arifi*. Manakib al-'Arifin (Metin) / Haz. Tahsin Yazıcı. C. 1–2. Ankara, 1959. C. 1. S. 92 (упомянута как супруга султана), 263 (упомянута как «Царица Цариц»), 432–433 (упомянута как супруга Муʿин ал-Дина Парвана).

[65] *Abu al-Faraj*. The Chronography. P. 403–404; *Vryonis* 1977. P. 13–19.

[66] *Lafontaine-Dosogne J.* Nouvelles notes cappadociennes // Byzantion. 1963. T. 33. P. 148–154.

[67] *Thierry N., Thierry M.* Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région de Hasan Daği. P., 1963. P. 202–206.

[68] Стандартное араб. *amīr al-ʿāriḍ* > перс. литературное *amīr-i ʿāriḍ* > перс. и тюрк. разговорное *amīrāriz*. Персидская письменная форма *amīr-i ʿāriḍ* (без арабского артикля *al*) фиксируется в: *Ibn Bibi* (AS). P. 127, 202, 597ff. О титуле см.: *Cahen C.* The Formation of Turkey. P. 140.

(*ἀμηράρζης/amīrāriz*), подкрепив его новыми аргументами[69]. Вместе с тем еще Марсель Рестле предложил читать именование как *ἀμὴρ αὐτῆς*[70]. К последнему варианту присоединился В. Лоран в упоминавшейся статье. Хотя версия М. Рестле и В. Лорана является наиболее надежной с точки зрения палеографии, в историографии закрепилось чтение Николь и Мишеля Тьерри и Спироса Вриониса, и мне не встречались попытки его оспорить.

Чтение *ἀμηράρζης*, помимо палеографической сомнительности, страдает двумя недостатками, делающими его неприемлемым. Во-первых, сельджукский титул должен был бы выглядеть как *ἀμηραρίζης*, но не *ἀμηράρζης*. Во-вторых, форма *ἀμηράρζης/ἀμηραρ*(*ί*)*ζης* (если предположить, что *йота* пропущена или сокращена) совершенно невозможна грамматически, ибо стоит в именительном падеже, а не в родительном, как остальные слова в этой синтаксической группе. Если бы тут действительно имелся в виду сельджукский титул *ἀμηραρ*(*ί*)*ζης*, то в генитиве он выглядел бы как *ἀμηραρ*(*ί*)*ζη* или *ἀμηραρ*(*ί*)*ζου*. Форма *ἀμηραρ*(*ί*)*ζης* может быть прочтена как генитив, но только *женского* рода от гипотетического *ἡ ἀμηραρ*(*ί*)*ζη*. Однако очевидно, что дворцовый титул, сопровождающий мужское имя, никак не может стоять в женском роде. Последний аргумент, как кажется, целиком обесценивает реконструкцию Н. и М. Тьерри и С. Вриониса.

Некоторое время назад автор этих строк, учитывая сомнительность чтений *ἀνδρὸς αὐτῆς* и *ἀμηράρζης* и полагая, что у киры Тамары не могло быть собственных эмиров, предложил читать титул как *ἀμὴρ* (*τῆς*) *αὐλῆς* — гибридный персидско-греческий эквивалент сельджукского дворцового титула *amīr-i bār*[71]. Теперь, однако, стало ясным, что дамы из сельджукского султанского гарема, как христианки, так и мусульманки, имели собственных слуг, включая эмиров, ответственных за дворцовые службы и их личную гвардию[72]. По этой причине чтение М. Рестле и В. Лорана (*ἀμὴρ αὐτῆς*), которое не противоречит ни палеографии, ни историческому контексту, представляется наиболее предпочтительным.

---

[69] *Vryonis* 1977. P. 12.

[70] *Restle M.* Byzantine Wall Painting… P. 174–175.

[71] *Шукуров Р.М.* Иагупы: тюркская фамилия на византийской службе // ВО. СПб., 2006. С. 214.

[72] Более подробно см.: *Шукуров Р.М.* «Гаремное христианство»: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. СПб., 2011. С. 64–90.

Судя по содержанию надписи и фреске, Василий Иагуп по статусу был существенно ниже Тамары (поскольку он упомянут вторым, а модель церкви находится в руках царевны). Нет также оснований полагать, что Василий Иагуп был мужем Тамары: это ошибочное мнение опирается на неверное прочтение титула Василия[73].

Итак, в правление сельджукского султана Гийас ал-Дина Масʿуда II (1282–1301, 1303–1305) Василий Иагуп принадлежал к числу эмиров сельджукского гарема. Он, скорее всего, был византийским офицером, посланным на службу в Сельджукский султанат Андроником II. Византийское подданство Василия удостоверяется его христианским византийским именем и ссылкой в надписи на правление Андроника II. Вероятно, Софи Метивье права, предполагая, что такого рода ссылки на императоров в донаторских надписях в мусульманской Анатолии указывали на византийское подданство донаторов[74]. Если предположить, что Василий Иагуп был сыном христианизированного тюрка, гипотетического Йаʿкуба (см. выше), то его отправка Андроником II к Масʿуду была бы вполне логичной: в византийской практике того времени учитывали и использовали общность этнических корней[75]. Имея в виду наличие знатной фамилии Иагупов в палеологовской Византии, можно думать, что Василий является наиболее ранним из известных нам ее представителей. В греческих источниках Иагупы упоминаются примерно с того же времени — с 1300 г.

IA-2: N. Ἰαγούπης

Некий Иагуп упомянут без крестного имени в периорисмах 1300 и 1321 гг., составленных для афонской Лавры. Он значится как владелец участков в деревне Сарантареа (Халкидика), граничащих с владениями Лавры[76].

[73] Так, например, стала считать Н. Тьерри, которая в одной из своих работ парадоксальным образом объединила все известные ей чтения титула/именования Василия Иагупа — ἀνδρὸς αὐτῆς, ἀμὴρ αὐτῆς и ἀμηραρ(ί)ζης, — называя его и мужем Тамары, и *amīr al-ʿāriḍ* (*Thierry N.* La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Âge. P. 215, 283).

[74] *Métivier S.* Byzantium in question…

[75] Так, в частности, проводником упомянутого Масура/Мансура по византийской территории был некий византийский тюрок Ибрагим-бек (Ἀβράμπαξ), см.: *Pachym.* X.25 (t. 4, p. 361), а также выше, гл. III, разд. 7.

[76] ALavr II. № 90, p. 82.90–83.1 (имя в форме Ἰαούπης); № 108, p. 185.38ff.; PLP. № 7824. О деревне Сарантареа см.: *Lefort J.* Villages de Macédoine: notices historiques et topographiques sur la Macédoine orientale au Moyen Âge. 1: La Chalcidique occidentale. P., 1982. P. 168–170, cartes 4 et 13.

IA-3: Κωνσταντῖνος Ἰαγούπης

Константин Иагуп был, вероятно, жителем Халкидики: в 1335 г. он значится как свидетель при продаже участка земли в местности Св. Парамон Хиландарскому монастырю[77].

IA-4: N. Ἰαγούπης

Протоиеракарий Иагуп, упомянутый без крестного имени, в 1344 г. значится в списке высших чиновников, присутствовавших в Фессалонике на судебном разбирательстве между монастырем Дохиар и чиновником Мануилом Хагерием, который в ходе земельной переписи отписал в пользу казны некоторые земли монастыря в Каламарии (местность Диаволокамп). Протовестиарит Иоанн Дука, вняв просьбе Нифонта, игумена монастыря Дохиар, провести публичное судебное расследование, пригласил на заседание наиболее видных персон из высшей светской и духовной администрации Фессалоники[78]. 11 из приглашенных названы поименно; кроме них присутствовали и «многие другие». Наличие протоиеракария Иагупа среди 11 упомянутых (он назван 7-м по счету) указывает на его принадлежность к правящей верхушке города.

IA-5a-b: Ἀλέξιος Ἰαγούπης

Алексей Иагуп, апографевс и императорский οἰκεῖος, упомянут в трех актах афонского монастыря Пантократор (один 1394-го и два 1396 г.)[79]; в 1394 г. он участвовал вместе с Фокой Севастопулом и Георгием Феологитом в определении границ владений данного монастыря на острове Лемнос, в результате чего ими был издан πρακτικὸν ἔγγραφον; на этот πρακτικὸν ἔγγραφον ссылаются два других документа — хрисовул императора Мануила II Палеолога и акт патриарха Антония IV (оба изданы в 1396 г.), подтверждающие права монастыря на его лемносские земли. В акте патриарха Матфея I (1400 г.) Алексей Иагуп назначается опекуном несовершеннолетнего Иакова Тарханиота, вероятно жителя Константинополя или его пригородов[80]. Последнее, в частности, указывает на то, что

---

[77] AChil (Petit–Korablev). № 125, p. 261.46; PLP. № 7816. Местность Св. Парамон находилась восточнее деревни Сарантареа в Каламарии; см. гл. IV, разд. 3.

[78] ADoch. № 23, p. 170.10; PLP. № 92055.

[79] APantokr. № 20, p. 145.69; № 21, p.148.5ff.; № 22, p. 155.22; PLP. № 7819.

[80] MM. Vol. 2. P. 354: патриарх встает на защиту Иакова Тарханиота, сына некоего Триаконтафила. В 1398 г. Иаков продал за бесценок Мирелейскому монастырю в Константинополе унаследованную от отца землю; патриарх обязывает монастырь заплатить справедливую цену.

Алексей Иагуп жил в это время в столице, а на Лемносе в 1394 г. находился по поручению императора.

Кроме того, известно, что Алексей Иагуп, принадлежа к «домашним» Мануила II Палеолога, находился с василевсом в близких отношениях и вне службы. Император адресовал Алексею в форме письма один из своих богословских трактатов, в котором, в частности, обсуждается учение Григория Паламы[81].

Вероятно, именно Алексей Иагуп скрывался под упомянутым без крестного имени архонтом Иагупом (ἄρχων Ἰαγούπης). В 1396 г. этот архонт вместе с Димитрием Скараном исполнял роль представителя Мануила II на церковном синоде, на котором Макарий, будущий анкирский митрополит[82], обвиненный в симонии, был лишен священнического сана. Поручение, возложенное на архонта Иагупа и Димитрия Скарана, было довольно щекотливым: Мануил II пытался защитить близкого ему Макария, которого он в 1399 г. взял с собой в путешествие по Западной Европе[83].

Весьма вероятно, что Алексей Иагуп (PLP. № 7819) и архонт Иагуп (PLP. № 7814) являются одним и тем же лицом. Идея идентичности архонта Иагупа и Алексея Иагупа высказывалась издателями PLP. По всей видимости, это действительно так. На это указывает и хронологическое совпадение упоминаний об Алексее Иагупе (1394, 1396, 1400 гг.) и архонте Иагупе (1396 г.), а также близость обоих персонажей к персоне Мануила II и исполнение обоими его ответственных поручений. Кроме того, следует отметить, что содержание титула «архонт» было слишком широким, он обобщенно прилагался к высшему чиновничеству и лицам, близким к императору, так что тут он вполне мог обобщенно заменить οἰκεῖος — титул Алексея Иагупа. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что в случае Иагупа именование «архонт» заменяет его собственное имя, что указывает на широкую известность персоны. Такой известной личностью среди Иагупов в этот период и был Алексей.

---

[81] *Marc P.* Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der Neueren Zeit. Bericht und Druckproben. München, 1910. S. 16–19; *Barker J.* Manuel II Palaeologus (1391–1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick (NJ), 1969. P. 528; *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 748.

[82] См. о нем: *Beck H.-G.* Kirche… S. 741–742; *Laurent V.* Le trisépiscopat du patriarche Matthieu Ier (1397–1410). Un grand procès canonique à Byzance au début du XVe siècle // RÉB. 1972. T. 30. P. 52; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981. S. 112–113, 263.

[83] RegPatr. T. 2/6. № 3025; PLP. № 7814.

IA-6: Γεώργιος Ἰαγούπης

Георгий Иагуп упоминается в актах афонского монастыря Св. Пантелеимона. В октябре 1406 г. Мануил II Палеолог адресует ему и другим чиновникам простагму о выделении для этой обители земель из императорского домена на о-ве Лемнос; Георгий назван императорским οἰκεῖος[84]. В 1407 г. Иагуп был одним из составителей описи (πρακτικόν) владений монастыря на Лемносе, в которой он подписался «рабом» (δοῦλος) императора[85]. Хотя ни один из этих документов никак не определяет его чин, сами его функции позволяют заключить, что он исполнял роль апографевса. Причем следует отметить, что в обоих случаях он назван первым в ряду других чиновников, что, возможно, свидетельствует о его более высоком статусе по сравнению с прочими апографевсами, производившими размежевание и опись.

Георгий Иагуп является адресатом одного из писем Иоанна Хортасмена (ок. 1370 — до июня 1439)[86], писателя и библиофила, знаменитого наставника, преподававшего, в частности, Виссариону, Марку Евгенику, Геннадию Схоларию[87].

Письмо Иоанна Хортасмена к Георгию Иагупу, будучи типичным образчиком эпистолярной риторики, не дает почти никакой биографической информации. Хортасмен отмечает стремление Иагупа к тому, чтобы привить своему сыну доблесть (ἀρετή) и научить его мудрости (σοφία)[88].

IA-7a-b: Θεόδωρος Ἰαγούπης (Διαγούπης)

Как было сказано, сын Георгия Иагупа упомянут в письме Иоанна Хортасмена. Когда писал это письмо Хортасмен, мы не знаем; вероятнее всего — в первые десятилетия XV в., когда он активно занимался преподавательской деятельностью. Только это и известно о сыне Георгия Иагупа — учителем его был Иоанн Хортасмен. Отсюда, однако, следует важный вывод: в это время сын Георгия, а следовательно, и сам Георгий со своей семьей жили в Константинополе, где с середины 1390-х гг. и, скорее всего, до начала 1430-х гг. находился знаменитый преподаватель[89].

---

[84] APantél. № 16. P. 120.1; ARus. № 24. С. 188 (ошибочная датировка).

[85] ARus. № 25. С. 198; APantél. № 17. P. 125.43.

[86] HungChort. № 27. S. 176–177.

[87] *Hunger H.* Johannes Chortasmenos, ein byzantinisher Intellektueller der späten Palaiologenzeit // Wiener Studien. 1957. Bd. 70. S. 153–163; *Talbot A.-M.* Chortasmenos, John // ODB. Vol. 1. P. 431–432.

[88] HungChort. S. 176.

[89] Ibid. S. 16, 18.

Можно предположить, что анонимный «сын Георгия Иагупа» носил имя Феодор. Феодор Иагуп встречается однажды в решении «вселенских судей» в Фессалонике по поводу спора о садах в окрестностях этого города, принадлежавших монастырю Ивирон и сданных в аренду семье Аргиропулов еще в 1404 г. Монастырь, посчитав, что сделка заключена в результате подкупа, а арендная плата занижена, апеллировал к суду. В апреле 1421 г. суд решил дело в пользу обители[90]. Эту тяжбу между Ивироном и Аргиропулами в свое время в деталях разбирал К.-П. Мачке[91]. На судебном заседании присутствовало несколько ἄρχοντες τοῦ συγκλήτου и императорских οἰκεῖοι, представлявших высшую фессалоникскую администрацию, и среди них Феодор Иагуп, который назван последним в списке, 7-м по счету[92].

В оригинальном документе патроним Феодора зафиксирован в нестандартной орфографии — как Διαγούπης. Ф. Дёльгер справедливо отмечает, что различие между Διαγούπης и Ἰαγούπης несущественно, ибо взаимный переход между начальными ἰα, δια и για был распространенным явлением[93]. Исходя из полной идентичности форм Διαγούπης и Ἰαγούπης, германский исследователь причисляет Феодора Диагупа к семейству Иагупов.

Скорее всего, Феодор и прочие упомянутые вместе с ним лица принадлежали не к константинопольскому, но к фессалоникскому синклиту[94]. Титул сенаторского архонта указывает на высокий социальный статус Феодора, на его принадлежность к аристократической верхушке города — οἱ δυνατότεροι[95]. Кроме того, можно заключить, что по меньшей мере в этот период времени, ок. 1421 г., Феодор проживал в Фессалонике. Однако на этих основаниях нельзя утверждать, что Феодор был уроженцем этого города и прожил там всю жизнь: само собой разумеется, что часть чиновников, в особенности высших, присылалась из Константинополя[96].

Возможно, он приходился сыном Георгию Иагупу. В пользу иден-

---

[90] Акт издавался дважды: DöSch. № 102; AIvir. T. IV. № 97. В издании Ж. Лефора, Н. Икономидиса и др. содержатся важные поправки текстологического и аналитического характера к изданию Ф. Дёльгера.

[91] *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara… S. 159–175.

[92] AIvir. T. IV. № 97, p. 158.14; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern… № 102.14. S. 266; PLP. № 7822.

[93] DöSch. S. 264.

[94] О городском сенате см.: *Tafrali O.* Thessalonique au quatorzième siècle. P., 1913. P. 71–73; *Vacalopoulos A.* A History of Thessaloniki. Thessaloniki, 1972. P. 53.

[95] *Tafrali O.* Thessalonique… P. 22.

[96] *Necipoğlu N.* The Aristocracy in Late Byzantine Thessalonike: A Case Study of the City's Archontes (Late 14th and Early 15th Centuries) // DOP. 2004. Vol. 57. P. 133–151.

тификации Феодора Иагупа и упоминавшегося у Хортасмена сына Георгия Иагупа говорит сочетание высокого образования у «сына Георгия» и высокого социального статуса у Феодора, который также предполагал хорошее образование. Хотя в условиях отсутствия иной информации эта реконструкция остается проблематичной, в моей таблице я все же нахожу возможным идентифицировать «сына Георгия» как Феодора Иагупа.

Родственные связи

Как следует из моей анкеты, патроним Иагуп был достаточно редким в палеологовской Византии. Само это обстоятельство наталкивает на мысль, что все его носители принадлежали к одному семейству.

Существование родственных связей между известными Иагупами уже давно постулировалось в историографии. Еще Ф. Дёльгер причислил Иагупов второй половины XIV и начала XV в. (№ IA-3, IA-5b и IA-7b моего списка) к одному и тому же «известному знатному роду» (ein bekanntes Adelsgeschlecht)[97]. Издатели актов монастыря Св. Пантелеимона (П. Лемерль, Ж. Дагрон и С. Чиркович) рассматривали Иагупов № IA-2, IA-3, IA-6, IA-7b как одну семью[98]. Н. Икономидис в комментариях к актам Дохиара объединял Иагупов № IA-2, IA-3, IA-4, IA-7a, называя их «famille thessalonicienne»[99]. В. Кравари говорила о родственной связи между IA-5a и IA-6 с дальнейшей отсылкой к спискам Иагупов в актах Пантелеимонова и Дохиарского монастырей[100]. Таким образом, хотя ни один из исследователей не дал полного списка известных Иагупов, все вошедшие в мою анкету носители патронима в той или иной комбинации причислялись к одному семейству. Я присоединяюсь к высказанным точкам зрения, добавляя, что речь в источниках идет о потомках крещеного мусульманина, скорее всего анатолийского тюрка.

Отмечу и другой подразумевавшийся перечисленными исследователями важный аспект, с которым я солидарен: описываемое семейство Иагупов вряд ли включало в себя иных индивидов, носивших сходные патронимы, но живших в других частях византийского мира, за пределами империи Палеологов[101].

---

[97] DöSch. S. 270.

[98] APantél. P. 119.

[99] ADoch. P. 169.

[100] APantokr. P. 142.

[101] Θεριανὸς Ἰαγούπης (PLP. № 4150 = 7823) и монахиня Γιαγούπενα (PLP. № 7812, 4148) — оба из Трапезунда, Μακάριος Γιακοῦφ из Сугдеи (PLP. № 4154); Ἀλέξης

Вместе с тем, на мой взгляд, нет достаточных оснований привязывать «палеологовских» Иагупов исключительно к Фессалонике, как это делал Н. Икономидис. Судя по постам, которые они занимали, они могли жить и в Константинополе, оказываясь в Фессалонике и на Лемносе по поручению императора. Наличие земельных владений в Халкидике у Иагупа № IA-2 также не является неоспоримым доказательством его местного происхождения.

Проблема определения конкретных родственных связей между известными Иагупами решается лишь гипотетически. Так, например, известно, что Алексей (IA-5a-b) и Георгий (IA-6) были апографевсами. Хотя, как отметил Г. Хунгер, нет никаких свидетельств о родственной связи между ними[102], слишком мала вероятность того, чтобы два однофамильца случайно занимались одной и той же деятельностью и, возможно, даже служили в одном и том же ведомстве. Скорее всего, как предположила В. Кравари, Алексей и Георгий были родственниками[103]. Моя генеалогическая таблица, распределившая известных Иагупов по шкале поколений, показывает, что, вероятнее всего, Алексей и Георгий принадлежали к разным поколениям и, по-видимому, были отцом и сыном. Следуя той же логике, я предполагаю, что Георгий и Феодор Иагуп являлись родственниками — и, возможно, также отцом и сыном.

Есть еще один аргумент, косвенно подтверждающий родственную связь между Иагупами, жившими в Палеологовской империи, а именно — выраженное «семейное» единство их занятий и социального статуса.

Социальный статус Иагупов

Из приведенного выше списка следует, что пятеро из Иагупов находились на императорской службе. Причем обращает на себя внимание тот факт, что по меньшей мере четверо из них служили в гражданской администрации.

Так, Алексей (IA-5a-b) и Георгий (IA-6) были апографевсами (ἀπογραφεύς) — т.е. чиновниками, отвечавшими за составление земельных кадастров, разграничение владений и расчет налоговых норм[104].

Γιακούπης на Кипре (PLP. № 4153), Γιακύνυ Γιακύπυ у Палермо (PLP. № 93345) и Γιάκουπος в Южной Италии (PLP. № 93344).

[102] HungChort. S. 96.

[103] APantokr. P. 142.

[104] Об апографевсах см.: *Maksimović L.* The Byzantine Provincial Administration under the Palaiologoi. Amsterdam, 1988. P. 186–191; *Kazhdan A.* Apographeus // ODB. Vol. 1. P. 134.

Титул συγκλητικὸς ἄρχων Феодора Иагупа указывал на почетное сенаторское достоинство носителя; сенаторские архонты принадлежали к административной элите империи, занимали высокие посты в чиновничьем аппарате, исполняли важные поручения императора. По всей видимости, они были связаны в большей степени, если не исключительно, именно с гражданской администрацией[105].

Можно сделать и другой вывод: Феодор, будучи архонтом синклита, занимал, вероятно, более высокое социальное положение, чем его отец. Если между Алексеем, Георгием и Феодором действительно существовало прямое родство, то можно констатировать, что в данном случае наличествует явный рост в престиже семьи.

Эти трое Иагупов (Алексей, Георгий и Феодор) принадлежали к императорским *икеям* (οἰκεῖοι), т.е. членам узкого круга «домашних», придворных, близких к особе василевса[106]. Не исключено, что и протоиеракарий Иагуп также был гражданским чиновником, поскольку в 1344 г. он был в числе приглашенных на судебное заседание[107].

Итак, большинство из известных Иагупов были придворными и служили по гражданской части (составители кадастров, порученцы по церковным вопросам). В этой связи следует особо подчеркнуть: было бы невероятным совпадением, чтобы в гражданской чиновной элите в течение многих десятилетий оказывалось столько однофамильцев, причем носящих редкое для Византии имя. Крупный землевладелец Иагуп и свидетель Иагуп, скорее всего, принадлежали к этой семье и вполне могли занимать высокие должности, хотя об их чинах источники умалчивают.

Г. Хунгер, издатель и комментатор текстов Хортасмена, предлагает причислить Георгия Иагупа к наиболее благополучной части «среднего слоя» (μέσοι), т.е. к прослойке достаточно состоятельных людей из городских интеллектуалов, чиновников, торговцев, ремесленников, зажиточных сельчан[108], на наличие которой указывает «Разговор между богатым и бедным» Макремволита[109]. Μέσοι не хватало общественной значимости и политического влияния,

[105] См., например: *Angold M.* A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea: 1204–1461. Oxford, 1975. P. 72–73.

[106] Об императорских οἰκεῖοι см.: *Verpeaux J.* Les oikeioi. Notes d'histoire institutionnelle et sociale // RÉB. 1965. T. 23. P. 89–99; *Angold M.* A Byzantine Government in Exile… P. 154–155.

[107] ADoch. P. 170.10.

[108] HungChort. S. 46–47.

[109] *Ševčenko I.* Alexios Makrembolites and his "Dialogue between the Rich and the Poor" // ZRVI. 1960. T. 8. P. 200f.; *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998. С. 224–225.

как отмечает Г. Хунгер, однако они тянулись к духовной жизни и нередко старались дать своим детям достойное образование. Именно об этом, по мнению австрийского ученого, свидетельствует случай Георгия Иагупа, который нанял другого представителя класса μέσοι — небогатого интеллектуала Иоанна Хортасмена — в качестве домашнего учителя своего сына.

Насколько эта оценка социального статуса Георгия, сформулированная Г. Хунгером, применима ко всей семье Иагупов? Не думаю, что она бесспорна. Даже учитывая всю условность и неопределенность статуса μέσοι, род занятий и общественный статус Иагупов позволяет причислить их скорее к сановной аристократии, чем к μέσοι. Само наличие у семьи устойчивого патронима — весомый аргумент в пользу принадлежности ее к знати. Это подтверждается и тем обстоятельством, что среди лиц, носивших патроним Иагуп, не было представителей низших классов (париков, крестьян или ремесленников, торговцев). Вместе с тем для принадлежности к высшей элите у Иагупов явно не хватало династических связей с другими громкими аристократическими фамилиями империи. Это был достаточно именитый род, представители которого были близки к особе императора и высшему клиру, помнили своего славного предка и сохраняли собственное единство в течение более чем сотни лет.

Иагупы — потомки Гермийан?

Продолжая эти рассуждения и имея в виду довольно высокий социальный статус рода и его консолидированность вокруг имени прародителя, представляется уместным сделать одно очень осторожное предположение относительно родоначальника Иагупов. Если их предок действительно был настолько знатным лицом, что его потомки бережно хранили память о нем, то кто из значительных тюркских деятелей второй половины XIII в. мог им быть? Как представляется, наиболее подходящим на роль родоначальника является западноанатолийский род Гермийан.

В пользу этой гипотетической идентификации можно привести следующие аргументы.

1. В истории тюркских эмиратов Западной Анатолии XIII–XIV вв. только в среде Гермийан имя Йаʿкуб было «родовым» преномом[110].

[110] *Beldiceanu-Steinherr I.* Notes pour l’histoire d’Alaşehir (Philadelphie) au XIVe siècle // Philadelphie et autres études. P., 1984. P. 17–20; *Uzunçarşılı I.H.* Afyon Karahisar, Sandikli, Bolvadin, Çay, Isakli, Manisa, Birgi, Muğla, Milas, Peçin, Denizli, Isparta, Atabey ve Eğirdir deki kitabeler ve Sahip, Saruhan, Aydın, Menteşe, Inanç, Hamit oğulları hakkında malûmat. İstanbul, 1929. S. 42–44.

Двое из Йаʿкубов в этой династии были правителями: Йаʿкуб I ибн ʿАлишер, занимавший престол в последних десятилетиях XIII в. и в начале XIV в., и Йаʿкуб II, который в 1428 г. завещал свой эмират османскому султану Мураду II (1421–1451)[111].

2. Византийские источники не сохранили прямых указаний на какие-либо контакты (мирные или враждебные) с тюрками Гермийана. Это вызывает удивление, ибо этот эмират с центром в Кютахье (Κοτύαιον) был одним из первых централизованных туркменских княжеств на границах с империей, которое выделилось из состава Сельджукского султаната еще, вероятно, в 1270-х гг. и проводило активную завоевательную политику по отношению к Византии. Возможно, именно против тюрков Гермийана Михаил VIII Палеолог совершал походы в область Сангария в 1280–1282 гг.[112] В кратком сообщении Григоры о «Кармане Алисурии» (т.е. Гермийане ʿАлишере), относящемся уже к рубежу XIII–XIV вв., также нет каких-либо значимых деталей касательно взаимоотношений империи и Гермийана[113]. Из восточных источников известно, что эмиры Гермийана прославились в тюркской Анатолии как удачливые противники византийцев. Хотя и в этом случае для ранней истории Гермийана сохранилось мало конкретной информации помимо общих фраз[114]. Как бы то ни было, очевидно, что какие-то связи между Византией и эмиратом наличествовали. А раз так, то члены правящего рода Гермийан могли оказаться в Константинополе в качестве заложников или пленников. Возможно, обсуждаемое присутствие Йаʿкубов/Иагупов среди византийской знати является единственным следом существования таких связей.

Хотя для доказательства моего предположения пока недостает твердых аргументов, связь между византийскими Иагупами и эмирами Гермийана можно использовать в качестве рабочей гипотезы. Она, во-первых, объясняет, почему именно Василий Иагуп оказался на службе у Масʿуда II, а во-вторых, раскрывает причину

---

[111] См. статью И. Меликовой в «Энциклопедии Ислама» с необходимыми библиографическими ссылками: *Mélikoff I.* Germiyān-oğulları // EI NE. Vol. 2. P. 989a; а также: *Cahen C.* L'origine des Germyan // JA. 1951. T. 239. P. 349–354; *Varlik M.C.* Germiyan oğulları tarihi (1300–1429). Ankara, 1974.

[112] *Pachym*. VI.22 (t. 1, p. 598–599); *Bartusis M.* The Late Byzantine Army... P. 64.

[113] *Greg*. VII.1 (t. 1. p. 214).

[114] К ссылкам, указанным у Ирен Меликовой (*Mélikoff I.* Germiyān-oğulları...), следует добавить: *Abu Bakr Tihrani*. T. 1. P. 15. Абу Бакр, автор середины XV в., цитирует легендарную традицию туркмен *аккуйунлу*, согласно которой они воевали под началом эмиров Гермийан (сыновей ʿАлишера) с византийцами в области Бурсы (рус. пер. отрывка см. в: *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток... С. 233–234).

исключительной устойчивости патронима на протяжении многих поколений (вопреки тому, что семья Иагупов, по всей видимости, так и не породнилась с виднейшими знатными родами империи).

Генеалогическая реконструкция

Ниже показаны известные Иагупы, помещенные в условную шкалу поколений. Первым поколением отмечен предположительный родоначальник семьи, некий мусульманин Йаʿкуб, возможно отпрыск тюркского правящего дома Гермийан, который тем или иным образом оказался в Византии, крестился и оставил там потомство. Гипотетический N. введен мной для VI поколения, ибо в источниках для периода 1360–1380 гг. не значится ни одного представителя фамилии. Степень родства между внесенными в таблицу лицами точно не известна, кроме одного случая: сын Георгия Иагупа упомянут в письме Иоанна Хортасмена. С большой долей вероятности можно предположить, что Алексей (VII поколение) и Георгий (VIII поколение) были отцом и сыном. Возможно также, что Феодор Иагуп (IX поколение) приходился сыном Георгию (тем самым, что упомянут у Хортасмена) и, следовательно, внуком Алексею.

I поколение (*1260–1280-е гг.*)
N. Yaʿqūb из мусульманской Анатолии

II поколение (*1280–1300-е гг.*)
IA-1 Βασίλειος Γιαγούπης

III поколение (*1300–1320-е гг.*)
IA-2 Ἰαγούπης

IV поколение (*1320–1340-е гг.*)
IA-3 Κωνσταντῖνος Ἰαγούπης

V поколение (*1340–1360-е гг.*)
IA-4 *protohierakarios* Ἰαγούπης

VI поколение (*1360–1380-е гг.*)
N.

VII поколение (*1380–1400-е гг.*)
IA-5 Ἀλέξιος Ἰαγούπης

VIII поколение (*1400–1420-е гг.*)
IA-6 Γεώργιος Ἰαγούπης

IX поколение (*1420–1440-е гг.*)
IA-7 Θεόδωρος Ἰαγούπης

9. Анатавлы

Имя Ἀναταυλᾶς (gen. Ἀναταυλᾶ), по всей видимости, происходит от арабского عين الدولة (перс. عين الدولت), которое в условной научной транскрипции выглядит как ʿ*Ayn al-Dawla*(*t*), а произносилось как *aynad*(*d*)*awla*, откуда и образовалась греческая форма. Эллинизированную форму имени ʿ*Ayn al-Dawla* в форме Αἰναδοβλᾶς мы встречаем в XII в. на грекоязычной монете данишмандидского государя ʿАйн ал-Давла б. Амир Гази, правившего в Малатье в 1142–1152 гг.[115] Передача имени на монете точнее, чем форма Ἀναταυλᾶς, лишь в одном случае: элемент ʿayn- на монете вернее передан как αἰν-; различие между -δοβλά и -ταυλά совершенно несущественное — они являются допустимыми вариантами передачи *dawla*, причем вариант -ταυλά более корректный и предпочтительный. Контракция αι > α для элемента ʿayn-/αἰν- вполне вероятна в разговорном среднегреческом[116]. Зафиксированная у Д. Моравчика этимология «Ἀναταυλᾶς ← ʿAlāeddaula»[117] представляется невозможной с лингвистической точки зрения. Более интересное, но также неубедительное предположение сформулировано Рихардом Хартманном: имя Ἀναταυλᾶς могло иметь чисто тюркское происхождение, на что указывает второй элемент имени — -τοβλά, выводимый из тюркского имени *dūlāt* (دولات), значение которого Р. Хартманн не дает[118]. Приведенная выше аналогия с близкой по времени греческой надписью с данишмандидским именем Αἰναδοβλᾶς (кстати говоря, неизвестной Д. Моравчику и Р. Хартманну) является, на мой взгляд, более надежной основой для идентификации.

ʿ*Ayn al-Dawla* (*aynaddawla*) в переводе означает «Око/Источник/Суть Государства» и по своему типу является не собственным именем, но почетным прозвищем или титулом, так называемым *laqab*,

---

[115] См. об этой легенде: *Whelan E.J.* A Contribution to Danishmendid History: The Figured Copper Coins // ANSMN. 1980. Vol. 25. P. 140–141; *Oikonomidès N.* Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium // RN. 6e série. 1983. T. XXV. P. 190 (поправки к чтению Э. Уэлан); *Шукуров Р.М.* Формулы самоидентификации... С. 154. Примеч. 12 (поправки к чтению Н. Икономидиса).

[116] *Triandaphyllidis M.* Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur. Strassburg, 1909. S. 21: γαϊτάνι → γατάνι, γάιδαρος → γάδαρος и т.д. Один из примеров западноевропейских заимствований в среднегреческом: *Kahane H., Kahane R.* The Western Impact on Byzantium: The Linguistic Evidence // DOP. 1982. Vol. 36. P. 136: κιβιτάνος «castellan» ← норман. *kevetaigne* / пикард. *kievetaine*.

[117] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 69.

[118] *Hartmann R.* Zur Wiedergabe Türkischer Namen und Wörter in den Byzantinischen Quellen. B., 1952. S. 7. Anm. 4. Это имя встречается в XIV в. у Афлаки: *Şams al-Din Ahmad al-Aflaki al-'Arifi*. Manakib... (см. Fihrist).

которого удостаивались чиновники, улемы и верховные правители в исламских странах. Традиционно *лакабы* со вторым элементом *dawla* присваивались при мусульманских дворах высшей чиновной и военной знати, а также верховным правителям (визирям, султанам). *Dawla* как элемент почетного титула впервые фиксируется в IX в. при дворе багдадских халифов[119]. Для сельджукского времени, по авторитетному свидетельству Низам ал-Мулька — визиря Великих Сельджуков (конец XI в.), «титулы "дин", "ислам", "давла" приличествуют четырем разрядам людей: во-первых — государям, во-вторых — визирям, в-третьих — улемам, в-четвертых — эмирам, которые постоянно заняты священной войной и способствуют победе Ислама»[120]. Компонента *dawla* была весьма распространена в среде тюркских военачальников на службе у мусульманских государей[121]. После XII в. наблюдается некоторое падение престижа титулов с элементом *dawla*[122]. Два анатолийских пособия по официальной переписке (кон. XIII — нач. XIV в.) более подробны в отношении употребления *лакаба* в сельджукской анатолийской практике: титулы с элементом *dawla* присваивались исключительно военной элите (*на*ʾ*ибам*, *вали*, эмирам войска и т.д.)[123]. Анатолийская историография XIII в. подтверждает, что компонента *dawla* была довольно распространенной в среде высших военачальников[124].

Итак, мусульманский родоначальник византийской фамилии был высокопоставленным военным или чиновником, возможно даже правителем (как упомянутый Данишмандид). Происходил он, скорее всего, из Анатолии, ибо титулы с элементом *dawla* не были свойственны Золотой Орде[125].

---

[119] *Bosworth C.A.* Laḳab // EI NE. Vol. 5. P. 621b, 622b.

[120] *Низам ал-Мульк.* Книга об управлении государством / Пер. Б.Н. Заходера. Душанбе, 1998. С. 127 (см. также статью «Laqab» в: *Dehkhodâ Aliakbar.* Loghatnâme. CD-Version. Tehran, 2000).

[121] *Низам ал-Мульк.* Книга об управлении государством. С. 123.

[122] *Bosworth C.A.* Laḳab. P. 623a. Низам ал-Мульк отмечал также, что в результате сельджукских завоеваний «правила изменились, исчезло различение [титулов], титулы смешались; если мелкая персона просила титул — давали, пока не унизился сам титул» (*Низам ал-Мульк.* Книга об управлении государством. С. 127).

[123] *Hasan b. ʿAbdi'l-Mu'min el-Hoyi.* Gunyetu'l-Katib ve Munyetu't-Talib // Erzi A.S. Selçukiler Devrinde âid Inşâ Eserleri. Ankara, 1963. S. 3.11, 5.16, 8.6, 9.16, 10.1; *Idem.* Rusumu'r-Resa'il ve Nucumu'l-Faza'il // Ibid. S. 4.13; 7.9, 15, 19; 8.10, 15. Следует отметить, что титулы с элементом *dawla* никогда не присваивались эмирам «среднего звена» — эмирам тюркских кочевых контингентов и подразделений *iğdiş* (т.е. новообращенных мусульман из бывших христиан).

[124] См., например: *Ibn Bibi* (Duda). S. 158, 199, 201, 202, 226, 227, 330 (Anm. 77) etc.

[125] Интересно, что в 1270-х гг. в Конье проживал некий ʿAyn al-Dawla — художник, грек-христианин. Трудно сказать, имел ли он какое-то отношение к византий-

В нижеследующую анкету (табл. 11) вошли все известные на сегодняшний день представители фамилии Анатавла. Источники палеологовского времени содержат упоминания 5 лиц, носивших это фамильное имя. В анкету добавлено двое носителей фамилии, не учтенных в PLP. Изменен и порядок расстановки анкетируемых лиц: в отличие от PLP, в моем списке они даны в хронологическом порядке. Поскольку мой список и список PLP в упомянутых существенных пунктах не совпадают, то, во избежание путаницы и для облегчения ссылок, вводится новая нумерация лиц. По сравнению с PLP сведения биографического характера и ссылки на источники уточнены и расширены. Однако я посчитал целесообразным убрать рубрику со ссылками на исследовательскую литературу, присутствующую в анкете PLP. Много более подробные ссылки читатель найдет ниже, в тексте комментария.

AN-1a-b: Γεώργιος Ἀναταυλᾶς

В ноябре 1322 г. Γεώργιος Ἀναταυλᾶς, носивший титул севаста, упоминается как свидетель в акте Александра Дуки Сарантина[126] и его жены, удостоверяющем продажу Хиландарскому монастырю трех крытых черепицей зданий в квартале Парамон в Фессалонике[127].

Севаст Георгий Анатавла возглавляет список свидетелей, как, вероятно, наиболее знатный среди них. Свидетели представляли собой довольно колоритную компанию. Помимо севаста Георгия Анатавлы, в частности, в их число вошли военный из фессалоникской *великой аллагии* (ἀπὸ τοῦ Θεσσαλονικαίου μεγάλου ἀλλαγίου) Михаил Хамедракон[128], фессалоникский «главный архитектор» (πρωτομαΐστωρ τῶν οἰκοδόμων) Георгий Мармара[129] и, что самое примечательное, — знаменитый живописец (ζωγράφος) Георгий Каллиерг, работавший и в Хиландарском монастыре[130]. Личности Алек-

ским Анатавлам (*Asutay-Effenberger N.* Byzantinische (griechische) Künstler und ihre Auftraggeber im seldschukischen Anatolien // Knotenpunkt Byzanz. Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen / Hrsg. A. Speer, Ph. Steinkrüger. B., 2012. S. 802–804).

126 PLP. № 24899.

127 AChil (Petit–Korablev). № 84, p. 178.13, 180.61; PLP. № 872.

128 AChil (Petit–Korablev). № 84, p. 180.62; PLP. № 30543; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army... № 47, p. 376.

129 AChil (Petit–Korablev). № 84, p. 180.64; PLP. № 17102.

130 AChil (Petit–Korablev). № 84, p. 180.63; PLP. № 10367. О Георгии Каллиерге см. также: *Cutler A.* Kallierges, Georgios // ODB. Vol. 2. P. 1093; *Джурич В.* Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000. С. 56, 153–154; *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 174. Мануил Фил писал об одной из икон Каллиерга: Manuelis Philae carmina / Ed. E. Miller. Vol. 1–2. P., 1855–1857. Vol. 2. P. 25–26.

Таблица 11

Просопографическая анкета Анатавл

№	Патроним	Крестное имя	Соц. статус	Место	Время	Источник	№ PLP
AN-1a	Ἀναταυλᾶς	Γεώργιος	севаст, свидетель в сделке	Фессалоника	1322 г., ноябрь	AChil (Petit–Korablev). № 84. P. 178.13; 180.61	872
AN-1b	Ἀναταυλᾶς	N.	землевладелец	Рентина/Лозикий	1327 г., октябрь	AChil (Petit–Korablev). № 116. P. 240.47, 50, 54	868
AN-2a	Ἀναταυλᾶς	N.	этериарх, землевладелец	Каламария/Неохорий	ум. до 1342 г., январь	PKar. P. 285.40–41	870
AN-2b	Ἀναταυλᾶς	N.	землевладелец	Каламария/Портарea	упомянут как умерший в 1346 г.	AEsph. № 22. P. 142f.	869
AN-3	Ἀναταυλᾶς	N.	землевладелец	Рентина/Лозикий	1350/1351 г.	ALavr III. № 130. P. 45.11–12	–
AN-4	Ἀναταυλᾶς	Γεώργιος	землевладелец	Каламария/Портарea	1388 г., февраль	AEsph. № 29. P. 169.1, 18	871
AN-5	[Ἀναταυλᾶς]	Θεόδωρος	держатель адельфата	Каламария/Портарea	после 1388 г., февраль	AEsph. № 29. P. 169.9, 18	–

сандра Сарантина — отпрыска аристократического рода, Георгия Каллиерга и др., возможно, обрисовывают элитный круг знакомств и общения Георгия Анатавлы, который несомненно принадлежал к фессалоникской элите.

Судя по всему, севаст Георгий Анатавла (так же как и продавец зданий и другие свидетели) был жителем Фессалоники.

Возможно, что это же лицо имелось в виду и в одном из актов Хиландарского монастыря от октября 1327 г. (AN-1b). Акт передавал этой обители некоторые земли в местности (χωρίον) Лозикий, располагавшейся южнее озера Вольви, в катепаникии Рентина[131]. В нем, в частности, упоминаются сопредельные владения Анатавлы (τὰ δίκαια τοῦ Ἀναταυλᾶ) в качестве ориентира для границ соседних монастырских земель[132]. Отсылка к владениям Анатавлы в 1327 г. фиксируется в PLP как упоминание лица, отличного от других известных (№ 868). Как представляется, эту ссылку следует рассматривать скорее как *топонимическое* определение. Такого рода определения вряд ли следует понимать как указания на то, что в Лозикии жил какой-то определенный представитель данной фамилии. Более предпочтительным представляется другое толкование: Анатавлы просто-напросто владели там земельной собственностью. В силу близости этого упоминания со временем деятельности севаста Георгия, можно предположить, что именно он и имелся в виду в хиландарском акте: присутствия других Анатавл в эти годы источники не фиксируют.

Титул «севаст» (σεβαστός) занимал далеко не самое важное место в поздневизантийской табели о рангах (в седьмом десятке). В эту эпоху император широко жаловал его византийской знати в качестве почетного звания, не связанного с какими-либо должностными функциями[133]. Вместе с тем, как показала Э. Арвайлер, в XIII–XIV вв. титул «севаст» могли носить вожди этнических групп, расселившихся на византийской территории. Так именовались вожди болгар Мосинополя и славян Тайгета, но также, вероятно, вла-

---

[131] Локализацию Лозикия (Λοζίκιον) см. в: AChil (Živojinović–Kravari–Giros). P. 73 (fig. 10), Index.

[132] AChil (Petit–Korablev). № 116, p. 240.47, 50, 54; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. T. 5. München, 1965. № 2576.

[133] См. подробнее: *Kazhdan A.P.* Sebastos // ODB. Vol. 3. P. 1863; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. T. 1–2. B.; Amsterdam, 1967. T. 2. P. 25; *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 139ff. (см. Index); *Stiernon L.* Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Sébaste et gambros // RÉB. 1965. T. 23. P. 222–243; *Idem.* Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Théodora Comnène et Andronic Lapardas, sébastes // RÉB. 1966. T. 24. P. 89–96.

хов и албанцев[134]. С. Врионис добавляет к этому списку этнических анклавов, возглавляемых собственными севастами и патрикиями, куман под Никеей и печенегов в центральной части Балкан. Эти этнические общины могли платить налоги в византийскую казну (как славяне в Морее) или, напротив, получать субсидии от центральной власти (подобно печенегам). Главной функцией этих общин была военная служба[135].

Трудно сказать, насколько применимы примеры, приведенные Э. Арвайлер и С. Врионисом, к обсуждаемому Георгию Анатавле. Имел ли он отношение к каким-либо этническим анклавам в регионе, сказать трудно. В любом случае, титул «севаст» и обрисованный выше круг его знакомств являются надежным основанием для причисления Георгия Анатавлы к византийской знати.

AN-2a-b: этериарх Ἀναταυλᾶς

Практик от января (число в акте отсутствует) 1342 г. удостоверяет передачу во владение Иоанну Маргариту (PLP. № 16850) нескольких участков земли в области Зихны, Серр и в Каламарии, прежде принадлежавших Арсению Цамплаку (PLP. № 27752) и Кантакузину. В частности, упоминается и земля «около богоспасаемого града Фессалоники, в Неохории в пределах Каламарии» (ἑτέρα γῆ περὶ τὴν θεόσωστον πόλιν Θεσσαλονίκην πρὸς τὸ μέρος τῆς Καλαμαρί(ας) εἰς τὸ Νέον Χωρίον), с которой граничили владения покойного этериарха Анатавлы (Ἀναταυλᾶ ἐκέινου)[136].

Для Неохория PLP дает альтернативную локализацию: «Grundbesitzer bei Neochorion bei Thes/nike (Neochorion bei Abramitai/ Chalkidike?)»[137]. Хотя, как видно из контекста приведенного греческого оригинала, речь все-таки шла скорее о Каламарии, но не о пригородах Фессалоники. Поэтому я присоединяюсь к мнению Ж. Лефора, локализовавшего Неохорий в Каламарии у Сарантарея[138].

Практик дает подробное описание границы между землями Иоанна Маргарита и этериарха Анатавлы, обрисовывая довольно обширные владения последнего. П. Лемерль отмечал, что данный акт, явственно отражая структуру землевладения на ограниченной территории в определенный момент времени, демонстрирует две

[134] *Ahrweiler H.* Le sébaste, chef des groupes ethniques // Polychronion. Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. P. 34–38.

[135] *Vryonis.* Manpower. P. 129.

[136] PKar. P. 285.40–41; PLP. № 870.

[137] PLP. № 870.

[138] *Lefort J.* Villages de Macédoine… P. 106–107, cartes 4 et 13. См. также: AEsph. Index general. P. 201: «ancien détenteur d'un bien à Kalamaria» (об этериархе Анатавле).

парадигмы распределения земельных владений: крупным и консолидированным доменам Кантакузина, Месопотамита, Анатавлы противостоят бесконечно дробная икономия Цамплака и микроскопические участки крестьянских семей[139].

Таким образом, этериарх Анатавла был крупным землевладельцем в Каламарии. К дате его смерти мы вернемся ниже.

По-видимому, о том же самом Анатавле идет речь и в 1346 г. в хрисовуле Стефана Душана, дарованном монастырю Эсфигмен. Этот хрисовул подтверждал старые владения обители, жаловал новые в Портареа (юго-запад Каламарии) и между прочими упомянул владения Анатавлы. Причем в части новых пожалований говорится, что царь возвращает бывшие земли Эсфигмена в Портареа, которые незадолго до времени издания хрисовула (т.е. до 1346 г.) были отданы покойному Анатавле: «…εὐεργετεῖ πρὸς αὐτὴν τὸ πρὸ χρόνων τινῶν κρατηθὲν καὶ ἀποσπασθὲν εἰς τὸ χωρίον τὴν Πορταρέαν μέρος καὶ δοθὲν τῷ Ἀναταυλᾷ ἐκείνῳ…»[140]. Ниже отмечается, что Анатавла на этом участке имел париков, которые отныне также переходят к монастырю[141]. Анатавла упомянут в документе дважды — и в обоих случаях как Ἀναταυλᾶ ἐκεῖνος. Следовательно, он умер до 1346 г., времени издания хрисовула[142].

Что имелось в виду под временным переходом к Анатавле некоторых земель Эсфигмена в Портареа? Предположительный ответ на этот вопрос дает Ж. Лефор в комментариях к изданию рассматриваемого акта, ссылаясь на сходный случай отчуждения монастырской земли в Крусово, возвращенной монастырю хрисовулом Стефана Душана от 1347 г.[143] Французский исследователь предполагает, что это передвижение земельной собственности было связано с узурпацией Иоанна Кантакузина в 1341 г.[144]

Действительно, П. Лемерль в комментариях к изданию актов Каракала показал, что на протяжении 1341 г. и до января 1342 г., когда Фессалоника и Серры находились под контролем сторонников Анны Савойской и Иоанна V, а Иоанн Кантакузин в Дидимотике был провозглашен императором, земли последнего, а также его сторонников в районе Зихны подверглись конфискации[145].

---

[139] PKar. P. 297.

[140] AEsph. № 22, p. 142.27–28; PLP. № 869.

[141] AEsph. № 22, p. 143.32.

[142] PLP. № 869. Другие примеры употребления ἐκεῖνος в смысле «покойный» в поздневизантийское время см. в: LBG. S. 460.

[143] AEsph. № 23, p. 144.

[144] AEsph. P. 141.

[145] PKar. P. 292–293.

Таким образом, можно было бы осторожно предположить, что если такого рода конфискации действительно имели место и в Халкидике (что и отразили рассматриваемые акты), то Эсфигмен был наказан за поддержку Кантакузина, а упомянутый Анатавла был сторонником легитимной власти и занимал враждебную к Кантакузину позицию. Мы ничего больше не знаем об отношении монастыря Эсфигмен к конфликту между Иоанном Кантакузином и Палеологами. Удивительно, что и Ж. Лефор, выдвинувший приведенное объяснение для этих передвижений земельной собственности, не делает следующего шага и не ставит вопрос о причине, по которой монастырь временно потерял некоторые из своих земель. Между тем (как отмечается, в частности, и самим французским исследователем) в Эсфигмене было много сторонников Григория Паламы, который принадлежал к прокантакузиновской партии. Примерно в 1333–1334 или 1335–1336 гг. Григорий Палама короткое время был игуменом Эсфигмена[146]. Хотя игуменство его не было долгим, тем не менее его влияние на данную обитель сохранялось. На это указывает то обстоятельство, что игумен монастыря Амфилохий в 1339/1340 г. подписал «Святогорский томос» Григория Паламы[147]. Не исключено, что Эсфигмен принял сторону Кантакузина и в политическом плане. Так что можно осторожно предположить, что конфискация части земель явилась ответом на нелояльность обители.

Что касается идентификации этериарха Анатавлы AN-2a с Анатавлой AN-2b, то в ее пользу можно привести следующие соображения. Оба они в актах 1342 и 1346 гг. названы умершими — и, судя по контекстам документов, умершими недавно. Вряд ли это могло быть простым совпадением, чтобы два столь знатных и крупных землевладельца из одной и той же фамилии умерли в одно время на одной и той же территории. Скорее всего, в обоих случаях подразумевался этериарх Анатавла.

Относительно его смерти можно высказать следующие соображения. Как говорилось, Анатавла AN-2a умер до января 1342 г., а Анатавла AN-2b оказался в числе противников Иоанна Кантакузина и участвовал в конфискациях собственности его сторонников. Эти конфискации могли происходить после 26 октября 1341 г. —

---

[146] Первая датировка принадлежит составителям PLP (PLP. № 21546: Παλαμᾶς Γρηγόριος), вторая — И. Мейендорфу и Ж. Лефору (*Мейендорф И.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997. С. 48; AEsph. P. 25).

[147] AEsph. P. 26; *Мейендорф И.* Жизнь и труды... С. 48, 58–59.

даты провозглашения Кантакузина императором[148]. Д. Никол датировал их начало зимой 1340/41 г.[149] Следовательно, можно предположить, что этериарх Анатавла умер как раз в этот промежуток времени — в самом конце 1341 г., до января 1342 г. (в ноябре или декабре?).

Этериарх Анатавла, судя по титулу, принадлежал к византийской элите и, возможно, занимался в Фессалонике делами иммигрантов (см. гл. VI, разд. 6).

AN-3: N. Ἀναταυλᾶς

В 1350/1351 (6859) г. некий Калавар, грек на службе у сербского царя Стефана Душана (PLP. № 10207), подарил афонской Лавре земли в Лозикии (об этом топониме см. выше, AN-1a-b). При описании границ пожалованных владений упоминаются соседние земли Анатавлы (σύνορον του Ἀ<να>ταυλά)[150]. Это упоминание в 1350/1351 г., вероятно, было расценено составителями PLP как топоним и пропущено. В то же время, как говорилось выше, топонимическая отсылка к владениям Анатавлы в хиландарском акте 1327 г. фиксируется в PLP как упоминание лица, отличного от других известных. Налицо явная непоследовательность издателей PLP, подобные проявления которой встречаются в этом авторитетном справочнике. В данном случае ссылка на владения Анатавлы была также скорее топонимическим определением. Однако ввиду того, что для рассматриваемого периода не известно по другим источникам о прочих Анатавлах, можно заключить, что акт имеет в виду некоего конкретного представителя данной фамилии, жившего в то время. Это упоминание вряд ли указывало на то, что это лицо жило именно в Лозикии. Более предпочтительным представляется другое толкование: Анатавлы просто-напросто владели там земельной собственностью.

AN-4: Γεώργιος Ἀναταυλᾶς

Акт от февраля 1388 г., фиксирующий мировое соглашение между Георгием Анатавлой и монастырем Эсфигмен, вызывает интерес как живая иллюстрация сложных социальных и экономи-

---

[148] *Cantac.* III.27 (t. 2. p. 165ff.); *Nicol D.* The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Washington, 1968. P. 47.

[149] *Nicol D.* The Byzantine Family… P. 48.

[150] ALavr III. № 130, p. 45.11–12.

ческих реалий в эпоху османского завоевания Фессалоники и Халкидики[151]. Суть дела, как оно изложено в акте, заключается в следующем. Георгий Анатавла владел совместно с монастырем Эсфигмен земельным участком в Портареа в Каламарии. Когда турки оккупировали Халкидику, они поначалу забрали землю и отдали ее некоему мусульманину (ἐδόθη πρὸς μουσουλμάνον)[152]. Обитель апеллировала к султану Мураду I и его визирю ʿАли-паше (εἰς τόν μέγαν αὐθέντην καὶ τόν Ἀλί πασείαν). Апелляция была удовлетворена, и турки вернули участок, но при этом монастырь присвоил себе долю Георгия Анатавлы. Последний сначала предъявил претензии, однако потом было заключено это самое мировое соглашение (φιλονεικίαν ποιησαμένου μου πολλήν, τέλος ἐχωρήσαμεν εἰς εἰρήνην)[153]. Согласно документу, Георгий Анатавла уступал свою долю монастырю взамен двух пожизненных пенсий (διακονίας δύο) — для себя и своего сына Феодора. Каждая из них заключалась в 12 мешках пшеницы, 24 мерах вина, 6 мерах масла, двух мешках бобов, 30 фунтах (λίτρας) сыра[154]. Георгий Анатавла, таким образом, приобрел для себя и своего сына *адельфаты*, т.е. пенсии, выплачиваемые монастырем дарителю в обмен на его дарение[155]. Также Георгий выговаривал себе разрешение быть принятым в обитель. При невыполнении этих условий монастырем доля Георгия Анатавлы возвращалась ему. Если же обе стороны будут исполнять свои обязательства, а ситуация изменится в пользу «Империи римлян», то соглашение сохранит силу, ни сам Георгий Анатавла, ни его потомки не смогут его оспорить[156].

По реконструкции Ж. Лефора, земельный участок был пожалован некоему мусульманину между 1383 и 1387 гг., между 1387 г. и февралем 1388 г. Эсфигмен обратился к султану Мураду I и визирю ʿАли-паше, тогда же произошла передача турками участка во владение монастыря[157].

Этот акт из-за хрестоматийного описания в нем механизма адельфата не раз привлекал внимание исследователей — Н. Ико-

---

[151] AEsph. № 29, p. 169.
[152] Ibid. № 29, p. 169.4.
[153] Ibid. № 29, p. 169.6.
[154] Ibid. № 29, p. 169.9–12.
[155] *Oikonomidès N.* Monastères et moines lors de la conquête ottomane // Südost-Forschungen. 1976. Bd. 35. P. 7.
[156] AEsph. № 29, p. 169.14–16.
[157] Ibid. № 29, p. 169.

номидиса, А. Лайю, С. Морриссон и Ж.-К. Шене[158]. В изложенном прочтении акта я следовал его издателю Ж. Лефору. Несколько отличную интерпретацию сути дела предложил Н. Икономидис, который понял акт следующим образом: подверглись конфискации и были переданы мусульманину ни в коем случае не земли Эсфигмена, но только участок Анатавлы; Эсфигмен же апеллировал к туркам с просьбой о возврате земли, не желая иметь соседом мусульманина[159]. Отметим, что последнее утверждение отсутствует в самом источнике. В акте о спорном участке говорится следующее: «...ἐπεὶ γάρ εἶχον εἰς τό κτῆμα τῆς μονῆς τὴν Πορταραίαν γῆν κοινῶς μετ᾽ αὐτῆς, ἥτις δή γῆ καὶ τό κτῆμα μου πᾶν ἀποσπασθὲν παρὰ τῶν Τούρκων...»[160]. Другими словами, ясно указывается, что монастырь и Анатавла владели землей «совместно» и именно «эта земля и вся моя (т.е. Анатавлы. — *Р.Ш.*) собственность были отторгнуты турками». Следовательно, завоеватели конфисковали земли как монастыря, так и Анатавлы. Поэтому прочтение Н. Икономидиса мне представляется менее предпочтительным.

Акт отразил значительные колебания в привычном распорядке вещей, вызванные турецким завоеванием[161], а также и то, что население Каламарии отнюдь не исключало в своих ожиданиях нового водворения тут византийской власти. Возможность такого развития событий была скрупулезно оговорена в отдельной клаузуле документа. Как пояснял Н. Икономидис, с водворением турок на Халкидике и Афоне земельная собственность монастырей практически не пострадала, однако земли частных лиц турки, как пра-

---

[158] *Oikonomidès N.* Monastères et moines... P. 7; *Laiou A.E.* The Human Resources // EHB. Vol. 1. P. 53; *Morrisson C., Cheynet J.-C.* Prices and Wages in the Byzantine World // EHB. Vol. 2. P. 870 (это расширенный вариант старой работы: *Cheynet J.-C., Malamut É., Morrisson C.* Prix et salaires à Byzance (X^{e}–XVe siècle) // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin / Éd. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. T. II. P., 1991. P. 339–374).

[159] *Oikonomidès N.* Monastères et moines... P. 4.

[160] AEsph. № 29, p. 169.3–4.

[161] См. обобщающее исследование, посвященное первому османскому завоеванию Фессалоники и отчасти положению дел в прилегающих к городу регионах: *Necipoğlu N.* Sources for the Social and Economic History of Late Medieval Thessalonike and Their Significance for Byzantine and Ottoman Studies // Tarihte güney-doğu Avrupa: Balkanolojinin dünü, bugünü ve sorunları. Ankara, 1999. P. 97–107. См. также материалы симпозиума по поздневизантийской Фессалонике в Думбартон Окс: DOP. 2003. Vol. 57. P. 5–278, особенно статьи: *Barker J.* Late Byzantine Thessalonike: A Second City's Challenges and Responses // Ibid. P. 5–33; *Bakirtzis Ch.* The Urban Continuity and Size of Late Byzantine Thessalonike // Ibid. P. 34–64; *Jacoby D.* Foreigners and the Urban Economy in Thessalonike, ca. 1150 — ca. 1450 // Ibid. P. 85–132.

вило, конфисковывали и передавали новым владельцам — мусульманам. Это объяснялось особыми отношениями, сложившимися между завоевателями и афонским монашеством в 1380-х гг.: османы взяли монастыри под свое покровительство[162].

Следует подчеркнуть, что турецкое завоевание не несло с собой правового хаоса. Возмущенный захватом своей доли Георгий Анатавла апеллировал к справедливости, а Эсфигмен уступил, ибо опасался, что новая администрация решит дело в пользу просителя. Турки модифицировали наличные структуры жизни, но делали это осторожно, нередко отдавая предпочтение преемственности со старыми порядками.

О титуле и профессии Георгия Анатавлы мы не знаем ничего. Не исключено, что он остался жить под властью турок.

AN-5: Θεόδωρος [Ἀναταυλᾶς]

В том же акте Эсфигмена от февраля 1388 г., как говорилось, упоминается Феодор, сын Георгия Анатавлы[163]. Мы не знаем о нем ничего, помимо того, что он принадлежал к знатному семейству и получил, как и его отец, солидный пожизненный адельфат. Если полагаться на расчеты С. Морриссон и Ж.-К. Шене, то 12 мешков пшеницы равнялись 27 модиям и стоили примерно 6,75 перпера[164], 24 меры вина стоили примерно 7,92 перпера[165], 6 мер масла стоили от 3 до 15 перперов (о ценах на масло данные противоречивы)[166]. Таким образом, Феодор получал от монастыря ежегодно товаров, по самым скромным оценкам, на 17,5 перперов, в то время как простой солдат в Фессалонике в 1425 г. получал лишь 9 перперов годового жалования[167], а домашняя прислуга в 1350 г. в Константинополе — 14 перперов[168]. Кроме того, следует отметить, что адельфат Феодора примерно равнялся годовому продуктовому содержанию монаха[169]. По существу, он получал от монастыря натуральную выплату в размере прожиточного минимума. О занятиях и социальном статусе Феодора мы ничего не знаем.

---

162 *Oikonomidès N.* Monastères et moines… P. 3–10.

163 AEsph. № 29, p. 169 (в PLP отсутствует).

164 Цены на пшеницу для 1380-х гг. см. в: *Morrisson C., Cheynet J.-C.* Prices and Wages… Table 5, p. 827.

165 Цены на вино для второй половины XIV в. см. в: Ibid. Table 8, p. 834–835.

166 Цены на оливковое масло для XII–XV вв. см. в: Ibid. Table 10, p. 838.

167 Ibid. Table 17, p. 863.

168 Ibid. Table 18, p. 866.

169 Ibid. Table 20, p. 870–871.

Родственные связи

Хотя только в отношении Георгия AN-4 и Феодора AN-5 источник указывает на наличие родственной связи, нет сомнений в том, что все пять рассмотренных персон принадлежали к одной и той же знатной фамилии. Главным аргументом в пользу этого является необычность и редкость патронима: он образован, как было сказано, не от имени собственного и даже не от титула, но от почетного прозвища, уникального для византийской антропонимики. В одну семью известных Анатавл объединял Ж. Лефор: севаста Георгия (AN-1a), землевладельца Анатавлу (AN-1b), этериарха Анатавлу (AN-2a), землевладельца Анатавлу (AN-2b), Георгия (AN-4) и Феодора (AN-5)[170]. Эта реконструкция была отчасти поддержана и составителями PLP (№ 869, 871, 872). Вместе с тем в нескольких пунктах с Ж. Лефором вряд ли можно согласиться: 1) в некоторых случаях французский исследователь расценивает два упоминания одного лица как указания на двух разных людей; 2) севаст Георгий (AN-1a-b) приходился Георгию AN-4, скорее всего, не дедом, но прадедом (см. табл. 11). Вероятнее всего, сыном этериарха Анатавлы AN-2 и отцом Георгия AN-4 был упомянутый в акте Лавры Анатавла AN-3. Повторение пренома Георгий в разных поколениях является лишним подтверждением наличия родственной связи между носителями этого имени.

Социальный статус

Как видно, Анатавлы принадлежали к фессалоникийской знати и, вероятно, были весьма состоятельными людьми. Скорее всего, это было семейство потомственных чиновников, либо гражданских, либо военных. В пользу этого говорит и высокий воинский и административный титул их мусульманского пращура. Вместе с тем отсутствие матримониальных связей с высшей аристократией показывает, что Анатавлы вряд ли принадлежали к самому элитарному классу, близкому к императорской семье. Не исключено, что по роду своих занятий они имели какое-то отношение к переселенцам в район Фессалоники: на это указывают титулы двоих из них — севаста Георгия (AN-1a-b) и этериарха Анатавлы (AN-2a-b). Возможно, что последний находился в оппозиции Иоанну Кантакузину в 1341 г. Как крупные землевладельцы, Анатавлы располагали собственностью в трех различных районах Халкидики — Неохории (Северная Каламария), Портареа (Южная Каламария) и Лозикии (катепаникия Рентина).

---

[170] AEsph. P. 141.

Ниже показаны известные Анатавлы, помещенные в условную шкалу поколений. Гипотетический родоначальник фамилии — некий мусульманин ʿАйн ал-Давла, происходивший, скорее всего, из Анатолии, который тем или иным образом оказался в Византии, крестился и оставил там потомство.

I поколение (*1280–1300-е гг*.)
N. ʿAyn al-Dawla, мусульманин из Анатолии

II поколение (*1300–1320-е гг*.)
AN-1a-b Γεώργιος Ἀναταυλᾶς

III поколение (*1320–1340-е гг*.)
AN-2a-b Ἀναταυλᾶς

IV поколение (*1340–1360-е гг*.)
AN-3 Ἀναταυλᾶς

V поколение (*1360–1380-е гг*.)
AN-4 Γεώργιος Ἀναταυλᾶς

VI поколение (*1380–1400-е гг*.)
AN-5 Θεόδωρος Ἀναταυλᾶς

Степень родства между внесенными в таблицу лицами точно не известна, кроме одного случая: Георгий AN-4 и Феодор AN-5 были отцом и сыном. Можно предположить, что и другие значащиеся в таблице Анатавлы находились в прямом родстве друг с другом.

Глава VI

АССИМИЛЯЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Византийский мир всегда был открыт для притока иммигрантов. В этом отношении византийское общество являлось разомкнутой вовне системой. Самые лучшие и талантливые варвары имели шанс успешно натурализоваться и обогатиться на территории империи. Византийцы не боялись пришельцев, полагаясь на два главных социальных регулятора, действовавших в отношении иммигрантов: культурно-конфессиональную нормативность, приводившую в действие ассимиляционные механизмы для потенциально желательных переселенцев, и юридико-полицейские институты, в случае необходимости запускавшие механизмы отторжения и нейтрализации пришельцев нежелательных. В описании этих процессов задача данного исследования облегчается наличием новаторской работы Спироса Вриониса «Византийское и тюркское общество и источники их людского ресурса»[1], не потерявшей своего значения до сих пор. Эта статья является наиболее существенным вкладом среди современных исследований в описание причин притока иностранцев в византийское общество и путей их натурализации. Исследователь рассматривает проблему по преимуществу в демографическом ракурсе, объясняя растущий интерес византийцев к наемникам их желанием восполнить недостаток собственного людского ресурса. Переселение тюрков, как восточных, так и северных, начиная с последней трети XI в. (включая всплески в XIII–XIV вв.) было напрямую связано с территориальными потерями империи и, соответственно, с сокращением населения. Вместе с тем исследование С. Вриониса является, так сказать, сквозным: автор не ограничивает себя хронологическими рамками и охватывает все разновидности мигрантов — западных, северных и восточных. Это придает работе С. Вриониса обзорность, а во многих случаях и недостаточную степень детальности описания. Все же главной целью его статьи было не столько выделение механизмов ассимиляции, сколько вскрытие причин масштабной иммиграции в пределы империи. Следующим шагом в анализе было бы сужение исследовательского фокуса, которое позволило бы предметно

[1] *Vryonis*. Manpower.

и системно описать особенности процессов ассимиляции. К более обстоятельному описанию и детализации механизмов натурализации тюрков я обращусь ниже.

1. О мотивации тюрков

Исследование проблем натурализации иммигрантов логично было бы начать с их собственной мотивации. Важно понять, что переселенцы в ассимиляционном процессе отнюдь не были безвольным объектом применения имперских «технологий». Многие из них сами желали скорейшей натурализации. Византия вплоть до своего падения, а в особенности до середины XIV в., сохраняла свою притягательность для окружавших ее иностранцев. В нескольких специальных работах, выходящих за рамки настоящего исследования, мне уже приходилось говорить о природе этой притягательности византийской культуры для анатолийских тюрков[2]. Тюрки-завоеватели в XI–XIII вв., как анатолийцы, так и северяне, видели в Византии источник высоких административных и военных технологий, утонченного быта, элитарной культуры. Рим/Византия, греческая и (опосредованно) латинская античность сохраняли на Ближнем Востоке статус неоспоримой престижности, синонима цивилизованности. Византийскую культуру тюрки рассматривали как одну из «дверей» в средиземноморскую цивилизацию. Освоение византийской традиции уже на ранних этапах аккультурации туркмен, в конце концов, возвело фундамент для последующего взлета анатолийской тюрко-мусульманской культуры в эпоху развитого Средневековья. Тюрков, призываемых в качестве союзников и наемников, привлекала не только плата за услуги и сопутствующий всяким военным действиям грабеж проигравшей стороны. Несмотря на упадок военной и экономической

---

[2] *Шукуров Р.М.* «Гаремное христианство»: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. СПб., 2011. С. 64–90; *Он же.* Формулы самоидентификации анатолийских тюрков и византийская традиция (XII–XIII вв.) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 5. М., 2001. С. 151–173; *Он же.* Туркменские владыки Римской империи (К семантике термина Рум/Романия) // От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 169–180; *Shukurov R.* Christian Elements in the Identity of the Anatolian Turkmens (12th–13th Centuries) // Cristianità d'occidente e cristianità d'oriente (secoli VI–XI). Spoleto, 2004. P. 707–764; *Idem.* Turkmen and Byzantine Self-Identity. Some Reflections on the Logic of the Title-Making in Twelfth- and Thirteenth-Century Anatolia // Eastern Approaches to Byzantium / Ed. A. Eastmond. Aldershot, 2001. P. 255–272.

мощи империи, они продолжали рассматривать Византию как старшего партнера, служба которому сама по себе почетна и престижна. Сейчас, в исторической ретроспекции, последнее утверждение выглядит несколько парадоксальным, но такова была историческая реальность: даже в первой половине XIV в. завоеватели-тюрки испытывали глубокий пиетет по отношению к будто бы обессилевшему противнику.

Несколько ярких и подробных примеров пиетета варваров к Византии дает эпоха Андроника III и Иоанна VI Кантакузина. Весьма показательны в этом смысле встречи василевсов с эмирами Эгейских княжеств в первой половине XIV в. Встреча Андроника III с прежде враждебным эмиром княжества Караси Тимур-ханом в 1328 г. в Пигах происходила следующим образом. Приближавшийся Тимур-хан, как только увидел императора, сошел с коня, также спешилась и ближайшая часть его свиты; эмир и свита двинулись навстречу Андронику пешком. Прочие из сопровождавших Тимур-хана тюрков остались на месте, но, видя императора издали, пали перед ним ниц, касаясь лбами земли (τὸν βασιλέα προσεκύνουν, τὰς κεφαλὰς ἐρείσαντες ἐπὶ τὴν γῆν). Сам эмир пешком приблизился к василевсу, также пал ниц перед ним, поцеловал его ногу (προσεκύνει τε καὶ ἠσπάζετο τὸν βασιλέως πόδα) и только после этого сел верхом на своего коня. Как говорит Кантакузин, Тимур-хан демонстрировал по отношению к василевсу «подданническое смирение» (δουλείας)[3]. Выражения προσκυνέω и ἀσπάζομαι τοὺς πόδας, в применении к византийскому дворцовому церемониалу и к особе василевса, обозначали соответственно именно *падение ниц* и *целование ног*. Действительно, эмир воспроизводил традиционную модель приветствия василевса его подданными, хорошо описанную в византийских трактатах по церемониалу. И в прежние эпохи, и в XIV в. непременным элементом этой модели были проскинесис и целование ноги и руки василевса (см. рис. 6.1)[4].

[3] *Cantac.* T. 1. P. 340.2–9.

[4] См., например: *Constantin VII Porphyrogénète*. Le livre des cérémonies. T. 1–2 / Éd. A. Vogt. P., 1967. P. 74.19–20, 86.23 etc.; *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 235.27–236.1 («ἀσπάζεται τὸν τοῦ βασιλέως πόδα καθημένου ἐπὶ θρόνου καὶ τὴν χεῖρα»), 238.23–24 («ἀσπάζεται τὸν βασιλέα ἐν τῷ στόματι»), 275.3–4 («τὸν τοῦ βασιλέως κύψας ἀσπάζεται πόδα»), 234.24–26 («ἀσπάζονται πρῶτον μὲν τὸν δεξιὸν πόδα τοῦ βασιλέως, εἶτα τὴν δεξιὰν χεῖρα»), 236.3–6 («οἱ ἄλλοι τῶν Γεννουϊτῶν ἄρχοντες, ἐρχόμενοι ἐξ ἀποδημίας, προσκυνοῦντες ἀσπάζονται τὸν τοῦ βασιλέως πόδα καὶ τὴν χεῖρα»), 238.29–239.2 («ἀσπάζονται καὶ οὗτοι τὸν βασιλέα, πρῶτον μὲν εἰς τὴν χεῖρα, εἶτα πρὸς τὴν παρειάν»); ср. с целованием священных объектов: 191.2–3 («ὁ βασιλεὺς... ἀσπάζεται τὰς ἁγίας εἰκόνας»), 222.9–10 и 241.6 («ἀσπάζεται τὸν σταυρόν»), 234.10 («ἀσπάζεται τὸ εὐαγγέλιον») и др.

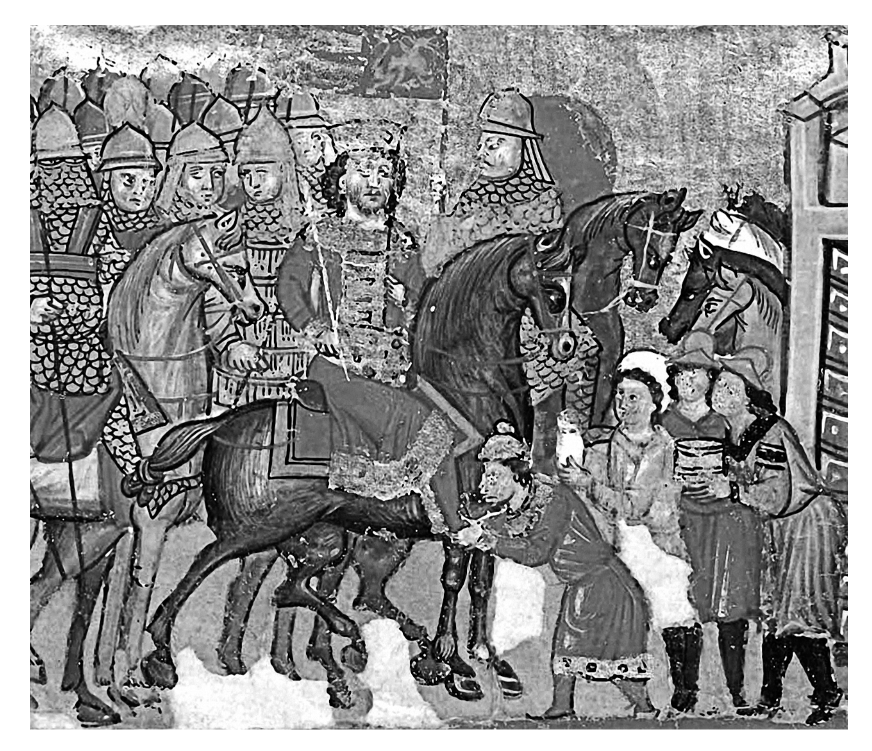

Рис. 6.1. Подданный целует ногу государя, XIV в.
(фрагмент из Διήγησις Ἀλεξάνδρου.
Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Post-Bizantini. Cod. gr. 5. Fol. 36v)

Не так подробно Кантакузин описывает встречи Андроника III с саруханским эмиром в Фокее в 1329-м и с сыновьями айдынского эмира в 1335 г., но из его слов можно понять, что этикет этих встреч был примерно таким же: вновь подчеркиваются «подданническое смирение» по отношению к василевсу[5] и проскинесис (προσεκύνησαν) эмиров пред императором[6]. При рассказе об удачных переговорах Кантакузина с тюркскими пиратами летом 1348 г. вновь говорится, что тюрки совершили проскинесис и целовали ноги императору, на этот раз самому Иоанну VI Кантакузину, который, будучи окружен ими, стоял безбоязненно[7]. Следует подчеркнуть,

[5] *Cantac.* T. 1. P. 388.15.

[6] Ibid. P. 481.15–16.

[7] Ibid. T. 3. P. 65.18–19: «...περιιστάμενοι προσεκύνουν καὶ ἠσπάζοντο τοὺς πόδας, μόνον ἔχοντες ἐν μέσοις».

что на этот раз данные ритуалы совершили формально враждебные тюрки, предпринявшие набег на византийскую территорию и только что отбившие атаку греков. Проскинесис и целование ног в терминах как византийского, так и мусульманского церемониала означали только одно: тюрки демонстрировали верноподданничество, признавая василевса своим государем. Эту модель можно условно обозначить как «*суверен и его подданный*».

Отметим попутно, что именно эта особенность психологии тюрков в их отношениях с византийцами и сыграла злую шутку с самими греками, которым эти варвары казались не более чем послушным орудием эллинской политической воли. Дональд Никол, большой знаток времени Иоанна Кантакузина, характеризовал отношение великого доместика к тюркам как «наивное»[8]. Однако, по нашему мнению, подобные представления как самого Кантакузина, так и его политических союзников и противников были не столько наивными, сколько чрезмерно самоуверенными. Не признавая за тюрками серьезной самостоятельной силы, греки надеялись в каждом отдельном случае нейтрализовать дипломатическими ухищрениями и подкупом возможные негативные последствия их привлечения на службу. Так византийцы собственными руками водворили тюрков на Балканах.

Отношения между Иоанном Кантакузином и айдынским эмиром Умур-беком носили особый характер. По свидетельству самого Кантакузина, его связывала с Умур-беком именно дружба (φιλία), которая завязалась через переписку и, возможно, началась в 1331 г., после неудачного нападения эмира на Фракию[9]. Личная встреча в Клазоменах в 1335 г., продолжавшаяся 4 дня, окончательно установила между ними «неразрывные узы дружбы»; Умур признал Андроника III своим государем, а себя — одним из его знатных подданных[10]. Для эмира признание себя одним из подданных императора было облегчено и тем, что он был культурно близок к византийцам и говорил на греческом[11]. Григора признаёт, что Умур-бек

[8] *Nicol D.M.* The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, c. 1295–1383. Cambridge, 1996. P. 174–175.

[9] Например: «Ὁ γὰρ μέγας δομέστικος καὶ πρότερον μὲν εἶχε πρὸς Ἀμοὺρ φιλίως καὶ γράμμασιν αὐτῷ ὡμίλει…» (*Cantac.* T. 1. P. 482.14–15), «ἀῤῥήκτοις φιλίας δεσμοῖς» (Ibid. P. 483.10) и «Ἀμοὺρ ὁ τοῦ Αἰτίνη, φίλος ὢν ἐς τὰ μάλιστα Καντακουζηνῷ τῷ βασιλεῖ…» (Ibid. T. 2. P. 344.12–13).

[10] Ibid. T. 1. P. 482–483: «…τῶν ὑπ᾽ ἐκείνῳ τελούντων ἐπιφανῶν Ῥωμαίων νομίζειν ἕνα».

[11] *Greg.* T. 2. P. 649.14–15: «…οὕτως οὐ βάρβαρον ὁ βάρβαρος εἶχε τὸν τρόπον, ἀλλ᾽ ἥμερον καὶ παιδείας Ἑλληνικῆς τὸ παράπαν ἐχόμενον».

«в глубинах своего сердца лелеял любовь к василевсу»[12]. В тюркской «Дюстурнаме-и Энвери», описывающей воинские подвиги Умур-бека, Кантакузин упоминается не иначе как «брат» (qardaş) и «друг» (yâr) эмира, что является полным тюркским эквивалентом греческого концепта φίλος[13]. Столь искренняя и продолжительная дружба между Кантакузином и Умур-беком поражала воображение как современников (и византийцев, и тюрков), так и нынешних исследователей[14]. Если отвлечься от личной привязанности между Кантакузином и Умур-беком, они реализовывали сложившуюся в прежние века схему взаимоотношений василевса с сельджукским анатолийским султаном, который признавался «другом» (φίλος), οἰκεῖος и «сыном» (υἱός) василевса, но никогда — равным партнером[15]. Умур-бек поступал по отношению сначала к Андронику III, а потом к Кантакузину скорее как младший партнер (или младший брат — согласно тюркскому словоупотреблению), исполняющий некие добровольно взятые на себя моральные обязательства. Прецедент Умура, несомненно, является частным случаем модели «*младший и старший государи*», превалировавшей во взаимоотношениях между византийцами и сельджуками Рума с XI и до первой половины XIV в.

2. Противоположный пример

Отмеченное глубокое почтение тюрков к Византии оттенено весьма нестандартным прецедентом взаимоотношений между василевсами и османскими эмирами. Как справедливо полагает Д. Никол, оккупацию Галлиполи Сулейманом в 1354 г. (и дальнейшую взрывную экспансию турок во Фракии) Кантакузин пережил как личную трагедию, как провал всей своей стратегии по отношению к анатолийским тюркам. Осознание того, что он собственными действиями способствовал водворению турок во Фракии, повлияло

---

[12] *Greg.* T. 2. P. 648.9–8: «...ἐν τοῖς καρδίας θαλάμοις ἔθαλπε τὸν τοῦ βασιλέως ἔρωτα».

[13] *Mélikoff I.* La Geste d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri). P., 1954. P. 98 (ver. 1470), 106 (ver. 1768, 1772–1773), 111 (ver. 1914), 124 (ver. 2310) и т.д. Об этом см. также: *Lemerle P.* L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha». P., 1957. P. 145f.

[14] См., например: *Флоринский Т.Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1–2. СПб., 1882. Вып. 1. С. 67–76; *Nicol D.M.* The Reluctant Emperor... P. 174; *Gill J.* John VI Cantacuzenus and the Turks // Βυζαντινά. 1985. T. 13. P. 58. Note 2.

[15] *Macrides R.* The Byzantine Godfather // BMGS. 1987. Vol. 11. P. 139–162, особенно p. 151; *Korobeinikov D.* A sultan in Constantinople: the feasts of Ghiyāth al-Dīn Kay-Khusraw I // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19): Food and Wine in Byzantium / Eds. L. Brubaker and K. Linardos. L., 2007. P. 93–108.

на его скорое отречение от власти[16]. Действительно, Кантакузин допустил роковой просчет в своих отношениях с эмиром Орханом: он явно недооценил турка. С самого начала Орхан выбрал особый модус общения с византийцами, кардинально отличавшийся от взаимоотношений греков с другими тюрками из Анатолии.

В модели общения между Андроником III и Кантакузином с одной стороны и тюркскими эмирами Караси, Саруxана, Айдына и др. — с другой, независимо от реального соотношения сил, подчеркивалось главенство византийского императора и осуществлялась символическая демонстрация подданничества тюркскими вождями. Отношения же с османами с самого начала развивались в несколько ином русле. Первый документированный контакт между Андроником III и Орханом состоялся в 1333 г. В этом случае ритуал общения между императором и эмиром весьма отличался от описанных выше встреч. Хотя этот контакт и был заочным, внутренний смысл его абсолютно прозрачен. Орхан был провозглашен «другом» василевса и обязался не причинять вреда восточным городам империи (Ὀρχάνην βασιλέως εἶναι φίλον καὶ τὰς κατὰ τὴν ἕω πόλεις, ὅσαι ἔτι ἦσαν ὑπήκοοι Ῥωμαίοις, ἀδικεῖν μηδέν). Государи обменялись дарами: эмир прислал коней, охотничьих собак, любителем которых был Андроник III, а также ковры и шкуры леопардов; василевс же отправил серебряные чаши, шерстяные и шелковые ткани, а также одно из собственных облачений (τῶν βασιλικῶν ἐπιβλημάτων ἓν). Как отметил Кантакузин, дарение собственного платья «варварские сатрапы» ставили превыше всего и почитали «знаком особого почета и благоволения» (ὃ περὶ πλείστου παρὰ τοῖς βαρβάρων σατράπαις ἄγεται ἀεὶ καὶ τιμῆς εἶναι δοκεῖ τεκμήριον καὶ εὐμενείας)[17]. Следует добавить, что со стороны императора это было подчеркнутым жестом благоволения старшего государя по отношению к младшему. Схема отношений, заметная в этом эпизоде, подчеркивает более низкий статус османского эмира в сравнении с василевсом. Уже при первом контакте Андроник III был почему-то вынужден воспроизводить схему взаимоотношений именно с сельджукскими султанами (φίλος, «друг»), но не с мелкими тюркскими вождями, как это было описано выше.

Османские эмиры, похоже, уже на самых ранних этапах взаимоотношений с византийской властью старались держаться на равных или почти на равных. Это отметил для себя и Кантакузин, подчеркнув, что Андроник III и Орхан в 1331 г. не встречались лично,

[16] *Nicol D.* The Reluctant Emperor… P. 177.
[17] *Cantac.* T. 1. P. 446–448, и особенно p. 447.14–24.

но обменивались посольствами — «καὶ λόγων γενομένων περὶ σπονδῶν διὰ τῶν πρέσβεων (οὐ γὰρ αὐτοὶ συνῆλθόν γε ἀλλήλοις)». Очевидно, что Орхан таким образом стремился избежать казавшейся неуместной или некомфортной для него церемонии встречи, которая бы подразумевала ту или иную форму верноподданнических жестов (полной их формой были проскинесис и целование ног, описанные выше).

Орхан даже не стал участвовать в собственной свадьбе с Феодорой, дочерью Кантакузина, на византийской территории ранним летом 1346 г. Первая («византийская») часть свадебной церемонии проходила под Селимврией. Эмир прислал 30 кораблей с турецкой кавалерией и своими представителями из высшей знати. Церемония была построена в полном согласии с византийскими обычаями. За пределами Селимврии была возведена деревянная платформа (πρόκυψις ἐξ ξύλων). В назначенный час Феодора взошла на нее, скрытая от зрителей шелковыми и златоткаными занавесями. Из всех присутствовавших на церемонии только Иоанн Кантакузин остался верхом на коне, остальные спешились. Занавеси открылись, и коленопреклоненные евнухи зажгли в своих руках лампады, зазвучала музыка. Присутствующие провозгласили славословия Феодоре. Это был один из вариантов церемонии *прокипсиса* — в данном случае явления невесты из императорского дома перед подданными[18]. После церемонии Кантакузин дал пир для всех присутствующих. После завершения празднеств Феодора в сопровождении представителей жениха отправилась на территорию Османского эмирата[19]. Возможно, отсутствие Орхана объясняется не только его нежеланием оказаться в положении подданного, но и тем, что его присутствие на церемонии доставило бы много хлопот и византийцам: их традиционный свадебный обряд никак не предполагал того, что один из брачующихся является мусульманином.

По-видимому, между Иоанном Кантакузином и его зятем Орханом произошла лишь одна очная встреча. По описанию самого василевса, весной 1347 г., в ознаменование окончательного установления своей власти над империей, он устроил многодневный пир в Скутари, на азиатском берегу Босфора, в котором участвовал

[18] О прокипсисе см.: ODB. Vol. 3. P. 1732–1733; *Bryer A.* Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // The Writing of History in the Middle Ages. Essays presented to R.W. Southern / Eds. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 482–484; *Поляковская М.А.* Сакрализация парадной жизни византийского императорского дворца эпохи Палеологов // Известия Уральского гос. ун-та. 2009. № 4 (66). С. 232 (с дальнейшими ссылками на источники и литературу).

[19] *Cantac.* T. 2. P. 585–589.

Орхан и четверо его сыновей. О каких-либо верноподданнических жестах со стороны эмира в источнике нет и речи. Напротив, во-первых, встреча произошла на османской территории (Скутари к тому времени, похоже, было во владении турок); сам факт празднования собственной победы на чужой земле был беспрецедентной уступкой в контексте византийского имперского этикета. Во-вторых, во время пиров император и эмир находились вместе за одним столом как двое равных, в отдалении от всех других присутствующих[20]. После празднества Феодора, дочь Кантакузина и жена Орхана, в сопровождении сыновей эмира и знатных турок отправилась в Константинополь. Если она поехала навещать своих родственников, то ее тюркские сводные братья и знатные слуги ее мужа отправились туда ради приятного препровождения досуга. Как видно, для детей и подданных Орхана Константинополь все еще сохранял притягательность как вожделенный «туристический» объект. Эмир же остался в своих владениях, вновь избегая посещения византийской территории[21].

Орхан, по-видимому, с самого начала настаивал на равенстве с императором, что было весьма нетипично для западноанатолийских эмиров того времени. Это подтверждается и его решимостью распространить свою власть через проливы и утвердиться во Фракии. Попытки византийцев «приручить» турка (личная «дружба», военный союз, родство) потерпели полный крах. Взаимоотношения между Орханом и Кантакузином ознаменовали конец тради-

---

[20] *Cantac.* T. 3. P. 28.

[21] Отмечу попутно, что для самой исконной византийской знати в середине XIV в. выдача дочерей замуж за анатолийских тюрков уже не была чем-то совершенно невообразимым. Григора упоминает, что к 1345 г. дочь Иоанна Ватаца была выдана замуж за эмира Караси Сулаймана (*Greg.* T. 2. P. 741; PLP. № 2518). Иоанн Ватац, прежний правитель Фессалоники, смещенный Апокавком, перешел на сторону Кантакузина. Его тесть Сулайман прислал ему войско во Фракию для борьбы против Анны Савойской. Императрице Анне удалось вновь переманить Иоанна Ватаца на свою сторону, однако он поссорился с приглашенными тюрками и был убит ими (*Greg.* T. 2. P. 741–742). Дополнительно об Иоанне Ватаце см.: *Zachariadou E.* Histoire et légendes des premiers Ottomans // Turcica. 1995. T. 26. P. 76–77; *Eadem.* The Emirate of Karasi and that of the Ottomans: Two Rival States // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 231–233. Однако случай Феодоры был беспрецедентным в том смысле, что за анатолийского тюрка была выдана именно императорская дочь. Замужество Феодоры, хотя и было неканоническим, не вызвало никаких протестов со стороны церкви, которая начиная с XII в. строго запрещала браки между мусульманами и христианами. Как отметил Д. Никол, несколькими десятилетиями ранее брак пятилетней дочери Андроника II Симониды с сербским государем Стефаном Милутином (1281–1320), которому было за сорок, вызвал резко негативную реакцию патриархата; однако в случае Феодоры церковь понимающе промолчала (*Nicol D.* The Reluctant Emperor… P. 174).

ционной модели византийско-тюркских контактов, а вместе с этим и закат феномена византийских тюрков. Тюрки начали ощущать себя равными византийцам, более не нуждаясь в их милостях и покровительстве.

3. Христианизация

В гл. I у меня уже был повод обсудить роль конфессионального критерия в византийских представлениях о себе и об окружающем мире. В идеале византийская правовая система признавала на своей территории единственную возможную конфессиональную аффилиацию — православное христианство. Для иммигрантов принятие православия было первым шагом в процессе натурализации. Однако зададимся вопросом: насколько последовательно эта абстрактная норма соблюдалась в социальной практике XIII–XV вв.?

Просопографический материал дает на этот вопрос однозначный ответ: все без исключения византийцы, носившие восточные имена, были христианами. Во-первых, об этом, безусловно, свидетельствует тот факт, что 67% восточных патронимов и прозвищ сопровождаются крестными именами, которые однозначно указывают на религиозную принадлежность их носителей. Во-вторых, из числа тех, кто имел лишь восточные прозвища и не назван по крестному имени (т.е. остальных 33%), 82% могут быть идентифицированы как христиане благодаря своей профессии, иной социальной функции (свидетель) или семейным связям. Лишь в Македонии мне встретилось два имени мусульман-османов, которые, вероятно, поселились там во время первой турецкой оккупации в 1386–1403 гг., а после 1403 г. оказались на контролируемой византийцами территории[22]; кроме того, в базе антропонимов присутствуют два иудея с азиатскими именами[23] и 16 человек, чья религиозная принадлежность неопределима. Другими словами, все натурализовавшиеся иммигранты, будь то «скифы» из Дашт-и Кыпчак или «персы» из мусульманской Анатолии, принимали христианство. Несомненно, это было результатом сознательной государственной политики в отношении нехристианских иммигрантов, расселяющихся на территории империи в качестве поддан-

[22] О мусульманском населении на отошедших к Византии территориях после 1403 г. см.: *Necipoğlu N.* Sources for the Social and Economic History of Late Medieval Thessalonike and Their Significance for Byzantine and Ottoman Studies // Tarihte güney-doğu Avrupa: Balkanolojinin dünü, bugünü ve sorunları. Ankara, 1999. P. 104–105.

[23] PLP. № 94530 (Σουγᾶς), № 19544 (Μουσῆς). Восточные имена этих иудеев указывают на их иммиграцию с мусульманских территорий, скорее всего из Восточного Средиземноморья (Анатолия, Ближний Восток).

ных[24]. Несмотря на нараставший упадок и ухудшение внутреннего положения Византии, она все еще сохраняла свои ассимиляционные потенции.

Крещение было непреложным условием для натурализации иностранцев-нехристиан. История пребывания в Византии султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса, столь ярко отраженная в источниках, дает уникальную по своей подробности и сложности иллюстрацию того, как работали церковно-административные механизмы инкорпорации и отторжения в отношении весьма обширной массы людей.

Зимой 1264/1265 г. провалился заговор Кайкавуса II против Михаила VIII Палеолога. Султан присоединился к монгольским и болгарским войскам, вторгшимся во Фракию, и вместе с двумя взрослыми сыновьями переселился из Византии в Крым. Подавляющее большинство его сторонников осталось в империи. После бегства султана вскрылись детали заговора. Ибн Биби утверждает, что они были раскрыты Михаилу Палеологу дядей султана Киром Каттидием (см. гл. III). Гнев императора пал на эмиров султана, большинство из которых осталось в Византии. Греческие и восточные источники описывают ярость Михаила Палеолога похожим образом. Он арестовал всех высокопоставленных командиров «персидского» войска, включая ʿАли Бахадура, который был казнен. Та же участь, вероятно, постигла некоторых других, как утверждает Аксарайи[25]. Согласно восточным источникам, ʿАли Бахадур, *амирахур* Угурлу, безымянный *амирмаджлис* и некоторые другие неназванные эмиры сыграли ключевую роль в заговоре, вдохновив султана на попытку свержения Михаила Палеолога[26]. Очевидно, что ʿАли Бахадуру и, возможно, некоторым другим лицам были предъявлены обвинения в покушении на жизнь императора. Однако *амирахуру* Угурлу удалось избежать смертной казни. Аксарайи рассказывает, что тот «нашел убежище в монастыре Св. Софии, ибо всякий преступник, прибегший к убежищу этого монастыря, получал защиту от смертной казни. Однако, хотя и не стали казнить его, два его глаза, взирающих на мир, ослепили [раскаленным] железным

[24] *Asdracha C.* La région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: étude de géographie historique. Athen, 1976. P. 76f; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. P. 27, 62, 197, 244, 374.

[25] *Ibn Bibi* (AS). P. 638; *Aqsarayi*. P. 75; *al-Maqrizi, Taqi al-Din.* Kitab al-suluk li-maʿrifat duwal al-muluk / Ed. Muhammad ʻAbd al-Qadir ʻAta. T. 1-8. Beirut, 1997. T. 2. P. 14.

[26] *Baybars al-Mansuri.* Zubdat… P. 93 (ʿАли Бахадур, *амирахур* Угурлу, *амирмаджлис*); *Aqsarayi*. P. 75 (*амирахур* Угурлу). Ибн Биби (*Ibn Bibi* (AS). P. 638) приписывает идею заговора группе неназванных эмиров, видимо желая представить ʿАли Бахадура как случайного свидетеля.

стержнем»[27]. Эта история Угурлу кажется довольно правдоподобной, ибо поиск убежища в церкви был обычной византийской практикой для обвиняемых в преступлениях: мы знаем о множестве подобных случаев[28]. Летом 1264 г., всего несколькими месяцами ранее, хартофилак Векк и великий иконом Ксифилин вместе с женами и детьми искали убежища от гнева императора в Св. Софии[29]. Возможно, этот нашумевший случай был взят в качестве модели *амирахуром* Угурлу.

Многие другие тюрки Кайкавуса подверглись аресту. Байбарс ал-Мансури дает продолжение истории: «Однако, что касается его эмиров, то их всех он (т.е. император. — *Р.Ш.*) ослепил, а затем распорядился, чтобы собрали всех, кто имел отношение к ним, из воинов и рабов, простолюдинов и слуг. Все они были собраны в Великой церкви, и явились высшие клирики и чиновники и предложили им принять христианскую веру. Те из них, кто крестился, остались невредимыми, а тех, кто во что бы то ни стало хотел остаться в мусульманстве, ослепили. Был среди них муж из Эрзинджана по имени Нур ал-Дин; когда его привели и предложили ему перейти в христианство, он воскликнул: “Рай уготован для ислама, а огонь — для вас!” Сообщили о его словах царю. Тот сказал: “Этот человек тверд в своей вере, дайте ему подорожную грамоту и не препятствуйте ему”. Они его и отпустили»[30]. Эта интересная история звучит довольно убедительно и имеет близкие параллели в византийской практике. Так, в середине XII в. некоторых агарян (т.е. анатолийских тюрков) привели в синод и потребовали окреститься. Это было хорошо из-

---

[27] *Aqsarayi*. P. 75:

دست بقتل خواص دراز کردند، اغرلو امیر اخر بدیر ایا صوفیه پناه برد بسبب انکه هرکناه کاری که بدان دیر پناه برد ایمن می دارند از قتل، اما چون از قتل امان دادند در دو چشم جهان بینش میل کشیدند و باقی اصحابرا محبوس کردانیدند.

[28] См.: *Macrides R.* Killing, Asylum, and the Law in Byzantium // Speculum. 1988. Vol. 63/3. P. 509–538, особенно p. 514–516.

[29] *Pachym*. III.24 (t. 1, p. 299.4ff.).

[30] *Baybars al-Mansuri*. Zubdat… P. 93–94:

و اما امراؤه فانه كحلهم جميعاً ثم رسم بان يُجمع كل من يلوذ بهم من الجند و الغلمان و العامّة والحاشية فجُمعوا فى الكنيسة الكبرى جميعًا و حضر البطاركة والبطارقة و عرضوا عليهم الدخول فى دين النصرانية فمنهم من تنصر فسلم و من ابى الّا البقاء على اسلامه فكُحل و كان فيهم رجل من ارزنكان يسمى نورالدين فلما احضروه و عرضوا عليه التنصّر صاح و قال الجنة معدّة للاسلام و النار معدّة || لكم فطالعوا الملك بامره فقال هذا رجل ثابت على دينه فاعطوه كتاب الطريق و لا تعرضوا له فاطلقوه.

вестное дело, касающееся повторного крещения агарян-христиан, которое разбиралось при патриархе Луке Хрисоверге (1157–1169/1170) и на которое ссылается последующая каноническая традиция (см. гл. I, разд. 12)[31]. Можно думать, что это было обычной практикой — привод неверных к церковным властям, дабы заставить их принять христианство. Григора подтверждает акт массового обращения людей Кайкавуса: «Люди же его, мужи весьма многочисленные и весьма храбрые, будучи возрождены христианским крещеньем, были причислены к римскому войску»[32].

Байбарс утверждает в цитируемом отрывке, что отвергшие крещение были ослеплены. Аксарайи же говорит, что те, кто избежал смерти, были заключены в тюрьму[33]. Ибн Биби и Йазыджизаде ʿАли сообщают, что отвергшие крещение «были подвергнуты наказанию, взяты под стражу василевсом и навсегда остались в темнице»[34]. Версии Ибн Биби и Аксарайи кажутся более правдоподобными: упрямые мусульмане, скорее всего, были наказаны лишением свободы, но не ослеплением, которое византийцы обычно применяли с осторожностью и только в крайних случаях. Пахимер частично подтверждает это, говоря, что все слуги султанской семьи были заключены в тюрьму[35]. О содержании военнопленных (видимо, тех, которые отказались от натурализации) в крепких тюрьмах и в оковах в Никее Пахимер сообщает для 1265 г.[36] Наказание ослеплением, очевидно, подходило скорее для тех, кому были предъявлены обвинения в мятеже.

Массовое обращение мусульман Кайкавуса происходило в Константинополе и, вероятно, во Фракии и Македонии и едва ли до-

---

[31] PG. T. 119. Col. 785 (постановление Синода); *Rhalles K., Potles M.* Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων. Τ. 1–6. Αθήνα, 1852–1859. Τ. 2. Σ. 497–498 (Вальсамон); Τ. 6. Σ. 120 (Властарь).

[32] *Greg.* IV.6 (t. 1, p. 101): «Ὁ δὲ περὶ ἐκεῖνον ὄχλος, ἄνδρες δ᾽ οὗτοι μάλα τοι πλεῖστοι καὶ κράτιστοι τὰ πολέμια, τῷ Χριστιανῶν ἀναγεννηθέντες βαπτίσματι, τῇ Ῥωμαίων συγκατελέγοντο στρατιᾷ», см. также сходное утверждение: *Greg.* VII.4 (t. 1, p. 229.11–16).

[33] *Aqsarayi*. P. 75.

[34] *Ibn Bibi* (AS). P. 638:

و امیر آخر را مکحول و مسمول و علی بهادر را مقتول کردانید هرکه از اتباع و اشماع وخدم وحشم سلطان ارتداد می نمود و در ملت مسیح مداخلت می کرد نان و امان می یافت و هرکه بعُروَه وُثقی اسلام دست اعتصام قوی می داشت و نقش ان الدین عندالله الاسلام بزورق جان و صفحه اعتقاد می نگاشت بنکال وعقال فاسلیوس مبتلای گشت و در زندان ابد محبوس می ماند٠

Ср.: *Ibn Bibi* (Duda). S. 284; *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 368.

[35] *Pachym*. III.25 (t. 1, p. 313.14–15): «…σὺν τοῖς περὶ ἐκείνους ἅπασιν, εἱρκταῖς ἀσφαλέσιν ἐδίδου».

[36] Ibid. III.28 (t. 1, p. 321.20–21).

шло до Добруджи. Во второй четверти XIV в. Ибн Баттута, проходя через эту область, говорил о городе Баба-Салтук, название которого, несомненно, связано с мусульманским святым Сары-Салтыком; свидетельство знаменитого путешественника можно понять как косвенное указание на непрерывное присутствие в данном регионе мусульманского населения[37]. Как уже было упомянуто в гл. III, османская традиция XV в. предполагала, что тюрки Кайкавуса (или некоторые из них) в Добрудже по-прежнему исповедовали мусульманство. К этому можно добавить, что, согласно данной традиции, некоторые тюрки из Добруджи (в том числе Сары-Салтык) последовали за султаном в Крым[38]. Султана в Крыму сопровождали, по-видимому, как мусульманские, так и христианские его подданные (см. гл. III, разд. 6).

Таким образом, в обсуждаемом эпизоде мы имеем прецедент *насильственного обращения* мусульман, который обладает достаточно ясным юридическим смыслом. Во время пребывания Кайкавуса в Византии многие анатолийские тюрки, пришедшие с ним в империю, как знатные, так и простолюдины, продолжали исповедовать свою религию. Это подтверждается и рассказом о тюрках Малика и Салика: они оставались мусульманами во время службы сначала в византийской, а затем в латинской армии, и лишь позднее, когда война закончилась, некоторые из них приняли христианство (по-видимому, по латинскому обряду) и были расселены в Морее[39]. Следовательно, с юридической точки зрения мусульмане Кайкавуса на византийской территории считались подданными иностранного государя и в этом качестве на законных основаниях сохраняли свою веру. Однако после провала заговора Кайкавуса и его побега из Византии статус его людей изменился: их стали рассматривать в качестве военнопленных или новых поселенцев, которые, как лица экспатриированные, подпадали под юрисдикцию императора и, следовательно, римского и канонического права. Поскольку ислам в византийской церковной традиции квалифицировался как язычество, а в соответствии с гражданским законода-

[37] Voyages d'Ibn Batoutah / Texte arabe, traduction C. Defrémery, B.R. Sanguinetti. T. 1–4. P., 1853–1858. T. 2. P. 416.

[38] *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin). Fol. 368b:

كوجرب اول ترك اولری و صارصلتوق بله آلب دشته ایلتدی و صلغاد و صغداقی اگا تیمار و خلقنه ییریورت ویردی...

См. также: *Decei A.* Le problème de la colonisation des Turcs seljoukides dans la Dobrogea au XIIIe siècle // TAD. 1968. T. 6/10–11. P. 88; *Yazıcızâde Ali* (Bakır). S. 774 (А. Бакыр необъяснимо пропустил эту и последующую фразы).

[39] The Chronicle of Morea. V. 5735: «καὶ ὥρισεν ὁ πρίγκιπας κ᾽ ἐβάφτισάν τους ὅλους».

тельством исповедание любого варианта язычества было незаконным на территории империи[40], мусульмане Кайкавуса не имели другого выбора, кроме крещения. Вот почему те, кто это отверг и пытался сохранить свою «языческую» веру, были брошены в тюрьму.

И наконец, что также примечательно, Михаил Палеолог не слишком сурово наказывал султанских женщин и детей, хотя и арестовал их на некоторое время сразу после бегства Кайкавуса. Жена, мать, сестра, дочь и два сына султана остались в Византии, и, вероятно, по крайней мере некоторые из них были в конце концов поселены в Веррии. Они приобрели высокий статус одной из аристократических фамилий империи. Это вполне укладывается в византийскую традицию избегать репрессий по отношению к несовершеннолетним детям и женщинам даже злейших врагов.

Очевидно, что общее число последователей Кайкавуса было значительным, среди них были не только высокие военные и гражданские чины, но и их семьи, слуги, рабы, кочевники и солдаты. Люди Кайкавуса в Византии, как иностранные подданные, держались своей мусульманской веры вплоть до бегства своего государя, а сразу после этого им пришлось выбирать между крещением и наказанием. Как видно, после отъезда султана зимой 1264/1265 г. по Константинополю и, вероятно, по другим провинциям империи прокатились массовые репрессии, состоявшие в казнях и арестах тюрков, насильственном обращении их в христианство. Мы можем только догадываться о реальных масштабах кризиса, который у мусульманских авторов отражен более ярко и осязаемо, чем в греческой историографии того времени. Однако большинство людей Кайкавуса в конце концов инкорпорировались в византийское общество, нашли свою нишу в новой жизни.

Рассмотренный случай находит множество отголосков в византийских источниках. За двухсотлетний период (XI–XII вв.) набралось немало свидетельств массового крещения тюркских пленных и союзников, как «скифов», так и «персов»[41]. Однако только прецедент людей Кайкавуса столь ярко и подробно вскрывает специфику фактора христианизации.

---

[40] Более подробно см.: *Vryonis*. Manpower. P. 129–132; *Reinert S.W.* The Muslim Presence in Constantinople, 9th–15th Centuries: Some Preliminary Observations // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 125–150; *Shukurov R.* The Crypto-Muslims of Anatolia // Archaeology, Anthropology and Heritage in the Balkans and Anatolia: The Life and Times of F.W. Hasluck, 1878–1920. Vol. 1–3 / Ed. D. Shankland. Istanbul, 2004–2013. Vol. 2. P. 135–158; *Шукуров Р.М.* Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 6. М., 2005. С. 214–233.

[41] *Brand*. Turkish. P. 16–17.

Конечно, глубина христианизации тюркских иммигрантов может вызывать сомнения. У Димитрия Хоматина описан любопытный прецедент, касающийся бывшего агарянина, поселившегося на византийских землях и принявшего православие[42]. Некий ʿАлишер (Ἀλισέριος), по происхождению тюрок, был крещен еще в юношестве[43]. Эта информация заставляет думать, что данный персонаж, будучи христианином в первом поколении, попал в Византию либо в качестве пленника и раба, либо в качестве заложника — как сын какого-то знатного мусульманина из Анатолии. Далее Хоматин сообщает, что ʿАлишер многие годы после крещения был добрым христианином, однако впал в такую нужду, что вера его поколебалась: он возвел хулу против Бога и попрал честный и животворящий крест. Однако в конце концов, раскаявшись, он предстал перед церковной властью, которая назначила ему епитимью. Трудно себе представить, что Хоматин, говоря о хуле против Бога и попрании креста, имел в виду какой-то «атеистический» бунт, вряд ли возможный для личности того времени, воспитанной в исламских и православных традициях. Скорее всего, византийский автор подразумевал, что ʿАлишер хулил христианскую концепцию Божества, попрал крест как центральный символ христианства и вернулся в лоно ислама. Интересно то, что речь не идет о какой-либо

---

[42] Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. G. Prinzing. B.; N.Y., 2002. № 103 (p. 402–403).

[43] В византийской антропонимической модели *ʿАлишер*, скорее всего, было прозвищем (а не фамильным именем), образованным из мусульманского личного имени, которое его владелец носил до крещения. Крестного имени ʿАлишера мы не знаем. Не исключено, что он принадлежал к высшим классам. Но вряд ли это был знатный род. Известен еще один ʿАлишер (в XIV в.), который был париком (Ἀλυσύρης из Трикал, 1348 г.; PLP. № 726). Вероятность наличия родственных связей между этими двумя ʿАлишерами близка к нулю.

Вместе с тем данное имя встречается в Анатолии XIII и XIV вв. — вероятно, в среде туркмен. Так позволяет думать то обстоятельство, что оно не было употребительным в среде городской сельджукской чиновной знати. *ʿАлишер* как имя знатных лиц появляется только на заре эпохи бейликов в среде туркменских вождей Западной Анатолии. Связь этого имени с туркменскими кочевниками в культурном контексте мусульманской Анатолии, возможно, подтверждается его генезисом и семантикой. Лингвистически это выраженное иранское мусульманское имя: оно состоит из араб. *ʿАли* (четвертый праведный халиф и родоначальник шиизма) и перс. *шер* «лев», причем «Лев» (араб. *ḥaydar*, перс. *shīr*) являлось почетным именованием того же ʿАли. Таким образом, имя однозначно отсылает к фигуре четвертого халифа, который почитался шиитами как носитель Божественной благодати. Соответственно, возможно, что имя имеет шиитское происхождение. Если это так, то не удивительно, что в Анатолии оно связано скорее с кочевыми или полукочевыми туркменами, в чьей среде имели определенную популярность шиитские идеи. Сельджукская чиновная и интеллектуальная знать, в отличие от тюрков-кочевников, оставалась верной суннизму.

форме двоеверия: ʿАлишер пережил духовный кризис, но возвратился в лоно христианства. Этот прецедент показателен и в том смысле, что в XIII в. возврат в мусульманство (пусть даже тайный) в пространстве византийской канонической юрисдикции, как кажется, сам по себе был возможен.

Как бы то ни было, обсужденные случаи свидетельствует о том, что западные византийцы по-прежнему успешно проводили натурализацию иммигрантов. Это — довольно важное замечание, поскольку другие части византийского мира дают нам иные свидетельства. Так, например, как мы увидим в следующей главе, понтийский антропонимический материал позволяет думать, что в начале XV в. некоторые выходцы с Востока в Трапезундской империи оставались верны исламу и после расселения на греческих территориях. Они имели мусульманские или тюркские имена, при этом являясь подданными императора. Кроме того, возможно, некоторые из недавно крещенных поселенцев продолжали исповедовать мусульманство тайно[44]. Насколько мне известно, нет оснований предполагать, что в империи Палеологов кто-то из натурализовавшихся иммигрантов сохранял свою первоначальную веру. Обсуждаемый материал показывает обратное: Палеологам удавалось христианизировать подавляющее большинство восточных переселенцев.

4. О механизмах адаптации и отторжения

Приведу еще два примера, демонстрирующие судьбы иммигрантов, вполне случайно оказавшихся на византийской земле. Первый из них касается незнатной персоны, женщины-скифянки, имени которой мы не знаем. Она была довольно состоятельной, жила на золотоордынской территории, не была замужем и не имела детей. Как подчеркивает Григора, скифянка весьма желала переселиться в Византию и креститься (ἐπόθει δ᾽ ἐκ πολλοῦ προσχωρῆσαι Ῥωμαίοις καὶ τὸ θεῖον δέξασθαι βάπτισμα). Как-то раз она увидела, что мимо ее дома ведут греческих рабов — пленников из Фракии. С дальним прицелом она выкупила одного из них и женила на себе, собираясь вскоре переселиться в Византию. От мужа-грека у нее родилось двое детей. Однако вскоре в той же местности оказалась и первая, греческая жена ее мужа, также уведенная татарами из Фракии. Добрая скифянка не стала ревновать, но купила и ее для утешения мужа и для помощи себе по хозяйству. Наконец, скифянка крестилась и поселилась в Константинополе вместе с мужем и

[44] См. также: *Шукуров Р.М.* Крипто-мусульмане Анатолии. С. 214–233.

его первой женой, которые оставались ее рабами. Первая жена отправилась к патриарху и обвинила скифянку в том, что та отняла у нее мужа. Тогда последняя сама явилась на разбирательство и изложила свое видение проблемы. Скифянка даром отпустила на волю мужа, но оставила в рабстве его первую жену, предложив последней выкупить себя за ту цену, которая была за нее плачена: деньги были нужны, чтобы содержать детей. Патриарх и другие участвовавшие в разбирательстве приветствовали решение новообращенной христианки, посчитав его в высшей степени великодушным и справедливым. Но Бог вскоре сделал справедливость действительно полной: стоило первой жене отправиться во Фракию к бывшим соседям для сбора откупных денег, как вновь нагрянули татары и увели ее с собой в рабство, на этот раз навсегда. Муж окончательно вернулся к доброй скифянке, и они зажили счастливо[45]. Происходило это примерно в 1337–1338 гг.

Этот рассказ со «счастливым концом» весьма показателен во многих смыслах. Во-первых, согласно римскому законодательству, римляне, порабощенные за границей и вернувшиеся на родину, сохраняли статус рабов[46]. Во-вторых, в обсуждаемом контексте следует также подчеркнуть стремление богатой скифянки во что бы то ни стало переселиться в Византию. Эту свою мечту она осуществляла поэтапно, начав с того, что вышла замуж за византийского подданного и родила от него детей. В-третьих, когда скифянка столкнулась с угрозой судебного преследования, византийская юридическая система встала на ее сторону, несмотря на то, что она была недавней иммигранткой и неофиткой, а обвинения против нее выдвинула природная гречанка, да к тому же из пострадавших от скифских набегов. Византийское право не знало этнических предпочтений, и закон оказался на стороне скифянки. Механизмы правовой регуляции в этом случае защитили иммигранта от недобросовестного лица «коренной национальности».

Другой пример более сложен по структуре. Пахимер рассказывает о некоем «тохаре» (т.е. монголе) Κουτζίμπαξις, сделавшем быструю карьеру в Византии[47]. По сообщению Пахимера, он исповедовал «религию персов» (τὰ Περσῶν δ’ἔσεβε) и среди «магов» золотоордынского Ногая был самым могущественным (τὰ κράτιστα). Несомненно, под «религией персов» тут подразумевается монгольский шаманизм, жрецы которого, *бахши*, были неизменным эле-

---

[45] *Greg.* T. 1. P. 542–544.

[46] *Rotman Y.* Byzantine Slavery and the Mediterranean World / Transl. Jane Marie Todd. Cambridge (MA), 2009. P. 32–33

[47] *Pachym.* X.30; XII.1, 32; XIII.4, 14.

ментом двора как золотоордынских, так и иранских монголов[48]. Само имя Κουτζίμπαξις является греческой передачей тюрк. *koca-baxşı* «верховный шаман», о чем и говорит сам Пахимер[49]. После смерти Ногая в 1299 или 1300 г. Коджабахши решил переселиться вместе с женой и детьми в тюркскую Анатолию, однако случайно попал на византийскую территорию — в Понтираклию. Крестившись сам и окрестив семью, он сблизился с Андроником II и занял важное место в окружении императора. Другими словами, бывший шаман и его семья приняли византийское подданство. Чтобы остановить тюркского вождя Сулайман-пашу[50], разорявшего окрестности Никомидии, император сделал Коджабахши правителем этого города и выдал его дочь за Сулаймана. Однако это не дало результатов, ибо предводитель тюрков не соблюдал мира, а Коджабахши предпринимал некие враждебные действия по отношению к местным грекам[51]. Тем не менее «маг» оставался среди приближенных императора и продолжал выполнять его важные поручения. Так, он был отправлен послом к золотоордынскому хану Токте (1290–1312), а в 1305 г. был послан как переговорщик во Фракию, дабы усмирить восставших аланов и «северных» туркопулов. Однако, женившись на дочери аланского вождя Κυρσίτης, Коджабахши повел себя подозрительно в глазах имперской власти[52]. Продолжение истории содержится в одном из писем патриарха Афанасия I: Коджабахши (Παξῆς у Афанасия I) был арестован византийцами по обвинению в предательстве, но ок. 1306 г. бежал из константинопольской тюрьмы (скорее всего, назад в Золотую Орду). Патриарх в письме просил императора не быть слишком строгим к стражам бывшего шамана, допустившим невольную оплошность[53]. Так прервалась блестящая византийская карьера Коджабахши.

[48] Ошибочные толкования: PLP. № 13622 (исповедовал мусульманство); The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials / Ed., transl., and commentary A.-M. Talbot. Washington, 1975. P. 362. Note to line 21 (исповедовал зороастризм).

[49] *Pachym*. XIII.14 (t. 4, p. 627.19–20): «πρῶτος δὲ τῶν ἱερομάγων τοὔνομα τοῦτο ἐξελληνίζεται». Толкование имени принадлежит М. Катрмеру и Э. Захариаду: *Zachariadou E.* Observations on some Turcica of Pachymeres // RÉB. 1978. T. 36. P. 262–263. Однако Э. Захариаду невероятным образом определяет конфессиональную идентичность Коджабахши: «…[he] was a Muslim Turk, the chief magician in Nogay's court».

[50] Вероятно, идентичен эмиру Кастамону Шуджаʿ ал-Дину Сулайман-паше: *Failler A.* Les émirs turcs à la conquête de l'Anatolie au début du 14e siècle // RÉB. 1994. T. 52. P. 90–91; *Beldiceanu-Steinherr I.* L'installation des ottomans // La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. P., 2003. P. 362.

[51] *Pachym.* X.30 (t. 4, p. 379.11–23); XII.1 (t. 4, p. 507.11–12).

[52] Ibid. XII.32 (t. 4, p. 603.28–31); XIII.4 (t. 4, p. 627); XIII.14 (t. 4, p. 649).

[53] The Correspondence of Athanasius I… P. 114–116 (№ 51).

Для нас здесь важна та легкость, с которой герой данной истории принял решение креститься и вошел в близкое окружение василевса, равно как и открытость византийского общества для талантливых варваров. Однако этот прецедент дает нам пример и того, как уже натурализовавшийся весьма знатный инородец, войдя в противоречие с властью, тут же столкнулся с полицейским аппаратом империи и оказался за решеткой. Непослушные и несообразительные варвары немедленно выдавливались из общества — Коджабахши ничего больше не оставалось, как бежать из империи.

В приведенных тут и выше примерах проглядывается некий центростремительный вектор: как анатолийские «персы», так и причерноморские «скифы» устремлены к Константинополю. «Скифы» мечтают стать византийскими подданными, а анатолийцы уже (или все еще?) считают себя таковыми, и их отделяет полшага от полной натурализации.

5. Собственники и прониары

Если государство было заинтересовано в иммигранте, то за его христианизацией следовало предоставление ему средств к существованию. Естественно, в первую очередь это были деньги и земля. Еще в VII–VIII вв. были выработаны стандартные меры по материальной поддержке натурализованных иммигрантов, расселенных на имперских землях[54]. В эпоху Константина Багрянородного протонотариям фем предписывалось выплачивать наделенным землей переселенцам-сарацинам солидные подъемные в золоте на пропитание и закупку инвентаря; они на три года освобождались от налогов. Временный налоговый иммунитет получали и местные жители, если брали в дом иммигранта-сарацина в качестве зятя[55]. Широкая раздача земель принявшим имперское подданство «скифам» и «персам» продолжалась и в XI–XII вв., что описывалось Ч. Брандом[56].

Финансовые отношения между имперскими властями и теми наемниками и союзниками, которые оставались иностранными гражданами и не принимали византийского подданства, строились по нескольким моделям. Например, в поздневизантийское время они, как правило, получали заранее оговоренные выплаты, а иногда и сверх того — дополнительные подарки золотом и экс-

[54] *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 238.

[55] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / Rec. J.J. Reiske. T. 1. Bonn, 1829. P. 694.22–696: «Περὶ τῶν αἰχμαλώτων Σαρακηνῶν τῶν ἐπὶ θέματι βαπτιζομένων». Обсуждение части этой главы см. в: *Vryonis.* Manpower. P. 130.

[56] *Brand.* Turkish. P. 17.

клюзивным товаром. Так, в 1260 г. ʿАли Бахадур, как иностранный союзник, был награжден почетной одеждой и другими дарами за его военные победы во имя императора[57]. Как отметил Кантакузин, добыча (включая рабов), взятая мусульманскими наемниками и союзниками, оставалась в их распоряжении[58]. Однако, как кажется, иностранные наемники и союзники, которые не были подданными империи, не могли получать поместья на византийской территории.

Те, кто принимал византийское подданство, в особенности знатные иммигранты, как правило, получали от властей поместья в частную собственность. Большинство благородных родов (Мелики, Султаны, Масгиды, Анатавлы), имевших мусульманское происхождение, обладало наследственными землями. Как видно, многие носители восточных имен, перечисленных в моей базе данных (или их ближайшие предки), первоначально были военными: либо переселенцами, либо нанятыми правительством наемниками, осевшими в Византии. По крайней мере, информация сохранившихся источников не содержит другого объяснения для масштабных переселений с Востока на византийские территории в XIII–XIV вв.

Имперские власти широко пользовались также институтом пронии, т.е., в нашем случае, условного пожалования лицу, находящемуся на государственной службе (в особенности, военной), либо в виде части налогов с территории, либо в виде земельных угодий для их обработки[59]. Средняя прония давала своему держателю эквивалент 70–80 золотых номисм в год[60].

---

[57] *Ibn Bibi* (AS). P. 638:

باری چند فاسیلیوس را معادیان و منازعان ظاهر شدند علی بهادررا بدفع ایشان فرمان داد دران باب جواب خصوم ملک الروم چنانک از کمال حماست او اقتضا کرد واجب دید وباقامت رسانید و بقمع کفار آثار صرامت ظاهر کردانید بدانواسطه پایه او در خدمت ملک الروم در وقار و حشمت بیفزود و هر بار سحاب خلعت و صلت ازخزانه ملک الروم در باره او دارّ و فایض بود و پیوسته بانعام و اکرام او اختصاص می یافت٠

Ср.: *Ibn Bibi* (Duda). S. 284.

[58] *Cantac.* T. 1. P. 497 (о захвате в полон христианского населения в Албании тюрками Умура в 1337 г.).

[59] О пронии в XIII–XV вв. см. работы последнего поколения со ссылками в них на более раннюю историографию: *Bartusis M.* Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia. Cambridge, 2012, особенно гл. 4–7 (p. 374–394 — о содержании пронии); *Idem.* Pronoia // ODB. Vol. 3. P. 1734; *Хвостова К.В.* Прония: социально-экономические и правовые проблемы // ВВ. 1988. Т. 49. С. 13–23; *Harvey A.* Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200. Cambridge, 1990. P. 5–12, 72; *Laiou A., Morrisson C.* The Byzantine Economy. Cambridge, 2007. P. 157–159.

[60] Расчеты в: *Oikonomidès N.* À propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats // TM. 1981. T. 8. P. 354.

Рис. 6.2. Печать Димитрия Аилгази. Судя по изображению св. Димитрия на печати, ее владелец, скорее всего, был военным (см.: *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 1–3. Sofia, 2003–2009. Vol. 3. № 1810)

В отношении прониаров-тюрков в источниках сохранился весьма любопытный прецедент. Некий Петр, которого персы до того, как он был крещен, называли Фахратин (Φαχρατίνης), умер до 1283–1289 гг. Похоже, что сам Πέτρος Φαχρατίνης или два его сына (одного из которых звали Андроник) владели пронией в Константинополе или его окрестностях. Однако после смерти Петра власти собрались лишить его сыновей этого пожалования и насильно отправить во Фракию или Македонию, где, в случае их согласия, их должны были зарегистрировать в «персидских воинских списках» (Περσικοὶ στρατηγικοὶ κατάλογοι) и выдать им необходимое довольствие (σιτηρέσιον) и пахотную землю. Молодые люди обратились к патриарху Григорию II Кипрскому, пытаясь избежать этого. Патриарх рассказал данную историю в своем письме к великому логофету Феодору Музалону между 1283 и 1289 гг.[61]

Эта история весьма симптоматична и имеет первостепенное значение для обсуждаемой тут темы. Имя Φαχρατίνης тождественно мусульманскому *Фахр ал-Дин* (араб. فخرالدين *fakhr al-dīn* «Слава Веры»), оно, очевидно, было скорее личным именем, а не почетным титулом (*laqab*)[62]. По всей вероятности, будущий владелец пронии был высокопоставленным мусульманским эмиром ʿИзз ал-Дина Кайкавуса, в какой-то момент принявшим христианство.

---

[61] Γρηγορίου του Κυπρίου Επιστολαί / Εκδ. Σ. Ευστρατιάδης // Εκκλησιαστικός Φάρος. 1909. Т. 4. Παράρτημα. Σ. 119. № 159. Анализ прецедента см. в: *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 374–375. См. также: *Бибиков М.В.* Сведения о пронии в письмах Григория Кипрского и «Истории» Георгия Пахимера // ЗРВИ. 1976. Т. 17. С. 95; RegPatr. T. 1/IV. № 1536 (p. 326); ср.: PLP. № 29669 (множество фактических ошибок).

[62] Предложенное В. Лораном толкование имени несомненно ошибочно: *Ferhaded-din*. О почетной титулатуре при сельджукском дворе см.: *Hasan b. ʿAbdi'l-Mu'min el-Hoyi.* Gunyetu'l-Katib ve Munyetu't-Talib // Erzi A.S. Selçukiler Devrinde âid Inşâ Eserleri. Ankara, 1963. S. 1–15; *Idem.* Rusumu'r-Resa'il ve Nucumu'l-Faza'il // Ibid. S. 1–46.

Помимо Фахр ал-Дина, среди людей Кайкавуса были и другие прониары — вероятно, мегалоаллагит Γαζῆς и Ἀραβαντηνὸς Μασγιδᾶς (см. гл. V). Следовательно, император даровал подобные пожалования тюркам Кайкавуса, в особенности, вероятно, военным командирам. Эти прецеденты позволяют визуализировать многочисленные ссылки восточных источников на щедрость императора Михаила VIII Палеолога в отношении людей Кайкавуса, наиболее яркая из которых принадлежит Аксарайи: византийцы «каждому из его свиты, в меру их приближенности и чина, дали достойное место и предоставили каждому из них в соответствии с его положением средства для пропитания и повседневных расходов»[63]. Как видно из обсуждаемого прецедента, касающегося сыновей Фахр ал-Дина, люди Кайкавуса могли быть одарены пронией, пахотными землями под обработку, а также σιτηρέσιον, т.е. довольствием. Любопытно, что данные греческого и персидского источников совпадают даже в формулировках.

Второе поколение натурализованных тюрков продолжало военную карьеру своих отцов в «персидских» полках, которые, как мы видели, позже стали называть *туркопулами*. Это однозначно подтверждается замечанием Григоры, который говорит о солдатах Кайкавуса, что они впоследствии «умножились поколениями детей»[64].

Туркопулы в составе византийской армии упоминаются лишь до первого десятилетия XIV в., а в войске каталонцев Фессалии — вплоть до 1330-х гг.[65] В актах носители прозвища Τουρκόπουλος встречаются до 1409 г., однако, похоже, никто из них не был солдатом. Скорее всего, в актах середины XIV — XV в. это прозвище следует понимать не в техническом смысле («солдат определенного рода войск»), но в его прямом значении — «отпрыск тюрка»[66].

---

[63] *Aqsarayi.* P. 70:

و خواص اورا هریکی را بر قدر قربت و منزلت مسکنی لایق مهیا کردانیدند و اسباب نزل و ما یحتاج ایشان بر وفق حال هریکی علی حده مهیا و مرتب داشتند.

См. сходные утверждения в: *Ibn Bibi* (AS). P. 637; *Ibn Bibi* (Duda). S. 284; *al-Maqrizi*. Kitab… T. 2. P. 14.

[64] *Greg.* T. 1. P. 248.9–10: «ταῖς τῶν παίδων διαδοχαῖς αὐξηθέντας».

[65] *Savvides A.* Late Byzantine and Western Historiographers on Turkish Mercenaries in Greek and Latin Armies: the Turcoples/Tourkopouloi // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D.M. Nicol. L., 1993. P. 122–133; *Idem.* Εκχριστιανισμένοι Τουρκόφωνοι μισθοφόροι στα βυζαντινά και λατινικά στρατεύματα της Ανατολής // Πρακτικά του Ι' Πανελλήνιου Ιστορικού Συνεδρίου. Θεσσαλονίκη, 1989. Σ. 89–97. Подразделения туркопулов хорошо известны и в армиях крестоносцев на Леванте, причем в латинских хрониках они фиксируются с XI в.: *Smail R.C.* Crusading Warfare, 1097–1193. Cambridge, 2005. P. 111–112, 179–180.

[66] PLP. № 29176–29184.

Рис. 6.3. Печать Иоанна Туркопула (1-я пол. XIV в.), который, вероятно, был воином-туркопулом (см.: *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. С. 136, табл. LXVI, 10; PLP. № 29183)

Именно в этом значении употреблял слово «туркопул» Михаил Панарет в Трапезунде (вторая половина XIV в.), рассказывая о захвате в плен греческим войском множества тюркских женщин и детей[67].

Не исключено, что византийские тюрки первого и последующих поколений могли выступать как компания солдат, наделенная коллективной пронией. Выше уже говорилось, что таким коллективным прониаром были тюрки в Чимпе в эпоху Кантакузина и солдаты Βαρβαρηνοί. На византийской территории половцы, вероятно, были также организованы в колонии[68]. В любом случае, военных поселенцев, как «персов», так и «скифов», селили компактно. Как подметила Э. Захариаду, владения тюркских родов Меликов, Султанов и связанных с последними Лизиков, находившиеся в районе Веррии, граничили друг с другом[69]. В пользу компактности расселения тюрков свидетельствует и мой анализ распределения тюрков в Македонии (см. гл. IV).

Коллапс прониарной системы произошел во второй половине XIV в. как следствие турецкого завоевания Балкан. Византийская власть сделала последнюю попытку ее спасения в период между битвой на Марице в 1371 г. и захватом османами Фессалоники

---

[67] *Panaretos.* P. 79.28.

[68] *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 158–159. Расселение иммигрантов колониями было давней византийской практикой (*Литаврин Г.Г.* Византийское общество… С. 238).

[69] *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί απόγονοι του Ιζζεδίν Καικαούς Β’ στη Βέροια // Μακεδονικά. 1964–1965. Τ. 6. Σ. 65–66.

в 1387 г., проведя частичную секуляризацию монастырских земель. Однако полная потеря македонских владений в 1380-х гг. нанесла смертельный удар по пронии как источнику финансирования армии[70]. Это, как свидетельствует рассмотренный материал, привело к исчезновению с византийской социальной сцены и тюркских прониаров.

6. На службе у империи

Иностранные наемники и союзники, поступая на византийскую службу, давали клятву (ὅρκος) имперским властям в соответствии с обычаями своего народа. Например, Анна Комнина указывает, что латинские рыцари Первого крестового похода, присягая на верность Алексею I Комнину, произнесли «обычную присягу латинян»[71]. Согласно тому же автору, точно так же и тюрки, становясь союзниками (σύμμαχοι) императора, давали клятвы по своему обычаю[72]. Византийцы были хорошо знакомы со специфическими ритуалами тюркской клятвы, такими как, например, рассекание надвое собаки[73]. Как «персы», так и «скифы» регулировали свои отношения с византийской верховной властью посредством собственных традиционных клятв. Скорее всего, они клялись на своих языках. Возможно, что процедура вхождения в византийское подданство имела сходство с русским ритуалом *шертования*, известным в XV–XVIII вв. В ходе этого ритуала тюрки произносили клятву (*шерть* ← араб. شرط *sharṭ* «клятва») в соответствии со своими собственными обычаями[74]. Мусульманские наемники Византии, не менявшие своего статуса иностранцев, могли клясться на Коране, как, например, люди Кайкавуса II до бегства своего государя из Византии. Однако те, кто хотел принять византийское подданство,

[70] *Vryonis*. Manpower. P. 128.

[71] *Anna Comn.* VII.6.1.4 («τὸν συνήθη τοῖς Λατίνοις ὅρκον»), X.7.5.14 («τὸν τοῖς Λατίνοις συνήθη ὅρκον»).

[72] *Anna Comn.* II.6.8.7–8: «τὸ εἰθισμένον αὐτοῖς τὸν ὅρκον».

[73] *Крюков А.М.* Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 7. СПб., 2009. С. 33–53. О клятвах варваров византийским императорам подробнее см.: *Pohl W.* Ritualized Encounters: Late Roman Diplomacy and the Barbarians, Fifth–Sixth Century // Court Ceremonies and Rituals of Power in Byzantium and the Medieval Mediterranean: Comparative Perspectives. Leiden; Boston, 2013. P. 67–86. Также см.: *Brand*. Turkish. P. 16–17.

[74] О понятии и практике шерти см.: *Арапов Д.Ю.* Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2002. Т. 2/10. С. 252–262; *Конев А.Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. Т. 6. С. 172–177.

конечно, уже не могли приносить мусульманскую присягу, они использовали христианские клятвы. Так было в случае с сельджукским перебежчиком Сийавушем, который между 1085 и 1087 гг. сначала крестился, а уже потом клялся Алексею I (πίστεις ἐδεδώκει τῷ αὐτοκράτορι)[75].

Большинство «персидских» и «скифских» иммигрантов принадлежало к военному классу, будучи приписанными как рядовые и офицеры к византийским подразделениям легкой кавалерии и конных лучников[76]. 7% тюрков из просопографической базы данных прямо названы в источниках высшими офицерами и командирами (ἄρχων, κεφαλή). Родовитые тюрки сразу инкорпорировались в византийскую знать и жаловались придворными званиями. Некоторые из них получали высокий титул οἰκεῖος[77] и δοῦλος[78] императора. Один из членов знаменитой фамилии Султанов — Ἀλέξιος Σουλτάνος Παλαιολόγος — назван в источниках *πανευγενέστατος* («наиблагороднейший»)[79].

Иммигранты первого поколения часто использовались властями как послы и переговорщики с зарубежными тюрками в силу общности языка и, так сказать, «психологии». Примеры таких переселенцев, отправленных с дипломатическими миссиями к варварам того же племени и языка (ὁμόγλωττος), весьма многочисленны. Коджабахши ездил послом сначала в Золотую Орду, а потом к аланским и тюркским повстанцам. Протоиеракарий Ἀβράμπαξ (← араб. ابراهيم *ibrāhīm* «Авраам» + тюрк. *bēk* «вождь» или перс., тюрк. *paşa* «предводитель») сопровождал сельджукского султана Масʿуда из Константинополя в византийскую Анатолию на встречу с Андроником II. Ок. 1305/1306 г. Константин Мелик вел переговоры с Исааком Меликом, тюркским наемником, перешедшим на сторону Андроника II. Два византийских тюрка, братья Аксункур (آقسنقر *āqsunqur*) и Бахадур (بهادر *bahādur*), участвовали в византийском посольстве в Египет в 1326–1327 гг.[80] После 1304 г. «Государыня Монголов» Мария, хотя и была по крови византийкой, в силу своих знаний об

[75] *Anna Comn.* VI.9.4.10–12; *Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980. P. 280.

[76] *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 257–258, 330.

[77] Μαχράμης (PLP. № 17544), Ἀλέξιος Παλαιολόγος Σουλτάνος (PLP. № 26338), Ἀλέξιος Ἰαγούπης (PLP. № 7819), Γεώργιος Ἰαγούπης (PLP. № 7821), Θεόδωρος Ἰαγούπης (PLP. № 7822).

[78] Νικόλαος Τζυράκης (PLP. № 28159), Ἀλέξιος Κομνηνός Μασγιδᾶς (PLP. № 17220), Ἰωάννης Δούκας Μασγιδᾶς (PLP. № 17222), Δημήτριος Ταλαπᾶς (PLP. № 27416), Γεώργιος Ἰαγούπης (PLP. № 7821), Παῦλος Γαζῆς (PLP. № 3452).

[79] AVat III. Σ. 27.184–185 (no. 2).

[80] *al-Maqrizi.* Kitab… T. 3. P. 97.

азиатах и Азии вела переговоры с эмиром Османом, родоначальником османского государства[81].

Византийские тюрки часто назначались командирами варварских контингентов. Νικηφόρος Ῥιμψᾶς, христианизированный тюрок, командовал «персидскими» полками в битве при Пелагонии (1259 г.)[82], а некий Τζαράπης возглавлял тюркский гарнизон Апра в 1306 г.[83] Иммигранты второго и третьего поколения также могли стоять во главе тюркских наемников, как показывает пример Иоанна Сирияна, внука «скифа» Συτζιγάν и командира варварских подразделений из Вифинии в 1322 г.[84]

Весьма распространенным придворным титулом среди византийских тюрков первого и последующих поколений был «протоиеракарий» (πρωτοιερακάριος). Существовали ли какие-либо особые функции, связанные с этим дворцовым званием, до конца не ясно[85]. Изначально это была должность главного сокольничего, занимавшего довольно скромное место (от 48-й до 53-й строчки) в табели о рангах[86]. Однако, как представляется, для тех лиц, кто именовался протоиеракарием, служба императорским сокольничим была не самой главной и важной[87]. В никейский и палеологовский периоды мы находим среди обладателей данного звания как весьма знатных и именитых лиц, так и вовсе неизвестных чиновников, как гражданских официалов, так и военных. Это был скорее почетный титул, чем должность со строго определенными функциями[88].

---

[81] *Pachym.* XIII.35 (t. 4, p. 701).

[82] Ibid. IV.31.18 (t. 2, p. 425); *Acrop.* Vol. 1. P. 170.19–171.1.

[83] Ibid. XIII.29.9 (t. 4, p. 697).

[84] *Greg.* T. 1. P. 354.7; *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005. P. 120–121.

[85] О титуле «протоиеракарий» см.: *Kazhdan A.* Protoierakarios // ODB. Vol. 3. P. 1745.

[86] *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 138.29, 301.7–8 и др. (см. Index).

[87] *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. B.; Amsterdam, 1967. T. 1. P. 600–601.

[88] Титул протоиеракария носили: Феодор Музалон при дворе Феодора II Ласкариса (1254–1258); в 1274 г. Константин Хаден — великий логариаст, пансеваст севаст и эпарх Константинополя (PLP. № 30346); известный византийский тюрок Ἀβράμπαξ, выполнявший дипломатическое поручение Андроника II в конце XIII в. (PLP. № 61; *Pachym*. X. 25, p. 360); в начале XIV в. Димитрий Палеолог, эпитафию на смерть которого написал Мануил Фил (Manuelis Philae carmina inedita / Ed. A.E. Martini. Neapoli, 1900. P. 69–70); представитель знатной фамилии Сарантинов — землевладелец в Веррии в 1325–1338 гг. (PLP. № 24896; AVat III. Σ. 31.16, 34.82, 59.65); видный офицер Иоанн Синадин до 1341 г. (PLP. № 27123). Тот же титул носили и менее известные лица: ок. 1300 г. Βασιλικός, происходивший из «Персиды», т.е. сельджукской Анатолии, и приходившийся, возможно, родственником Василикам, грекам — переселенцам в Византию из Коньи (PLP. № 2454; Manuelis Philae carmina. Vol. 1. P. 87–88); некий Димитрий Ком в Фессалонике в 1344 г. (PLP. № 92402; ADoch. P. 170f.); Феодор Стронгил в 1348 г. (PLP. № 26952); известный по единственной пе-

По крайней мере, в середине XIV в. звание протоиеракария могли носить несколько человек одновременно: так, в документе из Дохиарского монастыря рядом с протоиеракарием Иагупом упомянут протоиеракарий Комит[89].

В первой половине XIV в. по меньшей мере трое выходцев из тюркской среды носили данный титул: иммигрант первого поколения Аврампакс (Ибрагим-бек) и тюрок пятого поколения Иагуп, а также потомок иммигранта из Сельджукского султаната Василик[90]. Кроме того, Димитрий Палеолог, чья сестра вышла замуж за иммигранта первого поколения Султана, также обладал званием протоиеракария в начале XIV в.[91] Таким образом, треть из известных носителей этого титула так или иначе была связана с Востоком.

Любопытно, что на должности придворных, в чьи обязанности входило исполнение государственной политики по отношению к иммигрантам и иностранцам, иногда назначали византийских тюрков или их потомков. Так, например, титул и должность этериарха (ἑταιρειάρχης) принадлежали Василику из семьи переселенцев из Иконийского султаната Василиков (кон. XIII в.; PLP. № 2452), а также Анатавле (см. гл. V, разд. 9, AN-2). Этериарх находился во второй половине списка государственных должностей — в середине шестого десятка из примерно семидесяти[92]. Согласно Псевдо-Кодину, в палеологовское время этериархи исполняли организационные функции во время торжественных императорских приемов, в определенном порядке вызывая в залу придворных; великий этериарх (25–27-е место в иерархии) всегда находился при особе василевса и имел полномочия сообщать ему неотложные вести в ходе аудиенций[93]. Однако, что важно, этериархи (вместе с великим этериархом), помимо участия в придворной церемонии, еще и занимались делами беженцев («συνυπηρετεῖ δὲ καὶ τῷ μεγάλῳ ἑταιρειάρχῃ ὑπὲρ τῶν προσφύγων»)[94]. В отношении этих специфических

чати Лев в XIII–XV вв. (*Laurent V.* Les bulles métriques de la sigillographie Byzantine // Ἑλληνικά. 1932. T. 5. P. 111–112, № 318); некий протокиниг и протоиеракарий Βουζηνός в XIII в. (PLP. № 3016; *Guilland R.* Recherches… T. 1. P. 601); протоиеракарий и чавуш Ποτζιάτης Ἄγγελος в 1385/1386 г. (PLP. № 23606).

[89] ADoch. P. 170.10.

[90] Об Аврампаксе см. гл. III, разд. 7.

[91] Manuelis Philae carmina inedita. P. 69–70; PLP. № 94378; см. также гл. V, раздел «Султаны (I)».

[92] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 139.8 (65-е место), 165.7 (63-е место). Хотя в некоторых списках должностей этериарх находится еще ниже, занимая место в восьмом десятке (Ibid. P. 301, 306, 308, 310).

[93] Ibid. P. 176–177.

[94] Ibid. P. 186.26–27.

функций источник содержит несколько более подробную информацию: «Δέχεται δὲ οὗτος καὶ τοὺς προσερχομένους πανταχόθεν φυγάδας· διὸ καὶ ἑταιρειάρχης καλεῖται, ὡς τοὺς ἑταίρους ἤτοι τοὺς φίλους δεχόμενος»[95]. То есть этериарх, равно как и великий этериарх, занимался делами («принимал») «приходящих со всех сторон беженцев». Другими словами, обладатели данной должности вели дела «миграционного» ведомства палеологовской Византии[96].

Конечно, не выдерживает критики зафиксированная у Псевдо-Кодина «народная этимология» титула («потому-то и зовется этериархом, что принимает “товарищей”, то есть “друзей”»). Ведь он возник в конце IX в., и в прошлые эпохи этериархи исполняли совершенно иные функции, отвечая за безопасность дворца, возглавляя армию или даже выступая хозяйственными управленцами (как, например, ἐπὶ τῆς μεγάλης ἑτερίας)[97]. Вместе с тем эта «народная этимология», вероятно, указывает на то, что функция этериарха как чиновника миграционного ведомства в палеологовскую эпоху выдвинулась на первый план настолько, что повлияла на понимание современниками самой семантики титула.

В статье «Hetaireiarches» А.П. Каждан отмечает, со ссылкой на Псевдо-Кодина, что функцией этериарха был «контроль над иностранцами». Это явная неточность: источник говорит именно о беженцах, но не обобщенно о чужеземцах[98]. В свою очередь М. Бартузис необоснованно ставил под сомнение сведения, приведенные у Псевдо-Кодина, полагая, что «принимающая» функция этериарха относилась лишь к церемониалу императорской аудиенции. Американский исследователь продолжает считать этериархов военными. Между тем он упустил из виду, что обладатель данной должности «принимал» именно беженцев, но отнюдь не царедворцев, ждущих своей очереди в дверях императорской приемной[99].

Следует отметить, что наличие в административном аппарате палеологовского времени специального чиновника, ведавшего

---

[95] *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 178.19–23.

[96] *Karlin-Hayter P.* L’Hétériarque. L’évolution de son rôle du De Cerimoniis au Traité des Offices // JÖB. 1974. Bd. 23. P. 108.

[97] *Литаврин Г.Г.* Византийское общество… С. 46–47. См. также статьи А.П. Каждана «Hetaireia» и «Hetaireiarches» в: ODB. Vol. 2. P. 925–926.

[98] Такое прочтение Псевдо-Кодина было предложено еще Эрнстом Штайном, которому, вероятно, А.П. Каждан некритично и последовал: *Stein E.* Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftgeschichte // Mitteilungen zur osmanischen Geschichte. 1926. Bd. 2. S. 41 (функции великого этериарха и этериарха определены как «fremdenpolizeilichen Agenden»).

[99] *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 14, 181.

мигрантами, представляется более чем логичным. Именно в эту эпоху Византия переживает стремительные изменения в конфигурации собственных границ в европейской части империи и полную потерю своих анатолийских провинций. Потоки беженцев из захваченных врагом земель превратились в обыденную черту социальной жизни того времени[100]. Помимо беженцев-греков, на византийскую территорию переселялись и натурализовывались там славяне, албанцы, влахи, западноевропейцы и тюрки[101]. Вероятно, не было случайностью, что из 12 известных для XIV–XV вв. великих этериархов двое упомянуты как штатные толмачи[102], которых в эту эпоху именовали на восточный лад δραγουμάνος (← ит. ← перс.-араб.-тюрк. *tarjumān* ترجمان)[103]. Именно общение с переселенцами (как греками, так и инородцами) делало логичным совмещение функций миграционного офицера и переводчика.

В позднюю эпоху титулы великого этериарха и этериарха, по всей видимости, были довольно почетными (что, возможно, проистекало из важности их функций, обсужденных выше). В частности, на это указывает то обстоятельство, что в числе 28 известных обладателей данных должностей встречаются весьма знатные и влиятельные лица: пансеваст севаст и войсковой судья Алексей Дипловатац (нач. XIV в.; PLP. № 5510), наместник в Месофинии Лев Музалон (нач. XIV в.; PLP. № 19443), видный полководец Ностонг-Дука (нач. XIV в.; PLP. № 20725), пансеваст Георгий Сарантин (1-я пол. XIV в.; PLP. № 24901), Георгий Дука Филантропин (PLP. № 29759) и др. Пять носителей данного титула были одновременно икеями (οἰκεῖοι) василевса[104].

Принимая это во внимание, можно сделать вывод, что тюркские иммигранты и их потомки могли выполнять как символическую, так и функциональную роль в императорской чиновничьей и придворной иерархии. Византийские тюрки преимущественно были заняты на военной службе, однако они исполняли и функцию связи между византийцами и внешним тюркским миром.

---

[100] Нет ни одного специального исследования, касающегося беженцев в поздневизантийском мире. Некоторый материал о беженцах см. в гл. VIII, раздел «Византийская туркофония».

[101] *Vryonis*. Manpower. P. 125–140.

[102] «Διερμηνευτής» назван Ἀλέξιος Ὑάλων Λάσκαρις (ум. после 1370 г.; PLP. № 14526), титул μέγας διερμηνευτής носил Νικόλαος Σιγηρὸς (ум. до 1357 г.; PLP. № 25282).

[103] *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 184.19; LBG. S. 409 (δραγουμάνος).

[104] PLP. № 4214, 5537, 21641, 24901, 29759.

7. Рабы, слуги и заложники

Далеко не все тюркские поселенцы получали пронии и другие пожалования. В ходе военных действий греки захватывали пленных, а также гражданское население, в особенности женщин и детей. Похоже, с XII в. это было сознательной политикой, направленной на пополнение собственного людского ресурса. Пленных мужчин, женщин и детей по закону войны (νόμῳ πολέμου) обращали в рабство[105]. Эти рабыни и рабы, если не оказывались проданными на рынках, как правило, становились домашними рабами, ближайшими слугами и друзьями, практически членами семьи. Разряд домашних слуг и рабов из числа захваченных на войне пленников исследовался Х. Кёпштейн и Ю. Ротманом. В византийской терминологии они обозначались как οἰκέτης и οἰκότριψ, существовал также более общий термин — δοῦλος[106]. Дети-рабы обычно приставлялись к хозяйским детям, с которыми они неразлучно росли; по прошествии многих лет между рабами и хозяевами устанавливалась практически родственная связь. Таких детей звали также παιδίσκος, παιδίον, παιδόπουλον, т.е. «дитя, паж»[107].

Захват пленных — одна из задач военной кампании, их использовали как «языков», для обмена, но чаще обращали в рабство. Татикий и Иоанн Аксух были захвачены детьми и приставлены к Алексею I Комнину и Иоанну II Комнину соответственно в качестве домашних рабов[108]. Согласно Евстафию Солунскому, в 1178 г., в правление Мануила I Комнина (1143–1180), пленение и расселение множества тюркских женщин и детей вызвало настоящий наплыв тюрков-мужчин на византийские территории; в районе Фессалоники их стало так много, что этот регион можно было бы назвать «Новой Персией или же европейской вотчиной персов»[109]. Эти женщины, скорее всего, были пленницами-рабынями, уведенными византийцами из Анатолии в результате удачного похода. Мужчины,

---

[105] *Rotman Y.* Byzantine Slavery… P. 25–56.

[106] Ibid. P. 82–93; *Köpstein H.* Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Philologisch-historische Untersuchung. B., 1966. S. 31–42, 46–48.

[107] *Rotman Y.* Byzantine Slavery… P. 87–89. Ср.: *Köpstein H.* Zur Sklaverei… S. 49–50. См. также: *Vryonis*. Manpower. P. 142. Некоторые добавления к списку известных рабов в эпоху Палеологов см. в: *Prinzing G.* Zu Sklaven und Sklavinnen im Spiegel des Prosopographischen Lexikons der Palaiologenzeit // Koinotaton Doron. Das späte Byzanz zwischen Machtlosigkeit und kultureller Blüte (1204–1461) / Hrsg. A. Berger, S. Mariev, G. Prinzing, A. Riehle. B.; Boston, 2016. S. 125–147.

[108] *Brand.* Turkish. P. 15–19.

[109] Eustathii Thessalonicensis Opera minora / Ed. P. Wirth. B.; N.Y., 2000. P. 247.9–248.36; *Brand*. Turkish. P. 13.

вероятно, были более всего привлечены тем, что им не приходилось платить калым за тех женщин, на которых они женились. Весьма яркий пример дает последний поход Алексея I Комнина в Анатолию против тюрков в 1114 г. Император при возвращении из похода, отбиваясь от непрестанных нападений тюрков, использовал изобретенное им новое построение войска на марше. В этом построении обоз и гражданские находились посредине колонны, окруженные плотными рядами воинов. Среди гражданских, защищаемых таким образом, Анна Комнина упоминает «всех военнопленных с женщинами и детьми» (τοὺς δορυαλώτους ἅπαντας σὺν γυναιξὶ καὶ παιδίοις)[110]. Эти примеры на материале XII в. можно значительно умножить[111].

Хотя очевидно, что в позднюю эпоху в этом смысле мало что изменилось, сведений о домашних рабах в источниках значительно меньше. Плануд сообщает о захвате Алексеем Филантропином тюркских женщин и детей (τέκνα καὶ γυναῖκας ἐξανδραποδισάμενος), которые, как можно думать, предназначались для обращения в домашних рабов[112]. Х. Кёпштейн приводит некоторые примеры распространения домашнего рабства в среде византийской знати и состоятельных людей в XIII–XIV вв.[113] В источниках содержатся некоторые указания в отношении тюрков как домашних рабов. Так, в «Морейской хронике» упоминаются мальчики-туркмены, слуги византийского военачальника, несомненно используемые в этом качестве[114]. Однако наиболее неожиданный материал обнаруживается в антропонимике. Довольно распространенное в поздней Византии имя Τζυράκης на самом деле, похоже, прилагалось как прозвище именно к домашним рабам или слугам из тюрков: ← тюрк. چراق *çırak, çıraq* «домашний слуга, клиент, ребенок, воспитанный в богатом доме»[115]. Слово зафиксировано в XIX в. в новогреческом (τζουράκης) и в других балканских языках того времени (болгарском, сербском, румынском) со значением «рабочий, слуга,

---

[110] *Anna Comn*. XV.4, XV.7.

[111] *Brand*. Turkish. P. 18.

[112] Maximi monachi Planudis Epistulae / Ed. P.A.M. Leone. Amsterdam, 1991. № 120.97–98; *Beyer H.-V.* Die Chronologie der Briefe des Maximos Planudes an Alexios Dukas Philanthropenos und dessen Umgebung // RÉB. 1993. T. 51. S. 134.

[113] *Köpstein H.* Zur Sklaverei… S. 47. Ее чтение цитированного выше отрывка из писем Плануда ошибочно.

[114] The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmitt. L., 1904. P. 318 (v. 4818–4819):

Στριγγὴν φωνίτσαν ἔσυρεν, μεγάλη ὡς ἐδυνάστη,
ἐκεινῶν τῶν παιδόπουλων, ὅπου ἦσαν μετ᾽ ἐκεῖνον·
«Μωρέ, φέρε τὸ ἱππάρι μου, μωρέ, τὸν τουρκομάνον…»

[115] См., например: *Redhouse* 1921. P. 252; *Радлов*. Т. 3/1. С. 2077.

клиент»[116]. В современном греческом оно присутствует в форме τσιράκι ← тюрк. *çırak* «ученик, верный последователь» и до сих пор распространено в антропонимике[117].

За поздневизантийское время нам известно 7 человек, носивших имя Τζυράκης. Причем их занятия и социальный статус распределились весьма показательно. Двое из них были ближайшими слугами знатных лиц: один Τζυράκης назван οἰκέτης Анны Савойской, он отправился послом к Иоанну Кантакузину в 1341 г. (PLP. № 28154); другой — Νικόλαος Τζυράκης, δοῦλος василевса, фискальный чиновник, упоминавшийся в афонских актах ок. 1320 г. (PLP. № 28159). Исходя из семантики тюрк. *çırak*, в данных случаях апеллятивы οἰκέτης и δοῦλος при именах Чираков, скорее всего, следует понимать буквально: эти два Чирака были тюркскими рабами, детьми (либо привезенными с войны, либо купленными на рынке), которые выросли в домах знатных византийцев. Τζουρακίνα (PLP. № 28048) была довольно состоятельной женщиной, чьи дом и церковь в Константинополе были проданы за 117 перперов до 1402 г. По всей вероятности, она, как и две вышеупомянутые персоны, была связана с византийской знатью, ибо патриарх Матфей I и городские архонты опекали ее и ее собственность, когда она потеряла рассудок[118]. Остальные четверо — клирики: монах Γερμανὸς Τζυράκης (1274–1275 гг., PLP. № 28155), монах Θεοφύλακτος Τζυράκης (нач. XIV в., PLP. № 28157), священник и тавулярий Великой церкви в Константинополе Δανιὴλ Τζυράκης (1357 г., PLP. № 28156), священник в Константинополе Νικήτας Τζυράκης (1357 г., PLP. № 28158). Если принять во внимание, что τζυράκης/çırak воспитывался с детства в богатом доме, то неудивительно, что многие из них получили хорошее религиозное образование и избрали духовную карьеру. Среди всех восточных имен нашего списка Τζυράκης является наиболее «религиозным»: ни одно другое имя не принадлежало такому количеству клириков.

Любопытно, что в византийской антропонимии встречается еще одно «рабское» прозвище, но оно имеет армянское происхождение. Прозвище священника Георгия — Ἱστουργός (после 1320 г., PLP. № 8318, 1434), вероятно, происходит от армянского ստրուկ *struk* — «раб».

[116] *Miklosich.* Die Türkischen. S. 276 (čerag). Правда, тут в одной словарной статье ошибочно объединены интересующий нас *çıraq* и *çerağ* («свет»).

[117] *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 178 и имена Τσιράκης, Τσιράκος, Τσιρακάκης, Τσιρακίδης, Τσιράκογλου, Τσιρακόπουλος, Τζιράκης. См. также: *Babiniotis*. Λεξικό. Σ. 1834.

[118] RegPatr. T. 2/VI. № 3257 (p. 474).

Рабы иногда принимали фамильные имена своих знатных хозяев, как сообщала Анна Комнина относительно аристократа Михаила Стипиота: «…услышав имя Стипиота, не подумайте, что это полуварвар; последний был купленным рабом того Стипиота, которого я имею в виду, и позже был принесен им в дар василевсу; этот же Стипиот был человеком знатного рода»[119]. Вполне возможно, что тюркские рабы носили фамильные имена Ангелов, Дук, Гавр, Кантакузинов, Ласкарей, Музалонов, Палеологов, Раулей, Тарханиотов, Филантропинов и других знатных семей, однако в отсутствие прямой информации источников об их истинном этническом и социальном происхождении они превращаются для нас в персон со «скрытой идентичностью».

Захват заложников был древним инструментом дипломатии и практиковался на протяжении всей византийской истории. Двумя основными их типами в империи были долгосрочные заложники, принадлежавшие к варварской знати и часто — к роду правителей, и краткосрочные заложники, которые были гарантами реализации сиюминутных договоренностей[120]. Для поздневизантийского времени известно только несколько азиатских заложников, все они — анатолийские «персы». Афанасий Султан, сын сельджукского султана, по всей видимости, был заложником, оставшимся в империи. В начале XIV в. или позже некий Наср ал-Дин (*naṣr al-dīn* → Ναστράτιος) находился в Византии как заложник[121]. Он был братом эмира ʿАли Амурия (*ʿalī ʿumar/umūr* → Ἀλῆς Ἀμούριος), который контролировал нижнее течение Сангария в Пафлагонии и весной 1302 г. оккупировал Месонесий[122]. Примерно в это же время дочь султана Масʿуда находилась в Константинополе в качестве залож-

---

[119] *Anna Comn*. XV.2.3.7–9: «Στυπειώτην δὲ ἀκούων τίς μὴ τὸν μιξοβάρβαρον νοείτω, ἀργυρώνητος γὰρ τούτου ἐκεῖνος δοῦλος γεγονὼς ἐς ὕστερον τῷ βασιλεῖ ὡς δῶρον τί πρὸς αὐτὸν προσενήνεκται, ἀλλά τινα τῶν τῆς μείζονος τύχης».

[120] *Nechaeva E*. Embassies — Negotiations — Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart, 2014. P. 54–56, а также Index.

[121] *Pachym*. X.25 (t. 4, p. 359).

[122] Ibid. X.25, XII.1 (t. 4, p. 363–365, 507); *Failler A*. Pachymeriana alia // RÉB. 1993. T. 51. P. 237–248. Вероятно, ʿАли Амурия можно идентифицировать как Омера, чья дочь Мал-хатун была женой эмира Османа и матерью будущего эмира Орхана. Омер упомянут как тесть Османа в вакуфном документе: *Uzunçarşılı I.H.* Gazi Orhan Bey Vakfiyesi // Belleten. 1941. C. 5. S. 284–285; *Peirce L.* The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire. N.Y., 1993. P. 33. Попытки идентификации этого Умура с другими лицами, упоминаемыми в современных ему восточных источниках, остаются спорными: Ibid. P. 295. Note 16; *Zachariadou E.* Pachymeres on the ʿAmourioi’ of Kastamonu // BMGS. 1977. Vol. 3. P. 63–65; *Korobeinikov D.A.* The revolt in Kastamonu, ca. 1291–1293 // Byzantinische Forschungen. 2004. Bd. 28. P. 103–106.

ницы. Юридически она, как кажется, была римлянкой, ибо Андроник II предложил ее в качестве невесты Исааку Мелику ок. 1305 г.[123] В 1358 г. дети эмира Сарухана были отправлены в Византию в качестве заложников согласно мирному договору, заключенному в этом же году, но об их дальнейшей судьбе мы ничего не знаем[124]. Некоторые знатные заложники появились при византийском дворе во времена смут в Османском султанате. В 1403 г., в соответствии с условиями мирного договора, двое детей Байазида I — один из его младших сыновей, Касим, и дочь Фатима-хатун (→ Φατμάκατουν, PLP. № 29662) — были переданы византийцам эмиром Сулейманом Челеби. Проведя почти десять лет при дворе в Константинополе, они были отправлены назад в османскую Бурсу после 1413 г.[125] Собственные дети Сулеймана Челеби — сын Орхан и дочь — также в качестве заложников были отправлены в Константинополь в 1410 г.[126]

Институт захвата заложников широко использовался как средство умиротворения варваров и привития им лояльности к византийскому государству и образу жизни. Из перечисленных лиц только Афанасий Султан и дочь султана Масʿуда, как кажется, стали римскими подданными.

8. Культурная адаптация

Чарльз Бранд отмечал, что в XII в. лишь немногие тюрки первого и последующих поколений оказывались в образованных слоях византийского общества. Он обнаруживает только два таких примера: Τζίκνογλος, получивший риторическое образование, и монах Κουτλουμούσιος, основавший известный монастырь на Афоне[127]. Остальные известные Ч. Бранду тюрки принадлежали к военному сословию. На первый взгляд может показаться, что отмеченная исследователем тенденция сохранялась и в последующие века. Как следует из моего списка, тюрки в своем подавляющем большинстве, будь то военные поселенцы или пленники и рабы, пополняли

[123] *Pachym*. XIII.23 (t. 4, p. 675), а также гл. V нашей работы (разд. 3).

[124] *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983. P. 65.

[125] *Zachariadou E.* Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman chronicles // Der Islam. 1983. Bd. 60.2. P. 270. Note 6; *Kastritsis D.J.* The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden, 2007. P. 41.

[126] Ibid. P. 148.

[127] *Brand*. Turkish. P. 15–16. Этимологии имен: Τζίκνογλος ← тюрк. *çiqan* «племянник по материнской линии» + тюрк. *oğlı* «сын»; Κουτλουμούσιος ← тюрк. *qutal-mış* «украсивший себя одеждой» или же ← тюрк. *qut almış* «обрел жизненную силу или счастье».

низшие слои византийского населения. Мною уже отмечалось в разделе, посвященном Македонии, что PLP дает только 17% париков от общего числа зафиксированных лиц, в то время как для тюрков в моем списке фиксируется 31% париков, что, таким образом, почти в два раза превышает общевизантийскую пропорцию. Если учесть предшествующие рассуждения о рабах, то можно предположить, что в какие-то периоды доля тюрков была чрезвычайно высока и в рабском сословии. Возможно, на преимущественно низкий социальный статус тюркских, и в особенности «скифских», иммигрантов намекает и критский поэт Стефан Сахликис в XIV в., наделив двух упоминаемых им блудниц «скифскими» именами: Τατάρα и Ταταρομούτζουνη[128]. Эти две особы почти наверняка попали на Крит рабынями.

Однако намечающееся сходство между эпохой Комнинов и XIII–XIV вв. обманчиво. Положение тюрков в эпоху Ласкарей и Палеологов в этом отношении кардинально отличается от прежних времен. Как показывает прецедент Андроника и его брата, сыновей Фахратина (см. выше, разд. 5), второе поколение иммигрантов могло быть полностью эллинизированным в культурном и языковом плане: патриарх Григорий II Кипрский, выслушав братьев, был удивлен и восхищен красноречием младшего, столь необычным для варвара[129]. То, что глубокая образованность не была исключением для второго поколения варваров, подтверждает и прецедент знаменитого интеллектуала Симона Атумана (Σίμων Ἀτουμάνος), сначала православного монаха и антипаламита, а с 1348 по 1383 г. — влиятельного католического иерарха и писателя[130]. Судя по имени, Симон происходил из анатолийских тюрков: Ἀτουμάνος ← араб. عثمان *ʿuthmān*[131]. Сохранился латинский документ 1380 г., однозначно подтверждающий его тюркское происхождение: «...ipse de Constantinopoli ortus est paterque fuit turcus et mater eius cismatica...»[132], то есть, как мы видим, Симон Атуман

[128] PLP. № 27537, 27538. О Сахликисе см.: *Любарский Я.Н.* Критский поэт Стефан Сахликис // ВВ. 1959. Т. 16. С. 65–81.

[129] Γρηγορίου του Κυπρίου Επιστολαί... № 159. P. 119

[130] PLP. № 1648. О нем см.: *Fedalto G.* Simone Atumano, monaco di Studio, arcivescovo di Tebe. Secolo XIV. Brescia, 1968; а также: *Поляковская М.А.* Латинофил и латинянин: письма Димитрия Кидониса к Симону Атуману // АДСВ. 2004. Т. 35. С. 179–192.

[131] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 215.

[132] *Rubió y Lluch A.* Diplomatari de l'Orient català (1301–1409). Collecció de documents per a la historia de l'expedicio catalana a Orient i dels ducats d'Atenes i Neopatria / Ed. Maria Teresa Ferrer i Mallol. Barcelona, 2001. P. 492 (№ CDVI).

родился в Константинополе от некоего тюрка и православной матери[133].

Таким образом, второе поколение бывших варваров было в состоянии поразить высоколобых византийских интеллектуалов риторическими прикрасами языка и блеском своей учености. В этой связи можно вспомнить и образованную семью Феодора Газия, в особенности его самого — блестящего интеллектуала, в конце концов осевшего в Ферраре. Хотя мы не знаем, в каком поколении Феодор был тюрком, тем не менее его успех весьма показателен для понимания того, насколько открыто было византийское общество для иммигрантов.

Помимо столь ярких персон, как Атуман и Газий, в нашем списке восточных имен — 18 священников, 12 монахов, 11 переписчиков книг, 4 владельца книг, 4 мелографа, один покупатель книги. Были ли они варварами в первом, втором или последующих поколениях — не так важно. Важно, что потомки иммигранта потенциально могли достичь интеллектуальных высот. Важно также и то, что большинство перечисленных интеллектуалов было «персами», но не «скифами». Уровень цивилизации в Анатолии, благодаря мусульманству и главенству иранской культуры в городах, был неизмеримо выше, чем в «скифских» степях половецкого и монгольского Севера. Каких-либо принципиальных предпочтений в отношении тех или других «разновидностей» варваров у византийцев не было, границы эллинской ойкумены по всему периметру были одинаково проницаемы. Вместе с тем совершенно очевидно, что шансов натурализоваться в византийском обществе было больше у тех пришельцев, которые могли *понять* и *принять* новые правила игры. По этой причине на протяжении всей истории империи выходцы с Ближнего Востока, в силу их большей способности к культурной адаптации (причем у разных народов Востока причины адаптируемости могли быть неодинаковыми), с большей легкостью и в бóльших количествах встраивались в византийский социум и культуру. Играла свою роль и широкая распространенность христианства и греческого языка в Анатолии, о чем мне уже приходилось писать в работах, специально посвященных греческому и христианскому элементу в анатолийской мусульманской

[133] Трудно объяснить, почему Г. Вайс понял «mater eius cismatica» как «einer griechischen, aber nicht orthodoxen Mutter» (*Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Monch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 69). Напротив, автор-католик тут подчеркивает ее православную идентичность.

культуре (см. также гл. I)[134]. Многие анатолийские иммигранты-тюрки еще до переселения на византийские территории в той или иной мере владели как греческим языком, так и определенными представлениями о христианстве как религии и обряде. Это знание, несомненно, облегчало адаптацию иммигранта в византийском обществе.

9. Тюркское меньшинство?

Как правило, иммигранты первого поколения и их потомки считались римлянами — по крайней мере, с правовой точки зрения. Согласно определению Никиты Хониата, иммигранты первого, а часто и второго поколения именовались «римлянами иностранного происхождения» (ἐξ ἔθνους), в отличие от римлян, «рожденных от римлян» (Ῥωμαίων προήλθοσαν)[135]. Это деление заставляет задаться вопросом: можно ли иммигрантов-тюрков определить как «этническое меньшинство» в составе византийского населения? Вообще, насколько эта дефиниция приложима к жителям Византийской империи?

В современной социологии «этническое меньшинство» — это устойчивая группа людей, которая отличается по своей культуре от «этнического большинства» и не ассимилируется с ним. Следовательно, этническое «меньшинство» может считаться таковым только в сравнении с «большинством». При этом меньшинства постоянно испытывают ассимиляционное воздействие со стороны доминирующей культуры. Вместе с тем современная социология видит в меньшинстве некую группу людей, объединяемых какими-либо общими ценностями, отличающими их от большинства. Следует подчеркнуть, что границы между меньшинством и большинством носят сугубо символический, воображаемый характер и проистекают из специфических культурных доминант большинства, которые входят в противоречие с воображаемой культурной идентичностью меньшинства. Именно представление об инаковости меньшинства конструирует границы «своего» у большинства[136].

---

[134] *Шукуров Р.М.* «Гаремное христианство»...; *Он же.* Формулы самоидентификации...; *Он же.* Туркменские владыки...; *Shukurov R.* Christian Elements in the Identity...; *Idem.* Turkmen and Byzantine self-identity...

[135] *Nic. Chon.* T. 1. P. 338.2–3.

[136] Полезное обсуждение темы меньшинств в применении к византийским социальным реалиям см. в: *Smythe D.C.* Minorities in the Cities of the Maeander Valley, c. 610–1100 // Ethnische und religiöse Minderheiten in Kleinasien. Von der hellenistischen Antike bis in das byzantinische Mittelalter / Hrsg. P. Herz, J. Kobes. Wiesbaden, 1998. P. 141–148; *Idem.* Byzantine Perceptions of the Outsider in the 11th and 12th Cen-

Однако насколько современные трактовки приложимы к тюркам, поселившимся в Византии? Насколько инаковость тюркского меньшинства ощущалась греческим большинством?

Конечно, для византийских юридических реалий не существовало понятий именно *этнического* большинства и меньшинства. С правовой точки зрения единственно признанными формами «большинства» и «меньшинства» были религиозные общины. Для поздневизантийского времени православные представляли собою «большинство», а общины иудеев, армян-монофизитов, иностранцев-латинян и иностранцев-мусульман признавались терпимым «меньшинством»[137]. Однако, как представляется, само греческое большинство временами видело в тюрках некую гомогенную компактную группу, которую с определенной долей условности мы могли бы назвать этническим меньшинством. Рассмотрим ниже признаки выделения греческим большинством из своей среды натурализовавшихся тюрков.

1. Натурализованных тюрков первого и второго поколения продолжали звать варварами, в этом случае явно противопоставляя их «эллинскому» большинству. Так, патриарх Афанасий I называет византийского тюрка первого поколения Коджабахши безбожным и варваром (ὁ ἄθεος, βαρβαρώδης), хотя, как известно, тот и крестился[138]. Точно так же Григора определял крестившуюся добрую иммигрантку из Золотой Орды, переехавшую в Константинополь, как «скифянку» (см. выше, разд. 4). Азиатские корни византийских подданных отмечались, кроме того, через набор маркеров βαρβαρογενής, τουρκογενής и περσογενής[139]. Также и второе поколение переселившихся в империю тюрков греки-византийцы продолжали между собой именовать варварами. Мы это видели выше на примере письма Григория Кипрского, который немало удивился красноречию молодого «варвара», сына анатолийского иммигранта-прониара.

turies: A Method. PhD Thesis. University of St. Andrews, 1993. См. также о евреях как меньшинстве: *Prinzing G.* Zu den Minderheiten in der Mäander-Region während der Übergangsepoche von der byzantinischen zur seldschukisch-türkischen Herrschaft (11. Jahrhundert — Anfang 14. Jahrhundert) // Ethnische und religiöse Minderheiten in Kleinasien… S. 154–157.

[137] О правилах расселения религиозных меньшинств на византийской территории см.: *Darrouzès J.* Les réponses canoniques de Jean de Kitros // RÉB. 1973. T. 31. P. 319–334; PG. T. 119. Col. 977 (Димитрий Хоматин); *Bowman S.* The Jews of Byzantium, 1204–1453. Tuscaloosa, 1985. P. 221–222.

[138] The Correspondence of Athanasius I… P. 116.21–22 (№ 51); см. также выше.

[139] *Cinn.* P. 129.20–21 (βαρβαρογενής); Demetrii Chomateni Ponemata… P. 235.14–15 (τουρκογενής). См. также: TLG.

Указания на инаковость византийских тюрков встречаются довольно редко в первоисточниках прежних эпох — в XI–XII вв., и случается это лишь тогда, когда византийские авторы по тем или иным причинам желают подчеркнуть «чуждость» носителя тюркской идентичности. Как правило, такого рода констатации этнического происхождения персоны носили более или менее выраженный негативный оттенок. В XII в. мы имеем несколько тюркофобских высказываний, принадлежащих Иоанну Киннаму и — наиболее ярые — Евфимию и Георгию Торникам; эти случаи были хорошо описаны Ч. Брандом[140]. Наиболее нетерпима известная инвектива Евфимия Торника в его описании отвратительных человеческих качеств узурпатора-неудачника Иоанна Комнина Толстого: «Перс всегда остается персом, как обезьяна, по пословице, обезьяной...»[141] Нельзя не отметить, что для поздневизантийского периода мы не располагаем явно враждебными выпадами со стороны византийцев по отношению к натурализовавшимся тюркам. По крайней мере, мне не известно для палеологовского времени ни одной столь негативной характеристики, сравнимой по остроте с текстами Евфимия Торника, Георгия Торника[142], Киннама. Возможно, натурализовавшиеся тюрки стали многочисленной и привычной частью византийского общества к XIII–XIV вв. Эта идея будет подробнее обсуждена в гл. VIII.

2. Другой немаловажный признак того, что греческое большинство продолжало рассматривать натурализовавшихся тюрков как генетически связанных с тюрками-иностранцами, а следовательно, несомненно, выделяло их по этому критерию из автохтонной среды: натурализованных тюрков широко использовали в дипломатических контактах с чужеземцами одного с ними языка (ὁμόγλωττος). Выше я приводил многие примеры такого рода. Византийцы признавали особость натурализованных тюрков и целенаправленно использовали их способность к эффективной коммуникации с людьми их языка и племени.

3. Мой анализ тюркского населения Македонии показывает, что власти старались селить его компактно, явно учитывая этническую общность. На это обратила внимание и Э. Захариаду, указав, что владения натурализовавшихся знатных тюрков около Веррии,

---

[140] *Brand*. Turkish. P. 11, 22–24.

[141] *Darrouzès J.* Les discours d'Euthyme Tornikès (1200–1205) // RÉB. 1968. T. 26. P. 67.4–5: «Πέρσης δ'αὖθις ὁ Πέρσης ὤν, — καὶ τοῦτο δὴ πίθηκος, κατὰ τὴν παροιμίαν, ὁ πίθηκος...»

[142] *Georges et Dèmètrios Tornikès.* Lettres et discours / Éd. J. Darrouzes. P., 1970. P. 235 (о низких рабах-тюрках, заправляющих во дворце).

по-видимому, граничили друг с другом и, следовательно, также образовывали компактные зоны[143].

4. Очевидно, что большинство византийских тюрков женилось на местных гречанках и славянках. Государство, несомненно, было заинтересовано в этом, как в дополнительном инструменте скорейшей ассимиляции пришельцев. Однако это не было правилом, исключающим другие модели. Мы имеем несколько примеров того, как выходцы с Востока сочетались браком друг с другом, иногда при прямом участии верховной власти. Так, по плану Андроника II, оставшаяся в Константинополе дочь султана Мас῾уда предназначалась в жены предводителю тюрков Исааку Мелику[144]. Не было ли это, скажем осторожно, неким предпочтительным обычаем — сочетать браком детей из семей иммигрантов?

5. Приведенные выше примеры свидетельствуют скорее о том, что констатация инаковости выходцев из тюркской среды принадлежала преимущественно представителям греческого большинства. Мы не располагаем текстами, в которых эта инаковость была бы манифестирована самими иммигрантами и их потомками (они вообще вряд ли могли появиться). Однако в одном уникальном случае мы можем с уверенностью сказать, что в источниках слышится голос самих тюрков, и предоставлен он антропонимикой. Сам факт сохранения знатных фамильных имен азиатского происхождения в течение многих поколений указывает на то, что их носители считали их престижными и именно через них выделяли себя в социуме. Невольно (или вольно) они в определенной мере противопоставляли себя другим членам аристократической верхушки через манифестацию своей изначальной этничности. В противном случае, если бы азиатское происхождение считалось абсолютно постыдным, эти имена исчезли бы уже во втором поколении.

Как мы видим, вопреки византийской индифферентности к языку, тюрки на практике выделялись в первую очередь как носители иностранного языка, помогающие грекам установить коммуникацию с чужими. Перечисленные примеры, похоже, позволяют говорить о том, что христианизация и принятие византийского подданства все же не стирали полностью инаковости византийских тюрков и те отнюдь не растворялись в одночасье в массе местного населения. Это в некотором смысле и делало их «этническим меньшинством».

---

[143] *Zachariadou E.* Οι χριστιανοί… Σ. 73.

[144] *Pachym.* XIII.22 (t. 4, p. 675.2–14).

Глава VII

ТЮРКИ НА ВИЗАНТИЙСКОМ ПОНТЕ

Понтийская ономастика уже оказывалась источником для реконструкции этнической истории Трапезундской империи. Так, Э. Брайером, Э. Жордания и автором этих строк начато исследование картвельской антропонимики[1]. Мною же предпринято и первое исследование «латинской», т.е. западноевропейской, антропонимики Понта[2], а также начато исследование армянских имен[3]. До выхода в свет работы Э. Захариаду и серии моих статей наименее изученными оставались восточные имена[4]. Но все же следует признать, что исследования понтийской ономастики вообще и антропонимики в частности до сих пор находятся на своей начальной стадии и далеко уступают по проработанности материала аналогичным работам по западновизантийскому ареалу. Тем не менее можно уже сейчас говорить о том, что для Понтийского региона, за неимением других источников, изучение антропонимики является самым надежным инструментом в реконструкции этнической карты.

---

[1] *Bryer A.* Rural Society in Matzouka // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Eds. A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. P. 79–80; *Idem.* Some Notes on the Laz and Tzan (I) // Bedi Kartlisa. 1966. Vol. 21–22 (50–51). P. 190–191; *Жордания Э.* Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Ч. I: Лазы // BS. 1996. T. 57. C. 125–139; *Он же*. Этнический состав населения и некоторые вопросы топонимики Понта в XIII–XV вв. Ч. II: Чаны // BS. 1999. T. 60. C. 71–86; *Он же*. Картвельское население Понта в XIII–XV вв.: Дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2002; *Shukurov R.* The Oriental Margins of the Byzantine World: a Prosopographical Perspective // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Eds. J. Herrin, G. Saint-Guillain. Aldershot, 2011. P. 173–175.

[2] *Шукуров Р.М.* Латиняне в сельской Мацуке (XIII–XV вв.) // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009. С. 627–642; *Shukurov R.* The Oriental Margins… P. 175–177.

[3] Ibid. P. 177–178. Note 154.

[4] *Zachariadou E.* Noms coumans à Trébizonde // RÉB. 1995. T. 53. P. 285–288; *Шукуров Р.М.* Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 2. М., 1995. С. 68–103; *Shukurov R.* Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond // Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Ševčenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 75–81; *Idem.* The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeios. T. 6. 1999. P. 7–47.

1. Восточная антропонимика Понта

Поскольку понтийских имен восточного происхождения значительно (а именно — в пять раз) меньше, чем западновизантийских, то я позволю себе привести подробный список носителей этих имен целиком. Сам этот список, в силу его подробности и наглядности, может служить источником для дальнейших разработок. Информация о носителях восточных имен распределена по следующим рубрикам:

1. Преном, прозвище или патроним.
2. Крестное имя (если оно отсутствует, вместо него стоит звездочка).
3. Этимология имени.
4. Место.
5. Время.
6. Сведения о социальном статусе носителя имени (социальное положение, профессия, титул, собственность и т.д.).
7. Источники упоминания и исследовательская литература.
8. Номер в PLP, а также аналогичные имена в других источниках.

Расшифровка использованных в списке сокращений дана в их общем перечне в конце книги.

№ 1

1. Ἀζαχουτλοῦ, ὁ.
2. Μιχαήλ.
3. Т.-м. *ece/äce* «старший брат» + т.-м. *qutlu* «счастливый» [*Clauson*. P. 20, 61; *Doerfer*. Türkische. Bd. 1. S. 187–188; 2, 15], т.е. имя следует понимать как «счастливый (или священный) старший брат»; толкование М. Куршанскиса (ἀζα ← араб. اعضا *aʿḍā* [*Kuršanskis*. Relations. P. 116–117]) является ошибочным.
4. Трапезунд.
5. Убит в мае 1330 г. своим сводным братом Андроником III Великим Комнином.
6. Сын Алексея II Великого Комнина и, вероятно, его грузинской жены; его единоутробный брат — Γεώργιος Ἀχπουγᾶς, единоутробная сестра — Ἄννα Ἀναχουτλοῦ.
7. *Panaretos*. P. 64.
8. PLP. № 12118.

№ 2

1. Ἀλπούσης.
2. Γεώργιος.

3. Тюрк. *alpış* «геройский» (*alp* «богатырь, герой» + суффикс -*ış*), ср.: новогр. имена Ἄλπος, Ἄλπας, Ἀλπίδης, Ἀλπόγλου ← *alp* [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 44].

4. Мацука.

5. 1260–1270, 1260.

6. Священник, свидетель.

7. AV. № 45.10, 79.38–39.

8. PLP. № 700; распространенное тюркское имя, см.: *Yurtsever*. Türkçe. S. 26.

№ 3

1. Ἀλταμούριος.

2. *

3. Тюрк. *altamir*, осм. *aldemir* «красное или золоченое железо» [*Yurtsever*. Türkçe. S. 25].

4. Трапезунд.

5. Ок. 1461.

6. Трапезундский μέγας μεσάζων, отправлен среди других переселенцев (σεργούνιδες) из Трапезунда в Константинополь Мехмедом II.

7. Ekthesis Chronike. P. 70.7.

8. PLP. № 704; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 65; *Bryer*. Greeks. P. 130, 149; распространенное тюркское имя, ср.: аналогичное куманское имя Ἐλτιμηρῆς [*Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 124].

№ 4

1. Ἀμιρούτζης (вар.: Ἀμηρούκης, Ἀμηρούτζης, Ἀμιροῦτζις, Ἀμοιρήτζης, Ἀμοιρούκιος, Ἀμοιρούτζης, Ἀμυρούτζης).

2. a) *; b) Μιχαήλ; c) Γεώργιος; d) Ἐλευθέριος; e) Μεχεμέτ; f) Βασίλειος; g) Σκεντέρπεϊς (Ἀλέξάνδρος).

3. Тюрк. ← перс. ← араб. امير *amīr* «эмир» + гр. суффикс -ούτζης (← ит. -*uccio*?)[5], следовательно, имя можно перевести как «маленький эмир», «эмирчик».

4. Трапезунд, Константинополь.

5. До 1437 — XV в.

6. Знатный род в Трапезунде и после 1461 г. в Константинополе.

7. PLP. № 782–788; *Janssens*. Trébizonde. P. 196ff.

8. Ср.: ἀμηρᾶς [*Panaretos*. Index], ἀμηρτζαντάριος [*Laurent*. Deux chrysobulles. Index]; ср. с подобными новогр. именами в: *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 45.

[5] Суффикс -ούτζης у А. Пападопулоса ошибочно объяснен как славянский по происхождению (*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 126).

№ 5

1. Ἀμυρτζαίνα, ἡ.

2. *

3. Тюрк. ← перс. امیرچه *amīrça* — уменьшительное к «эмир», т.е. «эмирушка»; или же альтернативное толкование: тюрк. ← перс. *amīrza* (← араб. امير *amīr* «эмир» + перс. زاده *zāda* «рожденный, отпрыск»; ср. с новогр. именем Ζαδές «сын» [*Tompaïdes.* Ελληνικά. Σ. 74]) + гр. суффикс -αίνα.

4. Муцура (Mucura) в банде Трикомия (Akçaabat).

5. 1432.

6. Владелица земли.

7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 269.188–189.

8. PLP. № 829; ср. с именем Emirza (= Amirza) [*Beldiceanu* 1990. № 24 (p. 77)].

№ 6

1. Ἀναχουτλοῦ, ἡ.

2. Ἄννα.

3. Т.-м. *ana* «мать» + т.-м. *qutlu* «счастливый», т.е. имя следует понимать как «счастливая (или священная) мать» [*Kuršanskis.* Relations. P. 116–117].

4. Трапезунд.

5. После сентября 1342.

6. Монахиня, императрица с июля 1341 г. по сентябрь 1342 г.; дочь Алексея II Великого Комнина и его грузинской жены; единоутробные братья: Μιχαὴλ Ἀζαχουτλοῦ, Γεώργιος Ἀχπουγᾶς.

7. *Panaretos.* P. 66.11–14, 67.15.

8. PLP. № 12059.

№ 7

1. Ἀξούχος.

2. Ἰωάννης.

3. (?) Тюрк. *aq* «белый»; имя, по-видимому, основательно эллинизировано [*Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 70–71]; это фамильное имя Ἀξούχος мог получить от своей матери, жены Алексея I Великого Комнина, вероятно принадлежавшей к знаменитому роду Аксухов.

4. Трапезунд.

5. Ум. 1238.

6. Трапезундский император в 1235–1238.

7. *Panaretos*. P. 61.13.

8. Знаменитый род кон. XI — XII в., см.: *Varzos*. Γενεαλογία. Τ. 1. Σ. 279–280, Index; *Brand*. Turkish. P. 4–6; *Карпов С.П.* Иоанн I Аксух

Великий Комнин // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 601.

№ 8

1. Ἀράπης, ὁ.

2. Αὐξέντιος.

3. Этноним «араб» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 1. Σ. 136] ← тюрк. ← перс. ← араб. عرب *ʿarab*; ср. с новогр. именем Ἀράπης [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 46].

4. Трапезунд.

5. 1432.

6. Парик.

7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 266.125.

8. PLP. № 1224; ср.: Ἄραψ [*Libadenos*. Index], Ἄραβος [TH. Σ. 41.4].

№ 9

1. Ἀσθλαμπέκης, ὁ.

2. *

3. Тюрк. *arslan*, *aslan* «лев» [*Clauson*. P. 238; *Радлов*. Т. 1. С. 547] (ср.: понт. ἀσλάνης «лев» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 1. Σ. 151; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 84. Anm. 1], лаз. *aslani* с тем же значением [*Марр*. С. 127]) + тюрк. *bek/beg* «вождь, предводитель» [*Clauson*. P. 322–323]. Эпентетическая согласная θ появляется между сигмой и лямбдой для облегчения произношения сочетания σλ, которое не свойственно древнему и средневековому греческому, ср.: ἐσθλαβώθη; также ср. с новогр. именем Ἀσλάνης и его производными в: *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 47.

4. Банда Сирмена (Sürmene).

5. До 1432.

6. Землевладелец, продавший участок монаху Герасиму Пуфру; носитель имени может быть тождественен эмиру Алп-Арслану, правителю эмирата Таджиддин-огуллары (ум. 1394).

7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 269.181.

8. PLP. № 1543; ср. со вторым компонентом в именах: Γλιτζιασθλάνης, Χλιατζιασθλάνης [*Panaretos*. P. 76.31, 79.4].

№ 10

1. Ἀτιλαντζῆς, ὁ.

2. Ξένος.

3. Ср.: Τιλαντζῆς.

4. Банда Мацука.

5. Ок. 1432.

6. Свидетель в сделке.

7. AV. № 141.9.
8. PLP. № 1637.

№ 11
1. Ἀχπουγᾶς, ὁ.
2. Γεώργιος.
3. Т.-м. *aq-buqa* «белый бык» [*Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 92].
4. Трапезунд.
5. Убит в мае 1330 г. своим сводным братом Андроником III Великим Комнином.
6. Сын Алексея II Великого Комнина и, вероятно, его грузинской жены; его единоутробный брат — Μιχαὴλ Ἀζαχουτλοῦ, единоутробная сестра — Ἄννα Ἀναχουτλοῦ.
7. *Panaretos*. P. 64.8.
8. PLP. № 2095; распространенное в XIII–XIV вв. т.-м. имя.

№ 12
1. Ἀζατίνης (Aziathim).
2. *
3. Тюрк. *izzuddin* ← перс. ← араб. عز الدين *ʿizz al-dīn*, распространенное мусульманское имя.
4. Трапезунд.
5. 1407.
6. «Официал или барон», трапезундское должностное лицо, нанес обиду венецианскому байло в Трапезунде.
7. ASV, SM, XLVII. Fol. 127r (24/06/1407): Aziathim.
8. *Карпов*. Романия. С. 129.

№ 13
1. Γιαγούπης, ὁ.
2. Θεριανός (муж Τυχηρή).
3. Тюрк. *yaqub*, *yahup* ← араб. يعقوب *yaʿqūb*.
4. Банда Мацука.
5. Кон. XIII в.
6. Землевладелец.
7. AV. № 106.250, 254; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 32.
8. PLP. № 4150 и 7823 (одно лицо под двумя номерами); широко распространенное мусульманское имя.

№ 14
1. Γιαγούπενα, ἡ.
2. *
3. Γιαγούπ + гр. суффикс -ενα.

4. Банда Мацука.
5. Ок. 1260.
6. Землевладелица, купившая участок в 8 псомиариев.
7. AV. № 37.6.
8. PLP. № 4148 и 7812 (одно лицо под двумя номерами).

№ 15
1. Γοζάλπης, ὁ.
2. *
3. (?) Тюрк. племенное название *oğuz*, *ğuz* + тюрк. *alp* «богатырь, герой» [*Doerfer*. Türkische. Bd. 2. S. 526], следовательно, имя может быть понято как «огузский богатырь», «богатырь-огуз», ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 115, 213: Γουζάλπης/Ὀγουζάλπης.
4. Банда Трикомия, Магера.
5. 1432.
6. Парик.
7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 267.140.
8. PLP. № 4279.

№ 16
1. Γουσμανάνται, οἱ.
2. *
3. Γουσμάν (см. № 17) + понт. суффикс -άνται/-άντοι/-άντων/-άντα (от гр. -ιανῖται), обозначавший группу людей, принадлежащих к одной семье, стране и народу [*Symeonidis*. Nominalendung. S. 97–103].
4. Банда Мацука.
5. 1292, февраль.
6. Продали (вместе с Φουρνουτζιώτης № 62 и Σαπούας) участок земли.
7. AV. № 115.21 (τοὺς Γουσμανάντας).
8. В PLP отсутствуют.

№ 17
1. Γουσμάνος, ὁ.
2. *
3. Тюрк. диалектное *Gousman* ← араб. имя عثمان *ʿuthmān* (осм. *Osman*); начальная гамма соответствует арабскому *ʿayn*. *ʿAyn* — фарингальный фрикатив, который в Анатолии произносился скорее как задненебный фрикатив (отсюда гр. гамма); например, в татарском начальный *ʿayn* передается через звук *g*: *gabdulla* для араб. *ʿabd allāh*, *gabdurrahman* для араб. *ʿabd al-rahmān* и пр.
4. Банда Мацука, Фериса.
5. Кон. XIII в.

6. Арендатор, свидетель.
7. AV. № 102.17, 104.9.
8. PLP. № 4403.

№ 18
1. Γουσμάνων, ὁ.
2. Ἰωαννάκης.
3. См. № 17.
4. Банда Мацука.
5. Ок. 1275, июнь, и 1292, февраль.
6. Свидетель и землевладелец.
7. AV. № 60.48, 115.36.
8. PLP. № 4404, 4403.

№ 19
1. Ζαγάνης, ὁ.
2. *
3. Монг. *çağan* «белый»; ср. с альтернативными этимологиями: 1) ← осм. *zagan* ← перс. شاهين *shāhīn* «коршун» (*Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 128–129: Würgfalke). Однако различие в ударении и окончании (ζαγάνης/ζάγανος) тут, вероятно, существенно: именно так греческий слух отличал монг. ζαγάνης от давно известного ζάγανος; 2) понт. σαγάν ← *sahan/zağan* «kupferne Schüssel» [*Symeonidis*. Lautlehre. S. 151–152].
4. Банда Мацука.
5. Ок. 1260.
6. Продал медь за 7 аспров.
7. AV. № 79.35.
8. PLP. № 6414; распространенное тюркское имя, ср.: PLP. № 6415.

№ 20
1. Ζεέτης.
2. *
3. ← тюрк. *zeyd* ← араб. زيد *zayd*.
4. Банда Мацука, Дувера.
5. 1364.
6. Парик.
7. MM. Vol. 5. P. 279.
8. PLP. № 6512; распространенное арабское имя.

№ 21
1. Ἰανάκης, ὁ.
2. *

3. (?) Осм. *yanak* «щека, лицо» [*Радлов*. Т. 3. С. 59, 82]. Альтернативная этимология: имя могло быть одним из вариантов византийского гр. имени Γιαννάκης. Однако следует отметить, что в понтийской письменности имя Яннакис передавалось только как Ἰωαννάκης, а форма Γιαννάκης вообще не встречается; поэтому я предпочитаю видеть в Ἰανάκης (подчеркну, что это уникальный случай его употребления) тюркское по происхождению слово.

4. Банда Мацука.

5. XV в.

6. Землевладелец.

7. AV. № 151.7.

8. PLP. № 7944.

№ 22

1. Ἰσάχας.

2. Θωμᾶς.

3. Араб. اسحاق *isḥāq*, вариант имени библейского Исаака.

4. Мацука, Денеаха.

5. Кон. XIII в.

6. Землевладелец.

7. AV. № 106.287.

8. PLP. № 8291; ср. с подобными именами: PLP. № 8290 (Ἰσάχ = *isḥāq*); *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 140.

№ 23

1. Καλκανᾶς, ὁ.

2. *

3. Понт. καλκάνιν «щит» ← осм. *kalkan* или *qalqan* ← тюрк. *qalqañ* [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 1. Σ. 386; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 144: χαλκάν] + гр. суффикс -ᾶς; ср. с монг. *qalqa* [*Clauson*. P. 621; *Doerfer*. Türkische. Bd. 3. S. 1518; *Радлов*. Т. 2. С. 251; *Будагов*. Т. 2. С. 23]; подобное имя существует и в новогр.: Καλκάνης «щит» [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 83, там же см. его производные]; то же имя существует и в совр. турецком: Kalkan [*Yurtsever*. Türkçe. S. 50].

4. Банда Мацука.

5. Кон. XIII в.

6. По-видимому, владелец стаси (στάσις τοῦ Καλκανᾶ).

7. AV. № 106.341.

8. В PLP отсутствует.

№ 24

1. Κανζίκης, ὁ.

2. a) Γεώργιος; b) Θεριανός; c) Ἰωάννης; d) Χριστόδουλος.

3. (?) Тюрк. *qançiq* «псица, самка, изменник»; ср. башк. *кансык*, казах. *каншык* [*Doerfer*. Türkische. Bd. 3. № 1532; *Clauson*. P. 635; *Радлов*. Т. 2. С. 127, 130]; ср.: лаз. *kandjughi* «сука» [*Марр*. С. 152] ← *qançiq*.

4. Банда Мацука.

5. a) между 1261 и 1276, ок. 1300; b) 1274; c) вторая половина XIII в.; d) вторая половина XIII в.

6. a) свидетель; b) свидетель; c) землевладелец; d) даритель эсохорафия Вазелонскому монастырю, землевладелец.

7. a) AV. № 42.11–12; № 61.16; № 83.13; b) AV. № 91.16; c) AV. № 106.43; d) AV. № 47.1; № 106.338–339.

8. PLP. № 10907–10911.

№ 25

1. Καρᾶς, ὁ.

2. *

3. Тюрк. *qara* «черный» [*Clauson*. P. 643–644], ср. новогр. имя Καράς с тем же значением [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 88]; имя Kara зафиксировано в: *Yurtsever*. Türkçe. S. 51 (с пометкой «Kıpçak-Kuman adlarından»).

4. Банда Мацука.

5. Кон. XIII в.

6. Землевладелец.

7. AV. № 106.36.

8. PLP. № 11128; распространенное тюркское имя, первый элемент составных имен Кара-Мухаммад, Кара-Йусуф и т.д.

№ 26

1. Καρατζίας, ὁ.

2. Γεώργιος.

3. Тюрк. *qaracı*, осм. *karacı* «вор, разбойник» [*Redhouse* 1997. P. 602]; это имя сохранилось в новогр. антропонимике — Καρατζής [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 88].

4. Ἀλασῶν/Τζερνίτζα под Трапезундом.

5. XIV в.

6. Землевладелец.

7. *Trapp* 1978. S. 200.

8. PLP. № 11134.

№ 27

1. Καρίμ(ης).

2. Σάβας.

3. Араб. كريم *karīm* «благородный».

4. Трапезунд.

5. 1401/1402.

6. Социальный статус неизвестен; увековечил свое имя в благочестивой надписи на изображении св. Михаила в монастыре Св. Анны в Трапезунде, назвав себя «δοῦλος τοῦ Θεοῦ».

7. *Millet.* Monastères. P. 436 (τοῦ Καρίμι).

8. PLP. № 11195; распространенное мусульманское имя.

№ 28

1. Κασσιμπούρης, ὁ (вар. Κασινπούρης, Κασυνπούρης).

2. Μιχαήλ.

3. Араб. قاسم *qāsim* «делящий» + перс. پور *pūr* «сын», т.е. «сын Касима»; это имя, похоже, принадлежало персу по происхождению, поскольку в других этноязыковых ареалах *pūr* для образования имен собственных распространено не было.

4. Банда Мацука.

5. Ок. 1270; 1273 или 1288, август.

6. Практор василикос, свидетель.

7. AV. № 36.5–6, 88.12, 116.19 (τοῦ Κασινπούρη).

8. PLP. № 11369.

№ 29

1. Κότζαπα, ὁ.

2. *

3. Т.-м. *koçapa* «кочевник» [ср.: *Радлов.* Т. 2. С. 1645]; ср. осм. *göçebe* с тем же значением, азерб. *кочэбэ.*

4. Трапезунд.

5. Кон. XIII в.

6. Ильхановский чиновник, посланник (*elçi*) и монгольский судья (*yarğuçi*): *Aqsarayi*. P. 156, 160.

7. AV. № 106.52–53.

8. PLP. № 13332 (ошибочная идентификация).

№ 30

1. Κατζίκης, ὁ.

2. *

3. Тюрк. *qaçıq*, осм. *kaçık* «сумасшедший, ненормальный, сгорбленный» [*Redhouse* 1997. P. 575]; такое прозвище сохранилось и в новогр. антропонимике в форме Κατσίκης [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 91].

4. Мапаври в банде Ризеон.

5. 1432.

6. Парик.

7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 269.206.

8. PLP. № 11518.

№ 31

1. Κουζουλᾶ(ς), ὁ.

2. *

3. Осм. *kuzulu* «имеющий ягненка»; ср.: понт. κουζί, лаз. *kuzi* «ягненок» ← осм. *kuzı* или *kuzu* [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 1. Σ. 477; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 82; *Марр*. С. 159]; альтернативная интерпретация: κουζουλός «сумасшедший» ← κούζα «кувшин без ручки» (которое, как я думаю, происходит от перс. كوزه *kūza* «кувшин») + гр. суффикс -ουλός.

4. Банда Мацука.

5. Ок. 1397.

6. Бывший землевладелец.

7. AV. № 81.4, 9 (τοῦ Κουζουλᾶ).

8. В PLP отсутствует.

№ 32

1. Κουλκάνχατ.

2. Εὐδοκία.

3. Перс. گلكن *gulkan* «собирающая цветы» + χατ ← тюрк. *qat* (قات), антрополексема, указывающая на женский род (со значением «госпожа, дама») [*Радлов*. Т. 2. С. 277; *Rásonyi & Baski*. Onomasticon Turcicum. P. LXX].

4. Трапезунд.

5. Ум. 1395, 2 мая.

6. Грузинская принцесса, дочь грузинского царя Давида IX (1346–1360) и Синдухтар — дочери Кваркваре Жакели (1334–1361); с 6 сентября 1377 г. жена Мануила III Великого Комнина [*Kuršanskis*. Relations. P. 118–121].

7. *Panaretos*. P. 78.29, 80.3, 81.7.

8. PLP. № 6231.

№ 33

1. Κουμάνος, ὁ.

2. Λέων.

3. Тюрк. этноним «куман, половец».

4. Банда Мацука.

5. Ок. 1284, январь; кон. XIII в.

6. Землевладелец; свидетель.

7. AV. № 87.11, 106.215–216.

8. PLP. № 13448; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 168.

№ 34

1. Κουνούκης, ὁ.

2. Μακάριος.

3. Вероятно, название огузского племени *qınıq* [*Sümer*. Oğuzlar. S. 372]; ср. с поздним топонимом в Мацуке Κονάκ' [*Zerzelides*. Ερμενευτική. Σ. 265]; другая интерпретация: ← *qonıq* «постель, гость, постоялый двор» [*Clauson*. P. 637; *Doerfer*. Türkische. Bd. 2. № 1539–1540; *Радлов*. Т. 2. С. 909; *Будагов*. Т. 2. С. 94]; ср. монг. *qonoq* с тем же значением.
4. Банда Мацука.
5. XV в.
6. Иеромонах, землевладелец.
7. AV. № 151.4.
8. PLP. № 13486.

№ 35
1. Κοῦρτος, ὁ.
2. *
3. Иранский этноним کرد *kurd*; ср. понт. κοῦρτος «курд» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 1. Σ. 486; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 75], лаз. *qjurdi* с тем же значением [*Марр*. С. 198]; другое возможное толкование: ← тюрк. *kurt* «волк», последнее имя присутствует в новогр. антропонимике: Κούρτης «волк» с многочисленными производными [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 104]; однако для трапезундца того времени, как представляется, корень κοῦρτ все же ассоциировался скорее с «курдом», а не с «волком»: Κουρτιστάν для Курдистана (← перс. کردستان *kurdistān*) в TH, 40.31; см. также: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 169, 175–176.
4. Банда Мацука.
5. 1344, декабрь.
6. Продал землю Вазелонскому монастырю.
7. AV. № 100.21–22.
8. PLP. № 13606; ср.: Κουρτιστής, Κουρτιστόπουλος, Κουρτιστάβα (имена в AV, Index; PLP. № 13601–13605).

№ 36
1. Μαχμούτης, ὁ.
2. *
3. Осм. *mahmut* ← араб. محمود *maḥmūd* «восхваляемый».
4. Банда Ризеон, Сифла.
5. 1432.
6. Парик.
7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 268.162.
8. PLP. № 17540; распространенное мусульманское имя, ср.: PLP. № 17539.

№ 37

1. Μουγαλτᾶ(ς), ὁ.

2. a) Κυριαζῆς; b) Κωνσταντῖνος; c) …ακον.

3. Т.-м. *muğal, muğul* «искренний», этноним «монгол» [*Радлов*. Т. 4. С. 2174; *Sümer*. Oğuzlar. S. 163–164] + (?) суффикс *-tai* (сюр., эрзер.).

4. Банда Мацука.

5. a) вторая половина XIII в.; b) вторая половина XIII в.; c) вторая половина XV в.

6. Все трое – свидетели.

7. a) AV. № 117.10; b) AV. № 28.7–8; c) AV. № 163.13.

8. PLP. № 19411–19412; ср.: египетское мамлюкское имя *muğultay*.

№ 38

1. Μουγούλ(ης), ὁ.

2. a) *; b) *.

3. Этноним *muğul* «монгол».

4. a) банда Мацука; b) Хорова в банде Трикомия.

5. a) кон. XIII в.; b) 1371, сентябрь.

6. a) владелец наследственного участка (γονικόν) в 13 κομμάτι; b) парик.

7. a) AV. № 105.38 (τοῦ Μουγούλη); b) *Lampros*. Ανέκδοτον. Σ. 198.8.

8. PLP. № 19417–19418; ср.: Μουγούλης – парик в Константинополе (Μιχαήλ, 1334) и землевладелец в Константинополе (1334) [PLP. № 19416, 19419], Παπαμουγούλ (1357) – священник в Константинополе [PLP. № 21798].

№ 39

1. Μουχουδενός, ὁ.

2. Θεόδωρος.

3. Тюрк. *muhiddin* ← араб., перс. محی الدين *muhī al-dīn* «оживляющий веру».

4. Банда Мацука.

5. Ок. 1260.

6. Свидетель.

7. AV. № 24.12.

8. PLP. № 19598; распространенное мусульманское имя.

№ 40

1. Πακτιάρης, ὁ.

2. Ἀλέξιος.

3. Перс. بختيار *bakhtiyār* «счастливый, богатый»; может быть, происходит от курдского племенного названия *Bakhtiyār*. Й.-О. Розенквист [*Lazaropoulos*. P. 436 (Commentary)], воспроизводя толко-

вание, данное в свое время М. Ністазопулу [*Nystazopoulou* M. Η εν τη Ταυρική χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνος. Αθήνα, 1965. Σ. 18–19. Σημ. 52], предложил следующую этимологию: ← гр. πάκτον «соглашение, аренда, дань» (старое заимствование от лат. *pactum*). Однако эта этимология неубедительна. Действительно, известно несколько аналогичных византийских терминов, как то προσοδιάριος, δημοσιάριος и др., обозначающих тех, кто платит соответственно προσόδιον и δημόσιον. Мы знаем также слово πακτιάριος, которое, согласно Дюканжу, обозначало того, кто tributa exigit [*Du Cange*. Glossarium. Col. 1081]; оно происходило от *πάκτιον. Однако πακτιάρης как деривация от πάκτον отсутствует в византийской письменности и вряд ли существовало, поскольку в византийском греческом имелся только суффикс -άριος, но не -άρης. С другой стороны, следует подчеркнуть, что форма генитива τοῦ Πακτιάρη ясно указывает на то, что слово рассматривалось греками как иностранное, скорее всего восточное по происхождению (см. об этом: *Schwyzer*. Griechische Grammatik. IV, 29. S. 585). В новогреческом ныне существует суффикс -ιαρης (κλαψιάρης «cry-baby» ← κλάψα), однако если предположить, что в Πακτιάρης присутствует суффикс -ιαρης, то все равно остается необъяснимой специфическая форма генитива – Πακτιάρη.

4. Трапезунд.

5. 1225.

6. Высокопоставленный чиновник фискального ведомства Трапезундской империи (δημοσιακοῦ ἄρχοντος).

7. *Lazaropoulos*. Ver. 1162f. (τοῦ Πακτιάρη), 1178; распространенное среди иранцев и тюрков имя.

8. В PLP отсутствует.

№ 41

1. Παπούτζης, ὁ.

2. Ἀγάπης.

3. Понт. παπούτζιν «обувь» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 144] и лаз. *paputzi* «женская обувь» [*Марр*. С. 178] ← осм. *pabuç*, *babuç* (гир., ор.) «обувь» ← перс. پاپوش *pāpūsh* с тем же значением; это же имя присутствует в новогр. антропонимике: Παπουτσής [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 139].

4. Банда Мацука.

5. (?) 1431, сентябрь, или XVI в.

6. Писец.

7. AV. № 137.

8. В PLP отсутствует; παπούτζιον и его варианты – средневизантийское заимствование.

№ 42

1. Πατρατίνης, ὁ.

2. Θεριανός.

3. Тюрк. *badriddin* ← перс. ← араб. بدر الدين *badr al-dīn* «светило веры»; ср. понт. (халд.) πατρατῖνος «тучный человек с нетвердой походкой» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 169].

4. Банда Мацука.

5. Кон. XIII в.

6. Землевладелец, сын τοῦ Κρηκόρη; судя по имени его отца, он был по происхождению армянином (Крикор – вариант арм. Грегориос).

7. AV. № 106.292.

8. PLP. № 22062, ср.: Πατρατίνης ὁ Πουπάκης (← араб. Badr al-Dīn Abū Bakr) [*Heisenberg*. Neue Quellen. S. 70–71; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 249].

№ 43

1. Πητζαρᾶς, ὁ.

2. Κωνσταντῖνος.

3. (?) ← перс. بيچاره *bīchāra* «бедный, несчастный».

4. Банда Мацука.

5. 1302.

6. Свидетель.

7. AV. № 97.8.

8. PLP. № 23169.

№ 44

1. Σαβούλης, ὁ.

2. *

3. Понт. σαβούλιν [*šavulin*] «плотничий отвес» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 258] ← осм. *şavul* ← араб. شاقول *shāqūl* «свинцовый отвес» [ср.: *Karapotosoglou*. Ετυμολογικά. Σ. 312]; ср. перс. شاقول *shāqūl* с тем же значением; альтернативное и менее предпочтительное толкование: ← арм. *šaul* «пустыня» ← тюрк. چول *çul* «пустыня».

4. Банда Мацука.

5. XV в.

6. Священник, свидетель.

7. AV. № 147.11.

8. PLP. № 24669.

№ 45

1. Σαμούχης, ὁ.

2. Μιχαήλ.

3. Чагат. *samuq* «амбра» [*Радлов*. Т. 4. С. 434].
4. Банда Мацука.
5. Ок. 1265, 27 марта.
6. Священник, свидетель.
7. AV. № 59.22.
8. PLP. № 24779, ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 266.

№ 46
1. Σαρουτζᾶς, ὁ.
2. Λέων.
3. Осм. *sarıça, saruça* «желтоватый, блондин» ← тюрк. *sarı* «желтый, блондин, бледный»; ср.: понт. σαρής «блондин» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 266] и лаз. *sari* «желтый» [*Марр*. С. 183]; имя означало «блондин»; подобное имя сохранилось в новогр. антропонимике в форме Σαριτζίδης («бледный») [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 151].
4. Банда Мацука.
5. Ок. 1300.
6. Свидетель.
7. AV. № 56.14.
8. PLP. № 24938. Ср.: имя *Saruça* (XV в.) в османских дефтерах [*Barkan*. Osmanlı. S. 222. Haş. 96; 229. Haş. 106]. См. также: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 269; PLP. № 24937.

№ 47
1. Σαχμελίκ(ης), ὁ.
2. *
3. Тюрк. ← перс. *shāh* «царь» + тюрк. ← перс. ← араб. ملك *malik* «царь».
4. Банда Ризеон, Трапезунд.
5. 1432.
6. Владелец пастбища, наследственного имущества в Мапаври и трех мастерских в Трапезунде.
7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 265.110, 117–118; это имя, возможно, упомянуто еще раз в этом же документе в искаженной форме – τῷ Σαχμελίᾳ [Ibid. P. 262.59].
8. PLP. № 24977. Ср.: Μελίκ [*Lazaropoulos*. Index], Μαλίκ [*Panaretos*. P. 61.9]; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 187–188, 271.

№ 48
1. Σούτος.
2. a) *; b) Κώνστας; c) Θεόδωρος; d) Μιχαήλ; e) Παῦλος; f) Γεώργιος.
3. Тюрк. *süt* «молоко» [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 187, ср. со сходными именами в новогр.: Σούτης, Σούτας, Σούτος, Σουτάκης, Σούτογλου,

Σουτόγλου, Σουτλιόγλου]; имя, по всей видимости, означало «молочник».

4. a) Св. Феодор, Мацука; b) банда Мацука или Палеомацука; c) Мацука; d) банда Мацука; e) банда Мацука; f) банда Мацука.

5. a) ок. 1260; b) ок. 1260–1270; c) 1382; d) 1384–1388; e) вторая половина XIV в. – 1415; f) вторая половина XIV в.

6. a) землевладелец; b) свидетель; c) один из старейшин (ἀξιοτίμων γερόντων) и свидетель; d) архонт, свидетель; e) даритель земли Вазелонскому монастырю, свидетель, судья (κριτὴς τῆς ὑποθέσεως); f) судья (κριτὴς τῆς ὑποθέσεως).

7. AV: a) № 37.1–2; b) № 54.12; c) № 125.12–13; d) № 127.13, № 129.10, № 132.20; e) № 109.1–2, № 126.11, № 131.9–10; f) № 131.9.

8. PLP. № 26380–26385.

№ 49

1. Τζακαρόπουλος, ὁ.

2. Ἰωάννης.

3. (?) Чагат. *çaqar* «слуга» (как пленник, так и наемный) [*Радлов*. Т. 3. С. 1833; *Будагов*. Т. 1. С. 461; *Bryer*. Greeks. P. 138. Note 90] + гр. -πουλος «сын» или же диминутив (← лат. *pullus* «парень, подросток»), ср.: понт. πουλίν/πουλόν с тем же значением [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 223], следовательно, имя означает «сын слуги»; ср.: узб. *çokar*, осм. *çaker*; перс. چاکر *chākar* ← тюрк.

4. Банда Мацука.

5. 1440, 21 сентября.

6. Даритель земли Вазелонскому монастырю.

7. AV. № 152.4.

8. PLP. № 27693.

№ 50

1. Τζακᾶς, ὁ.

2. *

3. Тюрк. *cak* (ср.: понт. τζάκ(ιν) и ὀτζάκιν, среднегр. τζάκι ← тюрк. *ocak* «печь, очаг» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 122, 373; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 107]) + гр. суффикс -ᾶς, следовательно, имя означало «изготовитель печей»; альтернативная интерпретация: ← тюрк. *çaqa* «ребенок», чагат., крым. *çaqa*; ср.: *çaga* «ребенок» в мерз., тер., древнерусское *чага* с тем же значением [*Zajaczkowski*. Najstarsza. P. 41]; см. также: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 310.

4. Банда Трикомия, Хорова.

5. 1371, сентябрь.

6. Парик.

7. *Lampros*. Ανέκδοτον. Σ. 198.8: τὸν Τζακᾶν.

8. PLP. № 27695; ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 310; ср.: Τζακᾶς/Çaka – тюркский претендент на болгарский трон в 1299–1300 [PLP. № 27696, ср.: Τζαχᾶς // ODB. Vol. 3. P. 2134].

№ 51
1. Τζακέρης, ὁ.
2. Ἀντρόνικος.
3. Осм. *çakır* «голубой, голубоглазый» [*Clauson*. P. 409; *Радлов*. Т. 3. С. 1834; *Будагов*. Т. 1. С. 461]; ср.: новогр. τσακίρης, понт. τσαχούρης «голубоглазый» [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 431; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 145]; это имя с тем же значением сохранилось в новогр. (в форме Τσακίρης) и турецкой антропонимике [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 170; *Yurtsever*. Türkçe. S. 39].
4. Банда Мацука.
5. 1432.
6. Свидетель.
7. AV. № 168.12–13.
8. PLP. № 27698; ср.: Çakır – анатолийский тюркский эмир (XII в.) [*Sümer*. Oğuzlar. S. 114].

№ 52
1. Τζαμᾶς, ὁ.
2. *
3. Тюрк. диалектное *çame* (вак., ак.) «пятничная мечеть», в котором конечная η соответствует персидскому произношению слова ← перс. ← араб. جامع *jāmi*ʿ «пятничная мечеть»; ср.: понт. τζαμίν [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 375; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 56], новогр. τζαμί, лаз. *djami* [*Марр*. С. 235] с тем же значением; ср.: Τσαμέ, ἡ «мечеть» – поздний топоним в Мацуке [*Zerzelides*. Ερμενευτική. Σ. 283].
4. Банда Мацука, Дувера.
5. 1364, декабрь.
6. Парик Сумелийского монастыря.
7. MM. Vol. 5. P. 279.16.
8. PLP. № 27730.

№ 53
1. Τζαμιώτης, ὁ.
2. Θεόδωρος.
3. См. выше Τζαμᾶς: тюрк. *cami* + гр. суффикс -[ι]ώτης; вероятно, означает «происходящий из местности/квартала Τζαμῆ» (см. также: *Bryer*. Greeks. P. 138. Note 90).
4. Банда Мацука.
5. 1381, июль.

6. Землевладелец.
7. AV. № 133.
8. PLP. № 27733.

№ 54
1. Τζαμουχί(ας), ὁ.
2. *
3. Монг. имя *jamuqa* [*Doerfer*. Türkische. Bd. 1. S. 18]; однако не исключено, что Τζαμουχί(ας) и Σαμούχης (№ 32) – варианты одного имени.
4. Банда Мацука.
5. Вторая половина XIII в.
6. (?) Имя землевладельца, перешедшее в топоним.
7. AV. № 27.8, 28.2, 108.4–5: τοῦ Τζαμουχί, Τζαμουχίου.
8. В PLP отсутствует.

№ 55
1. Τζηλιπή, ὁ.
2. Σάβας.
3. Понт., новогр. ὁ τζελεπής «знатный, благородный, щеголь» ← осм. *çelebi* [*Радлов*. Т. 3. С. 1978; *Doerfer*. Türkische. Bd. 2. S. 89–91]; это имя с тем же значением сохранилось в новогр. антропонимике в формах Τσελεμπής и Τσελέπης [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 174].
4. Банда Мацука.
5. Ум. 1406, 20 мая.
6. Монах.
7. *Bryer*. MO. P. 134.
8. PLP. № 27910; ср. с таким же именем: *Panaretos*. P. 74.20, 78.35, 79.9 (Τζιαλαπῆς, Τζαλαπῆς).

№ 56
1. Τζιληπηνόπουλος, ἡ.
2. Μαρούλα.
3. Ср.: Τζηλιπή (№ 41) + -πουλος (№ 35), см.: *Bryer*. Greeks. P. 138. Note 90.
4. Банда Мацука.
5. XV в.
6. Дарительница земли Вазелонскому монастырю.
7. AV. № 3.
8. PLP. № 27937.

№ 57
1. Τιλαντζῆς, ὁ.
2. *

3. Осм. *dilençi*, чагат. *tilänçi* «нищий, попрошайка» [*Радлов*. Т. 3. С. 1767].
4. Банда Мацука.
5. XV в.
6. (?) Даритель.
7. AV. № 6.4.
8. В PLP отсутствует.

№ 58
1. Turalis (تورالیس) / Τουραλῆς.
2. Andruniqus (اندرنیقوس) / Ἀνδρόνικος.
3. Тюрк. *tur* «стой! живи долго!» + араб. стандартное имя *ʿalī*. Компонент *tur* появляется в тюркских антропонимах, если в семье прежде умер ребенок. См.: *Rásonyi* & *Baski*. Onomasticon Turcicum. P. 794; *Yurtsever*. Türkçe. S. 75; *Abu Bakr Tihrani*. T. 1. P. 14–15, 148 (طورعلی); *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 319 (Τουραλίπεης, Τουραλῆς).
4. Гемора.
5. До 1461.
6. Землевладелец, депортированный в Румели Умур-беком; по-видимому, был знатным человеком, возможно потомком Турали-бека, эмира Аккуйунлу.
7. MAD 828. P. 541–542; *Beldiceanu*. Biens des Amiroutzès. P. 76.

№ 59
1. Το(υ)ρκόπουλος, ὁ.
2. Γεώργιος.
3. Тюрк. этноним *türk* + гр. -πουλος (см. № 35); имя означает «сын турка», или «турчонок», или «молодой турок», или просто «турок»; ср. понт. τουρκοπούλιν – «сын турка», «турок».
4. Трапезунд.
5. 1306.
6. Свидетель.
7. *Millet*. Inscriptions. P. 497; ср.: *Успенский*. Очерки. С. 142.
8. PLP. № 29098.

№ 60
1. Τουρκοθεόδωρος, ὁ.
2. Νικηφόρος.
3. Тюрк. этноним *türk* (см. № 46) + гр. Θεόδωρος; имя следует понимать как «тюрок по имени Феодор» (ср.: *Bryer*. Greeks. P. 138. Note 90).
4. Банда Мацука.

5. Кон. XIII в.
6. Продавал и дарил землю Вазелонскому монастырю.
7. AV. № 61.4, 12.
8. PLP. № 29172.

№ 61
1. Τουρκοθεριανός, ὁ.
2. a) Βασίλειος; b) Νικηφόρος.
3. Тюрк. этноним türk (см. № 59–60) + гр. Θεριανός; имя может быть понято как «тюрок по имени Фериан» (ср.: *Bryer*. Greeks. P. 138. Note 90).
4. Банда Мацука.
5. a) кон. XIII в.; b) вторая половина XIII в.
6. Землевладельцы.
7. a) AV. № 106.185; b) AV. № 106.242.
8. PLP. № 29173–29174.

№ 62
1. Φουρνουτζιώτης, ὁ.
2. a) *; b) *
3. Осм. *furuncu*, тюрк. *fırıncı* «пекарь» (тюрк. *furun* ← гр. φοῦρνος «печь» + тюрк. суффикс -*çi*) + гр. суффикс -[ι]ώτης; ср.: понт. φουρουντζῆς [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 466] и лаз. *furundji* [*Марр*. С. 240] «пекарь»; имя Φουρουντζής с тем же значением и многие его производные сохранились в новогр. антропонимике [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 184]. Следует отметить также, что суффикс -*çi*/-*ci* в форме -τζης существует как заимствование из тюркского в новогреческом языке [*Spitzer L.* Ein Fall von Sprachmischung // Revue internationale des études balkaniques. 1936. T. 2. S. 123–129].
4. Банда Мацука.
5. a) 1245; b) 1292, февраль.
6. a) землевладелец; b) продавец земли.
7. a) AV. № 49.12; b) AV. № 115.21, 31.
8. PLP. № 30050; ср.: Φουρνία, τά — поздний топоним в Мацуке [*Zerzelides*. Ερμενευτική. Σ. 286].

№ 63
1. Χάζαρος, ὁ.
2. a) *; b) Βασίλειος.
3. Тюрк. этноним *qazar* «хазар» (см.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 334–335); ср.: χώρας τῆς Χαζαρίας «Крым, Северные земли» (TH. P. 41.48); тут означает, следовательно, «крымчанин» [*Bryer*. Greeks. P. 138. Note 90].

4. Банда Мацука.
5. a) вторая половина XIII в.; b) ок. 1301.
6. a) бывший владелец земли; b) даритель.
7. AV: a) № 108.6; b) № 31.1–3.
8. PLP. № 30348–30349.

№ 64
1. Χάνης, ὁ.
2. *
3. Тюрк. *khan*, осм. *han* «хан, верховный владыка»; альтернативная этимология: ← арм. Հաննա *hanna*, контракция стандартного Յովհաննէս *yovhannēs* «Иоанн», однако фонетически армянская этимология представляется менее убедительной.
4. Трапезунд.
5. 1432.
6. Парик, по происхождению армянин: ἀρμένιον τὸν Χάνην.
7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 266.122.
8. PLP. № 30578.

№ 65
1. Χασάν(ης), ὁ.
2. *
3. Тюрк. *hasan* ← перс. ← араб. حسن *ḥasan* «добрый, красивый»; это имя сохранилось в новогр. антропонимике [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 188].
4. Ираклия в банде Сирмена.
5. 1432.
6. Собственное имя, перешедшее в топоним.
7. *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 264.98: τοῦ Χασάνη; *Bryer*. Estates. P. 438 (№ 96).
8. В PLP отсутствует; распространенное мусульманское имя.

№ 66
1. Χατζῆ, ὁ.
2. a) Θεόδωρος; b) *
3. Тюрк. *hacı* ← перс. ← араб. حاجى *ḥājjī* «пилигрим», в мусульманском мире широко употреблялось как почетное прозвище тех, кто совершил паломничество в Мекку и Медину; ср.: понт., новогр. χατζῆς [*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 230; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 87, 121] и лаз. *khadji* с тем же значением; это имя сохранилось в новогр. антропонимике в форме Χατζῆς [*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 189].
4. a) Трапезунд; b) банда Гемора.
5. a) 1306; b) 1364, декабрь.

6. a) свидетель; b) священник.

7. a) *Millet*. Inscriptions. P. 497.7 (Λατζῆς); поправка в чтении: *Успенский*. Очерки. С. 148; b) MM. Vol. 5. P. 279.26: οἰκίας τοῦ Χατζῆ ἱερέως.

8. a) в PLP отсутствует; b) PLP. № 30718; ср. со сходными именами: Χατζυμύρις ← Hacı-Mir [*Panaretos*. Index]; мужское имя в Северо-Восточной Анатолии Hacı [*Caferoğlu*. Doğu. S. 293]; ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 343.

№ 67

1. Χοτζᾶ Λουλοῦ, ὁ.

2. *

3. Χοτζᾶ ← тюрк. *hoca* ← перс. خواجه *khʷāja*, которое в хорасанском и среднеазиатском диалекте персидского (таджикском) произносится как *khoja*; ср.: понт. χοτζᾶς/χοτζάς [*Papadopoulos*. Ἱστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 524; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 121] и лаз. *khodja* [*Марр*. С. 234] «господин, учитель», в новогр. антропонимике — Χοτζᾶ [*Tompaïdes*. Ἑλληνικά. Σ. 190]; Λουλοῦ ← перс. ← араб. لولو *lūlū* «жемчуг».

4. Трапезунд.

5. 1331.

6. θερ ← арм. տէր *ter* «господин».

7. Приписка времени Андроника III Великого Комнина и митрополита Варнавы о том, что Ходжа Лулу украсил рукопись золотом и серебром в 1330/1331 г., в: Evangelistarium. Biblioteca Medicea Laurenziana (Firenze). № 244 [*Bandini A.M.* Bibliotheca Leopoldina Laurentiana. T. 3. Florentiae, 1793. Col. 488–501]: κὺρ θὲρ Χοτζᾶ Λουλοῦ; *Minns*. P. 215 (ошибочное чтение — θεραπευτὴς Χοτζᾶ Λουλοῦ).

8. PLP. № 15160; ср. со сходной первой частью имени Χοτζιαλατίφης ← Khʷāja Laṭīf [*Panaretos*. P. 75.5, 25, 29].

№ 68

1. Χουμαίας, ὁ.

2. *

3. Перс. همای *humāy* или *humā* (← пехл. *humāk*) «скопа» (*Pandion haliaëtus*); по древним иранским представлениям, если тень от ее крыльев коснется головы человека, это принесет ему власть и богатство; ср.: осм. *hüma* «райская птица»; ср. также: перс. همایون *humāyūn* «царский».

4. Банда Мацука, Дувера.

5. 1364, декабрь.

6. Парик Сумелийского монастыря.

7. MM. Vol. 5. P. 279.25.

8. PLP. № 30930; распространенное иранское имя; хотя оно большей степени является женским, в качестве прозвища им может быть назван и мужчина.

№ 69

1. Χουρτζιριώτης, ὁ (Χουρτζεριώτης).

2. a) Εὐστάθιος; b) Νικηφόρος; c) Νικόδημος (Νύμφων).

3. Понт. χουρτζῆς [*Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 345.18: ἀκολούθος ἤτοι ὁ χουρτζῆς] «телохранитель», «оруженосец» ← тюрк. и монг. *qurçi*/*qorçi* «телохранитель, лучник» (монг. *qorçi* «лучник», «колчаноносец» ← *qori* «колчан») + (?) гр. -αρι (как византийское гр. προσωδιάριος, δημοσιάριος?) + -[ι]ώτης.

4. Банда Мацука.

5. a) ок. 1260; b) 1264, октябрь; c) ок. 1264.

6. a) священник, писец; b) даритель; c) монах и даритель.

7. a) AV. № 79.41–42; b) AV. № 46.1–3; c) AV. № 34.1–3.

8. PLP. № 30971–30973; о дворцовом титуле χουρτζῆς см.: DöUrk. S. 332 и мои комментарии ниже.

2. Носители восточных имен

По моим приблизительным подсчетам, в исследованных понтийских источниках упоминается в общей сложности более 1600 человек. Поскольку под одним прозвищем / родовым именем иногда фигурирует несколько человек, то в моем списке из 69 имен зафиксировано по меньшей мере 87 человек. На временной шкале имена распределяются следующим образом (имена расставлены по дате упоминания носителя или по дате его смерти, если она известна).

Таблица 12

Распределение имен по временной шкале

					ВСЕГО
1221–1240 2	1241–1260 6	1261–1280 16	1281–1300 16		40
1301–1320 4	1321–1340 3	1341–1360 2	1361–1380 6	1381–1400 7	22
1401–1420 3	1421–1440 14	1441–1461 8			25

30 имен моего списка — тюркского происхождения, 9 — тюрко-монгольского. Хотя 20 имен восходят к арабским корням, а 10 имен — иранские, очевидно, что их носители могли по происхождению быть тюрками или принадлежать к другим этносам. Некоторые из арабских и персидских имен представлены понтийскими источниками в выраженной тюркизированной фонетической форме (см., например, № 16–18 Γουσμάνος, № 41 Παπούτζης), что указывает на принадлежность их носителей к тюркоязычной среде.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению избранной антропонимики как индикатора этничности, следует сделать важную оговорку. Данные источников однозначно указывают на то, что целый ряд восточных имен моего списка принадлежал, во-первых, выходцам из грузинской аристократической среды и их потомкам, а во-вторых, армянам. Использование грузинской аристократией персидских, тюркских и монгольских имен широко известно[6]. Именно к грузинскому источнику следует возводить почетные прозвища трех членов правящего комниновского дома: братьев Μιχαὴλ Ἀζαχουτλοῦ и Γεώργιος Ἀχπουγᾶς, а также их сестры Ἄννα Ἀναχουτλοῦ (№ 1, 11, 6), которые были детьми Алексея II Великого Комнина (1297–1330). По всей видимости, их матерью была неизвестная по имени дочь князя Самцхе Беки Жакели, от которой они и получили свои монгольские по происхождению прозвища (см. также прил. к настоящей главе). Связь между картвельскими аристократическими корнями и тюрко-монгольским именем подтверждается и другим прецедентом: в девичестве грузинская супруга Мануила III Великого Комнина носила имя Гулькан-кат (Κουλκάνχατ, № 32), но по приезде в Трапезунд была переименована в Евдокию. Родителями Евдокии Гулькан-кат были грузинский царь Давид IX (1346–1360) и Синдухтар (← перс. صیندختر *ṣīn-dukhtar* «китайская красавица»), которая была дочерью Кваркваре Жакели (1334–1361), атабека Самцхе-Саатабаго. Как видно, не только дочь, но даже и рожденная в Багратидском дворце внучка Кваркваре носила восточное имя.

В отношении армян, проживавших на территории Трапезундской империи и носивших восточные имена, можно сказать следующее. Как явствует из Вазелонских актов, отец некоего Ферианa по прозвищу Πατρατίνης (№ 42) имел армянское имя Κρηκόρης (вариант арм. Գրիգոր), следовательно, Фериан был либо чистым армянином, либо отпрыском армяно-греческого брака, если его мать была гречанкой. Другой пример: как эксплицитно указывается

[6] *Kuršanskis*. Relations. P. 116–117.

в одном из хрисовулов, парик Χάνης (№ 64) был армянином (ἀρμένιον); это уточнение источника, вероятно, означало, что он не был православным, но исповедовал григорианство. Κὺρ θὲρ Χοτζᾶ Λουλοῦ (№ 67) также несомненно был армянином, высокопоставленным официалом Великих Комнинов. Мы знаем, по крайней мере, еще о двух армянах с арабо-персидскими именами, живших в Трапезундской империи: это Степанос Шамседдин из Хамадана, обновивший храм недалеко от Трапезунда между 1374 и 1382 гг. (при католикосе Погосе I), и Ходжа Шамседдин из Эрзинджана, поселившийся в Трапезунде к 1427 г.[7] Армяне с восточными (арабскими, персидскими, тюркскими и монгольскими) именами упоминаются в документах Северного Причерноморья[8]. Использование восточных имен армянами не было редкостью, но, в отличие от грузинской модели, такими именами пользовалась не только аристократия, но и представители средних и низших слоев армянского общества.

Из этих примеров следует, что носители имен, приведенных в моем списке, могли быть картвелами и армянами даже в тех случаях, когда наличные данные источника не позволяют прямо привязать то или иное лицо к картвельскому и армянскому кругу. Однако не следует преувеличивать эту гипотетическую возможность. Восточная антропонимика в картвельской и армянской среде, несомненно, уступала в своей популярности исконным грузинским и армянским именам. Это хорошо видно и на примере понтийских источников, которые содержат много больше исконных армянских и картвельских имен и прозвищ. Например, среди картвельских имен[9] зафиксированы Χαλαμανός (← лаз. ყალამანი или ქალამანი *qalamani* «лапти»)[10], Λάζος (← этноним «лаз»)[11] и Λαζογίανινα («Янина Лазка»)[12], Ζιγανίτας, Ζιγανίτης и т.д. (← лаз. ზეგანი *zegani* «нагорье»)[13], Τζαλιμός (← возможно, лаз. ჭალიმი *čalimi* «красная глина»)[14],

---

[7] *Карпов*. История. С. 113–114.

[8] См., например, именник в: *Пономарев А.Л.* Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. (Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCLXXIV nunc indicatus et a pluribus mendis purgatus) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 6. СПб., 2005. С. 43–138.

[9] Некоторые картвельские имена собраны и растолкованы в: *Жордания Э.* Картвельское население... Более ранняя попытка анализа картвельских элементов: *Шукуров Р.М.* Тюрки на православном Понте... С. 88.

[10] AV. № 25.17, а также Index. P. CXXXVI; MM. Vol. 5. P. 279.

[11] *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 266.125, 267.135–136.

[12] AV. № 13.4–6.

[13] AV. Index. P. CXIX.

[14] AV. Index. P. CXXXIV; ср. с альтернативной этимологией: Τσαλίμης ← тюрк. *çalım* «гордый, чванливый» (*Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 171).

Χαρμούτας (← возможно, лаз. ქარმატე *karmate* и совр. груз. ქარმუტა *karmuta* «мельница»)[15]. Армянские имена также многочисленны: например, Ἀπαράκης, Ἀρακέλης, Ἀρτάβαστος, Ἀρταβαστόπουλος, Ἀρμενόπουλος, Βαρδόπουλος, Κρηκόρης[16], Σαμάταβα (← Σαμάτ «Смбат»)[17]. Эти списки картвельских и армянских имен можно было бы продолжить. Очевидно, что большая часть восточных имен изначально принадлежала выходцам именно из тюркской, монгольской, иранской или арабской среды. Следовательно, если источники не содержат прямых указаний на картвельское или армянское происхождение носителя имени, то по умолчанию я считаю, что имя было привнесено в понтийскую среду выходцем с Востока — тюрком, монголом, иранцем и т.д.

Вместе с тем следует указать и на другую знаменательную особенность восточного антропонимического материала, связанного с Понтом. Значительная часть антропонимов представляет собою нормативные «восточные» личные имена, в готовом виде трансплантированные в греческую языковую среду, как то: Ἀσθλαμπέκης, Ἀλταμούριος, Γιαγούπης, Μαχμούτης, Κασσιμπούρης, Τουραλῆς и т.д. Точная передача восточных имен, во много меньшей степени свойственная македонским источникам, показывает, что понтийские греки были хорошо знакомы с ними, что для греческого слуха на Понте они были вполне обычными. Из этого можно сделать и следующий гипотетический вывод: реальных носителей таких имен в понтийском обществе было неизмеримо больше, чем то немногое, что зафиксировали используемые источники.

3. Народы и племена

Особое место в моем списке занимают имена, произошедшие от этнонимов, которые вполне могли указывать на этническую и племенную принадлежность их носителей:

Ἀράπης — «араб» (№ 8);
Κοῦρτος — «курд» (№ 35);
Χάζαρος — «хазар» (№ 63);
Κουμάνος — «куман, половец» (№ 33);

---

[15] AV. P. CXXIV.

[16] AV. № 16, ср. № 10.8; № 36.4; № 60.49; № 105; № 106 (188, 205, 293). См. также: *Шукуров Р.М.* Тюрки на православном Понте… С. 88; *Карпов.* История. С. 113–114.

[17] *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 269.199. Об армянах на средневековом Понте см.: *Simonian H.* Hamshen before Hemshin. The Prelude to Islamicization // The Hemshin: History, society and identity in the Highlands of Northeast Turkey / Ed. H.H. Simonian. L.; N.Y., 2007. P. 19–41.

Γοζ- — «огуз» (Γοζάλπης, № 15);

Κουνούκης — «кынык» (№ 34);

Τουρκο- — «тюрок» с последующим греческим именем (№ 59, 60, 61);

Μουγούλ(ης) — «монгол» (№ 37, 38).

Имена Ἀράπης и Κοῦρτος, возможно, указывали на этническое происхождение своих носителей или их предков. Оседлые и кочевые арабы в XIII–XV вв. были многочисленны в Сирии, Ираке и Юго-Западной Анатолии. Относительно курдов нужно отметить, что ареал их расселения в Восточной Анатолии вплотную приближался к границам Понтийской области. Мощное княжество курдов *малкиши* с центром в Чимишгизеке (приблизительно в 150 км на юг от границы Трапезундской империи) пришло в упадок лишь в эпоху Узун Хасана, султана Аккуйунлу (1452–1478), когда тюрки *ашрата харбендалу* отняли у курдов этот город и соседние области[18]. Курдские наемники иногда упоминались в армиях правителей мусульманского Понта, как, например, в 1338 г. на службе у Шайха Хасана Кучака б. Тимурташа, который тогда был наместником Ильханов в понтийском Кара-Хисаре[19]. Не исключено, что Κοῦρτος, Κουρτιστής, Κουρτιστόπουλος, Κουρτιστάβα могли быть по крови курдами или отпрысками смешанных греко-курдских браков.

Имя Χάζαρος могло принадлежать любому выходцу с Севера, а именно из Северного Причерноморья и, особенно, Крыма. Χάζαρος к тому времени стало слишком абстрактным и обобщенным именованием жителя данного региона. «Трапезундский гороскоп на 1336/1337 г.» обозначает Крым и Северные регионы как ἡ χώρα τῆς Χαζαρίας[20], не вкладывая в именование «хазар» этнического смысла. По всей видимости, Χάζαρος могло означать и тюрка, и грека, и любого другого выходца из Северного Причерноморья. В то же время хорошо известно, что Трапезунд долгое время контролировал Херсон и некоторые юго-западные районы Крыма. Согласно официальному титулу Великих Комнинов, они были государями, в частности, τῆς Περατείας («Заморского владения»), которым и

---

[18] *Шараф-хан Бидлиси.* Шараф-наме / Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. 1–2. М., 1967. Т. 1. С. 220–222; *Мустафаев Ш.М.* Восточная Анатолия от Ак-Коюнлу к Османской империи. М., 1994. С. 18–19. См. также: *Minorsky V.* Kurds, Kurdistān: III. History // EI NE. Vol. 5. P. 446b–463b.

[19] *Sanjian A.* Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969. № 1338:1; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 205–206.

[20] TH. P. 41.22, 48.1.

обозначается Крым, в том числе Херсон[21]. Не исключено, что «хазарами» именовались подданные Великих Комнинов, происходившие из этих трапезундских владений.

Имя Κουμάνος сохраняло для греков той эпохи свое конкретное этническое содержание, обозначая тюрка, выходца из половецкой среды. Лингвистический материал моего списка содержит дополнительные сведения о присутствии половецкого элемента в населении Понта. Преобразование арабского и персидского «айн» в «г» в именах с корнем Γουσμάν- (№ 16–18 ← ʿУсман) указывает на влияние кыпчакского языка, скорее всего половецкого, через посредство которого имена в этой фонетической форме вошли в понтийские источники. Половецкое присутствие в сопредельных Понту областях зафиксировано с 1220-х гг., когда половцы оказались сначала на службе в Грузинском царстве, а потом — у хорезмшаха Джалал ал-Дина (1220–1231). Возможно, что часть этих половцев, после окончательного разгрома хорезмийцев в 1231 г., нашла убежище на территории Трапезундской империи[22]. Следовательно, носители имен Κουμάνος, Γουσμάνος, а также, возможно, каких-то других тюркских имен моего списка вполне могли быть половцами.

В моем списке следует выделить два имени, которые могут быть интерпретированы как тюркские племенные именования: Γοζάλπης и Κουνούκης (№ 15, 34). Элемент Γοζ- в Γοζάλπης, возможно, происходит от известного туркменского племенного названия «огуз», а Κουνούκης восходит к племенному названию «кынык»[23]. Эти имена однозначно указывают, что туркменские кочевники, обитавшие во внутренних районах Анатолии еще с конца XI в., оставили заметный след в составе населения Трапезундской империи. Значительное число имен моего списка можно связать именно с огузскими тюрками (№ 21, 23, 30, 31, 41, 46, 48 и др.). В непосредственной близости от трапезундской границы находилось несколько туркменских племенных конфедераций — *чепни*, *боздоган*, *аккуйунлу*, *духар*. Кочевники огузы расселялись и внутри империи, на что, по-видимому, и указывают огузские имена в списке. Однако не следует забывать, что известные источники описывают не кочевые группы, но исключительно оседлые, сель-

[21] *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 161–162; *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 1. М., 1991. С. 95.

[22] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 122–123, особенно сн. 23.

[23] Об огузских племенных названиях в византийских источниках см. также: *Savvides A.* Byzantines and Oghuz (Ghuzz). Some Observations on the Nomenclature // BS. 1993. T. 54/1. P. 147–155.

ские и городские общества. Следовательно, в моем списке оказываются только те выходцы из тюркской кочевой среды или их потомки, которые перешли к оседлой жизни. Все носители тюркских имен из этого списка по своим занятиям были крестьянами или ремесленниками, что будет подробно обсуждено ниже.

Прозвища Το<υ>ρκόπουλος, Τουρκοθεόδωρος и Τουρκοθεριανός (последние два со значением «Феодор-Тюрок», «Фериан-Тюрок») состоят из двух разнородных корней — тюркского и греческого. Это сочетание свидетельствует о большей распространенности обобщенного этнического именования «тюрок» среди понтийских греков в сравнении с другими тюркскими племенными и этническими маркерами. Действительно, именование *türk* было наиболее распространенной самоидентификацией тюркских народов и, вероятно, проникло на Понт уже на первых этапах их вторжений в Анатолию. Интересно отметить в этом отношении параллелизм понтийской ситуации с западновизантийской. Двусоставные имена с начальным Τουρκο- были распространены и на Балканах (см., например, гл. II, разд. 3). Обсуждаемая модель построения прозвища носила общевизантийский характер.

Косвенное подтверждение расселения на трапезундской территории именно оседлых тюрков можно увидеть в сельской топонимике Мацуки, которая сохранила некоторые признаки тюркизации. На это указывают следующие топонимы.

Καπάνιν, τό (AV. № 129.3, вторая половина XIV в.: μέρους τοῦ Καπανίου; № 134.5, 1415 г.: εἰς τὸ Καπάνιν; № 145.6, XV–XVI вв.: στὸ Καπανιστόν), то же, что поздний топоним Καπάν' ← тюрк. *qapan* «возвышенность» (этимология Г. Церцелидиса)[24]; ср.: понт. καπάνιν «гора, холм, гористая или холмистая местность»[25]; для турецкой эпохи в Мацуке фиксируется еще ряд топонимов, составной частью которых является Καπάν': τὰ Καπανόπα, τὸ Καρά-Καπαν' ← тюрк. *qara-qapan*, τὸ Καρα-καπάν-γιολιν ← тюрк. *qara-qapan-yöli*[26].

Καρᾶ(ς), ὁ (AV. № 106.36, конец XIII в.: ἐκ τοῦ Καρᾶ) ← тюрк. *qara* «черный»; топоним, вероятно, произошел от имени собственного Καρᾶ(ς)[27]; по предположению Ф. Успенского, вероятно, то же, что Χαρᾶ(ς)[28].

[24] *Zerzelides.* Ερμενευτική. Σ. 262.

[25] *Papadopoulos.* Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 1. Σ. 403 (отмечено тюркское происхождение слова без указания тюркского прототипа).

[26] *Zerzelides.* Ερμενευτική. Σ. 262.

[27] *Shukurov R.* Byzantine Turks… № 16.

[28] AV. Указатель мест, с. CXLII; другие слова с корнем *qara-* в византийской письменности см. в: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 150–153.

Κουϊᾶ(ς), ὁ (AV. № 32.8, 1264 г.: τόπον… εἰς τοῦ Κουϊᾶ; № 33.6, 1264 г.: τόπον… εἰς τοῦ Κουϊᾶ; № 52.17, вторая половина XIII в., возможно 1269 г.: χωραφοτόπιον εἰς τοῦ Κουϊᾶ), видимо, то же, что поздний топоним τὸ Κουΐν[29] ← тюрк. *kuyu* «яма, канава»; ср.: понт. κουΐν[30].

Τζαπρέσιν, τό (AV. № 175.5, 1449 г.: τὸ Τζαπρέσιν) ← понт. τζαπρός ← тюрк. *çarpık* «искривленный, изогнутый, кривой»[31] + понт. суффикс -έσ(ιν), -ήσ(ιν)[32]; ср.: имя собственное (фамильное или прозвище) Τζαπρί(ς) (AV. № 106.135–136, конец XIII в.); ср. с поздними топонимами в Мацуке, происходящими от того же корня: Τζαπράν', Τζαπρῆ[33].

Χαρᾶ(ς), ὁ (MM. Vol. 5. P. 278.2, 1364 г.: ἐν τῷ χωρίῳ Χαρᾶ) ← тюрк. *qara* «черный»; вероятно, тот же топоним, что и Καρᾶ(ς) (см. выше); написание *qara* как χαρᾶ встречалось в византийских источниках[34].

Эти топонимы являются неоспоримым доказательством присутствия в регионе тюркского оседлого населения, которое при этом было настолько многочисленным и культурно консолидированным, чтобы изменить исконную греческую и картвельскую топонимию.

Имя Μουγούλ(ης) является точным воспроизведением персидского и арабского этнонима «монгол» — следовательно, оно было воспринято греками с иранского или арабского Ближнего Востока. Это именование было распространено по всему византийскому миру: в той же фонетической форме оно встречается и в западновизантийских, преимущественно актовых, источниках (см. гл. III, разд. 2; гл. IV, разд. 9). Вместе с тем стандартным и более распространенным обозначением монголов как в понтийской, так и в западновизантийской традиции было Τάταροι, Τάταρις. Этот этноним также пришел с ирано-арабского Востока, где *tātār* تاتار являлось еще одним общепринятым обозначением монголов. На Понте, как и в западновизантийском ареале, Τάταροι вошло в литературный язык, а Μουγούλοι употреблялось почти исключительно в разговорном языке и «технических» жанрах — актовом материале. Панарет обозначил завоевателя эмира Тимура из Самарканда как

[29] *Zerzelides*. Ερμενευτική. Σ. 265.

[30] *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 1. Σ. 477; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 82, 125: «Brunnen».

[31] *Symeonidis*. Lautlehre. S. 168: «verhext, krumm, schief».

[32] О суффиксе -έσ(ιν) см.: *Zerzelides*. Ερμενευτική. Σ. 246.

[33] *Symeonidis*. Lautlehre. S. 89. Иная этимология, лингвистически менее убедительная, дана у Г. Церцелидиса: ← понт. τζαπρίς = λοξός «наискосок, наклонный» ← тюрк. *çapraz* «крестообразный, накрест, наклонный» ← перс. *chaprās/chaprāst* «крестообразная перевязь, крестообразный, накрест» (*Zerzelides*. Ερμενευτική. Σ. 284).

[34] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 340–341.

ἀμηρᾶς τις Τάταρις[35], а несколькими десятилетиями ранее анонимный автор «Трапезундского гороскопа на 1336/1337 г.» обозначил монгольский календарь животного цикла как «татарский» (τῶν Τατάρων)[36].

Нарративные источники сер. XIII — XIV в. содержат некоторые, по большей части косвенные, сведения о зависимости Трапезундской империи от иранского государства Ильханов, которую Великие Комнины признали не позже 1246 г.[37] Мой список дает уникальное свидетельство о прямом контроле Ильханами Трапезунда, представленное именем Κότζαπα (№ 29). Понтийские греки, скорее всего, произносили Κότζαπα как *koçapa*, что идеально соответствует фонетической форме т.-м. *koçapa* «кочевник». Один из Вазелонских актов (кон. XIII в.) упоминает этого человека в следующем контексте: ἀπὸ Τραπεζοῦν ὁ υἱὸς τοῦ Θεριανοῦ τοῦ σωματοφύλακος τοῦ Κότζαπα ὁ Γεώργιος («Георгий из Трапезунда, сын телохранителя Κότζαπα Фериана»). Издатели Вазелонских актов, а вслед за ними и авторы PLP полагают, что это имя — патроним Фериана, телохранителя из Трапезунда, что является очевидной ошибкой. Сельджукский историк Карим ал-Дин Аксарайи упоминает Κότζαπα, передавая его имя на арабице как كوچبه *kūchaba*, что является точным воспроизведением фонетического *koçaba* (вар. *koçapa*). Греческий и арабографичный варианты имени отражают фонетическую форму одного и того же слова — *koçapa/koçaba*. По Аксарайи, Kūchaba был монгольским судьей (*yarğuçi*) и эмиссаром (*elçi*)[38] ильханского фискального ведомства, он в 1291 г. (690 г.х.) прибыл в Румский султанат вместе с группой сборщиков налогов. Ильхановский визирь Саʿад ал-Давла Йахуди поручил Kūchaba арестовать двух сельджукских вельмож, за которыми были замечены финансовые нарушения, и препроводить их в ставку Ильханов. Между прочим, хронист отмечает, что Kūchaba «не обладал светом веры (т.е. являлся язычником. — *Р.Ш.*), однако, несмотря на безверие, его характер обладал достоинствами добронравия»[39]. Трапезундский Koçapa, как это видно из цитированного акта, имел телохраните-

[35] *Panaretos*. P. 80.20.

[36] TH. P. 42.

[37] *Bryer A.* The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. 1994. T. 6 [Itinéraires d'Orient. Hommages à Claude Cahen]. P. 257–261.

[38] О *yarğuçi* и *elçi* см.: *Lambton A.K.S.* Yarghu // EI NE. Vol. 11. P. 284b; *Lewis B.* Elçi // EI NE. Vol. 2. P. 694a.

[39] *Aqsarayi*. P. 156, 160:

اکرچه کوچبه ایلچی ... نور ایمان نداشت اما بوجود کفر طبعش بر مکارم اخلاق مجبول بود.

лей (отмечу, из местных греков), что указывало на его весьма высокий социальный статус. Нет никаких сомнений, что трапезундский Κότζαπα и сельджукский Kūchaba были одним и тем же лицом: имя слишком редкое для того, чтобы принадлежать двум высокопоставленным тезкам, оказавшимся одновременно в Анатолии. Имя Κότζαπα/Kūchaba, помимо рассмотренных случаев, больше нигде в анатолийских источниках этого времени не упоминалось. Трудно сказать, когда именно, как долго и по какой причине Κότζαπα/Kūchaba находился в Трапезунде. Скорее всего, он посетил Трапезунд в 1290-х гг., одновременно с Сельджукским султанатом, в качестве эмиссара Ильханов (как судья или сборщик налогов). Очевидно, что в Трапезунде он оказался не проездом, но пребывал там достаточно долго и имел постоянных греческих телохранителей, имя одного из которых — Фериан. Представляется, что служба Фериана в качестве телохранителя не была случайной и кратковременной, ибо явилась средством идентификации в юридическом документе даже не его самого, но его сына.

Мой список позволяет думать, что монголы не только посещали Трапезунд, но и оседали на территории империи. Еще три имени — Μουγαλτᾶ(ς), Σαμούχης, Τζαμουχί(ας) (№ 37, 45, 54) — могли принадлежать иммигрантам тюрко-монгольского происхождения. Это уникальное свидетельство наличия монгольского элемента в трапезундском населении. Такое присутствие не удивительно. Как сообщал ʿАзиз Астарабади, тюрко-монгольские племена *eli samağar* и *eli babuk* продолжали кочевать в непосредственной близости от трапезундских владений еще в конце XIV в.[40] В восточных источниках их обозначали как مغول *mughūl* (перс. мн. ч. مغولان *mughūlān*). Однако большинство этих «монголов» по происхождению были тюрками из Восточного Туркестана, возможно уйгурами[41]. Сивасский султан *кази* Бурхан ал-Дин использовал этих опытных бойцов в военных операциях на Понте[42]. Не исключено, что происхождение упомянутых в моем списке лиц восходило к тюрко-монгольским кочевникам Северной Анатолии. Как видно, общепринятый тезис о сплошном огузском туркменском окружении империи, сложившемся к концу XIII в., корректируется данными антропонимики.

---

[40] *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi.* Bazm-u razm / [Hazırlıyan Kilisli Muallim Rif'at], F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. İstanbul, 1928. P. 108, 147, 190, 249ff.

[41] *Sümer F.* Anadolu'da Moğollar // Selçuklu araştırmaları dergisi. 1969. C. 1. S. 2–29; *Idem.* Oğuzlar. S. 163–164.

[42] *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi*. Bazm-u razm. P. 150.

Вазелонские акты содержат под 1260 и 1264 гг. патроним или прозвище Χουρτζιριώτης (№ 69)[43], несомненно родственное тюрко-монгольскому *qurçi/qorçi*. Хорошо известно, что трапезундский двор заимствовал у монголов титул χουρτζῆς, происходящий от того же *qurçi* и соответствующий византийскому титулу ἀκόλουθος — предводителя личной гвардии василевса[44]. Этот термин был воспринят трапезундцами довольно рано, они могли познакомиться с ним уже в 1240-х гг.: так, например, завоеватель Анатолии Байджу-нойон, подчинявшийся Чормагуну, носил титул *qurçi*[45].

Однако обладатели имени Χουρτζιριώτης не были знатными и богатыми людьми и вряд ли имели родственную связь с одним из важнейших сановников империи. Поэтому я склонен возводить это имя к дворцовому титулу, но связанному скорее с иным значением термина *qurçi*: у монголов были особые элитные отряды قورچيان *qūrchīyān* — телохранителей монгольских ханов[46]. Скорее всего, χουρτζιριώτης, образованное по той же модели, что и другие именования групп людей, как то στρατιώτης, στασιώτης и т.д., обозначало те отряды гвардейцев-телохранителей, которые подчинялись трапезундскому χουρτζῆς-ἀκόλουθος. Вероятно, от этого «солдатского» именования и произошли рассматриваемые прозвища. Правомерность данной реконструкции подтверждается и другим прецедентом, зафиксированным понтийскими источниками. Трапезундское именование ἀμυ(ρ)τζαντάριος/ἀμηρτζαντάριος не только являлось известным дворцовым титулом, тождественным византийскому πρωτοσπαθάριος, но и в форме ἀμυ(ρ)τζανταράνται обозначало воинов особых отрядов; очевидно, что эти военные формирования ἀμυρτζανταράνται подчинялись царедворцу ἀμυρτζαντάριος-πρωτοσπαθάριος[47]. В двух случаях «стратиотское» второе имя Χουρτζιριώτης

---

[43] В индекс издания Вазелонских актов закралась опечатка: одно из упоминаний этого имени датировано 1214 г. вместо 1264-го.

[44] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 345.18; *Клавихо Р. Гонзалес де.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Текст, пер. и примеч. под ред. И.И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 117: Клавихо передает χουρτζής как *horci*; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. T. 1–2. B.; Amsterdam, 1967. T. 1. P. 531. Note 22; *Zachariadou E.* Les janissaires de l'empereur byzantin // Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor, XIX. Napoli, 1982. P. 594; *Savory R.M.* Ḳūrčī // EI NE. Vol. 5. P. 437a–b.

[45] *Ibn-Bibi* (Houtsma). P. 234.

[46] О формированиях гвардейцев *qurçi* см.: *Doerfer.* Türkische. Bd. 1. S. 429–432; *Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани*. Дастур ал-китаб фи таʿйин ал-маратиб / Крит. текст, предисл., указат. А.А. Али-заде. Т. 2. М., 1976. С. 172–173, 183.

[47] Об ἀμυρτζαντάριος (араб.-перс. امير جاندار *amīr-jāndār* — «эмир-телохранитель») — титуле и стратиотском именовании — см.: *Panaretos.* P. 65.21, 67.14;

принадлежало представителям духовенства — монаху и священнику. Это указывает на относительно давнее заимствование слова трапезундцами (по крайней мере до середины 1260-х гг.), даже если монах Никодим и священник Евстафий сами в прошлом служили в отрядах χουρτζιριῶται. Поскольку, как мы предполагаем, имя Χουρτζιριώτης произошло от названия военной профессии, то носителями его вполне могли быть и этнические греки; не исключено, что в упомянутых двух случаях оно уже исполняло функции патронима. В третьем случае, в отношении Никифора, можно предположить, что его прозвище являлось не патронимом, а простым указанием на род службы, на принадлежность к числу гвардейцев χουρτζιριῶται.

Прямое влияние монголов на Трапезундскую империю, а также разнообразные формы их присутствия на ее территории в немалой степени обусловлены тем обстоятельством, что с юга земли империи соприкасались с областями, которые были полностью освоены монголами. Эрзинджан (город, лежавший примерно в 70 км от трапезундской границы) в монгольскую эпоху являлся восточными воротами Анатолии. Через Эрзинджан пролегала главная артерия, которая связывала монголов Ирана с данным регионом и по которой в Малую Азию перебрасывались войска, прибывали монгольские должностные лица, сборщики налогов и торговцы. Нередко, когда у Ильханов возникала потребность в демонстрации силы своим румским вассалам, у Эрзинджана, в непосредственной близости от трапезундской границы, сосредоточивались монгольские войска. Так, в 684 и до начала 685 г.х. (09.03.1285–27.02.1286) рядом с этим городом почти год стояло монгольское войско во главе с царевичами Кайхату и Хуладжу[48]. Таким образом, понтийский греческий и монгольский миры непосредственно соприкасались друг с другом, что предоставляло Ильханам Ирана широкие возможности для действенного контроля над Трапезундской империей.

Lazaropoulos. P. 134.16; *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 261.54, 267.151, 269.202; *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 341–343, 348.36–37; PLP. № 830; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 67–68; *Bryer A*. The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor: Classical, Byzantine, Renaissance Studies for R. Browning / Ed. Ann Moffatt. Canberra, 1984. P. 312. Notes 11, 12. PLP (№ 830) дает ошибочное толкование ἀμυ(ρ)τζανταράνται как Familienname.

[48] *Aqsarayi*. P. 145–146. Вполне вероятно, что это монгольское войско в 1285 г. обеспечило устранение от власти трапезундской императрицы Феодоры и ее сторонников, попытавшихся избавить Трапезунд от контроля со стороны иранских монголов (*Карпов*. История. С. 171).

4. Бедные и богатые

Среди лиц, носивших восточные имена, были люди разного достатка и общественного положения, что отражено в таблице ниже (данные округлены).

Таблица 13

Социальный статус восточных иммигрантов на Понте

Социальный статус	Число лиц	%
Знать и высшие чиновники	9	8
Крупные собственники	3	3
Клирики и монахи	9	9
Средние и мелкие собственники	45	50
Парики	10	11

По-видимому, большая часть лиц, расселившихся в оседлых сельских районах Мацуки, Палеомацуки, Трикомии и т.д., принадлежала к среднему слою земледельцев (γεωργοί). К числу мелких и средних крестьян следует отнести значительную часть тех, кто обозначен в списке как «землевладелец», «бывший владелец земли», «даритель», «свидетель». Зарегистрированные в источниках сделки, как правило, не выходят за пределы мелких и средних объемов. Например, Ζαγάνης продал медь за 7 аспров (№ 19, Мацука, ок. 1260 г.). Монахиня Γιαγούπενα купила участок земли в 8 псомиариев, т.е. примерно 1 $^{1}/_{3}$ модия, корову и ячмень всего за 28 аспров (№ 14, ок. 1260 г., Мацука)[49].

В сравнении с западновизантийскими землями число париков весьма скромное. Большинство из них жило в сельскохозяйственных зонах: в Трапезунде зафиксирован один лишь Αὐξέντιος Ἀράπης (№ 8); в банде Мацука — Ζεέτης (№ 20), Μουγούλης (№ 38a), Τζαμᾶς (№ 52), Χουμαίας (№ 68); в банде Ризеон — Κατζίκης (№ 30) и Μαχμούτης (№ 36); в банде Трикомия — Γοζάλπης (№ 15), Μουγούλης (№ 38b), Τζακᾶς (№ 50).

Как правило, парики именованы в источниках лишь по своему восточному прозвищу, что подтверждает общевизантийскую практику: упоминать людей низших социальных слоев по одному имени — либо крестному, либо прозвищу.

[49] О псомиарии см.: *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 92.

Большинство носителей восточных имен, принадлежавших к среднему классу, были жителями Мацуки. Для регионов за пределами Мацуки источники фиксируют на удивление мало средних собственников с восточными именами: Θεόδωρος Χατζῆ в Трапезунде (№ 66), Γεώργιος Καρατζίας в Аласоне/Цернице около Трапезунда (№ 26) и Χασάνης в Ираклии в банде Сирмена (№ 65).

Неравномерное расселение азиатских иммигрантов по территории империи не может быть объяснено лишь ограниченностью данных источников, так как оно находится в противоречии с более или менее равным присутствием париков в большинстве сельскохозяйственных районов. Как представляется, именно в Мацуке селилось большинство иммигрантов среднего класса, в то время как приток иностранцев в другие регионы империи был либо меньших масштабов, либо совсем незначительным. Это объяснимо, если учесть географическое положение Мацуки. Главные дороги, в том числе караванные торговые пути, связывающие черноморское побережье с внутренней Анатолией, проходили через эту область[50]. Регион Мацуки, граничащий с территориями, которые были населены или контролировались тюрками, был в первой половине XIV в. местом частых вооруженных столкновений и разрушительных тюркских набегов. Только начиная примерно с 1350 г. военные действия сдвинулись дальше на юг, в соседние Халдию и Хериану[51]. Путь большинства азиатских иммигрантов при переселении на территорию империи пролегал через Мацуку. В этом относительно безопасном регионе, где к тому же, вероятно, было больше свободных земель в сравнении с южными пограничными районами, они преимущественно и оставались. Однако неясно, было ли расселение азиатских иммигрантов именно в Мацуке целенаправленной политикой властей (см. рис. 7.1). Малый процент азиатских иммигрантов из низших классов, по-видимому, указывает на небольшое количество рабов среди них, а также на то, что свободные переселенцы с самого начала наделялись землей и получали относительно высокий социальный статус.

Любопытной особенностью азиатских переселенцев среднего класса в Мацуке, нетипичной для Македонии и в целом для западновизантийских земель, является то, что в их среде обнаружены примеры своего рода «крестьянских династий», сохранявших свои восточные патронимы в течение нескольких поколений. Так, Базе-

[50] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1–2. Washington, 1985. Vol. 1. P. 251–265.

[51] *Shukurov R.* Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. 1994. Vol. 9/1. P. 62–66.

лонские акты содержат сведения о группе людей с одним и тем же прозвищем, обратившимся в фамильное имя: до 1292 г. некие Гусманы (οἱ Γουσμανάνται, № 16) вместе с Φουρνουτζιώτης и Σαπούας продали довольно скромный участок земли в 5 модиев (примерно ½ га[52]) в Рахине крупному землевладельцу священнику Никифору Кромиду[53]. Употребление прозвища во множественном числе (οἱ Γουσμανάνται) указывает на семью, выступавшую в качестве коллективного собственника. Тот же документ упоминает другой участок Никифора Кромида, также в Рахине, который возделывался неким арендатором Гусманом (ὁ Γουσμάνων, № 18). Этот Гусман, вероятно, был одним из οἱ Γουσμανάνται или, по крайней мере, их родственником. Еще один Гусман (Γουσμάνος, № 17) упоминается в другом документе конца XIII в. как арендатор на имперских землях и свидетель в Ферисе. Однако в отношении последнего неясно, был ли он связан родственными узами с вышеупомянутыми Γουσμανάνται и Γουσμάνων, ибо Ферисa расположена довольно далеко от Рахина[54].

Ряд лиц, носивших прозвище или фамильное имя Канзик (Κανζίκης, № 24), также могли быть родственниками. В эту группу входят Георгий (свидетель), Фериан (свидетель), Иоанн (землевладелец) и Христодул (землевладелец). Все четверо жили в Мацуке, скорее всего, в последней четверти XIII в. Более точно может быть локализовано только местожительство Иоанна, имевшего участок в Понтиле, и Христодула, чья земля располагалась в Хамурине[55]. Степень родства между ними неустановима. То же можно сказать о двух других жителях Мацуки — Кириазе и Константине, носивших одинаковое прозвище Мугалта (Μουγαλτᾶς, № 37) и упомянутых как свидетели во второй половине XIII в.

Особый интерес представляет фамильное имя Сут (Σούτος, № 48), принадлежавшее 6 лицам, жившим во второй половине XIII и до начала XV в. Около 1260 г. некий Σούτος, чье крестное имя неизвестно, продал участок в Мацуке, располагавшийся, вероятно, недалеко от монастыря Св. Феодора в Генакантоне[56]. Около 1260–1270-х гг., примерно в том же регионе, некий Конста Сут выступил

---

[52] О модии см.: *Lefort J.* The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries // EHB. Vol. 1. P. 243; Géométries du fisc byzantin / Éd., trad. et comm. par J. Lefort, R. Bondoux, J.-C. Cheynet, J.-P. Grélois, V. Kravari, J.-M. Martin. P., 1991. P. 263.

[53] AVaz. № 115.

[54] Об этих двух местностях в Мацуке см.: *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments… Vol. 1. P. 257, 260–262, 295 (Рахин/Стаман), 257, 280, 294 (Ферисa).

[55] О Понтиле и Хамурине см.: Ibid. P. 261, 294–295; P. 257, 286.

[56] О Генакантоне см.: Ibid. P. 261–262, 295.

свидетелем в сделке дарения земель Вазелонскому монастырю в Палеомацуке (т.е. в Южной Мацуке). Не исключено, что два этих Сута были родственниками и принадлежали к разным поколениям, ибо Сут из Генакантона назван в документе «старейшиной» и, возможно, около 1260 г. действительно был преклонного возраста; тогда он мог приходиться Консте Суту отцом или дядей. Эти Суты могли быть родственниками 4 других Сутов XIV в.: Феодора, Михаила, Георгия и Павла. Эти четверо жили в Мацуке и занимали должности в провинциальной администрации банды. Феодор Сут (1382 г.) был «почтенным старейшиной» (ἀξιοτίμων γερόντων) и третейским судьей в местной сельской общине[57]. Михаил Сут (1384–1388 гг.) назван архонтом (ἄρχων), т.е., вероятно, он был членом местной администрации. Поскольку роль местных архонтов в понтийском сельском обществе остается неизученной, то сейчас трудно определить область деятельности Михаила Сута на этой должности. Наконец, Георгий Сут (вторая половина XIV в.) и Павел Сут (вторая половина XIV в., до 1415 г.) названы судьями банды Мацука (κριτὴς τῆς ὑποθέσεως)[58]. Они были современниками и знали друг друга, ибо вместе подписали один из актов в качестве свидетелей. Ничего определенного о степени родства между этими четырьмя Сутами сказать нельзя, однако можно думать, что, скорее всего, они были родственниками, ибо все они принадлежали к высшему слою провинциального общества. Действительно, все обсужденные Суты относились к сельской элите, но при этом очевидно, что они не входили в число понтийских знатных архонтов и наследственной аристократии, столь влиятельной в империи[59]. На византийском Понте, в отличие от византийского Запада, даже крестьяне могли сохранять свои фамильные имена на протяжении поколений.

Источники не указывают, были ли кочевниками или оседлыми носители восточных имен, однако ясно, что в сельской Мацуке и других земледельческих областях империи иммигранты могли поселиться, только осев на земле. О наличии каких-либо кочевых групп в Мацуке, Палеомацуке, Геморе в источниках не содержится

[57] *Карпов*. История. С. 165; *Bryer A.* Rural Society… P. 77; *Idem.* Greeks. P. 121.

[58] Юридическая система Трапезундской империи все еще ждет своего исследователя. Некоторые сведения см. в: *Карпов*. История. С. 165; *Bryer A.* Rural Society… P. 75–78.

[59] Об архонтской знати в Трапезундской империи см.: *Карпов*. История. С. 161; *Bryer*. Estates. P. 414–416. О роли наследственной аристократии в Трапезунде см.: *Карпов*. История. С. 165, 184–185; *Bryer A.* The Faithless Kabazitai and Scholarioi. P. 309–327; *Меньшикова М.С.* Понтийская знать // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 124–126.

и намека. Напротив, обращают на себя внимание несколько восточных имен, указывающих на оседлые ремесленные профессии. Они включают греческое окончание -ας, обозначавшее род профессиональной деятельности в именах Καλκανᾶς («изготовитель щитов»), Τζακᾶς («печник»)[60], а также Παπούτζης (возможно, «сапожник») и Φουρνουτζιώτης («пекарь»). Наличие в понтийских актах этих имен можно рассматривать как указание на проникновение в греческую среду не только выходцев из кочевой среды, но и оседлых тюрков-ремесленников и тюрков-торговцев. Вероятно, сыграло свою роль наличие в непосредственной близости от трапезундско-мусульманской границы развитых ремесленных центров, давно освоенных тюрками, — Эрзинджана, Сиваса, Амасьи, Никсара; из них оседлые ремесленники — тюрки и иранцы могли проникать на территорию империи. Возможно, подобные им иммигранты-ремесленники были задействованы в строительстве Св. Софии в Трапезунде, щедро украшенной «восточным» декором, включая *мукарнас*[61].

Хотя представители знати, высшие чиновники и крупные собственники в моем списке весьма немногочисленны, они представляют наибольший интерес. Присутствует семь лиц восточного происхождения, которые принадлежали к элите трапезундского общества (высшим чиновникам и царедворцам): Ἀμιρούτζης (№ 4), Ἀσθλαμπέκης (№ 9), Aziathim (№ 12), Ἀλταμούριος (№ 3), Κασσιμπούρης (№ 28), Ἀνδρόνικος Τουραλῆς (№ 58), Πακτιάρης (№ 40). Э. Брайер связывал Ἀλταμούριος с родом Тадж ал-Дина, эмира Джаника[62]. Как показала Э. Захариаду, предположение Э. Брайера основывалось на неточном чтении текста Клавихо и, следовательно, Алтамурий не имел ничего общего с потомками Тадж ал-Дина[63]. Мы ничего не знаем об Алтамурии, кроме того, что он был μέγας μεσάζων Трапезундской империи, т.е. одним из высших должностных лиц страны в момент ее гибели в 1461 г.; турки насильственно переселили его вместе с другими знатными лицами в Константинополь[64]. Судя по имени, он, скорее всего, происходил из тюрков-огузов, но не половцев или монголов. Другой высокопоставленный чиновник — выходец с Востока — Γεώργιος Ἀμιρούτζης, протовестиарий и великий логофет империи в последние годы ее

[60] *Lampros*. Ανέκδοτον. Σ. 198.8: τὸν Τζακᾶν, парики в Хорове (близ Трикомии) в 1371 г.; PLP. № 27695.

[61] *Eastmond A.* Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium. Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Aldershot, 2004.

[62] *Bryer*. Greeks. P. 130, 149.

[63] *Zachariadou E.* Trebizond and the Turks… P. 344. Note 4.

[64] *Карпов*. История. С. 161, 163.

существования. Из тех понтийских византийцев, кто возводил свой род к варварам, Георгий Амируци наиболее знаменит. Уже его отец был известен как посланник Великих Комнинов в Константинополе. Талантливый писатель и ученый, Георгий в августе 1461 г. участвовал в переговорах по поводу сдачи Трапезунда осадившему его Мехмеду II[65].

Ἀνδρόνικος Τουραλῆς, наиболее вероятно, также принадлежал к элите и присоединился к Великим Комнинам и большой группе трапезундской знати в их изгнании на Балканы после османского завоевания в 1461 г. Не исключено, что Ἀνδρόνικος Τουραλῆς, как указывает его имя, был одним из потомков эмира Турали б. Пахлаван-бека, вождя племени аккуйунлу, который около 1348 г. провел некоторое время в приграничных регионах Трапезундской империи. Эмир Турали был хорошо известен трапезундским грекам, и случайность в совпадении имени эмира аккуйунлу и второго имени Андроника Турали представляется мне маловероятной[66]. Скорее всего, семья одного из потомков Турали, поселившегося в Трапезундской империи, приняла это имя как патроним, тем самым удостоверяя знатность и древность своего происхождения. Последняя функция византийских фамильных имен была весьма распространенной.

Возможно, прецедент Турали схож со случаем Арсланбека/Ἀσθλαμπέκης (№ 9). В хрисовуле 1432 г. сообщается о перешедшем в императорский домен выморочном участке земли, некогда купленном у Ἀσθλαμπέκης монахом Герасимом Пуфром[67]. Вторая часть имени (-πέκης ← тюрк. *beg*) указывает на знатность его носителя, на то, что он был эмиром. Для этого времени в окрестных мусульманских землях известен единственный эмир, носивший такое имя, — Аслан-бек, или Алп-Арслан-бек, эмир княжества Таджиддин-огуллары, сын Тадж ал-Дина, старого союзника Трапезундской империи и мужа трапезундской деспины Евдокии[68]. Возможно, Ἀσθλαμπέκης был потомком Алп-Арслан-бека, оказавшимся по той или иной причине на территории империи: хронологически эта идентификация вполне приемлема. Эмир Арслан-бек погиб в 1394 г. На трапезундской территории мог жить его родственник, пренома которого мы не знаем, через несколько лет или десятилетий он продал землю монаху Герасиму. Последний умер, не оста-

[65] *Карпов*. История. С. 300–301, 429–439, 467–473 и др.

[66] *Panaretos*. P. 68.16. О нем см. также: *Bryer A*. Han Turali rides again // BMGS. 1987. Vol. 11. P. 193–206.

[67] *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 269.180–183.

[68] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 217.

вив наследников, вследствие чего земля перешла в императорский домен. Эти события вполне могли развиваться в течение нескольких десятилетий. Хотя в данном случае возможна и другая интерпретация. Земля принадлежала самому эмиру Арслан-беку, он получил ее во владение от Великих Комнинов. Алп-Арслан-бек являлся пасынком трапезундской деспины Евдокии, отданной в жены его отцу Тадж ал-Дину в 1379 г. Таким образом, эмир мог иметь недвижимость на территории империи, как родственник Великих Комнинов. Один сходный случай широко известен: за Феодорой, дочерью Иоанна IV, вышедшей замуж за Узун Хасана и ставшей царицей мусульманской державы, сохранились наследственные владения на территории Трапезундской империи[69].

Особый случай представляют попавшие в мою анкету фамильное имя (или прозвище) Πακτιάρης (№ 40), соответствующее исконному персидскому بختيار *bakhtiyār*, и Κασσιμπούρης (№ 28), имеющее в своем составе древнее иранское *pūr* «сын». *Pūr* в качестве детерминатива мужских имен имело широкое хождение в доисламскую эпоху, перейдя впоследствии и в новоперсидский язык. Иранские *Bakhtiyār* и, тем более, *pūr* (в качестве элемента имени) привлекают внимание своей анахроничностью. В XII–XIII вв. они практически не встречаются ни в тюркской анатолийской, ни в иранской мусульманской антропонимике Азербайджана и Западного Ирана. Не принадлежали ли исконные носители этих имен к зороастрийцам или курдам Западного Ирана и Ирака, в именниках которых старая иранская ономастика сохранилась более полно? В связи с этими случаями отметим следующее весьма знаменательное обстоятельство: Алексей Пактиар (первая половина XIII в.) и Михаил Касимпур (вторая половина XIII в.) были, судя по преномам, христианами, оба жили в XIII в. и занимали должности в трапезундском фискальном ведомстве. Могла ли скрываться за этим совпадением определенная тенденция (существовавшая, по крайней мере, в XIII в.), которая заключалась в целенаправленном наборе выходцев из образованной иранской среды в штат налоговых органов? Отмечу, что услугами персов как опытных администраторов в эту же эпоху активно пользовались, к примеру, соседние сельджукские султаны и монгольские ханы. Обращение Трапезундской империи к такой практике нашло бы вполне правдоподобное объяснение. В первые десятилетия XIII в. Великие Комнины столкнулись с необходимостью ускоренного создания (или воссоз-

[69] *Barkan.* Osmanlı. S. 219. Haş. 90; *Beldiceanu N.* L’empire de Trébizonde à traverse un registre ottoman de 1487 // AP. 1979. T. 35. P. 182. Note 37; *Bryer.* Greeks. P. 150. Note 146.

дания) на отошедших под их власть территориях полноценного государственного аппарата по византийскому образцу[70]. Приступая к созданию административной системы, Великие Комнины, несомненно, испытали в далеком понтийском захолустье известный недостаток грамотного и квалифицированного чиновничества. Эмиграция греков в комниновские владения из западновизантийских областей, о которой источники донесли лишь отрывочные и глухие сведения[71], по всей видимости, не могла существенно изменить культурную атмосферу в нарождавшемся государстве. Не было бы удивительным, если в XIII в. этот ставший, вероятно, хроническим дефицит «профессионалов» восполнялся бы опытными в администрировании иранцами, готовыми принять крещение ради новой службы. Не исключено, что к среднему чиновному слою принадлежал и Ἀζατίνης (Aziathim). О нем мы знаем только то, что венецианцы определяли его как «официала или барона», т.е. трапезундское должностное лицо; он нанес обиду венецианскому байло в Трапезунде.

Неизвестно, каков был социальный статус некоего Σαχμελίκης (№ 47) и дамы по имени Ἀμυρτζαίνα (№ 5), упомянутых в хрисовуле 1432 г., однако не вызывает сомнений то, что они являлись весьма состоятельными людьми. Первый владел пастбищами, наследственной землей и мастерскими в Трапезунде, а вторая продала свое имущество за весьма существенную сумму. Участок земли, который продала Ἀμυρτζαίνα, стоил 2500 аспров. По-видимому, это было значительное имение, стоимость которого примерно равнялась годовому доходу генуэзского казначея в Каффе[72]. В отношении Σαχμελίκης следует сказать следующее. В. Лоран, издатель хри-

---

[70] О трапезундском государственном аппарате в связи с византийской комниновской традицией см.: *Карпов.* История. С. 156–165; *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // АП. 1979. Т. 35. P. 310–313; *Bryer.* Greeks. P. 141.

[71] *Bryer A.* Rural Society… P. 65, 78. О беженцах в комниновские владения из взятого латинянами Константинополя (1204 г.) см.: *Heisenberg.* Neue Quellen. S. 62; *Vasiliev A.* Mesarites as a source // Speculum. 1938. Vol. 13. P. 180. По предположению К. Варзоса, женой Алексея I Великого Комнина (1204–1222) была Феодора Комнина Аксух, дочь Иоанна Аксуха Толстого, восставшего в 1200 г. против Ангелов; не исключено, что кто-нибудь из Аксухов и представителей близких к ним родов уехал к Великим Комнинам в Трапезунд. См.: *Varzos*. Γενεαλογία. Τ. 2. Σ. 752, 886; *Idem.* Αλέξιος Κομνηνός — Ειρήνη η Ρωσική και οι άτυχοι απόγονοί τους // Βυζαντινά. 1975. Τ. 7. Σ. 173. Об эмиграции из Константинополя в Трапезунд в 1270-х гг. см.: *Карпов*. История. С. 88, 190–191, 317.

[72] *Карпов С.П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 3. СПб., 1998. С. 10. № 77: 2 соммо в месяц = 340 аспров.

совула 1432 г., полагал, что Σαχμελίας[73] и упомянутый ниже в том же документе Σαχμελίκης[74] — два разных лица. Однако похоже, что первое из имен — вариант второго, возникший в результате описки или невнимательности переписчика. Кроме очевидного графического сходства, есть и другое основание для такой конъектуры. Текст хрисовула, сообщая о передаче монастырю владений Σαχμελίκης, никак не объясняет пути перехода этого имущества в казну. В то же время по поводу дарения монастырю владений Σαχμελίας говорится, что они попали в императорский домен из-за отсутствия у этого лица детей (ἐξ ἀπαιδίας). Следовательно, если признать, что речь идет об одном и том же лице, то становится ясным, что это указание на владения Σαχμελίκης, которые перешли к императору из-за отсутствия наследников, о чем и упоминалось выше в хрисовуле. Если мое предположение верно, то Σαχμελίκης/Σαχμελίας сверх перечисленного владел еще и пастбищем в Муцуре в Трикомии, которое упоминается в хрисовуле как выморочная собственность Σαχμελίας. Как мы видим, он был весьма богатым человеком, обладавшим недвижимостью в столичном Трапезунде, а также в двух бандах — Ризеоне и Трикомии.

Распределение восточных имен в Мацуке, Трикомии и Геморе представлено на рис. 7.1. Плотность распределения мест жительства азиатских иммигрантов увеличивается к южной границе империи. Это согласуется с общевизантийской тактикой расселения восточных пришельцев вдали от стратегических центров и ближе к пограничным районам. Как представляется, трапезундские власти использовали иммигрантов в качестве буфера против мусульманских кочевых набегов из внутренней Анатолии.

Выходцы с Востока, в отличие от итальянцев, занимали довольно скромное место в трапезундском обществе. В XIV–XV вв. итальянцы, особенно генуэзцы и венецианцы, были частыми гостями в империи, располагая поселениями и имуществом в Трапезунде. Временами они исполняли разного рода дипломатические поручения Великих Комнинов в Италии. Так, в 1314 г. Гавино де Мари и Сорлеоне Спинола были послами императора Алексея II Великого Комнина (1297–1330) в Генуе. В 1460 г. флорентийский аристократ Микеле Алигьери был представителем последнего трапезундского императора Давида Великого Комнина на Западе[75]. Мы знаем также о нескольких итальянцах, весьма глубоко вовлеченных в поли-

[73] *Laurent.* Deux chrysobulles. P. 262.59.

[74] Ibid. P. 265.110, 118.

[75] *Карпов.* Романия. С. 131; *Он же.* Итальянские «бароны» трапезундских императоров // ВВ. 1995. Т. 56. С. 146; *Он же.* История. С. 283, 305, 336–337, 351–353.

Рис. 7.1. Центральные регионы Трапезундской империи (картограф: О.Р. Шукуров)

тическую и экономическую жизнь империи, которые, возможно, приняли подданство Великих Комнинов. В 1284 г. генуэзец Никколозио де Ария (вероятно, в источнике имелся в виду Николо Дориа) возглавлял императорский монетный двор в Трапезунде. В правление Алексея IV Великого Комнина (1417–1429) какую-то должность при дворе (по формулировке итальянского источника —

curia) занимал генуэзец Томмазо Тротти. В 1429 г. еще один генуэзец, Доменико д'Аллегро, бывший пират, был возведен в ранг протостратора (главнокомандующего флотом) императором Иоанном IV Великим Комнином; он занимал этот пост по меньшей мере до 1459 г. Наконец, в 1420-х гг. генуэзец Джироламо ди Негро был великим месадзоном и протовестиарием при императорах Алексее IV и Иоанне IV (1429–1460). В 1437 г. в качестве трапезундского военачальника он возглавил морскую военную операцию против генуэзцев, своих соотечественников. Джироламо ди Негро захватил генуэзский корабль, конфисковал его груз и арестовал капитана Мервальдо Спинолу, который затем содержался в заключении в Трапезунде[76].

Иммигранты с Востока, при том что по численности они, похоже, значительно превосходили итальянцев, редко достигали высших ступеней чиновной иерархии. Высшие должности великого месадзона, протовестиария и великого логофета достались потомкам азиатских иммигрантов лишь в самом конце истории империи, когда ее связи с мусульманским окружением, по-видимому, были наиболее глубокими. Большая часть иммигрантов с Востока вливалась в средние слои общества.

5. Понтийские кочевники

Описанные выше выходцы с Востока, ставшие частью трапезундского общества, были оседлыми. Вместе с тем есть основания думать, что на территории империи могли быть и кочевники-христиане, подданные Великих Комнинов. В отношении кочевников понтийская ситуация характеризуется двумя особенностями. Во-первых, Понтийская область оставалась почти не затронутой тюркской кочевой миграцией вплоть до последних десятилетий XIII в. Во-вторых, на Понте кочевая миграция была направлена не с востока на запад, как большинство известных переселений кочевников в Анатолии в эту и предшествующую эпоху, но *с запада на восток*. После вступления на территорию Малой Азии часть туркменских племен довольно быстро, в течение одного поколения, откочевала на запад до самой сельджукско-никейской границы. При этом их движение никак не затронуло Понтийскую область: они, по всей видимости, прошли южнее. Вероятно, в 1260–1270-х гг. часть из них начала обратное движение на восток,

[76] *Карпов.* Романия. С. 130–152; *Он же.* Итальянские «бароны»... С. 145–151; *Он же.* История. С. 182, 293–294, 296–297, 301, 347, 305–306. См. также: *Шукуров Р.М.* Латиняне... С. 627–642.

как бы описывая петлю, но на этот раз двигаясь ближе к морскому побережью. Возможно, это было связано с разгромом монголами в 1260–1270-х гг. туркменских *уджей* на сельджукско-византийской границе[77]. К 1290-м гг. кочевники достигли Восточного Понта — территорий, находившихся под контролем Великих Комнинов.

Начало массовым кочевым набегам на районы, пограничные с Трапезундской империей, положило восстание против сельджукской власти кочевников, во главе которых стояли эмиры племени *тагачар*. Они опустошили район Токата и Сиваса (около 1290 г.)[78]. Для середины 1290-х гг. сохранилось свидетельство о чрезвычайном влиянии понтийских разбойников (вероятно, кочевых туркмен) под Турхалом[79]. К 1298 г. туркмены уже дошли до восточных границ Понта, где опустошили Испир и Байбурт; вождем одной из кочевых орд был некий Азат Муса[80]. В 1298–1299 гг. один из источников вновь сообщает, что кочевые туркмены наводнили «горы Трапезунда» (южные предгорья Понтийского Тавра) и области Эрзинджана и Байбурта и что они не признают ни чью-либо верховную власть, ни авторитет мусульманского духовенства; во главе их находился некий Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмани[81]. В приведенных примерах угадывается описанное выше обратное движение кочевников с запада на восток.

Итак, первая волна туркменской миграции, инициированная монгольским нашествием, достигла Западного Понта только к 60-м, а Восточного Понта — к 90-м гг. XIII в. Вероятно, именно в 1290–1297 гг. туркмены отторгли у империи Халивию — территорию севернее и восточнее Неокесарии (Никсара), о чем сообщает Михаил Панарет[82]. Это была та же волна кочевников, среди их вождей — упоминавшиеся Азат Муса и Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмани.

Вторая волна кочевой миграции на Понте, начавшаяся в 1330-х гг., продолжала сохранять отмеченную выше знаменательную особенность: она была направлена с запада на восток. По крайней мере четыре туркменских племени — *чепни*, *аккуйунлу*, *боздоган*, *духар* — шли в обратной миграционной волне и избрали самый северный

[77] *Lippard B.G.* The Mongols and Byzantium, 1243–1341. PhD Thesis. Indiana University. Bloomington, 1984. P. 24–33.

[78] *Aqsarayi*. P. 190–195, 239–247.

[79] Ibid. P. 219–220.

[80] *Каухчишвили С.Г.* Грузинские источники по истории Византии. Т. 1. Тбилиси, 1974. С. 162; *Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey. L., 1968. P. 309–310; *Kuršanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // RÉB. 1988. T. 46. P. 123.

[81] *Рашид ад-Дин.* Переписка / Пер., введ. и коммент. А.И. Фалиной. М., 1971. № 46. С. 306–307; *Shafi M.* Letters of Rashid ad-Din Fadl Allah. Lahore, 1947. P. 275–276.

[82] *Panaretos*. P. 63.6–8; *Bryer.* Greeks. P. 143 (англ. пер. отрывка).

путь — по прибрежным районам Понта. Все четыре племени пришли в Анатолию из Средней Азии лишь в эпоху монгольских нашествий. Можно предположить, что они составили подобие конфедерации, которая позже распалась в результате столкновения с военной силой и дипломатией Великих Комнинов (см. рис. 7.2).

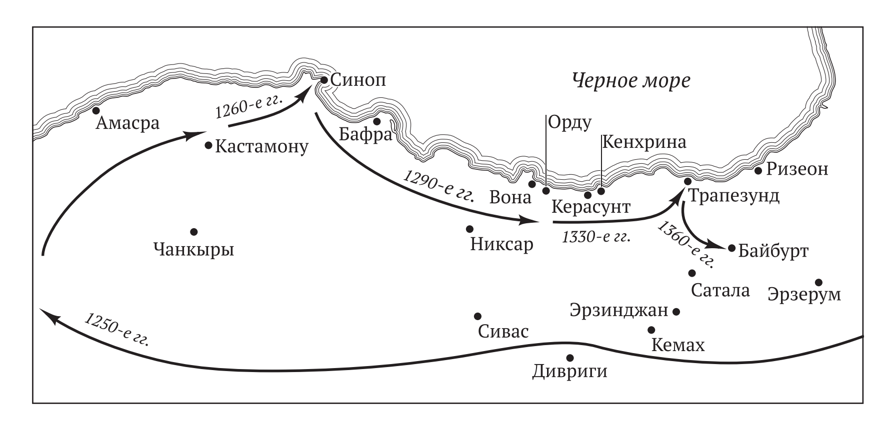

Рис. 7.2. Две волны кочевой миграции на Понте
(картограф: О.Р. Шукуров)

Наиболее могущественным из этих племен были *чепни*. Самое раннее упоминание о присутствии *чепни* в Анатолии — сообщение мамлюкских источников об участии неких туркмен в захвате Синопа в 1262/1263 г. силами Муʿин ал-Дина Парвана. Несомненно, мамлюкские авторы подразумевали именно племя *чепни*; при этом они отмечали, что трапезундцы ведут упорные войны с туркменами[83]. Ничего не известно о том, насколько далеко за пределы Синопа вглубь Малой Азии распространялась власть Великих Комнинов в период с 1254 по 1263 г. Однако, скорее всего, уже в эту эпоху (до 1263 г.) Андронику II (а возможно, еще его отцу Мануилу I) пришлось столкнуться с давлением кочевников *чепни* на синопские владения. В 1277 г. они вновь оказываются на острие борьбы с греками и отбивают их последнюю атаку на Синоп[84]. Далее *чепни* начинают медленно двигаться на восток — к западным пределам

[83] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 172–173, 177 и, особенно, с. 185. Новая датировка (вместо традиционной — 1265/66 г.) обоснована в: *Peacock A.C.S.* Sinop: A Frontier City in Seljuq and Mongol Anatolia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 106.

[84] *Ibn Fadl-Allah al-ʿUmari*. Al-Taʿrif bi al-mustalah al-sharif. al-Qahira, 1312 (1894/5). P. 58; *Abu al-ʿAbbas Ahmad al-Qalqashandi*. Kitab subh al-aʿshaʾ fi kitabat al-inshaʾ. T. 8. al-Qahira, 1915. P. 48–49; *Ibn Bibi* (Houtsma). P. 332–333.

Трапезундской империи. Примерно через 70 лет они оказываются под Трапезундом, покрыв за время смены почти трех поколений более 400 км. Первое упоминание об их присутствии в этом регионе принадлежит Панарету и относится к событиям 29 июня 1348 г., когда *чепни* в союзе с Ахи Айна-беком из Эрзинджана, Мухаммадом Рикабдаром из Байбурта и туркменами *боздоган* и *аккуйунлу* атаковали сам Трапезунд. Панарет именует их Τζιαπνίδες (фонетически *çapnides*, sing. Τζιαπνίς *çapnis*) — точное соответствие тюрк. *çapnī* (в современном турецком произношении — *çepni*). Объединенная рать тюрков должна была представлять собою значительную военную силу. Сражение длилось три дня, однако коалиция потерпела полное поражение и отступила, «теряя по пути много тюрков»[85]. В этот период *чепни* расселились в долине реки Филавонит (Харшит), примерно в 70 км западнее Трапезунда, из которой они полностью вытеснили греческое население. В последующие годы Великим Комнинам, по всей видимости, удалось (пожертвовав долиной Филавонита) ограничить распространение кочевой экспансии *чепни* на другие земледельческие регионы[86].

Ничего не известно о том, как строились обычные отношения между Великими Комнинами и *чепни*: признавали ли туркмены верховную власть василевса, платили ли ему дань. Известно только о трапезундских карательных экспедициях, целью которых было очистить от *чепни* долину Филавонита (1370 и 1380 гг.). Однако этого трапезундцам сделать не удалось — по данным османских источников второй половины XV в., туркмены продолжали контролировать долину[87]. Что, несомненно, удалось грекам, так это канализировать экспансию *чепни* в южном направлении. Вероятно, к концу XIV в. начинается их расселение в Хериане. Свое распространение на восток это туркменское племя продолжило и в последующие столетия. В XVIII в. его присутствие фиксируется в Лазистане, в 1915 г. оно достигло границ Российской империи в Юго-Восточном Причерноморье[88]. Племя *чепни* в течение всей истории своего пребывания на Понте выступает как непримири-

[85] *Panaretos*. P. 68.13–19.

[86] *Bryer.* Greeks. P. 132–133.

[87] *Panaretos*. P. 77.10–16, 79.12–29; *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Τραπεζουντιακά // BB. 1898. T. 5. Σ. 680; *Bryer*. MO. P. 136–137. Note 25; *Idem.* Greeks. P. 133; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments… Vol. 1. P. 140–141, 258.

[88] *Abu Bakr Tihrani*. T. 1. P. 42; *Chalc.* T. 1. P. 59.9–11; *Клавихо Р. Гонзалес де.* Дневник путешествия… С. 129; *Bryer.* Greeks. P. 133; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments… Vol. 1. P. 102, 173. Новейший очерк ранней истории *чепни* принадлежит перу лингвиста: *Brendemoen B.* The Turkish Dialects of Trabzon. Their Phonology and Historical Development. Vol. I: Analysis. Wiesbaden, 2002. P. 284–286.

мый антагонист понтийских греков. Именно благодаря этому противостоянию, громким победам и поражениям в борьбе с греками, источники и отразили его историю с такой подробностью, какой не удостоилось ни одно другое туркменское племя, кочевавшее в Северной Анатолии в ту эпоху.

Иной пример взаимоотношений между понтийскими греками и туркменами демонстрирует история племени *аккуйунлу* (в переводе с тюркского «белобаранное»)[89]. В 30-х гг. XIV в. его, возможно, возглавлял некий Тоганджук, чья «держава» располагалась «западнее Трапезунда»[90]. К 1340 г. *аккуйунлу* кочевали в районе Кенхрины и Керасунта. Греки называли их Ἀμιτιῶται, что происходит, по-видимому, от именования местности, где *аккуйунлу* находились в 1340 г. или незадолго до того. Под Ἀμιτιῶται скрывался, вероятно, греческий топоним *Омидия* (западнее Керасунта)[91], это племя могло обосноваться там по пути с запада Анатолии, и, может быть, там и скончался один из их вождей — Пахлаван-бек[92]. В период с 1340 по 1352 г. туркмены *аккуйунлу*, в союзе с *чепни* и другими кочевыми и оседлыми тюрками, нанесли ряд болезненных ударов по империи. Столкновения между *аккуйунлу* и греками зафиксированы в августе 1340 г.: это было нападение греков на кочевья *аккуйунлу,* в ходе которого был убит вождь туркмен-*духар*, союзных *аккуйунлу*[93], и далее четыре похода туркмен на Трапезунд — в июле 1341, августе 1341, июне 1343, июне 1348 г.[94] Можно предположить, что атаки *аккуйунлу* провоцировались мятежными Схолариями — аристократическим трапезундским кланом, находившимся в конфронтации с властью василевсов[95]. Однако летом 1352 г. эмир *амитиотов*

---

[89] Весьма полезный очерк ранней истории *аккуйунлу* см. в: *Brendemoen B.* The Turkish Dialects… P. 286–288.

[90] Al-Umari's Bericht über Anatolien in seinem Werke „Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar" / Zum ersten Male herausgegeben von Fr. Teaschner. Teil I, Text. Leipzig, 1929. S. 31; *Abu Bakr Tihrani*. Vol. 1. P. 174. Подробнее см.: *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 236–237; ср.: *Zachariadou E.* Trebizond and the Turks (1352–1402) // АП. 1979. Т. 35. P. 346.

[91] Отмеченный вопрос о происхождении и семантике именования «амитиоты» в тексте Панарета был впервые развернуто сформулирован К. Каэном (*Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey… P. 363–364), а потом обсуждался Э. Брайером (*Bryer.* Greeks. P. 133–134), Э. Захариаду (*Zachariadou E.* Trebizond… P. 339–341) и др.

[92] *Abu Bakr Tihrani*. Vol. 1. P. 15; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 233–236.

[93] *Abu Bakr Tihrani*. Vol. 1. P. 12; *Panaretos*. P. 65.29–31. См. также: *Zachariadou E.* Trebizond… P. 341.

[94] *Panaretos*. P. 66.5–10, 66.25–27, 67.17–18; *Libadenos*. P. 65.10–21; *Карпов С.П.* Неизвестный источник о нападении на Трапезунд в 1341 г. // ВО. СПб., 2011. С. 110–115.

[95] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 238–244. Подробнее о гражданской смуте в империи см.: *Карпов С.П.* Социальная борьба в Трапезундской империи: от династических смут — к гражданской войне // ВВ. 2006. Т. 65. С. 6–28.

Кутлу-бек женился на сестре василевса Алексея III — Марии[96]. Возможно, переговоры о заключении брачного союза были инициированы в 1351 г. в результате еще одного столкновения трапезундцев с *аккуйунлу*, свидетельство о котором сохранилось лишь в генеалогии правителей племени[97]. Благодаря матримониальному союзу между трапезундской деспиной и туркменским вождем, императорской власти удалось обратить оружие тюрков против их прежних союзников. В 1355 г. *аккуйунлу* участвовали на стороне императора Алексея III в осаде Керасунта, в котором закрепились мятежники во главе со Схолариями[98].

Итак, в период с 1340 по 1348 г. *аккуйунлу* находились в непосредственной близости от самого города Трапезунда, на что указывает частота их атак. Кроме того, как отметил Э. Брайер, в июне 1367 г. ставка Кутлу-бека, эмира этого племени, располагалась у западных границ банды Трикомия, примерно там же, где были земли *чепни*[99]. После 1367 г. *аккуйунлу* перекочевали к Байбурту. Они впервые появились во внутренних областях Восточной Анатолии — на северных границах государств Кара-Хисара, Сиваса и Эрзинджана — лишь к 1379 г.[100] Утверждение А. Эрзи о том, что в 30-х гг. XIV в. Ибн Баттута подразумевал под воюющими у Эрзерума туркменами племена *аккуйунлу* и *каракуйунлу*, не имеет под собою оснований[101].

Панарет упоминает еще одно туркменское племя — Ποσδογάνης, *боздоган*. Первое упоминание *боздоган* (в переводе с тюркского «серый сокол») в источниках относится к 1348 г. (хроника Панарета), в восточных источниках они впервые упоминаются в 1392 г.[102], затем в 1395 и 1396 гг.[103] Как следует из египетских источников и хроники «Базм-у разм», потомки Боздогана были главами племени

---

[96] *Panaretos*. P. 68.13–19.

[97] *Abu Bakr Tihrani*. Vol. 1. P. 12–13. Турецкий перевод: *Erzi A.* Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar // Belleten. 1954. C. 18. S. 190–191. Сокращенный пересказ этого отрывка см. в: *Муслих ал-Дин Мухаммад*. Мир᾽ат ал-Адвар. Отд. рукописей ПФ ИВ РАН. С 427. Л. 237 об.

[98] *Libadenos*. P. 74.26–30.

[99] *Bryer*. Greeks. P. 146. Note 136; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments… Vol. 1. P. 258.

[100] *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi*. Bazm-u razm. P. 163: ʿАзиз Астарабади сообщает, что во время осады султаном ʿАли и Кылыч-Арсланом Эрзинджана некий сын Кутлу-бека сразился с отрядами сивасцев.

[101] *Erzi A.* Akkoyunlu… S. 188, haş. 36; *Woods J.E.* The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. Revised and Expanded Edition. Salt Lake City, 1999. P. 46.

[102] *al-Maqrizi*. Kitab… T. 3. P. 442, 782; *Ibn Taghribirdi*. Annals, entitled 'an-Nujum az-zahira fi muluk Misr wal-Qahira' / Arabic text ed. by W. Popper. Vol. 5 (Pts. 1–4). Berkeley; Los Angeles, 1936. P. 548.

[103] *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi*. Bazm-u razm. P. 475, 491–492.

туркмен (*turkmān*, *tarākima*)[104]. Еще в 30-х гг. XX в. в Восточной Анатолии жили *юрюки*, именовавшиеся «боздоганлы»[105].

Судя по тому, что в среду понтийского населения проникали тюрки как кыпчакского (куманского), так и тюрко-монгольского происхождения, можно думать, что на Понте в непосредственной близости от трапезундских границ кочевали какие-то кыпчакские и монгольские племена, однако об их взаимоотношениях с понтийскими греками сведений нет[106]. Не исключено, что какая-то часть из кыпчаков, оказавшихся на территории Трапезундской империи, происходила не из материковых районов Понта, но была привезена из Крыма в качестве рабов.

Весьма примечательная особенность понтийской ситуации заключается в том, что многие из описанных выше номадов, по-видимому, кочевали на трапезундских территориях в качестве подданных Великих Комнинов. На это указывает то обстоятельство, что уже в XIV в. значительная группа понтийских кочевников была двуязычна, используя и греческий, и тюркский[107]. Это означает, что они достаточно долго пребывали на трапезундских территориях и находились в постоянном *мирном* контакте с местными греками. Описанные выше политические взаимоотношения между трапезундской администрацией и тюрками *аккуйунлу* вполне могли предполагать переход под юрисдикцию императоров какой-то части этой кочевой конфедерации, которой только это могло дать гарантию мирного сосуществования с оседлыми греками. Данная гипотеза вполне соответствует выдвинутым ранее предположениям относительно взаимоотношений трапезундской власти и туркменских кочевников, а также подкрепляется фонологическим анализом Б. Брендемёна: самый ранний тюркский диалект Понта складывался на основе говора *аккуйунлу* и под воздействием понтийского греческого. К теории Б. Брендемёна я еще вернусь в следующей главе.

Переход понтийских кочевников в подданство Великих Комнинов подтверждается и другими весьма неожиданными данными. Как обнаружила И. Бельдичеану-Штейнхер, в XVI в. какие-то группы

---

[104] *al-Maqrizi*. Kitab… T. 3. P. 422, 906; *Ibn Taghribirdi*. Annals… T. 5. P. 584.

[105] *Riza Y.* Cenupta bozdoğanlılar // Ülke. 1934. C. III. № 17.

[106] О кыпчаках в Восточной Анатолии за пределами империи см.: *Brendemoen B*. The Turkish Dialects… P. 282–284; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 122–123. Сн. 23.

[107] *Brendemoen B*. The Turkish Dialects… P. 284–290. Дальнейшее обсуждение тюркско-греческого двуязычия см. также в: *Janse M.* Aspects of Bilingualism in the History of the Greek Language // Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text / Eds. J.N. Adams, M. Janse, S. Swain. Oxford, 2002. P. 387–388.

кочевников *чепни* исповедовали христианство. Жили они в Северной Каппадокии, т.е. в нескольких сотнях километров от бывшей трапезундской границы[108]. Как показано выше, это племя двигалось в Восточную Анатолию именно с запада и через византийский Понт. Единственным объяснением христианской идентичности каппадокийских *чепни* может быть только их долгое пребывание на трапезундской территории, их христианизация понтийскими греками и, скорее всего, их переход в византийское подданство. Кроме как на трапезундской территории, им просто неоткуда было воспринять православное христианство в Северо-Восточной Анатолии XIV–XV вв., находившейся под юрисдикцией мусульманских правителей. Как отмечалось выше, *чепни* были наиболее непримиримыми врагами Великих Комнинов; однако рассмотренный случай заставляет предполагать, что трапезундской власти удалось привлечь на свою сторону и крестить какую-то их часть. Позже эти христиане-*чепни* откочевали из Понта, но не последовали за своими собратьями-мусульманами далее на восток, предпочтя для поселения преимущественно христианскую Каппадокию.

6. Христиане, мусульмане и криптомусульмане

Все рассмотренные в разд. 1 имена могут быть разделены на две группы. В первую группу входят восточные патронимы или прозвища, сопровождаемые греческим христианским преномом. Имена этой группы принадлежали ассимилированным варварам, принявшим христианское имя при крещении, или их потомкам. По имеющимся данным, как правило, нельзя определить, идет ли речь о прозвище окрещенного варвара или о прозвище (редко — патрониме) его потомков. Следует отметить, что двусоставные тюрко-греческие имена, отнесенные в эту группу (Τουρκόπουλος, Τουρκοθεόδωρος, Τουρκοθεριανός, Τζιληπηνόπουλος), скорее всего, — независимо от того, сопровождаются ли они крестным именем, — принадлежали христианам. К этой же группе следует отнести выходцев из армянской и картвельской среды или их потомков, о которых говорилось в начале этой главы (Κουλκάνχατ, Πατρατίνης, Χάνης и др.). Христиан в списке подавляющее большинство: более $^{2}/_{3}$ могут быть уверенно идентифицированы таким образом. В этом

[108] *Beldiceanu-Steinherr I.* Les Bektašī à la lumière des recensements ottomans (XVe–XVIe siècles) // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1991. Bd. 81. P. 44–46. См. также дальнейшее обсуждение в недавней диссертации: *Uyar T.B.* Art et société en pays de Rum: les peintures «byzantines» du XIIIe siècle en Cappadoce: Thèse de doctorat de l'Université Paris 1. P., 2011. P. 595. Note 302.

понтийский материал в целом согласуется с данными по палеологовской Македонии. Натурализация иноверцев в византийском социуме в качестве предварительного условия и первого шага предполагала обращение в православие.

Вместе с тем есть основания полагать, что именно на Понте в эпоху Великих Комнинов могли существовать группы криптомусульман — т.е. тех переселенцев с Востока, которые формально приняли христианство, однако тайно продолжали исповедовать прежнюю веру. Исходным пунктом моей реконструкции является интересный отрывок из персидского географического сочинения, принадлежащего перу Шихаб ал-Дина ʿАбд-Аллаха Хафиза Абру (ум. в 1430 г.). Хафиз Абру, уроженец Герата в Хорасане, был близким другом эмира Тамерлана (1370–1404), знаменитого среднеазиатского завоевателя, и официальным историком его завоеваний, а кроме того — искусным шахматистом и одним из самых образованных людей своего времени. После смерти Тимура он стал официальным историографом его сына Шахруха, государя Ирана в 1415–1447 гг.[109] Хафиз Абру известен современным исследователям как автор пространных исторических компиляций «Зайли Джамиʿ ал-таварих» и «Маджмаʿ ал-таварих». Автограф последнего сочинения, принадлежавший библиотеке Шахруха и позже попавший в Стамбул (в библиотеку Топкапы), содержит 142 знаменитые миниатюры XV в.; один или несколько списков того же сочинения также были украшены роскошными иллюстрациями[110]. Исторические труды Хафиза Абру признаются весьма достоверным источником по истории правления Тамерлана и его преемников. И это не удивительно, поскольку Хафиз Абру, вдобавок к неоспоримому писательскому таланту и вкусу к ученым штудиям, большую часть

[109] О биографии Хафиза Абру и его исторических сочинениях см.: *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. Ч. 1. М., 1972. С. 341–349; *Бартольд В.В.* Хафизи Абру и его сочинение // Al-Muzaffariya. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции. СПб., 1897. С. 1–28; *Tauer F.* Hafizi Abru sur l'historiographie // Mélanges d'orientalisme offerts à Henri Massé. Téhéran, 1963. P. 10–25; предисловие Kh. Bayani в его издании историографического труда Хафиза Абру (*Hafiz-i Abru.* Dhayl-i jamiʿ al-tawarikh-i Rashidi / Ed. Kh. Bayani. Tehran, 1317 (1939)).

[110] *Ettinghausen R.* An Illuminated Manuscript of Hafiz-i Abru in Istanbul. Part I // Kunst des Orients / Hrsg. E. Kühnel. Bd. 2. Wiesbaden, 1955. P. 30–44. Другие иллюстрации см. в: *Grube E.* Muslim Miniature Paintings. Venice, 1962. Nos. 37–40; *Lentz T.*, *Lowry G.* Timur and the Princely Vision. Los Angeles, 1989. Nos. 27–28; *Robinson B.* Persian Miniature Paintings from Collections in the British Isles. L., 1967. No. 15; Treasures of Islam / Ed. T. Falk. Geneva, 1985. No. 27; Eredità dell' Islam: Arte islamica in Italia / Ed. G. Curatola. Venezia, 1993. № 227. P. 373–375.

жизни провел при дворах иранских государей, обладая неограниченным доступом к документам тимуридских канцелярий.

В 817 г.х. (март 1414 — март 1415 г.), по повелению Шахруха, Хафиз Абру составил свою «Географию» — довольно подробное описание климатов населенной части мира, включая мусульманские и христианские области Средиземноморья, а также византийские земли[111]. Географическая характеристика нередко сопровождается более или менее обширными историческими экскурсами. Как считается, сугубо географические сведения данного сочинения восходят к более ранней мусульманской традиции, в частности к арабскому сочинению Хасана б. Ахмада Мухаллаби и персидской «Географии» Хамд-Аллаха Казвини. Вместе с тем очевидно, что Хафиз Абру значительно обогатил и расширил данные своих источников современными ему сведениями[112]. В частности, его исторический комментарий, посвященный Хорасану, признается исследователями ценнейшим источником для изучения жизни этого региона в XIV–XV вв.[113] Для целей проводимого мною исследования важно подчеркнуть, что Хафиз Абру не смог закончить «Географию», поскольку Шахрух повелел взяться за работу над другим историческим сочинением. Вернуться к этому произведению ему не удалось, его текст — иногда смутный и неоднозначный, — очевидно, требовал редактуры и доработки, на которые у автора уже не было времени. Тем не менее «География» получила высокую оценку современников, на что указывает то обстоятельство, что в мировых библиотеках сохранилось немало ее списков, большая часть из которых содержит географические карты[114].

В разделе «Описание Армянской земли и Фарангистана» (Dhikr-i diyār-i Arman wa Farangistān) в части, посвященной Армении, содержится уникальная, чрезвычайно интересная, однако не вполне прозрачная информация, касающаяся Северной Анатолии. В своем тексте Хафиз Абру традиционно подразделяет Армению на два географических ареала: Великую и Малую Армению. В Великой Армении, вслед за предшествующей мусульманской традицией, Хафиз Абру выделяет, с одной стороны, «[область] относящуюся

[111] *Hafiz-i Abru.* Jughrafiya-yi Hafiz-i Abru / Ed. Sadiq Sajjadi. Vol. 1–3. Tehran, 1997–1999.

[112] *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. 1–6. М., 1955–1960. Т. 4. С. 234–236; *Бартольд В.В.* Соч. Т. 1–9. М., 1963–1977. Т. 1. С. 104. Примеч. 7.

[113] Jughrafiya-yi Hafiz-i Abru: qismat-i rubʿ-i Khurasan, Harat / Ed. Mayil Harawi. Tehran, 1970.

[114] О картах «Географии» см.: The History of Cartography / Eds. J.B. Harley and D. Woodward. Vol. 1–2 (Parts 1–3). Chicago; L., 1987–1998. Vol. 2. P. 390–392.

к Азербайджану» (т.е. Восточную Великую Армению) и, с другой стороны, «[область] относящуюся к стране Рум» (т.е. Западную Великую Армению). Дальнейшее описание Западной Великой Армении содержит следующую весьма необычную информацию[115]:

وهمچنین آنچه متصل مملکت روم است حاکم ایشان مسلمانست و رعایا بعضی مسلمان و بعضی ارمنی باشند٠ فاما در دار الملك فرنج حاکم ایشان نیز ترساست و در میان ایشان مسلمانان باشند، اما ایشان آشکارا بر دین ترسایی باشند٠ و در زمانی که حضرت امیر صاحبقران انار الله برهانه فتح بلاد روم و شام فرموده ایلچی ایشان آمد و پیشکش و خدمات و آنچه وظیفه اذعان و انقیاد باشد بتقدیم رسانیدند٠ اما لشکر باصل دار الملک ایشان نرسید٠ و السلام علی من اتبع الهدی٠

Перевод:

«Что касается этой [части Великой Армении], примыкающей к стране Рум, их правитель является мусульманином, а его подданные частью мусульмане, а частью армяне. А во франкской столице правитель [их] также христианин. Среди них есть мусульмане, однако внешне они [исповедуют] христианскую религию. Когда его величество эмир Сахиб-Киран (т.е. Тимур. — *Р.Ш.*) (да сделает Господь ясными его доводы [в Судный день]!) соизволил покорить Рум и Сирию, прибыло их посольство, и поднесло множество даров и все то, что относится к обязательным знакам повиновения и покорности. Однако войско не дошло до самой их столицы. Благословение тем, кто следует [Божественному] водительству!»

Как мы видим, в приведенном отрывке Хафиз Абру сообщает о некоем «франкском» государстве, граничащем с Западной Великой Арменией и возглавляемом христианином. Некоторые из подданных этого государя, будучи внешне христианами, тайно исповедуют ислам — или же, другими словами, по аналогии с хорошо известным феноменом криптохристианства, могут быть определены как *криптомусульмане*.

Рассматриваемый фрагмент начинается с утверждения, что западная часть Великой Армении, граничащая со страной Рум, находится под владычеством мусульман и населена мусульманами и армянами-христианами. Это первое утверждение Хафиза Абру не представляет никаких трудностей для понимания и интерпретации. Действительно, западная часть Великой Армении в эпоху Тамерлана находилась под властью мусульманина — эмира Мутах-

[115] *Hafiz-i Abru.* Jughrafiya-yi Hafiz-i Abru. Vol. 2. P. 20.

хартана (1379–1403) и позже перешла под контроль туркменов *аккуйунлу* и *каракуйунлу*[116]. Население этого региона на самом деле было смешанным — тюркским мусульманским и армянским. Согласно армянским источникам, местное армянское население жило в мире с Мутаххартаном и туркменами *аккуйунлу*[117].

Однако, если мы двинемся дальше по тексту Хафиза Абру, возникают недоуменные вопросы: кто подразумевается под «франками», что за «франкская» столица тут упоминается и, наконец, кто же был государем криптомусульман? Мусульманские авторы, начиная по меньшей мере с XIII в., часто именовали как константинопольских, так и понтийских греков франками, а их государства — Фарангистаном, т.е. «страной франков»[118]. В другом месте «Географии» Хафиз Абру демонстрирует именно это употребление именования «франк»: «Область Армения расположена у страны Фарангистан»[119]. Несомненно, «Фарангистан» тут обозначает византийские земли. Следовательно, и в рассматриваемом отрывке о криптомусульманах «франкский» означает «византийский».

Таким образом, фрагмент, посвященный «франкской столице», следует понимать как некое отступление от основной темы повествования, так как он касается территорий, скорее всего византийских, лежащих *за пределами* Западной Великой Армении. Однако какую именно часть византийского мира, разделенного в XIV–XV вв. между владениями Палеологов и Великих Комнинов, имел в виду наш автор? Судя по всему, Хафиз Абру тут ведет речь об анатолийском христианском государстве, непосредственно граничащем с Великой Арменией. Империя Великих Комнинов со столицей в Трапезунде — единственное христианское государство на северо-западной границе этой исторической области, существовавшее во времена Хафиза Абру. Моя интерпретация также подтверждается

[116] *Shukurov R.* Between Peace and Hostility... P. 36–41; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины... С. 216, 283–291.

[117] *Sanjian A.K.* Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969. 1425:9, 1435:2, 3; *Фома Мецопский.* История Тимурланка и его преемников. Баку, 1957. С. 69.

[118] Например, понтийские греки названы «франками» у следующих авторов: Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par F.N. Uzluk. Ankara, 1952. P. 44; Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali. Tehran, 1999. P. 87 (о событиях 1214 г.); Géographie d'Aboulféda / Texte arabe publié par M. Reinaud. P., 1840. P. 393 (XIV в.); *Ibn-Bibi* (Houtsma). P. 238 (о событиях 1243 г.); *Aqsarayi*. P. 83 (о сельджукском захвате Синопа в 1265–1266 гг.), см. выше; подобные примеры см. также в: *Cahen C.* Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle // Mélanges d'histoire du Moyen Âge dediés à la mémoire de Louis Halphen. P., 1951. P. 91–101,102; *Vryonis*. Decline. P. 234. Note 550.

[119] *Hafiz-i Abru.* Jughrafiya-yi Hafiz-i Abru. Vol. 2. P. 19.

ранней мусульманской географической традицией, хорошо известной нашему автору. Так, согласно арабоязычному географу Ибн Хордадбеху (ум. 912) и анонимному автору персидской географии «Худуд ал-ʿалам» (X в.), Армения граничит с византийской (*rūmī*) провинцией Халдия (*khāldiya*)[120]. Как известно, большая часть этой бывшей провинции после 1204 г. перешла под власть Великих Комнинов, составив ядро их владений на Понте.

Далее Хафиз Абру сообщает, что «франкский» государь отправлял посольство к Тамерлану с богатыми дарами и что Тимурова армия не достигла его столицы. Оба эти сообщения хорошо объясняются тем, что мы знаем о взаимоотношениях между эмиром Тимуром и Великими Комнинами. Согласно хорошо известному письму Тимура к византийскому императору Иоанну VII Палеологу и ряду восточных источников, в апреле или мае 1402 г., в самом начале своей кампании против османского султана Байазида I (1389–1402), Тимур стоял лагерем около Эрзинджана, примерно в 50 км от трапезундской границы. Возможно, что в предшествующий период, в 1400–1402 гг., император Мануил III Великий Комнин (1390–1417) (так же как его союзники Иоанн VII Палеолог и эрзинджанский эмир Мутаххартан), формально признав верховенство Тимура, одновременно вел с Байазидом I секретные переговоры, направленные против чагатайского завоевателя. Я уже высказывал предположение, что около 1400 г. Байазид I в награду за поддержку вернул Мануилу III важный порт Керасунт, потерянный греками в 1396–1397 гг. Интриги Великого Комнина, по всей видимости, вызвали гнев Тимура, который направил против Трапезунда войска и потребовал от императора подтвердить свою лояльность. Хотя сама его столица так и не была атакована чагатайским воинством, Мануил III был вынужден лично посетить ставку Тимура и каким-то образом убедить эмира в своей верности. В качестве ее подтверждения трапезундский император обещал снабдить среднеазиатского завоевателя 20 боевыми кораблями[121].

---

[120] *Ibn Khordadhbeh.* Kitab al-masalik wa'l-mamalik (Liber viarum et regnorum), et excerpta e Kitab al-kharadj, auctore Kodama ibn Djaʿfar / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. P. 108 (см. также русский перевод с комментариями и дополнительной библиографией: *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. и коммент. Н. Велиханова. Баку, 1986. С. 100); Ḥudūd-al-ʿĀlam: "The Regions of the World", a Persian Geography, 372 A.H. — 982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky, with the preface by V. V. Barthold († 1930) translated from Russian. L., 1937 (2nd ed.: L., 1970). Fl. 37.

[121] Письмо Тимура к Иоанну VII Палеологу (точнее, его латинский перевод) издавалось и комментировалось много раз; об этом письме и о взаимоотношениях между Трапезундом и Тимуром см.: *Sanuto M.* Vitae Ducum Venetorum // Rerum Italicarum scriptores / Ed. L. Muratori. T. XXII. Milano, 1733. P. 797–798; *Bryer A.* Shipping in

Вероятно, именно это посольство и подразумевается в исследуемом пассаже Хафиза Абру[122]. Следовательно, можно предположить, что Хафиз Абру в рассматриваемом отрывке подразумевал Трапезундскую империю, а его замечание о мусульманах, «внешне исповедующих христианскую религию», касается подданных Великих Комнинов, населения византийского Понта.

Таким образом, мы имеем в своем распоряжении уникальное, пусть и весьма краткое, свидетельство о существовании общины *криптомусульман* на византийской территории, а именно, как я предполагаю, на византийском Понте. Выше уже упоминалось, что Хафиз Абру зарекомендовал себя как весьма надежный и правдивый информатор, имевший доступ к государственной документации и лучшим историографическим произведениям своей эпохи. Вместе с тем обсуждаемая информация, насколько я знаю, уникальна для всего корпуса известных источников по истории Анатолии того времени — как мусульманских (персидских, арабских, тюркских), так и христианских (византийских, армянских, грузинских, западноевропейских). По моим сведениям, ни один другой автор или документ не указывает на существование групп тайных мусульман на христианских территориях Восточного Средиземноморья. В этой связи возникает вопрос: как нам следует оценивать это сообщение Хафиза Абру? Является ли оно ошибкой автора, редакторской погрешностью или же, действительно, уникальным свидетельством особенностей социоконфессиональной жизни Анатолии, не отраженных у других авторов? Есть ли основания доверять известию Хафиза Абру, или, иными словами, может

---

the Empire of Trebizond // Mariner's Mirror. 1966. Vol. 52. P. 5; *Fallmerayer J.* Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827. S. 227–228; *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne de Timur en Anatolie (1402). Bucureşti, 1942. P. 123–124; *Janssens.* Trébizonde. P. 124–125; *Brion M.* Tamerlan. P., 1963. P. 44; *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 72. Сводку сведений о восточной политике Трапезунда в эту эпоху с некоторыми новыми данными см. в: *Шукуров Р.М.* Великие Комнины... С. 260–292.

[122] Можно было бы растолковать пассаж о «франкском посольстве» также и как указание на палеологовское посольство к Тимуру осенью 1402 г., заставшее эмира в Алтунташе около Эфеса (*Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne... P. 86, 132; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981. S. 66–67; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. Bd. 5. München, 1965. S. 74, № 3199; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины... С. 283–284 и примеч. 77–78; ср.: *Schreiner.* Kleinchroniken. Bd. 2. S. 371–373). Это посольство вызвало живой интерес у персидских историков того времени, и, несомненно, о нем было хорошо известно Хафизу Абру (*Шукуров Р.М.* Великие Комнины... С. 283–284). Однако сам контекст исследуемого отрывка «Географии», и в особенности наиболее вероятная понтийская локализация «франкской столицы», заставляет предпочесть трапезундскую параллель.

ли это сообщение быть подтверждено или опровергнуто другими известными сведениями о христианско-мусульманских отношениях в Анатолии того периода?

Намеки на существование в Византии криптомусульман обнаруживаются в византийских источниках разного времени. Вероятно, одним из самых ранних прецедентов такого рода является фигура печально известного кувикулярия Самоны, фаворита императора Льва VI (886–912). Как считали византийские авторы, этот человек, хоть и занимал высшие посты в византийской чиновной иерархии, оставался тайным мусульманином[123]. Менее известный случай описан у Константина VII Багрянородного (913–959), который выдвигал те же обвинения против протоспафария Хасе, выходца с Востока, приближенного императора Александра (912–913). Константин VII определяет Хасе как «происходящего из рода сарацин, сарацином оставшегося и по мыслям, и по образу жизни, и по исповеданию»[124]. Нет сомнений, что и кувикулярий Самона, и протоспафарий Хасе хотя бы внешне исповедовали христианство; иначе они не могли бы занимать высшие должности при дворе. Другими словами, они — одни из первых криптомусульман в византийской истории[125]. В гл. V описан еще один пример подобного явления: крещеный тюрок ʿАлишер вернулся на время к прежней вере, но затем покаялся и вновь обратился в христианство.

Таким образом, криптомусульманство не являлось для социального пространства Византии чем-то совершенно невообразимым; следы его можно обнаружить в источниках. Однако, что интересно, сведения Хафиза Абру указывают не столько на индивидов, сколько на относительно большую группу мусульманских иммигрантов — возможно, единую не только в религиозном, но и в этническом плане. Вероятно, эти христиане-неофиты появились в маргинальных зонах Трапезундской империи, где гражданская и церковная

[123] См., например: *Jenkins R.J.H.* The Flight of Samonas // Speculum. 1948. Vol. 23 (2). P. 217–235; *Canard M.* Deux épisodes des relations diplomatiques arabo-byzantines au Xe siècle // Bulletin des Études Orientales Institut français de Damas. 1949–1950. T. 13. P. 51–69.

[124] *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. English translation by R.J.H. Jenkins. New, rev. ed. Washington, 1967. 50.202–203; рус. пер.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 231.

[125] Подобный пример отмечался также Н. Икономидисом для XII в. со ссылкой на «Данишманд-наме», где греческий исследователь обнаруживает указания на присутствие криптомусульман (*Oikonomidès N.* Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium // RN. 6e série. 1983. T. 25. P. 195–196).

власти были относительно слабы. На протяжении всей истории империи азиатские иммигранты активно проникали в Мацуку, расположенную в труднодоступной горной местности, несмотря на то что это был наиболее укрепленный и защищенный регион империи. Наличие тюрков могло быть еще более существенным в лимитрофных долинах на юго-западе и юго-востоке Мацуки. Эти зоны социально и культурно были схожи с юго-западными равнинами между Керасунтом и Трапезундом, заселенными кочевыми туркменами *чепни*, *аккуйунлу*, *духарлу* и *боздоган*, часть из которых приняли подданство императора.

Как показывают источники цивильного и канонического права, византийская юридическая система не оставляла иноверцам-переселенцам выбора в вопросе их конфессиональной идентичности. Мусульманство как таковое отсутствовало в византийском правовом поле (подробнее см. выше, гл. I). Отсутствие альтернативы, очевидная негибкость юридической системы по отношению к исламу неизбежно должны были вести либо к быстрой христианизации пришельцев, либо к формированию тех или иных форм религиозного синкретизма (блестяще описанных Ф. Хаслуком), либо же к неизбежному появлению таких недавно обращенных христиан, которые исповедовали прежнюю веру тайно. Весьма вероятно, что именно последняя группа тюрков-неофитов подразумевалась Хафизом Абру[126]. Таким образом, именно широкое обращение греков к тюркскому человеческому ресурсу, а также негибкость византийского цивильного и канонического права могли привести к появлению групп криптомусульман, о которых сообщается в «Географии». Трудно сказать, насколько распространенным и долговременным было состояние криптомусульманства для той или иной группы. Возможно, это было лишь промежуточное состояние недавно прибывших иммигрантов, пока еще не интегрированных полностью в византийское общество. Очевидно другое: для поздневизантийской ситуации это состояние для более или менее больших групп переселенцев становится полной неизбежностью. С криптомусульманством трапезундское государство могло бороться только традиционными методами рассеяния иммигрантов. Однако ни территориальные, ни демографические условия не по-

---

[126] Подробнее см.: *Шукуров Р.М.* Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 6. М., 2005. С. 214–233; *Shukurov R.* The Crypto-Muslims of Anatolia // Archaeology, Anthropology and Heritage in the Balkans and Anatolia: The Life and Times of F.W. Hasluck, 1878–1920 / Ed. D. Shankland. Vol. 1–3. Istanbul, 2004–2013. Vol. 2. P. 135–158.

зволяли делать это. Коль скоро переселенцы-мусульмане продолжали сохраняться как группа, появление криптомусульманства становилось неизбежным.

7. Пути проникновения варваров в трапезундское общество

Этническая диффузия в Северо-Восточной Анатолии, несомненно, была направлена в обе стороны от тюрко-трапезундской границы. В восточных источниках содержатся прямые упоминания о рабах-греках, происходивших из понтийских и соседних с ними областей. Так, на рубеже XIII–XIV вв. Рашид ал-Дин, великий визирь Ильханов, просил своего сына Джалала, пребывавшего тогда в Сивасе, прислать в Тебриз сорок румийских (т.е. греческих) рабов и рабынь[127]. Чобанидские правители Шайх Хасан и Малик Ашраф, некоторое время прожившие в понтийском Кара-Хисаре, привели с собою в Тебриз значительное число рабов-румийцев, об одном из которых сказано, что он происходил из Джаника[128]. В 1389 г. сивасский султан подарил эмиру Синопа и Кастамону «румийских рабов»[129]. Встречались греки и среди мамлюков Египта, куда рабы доставлялись, в частности, через Сивас[130]. Вполне вероятно, что в перечисленных случаях под «греческими рабами» подразумевались преимущественно подданные Трапезундской империи, захваченные в результате тюркских набегов. Ведь греки, жившие на мусульманских территориях — скажем, в Великой Армении и Каппадокии, находились под «покровительством» мусульманских государей и по шариату не могли быть обращены в рабство. В этой связи можно вспомнить свидетельства Вазелонских актов XIII и первой половины XIV в. о пленении тюрками греков, жителей Мацуки[131]. Конечно, доля трапезундцев в общем числе невольников на азиатских рынках вряд ли была высокой, но очевидно, что и они попадали в плен и обращались в рабство.

С другой стороны, мы находим много меньше прямых указаний на пути проникновения тюрков и представителей других восточных народов и племен на территорию Трапезундской империи.

[127] *Рашид ад-Дин*. Переписка. С. 120.

[128] *Абу Бакр Кутби ал-Ахари.* Тарихи Шейх Увейс / Введ., пер. и коммент. М. Кязимова и В. Пириева. Баку, 1984. С. 123, 124.

[129] *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi*. Bazm-u razm. P. 389.

[130] *Popper W.* Egypt and Syria under the Circassian Sultans, 1382–1468 AD. Berkeley; Los Angeles, 1957. P. 13.

[131] *Шукуров Р.М.* Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 1. М., 1991. С. 243.

В первую очередь остановимся на самом простом случае: одним из важнейших источников притока варваров являлись войны с соседями, кочевыми и оседлыми тюрками, в ходе которых трапезундцы добывали пленных. Хроника Панарета содержит следующие упоминания об этом:

1340 г.: греки напали на тюрков-амитиотов и «взяли многую добычу», которая включала в себя, по-видимому, и пленных;

1355 г.: греки «захватили добычу, схватили и взяли в плен [тюрков]»;

1361 г.: «мацукиты же… убили до двухсот тюрков, еще больше захватили»;

1380 г.: император Алексей III (1349–1390), напав на тюрков *чепни*, «разграбил шатры их, убивал, жег и брал их в плен»[132].

Вероятно, в последнем из перечисленных случаев, в котором речь идет о разорении тюркского кочевья, жертвами трапезундского плена оказались не только и не столько воины *чепни*, сколько их женщины и дети. О пленении греками врагов сообщают и Иоанн Лазаропул для 1223 г., и Виссарион в своем «Похвальном слове Трапезунду». О пленниках-мусульманах в «высокогорных [областях] Рума» (т.е., скорее всего, на трапезундском Понте) упоминает Рашид ал-Дин[133]. Разумеется, никакие военные действия — а они велись греками в XIII–XIV вв. почти непрерывно — не могут обойтись без пленения врагов. Масштабы операций имели весьма ограниченный характер: в известных нам греко-тюркских вооруженных столкновениях, как правило, с каждой стороны участвовало не более нескольких сотен человек[134]. Пленных, поэтому, вряд ли было настолько много, чтобы сколько-нибудь значительно повлиять на этническую ситуацию на Понте. Наиболее логичная судьба пленного — быть обращенным в рабство. Об обращении врагов в невольников сохранились сведения в нарративных источниках: «καὶ ψυχὰς αὐτῶν δουλούμενοι καὶ τὰ σώματα» («души их порабощая и тела») — находим мы у Виссариона в одном из описаний греко-мусульманского противоборства[135]; «…καὶ ὅσοι ᾐχμαλωτίσθησαν ὑπὸ Ῥωμαίων καὶ εἰς δούλους ὑπήχθησαν» («…и все они римлянами пленены были и в рабов обращены»), — писал Лазаропул о трапезундско-тюркской войне 1230 г.[136] Существование рабства в империи

[132] *Panaretos*. P. 65, 71, 73, 79.

[133] *Lazaropoulos*. Vers. 1566–1567; *Bessarion*. Σ. 68.15–17; *Рашид ад-Дин*. Переписка. С. 307–308.

[134] *Карпов*. История. С. 153; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 60.

[135] *Bessarion*. Σ. 68.15–17.

[136] *Lazaropoulos*. Vers. 1566–1567.

не подлежит сомнению, однако те немногие документы, которые сообщают о рабах в Трапезунде и из Трапезунда, умалчивают о невольниках-анатолийцах[137]. Рабов в христианском плену крестили и нарекали православным именем[138], поэтому вероятно, что часть христианизированных восточных антропонимов из приведенного в разд. 1 списка могла относиться к этим бывшим невольникам. Не исключено также, что военнопленные обретали парический статус и что к их числу принадлежали некоторые парики, имена которых попали в мой список.

Другим источником проникновения варваров в греческую среду, по-видимому, являлись тюркские военные формирования на службе у трапезундцев. Такие отряды упоминаются в составе войска Алексея III Андреем Ливадином в его «Периигисе»[139]. Ливадин называет их ξύμμαχοι μισθοφόροι βάρβαροι. Скорее всего, это были туркмены племени *аккуйунлу*. Самостоятельные союзы с окрестными тюрками заключали, вероятно, трапезундская местная знать и некоторые провинциальные города. В то же время сохранились данные о тюркском влиянии на внешний облик трапезундского воинства[140]. Клавихо заметил, что «греки вооружаются луками и шпагами и другим оружием, как турки, и так же ездят верхом»[141]. Напомним также о заимствовании трапезундцами титулов χουρτζῆς (по всей видимости, около середины XIII в.) и ἀμυρτζαντάριος (по крайней мере к первой половине XIV в.) и соответствующих «стратиотских» именований χουρτζιριῶται и ἀμυ(ρ)τζανταράνται. Очевидно, что восточные влияния и термины проникали в трапезундскую армию, в частности (а может быть, и по преимуществу), через посредство тех варваров, которые находились на службе у трапезундцев в качестве наемников или союзников. В связи с этим отмечу также наличие в моем списке нескольких имен, которые происходят от слов, так или иначе связанных с военным делом: Ἀμιρούτζης, Ἀμυρτζαίνα, Καλκανᾶς.

Другой источник притока варваров с Востока на Понт — это международная торговля. Причиной похода сельджуков на Трапезунд в 1205/1206 г. была жалоба мусульманских купцов на чинимые имперскими властями препятствия в торговле. Анонимный

[137] См., например: *Карпов С.П.* Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV — начало XV в.) // ВО. 1982. С. 191–207; *Он же.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 35. Примеч. 148; *Bryer.* Estates. P. 388.

[138] *Карпов С.П.* Венецианская работорговля в Трапезунде… С. 201.

[139] *Libadenos*. P. 74.26–30, 82.3–8.

[140] *Bryer.* Greeks. P. 140.

[141] *Клавихо Р. Гонзалес де.* Дневник путешествия… С. 122.

иранский географ начала XIII в. и арабский географ XIV в. ал-ʿУмари отмечали, что через Трапезунд проходил важнейший для анатолийских мусульман торговый путь в Крым и в кыпчакские степи[142]. Как показала Э. Захариаду, в XIV в. внешняя политика государств данного региона во многом определялась их стремлением обезопасить торговлю и установить контроль над караванными путями[143]. Возможно, именно торговцам-чужеземцам обязаны своим появлением в греческих документах некоторые из «ремесленных» имен моего списка, что уже отмечалось выше. Кроме того, упомянутые выше крупные собственники — обладатели нехристианизированных имен (Ἀμυρτζαίνα и Σαχμελίκης) вполне могут оказаться мусульманскими торговцами.

Нельзя, наконец, не упомянуть и тех, наверное, немногих выходцев из мусульманских государств, которые поселялись в Трапезундской империи по воле случая. Так, одно краткое и смутное замечание Никифора Григоры может указывать на поселение в империи неких «персидских» астрологов. Григора говорит о каких-то предсказательных «письмах» (γραφαί), которые пришли в палеологовскую Византию от неких итальянцев и «персидских иммигрантов» (Περσῶν ἀποσπάδες), пребывавших в Трапезунде. Пророчества, которые вызвали возмущение Григоры своим «ненаучным» содержанием, вероятно, были получены в Византии примерно в 1329–1330 гг.[144] Если учесть интерес трапезундских интеллектуалов к астрологии и влияние в то время на них тебризской научной школы, гостеприимство Трапезунда по отношению к иранским мудрецам-предсказателям не покажется странным[145].

Великие Комнины создали в своих отношениях с мусульманским окружением ряд уникальных прецедентов, вошедших в явственное противоречие с классической византийской традицией. В первую

142 ʿАджаʾиб ад-Дунйа (Чудеса мира) / Крит. текст, пер. с перс., введение, коммент. и указатели Л.П. Смирновой. М., 1993. С. 24, 26–27; Al-Umaris Bericht über Anatolien… S. 53; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 90–91.

143 *Zachariadou E.* Trebizond… P. 352–357.

144 *Greg.* T. I. P. 447.5–7; *Nikephoros Gregoras.* Rhomäische Geschichte / Übers., erläut. J.L. van Dieten. Bd. 1–6. Stuttgart, 1973–2007. Bd. 2/2. S. 323 (Anm. 295); неточный пересказ этого отрывка: *Chrysanthos.* Ηεκκλησία Τραπεζούντος // ΑΠ. 1933. Τ. 4/5. Σ. 358.

145 *Vogel K.* Byzantine Science // The Cambridge Medieval History / Eds. J.M. Hussey, D.M. Nicol, G. Cowan. 2nd ed. Vol. 1–8. Cambridge, 1967. Vol. 4/2. P. 277–278; *Mercier R.* An Almanac for Trebizond for the Year 1336. Louvain-la-Neuve, 1994; *Tihon A.* Tables islamiques à Byzance // Byzantion. 1990. T. 60. P. 401–425; *Eadem*. Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle // Byzantion. 1987. T. 57. P. 473, 477–479, 481–482, 484 (n. 67); *Pingree D.* Gregory Chioniades and Palaeologan Astronomy // DOP. 1964. Vol. 18. P. 133–160.

очередь это касается принципов матримониальной политики правящего дома империи, прямо связанных с базовой концепцией римской универсальной державы. Вопреки давней византийской традиции, Великие Комнины широко использовали во внешнеполитической борьбе династийные матримониальные связи не только с султанами, но и с малозначительными эмирами мусульманского окружения Понта. Восемь царевен из дома Великих Комнинов вышли замуж за мусульман, а жена императора Иоанна IV (1429–1458) была дочерью «турка», т.е., вероятно, османского султана Мехмеда I или Мурада II[146].

Эти факты однозначно указывают на особенную, пусть даже вынужденную, терпимость Великих Комнинов по отношению к иноверцам и иноверчеству. В этой связи отмечу попавшие в мой список имена Τζαμᾶς и Τζαμιώτης. Если они действительно происходят от *cami* «мечеть», то появляются основания предполагать, что по крайней мере уже к 60–80-м гг. XIV в. на территории Трапезундской империи стояли мечети. Хотя, конечно, само по себе наличие мусульманских храмов на византийской территории вряд ли могло показаться необычным и исключительным прецедентом: мечети стояли и в Константинополе[147].

Приложение
Жены Алексея II Великого Комнина (1297–1330)

По всей видимости, матерью братьев Μιχαὴλ Ἀζαχουτλοῦ и Γεώργιος Ἀχπουγᾶς и их сестры Ἄννα Ἀναχουτλοῦ (№ 1, 11, 6 моего списка), детей Алексея II, была упоминаемая Панаретом дочь князя Самцхе Беки Жакели[148]. Вероятно, именно от нее они и получили свои монгольские по происхождению прозвища (см. выше)[149]. Весомым подтверждением наличия картвельских корней у этих персон является политическая карьера Анны Анахутлу: в 1341 г. она нарушила монашеский обет (τὴν μοναδικὴν ἀποβαλομένη στολήν) и бежала в Лазию, а 17 июля того же года, опираясь на лазское войско, захватила власть в Трапезунде и провозгласила себя василис-

[146] *Pero Tafur.* Travels and Adventures (1439–1453) / Transl. and ed. with an introd. by M. Letts. L., 1926. P. 131. О матримониальных союзах Великих Комнинов с мусульманами см.: *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 370.

[147] *Reinert S.W.* The Muslim Presence in Constantinople, 9th–15th Centuries: Some Preliminary Observations // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 125–150.

[148] *Panaretos.* P. 63.11; подробнее о событиях, связанных с обсуждаемыми тут и ниже сюжетами, см.: *Карпов.* История. С. 172–175.

[149] *Panaretos*. P. 64.9–10, комментарии издателя: p. 117–118, 123.

сой. Нет сомнений также, что Анна в этих событиях в полной мере эксплуатировала свое картвельское происхождение, сначала утвердив свою власть в Лазии (ἀπῆλθεν εἰς τὴν Λαζίαν καὶ ἐκράτησεν αὐτήν), а лишь затем в Трапезунде. И в дальнейшем в ходе внутриполитической борьбы она опиралась на лазское войско[150]. Отмечу, что столь существенное вмешательство местных лазов, живших в восточных частях страны, во внутреннюю борьбу в Трапезунде было беспрецедентным для всей истории империи.

Интересно, что у Алексея II было еще по меньшей мере трое детей: Андроник, Василий и Евдокия, носившие аристократические византийские имена и не имевшие никаких «восточных» прозвищ. Михаил и Георгий обозначены у Панарета как δύο αὐταδέλφους Андроника. Αὐτάδελφος обозначало кровное родство, однако, вопреки своей этимологии (← δελφύς «утроба, матка»), не обязательно несло смысл единоутробного родства. Предположение о том, что Андроник, Михаил, Георгий и Анна родились от разных матерей, высказывалось еще О. Лампсидисом. Однако допущение О. Лампсидиса, что прозвища Михаила, Георгия и Анны были на самом деле фамильными именами их матерей и, следовательно, у Алексея II было по крайней мере еще две жены — Азахутлу и Ахпуга, представляется надуманным, в особенности потому, что оба прозвища — скорее мужские. Я предложил бы другое решение проблемы. Андроник, Василий и Евдокия происходили от одной матери, другой жены Алексея II, вероятно гречанки.

Так заставляют думать следующие обстоятельства. Во-первых, Андроник, став императором в 1330 г. (известен как Андроник III), убил только двух братьев — Михаила Азахутлу и Георгия Ахпугу, оставив в живых Василия. К 1332 г. Василий оказался в Константинополе, хотя остаются неизвестными причины его нахождения там — был ли он выслан братом или уехал сам[151]. При этом Анна Анахутлу, единоутробная сестра Михаила и Георгия, вероятно, в это же самое время в 1330 г. была отправлена в монастырь[152]. В источниках не содержится ни намека на то, что другая сестра Андроника, Евдокия, каким-либо образом пострадала в этот период; вероятно, для нее, как и для ее брата Василия, воцарение Андроника III не имело чрезмерно негативных последствий[153]. Наиболее

[150] *Panaretos.* P. 66.10–16, 24–23.
[151] Ibid. P. 64.17–18.
[152] Ibid. P. 66.12.
[153] Ibid. P. 72.15–17. После 1345 г. Евдокия была выдана замуж за влиятельного на Черном море синопского эмира ʿАдил-бека б. Сулаймана (1345–1361): *Карпов.* История. С. 384; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины… С. 224–226.

логичное объяснение этому — Михаил и Георгий были сводными братьями Андроника III, происходившими от другой матери; а если они (или кто-то из них) были еще и старше его, то могли представлять серьезную угрозу для легитимности нового василевса.

Во-вторых, имя самого Андроника принадлежит к гаймическим императорским именам (как и имя его сына Мануила, который правил в 1332 г.)[154]. Следовательно, Андроник предназначался к наследованию своим отцом Алексеем II, в то время как его сводные братья Михаил и Георгий носили обычные, негаймические, неимператорские имена и к наследованию не предназначались. Исходя из этих двух обстоятельств, можно предположить, что Андроник, Василий и Евдокия происходили от одной матери, которая была, вероятно, гречанкой, а трое детей с монгольскими прозвищами — от другой, вероятно грузинки. На гречанке василевс Алексей II мог жениться позже (после смерти грузинской супруги или развода с ней?), или же она могла быть его любовницей (что случалось в Великокомниновском доме)[155].

Следовательно, отношение Андроника III к разным группам своих братьев и сестер лучше всего объяснить различием в степенях родства. Сводные братья были им казнены, а сводная сестра пострижена в монахини, что равносильно политической смерти. Анна попыталась в 1341 г. «воскреснуть» как политик, но вскоре поплатилась за это жизнью. В противоположность этому, единоутробные брат и сестра были пощажены Андроником III, пережили его и активно участвовали в политике.

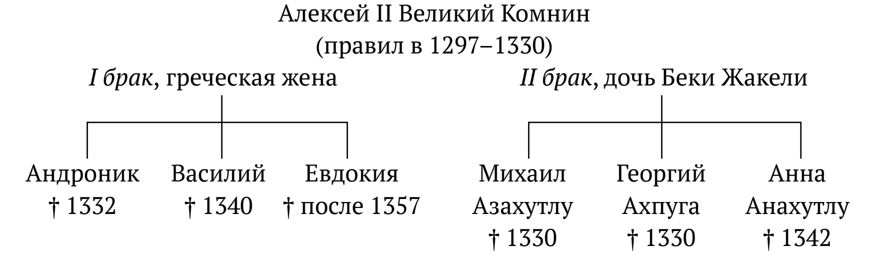

Рис. 7.3. Потомки Алексея II

[154] *Shukurov R.* AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // BMGS. 1995. Vol. 19. P. 161–181.

[155] Кстати говоря, именно у Василия (император в 1332–1340) — сына Алексея II — была любовница Ирина из Трапезунда, в пользу которой он развелся со своей первой женой — Ириной Палеологиной: *Карпов.* История. С. 173.

Глава VIII

СЛОВА, ВЕЩИ, ЛЮДИ

Предпринимаемый ниже анализ нацелен на выявление тех элементов в византийской ментальности, которые генетически были связаны с миром Востока. Сначала, выделив значимые восточные заимствования в среднегреческом, я попытаюсь ввести их в предельно широкий социальный, антропологический и культурный контекст поздневизантийской эпохи. Очевидно, что искомые ориентальные элементы в языке византийцев того времени зафиксированы исключительно в письменных текстах. Поэтому на пути к главной цели данного исследования следует сделать одно отступление, связанное с природой всякого текста, и в особенности византийского.

Мысль человека прошлых эпох предстает перед исследователем в виде совокупности текстуальных объектов (а также объектов текстуализированных — предметов искусства, археологических и иных материальных артефактов), подлежащих интерпретации. Эти объекты — посредники между реальностями исторического человека и историка, последний, в свою очередь, строит на их основе новый текст, свое собственное повествование. Однако очевидно, что тексты, которые исследователь использует в качестве источника для реконструкции исторического сознания, отнюдь не являются непосредственным и точным слепком породившего их разума, между ними всегда существует зазор. Текст обладает отдельным от сознания бытием, собственными содержанием и структурой, наконец, собственной судьбой. Он, несомненно, несет в себе некую весть о творившей его ментальности, но он не в состоянии охватить всю действительную глубину, многослойность, изменчивость и противоречивость живого сознания. Текст — всегда очищенное, упорядоченное, усеченное и измененное сознание; письменный источник — не только ключ к исторической ментальности, но и завеса, скрывающая ее. Исследователь, ретекстуализируя источник, преодолевает содержательную лапидарность текста, его языковую, формальную и прочую ограниченность. Обрисованная тут проблема, хорошо известная историкам культуры, в нашем случае наиболее ярко воплощается в дихотомии книжного и разговорного языков. Диглоссия (не путать с двуязычием), особенно значимая для византийской языковой ситуации, может превратиться в трудно-

преодолимое препятствие для воссоздания тех реалий (речевых, ментальных, социальных, бытовых), которые целенаправленно не отражались в тексте источника и без которых современный ему образ ойкумены остается неполным. Таким образом, поставленная в этой главе задача шире, чем простое выявление и каталогизация неких языковых явлений, характерных для письменных источников. Отвечая на основной вопрос главы, нам параллельно придется хотя бы отчасти разобраться в том, насколько «мир текстов» совпадал или пересекался с миром создавшего его сознания, насколько прямо и адекватно исследуемые тексты отражали мысли и речь своих создателей, насколько тщательно они камуфлировали и видоизменяли те аспекты актуального содержания сознания, которые авторы, по тем или иным причинам, не склонны были «выплескивать» в текст.

1. Византийская диглоссия

В византийском мире в рамках *диглоссии* сосуществовали средневизантийский литературный язык (в основе которого лежал аттический греческий) и так называемый народный, или разговорный, язык (который лег в основу новогреческой *димотики*). Общевизантийский вариант классического языка использовался в канцеляриях и церемониале императорского и патриаршего двора, а также в высокой литературе, в то время как основная масса населения разговаривала на диалектах греческого, все более удалявшихся от аттической нормы. При этом следует иметь в виду, что деловой и литературный язык использовался не только письменно, он имел и устное хождение, по крайней мере в официальной сфере. На это указывает тот факт, что на классическом языке составлены все дошедшие до нас речи, произнесенные по поводу официальных церемоний, как прозаические, так и стихотворные. Значительное влияние аттического языка на письменность для поздневизантийского времени обусловливалось несколькими тесно связанными друг с другом обстоятельствами. Во-первых, его официальным статусом как государственного языка. Во-вторых, его культурным статусом как языка высокой словесности. В-третьих, устойчивой образовательной традицией, воздействие которой испытывало все грамотное население византийского мира. Книжную языковую систему, таким образом, можно охарактеризовать как вторичную, ибо она усваивалась искусственным путем в зрелом возрасте, в отличие от разговорного языка, впитываемого, так сказать, с молоком матери.

Разговорный язык восходил к греческому «общему языку» (κοινή), но уже к средневизантийскому периоду обиходный язык жителей империи отличался как от языка высокой словесности, так и от койне, причем это отличие со временем только нарастало. Мы знаем о разговорном языке не так много: первые пространные тексты, отразившие его нормы, относятся лишь к XII в., если не считать некоторых более ранних, отрывочных его образцов, восходящих к VI–XI вв. Аттикизирующие тенденции в письменном языке продолжали сохранять свою влиятельность вплоть до турецкого завоевания. Смысл диглоссийного механизма заключался в сознательной очистке языка литературных текстов от разговорных форм. Элементы живой речи считались неуместными в письменном тексте и, как правило, избегались авторами, иногда умышленно, а иногда и в результате подсознательной самоцензуры[1].

Описанная парадигма, которая хорошо известна исследователям, приложима в полной мере как к западновизантийскому ареалу, так и к греческому Понту. Вместе с тем в последнем случае можно заметить признаки некоторого упадка (общего для окраин византийского мира) классической школьной традиции в сравнении со столичной культурой Константинополя. В этом отношении интересно, что лучшие образцы понтийской литературы, сравнимые по аттической изощренности языка с текстами столичных интеллектуалов, чаще принадлежали перу тех, кто прошел константинопольскую грамматическую школу (как, например, Андрей Ливадин — прототавулярий и хартофилак Трапезундской митрополии, а позже придворный энкомиаст: он родился в Константи-

[1] Одна из обобщающих работ, адекватно обрисовывающих проблему: *Toufexis N.* Diglossia and register variation in Medieval Greek // BMGS. 2008. Vol. 32. P. 203–217. См. также: *Kriaras E.* Diglossie des derniers siècles de Byzance // XIIIe Congrès international des études byzantines: Actes. Oxford, 1967. P. 283–299; *Idem.* Bilinguismo degli ultimi secoli di Bisanzio: nascita della letteratura neoellenica // Bollettino del Centro di Studi di Filologia e Linguistica Siciliana. 1970. T. 11. P. 1–27; *Mirambel A.* Η διγλωσσία των τελευταίων αιώνων του Βυζαντίου αρχή της νεοελληνικής λογοτεχνίας // Παρνασσός. 1966. T. 8/3. Σ. 466–472; *Idem.* Diglossie des derniers siècles de Byzance // XIIIe Congrès international des études byzantines: Actes. P. 309–313; *Browning R.* The Language of Byzantine Literature // The "Past" in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1978. P. 103–134; *Dagron G.* Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état // Revue historique. 1964. T. 241. P. 23–56; *Horrocks G.* Greek: A History of the Language and its Speakers. L.; N.Y., 1997. P. 129–290 (Section II); Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text / Eds. J.N. Adams, M. Janse, S. Swain. Oxford, 2002; *Petrounias E.* The Modern Greek Language and Diglossia // The "Past" in Medieval and Modern Greek Culture. P. 193–220. Ср. со сходной проблематикой соотношения церковнославянского и древнерусского языков: *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 5.

нополе, а в 1330-х гг. осел в Трапезунде[2]). Литературный язык местных писателей, которые, скорее всего, получали образование в самом Трапезунде, чаще безыскусен и нередко (как в случае Михаила Панарета — официального историографа Великих Комнинов) выходит за рамки аттической нормы. Очевидно, что грамматическая школа Трапезунда, равно как и общий культурный уровень столицы Великих Комнинов, уступала Константинополю и не всегда могла обеспечить должную глубину классического образования. Не следует, однако, и преувеличивать культурный разрыв между константинопольской и трапезундской системами образования. При дворе Великих Комнинов определенно не могли появиться историографические тексты вроде «Морейской хроники» (XIV в.), «Хроники Токко» (первая треть XV в.) или «Кипрской хроники» Леонтия Махеры (XV в.)[3], написанные на разговорных диалектах византийской провинции. Подобные образчики ранней новогреческой литературы появились, в частности, при дворах чужеземцев-латинян в Морее и на Кипре, как знак разрыва с византийской имперской традицией. На Понте, напротив, этикет императорской власти предполагал сохранение господства классического языка как государственного. В конце концов, по-видимому, именно из трапезундской грамматической школы вышел выдающийся интеллектуал Георгий Амируци[4].

Со временем в структуре общевизантийской диглоссии соотношение между главными элементами перераспределялось, меняясь в сторону постепенной легитимизации разговорных форм, расширения сферы их письменного применения. В качестве решающего этапа этой трансформации исследователи выделяют XIII в., когда в образованном классе Византии — главном хранителе культурной традиции — складывается достаточно широкий слой, ориентированный на новые языковые и литературные нормы, все далее отступающие от классического стандарта[5].

В регистре высокой словесности соотношение между языком текста и повседневной речью его творца в общих чертах нам ясно: автор и переписчик воспроизводили тот язык, который в повсе-

[2] О Ливадине см.: *Карпов*. История. С. 461–463.

[3] *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 157–161. См. также специальное исследование по «Морейской хронике»: *Shawcross T.* The Chronicle of Morea. Historiography in Crusader Greece. Oxford, 2009.

[4] Биографию Амируци см. в: *Карпов*. История. С. 467–472.

[5] Взвешенное обсуждение проблем преломления базовой диглоссии в структуре жанров поздневизантийской литературы см., например, в: *Trapp E.* Learned and Vernacular Literature in Byzantium: Dichotomy or Symbiosis? // DOP. 1993. Vol. 47. P. 115–129.

дневности они сами уже не употребляли. Последнее не могло в конце концов не привести к неточностям и огрехам (орфографическим, грамматическим), которые исследователи находят даже в продукции имперской канцелярии и в других текстах, формально относимых к высокой словесности[6]. Но факт остается фактом: аттический язык оставался идеальным образцом; другой вопрос — насколько удачно в каждом конкретном случае этот образец удавалось воспроизвести. Вместе с тем для поздневизантийского времени мы имеем в своем распоряжении целый ряд текстов низкого культурного статуса, которые принадлежали перу малообразованных людей, предназначались для среднего слоя византийцев (как, например, так называемая народная литература) или же создавались для утилитарных целей (как, например, актовый материал); лишь эти тексты в определенной степени отражают реалии живой речи. Простая констатация наличия диглоссии в византийском языковом пространстве недостаточна и, по сути, мало объясняет ту многослойную речевую реальность, которая скрывалась за языковыми типами сохранившихся письменных источников. Между двумя полярными компонентами диглоссии (письменным аттическим и разговорным языками) существовала промежуточная градация письменных и, вероятно, стоявших за ними устных вариантов языка, к носителям которых принадлежала большая часть грамотных византийцев[7].

Диглоссийная цензура сохранялась в большей или меньшей мере в письменных текстах любого уровня. Если исходить из того, что реакция византийского сознания на взаимодействие с *чужим* (приходящим или с Востока, или с Севера, или с Запада) зафикси-

---

[6] Чрезмерно широкое употребление диалектных варваризмов в публичных актах, исходивших от официальных учреждений, было явлением достаточно нетипичным. Приведем один из красноречивых примеров — судебный прецедент, рассматривавшийся в Константинополе в XIII в. «Варварским» был назван «неправильный» (т.е., вероятно, засоренный низкими формами) язык одного из публичных актов, который якобы исходил из канцелярии местной администрации, однако был разоблачен как подделка константинопольским судом. Причем судебная экспертиза использовала языковую нестандартность акта как одно из решающих доказательств его подложности. Судебное разбирательство выявило и автора подделки: им был глубокий старец, деревенский житель (*Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988. С. 202–203).

[7] О множественности «регистров» среднегреческого языка, несводимой к дихотомии «*высокий* и *низкий* язык», см.: *Toufexis N.* Diglossia... P. 210, 213–215. Ср. также с наглядными рассуждениями известного американского лингвиста Э. Сепира о диалекте в связи с развитием языка (*Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. Главы «Язык как продукт истории: тенденция развития (дрейф) языка», «Диалект», с. 138–172, 216–222).

рована в первую очередь в разговорном языке, а неологизмы-варваризмы отсеивались в письменных текстах, то следует признать, что диглоссия становится серьезным препятствием на пути к восстановлению тех языковых реалий, которые эксплицитно не отражены в письменных источниках и без которых образ прошлого остается неполным. Основная методологическая проблема состоит в том, что мы вряд ли можем полностью реконструировать особенности разговорного греческого, базируясь на сохранившейся византийской литературной продукции, большая часть которой писалась на том или ином варианте литературного языка. Диглоссийные механизмы не только блокировали проникновение в какой бы то ни было письменный текст разговорного диалекта *как целостной языковой системы*, но и исполняли функции своеобразного фильтра, задерживавшего широко использовавшиеся в устной речи варваризмы — т.е. все языковые элементы, выходящие за рамки общепризнанной нормы. Хотя в текстах бытового характера эти фильтрационные функции по упоминавшимся причинам задействованы слабее, однако и там сохраняются их следы.

Таким образом, не следует ждать от сохранившихся письменных источников сколько-нибудь адекватного отражения тех изменений и сдвигов, которые, по моей гипотезе, претерпевала византийская ментальность. Я попытаюсь уловить эти гипотетические трансформации самосознания византийцев в понимании ими «другого» скорее через невольные проговорки письменных текстов, которые, как я надеюсь, сложатся в единую картину.

2. Восточные заимствования

Византийский письменный язык претерпевал еще одну знаменательную трансформацию, усугублявшую разрыв с традицией. В XII–XIII вв. происходило не только разрушение традиционного равновесия и перераспределение функций между двумя дополняющими друг друга элементами диглоссии, но и все более масштабное «внешнее» вторжение иноязычных элементов, чуждых византийскому культурно-лингвистическому пространству. Разговорный язык, выйдя за определенные ему традицией рамки и надломив пуристический иммунитет аттической нормы, вероятно, открыл тем самым дверь для элементов иных культурно-лингвистических пространств — как западного, так и восточного.

Особенно активно проникали варваризмы в наиболее «незащищенную» область книжной речи — лексику. В течение веков бо-

гатейший лексический фонд классического языка использовался как неисчерпаемый источник для включения в византийскую культурно-лингвистическую сферу *новых смыслов*, возникавших в результате контактов с внешним миром. Византийцы избегали неологизмов и лексических заимствований извне, географическая, этническая номенклатура, реалии чужеземного социального и культурного быта нередко (но не всегда) именовались в терминах классической науки (историографии, этнографии, географии и т.д.). Этот известный феномен исследователи обычно именуют «архаизацией» современных автору реалий (см. об этом гл. I). Тем не менее византийские авторы не могли избежать употребления иноязычных слов в качестве «технической терминологии». Подобная лексика составляла необходимый жанровый элемент сочинений историографического, этнографического и географического характера, которые ориентировались на точное описание уникального прецедента (исторического факта, чужой земли, народа) и потому на значимые для повествования иноязычные «специальные» термины. Именно она придавала такого рода текстам, предназначенным (среди прочих) для политиков, военных и торговцев, присущую им достоверность и функциональность. Накопление с течением времени в исторической памяти византийцев этих прецедентов, привносивших все новые и новые «варваризмы», являлось одним из факторов перманентного изменения нормативного языка, его лексического «дрейфа», хотя его иммунные механизмы, о которых говорилось выше, совершенно явственно пытались этот лексический «дрейф» замедлить.

Восточная терминология присутствует практически во всех типах византийских текстов. Эта техническая терминология состоит из новых слов, обозначавших сугубо восточные объекты, например реалии мусульманской политической жизни (σουλτάν, μαλίκης, ἀμηρᾶς и ἀμηρεύω, σάχ и т.д.), социальные и экономические понятия (μουσούριον, μουτερίζης, σούμπασις, σεϊτίδες, ζύχης, χαζηνᾶς, χαράτζιον, χότζιας и т.д.), религиозные термины (μασγήδιον, χατζῆς, χαλιφᾶς), топонимы мусульманского мира (Ἄξαρα, Ἀλλαγία, Μουσούλης, Χατάϊα и т.д.), имена мусульманских исторических деятелей (Μωάμεθ, Ἀλίς, Ὀθμάνος и т.д.). Эти слова, обозначающие предметы, чуждые византийской жизни, не имели независимого существования и свободного хождения в греческом языковом пространстве. Они либо использовались в довольно узком кругу византийских интеллектуалов, либо всегда сохраняли иностранное звучание и не рассматривались как относящиеся к собственно византийскому культурному

пространству. Некоторая часть этих слов тщательно анализировалась исследователями[8]. Я исключаю эти группы заимствований из настоящего исследования, поскольку данные технические термины вряд ли можно рассматривать как свидетельство восточного влияния на византийскую культуру. Еще одна группа технических слов, исключенных из моего исследования, состоит из научной терминологии, воспринятой с Востока византийскими учеными — астрологами, алхимиками, врачами и т.д. Эти заимствования, по моему убеждению, должны быть исследованы в рамках истории средневековой науки. Заимствования в научной терминологии отражают уровень и содержание информационного обмена между Византией и мусульманским Востоком в области науки, однако, как и в предыдущем случае, они использовались в узких интеллектуальных кругах.

Между тем существовал и другой разряд иноязычных слов, много более глубоко внедрявшихся в греческое культурное пространство. Во многих сферах жизни встречаются восточные слова, которые были полностью освоены византийцами и потеряли свои первоначальные иностранные коннотации. Византийцы использовали их, не задумываясь об их происхождении. Корпус таких лексических элементов из восточных языков, вошедших в среднегреческий только в XII–XV вв., по моим подсчетам, составляет более полутора сотен слов.

Обычно считается, что тюркское языковое влияние на греческий язык началось после падения Константинополя в 1453 г. и крушения Византийской империи. Например, Джеффри Хоррокс, автор монографии «Греческий: история языка и его носителей»[9], возможно одного из лучших общих очерков истории греческого языка, привязывает начало тюркского языкового влияния на греческий ко времени Туркократии. Это утверждение, разделяемое историками языка, как будет показано ниже, отнюдь не является бесспорным. Ниже я приведу примеры восточных заимствований, воспринятых византийцами в последние 400 лет существования империи и до османского завоевания, то есть до того момента, когда европейские и анатолийские византийцы потеряли свою политическую независимость и культурную самостоятельность. По-

---

[8] *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 1–2; *Hartmann R.* Zur Wiedergabe türkischer Namen und Wörter in den byzantinischen Quellen. B., 1952. S. 1–12.

[9] *Horrocks G.* Greek: A History of the Language… Chapter 14. Эта периодизация истории греческого языка имеет давнюю историю — см., например: *Buturas A.* Ein Kapitel der historischen Grammatik der griechischen Sprache. Leipzig, 1910. S. 96–100.

явление тюрков-сельджуков на границах Византийской империи в сер. XI в. и последовавшее вскоре их вторжение в византийскую Анатолию, которое привело к возникновению тюркских государств в Малой Азии, стали важной вехой в истории взаимоотношений между Византией и Востоком. Восток обосновался внутри самого византийского пространства. Как я постараюсь показать, политические изменения вызвали глубокие культурные трансформации, сделавшие византийское пространство еще более открытым и восприимчивым к воздействиям с Востока.

Действительно, водворение османской власти в Константинополе в 1453 г. и в Трапезунде в 1461 г. открыло путь для потока турецких слов, хлынувших как в литературный, так и в разговорный греческий. По моему убеждению, тюркские языковые влияния в эпоху Туркократии следует анализировать отдельно от ранних заимствований, в тесной связи с конкретными социальными и культурными процессами в греческом обществе в условиях османского господства. По этой причине из моего исследования безусловно исключены поздние заимствования, начиная с середины XV в.

Также из исследования исключены восточные заимствования, встречавшиеся в итальянском и кипрском греческом языке начиная с XII в. Эти диалекты формировались в специфических условиях, и их судьба отличается от развития языка в «центральных» частях византийского мира: в империях Ласкаридов, Палеологов и Великих Комнинов. Например, итальянский греческий заимствовал множество арабизмов, которые так никогда и не вошли в другие диалекты[10]. Однако в моем исследовании итальянский и кипрский материал может привлекаться для сравнения.

И еще одно предварительное замечание: в данном исследовании рассматриваются языковые заимствования скорее с точки зрения социальной истории, чем лингвистики и филологии. Я постараюсь поместить их в широкий контекст византийской повседневной жизни, рассматривая лексический материал как след определенных социокультурных изменений, вызванных встречей Византии и Востока. Сказанное, однако, не отменяет необходимости давать максимально корректные и подробные этимологии для обсуждаемых восточных заимствований, что ниже мной и делается. Это тем более необходимо, что в современной византийской лексикологии этимология восточных заимствований остается, пожалуй, наименее исследованным сегментом.

[10] *Caracausi G.* Arabismi medievali di Sicilia. Palermo, 1983.

Большая часть слов, обсужденных ниже, содержится в стандартных словарях среднегреческого: «Glossarium» Дюканжа, незавершенном лексиконе Э. Траппа, также незавершенном словаре Э. Криараса и «Byzantinoturcica» Д. Моравчика[11]. Если упоминаемое слово отсутствует в этих словарях, то даются необходимые ссылки на соответствующие источники.

Особый случай представляют собою средневековые многоязычные словари, включающие в себя греческую лексику. Наиболее важен среди них «Слова в языках: арабском, персидском, тюркском, греческом» («Asmā al-lughāt bi-l-ʿarabiyya bi-l-fārsiyya bi-l-turkiyya bi-l-yūnāniyya»), который пока остается неизданным[12]. «Слова» — это четырехъязычный лексикон, который в четырех колонках содержит арабскую, персидскую, тюркскую и греческую лексику. Греческая часть словаря включает ряд восточных заимствований. Словарь был завершен 18 января 1439 г. (2 *шаʿбана* 842 г.х.) и отражает состояние греческого языка в последние десятилетия существования Византии[13]. Подобный словарь, так называемый «Расулидский гексаглот», составленный во второй половине XIV в., издавался Питером Голденом, который также подробно описал греческую часть словаря в отдельной монографии[14]. В обоих этих словарях греческие слова и выражения записаны арабицей, снабженной в большинстве случаев огласовками. Составители обоих лексиконов записывали греческие слова и выражения на слух. Существуют также славяно-греческие словари, содержащие некоторую информацию, полезную для настоящего исследования[15].

---

[11] *Du Cange*. Glossarium; LBG; *Kriaras*. Λεξικό; *Moravcsik*. Byzantinoturcica.

[12] Asmā al-lughāt bi-l-ʿarabiyya bi-l-fārsiyya bi-l-turkiyya wa bi-l-yūnāniyya. BnF. Supplément persan 939. Fol. 23–65; *Richard F.* Catalogue des manuscrits persans. T. II: Le Supplément persan 1 à 1000. Roma, 2009. № 939/II. См. также старый каталог Э. Блоше, содержащий дополнительную информацию о рукописи, не повторенную у Ф. Ришара: *Blochet E.* Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque nationale. T. 1–4. P., 1905–1934. T. 4. № 2139/2.

[13] *Шукуров Р.М.* Восточные заимствования в среднегреческом по рукописи BnF, Supplément persan 939 // ВВ. 2013. Т. 72. С. 178–186.

[14] The King's Dictionary: The Rasūlid Hexaglot — Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Ed. P.B. Golden, tr. T. Halasi-Kun, P.B. Golden, L. Ligeti, and E. Schütz. Leiden, 2000; *Golden P.B.* Byzantine Greek Elements in the Rasulid Hexaglot // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1985 [1987]. Vol. 5. P. 41–166.

[15] *Никольский Н.К.* Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI века. СПб., 1896. Этот русско-греческий словарь был переиздан: *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinsiches Gesprachbuch. Beiträge zur Erforschung der Älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922. См. также: Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächslehrbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache / Beiträgen von T. Berger, Chr. Correll, G.S. Henrich und W. Lehfeldt. Köln; Wien, 1989.

С точки зрения семантики восточные лексические заимствования, которые вошли в среднегреческий и обслуживали реалии внутренней византийской жизни, могут быть условно разделены на следующие группы: 1) экзотические товары; 2) животные и птицы; 3) торговая терминология; 4) государственная и военная терминология. По этим разрядам восточные заимствования и будут рассмотрены ниже.

3. Восточный текстиль

Восточный текстиль всегда высоко ценился в Византии, был распространен среди всех слоев общества и импортировался в империю из Ирана еще с ранневизантийского времени. В средневизантийский период, судя по «Книге эпарха», восточные ткани поставлялись в Константинополь преимущественно из Сирии. В Константинополе X в. строгий регламент в торговле с иностранцами предписывал лишь *прандиопратам* покупать ткани и одежды у купцов с мусульманского Востока. Источник упоминает много разновидностей восточных тканей, поставляемых на константинопольский рынок[16]. В поздневизантийское время поток текстильного импорта с Востока не иссякал, а, может быть, напротив, усилился из-за значительного сокращения собственного производства эксклюзивных тканей[17]. На поздневизантийском рынке появляется несколько новых типов восточного текстиля, которые будут обсуждаться ниже. Заморские ткани, как правило, именовались в поздневизантийском мире своими оригинальными названиями, пришедшими из персидского, арабского и тюркского языков.

Καμουχᾶς, χαμουχᾶς «парча, атлас, камка» ← перс. کمخا *kamkhā* → осм. *kemha*. Парча — тяжелый и дорогой материал с шелковой основой, затканный золотыми или серебряными нитями, — во все времена была показателем богатства и высокого положения в социальной иерархии[18]. Согласно Г. Дёрферу, иранцы заимствовали

[16] Das Eparchenbuch Leons des Weisen / Einführ., Ed., Übersetz. und Indices J. Koder. Wien, 1991. 5.1–5 (S. 94–96); Византийская книга эпарха / Вступ. статья, пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962. Гл. V.

[17] О ближневосточном и византийском шелкоткачестве см.: *Muthesius A.* Studies in Byzantine and Islamic Silk Weaving. L., 1995.

[18] О шелке в Византии см.: *Jacoby D.* Silk crosses the Mediterranean // Le vie del Mediterraneo: idee, uomini, oggetti (secoli XI–XVI). Genova, 1997. P. 55–79; *Idem.* Silk Economics and Cross-Cultural Artistic Interaction: Byzantium, the Muslim World, and the Christian West // DOP. 2004. Vol. 58. P. 197–240. О технологиях производства восточных тканей см.: *Сазонова Н.В.* Мир сефевидских тканей. XVI–XVII века. М., 2004. С. 42–73, о *kamkhā*/καμουχᾶς — с. 51–52.

слово *kamkhā* из китайского (*gĭmhuā*, имевшее то же значение); его самые ранние упоминания в восточных источниках датируются IX в.[19] Первое появление этого слова в византийском греческом, насколько мне известно, зафиксировано в торговых записках 1355–1357 гг.[20] Сильвестр Сиропул использовал его греческую производную καμουχέϊνος во второй трети XV в.[21] Καμουχᾶς часто упоминается в повествовании Сфранзи[22], а также в поздневизантийских народных романах[23]. Этот вид ткани был довольно хорошо известен в XIV–XV вв. в Балканском и Черноморском регионах: производные от греческого слова καμουχᾶς встречаются в болгарском (*камуха*), румынском (*camoha*), венгерском (*kamuka*)[24]. На латинском Западе καμουχᾶς появилось в виде *camaca*, *camoca*, *cammocca* и т.д. по крайней мере начиная с XIV в.[25] Слово до сих пор существует в греческом языке в форме καμουχάς[26].

Еще один тип дорогой шелковой ткани — **κυλιχάρτιον** ← монг. *qoli xuartai* — упоминается только в одном трапезундском документе (хрисовуле Алексея III Великого Комнина венецианцам от 1364 г.)[27]. Д. Теодоридис определяет κυλιχάρτιον как «украшенную цветочным узором (или узорчатую) шелковую ткань, превосходного качества»[28]. Использование для ткани монгольского именования является дополнительным свидетельством как исключительного влияния Ильханов на Трапезундскую империю, так и тесных торговых связей между Тебризом и Трапезундом (см. гл. VII).

Византийцы знали и другие привозные ткани, в частности **μαχαγιάρη** «мухояр»[29] ← тюрк. и перс. مخیر *mukhayyar* ← араб., буквально «избранный, отобранный» (плотная бумажная ткань с шелком или

[19] *Dörfer.* Türkische. Bd. 3. S. 602–606. № 1644.
[20] *Schreiner.* Texte. S. 87 (3/105).
[21] *Syropoulos*. Les Mémoires. P. 240.30, 388.12.
[22] *Sphran.* P. 28.10, 28.22, 58.2.
[23] *Du Cange.* Glossarium. Col. 564.
[24] *Dörfer.* Türkische. Bd. 3. S. 605–606.
[25] См.: *Caracausi G.* Arabismi medievali… P. 152–153; *Latham R.E.* Revised Medieval Latin Word-List from British and Irish Sources. Oxford, 1983. P. 64.
[26] *Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 143.
[27] *Zakythinos D.* Le chrysobulle d'Alexis III Comnène empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. P., 1932. P. 33.99.
[28] *Theodoridis D.* ΚΥΛΙΧΑΡΤΙΑ: ein mongolischer Stoffname chinesischen Ursprungs // JÖB. 2002. Bd. 52. S. 249–257, в особенности S. 256: «geblümter (oder gemusterter) Seidenstoff guter, spannkräftiger Qualität».
[29] *Schreiner.* Texte. S. 219 [34/17]; *Beldiceanu-Steinherr I.* Review: Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana / Hrsg. P. Schreiner. Città del Vaticano, 1991 // Turcica. 1994. T. 26. P. 379.

шерстью, ср.: рус. *мухояр* ← перс.[30]). Слово впервые встречается в финансовых заметках первой половины XV в., принадлежавших некоему греку, возможно критянину. В современном греческом существует омонимичное название для другого типа текстиля — производное из фр. или англ. μοχαίρ ← *mohair* (→ совр. рус. *мохер*), обозначающее ткань из ангорской шерсти.

Еще одна привозная ткань — **τζόχα, τζώχα** «сукно» ← перс. چوقه / چوخه *jūqa/jūkha*; ср.: осм. *cuha* ← перс.[31] Слово это встречается в середине XIV в. в финансовых заметках (τζόχα и τζώχα) и славянско-греческом разговорнике[32]. В XV в. оно упоминалось Сильвестром Сиропулом в форме τζοχαί[33]. В современном греческом оно присутствует в форме τσόχα с тем же значением.

С Востока в Византию шел не только роскошный текстиль: поставлялись ткани и подешевле, такие как **τζόλιν**. Это слово обозначало «волосяную ткань, дерюгу, рогожу» или вообще «грубую ткань»[34] ← тюрк., осм. چول *çul*[35]. Впервые τζόλιν зафиксировано в византийской письменности в 1294–1301 гг. Слово (следовательно, и сама ткань) было широко распространено на Балканах. В частности, на болгарском (*чул*) оно обозначало «Sackleinwand Decke»[36]. Как представляется, это значение было наиболее близким к среднегреческому τζόλιν. Τζόλιν упоминается в типике Феодоры Палеологины для константинопольского монастыря Липса. Э.-М. Тольбот, переводчик типика, поняла τζόλια δύο καὶ κάπαν μίαν как «two shifts and one cape»[37], хотя, как это видно из общего смысла отрывка, более точный перевод τζόλιν — «дерюжная рубаха», т.е. дешевая рубаха из грубой ткани, вероятно льна или конопли (пеньки). По распоряжению Феодоры Палеологины по «две рубахи τζόλιν и накидку», наряду с определенным количеством пищи, следовало выдавать каждой из 12 пациенток больницы при монасты-

[30] Ср.: *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 80 (*мухояръ*).

[31] Ср.: *Dörfer.* Türkische. Bd. 3. S. 110–114, № 1133.

[32] *Schreiner.* Texte. S. 84ff. (3/53ff.), 109 (4/17), 113 (4/64), 314 (82/11), 317 (82/63), 318 (82/74); *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprachbuch. S. 55. В византийской письменности слово впервые фиксируется в XII в. (см.: TLG).

[33] *Syropoulos.* Les Mémoires. P. 216.16, 324.16.

[34] *Delehaye H.* Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues. Bruxelles, 1921. P. 134.16.

[35] *Redhouse* 1997. P. 262; *Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 387.

[36] *Miklosich.* Die Türkischen. Bd. XXXIV–XXXV. S. 279.

[37] Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Eds. J. Thomas, A.C. Hero, G. Constable. Vol. 1–5. Washington, 2000. Vol. 5. P. 1281.

ре[38]. Слово до сих пор существует в новогреческом в форме τσόλι и τσούλι «холст, дерюга»[39].

Интересное слово из данной группы содержится в «Словах»: **ζιλίν**[40] «покров, покрывало, постилка» ← осм. زيلو *zîlî* (*zîlü*)[41] ← перс.; Деххуда отмечает, что это хлопчатая ткань[42]. В доступных мне греческих словарях это слово отсутствует. Оно имеет много значений как в персидских, так и в турецких словарях, отражающих его употребление в различных географических ареалах и в разные эпохи. Однако его семантическое наполнение в данном конкретном случае, вероятно, наиболее ясно отражено в персидском определении, присутствующем в «Словах»: букв. «ткань для покрывания» (جامه گُستردنى). Возможно, как отмечается в нескольких словарях, текстура этой ткани представляла собой квадраты, наподобие шахматной доски.

4. Одежда и домашняя утварь

Другая значительная группа слов связана с элементами костюма, пришедшими с Востока. Весьма любопытно, что византийцы особенно любили восточную обувь и заимствовали целый ряд слов, связанных с ней. Слова, обозначавшие восточную обувь, они заимствовали по крайней мере начиная со средневизантийского периода. Старым заимствованием является **μουζάκιον** «сапоги», ставшее одним из базовых терминов для разных видов обуви[43]. Однако μουζάκιον будет более подробно обсуждено ниже.

Παπούτζιον, παπούτζιν «обувь» ← тюрк. *pabuç* ← перс. پاپوش *pāpūsh*. Насколько мне известно, слово вошло в греческий самое позднее в XII в. и обнаруживается у Иоанна Цеца в «Scholia in Aristophanem»[44]. В последующие века оно стало довольно распространенным и встречается в разных жанрах византийской литературы, несомненно превратившись в стандартное обозначение обуви во-

---

[38] О византийских больницах вообще и в частности о госпитале при константинопольском монастыре Липса см.: *Timothy S.M.* The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimore (MD); L., 1997. P. 137, 146, 155, 161, 187, 193, 197, 200–204, 214.

[39] *Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 386, 387.

[40] Asmā. Fol. 49.

[41] TS. S.v. *zili*; *Redhouse* 1921. P. 1023.

[42] *Dehkhodâ.* Loghatnâme. S.v. زيلو.

[43] LBG. S. 1046–1047.

[44] Tzetzae commentarii in Aristophanem / Ed. W.J.W. Koster. Groningen, 1962. Scholia in Aristophanem, 4.3, ver. 166.

обще[45]. На общеизвестность этого слова также указывает тот факт, что оно существовало как личное имя (прозвище) на Понте, где в 1431 г. некий Αγάπης Παπούτζης составил один из актов Вазелонского монастыря Св. Иоанна Крестителя в Мацуке[46].

Τζαρούκιν (тип дешевой обуви) ← тюрк. چاروق *çaruq*[47]; ср.: осм. *çarık* «род сандалий». Впервые это слово встречается у Птохопродрома (XII в.)[48]. Г. Айденайер рассматривает присутствие тюркизма τζαρούκιν в поэме как указание на ее редактирование в XIV в.[49] Однако, как видно из многочисленных примеров, тут обсуждаемых, греческий в XII в. отнюдь не был закрыт для восточных, и в частности тюркских, заимствований. Очевидно, что тюркское происхождение слова τζαρούκιν само по себе не может быть достаточным основанием для выводов о более поздних интерполяциях. Следовательно, у нас нет оснований сомневаться в том, что слово вошло в греческий язык уже в конце XII в. Слово присутствует в новогреческом в форме τσαρούχι «грубая крестьянская обувь»[50].

В качестве общего понятия для обуви также использовалось **πασουμάκιν** «обувь, туфли» ← осм. بشمق / پشمق *başmak*, *paşmak*[51]. В современном греческом πασουμάκι и πασούμι обозначает «вид женских туфель»[52], в «Словах» πασουμάκιν как эквивалент османского *başmak* и персидского كفش *kafsh* предстает общим понятием для различных типов обуви.

Помимо обуви, в поздневизантийское время в византийский быт вошло несколько предметов женской одежды. Это, например, **γιούππα** «женская длинная юбка» (XII в.) ← араб. جبه *jubba*, ср.: рус.

[45] См., например, для 1324 г. типик монастыря Св. Иоанна Крестителя: *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. P., 1955. P. 170.13 (англ. пер. и коммент.: Byzantine Monastic Foundation Documents. P. 1600). Для середины XIV в. см.: *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 181.20, 228.15. Для употребления в XV в. см.: *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprachbuch. S. 56.

[46] AV. № 137. См. также гл. VII, разд. 1, № 41.

[47] *Dörfer*. Türkische. Bd. 3. S. 23–25, 24–25 (см. заимствования этого слова другими языками, включая славянские на Балканах и в Восточной Европе, армянский и румынский).

[48] *Eideneier H.* Ptochoprodromos. Einfrühung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar. Köln, 1991. S. 143 (IV.76).

[49] Ibid. S. 38–39.

[50] *Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 383.

[51] Asmā. Fol. 54. Один из вариантов этого тюркского слова византийцы ранее заимствовали как специальный военный термин: σαγματοπασμαγάδιον, в котором πασμαγάδιον ← тюрк. *başmak* (*Constantine Porphyrogenitus*. Three Treatises on Imperial Military Expeditions / Ed. J. Haldon. Wien, 1990. Text C: 119–120, p. 100–102/101–103). Благодарю Джона Холдона, указавшего мне на это слово.

[52] *Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 269; *Demetrakos*. Σ. 5578.

юбка[53]. Слово впервые встречается в 1191 г. в южноитальянском греческом[54]. В XII–XIII вв. оно распространилось на Балканах, проникнув в местный греческий, болгарский, сербский, албанский[55]. В XII в. оно встречается в тексте Феофилакта Охридского в форме γουβίον[56].

Еще один предмет женского костюма — **μοχλόβιν, μαχλάμιν** «шерстяной покров с вышивкой» (XIV в.)[57] ← араб. مقرمة *miqrama* или مقرم *miqram*, ср.: осм. *makrama* и *mahrama* «плат, платок, салфетка и т.д.». Этот платок упоминается в эпосе «Дигенис Акрит» в одном из древнейших его списков — гроттаферратском (XIV в.)[58].

«Слова» содержат и тюркское заимствование для дорогих меховых шуб — **σαμούριν** «соболиная шуба» ← осм. سمور *samur* «соболь, соболиный мех»[59]. Оно обозначало не только соболиный мех, поскольку этот термин содержится в статье «Слов», посвященной одежде. Кроме того, оно переведено на тюркский как كيش *giyş* «меховая шуба» (редкое *giyş* я обнаружил только у В. Радлова)[60]. В современном греческом слово присутствует в форме σαμούρι со значением «куница, соболь»[61].

Особый случай представляют близкие по написанию, но различные по значению именования для головного убора **ζαρκολᾶς** и **ζαρκουλᾶς**, встречающиеся у Дуки в середине XV в. Этот автор, зная тюркский, употребил в своей «Истории» целый ряд восточных заимствований, а также привел весьма ценные свидетельства об отношении греков к иностранным словам в своем языке. Дука описывает ζαρκολᾶς как типичный османский головной убор: «Их (т.е. янычаров. — *Р.Ш.*) отличительным знаком является головной убор, который в просторечном языке римляне называют ζαρκολᾶς. Все турки, как правило, носят этот головной убор. Однако если простолюдины и знатные носят головной убор красного цвета, то инородцы, которые попали в иго рабства и записаны как рабы правителя, носят бело-желтый головной убор, сделанный из белейшего

---

[53] LBG. S. 318, 327.

[54] *Caracausi G.* Arabismi… P. 258–261.

[55] *Miklosich.* Die Türkischen. S. 291 (*dzubbet*).

[56] PG. T. 125. Col. 1012, 1112 (Pseudo-Oecumenius // PG. T. 118. Col. 249A).

[57] Digenes Akrites (Mavrogordato). IV.220; Digenes Akrites (Trapp). VII.3615. О сохранившихся рукописях эпоса см.: Digenes Akrites. Synoptische… S. 46–47. См. также полезный сборник исследований эпоса: Digenes Akrites. New Approaches to Byzantine Heroic Poetry / Eds. R. Beaton and D. Ricks. L., 1993.

[58] Ср. также: Digenes Akrites (Mavrogordato). P. 79.

[59] Asmā. Fol. 54v; LBG. S. 1526.

[60] *Радлов*. Т. 2. С. 1552.

[61] *Kriaras.* Λεξικό. S.v. μακρινός, ολόμαυρος.

войлока, полусферической формы, который облегает голову, возвышаясь над макушкой на пядь и сужаясь кверху»[62].

Ζαρκολᾶς включает в себя легко узнаваемое общее персидское именование для головного убора كلاه *kulāh* (осм. *külâh*) в его эллинизированной форме κολᾶς, которая, вероятно, является искаженным изначальным κουλᾶς (см. также ниже ζαρκουλᾶς). Что касается элемента ζαρ-, то его интерпретация представляет тут определенные трудности. Видимо, это искаженная форма перс. *zīr* (*zēr*) «под», и поэтому гипотетический источник мог бы выглядеть как زیرکلاه **zīrkulāh* (букв. «нижняя шляпа»), подразумевавший войлочную шляпу (или, скорее, колпак, кепку), которую носили под другими головными уборами. *Zīrkulāh*, первоначально персидское слово, не встречается в известных мне персидских и османских словарях, однако его существование в Средневековье весьма вероятно, ибо оно построено в полном согласии со стандартной моделью персидского словообразования: زیرپوش *zīrpūsh* «нижнее белье», زیرپیچ *zīrpīch* «небольшой нижний тюрбан, который носили под большим тюрбаном», زیرجامه *zīrjāma* «нижняя одежда» и др. Следовательно, ζαρκολᾶς — это «головной убор, надеваемый под другие головные уборы». Распространенность этого слова в нетурецком языковом пространстве подтверждается латинскими документами. Леонард из Хиоса, доминиканец, свидетель падения Константинополя, вероятно, имел в виду именно его, когда сообщал о «pileum theucrale, quod zarchula vocant» в своем рассказе о богохульном осмеянии янычарами Распятия[63]. Тот же тип головного убора, возможно, имеется в виду у Николо Барбаро, который упоминает «capeli bianchi» в качестве отличительного элемента янычарского костюма и, подобно Дуке, сравнивает эти «белые шапки» с красным головным убором *азапов*[64]. В середине XV в. ζαρκολᾶς/*zarchula*, типичный эле-

---

[62] *Ducas*. XXIII.9 (p. 179.19–26): «Τὸ γνωριστικὸν δὲ σημείωμα τούτων τὸ τῆς κεφαλῆς κάλυμμα, ὃ κατὰ τὴν κοινὴν γλῶτταν Ῥωμαῖοι ζαρκολᾶν λέγουσι· καὶ γὰρ κοινῇ πάντες Τοῦρκοι τὸ αὐτὸ χρῶντες ὡς κεφαλῆς περιβόλαιον, οἱ μὲν πάντες, ὅσοι ἐξ ἰδιωτῶν καὶ ἐξ εὐγενῶν τυγχάνουσι, κοκκινοβαφὲς τοῦτο χρῶνται, ὅσοι δὲ τῶν ἀλλογενῶν τῷ τῆς δουλείας ὑπέπεσον ζυγῷ γραφέντες δοῦλοι τοῦ ἀρχηγοῦ, οὗτοι λευκόχροα φοροῦσι τὰ τῆς κεφαλῆς περιβόλαια ἐκ πίλου λευκοτάτου, ἡμισφαιρές, ὅσον χωρεῖν κεφαλή, ἔχον περιττεῦον ἄνωθεν τῆς κορυφῆς, ὅσον καὶ σπιθαμῆς εἰς ὀξὺ καταλῆγον». См. также: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 129.

[63] *Pertusi A*. La caduta di Costantinopoli. T. 1: Le testimonianze dei contemporanei. Verona, 1976. P. 166.484; *Leonardus Chiensis Mitylenaeus Archiepiscopus*. Notitia // PG. T. 159. Col. 942.

[64] *Cornet E*. Giornale dell'assedio de Costantinopoli 1453 di Nicolò Barbaro P.V. corredato di note e documenti. Vienna, 1856. P. 27; *Pertusi A*. La caduta di Costantinopoli… T. 1. P. 17.299. Дж. Джонс переводит «capeli bianchi» как «white turbans», что представляется ошибочным: *Nicolo Barbaro*. Diary of the Siege of Constantinople, 1453 / Ed. J.R. Jones. N.Y., 1969. P. 36.

мент одежды османов, приобрел широкое распространение в соседних с Османским султанатом регионах, обозначающее его слово вошло в разговорный язык как местных греков, так и западноевропейцев.

Ζαρκολᾶς/zīrkulāh не следует путать с ζαρκουλᾶς, упомянутым в другом отрывке Дуки. Слова звучат похоже, но происходят из разных источников и имеют разное семантическое наполнение. Дука следующим образом описывает «коммунистические» идеи турецких «еретиков» — последователей Бёрклюджи Мустафы: «Тогда последователи Бёрклюджи Мустафы (а это было его именем), подтверждая свое почтение к этому ложному монаху и расхваливая его как более великого, чем Пророк, провозгласили, что не следует покрывать голову шляпой, которую они называют ζαρκουλᾶς, но что надо идти по жизни облаченным в один хитон и с непокрытой головой, придерживаясь скорее христианских [верований], а не турецких»[65]. События, связанные с Бёрклюджи Мустафой, хорошо известны и много раз комментировались, в том числе и в отечественной литературе[66]. Я не буду касаться идеологического смысла проповеди Бёрклюджи Мустафы, как он передан Дукой, но сосредоточусь на толковании неясного тут ζαρκουλᾶς, довольно противоречиво понимавшегося исследователями. В отечественной литературе, еще начиная с А.С. Степанова, сложилась традиция понимать ζαρκουλᾶς как войлочный головной убор[67]. Источник этого толкования прозрачен: в словах «шляпа, которую они называют ζαρκουλᾶς» «шляпа» передана греческим словом πῖλος, в древности оно обозначало войлок, но в Средневековье могло относиться

[65] *Ducas*. XXI. 12 (p. 151.25–29): «Τότε οἱ τοῦ Περκλητζία Μουσταφᾶ, οὕτω γὰρ ἐκαλεῖτο, τὴν αὐτῶν ὑπόληψιν ἐν τῷ ψευδαββᾷ στερεώσαντες καὶ ὑπέρτερον προφήτου τοῦτον ὑμνήσαντες, ἐξέθεντο δόγμα τοῦ μὴ ἐνδύεσθαι τὴν κεφαλὴν πῖλον, ὃ καλοῦσι ζαρκουλᾶν, ἀλλὰ ζῆν μονοχίτωνα καὶ ἀσκεπῆ βίον καὶ προστίθεσθαι πλέον χριστιανοῖς ἢ Τούρκοις».

[66] См., например, блестящее исследование: *Тверитинова А.С.* К вопросу об изучении первого антифеодального восстания в средневековой Турции // ВВ. 1956. Т. 11. С. 200–224. См. также: *Zhukov K.* Börklüce Mustafa, was he another Mazdak? // Syncrétismes et heresies dans l'Orient seldjoukide et ottoman (XIVe–XVIIIe siècle) / Éd. G. Veinstein. P., 2005. P. 119–127; *Balivet M.* Islam mystique et révolution armée dans les Balkans Ottomans. Vie du Cheikh Bedreddîn le «Hallâj des Turcs» (1358/59–1416). Istanbul, 1995 (см., в частности, библиографию).

[67] *Степанов А.С.* Труд Дуки как источник по истории восстания Берклиджи Мустафы // ВВ. 1952. Т. 5. С. 102: «...ни в коем случае не надевать на голову войлока, который (они) называют заркуланом...»; *Красавина С.К.* Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы // Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980. С. 41: «...никогда в жизни не надевать войлочный головной убор, который зовется заркулан...». Это понимание принято, например, в: *Жуков К.А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 66.

к любому головному убору. Издатель и переводчик сочинения Дуки В. Греку переводит ζαρκουλᾶς на румынский как *fes* — «феска», т.е. «войлочная круглая шапочка без козырька»[68]. К.А. Жуков видит в ζαρκουλᾶς дервишский головной убор (dervish cap, külāh, tāj)[69]. Мишель Баливе понимает ζαρκουλᾶς как *zerkülâh* (т.е. отождествляет его с обсужденным выше ζαρκολᾶς) и переводит πῖλος как «войлочная шапочка» (bonnet de feutre)[70]. Франц Бабингер понимал πῖλος как обобщенное именование для «шапки» (Mütze), утверждая, что ζαρκουλᾶς и обсужденное выше ζαρκολᾶς — синонимы[71]. Американский переводчик Дуки Гарри Магулиас понимает это слово просто как «шапку», не обязательно войлочную[72]. В переводе πῖλος как просто «шапки», но не именно «войлочной шапки» Ф. Бабингер и Г. Магулиас, скорее всего, более правы. Эрих Трапп в своем «Лексиконе», следуя господствующей традиции, не различает ζαρκολᾶς и ζαρκουλᾶς, принимая их за варианты одного и того же слова, которое он почему-то переводит как «тюрбан», т.е. чалму[73]. Причем подчеркну, что в персидском и османском كلاه *kulāh* означает любой вид шапки из ткани, кожи, войлока и т.д., но отнюдь не чалму (то есть головной убор из ткани, обернутой вокруг головы или вокруг нижней шапки), как ошибочно считает Э. Трапп.

Вместе с тем, судя по контексту отрывка Дуки, ζαρκουλᾶς скорее соответствует осм. زرینکلاه *zerinkülâh* ← перс. *zarrīnkulāh* «человек, облаченный в золотой или вышитый золотом головной убор» и, следовательно, «лицо высокого ранга и достоинства». Необходимо подчеркнуть, что слово означало не конкретный вид головного убора, но именно человека, носящего особенно богатый головной убор[74]. Последнее значение, по всей видимости, и подразумевается в тексте Дуки (или же скорее у первоисточника дошедшей до него информации о Бёрклюджи Мустафе). В противном случае, если принимать прежние толкования слова, призыв не носить вообще никакого головного убора выглядит слишком экстравагантным и нелогичным. Речь у Бёрклюджи Мустафы, скорее всего, шла именно о богатом головном уборе.

[68] *Ducas*. P. 179.

[69] *Zhukov K.* Börklüce Mustafa, was he another Mazdak? P. 125.

[70] *Balivet M.* Islam mystique… P. 73.

[71] *Babinger Fr.* Schejch Bedr ed-din, der Sohn des Richters von Simaw // Der Islam. 1921. Bd. 11. S. 53–54.

[72] *Magoulias H.J.* Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. Detroit, 1975. P. 120–121.

[73] LBG. S. 641.

[74] *Dehkhodâ.* Loghatnâme. S.v. «zarrīnkulāh»; Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Ч. I–II. М., 1968. С. 442.

Таким образом, под ζαρκουλᾶς в рассказе Дуки изначально подразумевался очень дорогой головной убор, символ богатства и мирской власти и, следовательно, высокомерия. Общий смысл отрывка заключается в том, что люди должны отказаться от своей гордыни и мирской славы (одним из атрибутов которых и является богатая одежда) и посвятить себя духовной жизни. Это общее место в любой суфийской или «суфийствующей» доктрине[75]. Конечно, Дука воспроизводит этот смысл в несколько упрощенном виде, наверное из-за его непонимания контекстуального смысла ζαρκουλᾶς. Опыта этого автора в восточных языках оказалось недостаточно, и здесь, по-видимому, он отождествил *zarrīnkulāh*, который не был известен ему прежде, с более знакомым термином *zīrkulāh*, обсужденным выше. Однако примечательно, что здесь Дука, в отличие от рассмотренного выше отрывка, воспринимает ζαρκουλᾶς как иностранное слово, признавая тем самым собственные затруднения в его понимании.

Итак, подытожу мои рассуждения: первый из исследованных отрывков Дуки подразумевает под ζαρκολᾶς именно войлочную шапку, но не чалму, а во втором эпизоде ζαρκουλᾶς изначально указывало на лицо, носившее весьма богатый головной убор.

Несколько слов пришло с восточными аксессуарами, обозначающими средства хранения и транспортировки вещей повседневного употребления. Это, например, **σαντούκιον, σενδούκιον, σεντούκιν, σεντάκιν** «сундук, ящик для хранения и транспортировки предметов обихода» ← перс. صندوق *sandūq*, ср.: осм. *sandık*, рус. *сундук*; идентично стандартному среднегреческому κιβωτός. Слово появилось в греческой письменности по крайней мере к 1255 г.[76] Оно упоминается в финансовых заметках XIV–XV вв.[77], в одном из актов Дохиара в 1384 г.[78] Оно также широко использовалось в народной литературе XIV–XV вв.[79] В новогреческом оно присутствует в форме σεντούκι.

Другой пример представлен **τζαμαντούνος, τζαμάνδος, τζαμανδᾶς** «чемодан», «мешок или сундук для хранения одежды» ← перс. جامه دان *jāmadān*, ср.: осм. *camedan*. Слово стало известным византийским грекам в первой половине XIV в. (Фома Магистр — см.

---

[75] Исчерпывающую интерпретацию отрывка Дуки, посвященного Бёрклюджи Мустафе, см. в: *Balivet M.* Islam mystique… P. 70–80.

[76] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 272–273.

[77] *Schreiner*. Texte. S. 37–40 (1.2ff.).

[78] ADoch. P. 264.31.

[79] См.: LBG. S. 1540; TLG.

ниже). Оно упоминается также в записках купца в конце XIV в. в виде τζαμαντούνος[80].

Еще один термин для средств перевозки содержится в «Словах», это **ταγαρτζούκι** «кожаный мешок», «ранец» ← осм. طغرجق *dağarcık* с тем же значением[81]. В греческом это слово известно с XIV в.[82], а в XIX в. оно было зафиксировано С. Византиосом[83].

Ряд заимствований связан с домашней утварью. С XII в. известно изначально арабское слово **μουχρούτιον, μουχρούτιν** «глиняный сосуд для вина или еды» ← тюрк. ← перс. ← араб. مقراة *miqrā*(*t*) «сосуд или кубок для гостя». Слово сохранилось в понтийском греческом как μουχρούτιν[84]. Помимо прочего, оно стало использоваться и как название знаменитого павильона Μουχρουτᾶς, находившегося в Большом дворце в Константинополе и выполненного в сельджукском стиле[85]. Тюркский лексический дублет, обозначающий «кровать» (κράββατος, κρεβάτιν), зафиксирован в «Словах» — **τοσέκιν** «кровать, матрас, спальное место» ← осм. دوشك *döşek*, также сохранившийся в понтийском диалекте греческого[86]. Примерно к 1400 г. для обозначения подсвечника могло использоваться слово **σαμουντάνιν** ← тюрк. *şamdan* ← перс. شامدان *shāmdān*[87], тогда как **μαστραπᾶς** «чаша с ручкой» ← тюрк. *maşrapa* ← перс. ← араб. مشربة *mashrabat* получило распространение в сер. XIII в., главным образом в утилитарном контексте документальных источников[88].

Византия всегда была открыта товарам с Востока и, более того, заинтересована в максимальном их привлечении на собственные рынки. С самых ранних времен виза нтийцы заимствовали некоторые элементы восточной одежды, а также и сопутствующие им

---

[80] *Schreiner.* Texte. S. 231.2, 232; *Beldiceanu-Steinherr I.* Review: Texte… P. 280.

[81] Asmā. Fol. 60.

[82] The King's Dictionary: The Rasūlid Hexaglot… P. 181.13; *Golden.* Byzantine. P. 79: δαγαρτζοῦκι.

[83] *Byzantios S.* Λεξικόν της καθ' ημάς ελληνικής διαλέκτου, μεθερμηνευμένης εις το αρχαίον ελληνικόν και το γαλλικόν. Αθήνα, 1874. Σ. 466.

[84] *Karapotosoglou K.* Ποντιακά έτυμα // ΑΠ. 1985. Τ. 40. Σ. 162–164 (этимология); *Papadopoulos.* Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 64; *Kriaras.* Λεξικό. S.v.; LBG. S. 1050; *Steingass F.* Arabic-English Dictionary. New Delhi, 1978. P. 1041; ср.: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 203.

[85] Об этой постройке см.: *Asutay-Effenberger N.* Muchrutas. Der seldschukische Schaupavillion im Großen Palast von Konstantinopel // Byzantion. 2004. T. 74. S. 313–324; *Walker A.* Emperor and the World: Exotic Elements and the Imaging of Middle Byzantine Imperial Power. Cambridge, 2012. P. 144–164.

[86] Asmā. Fol. 49; *Redhouse* 1921. P. 922; *Papadopoulos.* Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 403.

[87] LBG. S. 1526; MM. Vol. 2. P. 406.

[88] LBG. S. 978; *Kriaras.* Λεξικό. S.v. μαστραπάς.

названия. Присутствие восточного товара и связанных с ним слов в византийском пространстве не является чем-то исключительным[89]. Однако похоже, что роль восточных элементов в византийской моде XIV–XV вв. и текстильной номенклатуре выросла до невиданных прежде масштабов. Несмотря на существенный вклад, внесенный в последние годы Марией Парани[90], проблема византийской моды XIV–XV вв. пока что исследована недостаточно. Пожалуй, лучше всего изучен вопрос о восточных элементах в церемониальной дворцовой одежде[91]. Как показала М. Парани, в поздневизантийский период происходит глубокая ориентализация традиционной концепции византийского церемониального костюма, который по определению был пронизан этатическим символизмом. Один из центральных традиционных элементов — церемониальная хламида уходит в прошлое, ее место занимают восточные каввадий, лапаца, эпилурик, а церемониальными головными уборами становятся восточные чалма, скараникий и другой тип убора, соответствующий монгольскому *sarāghūch* (его греческого названия мы, похоже, не знаем). При этом западноевропейские элементы хотя и использовались в византийском повседневном костюме, но никогда не заимствовались в церемониальной сфере. Этот ориентализирующий сдвиг начался, вероятно, в никейскую эпоху и был институционально закреплен в период между первыми Палеологами и Иоанном VI Кантакузином[92].

О повседневной моде, не связанной с церемониальной одеждой, с большой горечью и весьма точно высказался Никифор Григора. Византийский историк отмечал с привязкой ко времени после отречения Иоанна VI Кантакузина, что современная мода молодежи поражает не только множеством заимствований у соседних народов, но и своей фрагментарностью: это была не чисто «персидская», не «римская», не «латинская», «готская» или др. одежда, но

---

[89] Об иностранных предметах быта (включая восточные), зафиксированных в византийском актовом материале, см.: *Parani M.G.* Intercultural Exchange in the Field of Material Culture in the Eastern Mediterranean: The Evidence of Byzantine Legal Documents (11th to 15th Centuries) // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Eds. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Chr.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008. P. 349–372.

[90] *Parani M.G.* Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries). Leiden; Boston, 2003.

[91] Помимо упомянутой работы М.Г. Парани (Ibid.) см. обобщающее исследование предыдущего поколения: *Piltz E.* Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994.

[92] *Parani M.G.* Cultural Identity and Dress: Byzantine Ceremonial Costume // JÖB. 2007. Bd. 57. P. 106–110.

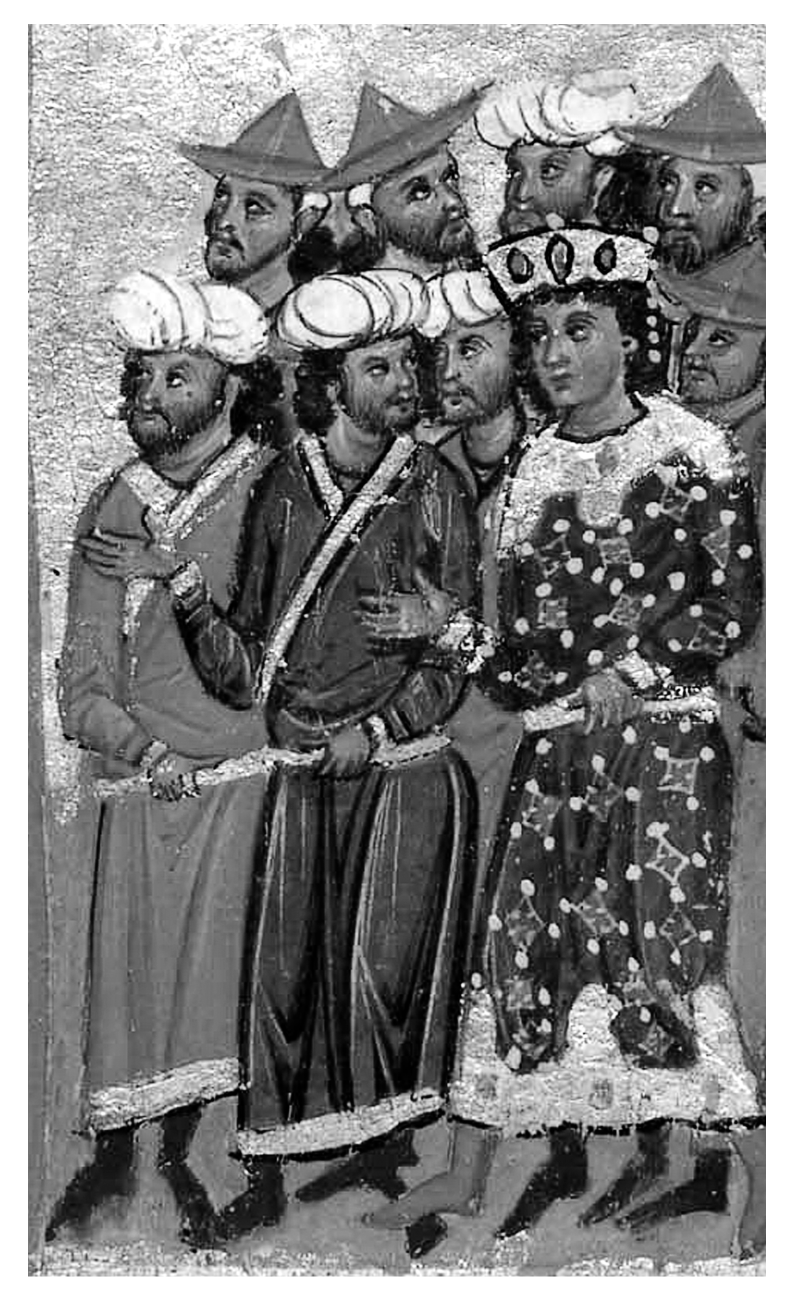

Рис. 8.1. Чалмы, восточные халаты и монгольские *сарагучи*, XIV в. (фрагмент из Διήγησις Ἀλεξάνδρου… Fol. 19r)

Рис. 8.2. Воинское облачение, XIV в.
(фрагмент из Διήγησις Ἀλεξάνδρου… Fol. 84r)

некая их смесь[93]. Отметим, что в этом списке «персидская», т.е. анатолийская мусульманская, стоит первой. Действительно, если обратиться к памятникам изобразительного искусства того време-

[93] *Greg.* T. I. P. 555.14–17: «…οὔτε γὰρ Περσική τις ἄκρατος ἡ στολὴ γέγονεν ἤδη Ῥωμαίοις, οὔτε Λατινικὴ τελέως, οὔτε μήν τις Γοτθικὴ καθάπαξ, οὔτε εἴ τις Τριβαλλῶν καὶ ἅμα Μυσῶν καὶ Παιόνων· ἀλλ’ ἐκ πασῶν τὸ διὰ πασῶν εἰπεῖν τῆς μουσικῆς ἐκείνης ἁρμονίας καὶ ἀρετῆς ἐπὶ τῶν ἡμετέρων ἀντέστραπται χρόνων ἐς ἅπαν τοὐναντίον μῖγμα καὶ συμφόρημα». См. также: *Parani M.G.* Cultural Identity… P. 125. Еще раньше на этот отрывок обратила внимание и дала свой комментарий Э. Захариаду: *Zachariadou E.* The Presents of the Emirs // Cultural and Commercial Exchanges between the Orient and the Greek World. Athens, 1991. P. 80.

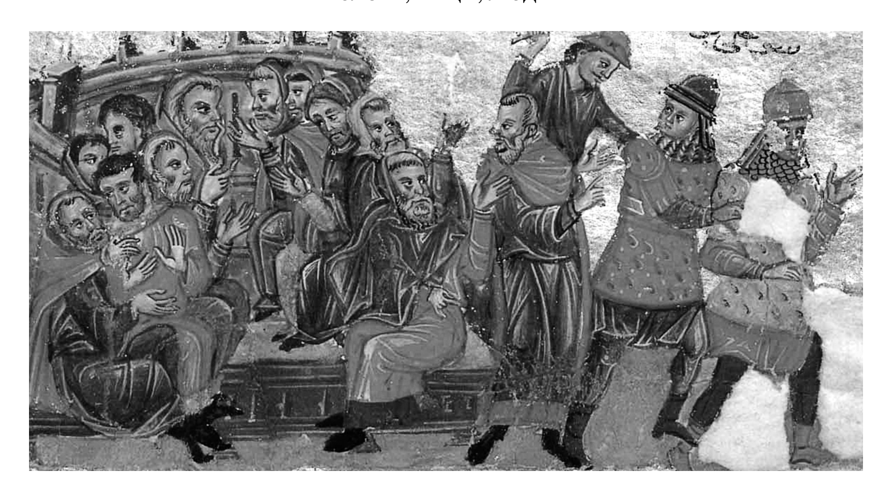

Рис. 8.3. Традиционная византийская одежда, XIV в.
(фрагмент из Διήγησις Ἀλεξάνδρου… Fol. 38v)

ни, этот ориентализирующий сдвиг представляется абсолютно бесспорным. Помимо византийского официального костюма, довольно хорошо документированного в изобразительных памятниках, мы можем найти и весьма показательные изображения повседневной моды. Я имею в виду список «Романа об Александре» середины XIV в., хранящийся в Греческом институте в Венеции[94]. В исследовательской литературе до сих пор нет общего мнения в отношении места создания этой замечательной рукописи — самого древнего из сохранившихся списков «Романа об Александре», при этом весьма богато иллюстрированного (250 миниатюр). Манускрипт открывается миниатюрой с изображением Алексея III Великого Комнина, трапезундского императора. Опираясь на наличие этого изображения и предполагая, что оно было выполнено в самом Трапезунде, искусствоведы атрибуировали и остальные миниатюры как трапезундские по происхождению[95]. Между тем, как показал Б.Л. Фонкич, манускрипт был переписан в третьей четверти XIV в. неким константинопольским писцом, обладавшим весьма высоким профессионализмом, вряд ли возможным в трапезундском скриптории. По толкованию исследователя, рукопись могла быть создана в константинопольском скриптории по заказу

[94] Διήγησις Ἀλεξάνδρου. Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Post-Bizantini. Cod. gr. 5.

[95] *Trachoulia N.S.* Κώδιξ 5 Ελληνικού Ινστιτούτου Βενετίας. Το Μυθιστόρημα του Αλεξάνδρου. Αθήνα, 1997. Σ. 12–35.

трапезундского императора Алексея III[96]. Если это так, то логично было бы предположить, что и миниатюры для рукописи создавались в Константинополе. Вопрос требует дальнейшего исследования, однако, что для меня важно здесь, трапезундская атрибуция миниатюр рукописи далеко не бесспорна. Какая бы повседневная мода ни отразилась в иллюминации рукописи — трапезундская или константинопольская, — она поражает своей ориентализированностью. Восточная чалма, халат и монгольский *сарагуч* предстают повседневной одеждой византийцев. При этом следует подчеркнуть, что способ повязывания чалмы и крой халата являются отнюдь не «византинизированным» типом ориентальных элементов, известных нам из церемониального облачения, но именно чисто восточными (рис. 8.1). В то же время воинское облачение несет на себе явственное западноевропейское влияние (рис. 8.2). На тех же миниатюрах мы видим и традиционные византийские элементы костюма (рис. 8.3). Данные иллюстрации к «Роману об Александре» представляются буквальной визуализацией приведенного выше замечания Григоры.

5. Специи, деликатесы и лекарства

Помимо тканей и одежд, византийцы импортировали специи, деликатесы и лекарства. Вот слова для некоторых из них, появившиеся в византийском мире, скорее всего, в позднюю эпоху: **ζάμβαξ** «жасмин» (XIV в.) ← тюрк. *zambak* ← перс. زنبک *zanbak* или его арабизированная форма زنبق *zanbaq* (слово, по всей видимости, попало в греческий через тюркский)[97]; **μόσχον** «мускус» (XIV в.)[98] ← перс. مشک *mushk*; **μώμιον** «мумиё» (использовалось как лекарственное средство) ← перс. موميا *mūmiyā* (← перс. موم «воск»), ср.: араб. موميا и осм. *mumiya* ← перс.[99] Список укрепляющих, лекарственных и просто экзотических добавок к пище можно было бы продолжить, однако тут не место для систематического и полного описания этого разряда лексики.

---

[96] *Фонкич Б.Л.* Из истории реставрации одной греческой рукописи на рубеже XVI–XVII вв. («Роман об Александре» Греческого института в Венеции) // Хризограф. 2003. Т. 1. С. 243–258.

[97] LBG. S. 640. См.: *Dalby A.* Tastes of Byzantium. The Cuisine of a Legendary Empire. L.; N.Y., 2010. P. 236.

[98] TLG; Digenes Akrites (Mavrogordato). VI.39; *Dalby A.* Tastes of Byzantium... P. 214.

[99] LBG. S. 1064. О мумиё см.: *Bryer A.* The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and Mummy of Cheriana // AS. 1982. Vol. 32. P. 133–150.

Ζουλάπιν, τζουλάπιον «сироп» (XI–XII вв.) ← арабизированное جلاب *julāb* ← перс. *gulāb* گلاَب «розовая вода, слабительное». На Востоке этот сироп делался из лепестков розы и использовался как добавка в шербеты, сладости, как ароматизатор, а также как слабительное[100]. Судя по фонетической форме греческого τζουλάπιον/ζουλάπιν, возможно, слово вошло в византийский мир через арабское посредничество. Довольно необычный пример представляет **ζαρταλοῦ** «абрикос» (не позднее XII в.) ← перс. زردالو *zardālu* (ср. тюрк. *zerdalı*), которое сосуществовало с греческим βερίκοκκον. Трудно понять, зачем понадобилось это заимствование. Абрикос является распространенным фруктовым деревом в Малой Азии и на Балканах и часто упоминается в византийской литературе. Форма ζαρταλούδι зафиксирована в «Словах»[101], слово продолжает существовать в современном греческом как ζαρταλούδι, ζερδελιά, ζερτελίν и проч.

Именно византийцы познакомили остальную Европу с икрой. Икра была широко известна и высоко ценилась в империи начиная по крайней мере со средневизантийского периода. В поздней Византии персидские именования **χαβιάρι, χαβιάριον, χαβάρα** (← перс. خاویار *khāwyār*, ср.: осм. هاويار/خاويار *havyar*) стали наиболее распространенными для этого продукта. Насколько мне известно, слово χαβιάρι впервые появляется в византийских текстах в XII в.[102] Кроме того, у Птохопродрома представлен целый ряд производных от него: уменьшительное χαβιαρίτσιν, χαβιαροκαταλύτης «пожиратель икры», χαβιαροπούλης «продавец икры»[103]. Наличие многих дериватов удостоверяет распространенность слова в устной речи. Оно очень часто встречается в финансовых документах поздневизантийского времени[104]. В современном греческом оно по-прежнему существует в той же форме. Д. Георгакас попытался вывести χαβιάρι из греческого корня (← *ταριχαβιάριν ← τάριχος «засоленная еда»)[105]. Однако О. Семереньи и О.Н. Трубачев показали,

---

[100] LBG. S. 644; *Aʿlam H.* Golāb // Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. Vol. 11. L., 2002 (онлайн-версия: http://www.iranica.com); *Dalby A.* Tastes of Byzantium… P. 237.

[101] LBG. S. 641; Asmā. Fol. 52v.

[102] *Eideneier H.* Ptochoprodromos… S. 144 (IV.93), 157 (IV.325). Об икре в Византии см.: *Jacoby D.* Caviar Trading in Byzantium // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009. P. 349–364; *Dalby A.* Tastes of Byzantium… P. 27, 53. Notes 1, 67, 94, 191, 203.

[103] *Eideneier H.* Ptochoprodromos… S. 157app. (IV.325), 144 (IV.104), 151 (IV.240).

[104] *Schreiner.* Texte. S. 37ff. (1/1ff. — Черное море, сер. XIV в.); S. 84 (3/50 — Халкидика, автор: Касандрин, 1355–1357 гг.); S. 204 (27/8 — кон. XIV — нач. XV в.); S. 266 (56/5 — до 1447 г.); S. 450ff. (App. I/13 — 1450-е гг.).

[105] *Georgakas D.J.* Ichthyological Terms for the Sturgeon and Etymology of the International Terms *Botargo*, *Caviar* and Congeners (A Linguistic, Philological and

что иранское происхождение является гораздо более вероятным, и выводили его из иранского корня, общего с осетинским *kæf* «рыба», и цыганского *jaro* «яйцо». Таким образом, *khāwyār* означает «рыбье яйцо»[106]. Греки, несомненно, заимствовали это слово у иранцев. Следует отметить, что греки имеют свои собственные обозначения для икры: ᾠοτάριχα «соленая икра» (эквивалент более позднего итальянского *botargo*), ᾠὰ τῶν ἰχθύων («рыбья икра») и т.п., которые иногда использовали византийские литературные пуристы[107]. Однако в XII в. χαβιάρι полностью вытеснило из повседневного употребления исконные греческие слова.

В поздневизантийскую эпоху в греческом обнаруживается и слово для традиционного тюркского напитка — **ἀϊράνιν** «айран» ← тюрк. *ayran*, т.е. тюркский кисломолочный напиток с добавлением соли[108]. Это слово встречается в XIV в. в «Расулидском гексаглоте»[109]. В понтийском греческом оно сохранилось в форме ἀριάνιν[110].

6. Животные и птицы

Византийцы заимствовали некоторые восточные, главным образом тюркские, названия животных. Для обозначения сокола использовалось слово **ἀτματζάς** ← осм. اتماجه *atmaca*[111], которое зафиксировано в современном понтийском диалекте (ἀτματσάς[112]), а также в составе современных греческих личных и фамильных имен Ἀτματζίδης и Ἀτματζάκης[113].

Коня-иноходца на тюркский манер называли **γιοργὸν** (или γιουργὸν) ἄλογο ← осм. يورغه *yorga*[114], что удостоверяется, в частности, и поздневизантийской народной литературой[115]. В «Словах» содержится тюркское заимствование **κότζιν** «баран» ← осм. قوچ

Culture-Historical Study). Athens, 1978; *Рудницкий Я.Б.* Рец.: Georgakas D.J. Ichthyological Terms… / Пер. с англ. О.Н. Трубачева // Этимология: Ежегодник. 1980. М., 1982. С. 177–179.

[106] *Семереньи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 24–25; примечание О.Н. Трубачева к рецензии Я.Б. Рудницкого: Этимология: Ежегодник. 1980. С. 179. Сн. 2.

[107] *Trapp E.* Lexicographical Notes, Illustrating Continuity and Change in Medieval Greek // DOP. 1994. Vol. 48. P. 245–246.

[108] Asmā. Fol. 52.

[109] *Golden.* Byzantine. P. 63.

[110] *Symeonidis*. Lautlehre. S. 168.

[111] Asmā. Fol. 61v.

[112] *Symeonidis*. Lautlehre. S. 135.

[113] *Tompaïdes*. Ελληνικά. Σ. 48.

[114] Asmā. Fol. 58.

[115] *Kriaras.* Λεξικό. S.v. γιοργάς; TLG: γιοργάδες (мн. ч. от γιοργάς).

koç; в греческом языке оно присутствует в понтийском (κοτζ’, γοτζ’) и каппадокийском (*qóč*, *qóïč*) диалектах[116]. «Расулидский гексаглот» дает еще одно тюркское заимствование: **τακάς/τεκάς** «козел» ← тюрк. *teke*, зафиксированное также Р. Докинсом в форме τακάς[117].

Старые греческие слова ἐλέφας (или λέφας в «Расулидском гексаглоте»[118]) «слон» и πίθηκος «обезьяна» получили восточные дублеты: **φίλιν** «слон» ← тюрк. ← перс. فيل *fīl*[119] и **μαϊμοῦ** «обезьяна» ← араб. ميمون *maymūn*; последнее слово — сравнительно раннее заимствование, восходящее по крайней мере к XII в.[120] и в той же форме сохранившееся в современном греческом.

7. Торговая терминология

Следующий разряд слов включает в себя термины, использовавшиеся торговцами в их повседневной деятельности. Заимствованная лексика этого рода охватывает широкий круг технической терминологии, в которой можно условно выделить две группы: во-первых, это термины, касающиеся инфраструктуры торговли, а во-вторых, восточные меры веса и объема, которыми пользовались греческие купцы. Эти слова знаменуют новую важную тенденцию, проявившуюся в XIV в., а именно рост влияния восточных торговцев и торговых технологий в повседневной жизни византийцев.

Некоторые из терминов первой группы весьма концептуальны. В высшей степени важное понятие для финансовых операций — **ἀμανάτιον** «залог, заклад» ← осм. *emanet* и перс. امانت *amānat* ← араб. Этот изначально арабский термин, по-видимому, был заимствован тюрками при посредстве персидского. Впервые он встречается около 1400 г. в частном акте, регулирующем отношения между торговцем, имя которого не сохранилось, и его кредиторами[121]. Слово вошло в новогреческий язык в форме ἀμανάτι с тем же значением[122].

---

[116] *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 473; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 140, 142; *Dawkins*. Modern Greek. P. 683.

[117] The King’s Dictionary... P. 168.6; *Golden*. Byzantine. P. 137; *Dawkins*. Modern Greek. P. 670.

[118] The King’s Dictionary... P. 166.26.

[119] Asmā. Fol. 55v. В той же форме слово известно в греческом понтийском диалекте (*Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Т. 2. Σ. 457).

[120] LBG. S. 961; *Kriaras*. Λεξικό, s.v.; *Golden*. Byzantine. P. 106; Asmā. Fol. 57.

[121] *Hunger H*. Zu den restlichen Inedita des Konstantinopler Patriarchatsregisters // RÉB. 1966. T. 24. S. 62.

[122] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 15.

К первой группе также относятся восточные заимствования, передающие самые расхожие торговые понятия. Например, это **μαϊτάνιν** «площадь, арена» (XIV в.) ← перс. میدان *maydān*[123]. Слово впервые зафиксировано на Понте, в Трапезунде и обозначало торговую площадь, до сих пор существующую в восточной части города. Оно впервые фиксируется в связи с событиями 1314 и 1316 гг.[124] Не исключено, что в эпоху Великих Комнинов именно в этом регионе селились купцы с Востока, что и объясняет появление персидского слова в топонимике города. Название возникло, вероятно, в результате семантической онимизации соответствующего апеллятива. Хотя в синхронных западновизантийских источниках оно не встречается и фиксируется лишь в эпоху Туркократии (μεϊντάνι, μεγιτάνι), мало сомнений в том, что уже в XIV–XV вв. на территории Палеологовской империи оно было хорошо известно[125]. В новогреческий это слово вошло в форме μεϊντάνι[126].

Παζάριον, παζάριν «рынок» ← тюрк. *pazar* ← перс. بازار *bāzār*, по-видимому, вошло в среднегреческий через посредство тюркского. Производное от него παζαριώτης «торговец» впервые встречается в «Трапезундском гороскопе на 1336/1337 г.»[127]. Использование этого слова однозначно указывает на то, что изначальная форма παζάριν появилась в греческом языке задолго до этого, став источником тюрко-греческого неологизма, построенного по греческой морфологической модели. В народной «Истории Велизария», записанной в XIV в., встречается также παζάριον[128]. Отметим, что византийцы наряду с этим продолжали пользоваться старыми словами ἀγορά («площадь, рынок, рыночная площадь»), ἐμπόριον («торжище, портовый рынок»), ἔμπορος («купец»). Оба слова существуют в новогреческом в формах παζάρι и παζαριώτης с теми же значениями[129].

---

[123] *Panaretos*. P. 75.29.

[124] *Senarega B*. Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda. Lettera di Bartolomeo Senarega a Giovanni Pontano / Ed. Cornelio Desimoni // Atti della Società Ligure di Storia Patria. T. 13/3. Genova, 1879. P. 515, 528, 531: castro maydani; Cavi de maijdano. Благодарю за это указание С.П. Карпова. Также см.: *Panaretos*. P. 75.29.

[125] *Kriaras*. Λεξικό. Τ. 9. Σ. 286; Τ. 10. Σ. 13; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 180. Разница в фонетической передаче первого слога в μαϊτάνιν и μεϊντάνι связана с разными источниками заимствования: восточноанатолийский в первом случае, османский — во втором.

[126] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 201.

[127] TH. P. 40.27.

[128] *Bakker W.F., Gemert A.F. van*. Ιστορία του Βελισαρίου. Αθήνα, 2007. Ver. 600; см. также: *Kriaras*. Λεξικό. Τ. 14. Σ. 187, с дополнительными примерами, наиболее ранний из которых — 1399 г.

[129] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 258; *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 131.

Χαμάλης «грузчик» ← тюрк. *hamal* ← перс. ← араб. حمال *ḥammāl* вошло в греческий, по-видимому, через посредство тюркского. Оно обнаруживается в финансовых заметках 1438 г. (Исидора Киевского) и 1471 г. (неизвестного торговца или банкира из греческой колонии в Венеции)[130]. Χαμάλης перешло в новогреческий язык с тем же значением[131].

Другой важный торговый термин из трапезундских источников — **ταλάλιος** «торговый посредник» ← тюрк., перс., араб. دلال *dallāl* с тем же значением. Ταλάλιος и νυκτοταλάλιος упомянуты в надписи, сделанной в ноябре 1314 г. А. Грегуар правильно толкует ταλάλιος как производное от араб. *dallāl*, однако наделяет последнее неубедительным значением — «héraut, crieur» (глашатай). Основание для такого толкования он видит в новогреческом τελάλης ← осм. *tellal* (← перс., араб. دلال *dallāl*) со значением «глашатай». Отталкиваясь от τελάλης «глашатай», он далее с большой натяжкой переводит νυκτοταλάλιος как «le veilleur de nuit», т.е. «ночной стражник», что представляется сомнительным[132]. Новогреческое τελάλης, судя по *эпсилону* вместо *альфы* в первом слоге, было довольно поздним заимствованием осм. *tellal* (XVI–XVII вв. или позже?). Вместе с тем арабское и персидское *dallāl* в ближневосточном мире XIII–XV вв. все же обозначало торгового посредника, но не глашатая. Скорее всего, и тут под ταλάλιος имеется в виду именно торговый посредник, функции которого заключались в профессиональной экспертизе сделок, что могло включать и определение справедливой цены. Именно такое значение для ταλάλιος обнаруживается в известном хрисовуле Алексея III Великого Комнина, данном Венеции в 1364 г., где гражданам этой республики среди прочего позволяется иметь в своей трапезундской фактории собственных ταλαλίους[133]. Под этими ταλάλιοι, несомненно, подразумевались венецианские *sanseri* (или *misseti*) — профессиональные торговые посредники, эксперты при заключении сделок[134]. Для нас важно то, что в трапезундском хрисовуле употреблено для посредника

[130] *Schreiner.* Texte. S. 110 (4/34, 1471 г.), 186 (20/22, ок. 1438 г.); *Beldiceanu-Steinherr I.* Review: Texte… P. 379.

[131] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 419.

[132] *Grégoire H.* Les veilleurs de nuit à Trébizonde (14e siècle) // BZ. 1909. Bd. 18. P. 492.2–3, 493–494, 496. Ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 296–297. См.: *Шукуров Р.М.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья). С. 205.

[133] *Zakythinos D.* Le chrysobulle d'Alexis III… P. 34.111. Д. Закифинос переводит термин как «глашатаи» (hérauts), опираясь на новогреческое τελάλης и толкования А. Грегуара (Ibid. P. 77–78).

[134] *Карпов*. История. С. 271.

именно греческое слово, заимствованное с Востока. Это означает, что ταλάλιος к тому времени стало стандартным и общепонятным техническим термином, по крайней мере в Трапезундской империи. Определенные затруднения возникают при толковании в упоминавшейся выше надписи формы νυκτοταλάλιος, а именно возникает вопрос: при чем здесь νυκτο — «ночной»? На Ближнем Востоке торговля на базарах велась и ночью, однако эти торжища могли проводиться только в строго определенных местах. В иранском мире такие рынки называли بازار شب *bāzār-i shab* «ночной базар». Может быть, и в Трапезунде был такой ночной рынок, а торговый посредник, имевший разрешение работать именно ночью, именовался νυκτοταλάλιος?

Следующее заимствование из понтийских источников можно растолковать только предположительно: **χανακᾶς** «постоялый двор, дом или комната для аренды» (?) ← перс. خانقاه *khānaqāh*, что является арабизированной формой перс. خانه گاه *khāna-gāh* «дом, жилье, суфийская обитель, постоялый двор и т.д.», ср.: осм. *hânekâh* от того же персидского слова, со значением «суфийская обитель». Слово встречается в хрисовуле Алексея IV Великого Комнина (1432 г.)[135]. Точное значение термина пока определить невозможно, поскольку это его единственное использование в среднегреческом[136]. Издатель хрисовула В. Лоран перевел χανακᾶς как «caravansérail», что представляется слишком неопределенным и, скорее всего, ошибочным. Однако χανακᾶς употребляется в хрисовуле в довольно красноречивом контексте: τὸν ἐν τῷ μεγάλῳ φόρῳ χανακᾶν τοῦ Σχολαρίου σὺν τοῖς ὑποκάτωθεν αὐτοῦ δύο ἐργαστηρίοις τῆς λεωφόρου κατέμπροσθεν («*ханака* Схолария на большом рынке вместе с находящимися ниже нее двумя мастерскими перед большой дорогой»). Следовательно, имеется в виду некое коммерческое помещение, а скорее всего — помещение, сдаваемое в аренду. Нельзя исключать, что термин χανακᾶς каким-то образом связан с армянским խանութ [*khanut*] и киприотским χανούτιν, происходящим от араб. حانوت *ḥānūt* со значением «таверна, кабак»[137]. Возможно, именно этот смысл вкладывался и в χανακᾶς.

---

[135] *Laurent*. Deux chrysobulles. P. 265.116, 278.

[136] Единственная параллель существует опять же в понтийском источнике: загадочное τοῦ ἀμηρᾶ τὸ χανακάν, встречающееся в Вазелонских актах (AV. № 166.4), которое издатели ошибочно прочли как одно слово (εἰς τοῦ ἀμηρατοχανακάντων τόπον). Толкование Э. Брайера (ἀμηρατοχανακάντος ← тюрк. *emir doğan*) не представляется убедительным с лингвистической точки зрения (*Bryer*. Greeks. P. 140–141). Это слово зафиксировано в акте XV в. и, возможно, принадлежит уже к реалиям эпохи Туркократии.

[137] *Machéras, Léonce*. Chronique de Chypre / Éd. E. Miller, C. Sathas. P., 1882. P. 82.

«Слова» содержат еще одно общепринятое восточное слово, относящееся к данной группе: **τουκάνιν** «торговая лавка, ремесленная мастерская» ← осм. *dükkân* ← перс. دکان / دوکان *dūkān*[138]. Р. Докинс и Х. Симеонидис фиксируют это слово в формах τουκάν и τουκάνι[139]. По всей вероятности, τουκάνιν было словом-дублетом для старого греческого ἐργαστήριον: «Расулидский гексаглот» переводит греческий термин ἐργαστήριον именно персидским *dūkān*[140].

Весьма интересный прецедент языковых взаимодействий на Ближнем Востоке представлен словом **διφθέριν, τεφτέρι** «счетная книга» ← осм. *defter* ← перс. دفتر *daftar* ← греч. διφθέρα (ἡ). Тут мы видим пример любопытного семантического сдвига, который произошел со старым греческим словом διφθέρα[141]. В значении «счетная книга» διφθέριν встречается в финансовых заметках некоего Касандрина из Халкидики в 1355–1357 гг.[142] П. Шрайнер верно переводит этот термин как «Kataster» и «Heft», однако не вполне точно выводит его из древнегреческого διφθέρα[143]. В древности слово διφθέρα первоначально означало «кожа», «пергамен» и, следовательно, иногда использовалось в значении «книга». Однако к XIV в. в этом значении слово полностью вышло из употребления, по крайней мере в бытовом языке. Э. Трапп в своем словаре фиксирует для διφθέρα лишь раннее значение: «Codex, Buch»[144]. При этом техническое значение «счетная книга» никогда до XIV в. не прилагалось к διφθέρα: «das Wort (urspr. Pergament) begegnet hier erstmals in dieser fachspezifischen Bedeutung»[145]. С другой стороны, в новогреческом существует слово τεφτέρι, которое означает «счетная книга, реестр». Это τεφτέρι является прямым заимствованием перс. и тюрк. *daftar/defter* с тем же самым значением. Совершенно очевидно, что семантически διφθέριν как «счетная книга» в XIV в. в Халкидике также восходит к осм. *defter*. Термин διφθέρα был заимствован иранцами у греков еще в сасанидское время и скоро

---

[138] Asmā. Fol. 48v.

[139] *Dawkins*. Modern Greek. P. 674; *Symeonidis*. Lautlehre. S. 207.

[140] The King's Dictionary... P. 144.6. Необходимо отметить, что другое важное слово, относящееся к торговой инфраструктуре, — μαγαζίον «склад, лавка» пришло в византийский греческий (1393 г.) не прямо от араб. مخازن *makhāzin*, как считает Э. Трапп, но через венецианское *magasín* с тем же значением (LBG. S. 57; см. также: *Kriaras*. Λεξικό. S.v. μαγαζί, где дана верная этимология).

[141] *Maidhof A.* Rückwanderer aus den islamitischen Sprachen im Neugriechischen (Smyrna und Umgebung) // Glotta: Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. 1920. Bd. 10. S. 19. № 56.

[142] *Schreiner*. Texte. S. 88 (3/126).

[143] Ibid. S. 95, 105.

[144] LBG. S. 399.

[145] *Schreiner*. Texte. S. 105.

приобрел значение «счетная книга»; позже слово перешло в тюркский. Таким образом, в XIV в. греческое слово διφθέρα в формах διφθέριν и τεφτέρι под влиянием восточного употребления (персидского и тюркского) претерпело семантический сдвиг и приобрело смысл «счетная книга». Так διφθέρα вернулась в греческое языковое пространство, но уже с изменившимся значением. Эту занимательную петлю в истории слова впервые заметили лексикографы А. Майдхоф и А. Пападопулос[146]. В новогреческом древняя διφθέρα и новое τεφτέρι оказались разными словами с разными смыслами: первое восстановило свое первоначальное значение — «кожа», «пергамен», в то время как второе до сих пор несет восточное значение «счетная книга»[147]. Однако, как мы видели, в XIV в. византийцы все еще ощущали генетическую связь между старой διφθέρα и новым διφθέριν.

Вторая рассматриваемая группа слов состоит из технической терминологии, обеспечивающей процесс обмена базовыми инструментами, а именно мерами веса и объема: **θούμενον** (XII в.) ← араб. ثمن *thumn* ($^1/_8$ *qadaḥ* = 0,94 л, т.е. 117 г); **κοιλόν** (XV в.) ← араб. كيل *kayl* (мог равняться 6,5–22 л); **ὀγκά** ← тюрк. اوقه *okka* (1,283 кг); **ρέτλα** (XIV в.)[148] ← араб. رطل *raṭl* (337,5 г) ← арамейское заимствование греч. λίτρον. Весьма любопытно, что эти меры встречаются в повседневной документации византийских купцов в XIV–XV вв. Это означает, что восточная система мер распространялась в среде торговцев, вытесняя традиционную византийскую систему, которая была доминирующей на протяжении многих столетий (на что указывают арабские заимствования из греко-римской системы мер). Как кажется, это было новым явлением, зародившимся в XII в. Можно интерпретировать возрастающую роль восточной терминологии в повседневной торговой жизни как своего рода ориентализацию менталитета греческого купца: он начинал мыслить в координатной системе восточных мер.

В заключение я хотел бы отметить еще одно слово, относящееся скорее к ремесленному производству: **καλάϊ** «олово» (XI в.?) ← араб. قلاى *qalāy*, заменившее исконный греческий κασσίτερος. Одним из объяснений последней трансформации может быть то, что олово импортировалось в Византию с Ближнего Востока. Олово использовалось для производства бронзы. В Средние века на Ближнем Востоке (как и в Иране) не было собственной оловянной добычи,

[146] *Maidhof A.* Rückwanderer aus den islamitischen Sprachen im Neugriechischen... S. 19. № 56; *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 372: τεφτέριν.

[147] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 365.

[148] *Schreiner*. Texte. S. 41f. (1/101), 176 (17/2).

и мусульманский Восток, вероятно, получал олово из стран Юго-Восточной Азии и продавал на Запад[149].

Здесь я хотел бы подчеркнуть, что слова, относящиеся к торговой терминологии, не представляют собой совершенно новые понятия, неизвестные византийцам прежде, в отличие от слов первой группы, состоящей из названий экзотических вещей, привнесенных в византийскую жизнь извне. Лексика из данного раздела представляет собой новые имена для известных вещей.

8. Императорский двор и военная терминология

Еще одна группа слов относится к реалиям императорского двора и к военному делу. Наиболее информативным источником для этого разряда терминов являются поздневизантийские табели о рангах, собранные и опубликованные Жаном Верпо и недавно переизданные коллективом английских исследователей во главе с Руфью Макридес. В первую очередь, это общевизантийские названия должностей в чиновном аппарате, общие для Палеологовской и Великокомниновской империй. Самая высокая должность в табели о рангах, обозначенная восточным по происхождению термином, — τατᾶς ← тюрк. دده *dede* «дед, воспитатель». Эта этимология обосновывалась Э. Захариаду и представляется наиболее вероятной[150]. Н. Андриотис вряд ли справедливо сомневается в тюркском источнике византийского τατᾶς, считая его слишком распространенной во многих языках ономатопеей, характерной, в особенности, для детской речи[151]. В Средневековье слово было в большей степени распространено в тюркской среде; специалисты в персидской лексикологии рассматривают دده *dede/dada* как заимствование из тюркского[152]. Объяснения самих византийцев не оставляют сомнений в том, что τατᾶς имело именно тюркское происхождение: в греческой среде оно носило ту же семантику, что и в тюркской, — «воспитатель». Дука на этот счет высказывался однозначно: κατὰ τὴν ἡμετέραν κοινὴν γλῶτταν τατά, ἤγουν παιδαγωγέ («в нашем просторечии τατά, т.е. “воспитатель”»)[153]. В значении «воспитатель»

---

[149] LBG. S. 742; *Allan J.W.* Bronze. ii: In the Islamic Period // Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. Vol. 4. L., 1990. P. 471.

[150] *Zachariadou E.* Les janissaires de l’empereur byzantin // Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dedicata. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici. Series Minor. T. 19. Napoli, 1982. P. 593.

[151] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 361.

[152] *Dörfer*. Türkische. Bd. 3. S. 198 (№ 1179); *Dehkhodâ*. Loghatnâme: «Dada».

[153] *Ducas*. XXXV.5 (p. 311.28–29).

τατᾶς встречается и у Сфранзи[154]. В византийских табелях о рангах XIV в. τατᾶς τῆς αὐλῆς («воспитатель [императорского] двора») находился в начале 30-х строчек из примерно 70 — т.е. в первой по значимости половине списка. Хотя функции τατᾶς τῆς αὐλῆς табель обозначает как неопределенные[155], не исключено, что изначально он мог иметь отношение к воспитанию императорских детей. Включение τατᾶς τῆς αὐλῆς в дворцовую иерархию следует отнести к периоду Никейской империи. Первое упоминание о нем связано с событиями 1256 г.: так назван некий Феодор Калабак, командир никейского гарнизона в Велесе[156]. Этот восточный титул вряд ли предполагал восточное происхождение его носителя.

Немногим ниже в дворцовой иерархии следует титул τζαούσιος, τζαούσης (варианты: τζαβούς[157], τζαβούχης[158], мн. ч. τζαούσιδες[159]) «посланник», то же, что ἀγγελιαφόρος, ← тюрк. چاوش *çavuş*[160]. Слово известно начиная с эпохи Никейской империи, причем и как прозвище[161], и как обозначение должности (μέγας τζαούσιος)[162]. В XVI–XVII вв. существовали монастыри с этим элементом в названии:

---

[154] *Sphran.* XV.5 (p. 34.2–3): «...ὅτι ὁ τοῦ πατρός μου ἀδελφὸς ἦν αὐτοῦ τατᾶς...». Мунтанер сообщал, что тюрки и туркопулы в его подчинении звали его «cata», что по-тюркски означает «отец»: «...ells nom appellauen mas lo cata, que vol ayant dir en turquesch com pare». Утверждение Э. Захариаду, что *cata* является передачей *dede* и, следовательно, соответствует византийскому τατᾶς, является ошибочным. *Cata* тут, несомненно, передает тюркское *ata* «отец». См.: Chronik des edlen En Ramon Muntaner / Hrsg. K. Lanz. Stuttgart, 1844. S. 416 (CCXXXIII); *Zachariadou E.* Les janissaires... P. 593. Note 7.

[155] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 182.15–17: «Ὁ μέγας ἄρχων οὐδὲ ἓν ὑπηρέτημα κέκτηται. Καὶ ὁ τατᾶς τῆς αὐλῆς ὡσαύτως».

[156] *Acrop.* Vol. 1.66 (p. 139.10–11). Не исключено, что именование τατᾶς τῆς αὐλῆς появилось в византийском пространстве еще в XII в., что, однако, маловероятно, ср.: *Kazhdan A.* Tatas // ODB. Vol. 3. P. 2013–2014 (см. дальнейшие указания на источники). См. также: TLG.

[157] MM. Vol. 3. P. 24.

[158] *Rhabdas.* Epistula. № 1.1–3.

[159] *Pseudo-Sphran*. P. 424.24.

[160] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 308–309 (указана согдийская этимология); *Doerfer.* Türkische. Bd. 3. S. 35–38. Этимология обсуждена также в: *Bazin L.* L'antiquité méconnue du titre turc çavuš // Actes du Ier Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Vol. 6. Sofia, 1968. P. 243–252.

[161] Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. G. Prinzing. B.; N.Y., 2002. № 125.4 (p. 395: Βασίλειος Τζαούσης, до 1234 г.); MM. Vol. 4. P. 171–172 (Τζαούσιος ὁ Μελισσηνός, XIII в.); Actes de l'Athos VI. Actes de Philothée / Éd. Regel–Kurtz–Korablev // ВВ. Приложение к XX тому. № 1. СПб., 1913. № 10 (Τζαούσιος ὁ Μαυρωνᾶς).

[162] *Acrop.* Vol. 1. P. 123.11, 14: μέγας τζαούσιος; *Pachym*. T. 2. P. 13.4, 426.4, 543.8: μέγας τζαούσιος; Actes d'Esphigménou / Éd. L. Petit, W. Regel // ВВ. Приложение к XII тому. № 1. СПб., 1906. № 18; *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrome... № 19, 20 (1326); *Guilland R.* Sur quelques grands dignitaires byzantins du XVIe siecle // Τόμος Κωνσταντίνου Ἁρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1952. P. 183ff.

Цауц в Константинополе (μονὴ τοῦ Τζαούτζη) и Цаус в Фессалонике (Τζαούση)[163]. Титул был введен, по всей видимости, Иоанном III Ватацем (1221–1254)[164]. В XIII–XIV вв. мы встречаем этот титул в палеологовских табелях о рангах и множестве других источников. Трудно определить точные функции τζαούσιος в византийской среде, поскольку в источниках он упоминается в различных ипостасях: это и командующий гарнизоном крепости, и офицер аллагии и др.[165] В иерархии должностей византийского двора μέγας τζαούσιος находился в середине списка (30-е места из примерно 70), являясь, таким образом, сановником средней руки. При дворе μεγάλοι τζαούσιοι отвечали за соблюдение порядка в свите императора (εὐτακτοῦντες τὴν τοῦ βασιλέως σύνταξιν)[166]. Вероятно, эта функция дворцовых чавушей была заимствована у анатолийских сельджуков. При османском дворе обладатели этой должности входили в ближайшую свиту султана, сопровождая его при выездах и официальных приемах[167]. Исходя из наличных данных источников пока нет оснований полагать, что византийские τζαούσιοι набирались из тюркской среды.

Весьма интересный и показательный случай представлен термином и одновременно дворцовым титулом **μουρτάτος** «вероотступник» ← тюрк. *murtad* ← перс. ← араб. مرتد *murtadd*. *Муртатами* (μουρτάτοι) называли особое подразделение дворцовой гвардии — это были пешие воины, вооруженные луками. Командир (στρατοπεδάρχης, а в Трапезунде — πρωταλλαγάτωρ) муртатов находился в пятом десятке чинов дворцовой иерархии, рядом с командирами других императорских стражников[168]. Судя по семантике μουρτάτος — «отступник от мусульманской веры», оно, скорее всего, обозначало крещеных агарян, т.е. анатолийских тюрков. Это объяснение было выдвинуто еще Эрнстом Штайном и поддержано Жа-

[163] *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Pt. I: Le siège de Constantinople et le Patriarcat œcuménique. T. 3: Les églises et monastères. P., 1969. P. 486.

[164] *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. T. 1–2. B.; Amsterdam, 1967. T. 1. P. 596–597. Отождествление Р. Гийаном Σιάους (← перс. سیاوش *siyāwush*), встречающегося у Анны Комнины, с τζαούσιος является ошибочным.

[165] *Guilland R.* Recherches... T. 1. P. 597–600; *Bartusis M.* The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Military Organization in Late Byzantium // RÉB. 1989. T. 47. P. 183–207. Важные дополнения и разъяснения см. в: *Kazhdan A.* Tzaousios // ODB. Vol. 3. P. 2135–2136.

[166] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 182.19–20.

[167] *Mantran R.* Čāʾūsh // EI NE. Vol. 2. P. 16a.

[168] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 139.14, 165.22, 180.16, 187.17, 301.18, 305.36, 309.34, 322.82, 337.105; в Трапезунде: p. 342, 348.61.

ном Верпо[169]. Действительно, специфическая и весьма узкая семантика самого термина, а также типично тюркское вооружение этих гвардейцев позволяют думать, что именно таким и было их происхождение. Есть основания также предполагать, что в муртаты попадали и отпрыски греко-тюркских браков. Так, в 1332 г. хорошо информированный доминиканец Брокар (Бурхард) утверждал, что муртатами зовутся отпрыски смешанных браков, один из родителей которых является тюрком[170]. В качестве прозвища Μουρτάτος обнаруживается в нескольких актах XIV в. (см. гл. III)[171]. По всей видимости, этот антропоним носил тут характер «профессионального» индикатора, указывая на принадлежность его носителей к соответствующим подразделениям, а следовательно, возможно, и на их греко-тюркское происхождение. Однако самое первое упоминание μουρτάτοι относится к 1259 г.: в хрисовуле Михаила VIII Палеолога, дарованном афонской Лавре, указывается, что пожалованные монастырю земли освобождаются от повинности в пользу μουρτάτοι, названной в документе в числе других налогов и выплат[172]. Столь ранняя дата упоминания указывает на то, что подразделения μουρτάτοι возникли еще в никейский период. Следовательно, учреждение этих подразделений не было связано, как утверждает М. Бартузис, с переселением анатолийских тюрков на византийскую территорию в начале 1260-х гг. (см. гл. III), но значительно предшествовало этому времени[173].

Другое весьма интересное именование дворцовых гвардейцев, которое, однако, не фиксируется в поздневизантийских табелях о рангах: **γιανίτζαρος**, **ἰανίτζαρος** «янычар» ← осм. *yeniçeri* «новое воинство», подразделения, появившиеся у османов в 1360-х гг.[174] Подразделение янычар в свите императора, по всей видимости, было наиболее поздним нововведением в официальном церемо-

---

[169] *Stein E.* Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte // MOG. 1926. Bd. 2. S. 55; *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 180. Note 2. Дополнительную библиографию см. в: *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 197.

[170] *Brocardus.* Directorium ad passagium faciendum // RHC: Documents arméniens. T. 1–2. P., 1869–1906. T. 2. P. 492–493: «Et dicuntur Murtati qui de Turchorum ex uno parentum, ex altero vero de Grecorum progenie descenderunt».

[171] PLP. № 19534–19536 (Ἰωάννης Μουρτατόπουλος, Μουρτάτος в Эрмилии, Μιχαήλ Μουρτάτος).

[172] ALavr. T. II. № 71.79 (p. 10).

[173] *Bartusis M.* The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. P. 54. См. также: *Balivet M.* Une dignité byzantine d'origine turque: le «Myrtaïtès» (Μυρταίτης) // Balivet M. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. Istanbul, 1999. P. 115–123.

[174] О янычарах на османской службе см.: *Murphey R.* Yeñiçeri // EI NE. Vol. 11. P. 322a.

ниале. В качестве византийских гвардейцев (τοῦ βασιλέως γιανίτζαροι) они упоминаются великим экклесиархом и дикеофилаком Константинопольского патриархата Сильвестром Сиропулом в связи с событиями Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439 гг.)[175]. В частности, Сиропул рассказывает занятную историю, связанную с ними. Во Флоренции в какой-то момент итальянцы задержали на три месяца обещанное византийскому двору содержание с тем, чтобы подтолкнуть греческую делегацию к скорейшему заключению унии. Более других пострадали янычары, как самые бедные (ὡς ἐνδεέστεροι καὶ πένητες) из императорских слуг, и у них совсем не оставалось средств на пропитание. Они обратились за помощью к великому протосинкеллу, который отдал им поручи из собственного облачения (τὰ ἱερατικὰ αὐτοῦ ἐπιμάνικα), чтобы они продали их и купили себе еды. Однако вскоре янычары вновь появились у великого протосинкелла, объясняя, что им не удалось найти покупателя на поручи, поэтому кому-то из них уже пришлось продать свое оружие, а другому — заложить мундир (ὅπως ὁ μὲν διεπράσατο τὰ ὅπλα, ὁ δὲ ἠνεχύρασε τὰ ἐνδύματα, ὁ δὲ ἄλλος ἄλλο τι). Тогда великий протосинкелл направил их к эфесскому митрополиту Марку и великому сакелларию Мануилу Хрисококку, которые, отказываясь принять унию, задерживали всю византийскую делегацию на чужбине. Янычары, числом более двадцати, обрушились с упреками на Мануила Хрисококка, который в большом страхе едва их успокоил и обещал поговорить об этом с патриархом[176]. Из сообщений Сиропула однозначно следует, что янычары присутствовали в свите василевса Иоанна VIII в константинопольском дворце, а затем сопровождали императора в его поездке на собор в Италию; по всей видимости, их статус в гвардии не был высок: они стояли на более низкой ступени, нежели «архонты» и «стратиоты»; византийские янычары, скорее всего, были христианами[177].

Э. Захариаду предположила, что именование «янычар» изначально возникло при византийском дворе. По предложенной гипотезе, именно так называли каталонскую гвардию Иоанна VI Кантакузина (1352 г.): якобы ἰανίτζαρος/γιανίτζαρος происходит от именования берберской конницы на службе у каталонцев — *geneta*, *ginetes*, *janitarii* и т.п.[178] Для такого вывода нет серьезных оснований. Во-первых, фонетически переход из *ginetes*/*janitarii* в γιανίτζα-

[175] *Syropoulos*. Les Mémoires. P. 192.13 (ἰανίτζαρος), 296.20, 404.12 (γιανίτζαροι).

[176] Ibid. P. 404.8–38.

[177] *Zachariadou E.* Les janissaires de l'empereur byzantin. P. 592; *Bartusis M.* The Late Byzantine Army… P. 284–285.

[178] *Zachariadou E.* Les janissaires… P. 595–597.

ρος весьма сомнителен (в частности, греч. τζ тут не находит никакого объяснения). Во-вторых, самими византийцами в середине XV в. слово γιανίτζαρος однозначно воспринималось как османское. Так, у Дуки встречается следующее объяснение для осм. *yeniçeri*: «...государь называет их “новым войском” (на их языке — γενίτζεροι)»[179]. Невозможно себе представить, чтобы Дука и его современники не знали о «византийском» или «каталонском» происхождении термина. Поэтому не удивительно, что Э. Трапп в своем «Лексиконе» предпочел османскую этимологию слова, проигнорировав гипотетическую каталонскую, предложенную Э. Захариаду[180]. Трудно понять, из-за чего именно византийские гвардейцы могли именоваться янычарами, которые в османском пространстве были рабами султана (*kapı kulları*). Были ли они личным даром османского султана императору, выкупили ли их византийцы у османов, или же данное название означало, что эти гвардейцы были рабами василевса? Пока на эти вопросы нет ответа. Как бы то ни было, на самом излете византийской государственности греки продолжали заимствовать восточные военные технологии, которые органично входили в уже имевшиеся у них структуры.

Трапезундская дворцовая номенклатура также содержала ориентализмы τατᾶς, τζαούσιος, μουρτάτος, которые обсуждались выше, но в ней были и свои особенности. При дворе Великих Комнинов еще два старых византийских дворцовых титула оказались вытесненными новой восточной терминологией: πρωτοσπαθάριος именовался на Понте ἀμυ(ρ)τζαντάριος, а ἀκόλουθος — χουρτζῆς[181]. Эти титулы уже обсуждались в предыдущей главе.

Помимо терминов для особых «ориентализованных» типов подразделений, в греческий поздневизантийского времени вошло и несколько общих понятий, относящихся к военному делу. Тут можно упомянуть, например, **γουνδής**, мн. ч. **γύνδοι** «солдат, солдаты» ← араб. جندى *jundī*. Это слово впервые встречается в византийских текстах в конце IX в., а в XI в. — в одной южноитальянской хронике, где оно обозначает арабское войско (γύνδοι)[182]. Восточное именование фортификационной башни **πούρτζιον** (← тюрк. ← перс. ← араб. برج *burj*) является на самом деле обратным заимствованием (← греч. πύργος «башня»). Слово, вероятно, было синонимом или

[179] *Ducas*. XXIII.9 (p. 179.10): «...τούτους ὁ ἀρχηγὸς νεόλεκτον στρατόν, κατὰ δὲ τὴν αὐτῶν γλῶτταν γενίτζεροι, καλεῖ». Другие подобные примеры см. в: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 110–111.

[180] LBG. S. 317.

[181] *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 341–343, 345.18, 348.36–37.

[182] LBG. S. 328, 333; *Schreiner*. Kleinchroniken. Bd. 1. S. 334.27, 335.32; Bd. 2. S. 112, 114 (перевод); *Caracausi G.* Lessico greco… P. 148.

близким по значению к старому общевизантийскому слову κουλᾶς, также воспринятому с Востока (← араб. قلعة *qalʿa* «крепость»)[183]. Πούρτζιον впервые встречается в понтийском греческом около 1300 г.[184], однако распространенность слова в европейской части поздневизантийского мира, возможно, удостоверяется его присутствием в новогреческом языке в форме μπούρτζι[185].

В XIV–XV вв. византийцы восприняли несколько османских фискальных терминов. Одним из них был **βιρίμιον** (1342) ← осм. *verim* «доход», это слово обозначало также ежегодную дань, выплачиваемую Османскому султанату его христианскими соседями. Термин упоминается в одном из актов константинопольского патриарха Иоанна XIV Калеки, где βιρίμιον назван в списке других налогов православного неофита, генуэзца Иоанна, обладавшего податным иммунитетом[186]. Когда в 1403/1404 г. Фессалоника и некоторые македонские земли были возвращены Византии османами, которые контролировали эти территории с 1380-х гг., имперская администрация сохранила там турецкую налоговую систему; византийцы не решились вернуть свои старые подати, превышавшие османские. Как правило, в византийских документах последующих лет турецкая фискальная терминология заменена греческими эквивалентами (хотя нормы самих налогов остались прежними, османскими). Одним из исключений является **χαράτζιον**, **χαράτζι** (XV в.) «поземельный налог» ← осм. *harac* ← араб. и перс. خراج *kharāj* ← греч. χορηγία (в византийской фискальной системе χαράτζιον, вероятно, соответствовал византийскому налогу στιχικὸν τέλος)[187].

[183] *Kekaumenos*. Raccomandazioni e consigli di un galantuomo: Stratēgikon / Ed. M.D. Spadaro. Alessandria, 1998. P. 202.2–6, 226.27; *Anna Comn.* XI.4.5.13, XI.4.6.8, XI.11.5.10, XI.11.6.6; AIvir. T. IV. P. 52 (№ 85.25); MM. Vol. 2. P. 250 (a. 1395); LBG. S. 872; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 166; *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 168.

[184] *Grégoire H.* Les veilleurs de nuit… P. 494 (πουρτζίου); LBG. S. 1361.

[185] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 222.

[186] RPK. Bd. 2. S. 294.44 (№ 137); поправку в чтении см. в: LBG. S. 280. О политическом и социальном смысле βιρίμιον см. также: *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983. P. 23–24.

[187] *Oikonomidès N.* The Role of the Byzantine State in the Economy // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou. Vol. 1–3. Washington, 2002. Vol. 3. P. 1039; *Idem.* Ottoman Influence on Late Byzantine Fiscal Practice // Südost-Forschungen. 1986. Bd. 45. P. 1–24; *Idem.* Le haradj dans l'empire byzantin du XVe siècle // Actes du Ier Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Vol. III. Sofia, 1969. P. 681–688; ALavr. T. IV. P. 56–58, note 265; *Ostrogorsky G.* Byzance, état tributaire de l'empire turc // Зборник радова Византолошког института. 1958. Т. 5. P. 49–58; *Schwarz P.* Die Herkunft von arabisch *ḥarâǧ*, (Grund-)Steuer // Der Islam. 1916. Bd. 6. S. 97–99; *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 340–341.

По византийско-османскому договору 1403 г., налог *harac*, который греки прежде платили султану, теперь получал василевс[188]. С этих пор *харадж* упоминался в афонских актах, согласно которым выплаты, ранее производившиеся османам, теперь делились между монастырями и деспотом Фессалоники в соотношении $^2/_3$ к $^1/_3$[189].

В терминологии, относящейся к государственному управлению и военному делу, можно различить новые имена для новых объектов, такие как γιανίτζαρος и μουρτάτος, обозначавшие новые подразделения дворцовой охраны. К этому же типу слов относятся налоговые термины βιρίμιον, χαράτζιον, принадлежавшие к иноземной налоговой системе, принятой византийцами. Другие слова группы — τζαούσιος, χουρτζῆς, ἀμυρτζαντάριος, γουνδής и πούρτζιον — представляют собой восточные имена для уже известных византийцам объектов. Они свидетельствуют не столько о заимствовании объектов, сколько о новых, «ориентализированных» вкусах, появившихся в византийской жизни.

9. Позитивный образ Востока

Представленные группы восточных слов отражают вполне ясно артикулированный образ Востока, сложившийся в византийской ментальности. Согласно лингвистическим данным, в глазах византийцев Восток являлся источником, во-первых, товаров, в том числе тканей, одежды, аксессуаров и специй, во-вторых, торговых техник и лишь в-третьих — военных технологий и людского ресурса, в том числе для элиты дворцовой гвардии. Примечательно, что товары и торговля стоят на первом месте, оставляя позади военный аспект. Это находится в прямом противоречии с общераспространенными ныне представлениями о византийско-восточных отношениях в XI–XV вв. как об истории непримиримой вражды и соперничества, взаимного неприятия. Эти представления формировались самими византийскими идеологами, в первую очередь историографами и церковными авторами, которые проводили отчетливую границу между *собственным* («римским-греческим-христианским») и *чужим* («варварским-иноязычным-мусульманским»), жестко их противопоставляя. Именно идеологизирующая визан-

[188] *Dennis G.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.

[189] Об этом подробнее, с указанием соответствующих актов, см.: *Necipoğlu N.* Sources for the Social and Economic History of Late Medieval Thessalonike and their Significance for Byzantine and Ottoman Studies // Tarihte güney-doğu Avrupa: Balkanolojinin dünü, bugünü ve sorunları. Ankara, 1999. P. 102–103.

тийская «высокая» литература создала и культивировала однозначно негативный образ Востока как извечного противника и агрессора.

Однако если отвлечься от идеологизирующих авторов и обратиться к утилитарным текстам, лишенным претензий на концептуальное объяснение действительности, то мы найдем замечательные подтверждения обрисованного лексическими заимствованиями экзотического образа Востока, сфокусированного скорее на мирном обмене, нежели на войне. От великокомниновской эпохи дошел до нас источник, будто бы нарочно созданный для решения подобных задач. Я имею в виду «Трапезундский гороскоп на 1336/1337 г.», сопровождающий астрономический альманах (таблицы расположения светил) и составленный для города Трапезунда на период с 12 марта 1336 по 12 марта 1337 г. Гороскоп издавался дважды в начале прошлого века, а в 1994 г. английский исследователь Р. Мерсье впервые издал сам астрономический альманах, сопроводив его содержательным математическим и историческим комментарием, а также английским переводом предсказаний (перевод, правда, не избежал неточностей)[190]. Альманах вплетен в рукопись № 525 мюнхенской Bayerische Staatsbibliothek, принадлежавшую Андрею Ливадину и содержащую автографы его произведений. Однако альманах и предсказания записаны не его рукой; маловероятно также, что он был автором астрономических расчетов и текста предсказаний. По хорошо обоснованному предположению Р. Мерсье, создателем альманаха являлся полулегендарный Мануил — священник из Трапезунда, как предполагается, глава трапезундской астрономической школы и учитель Георгия Хрисококка. Был ли Мануил автором предсказаний — сказать трудно; в любом случае, кроме астрологических познаний гипотетический автор гороскопа обладал недюжинной медицинской эрудицией[191].

---

[190] TH. P. 33–50; Andreae Libadeni Trapezuntii praedictiones pro anno mundi 6844 = 1336 p. Chr. n., excerpta ex Cod. 12 (Monac. 525) / Ed. F. Boll // CCAG. T. 7 (Codices Germanicos). Bruxellis, 1908. P. 152–160; *Mercier R.* An Almanac for Trebizond for the Year 1336. Louvain-la-Neuve, 1994. О гороскопе см. также: *Карпов*. История. С. 146, 185, 413, 474–475; *Tihon A.* Tables islamiques à Byzance // Byzantion. 1990. T. 60. P. 417–418 (= *Eadem*. Études d'astronomie byzantine. L., 1994. (Variorum CS). № VI).

[191] *Mercier R.* An Almanac… P. 79, 92–96, 154. О трапезундском священнике Мануиле см. также: *Tihon A.* L'astronomie byzantine (du Ve au XVe siècle) // Byzantion. 1981. T. 51. P. 616–618; *Eadem*. Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle // Byzantion. 1987. T. 57. P. 473, 477–479, 481–482, 484 (note 67); *Eadem*. Tables islamiques à Byzance. P. 418 (= *Eadem*. Études d'astronomie byzantine. № I, V, VI).

Как показал Р. Мерсье, таблицы составлялись согласно калькуляционным методам иранской астрономической школы, которые на рубеже XIII–XIV вв. потеснили традиционную для византийской астрономии птолемеевскую систему[192]. Причем автор черпал знания об иранской астрономии из персидских первоисточников. Он помечал в таблицах счет дней по мусульманскому календарю наряду с христианским счетом времени. Фонетическая форма исламской календарной терминологии, зафиксированной в таблицах, указывает на знание автором если не письменного, то, по крайней мере, разговорного персидского языка[193]. Однако составитель альманаха, будучи приверженцем иранской школы астрономии и знатоком персидского языка, тем не менее являлся христианином и был причастен к собственно византийской космологической традиции. В таблицах астроном пометил не только христианские и мусульманские названия месяцев, но и даты главных христианских церковных праздников[194]. Он отдал дань и Птолемею, исходя из его географических координат Трапезунда и игнорируя новые и более точные арабо-персидские данные[195].

То же можно сказать и об авторе гороскопа. «Христианский» характер предсказаний совершенно однозначно постулируется в самом начале гороскопа, где дата грядущего года дается по византийской системе — от Сотворения мира. В самом тексте автор сулит добро всем христианам и τῷ κραταιῷ καὶ ἁγίῳ ἡμῶν αὐθέντῃ, именуя государя «нашим»[196]. Язык гороскопа безыскусен, но вполне грамотен. Для последующего изложения важно подчеркнуть: нет сомнений в том, что данный текст писался византийским подданным и греком. Уникальность гороскопа обусловлена тем, что это — единственный во всей византийской письменности целиком сохранившийся астрологический прогноз общего характера[197], предназначенный не для индивида, но для коллективного адресата, а именно для всего трапезундского общества — от василевса и до

[192] *Pingree D.* Gregory Chioniades and Palaeologan Astronomy // DOP. 1964. Vol. 18. P. 133–160; *Tihon A.* Les tables astronomiques persanes…

[193] На это указывает достаточно высокая степень точности в передаче арабских имен месяцев. Вместе с тем ударения в некоторых случаях проставлены в согласии с орфоэпическими правилами персидского языка: σαφάρ, ῥατζάπ (тогда как в арабском произношении ударение должно падать на первый слог), см.: *Mercier R.* An Almanac… P. 40, 42, 52, 54.

[194] См. пометки на полях таблиц: Ibid. P. 30–55.

[195] Ibid. P. 76–77.

[196] TH. P. 38.8.

[197] Ср.: *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 2. München, 1978. S. 244–257.

простого народа (κοινὸς λαός). Гороскоп охватывает все социальные страты, но, будучи создан как письменный текст, он, как можно думать, по преимуществу ориентирован на высшие и на грамотные средние слои населения. Причем такая направленность предсказаний отчетливо отражена в самой структуре гороскопа: первая его половина разбита на отдельные главки, которые содержат общие предсказания для: 1) василевсов, 2) вельмож, 3) грамматиков и нотариев, 4) архиереев и клириков, 5) архонтов и воинов, 6) старцев и евнухов и, наконец, 7) предпринимателей (πραγματευταί) и торговцев. Отмечу попутно, что само это перечисление представляет собой уже готовую «социологическую концепцию», некую таксономию общества, как она виделась современнику. Причем в этой «социологии» «простой народ» вообще не выделен в отдельный элемент таксономии, но «прилеплен» к концу седьмого разряда[198], клир же и военное сословие, как это ни странно, поставлены ниже «грамматиков и нотариев». Подавляющая часть предсказаний прямо называет своим адресатом, помимо царя, либо знать и чиновничество (μεγιστᾶνες[199], μείζονες[200], ἄνθρωποι μεγάλοι[201], ἄρχοντες[202], στρατιῶται/στρατός/στρατόπεδα[203], νοτάριοι[204], γραμματικοί[205], εὐνοῦχοι[206], ὀνομαστικοὶ καὶ εὐγενεῖς γέροντες[207]), либо клир (ἀρχιερεῖς καὶ κλῆροι[208], μοναχοί/μονάζοντες[209], ἱερεῖς[210]), либо торговцев (крупные торговцы, предпринимавшие дальние поездки; перекупщики, торговавшие привозными товарами; мелкие торговцы — пазариоты)[211].

После общих предсказаний следуют прогнозы по временам года (начиная с весны), а затем — по декадам каждого месяца. Основные темы гороскопа — удача в профессиональной деятельности, обогащение, урожай, торговая конъюнктура, здоровье и бо-

198 TH. P. 40.27.
199 TH. P. 39.8, 21–23, 28; 41.20; 42.20; 43.15; 44.6, 16; 45.11.
200 TH. P. 41.18.
201 TH. P. 43.12.
202 TH. P. 38.10; 40.6.
203 TH. P. 38.9; 40.6–9; 43.6; 44.5, 25; 45.5, 14–15.
204 TH. P. 39.24–25; 43.6, 12.
205 TH. P. 39.9, 25–28; 42.17; 43.15, 18, 26; 44.17, 22; 45.7, 23.
206 TH. P. 40.10–15; 43.5, 15, 24; 44.26; 45.8.
207 TH. P. 40.10–15, см. также: 43.28; 44.9, 24, 30; 45.24.
208 TH. P. 40.6–9; 43.23.
209 TH. P. 42.17; 44.6.
210 TH. P. 43.5.
211 TH. P. 40.19–22, 27–28, а также 44.7. В литературе уже анализировались данные гороскопа о трапезундской торговле: *Карпов*. История. С. 30, 146, 413; *Zachariadou E.* Trebizond and the Turks (1352–1402) // АП. 1979. Т. 35. P. 353.

лезни, погода, природные и социальные катаклизмы, бытовая преступность. Причем следует отметить, что данный памятник, представляя собой непосредственное, временами наивное повествование, носит сугубо утилитарный характер, а это обстоятельство, по-видимому, и уберегло его содержание от литературной обработки и подгонки под нивелирующее риторическое «должное». С этой точки зрения гороскоп сравним с современной прессой. Именно эти особенности делают его совершенно уникальным источником для реконструкции обыденного сознания, а именно ценностных установок, чаяний, страхов и радостей[212]. Таким образом, предсказания, будучи сами по себе каталогом повседневного интереса, фиксируют *типическую интенциональность* наиболее деятельных, динамичных и образованных страт общества, причастных к власти и богатству.

Топографический горизонт гороскопа ошеломляет своей неожиданностью. На севере предсказания упоминают Туркию, т.е. причерноморские степи, и Татарию, т.е. золотоордынские владения (Τουρκία καὶ Ταταρία[213]), а также Хазарейские земли (χώρα τῆς Χαζαρίας[214]) — для той эпохи именование, обозначавшее Крым, «Газарию»[215]. Обобщенно монголы обозначены как οἱ Τάταροι[216]. По-видимому, анатолийские земли подразумеваются под εἰς τοὺς Τούρκους и χώρα τῶν Τούρκων[217], а анатолийские тюрки — под Ἀγαρηνοί[218]. В Анатолии и Сирии упомянуты Курдистан (Κουρτιστάν[219]), Амид (Ἀμήτιν[220]), Сирия (τὸ Σιάμ: «εἰς τὸ Σιάμην»[221]), Мосул (Μουσούλ[222]). Подробно представлена топонимика Ирака и Западного

---

[212] Первый, может быть слишком поспешный, анализ текста гороскопа как источника по византийской повседневности предпринят М. Варвунисом: *Varvounis M.G.* Όψεις της καθημερινής ζωής στην Τραπεζούντα του 14ου αιώνα — Η μαρτυρία του Ωροσκοπίου της Τρπεζούντος (1336) // ΑΠ. 1994. Т. 45. Σ. 18–36 (в качестве приложения к статье воспроизведено издание С. Лампроса).

[213] TH. P. 44.16.

[214] TH. P. 41.22; комментарий С. Лампроса: σ. 48.

[215] TH. P. 41.22, 44.16; *Shukurov R.* The Byzantine Turks... T. 6. P. 26. № 50 (см. также выше, гл. VII).

[216] TH. P. 42.1–2.

[217] TH. P. 41.4, 44.18, 45.3.

[218] TH. P. 44.7.

[219] TH. P. 40.31.

[220] Ibid.

[221] TH. P. 43.9; комментарий С. Лампроса: σ. 48–49. Об этом топониме см.: *Shukurov R.* The Campaign of Shaykh Djunayd Ṣafawi against Trebizond (1456 AD / 860 H) // BMGS. 1993. Vol. 17. P. 135.

[222] TH. P. 44.27.

Ирана: Багдад (Βαβυλών[223]), Муган (Μουγάν[224]), Гилян (Κοιλάνη[225]), Тебриз (Ταυρέζ[226]). Далее на юг — упомянуты Палестина (Παλαιστίνη[227]), Египет (Μήστριν[228]). Обобщенно арабские земли обозначены как εἰς τοὺς Ἀράβους[229] и χώρα τῶν Ἀράβων[230]. Присутствует также указание на загадочное τὰ πέριξ τοῦ Χάτζη[231]. Р. Мерсье толкует это слово как топоним — малоизвестный в Средневековье городок Hazza (Hezza) в Южном Курдистане. Однако очевидно, что τὰ πέριξ τοῦ Χάτζη, которое соседствует в тексте с εἰς τοὺς Ἀράβους, следует переводить как «земли в окрестностях паломничества (*хаджа*)», под которыми подразумевалась область двух мусульманских священных городов в Аравии — Мекки и Медины[232]. Это — самая удаленная точка в географии трапезундского обыденного интереса. И наконец, под именованием «Восток» (Ἀνατολή[233]), по всей видимости, обобщены мусульманские ирано-арабские земли Востока и Юга. Вместе с тем, по убеждению составителя гороскопа, трапезундца в его повседневных заботах вряд ли может заинтересовать что-либо конкретное в христианской ойкумене: в гороскопе не упомянут *ни один* христианский топоним. Возможно, что эти земли подразумеваются в предсказаниях под неким обобщенным «Западом» (Δύσις), упомянутым дважды (ἀνδροκτασίας εἰς τὴν δύσιν, εἰς τὴν δύσιν μέγας θάνατος καὶ κατὰ τόπους σεισμός)[234]. Однако даже в этом случае нельзя полностью исключить вероятности того, что под «Западом» имеются в виду анатолийские территории по преимуществу, прилегавшие с запада к границам империи и находившиеся во владении тюрков (см. рис. 8.4).

---

[223] TH. P. 39.18.

[224] TH. P. 41.1.

[225] Ibid.

[226] TH. P. 39.18. У Михаила Панарета: «ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ταυρεζίου» (*Panaretos*. P. 62.7; *Bryer A.* The Fate of George Komnenos, Ruler of Trebizond (1266–1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 340).

[227] TH. P. 39.18.

[228] TH. P. 40.31.

[229] TH. P. 41.4.

[230] TH. P. 45.2.

[231] TH. P. 41.5; поправка Р. Мерсье «τοῦ Χάτζης» (вместо «τοῦ Χάτζη») в прочтении топонима вряд ли уместна: *Mercier R.* An Almanac... P. 155. Note 6.

[232] Это толкование, во-первых, в большей степени отвечает общей логике предсказаний, обозначивших наиболее крупные и значительные географические точки зарубежья, а во-вторых, оно более корректно расшифровывает слово Χάτζη — точное фонетическое соответствие арабского حج *ḥajj* «хадж», «паломничество».

[233] TH. P. 43.31.

[234] TH. P. 43.8, 45.15–16.

Два обстоятельства поражают более всего: отсутствие в гороскопе упоминаний, во-первых, Константинополя, а во-вторых — итальянских черноморских поселений. Между тем, как хорошо известно по другим источникам, все они играли первостепенную роль в политике и торговле Трапезунда[235]. Причем отметим, что в отношении Константинополя понтийская политико-идеологическая рефлексия продолжала пребывать в русле общевизантийской традиции. В хронике Михаила Панарета он наделен более высоким статусом, нежели сам Трапезунд: Константинополь в большинстве случаев именуется «Городом» (Πόλις, Μεγαλόπολις и Μεγάλη Πόλις), тогда как столица империи остается всего лишь Трапезундом, одним из «городов»[236]. Не исключено, что «Татария» и «Хазарейские земли» включали в себя и итальянские фактории в Северном Причерноморье, а под «Западом» подразумевалась палеологовская Византия и Константинополь. Даже если это так, сам «тюркизирующий» характер генерализации в первом случае и слишком отстраненное обобщение во втором говорят о многом.

Перечень упоминаемых этнонимов, которые по своей природе тесно связаны с топонимией, только подтверждает обрисованную выше картину. Из христианских народов в первую очередь упомянуты сами «жители римских земель» (οἱ δὲ ἐν ταῖς χώραις τῶν Ῥωμαίων), под ними подразумевались прежде всего понтийцы, которым и предназначался этот гороскоп[237]. Можно предположить, что множественное число χώραις также охватывает государство Палеологов и косвенно указывает на фактическую расколотость и многоцентричность византийской ойкумены. В двух случаях упомянуты «христиане»[238], в первом из них (ἐν πᾶσι τοῖς Χριστιανοῖς) однозначно подразумевались не только понтийцы, но и весь христианский мир. Как бы то ни было, оба этноконфессиональных термина слишком уж обобщенно обозначили христианский мир за пределами Понта. Приведенная в предсказаниях палитра представителей исламских земель много более дифференцирована и конкретна, она указывает на то внимание, которое оказывали трапезундцы реальному этногосударственному строению мусульманского мира: названы анатолийские тюрки (тюрки, агаряне), татары (монголы), арабы. Как мы видим, в своей обыденной жизни грек-понтиец стоял спиной к христианскому Западу и лицом к тюрко-ирано-арабскому Востоку.

[235] *Карпов С.П.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99.
[236] *Panaretos*. Index.
[237] TH. P. 39.5–6.
[238] TH. P. 38.7, 44.22.

Несмотря на «иранизированность» астрономической базы предсказаний, вряд ли можно заподозрить автора гороскопа в сознательном или бессознательном искажении общей картины интересов его соотечественников: как показано выше, он принадлежал к понтийской византийской среде, будучи христианином и греком (см. рис. 8.4).

Контекст, в котором упоминаются топонимы и этнонимы, достаточно точно указывает на потребителя информации о загранице. Эти сведения, как правило, имеют конкретного адресата (либо политика, либо торговца, либо их обоих) и сугубо утилитарны по своему значению. Так, в общем предсказании для царей (о нем мы уже упоминали выше) сообщается, что в наступающем году «время от времени будут наследоваться [царства], в особенности в Вавилоне, Тебризе, Палестинском царстве, и много слухов о них, и [в делах их] по большей части неопределенность»[239]. В общем предсказании для «предпринимателей и торговых людей» сообщается: «Войны же будут во многих местах и человекоубийство. В особенности в Амиде, Мисре, Курдистане, в Гиляне, в Мугане, особенно в течение всего месяца апреля[240]». Затем, в том же отрывке, предсказав повышение цен на хлеб, ячмень и другие продукты, астролог предрекает, что в наступающие месяцы «наибольшее стеснение будет в [землях] турок и арабов и в землях в окрестностях *хаджа*[241]». Таким образом, по мысли предсказателя, именно для политиков и торговцев в их повседневных заботах должны были оказаться интересными и необходимыми сведения о мусульманских территориях, как близких, так и весьма отдаленных. Можно, следовательно, предположить, что и другие предсказания об исламских землях, рассыпанные ниже по частным предсказаниям на времена года и отдельные месяцы, также предназначались для царей и торговцев: весной ожидалось появление саранчи в Хазарейских землях, в апреле — мор в Сирии, в июне — смута на Востоке, в августе — войны в Туркии и Татарии, в сентябре — великая беда в Мосуле, в октябре — чума и неурядицы в землях арабов и тюрков.

Бросается в глаза сугубая негативность продуктов «футурологической экспертизы» почти для всех этнотопографических единиц за пределами империи. Это лишь подчеркивает утилитарный характер гороскопа. Астролог концентрируется на катастрофических прогнозах, отвечая потребностям политиков и торговцев, для

---

[239] TH. P. 39.17–19.
[240] TH. P. 40.30–41.1.
[241] TH. P. 41.2–5.

которых жизненно важным было знать о событиях, кардинально изменяющих как наличные взаимоотношения империи с мусульманскими соседями-соперниками[242], так и обычный ход торговли на Востоке и Севере. Вместе с тем указанная направленность информации о мусульманском зарубежье на задачи политиков и торговцев отнюдь не сужает область ее хождения и фактического повседневного к ней интереса. Напротив, было бы естественно предположить, что международное политическое и торгово-экономическое положение империи интересовало много более широкий круг образованных византийцев Понта, патриотов своей державы и своей культуры. Вряд ли можно сомневаться, что образованные клирики, военно-родовая знать, а также люди интеллектуальных профессий (чиновники, юристы, писцы, преподаватели и т.п.) проявляли интерес к международной политике и торговле, а если это так, то можно думать, что гороскоп обрисовывал также и их топографический горизонт.

Обсужденные выше данные вовсе не означают, что понтийцы не знали других городов, народов и стран. Например, хроника Михаила Панарета — единственный понтийский текст, который содержит систематическое изложение официальной военно-политической и дипломатической истории империи, — дает нам иной набор топонимов и обрисовывает существенно отличающийся горизонт, не вполне совпадающий с только что описанным. Панарет воспроизводит топографию официозного, идеологизированного политического интереса и фактической военной истории Великокомниновского государства. В центре его картины стоит даже не Трапезунд, но Константинополь — вожделенная мечта Великих Комнинов, по крайней мере на протяжении XIII в. Точно так же свои особенности имеют внешние миры в текстах церковного характера, в энкомиях (особенно в тексте Виссариона), в интеллектуализированных путевых записках Ливадина и т.д.[243] Каждый из этих разрядов источников отражает разные измерения сознания, его различные «голоса» и «тональности». Отмеченное обстоятель-

---

[242] Хотя нельзя не отметить в связи с этим, что топографический горизонт гороскопа на Востоке много шире тех дипломатических связей Трапезундской империи, которые мы в состоянии восстановить по сохранившимся источникам. Так, совсем ничего не известно о сношениях Трапезунда в XIV в. с Золотой Ордой, Египтом, с восточноанатолийскими и сирийскими эмиратами, Палестиной и тем более — с Аравией («Земли Хаджа»). О политических связях с монгольским Ираном известно лишь для предыдущей эпохи — второй половины XIII в. (*Bryer A.* The Fate...; *Idem.* The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. 1994. T. 6 [Itinéraires d'Orient. Hommages à Claude Cahen]. P. 257–261).

[243] *Bessarion*. Σ. 1–75; *Libadenos*.

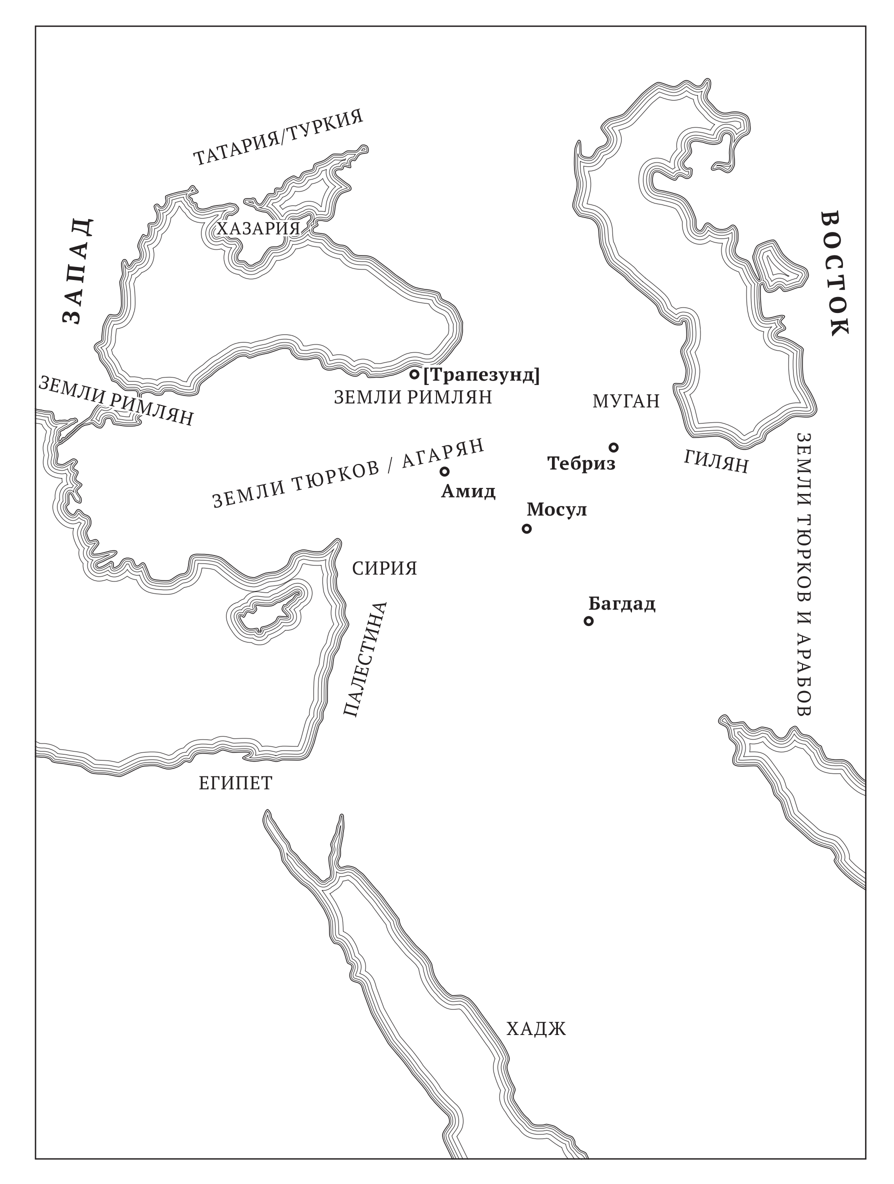

Рис. 8.4. Топография «Трапезундского гороскопа»
(картограф: О.Р. Шукуров)

ство свидетельствует только о том, что действительный горизонт жизненного мира сложен по своему составу и складывается из множества частных сегментов, взаимодополняющих друг друга.

Однако, возвращаясь к «языковому» образу Востока, любопытно отметить, что номенклатура обсуждавшегося выше лексического материала поразительно точно соответствует «ориентализму» «Трапезундского гороскопа». Конечно, в Константинополе и на византийских Балканах роль Западной Европы в политической и экономической жизни, а также физическое присутствие латинян в византийском обществе носили, несомненно, много более масштабный характер по сравнению с Трапезундом[244]. Нет сомнения в том, что Константинополь был более европоцентричным, чем Трапезунд, и в нем вряд ли мог возникнуть гороскоп с такой односторонней топографической номенклатурой. Тем не менее обсуждаемая восточная лексика показывает, что базовый образ Востока как важного торгового партнера является общим для всего византийского мира и характерен не только для Трапезунда. Восток постоянно присутствовал в обыденной жизни византийцев в виде тканей (как дорогих, так и дешевых), предметов одежды и аксессуаров (как парадных, так и обыденных), продуктов питания (как повседневных, так и специальных медицинских). Византийские купцы в сугубо приватных, предназначенных только для себя заметках фиксировали приход и уход товара восточными мерами веса. В византийской повседневной ментальности, как это отражается в языке, в утилитарных текстах, подобных обсуждавшемуся гороскопу, Восток воспринимался как источник экзотических товаров и привлекательных торговых техник.

10. Расширение горизонта

Очевидно, что изменения в повседневном быту не могли не сопровождаться трансформацией в традиционных структурах византийского менталитета, о чем, собственно, в первую очередь и свидетельствуют восточные заимствования, вошедшие в греческий. Обсуждаемая лексика, несомненно, отражает культурное влияние Востока на византийскую жизнь. Тем не менее сама идея «влияния» имеет амбивалентный смысл. Внешнее влияние может и должно рассматриваться как акт *присвоения* воспринимающей культурой элементов *другого*. В этом смысле византийцы, заимствуя вещи и слова с Востока, в то же время овладевали новой информацией,

[244] На это указывают, в частности, многочисленные заимствования из западноевропейских языков в среднегреческом. См.: *Kahane H., Kahane R.* The Western Impact on Byzantium: The Linguistic Evidence // DOP. 1982. Vol. 36. P. 127–153; *Iidem.* Abendland und Byzanz: Sprache // Reallexikon der Byzantinistik. Bd. 1. Amsterdam, 1968–1976. S. 536f.

тем самым расширяя горизонт собственного мира, раздвигая собственные традиционные пределы за счет мусульманского мира. Я предлагаю взглянуть на проблему влияния тюркского начала на византийское сознание с несколько иной точки зрения, а именно сквозь призму *горизонтов жизненного мира* византийца. Уточню, что́ в применении к разрабатываемой проблематике понимается под *горизонтом* — понятием, широко используемым в современных феноменологических исследованиях культуры и герменевтике[245]. В предыдущем разделе я говорил о *топографическом горизонте* византийца. Однако *горизонт жизненного мира* не сводится только к топографии. В самом общем виде под горизонтами я понимаю тот особый *контекст* сознания, поле априорных представлений и установок, которые, наделяя субъект неким *пред-знанием*, предшествовали всякому новому опыту и во многом обуславливали его. Очевидно, что горизонт сознания, которое само постоянно находится в процессе изменения во времени, но при этом сохраняет целостность и выраженную внутреннюю структуру, — категория сугубо историчная. С одной стороны, он аккумулирует в себе минувший исторический опыт, а с другой — он непрерывно передвигается вместе с субъектом, с каждым новым шагом освещая иные пространства и тем самым изменяясь[246]. Именно через идею *горизонта* наиболее точно фиксируется непосредственный ответ сознания на внешнюю событийность. С этой точки зрения, выявленные тюркские лексические заимствования в пространстве греческого языка обрисовывают, так сказать, *исторически сложившийся* «этнолингвистический» горизонт греческого сознания, которое находилось в процессе освоения чужеродного элемента, причем этот чужеродный элемент уже стал его неотъемлемой и привычной частью. Именно это априорное и неосознанное восприятие чужого языка и, следовательно, его носителей как интегрального элемента образа «собственного дома» указывает на то латентное ментальное движение, которое все шире открывало сознание византийца для освоения им чуждого тюркского мира — или же, иными словами, *расширяло* его горизонты за счет включения элементов тюркского мира, прежде ему неведомого или малоизвестного. В этом смысле чрезвычайно важно то, что многие из обсуждаемых заимствований (и объектов, которые стояли за ними) были на-

---

[245] См., например: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод / Пер. с нем. М., 1988. С. 293–298; *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Пер. О. Кубановой // Логос. 1994. № 6. С. 77–94; *Хестанов Р.З.* Трансцендентальная феноменология и проблема истории // Логос. 1991. № 1. С. 67–75.

[246] *Гадамер Х.-Г.* Истина… С. 296.

столько глубоко ассимилированы в византийском пространстве, что составили неотъемлемую часть собственного мира византийцев, его существенное *расширение*. Здесь я имею в виду некоторые замечательные примеры практически полной ассимиляции иностранной лексики в среднегреческом вопреки диглоссийным механизмам.

Старым заимствованием является **μουζάκιον** «сапоги» ← диал. перс. موزک *mūzak*, ср.: араб. موزج *mawzaj*[247] и перс. موزه *muza* ← среднеперс. *mūzak* «сапоги, обувь». Еще в X в. одна из производных этого слова была квалифицирована как греческая Львом Диаконом: он переводит «греческим» словом μουζακίτζης (предположительно, в значении «короткие сапоги») армянское имя Цимисхий (арм. չմուշկ *čmušk*) — прозвище императора Иоанна I (εἰς τὴν Ἑλλάδα μεθερμηνευόμενον μουζακίτζην δηλοῖ)[248]. Предположение Н. Панайотакиса о том, что μουζακίτζης является эллинизированной формой другого армянского слова — մուճակ *mučak* «вид обуви», восходящего к упомянутому персидскому источнику, представляется неправдоподобным, ибо греческое слово фонетически ближе к персидскому оригиналу, чем к армянской производной[249]. Еще менее вероятной является гипотеза об албанском происхождении μουζάκιον, предложенная Д. Полемисом[250]. С XI до XV в. в Византии существовало прозвище или фамильное имя Μουζάκιος или Μουζάκης[251]. Некоторые из его владельцев, возможно, были родственниками. Несомненно, что это имя происходит от слова μουζάκιον «сапоги». Μουζάκιον стало неотъемлемой частью греческой лексики и обнаруживается в разных жанрах литературы вплоть до XV в. Оно встречается в середине XIV в. в трактате Псевдо-Кодина в форме множественного числа — μουζάκια. Жан Верпо переводит его как «les empeignes», то есть «передок, союзка обуви»[252].

В начале XIV в. Фома Магистр в одном лексикографическом сочинении объясняет смысл аттического слова φάσκωλος следующим образом: «кожаный мешок для перевозки одежды, который обычно называют τζαμανδᾶς» («Φάσκωλος — ὁ ἐκ δέρματος ὁ λεγόμενος ἰδιωτι-

[247] *Steingass F.* Arabic-English Dictionary. New Delhi, 1978. P. 1082.
[248] Leonis Diaconi historiae libri X / Rec. C.B. Hase. Bonn, 1828. V.9, p. 92.4.
[249] *Panagiotakes N.M.* Λέων ο Διάκονος. Βιογραφικά. Χειρόγραφα και εκδόσεις. Αθήνα, 1965. Σ. 105. Σημ. 3.
[250] *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 147. Note 5.
[251] Ibid. P. 147–148.
[252] *Pseudo-Kodinos*. Traité. P. 144.5.

κῶς τζαμανδᾶς, ἐν ᾧ τὰ ἱμάτια φέρομεν»)[253]. Это означает, что к эпохе Фомы φάσκωλος являлось устаревшим словом, непонятным для большинства людей, и было полностью замещено персидским τζαμανδᾶς.

Михаил Дука, знавший тюркский, был примечательно чувствителен к языковым вопросам. Его «История» содержит некоторые ценные свидетельства об отношении греков к иностранным заимствованиям. Выше подробно обсуждалось употребление Дукой слова ζαρκολᾶς (головной убор, надеваемый под другие головные уборы). Примечательно, что он характеризует ζαρκολᾶς как слово, принадлежавшее к «просторечному языку» византийцев (ὃ κατὰ τὴν κοινὴν γλῶτταν Ρωμαῖοι ζαρκολᾶν λέγουσι), то есть распространенное в устной речи[254]. Сложно сказать, носили ли греки-христиане ζαρκολᾶς как элемент костюма (конечно, первоначально заимствованный с Востока); вероятно, подобные шапочки также ими использовались, раз это понятие стало обычным в их лексиконе. Во всяком случае, очевидно, что слово в полной мере было ассимилировано греками к середине XV в.

Другое персидское слово появляется у Дуки в эпизоде разгрома и пленения Байазида I эмиром Тимуром — это ζατρίκιον «шахматы» (← перс. شترنج *shatranj*), которое было заимствовано византийцами в X или XI в. В XV в. Дука, по-видимому рассматривая его как исконно греческое, объясняет, что ζατρίκιον именуется персами *shatra*(*n*)*j*, а латинянами — *scac*(*c*)*hi* («…παίζων ζατρίκιον, ὃ οἱ Πέρσαι σαντρὰτζ καλοῦσιν, οἱ δὲ Λατῖνοι σκάκον…»[255]). Как кажется, византийский историк вряд ли усматривал в ζατρίκιον и σαντράτζ один и тот же персидский корень и воспринимал ζατρίκιον как исконно греческое слово, а σαντράτζ (от того же перс. *shatranj*) — как иностранное. Стоит напомнить, что шахматы были изобретены на Востоке, о чем Дука, судя по всему, не знал. Он явно интересовался этой игрой, о которой рассуждает и далее в своем описании первой встречи поверженного султана Байазида I и эмира Тимура. Тимур в этот момент как раз проиграл партию своему сыну. Данные Дукой в этом эпизоде этимологии ошибочны: хорошо видно, что византийский писатель знал турецкий, но его знание было ограниченным[256].

[253] *Ritschl F.* Thomae Magistri sive Theoduli monachi ecloga vocum atticarum ex recensione et cum prolegomenis. Halle, 1832 (repr.: Hildesheim, 1970). P. 380.

[254] *Ducas.* XXIII.9 (p. 179.20).

[255] Ibid. XVI.9 (p. 99.17). Ο σκάκος ← ит. ← араб., см.: LBG. S. 1558.

[256] Ibid. XVI.10 (p. 99.31–33): «Τότε καὶ ὁ Ταμὴρ ἡττηθεὶς ἐν τῷ τοῦ σκάκω παιγνίῳ παρὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ — δοὺς αὐτῷ περσιστὶ σιαχρούχ, ὃ λέγεται παρ᾽ Ἰταλοῖς σκάκω ζογάω, ἐκάλεσε τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἔκτοτε Σιαχρούχ, ἤγουν τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ». На самом

Другое указание на глубокое освоение восточных слов в среднегреческом можно увидеть в греческих производных от заимствованных восточных корней. С этой точки зрения весьма интересна группа слов, сочетающих в себе восточный корень и греческую морфему, как, например, μουζακοπράτης «продавец обуви». Это слово встречается в финансовых записях кардинала Исидора Киевского 1443 г.[257] Μουζακοπράτης происходит от восточного заимствования μουζάκιον (см. выше) и греческой корневой морфемы -πράτης «продавец». В финансовых заметках 1324 г. содержится другой дериват μουζάκιον: μουζακοπέτζωμα «подошва сапог» (μουζακ + πέτζωμα)[258]. Аналогичный пример представляют собой παζάριν и παζαριώτης, обсужденные выше, в данном случае греческий неологизм строится из восточной основы и греческого суффикса -ιώτης. Другим интересным случаем подобного рода являются понтийские прозвища Καλκανᾶς (← тюрк. *kalkan* «щит»)[259] и Τζακᾶς (← тюрк. *ocak* «очаг, печь»)[260], которые состоят из тюркской основы и греческого суффикса *nomen agentis* -ας. Очевидно, что эти имена не могли в готовом виде войти в сельский греческий язык, они являются продуктом онимизации соответствующих апеллятивов, заимствованных греками. Сначала в язык вошли тюркские именования для щита (καλκάν) и очага ([ὀ]τζάκ), и лишь из них образовались соответствующие названия профессий и антропонимы.

Венцом череды приведенных примеров и своеобразным символом языковой ситуации того времени является замечательный понтийский гибрид, состоящий из двух синонимических основ — греческой и тюркской: δεσποινάχατ[261]. Это слово произошло от слияния греческого δέσποινα «госпожа, царская дочь, царская жена» и χατ ← тюрк. *qat* (قات), которое является стяжением *qatın/kadın* «женщина, девица»[262] и играет роль антрополексемы, второго компонента тюркских имен, указывающего на женский род[263]. Словом «деспинахат» Панарет дважды обозначил трапезундскую царевну (δέσποινα) Марию, ставшую женой (*qat*) Кутлу-бека, эмира туркме-

---

деле «мат» в персидском и арабском звучит как *shāhmāt*, а имя Тимурова сына *Шахрух* не имеет отношения к шахматам.

[257] *Schreiner*. Texte. S. 282 (66/5).

[258] Ibid. S. 463 (App. VI, 1328 г.), 468 (App. VIII, 1324 г.).

[259] AV. № 106.341; *Shukurov R*. The Byzantine Turks of the Pontos. P. 15.

[260] *Lampros*. Ανέκδοτον. Σ. 198.8; PLP. № 27693; *Shukurov R*. The Byzantine Turks of the Pontos. P. 22.

[261] *Panaretos*. P. 72.27, 76.3.

[262] *Радлов*. Т. 2. С. 277.

[263] *Rásonyi & Baski*. Onomasticon Turcicum. P. LXX.

нов *аккуйунлу*. Антрополексема χατ/*qat* обнаруживается у того же Панарета и в имени грузинской царевны Κουλκάνχατ, то есть «госпожа Кулкан»[264]. Предположение Д. Моравчика, что χατ является производной от χατοῦνα ← тюрк. خاتون *hatun* «госпожа, царевна и т.д.»[265] (← согд.)[266], которое хорошо известно из поствизантийских греческих источников[267], лингвистически маловероятно. Однако и χατοῦνα/*hatun* имело хождение в греческой среде с XIV в.: так, в одной надгробной надписи из Эрзинджана упомянута некая гречанка, μεγίστη χατοῦνα («великая госпожа»), которая умерла в 1341 (или 1343) г.[268]

Несмотря на недостаточность прямых свидетельств, можно думать, что доля ориентализмов в греческом разговорном языке в XIII–XV вв. была довольно заметной. Как свидетельствует эпический текст «Дигенис Акрит», византийцы могли использовать в значении «неверная, язычница» слова χανζύρισσα (← араб. خنزير *khinzīr* «свинья»)[269] и χατζιροφαγοῦσα (букв. «поедательница свинины»)[270] того же арабского корня и того же смысла. Слово *khinzīr* было также заимствовано из арабского и иранцами, и тюрками

---

[264] Она упомянута у Панарета под 1377 г. (*Panaretos*. P. 78.29); этимологию имени Κουλκάν см. в гл. VII, разд. 1, № 32. См. также: *Zachariadou E.* Noms coumans à Trébizonde // RÉB. 1995. T. 53. P. 285–288.

[265] *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 343–344.

[266] *Rásonyi & Baski*. Onomasticon Turcicum. P. LXVIII.

[267] Так, например, Феодора Великая Комнина, жена Узун Хасана, названа δέσποινα χατοῦν, см.: *Philippides M.* Emperors, Patriarchs, and Sultans of Constantinople, 1373–1513: An Anonymous Greek Chronicle of the Sixteenth Century. Brookline (MA), 1990. P. 68.9, 126.9.

[268] Ее имя содержится в надгробной надписи, исследованной Ф. Кюмоном: *Cumont F.* Inscription de l'époque des Comnènes de Trébizonde // Mélanges d'histoire offerts à Henri Pirenne. P., 1926. P. 67–72. По чтению Ф. Кюмона, за μεγίστη χατοῦνα (где можно было бы ожидать имя усопшей) следует πρεβητέρισα («попадья», нормализованная форма — πρεσβυτέρισσα). По мнению исследователя, женщина сначала была замужем за знатным мусульманином, а потом вышла замуж за священника. Однако это толкование не объясняет, почему в эпитафии нет самого имени покойной, что противоречит здравому смыслу и установившимся практикам. Чтение πρεβητέρισα сомнительно, вместо «попадьи», вероятно, тут следует читать имя собственное Πρεβη[σ]τένισα (по аналогии с Πρεβεστηνός?). Чтобы именоваться «великой хатунью», не обязательно иметь мужем самого «правителя Эрзинджана» или принадлежать к Великокомниновскому роду, вопреки мнению Ф. Кюмона. Мужем этой женщины мог быть и просто знатный мусульманин, а сама она могла быть местной гречанкой. Ср.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 344; PLP. № 30737.

[269] Digenes Akrites (Mavrogordato). P. 28.82; Digenes Akrites (Trapp). S. 112 (G II. 390), ср.: S. 113 (Z III. 626): χαριντζίρισσα.

[270] Digenes Akrites (Trapp). S. 112 (E 260); Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions / Ed. E. Jeffreys. Cambridge, 1998. P. 258 (E 269).

(ср. осм. *hınzir*)[271]. В «Дигенисе Акрите» мать мусульманина порицает своего сына, который влюбился в христианскую девушку, и применяет к ней эти уничижительные определения. Конечно, χανζύρισσα и χατζιροφαγοῦσα имитируют здесь мусульманский антихристианский дискурс, однако очевидно, что слово χανζύρ/χατζίρ «свинья» было хорошо известно грекам и не нуждалось в переводе. Кроме того, χατζιροφαγοῦσα, по-видимому, было чисто греческим неологизмом, не имеющим точного соответствия в арабском, персидском и тюркском языках. Следовательно, нужно думать, что χανζύρ вошел в разговорный словарь византийцев[272]. Это подтверждается присутствием слова **χαζίριν** (خَزِيرِين [*khazīrīn*]), другой производной от того же корня, в «Словах»[273]. Что интересно, в современном греческом это слово отсутствует.

Западновизантийская литература дает нам весьма редкий пример восточного абстрактного понятия: **διαγο(υ)μά** «грабить, опустошать» ← тюрк. يغما *yaghmā*. Это слово впервые появляется в литературе XV в. Сначала Иоанн Канан использует его в своем описании османской осады Константинополя в 1422 г. («εἰς διαγουμὰν παραδίδη» и «ἐπαραδόθην ἡ πόλις εἰς διαγουμάν»)[274]. Позже, в летописи монастыря Кутлумуш, созданной также в XV в., используется выражение ποιῶ διαγουμάν «грабить» применительно к османскому захвату Фессалоники в 1430 г. (ἔποικέ την διαγουμάν) и Константинополя в 1453 г. (ἔποικάν την διαγουμάν)[275]. Интересно, что это слово заимствовано и персидским языком, где оно обозначает опустошительные грабежи, типичные для тюркских набегов[276]. Оно вошло также и в арабский, где образовало глагол يغّم *yaghghama* «грабить»[277]. Слово обнаруживается и в славянских языках Балкан[278]. Оно в некотором смысле является абстрактным понятием, отличающимся от многих других восточных заимствований в византийском греческом, которые обозначают пришедшие с Востока

[271] *Steingass F.J.* A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. L., 1984. P. 477; *Redhouse* 1997. P. 479.

[272] Ср. также: *Grégoire H.* Injure tudesque… ou arabe ? // Byzantion. 1934. T. 9. P. 384.

[273] Asmā. Fol. 56v.

[274] *Giovanni Cananos.* L'assedio di Costantinopoli / Ed. E. Pinto. Messina, 1977. P. 59.159, 59.165 (§ 8).

[275] *Schreiner.* Kleinchroniken. Bd. 1. S. 655.1, 656.4.

[276] *Doerfer.* Türkische. Bd. 4. S. 181–182; *Steingass F.J.* A Comprehensive Persian-English dictionary… P. 1532.

[277] *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1977. С. 918.

[278] *Miklosich.* Die Türkischen. Bd. XXXIV. S. 314.

материальные объекты. Данная лексема присутствует в современном греческом в словах διαγούμισμα «грабеж», διαγουμιστής «грабитель», διαγουμίζω/διαγουμάω «грабить»[279].

От XV в. до нас дошел подобный пример и из понтийской греческой письменной традиции. Два документа XV в. содержат выражение ποιῶ ταβήν «ссориться, вздорить, порицать» ← осм. *da'va etmek* «требовать, скандалить»[280]. Как отмечает А. Пападопулос, слово ταβή «ссора, распря, вражда, ругань» (ἔρις, φιλονικία) связано с современным понтийским греческим ταβίζω «ссориться, враждовать», а также «порицать, бранить»[281]. Однако по происхождению ποιῶ ταβήν на самом деле является калькой с тюркского *da'va etmek*, которое происходит от перс. *daʿwī kardan* (*dāshtan*) с тем же значением (← араб. *daʿwā/daʿwī* «претензия, требование»). Весьма вероятно, что рассматриваемые документы, судя по антропонимическим свидетельствам, составлены в эпоху, предшествующую османскому завоеванию, и эти заимствования попали в язык еще в византийское время.

Как показывают обсуждаемые случаи, в изучаемый период не только отдельные лексемы, но и целые идиоматические блоки проникают в греческий язык, что, несомненно, указывает на высокую степень влиятельности тюркских говоров. Причем очевидно, что для византийского слуха некоторые восточные заимствования звучали впоследствии как исконно греческие. Это свидетельствует о глубине освоения иностранных имен и объектов.

Вместе с тем, хотя на нынешнем этапе исследований было бы слишком рискованно делать окончательные выводы, можно предположить, что восточные языковые элементы (прежде всего, тюркские) нередко становились источником негативных и принижающих выражений. В XII–XIII вв. тюркский язык имел в глазах византийцев низкий культурный статус. Однако с ростом влияния османского государства и цивилизации на византийскую жизнь со второй половины XIV в. престиж всего турецкого и, соответственно, заимствованной тюркской лексики (а также персидской и арабской, вошедшей в тюркский) постепенно повышался и достиг своего пика в эпоху Туркократии.

---

[279] *Andriotes*. Ετυμολογικό. Σ. 76.

[280] AV. № 5.3–6, № 6.4; *Lampsides O*. Γλωσσικά σχόλια εις μεσαιωνικά κείμενα του Πόντου // ΑΠ. 1952. Τ. 17. Σ. 230; *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 353.

[281] *Papadopoulos*. Ιστορικόν λεξικόν. Τ. 2. Σ. 353; *Lampsides O*. Γλωσσικά… Σ. 230.

11. Диглоссия и топонимика

Под диглоссийную цензуру, о которой говорилось в начале этой главы, попадали новая этнонимика и топонимика. Это подробно обсуждалось также в гл. I моего исследования, где речь шла об иерархических, «вертикальных» отношениях между этногеографическими понятиями, которые описывали тюрков и их мир. Теперь будет уместным обсудить горизонтальные связи между традиционной и новой терминологией, именно в избранном ракурсе реконструкции диглоссийных механизмов языка. Как мы увидим, именно топонимика является наиболее показательной для демонстрации лингвистического «вторжения» Востока в византийский мир. Конечно, новые географические и этнические именования проникали в византийские тексты непрерывно на протяжении всей византийской истории, выполняя функцию синонимических дублетов для старой географической номенклатуры, а иногда полностью вытесняя прежние названия. В идеале, в византийском языковом поле сосуществовали две терминологические сетки: с одной стороны, литературная научная, а с другой — просторечная разговорная. Однако именно в поздневизантийскую эпоху происходит радикальный пересмотр традиционных имен, описывающих окружающий мир.

Весьма показателен особый жанр метономасий (μετονομασίαι) — списков соответствий старых и новых географических и этнических названий. Самые древние из этих списков, как кажется, относятся к XII в. Содержание этих текстов охватывало топонимику как в границах самой Византийской империи, так и за ее пределами, в особенности в Балканском и Ближневосточном (Азербайджан, Сирия, Ирак) регионах. Например, на Балканах и в Подунавье упоминаются современные названия *Венгрия*, *Сербия*, *Струмица*, *Вардар* и т.д., а на Ближнем Востоке — *Тебриз*, *Майафарикин*, *Халеб*, *Амид* и т.д.[282] Наличие таких списков указывает, что новые названия не только присутствовали в лингвистическом поле, но и широко использовались византийцами. Эти списки были предназначены

[282] *Diller A.* Byzantine Lists of Old and New Geographical Names // BZ. 1970. Bd. 63. P. 27–42; *Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. 1. S. 465–466; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли в Византии. СПб., 2000. С. 138–140. Метономасия, опубликованная О. Лампсидисом (*Lampsides O.* Georges Chrysococcis, le médecin, et son œuvre // BZ. 1938. Bd. 38. P. 320–322), принадлежит на самом деле не Георгию Хрисококку, но Алляцию (*Diller A.* Byzantine Lists… P. 29. Note 11). См. также метономасию, предназначенную для церковных нужд: *Rhalles K., Potles M.* Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων. Т. 1–6. Αθήνα, 1852–1859. Т. 5. Σ. 495–496.

именно для того, чтобы соотнести терминологическое поле абстрактного и воображаемого с реальным и бытовым.

Дублетные названия встречаются в географических сочинениях некоторых авторов со сравнительно неглубоким знанием традиции, чей литературный вкус допускал употребление явных неологизмов. Так, Иоанн Канавуц (судя по имени, потомок итальянца, жил в первой половине XV в.) в своем сочинении «К государю Эноса и Самофракии», представлявшем собой комментарий к Дионисию Галикарнасскому, приводит тюркские названия описываемых им малоазийских городов. Говоря о Галикарнасе, он отмечает, что в его время это безлюдное и заброшенное место в области, именуемой тюрками Μανταχίας (← тюрк. *menteşe*)[283]. О горе Ида у Трои он говорит, что ее «ныне тюрки называют на своем языке κὰς τάγ, т.е. "гусиный холм"»[284]. Иоанн Канавуц имеет в виду тюрк. *kazdağ* («Гусиная гора»). В другом месте он сообщает, что Ассос по-тюркски «ныне именуется Μαχράμης» (← тюрк. *bahram/behram*, сейчас *Behramkale*), а Абидос — Γενησάρη (← *yenişehir*, ныне деревня на Дарданеллах)[285]. Следует отметить, что эти указания соответствуют действительности, а графическая передача тюркских слов весьма точна. Иоанн Канавуц, несомненно, знал в каких-то пределах турецкий.

Технические тексты другого жанра — астрологические трактаты — содержат вперемежку как традиционную географическую и этническую номенклатуру, так и новые названия. Тут достаточно сослаться на уже упоминавшийся «Трапезундский гороскоп на 1336/1337 г.», в котором упомянуты новые именования *Амид, Мосул, Багдад, Гилян, Тебриз* и т.д. (см. выше). Новая терминология содержится и во множестве других астрологических текстов: например, в трактате «О климатах, относящихся к каждому из знаков зодиака» названы Мекка, Хиджаз, Рей, Хамадан, Хорасан, Исфаган, Кирман, Балх, Бухара, Кабул и т.д. Интересно, что наиболее подробно тут представлена топография иранских земель — как

---

[283] Ioannis Canabutzae magistri ad principem Aeni et Samothraces in Dionysium Halicarnasensem commentarius / Ed. M. Lehnerdt. Lipsiae, 1890. P. 16.1–2. Об Иоанне Канавуце см.: *Diller A.* Joannes Canabutzes // Byzantion. 1970. T. 40. P. 271–275; *Idem.* Joannes Canabutzes and Michael Chrysococces // Byzantion. 1972. T. 42. P. 257–258. Интересно, что Иоанн Канавуц имел, возможно, отношение к кругу Георгия Гемиста Плифона и оставил свои заметки на Codex Marc. gr. 406 — рукописи-автографе Плифона.

[284] Ioannis Canabutzae magistri... P. 47.26–48.3: «...ἅτινα καλοῦσιν σήμερον οἱ Τοῦρκοι τῇ ἑαυτῶν γλώσσῃ κὰς τὰγ ἤτοι βουνὸς τῶν χηνῶν· κὰς γὰρ παρ᾽ αὐτῶν λέγεται ὁ χὴν καὶ τὰγ ὁ βουνός».

[285] Ibid. P. 47.4–7.

Западного Ирана, так и Хорасана[286]. Рукопись Vatic. gr. 1056, в которой содержится этот короткий трактат, датирована по палеографическим данным XIV в.[287] По всей видимости, примерно в это время он и был создан — скорее всего, в период от конца XIII и до первой половины XIV в., когда византийско-иранские связи в области точных наук были наиболее тесными.

Новые названия, как представляется, полностью вытеснили старые в бытовой сфере. Номенклатура подорожных списков для купцов и паломников, а также купеческих финансовых записей, имевших сугубо утилитарную функцию, состоит почти исключительно из новых топонимов и этнонимов[288]. Кроме того, самоназвания народов, употреблявшиеся в разговорном греческом языке, широко использовались и в других утилитарных текстах, не подверженных диглоссийной цензуре: в поздневизантийскую эпоху чужеземная этнонимика широко представлена, в частности, в актовом материале и печатях[289]. В текстах такого рода традиционная научная номенклатура практически не встречается.

Однако не надо думать, что только купцы и интеллектуалы пользовались восточной топонимикой как некоей «технической» терминологией. Так, например, в сатирическом памфлете Мазариса, рассчитанном на широкие круги читающей публики и лишенном каких-либо «научных» претензий, мы также встречаем географические тюркизмы. Мазарис называет Средиземное море «Белым морем», а Понт — «Черным морем»: «μελαίνης μὲν καὶ λευκῆς θαλάττης»[290]. Эти термины Мазарис использует вместо традиционных описательных ἡ Θάλαττα, ἡ ἐντὸς θάλαττα, ἡ καθ᾽ ἡμᾶς θάλαττα и т.д. для Средиземноморья и Πόντος Εὔξεινος, Πόντος — для Черного моря. Нет никаких сомнений в том, что источником этого сдвига в номенклатуре явилась именно тюркская языковая практика, обозначавшая Средиземное море как *Akdeniz* (*Aq-Deñiz*), а Черное

---

[286] Περὶ τῶν κλιμάτων τῶν ἀνακειμένων ἐνὶ ἑκάστῳ ζῳδίῳ (Excerpta ex codice Vatic. gr. 1056) // CCAG. T. 5/3. Bruxellis, 1910. P. 131–132.

[287] CCAG. T. 5/3. P. 7.

[288] См., например: *Ebersolt J.* Un itinéraire de Chypre en Perse d'après le Parisinus 1712 // BZ. 1906. Bd. 15. P. 223–226; см. также указатели к: *Schreiner.* Texte, и особенно: III. Griechische Länder-, Völker- und Ortsnamen.

[289] *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 84, 175–185, 266–271; *Он же.* К изучению византийской этнонимии // ВО. М., 1982. С. 150.

[290] Mazaris' Journey to Hades: or, Interviews with Dead Men about Certain Officials of the Imperial Court. N.Y., 1975. P. 36.23 (новое издание: La satira bizantina dei secoli XI–XV / Ed. R. Romano. Turino, 1999).

море — как *Karadeniz* (*Qara-Deñiz*)[291]. Эта подмена имен, подчеркну, касалась весьма значимых для любого грека объектов, скажу больше — поистине, самой колыбели греческой цивилизации. Похоже, что к XV в. на утилитарном уровне византийцы для территорий, находящихся за пределами политических границ их государств, пользовались почти исключительно «современной», т.е. восточной (и, конечно, западной[292]), топографической терминологией.

Следует добавить, что поздневизантийская география активно воспринимала новую терминологию, не имевшую дублетных аналогов в традиции. Новые названия широко проникают и в географический жанр. Так, например, Георгий Гемист Плифон в последней части известного географического трактата, где он исправляет ошибки Страбона, вводит новую этническую и географическую номенклатуру, прежде неизвестную в греческой традиции[293]. Новая номенклатура обильно представлена и в заметках Ласкариса Канана (между 1418 и 1448 гг. или в 1470-х), описавшего страны Северного и Балтийского морей[294]. При этом следует иметь в виду, что Ласкарис Канан давал описание городов и местностей, прежде незнакомых византийской географии. Однако при малейшей воз-

---

[291] *Clauson*. P. 527 с дальнейшими ссылками. Об арабо-персидских именованиях Средиземного и Черного морей, которые повлияли на тюркскую практику, но не полностью с ней совпадали, см., например: *Miquel A.* La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du 11e siècle. T. 2: Géographie arabe et représentation du monde: la terre et l'étranger. P., 1975. P. 530–533.

[292] См., например: *Laiou A.* The Black Sea of Pachymeres // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D.M. Nicol. L., 1993. P. 94–121; *Eadem.* Italy and the Italians in the Political Geography of the Byzantines (14th Century) // DOP. 1995. Vol. 45. P. 73–98; *Trapp E.* Aktualität in byzantinischen Reiseberichten // Zeitgeschehen und seine Darstellung im Mittelalter / Hrsg. C. Cormeau. Bonn, 1995. S. 47–58; *Schreiner P.* Byzantinische Orientreisende im 14. Jahrhundert // ZDMG. Supplement VI. Wiesbaden, 1985. S. 141–149.

[293] Текст см. в: *Diller A.* A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // Isis. 1937. Vol. 27/3. P. 442–446. Перевод: *Гукова С.Н.* К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ. 1983. Т. 44. С. 94–97. См. также: *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли… С. 132–134.

[294] *Laskaris Kananos*. Reseanteckningar från de nordiska länderna / Utg. V. Lundström. Uppsala, 1902. S. 14–17: Πουρσία (Пруссия), Σουήτζια (Швеция), Στοκόλμω (Стокгольм), Νορβεγία (Норвегия), Ῥήγα (Рига), Πορτεγάλλε (Португалия) и т.д. (см. комментарий к тексту, S. 20–32); *Васильев А.А.* Ласкарь Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914; Die Nordlandreise des Laskaris Kananos // Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Graz; Wien; Köln, 1954. S. 99–105 (нем. пер.: S. 103–105); *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur… Bd. I. S. 519; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли… С. 140–144; *Hägg T.* A Byzantine visit to Bergen: Laskaris Kananos and his description of the Baltic and North Sea region // Graeco-Arabica. 2004. Vol. 9–10. P. 183–198.

можности он стремился подвести новые объекты под известные научные категории: так, упоминаемую им Исландию (Ἰσλάντη) он отождествил с птолемеевским островом Фула[295]. Широко привлекал новую номенклатуру и Лаоник Халкокондил[296]. В этом же ряду стоит анонимный географический трактат предположительно XIV в. из рукописи ГИМ № 509, автор которого, успешно воспроизводя традиционную научную номенклатуру, демонстрирует определенную образованность, но все же дает несколько новых топонимов для Причерноморья и Балкан[297]. Хотя Плифона, Канана и Халкокондила нельзя считать типичными представителями жанра (особенно это касается последнего: он творил уже после краха византийской цивилизации), их пример указывает на потенциальную открытость сознания интеллектуалов обновлению наличного научного корпуса.

Метономасии, географические сочинения, а также утилитарные тексты очерчивают масштабы диглоссийного разрыва между двумя номенклатурными системами — научной и обыденной. Повседневными современными именованиями пользовались на бытовом уровне все, однако употребление научных названий было своего рода привилегией образованных классов и встречается только в высоких литературных жанрах. Этот разрыв ясно осознавался интеллектуалами того времени, и знаки этого осознания обнаруживаются в текстах. Так, например, Никифор Григора в XIV в. однозначно противопоставлял научную и просторечную этнонимики: «Когда василевс (Михаил VIII Палеолог. — *Р.Ш.*) в следующем году (т.е. в 1283 г. — *Р.Ш.*) вернулся в столицу, к нему тайно присылают посольство массагеты, [живущие] по ту сторону Истра; разговорный язык именует их аланами…»[298] Этникон «массагеты» принад-

[295] *Laskaris Kananos*. Reseanteckningar… S. 16.49.

[296] *Ditten H.* Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles' Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15. Jahrhundert u. Z.) // Klio. 1965. T. 43–45. S. 185–146; *Idem*. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles: Deutschlands-Exkurz // BF. 1966. Bd. 1. S. 49–75; *Idem*. Spanien und die Spanier im Spiegel der Geschichtsschreibung des byzantinischen Historikers Chalkokondyles (15. Jh.) // Helikon. 1963. T. 3. S. 170–195; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли… С. 136–138.

[297] CCAG. T. 12. P. 74–75; *Шангин М.А.* Новый географический текст // ВДИ. 1938. № 4. С. 252–255; *Каждан А.П.* Рец. на кн.: *Moravcsik*. Byzantinoturcica // ВВ. 1959. Т. 16. С. 286–287; *Ivanov S.A.* An Anonymous Byzantine Geographical Treatise // RÉB. 2002. T. 60. P. 167–177. Трактат снабжен поздневизантийской картой, воспроизведенной и подробно обсужденной в: *Подосинов А.В.* Вновь найденная поздневизантийская карта мира // ВВ. 2010. Т. 69. С. 230–247.

[298] *Greg*. T. 1. P. 204.14–16: «Κατὰ δὲ τὸ ἐπιὸν ἔτος ἐς τὴν βασιλεύουσαν ἐπανήκοντι τῷ βασιλεῖ πέμπουσί τινες τῶν ὑπὲρ τὸν Ἴστρον Μασσαγετῶν λαθραίαν πρεσβείαν· Ἀλα-

лежит строгому научному дискурсу, который Григора дополняет обыденным, «ненаучным».

Отмеченное распределение традиционной научной терминологии преимущественно в высоких жанрах письменности, а новой топонимики и этнонимики — в низких, а также в письменности технического и бытового характера вновь указывает на принципиальную недостаточность и неточность определения «архаизация» применительно к всеобъемлющему принципу византийского образа мышления. Византийцы обращались к древней терминологии отнюдь не из пресловутого интеллектуального «снобизма», но, как правило, в тех случаях, когда намеревались сделать строже развиваемый ими дискурс. Однако вместе с тем важно подчеркнуть, что распределение новых племен по традиционным классам византийского научного знания не отменяло проникновения новой терминологии в пространство традиционного научного дискурса. В византийскую науку вопреки защитительным диглоссийным механизмам вошли этниконы Φράγκοι («франки»), Οὖννοι («гунны»), Τοῦρκοι («тюрки»), Σκλαβηνοί/Σθλάβοι («славяне») и многие другие, связанные, в частности, с тюрками и обсуждавшиеся выше. То же касается и топонимики, и в частности названий пунктов на бывших византийских землях, в которых старые греческие имена замещались новыми — «варварскими». Так, Иоанн Киннам упоминает ущелье во Фригии, называемое «по-варварски», т.е. по-тюркски (βαρβαρικῶς ὠνομασμένον), Τζιβρηλιτζημανί, а Акрополит употребляет современное ему тюркское название «Аксарай» (Ἄξαρα) для анатолийского города Архелаиды[299]. В историографии, написанной высоким литературным языком, наряду с древней терминологией в той или иной мере всегда присутствует и новая. Так или иначе, корпус научной терминологии корректировался и обновлялся под воздействием новой информации.

Если говорить о природе этого сдвига в географической номенклатуре, то он, конечно, носил несколько иной характер, нежели рассмотренные выше случаи синонимизации. В поздний период в византийском сознании наметилась отчетливая тенденция к обновлению конкретного знания о мире, и в особенности о тюрко-мусульманской его части. Вероятно, в немалой степени это было связано с экспансией тюрков и изменением их статуса в византийском образе мира. Пожелав разобраться в этом новом тюркском

νοὺς ἡ κοινὴ τούτους καλεῖ διάλεκτος...»; *Dieterich K.* Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, 5.–15. Jahrhundert. Leipzig, 1912. Bd. 2. S. 51.

[299] *Cinn.* P. 47.2; *Acrop.* Vol. 1. P. 137.11.

мире, поглотившем старые имперские земли в Анатолии, Крыму, на Балканах, византийцы уже не могли оперировать старыми географическими *именами*, ассоциировавшимися у них с иными цивилизационными реалиями, с иным космическим порядком. Как видно, без насилия над описываемым материалом и над самим собою византиец уже не всегда мог назвать *мусульманский* Миср римским именованием «Египет» и *мусульманский* Шам — римским названием Συρία. Византийцы не могли не считаться с тем, что у античной ойкумены, некогда скрупулезно исследованной и поименованной греками и римлянами, появились другие хозяева и чужие имена. В византийской географии никогда не прекращался процесс модернизации названий, однако в позднюю эпоху он принял «обвальный» характер. Диглоссийные механизмы хоть и продлевали жизнь традиционной географической номенклатуре, но остановить нараставший процесс «дупликации» имен мира уже не могли.

12. Диглоссия и «удвоение мира»

Отмеченная дупликация топонимики выводит нас на другую проблему, важную для понимания повседневной византийской ментальности. Как мы видим, ориентализмы функционировали в различных сферах жизни и даже проникали в высокую литературу, официальный дискурс и повседневную жизнь императорского дворца и администрации. Важно подчеркнуть, что большинство тех восточных заимствований, которые не были привязаны к новому восточному объекту, *сосуществовали* в византийском языковом пространстве с исконно греческой лексикой, дублируя ее. Приведу в качестве примера некое подобие «метономасии» заимствованных и исконных слов, подытоживающее мой лексический анализ (табл. 14).

С этой же точки зрения следует рассматривать также и дублетную греческую и восточную топонимику, которая подробно обсуждалась в предыдущем разделе. С одной стороны, как отмечалось ранее, это было обновление традиционной номенклатуры. Однако, с другой стороны, это обновление происходило постепенно, результируясь в фактической дублетности названий, сохранявшейся на протяжении многих десятилетий. Внешний мир в XIV–XV вв. для византийцев был поименован в двух параллельных системах.

Таблица 14

Дублеты в среднегреческом

Заимствованный термин	Исконный термин
ἀμανάτιον «залог»	ἀποτίμησις
διαγο(υ)μάς «грабеж»	ἁρπαγή
διφθέριν «счетная книга»	κατάστιχον
ζαρταλοῦ «абрикос»	βερίκοκκον
καλάϊ «олово»	κασσίτερος
μαϊμοῦ «обезьяна»	πίθηκος
μουζάκιον «обувь, сапоги»	τζάγγη, κόθορνος и др.
μουζακοπράτης «сапожник / продавец обуви»	τζαγγάρης
παζάριον «рынок»	ἀγορά, ἐμπόριον
παζαριώτης «торговец»	ἔμπορος
παπούτζιον «обувь»	ὑπόδημα
πούρτζιον «башня»	φρούριον
σαντούκιον «сундук»	κιβωτός
τζαμάνδος «чемодан»	φάσκωλος
τοσέκιν «кровать»	κράββατος
τουκάνιν «лавка»	ἐργαστήριον
φίλιν «слон»	ἐλέφας
χαβιάρι «икра»	ᾠοτάριχα, ᾠὰ τῶν ἰχθύων
χαμάλης «носильщик»	ἀχθοφόρος

Приведенные греческие и восточные дублеты имели одновременное хождение в византийской литературе XI–XV вв.[300] В письменном языке появление ориентальных дублетных форм носило несистематический характер: разговорные формы часто употреблялись только в качестве факультативных вариантов, коррелянтных стандартным. Причем вариантные и стандартные формы нередко соседствуют в рамках одного документа, принадлежащего перу одного автора.

[300] Примеры употребления исконных греческих слов из этих пар в византийской литературе см. в: TLG.

В контексте моих попыток реконструировать ориентализирующий сдвиг в византийской ментальности я склонен интерпретировать эту дублетность как своего рода «удвоение мира», происходящее, когда один и тот же объект имеет два названия — старое (исконное) и новое (иноземное). Друг на друга накладываются два образа мира — греческий и азиатский. И речь тут идет не просто о словах, а, скорее, о концептах, о выраженном векторе поздневизантийского сознания, находившегося в процессе пересмотра всей номенклатуры собственного жизненного мира и перехода на более *уместные* чужие имена. Сами византийцы хотя и не могли отрефлексировать и проблематизировать это удвоение так, как мы это делаем сегодня, тем не менее отчетливо ощущали и даже маркировали в текстах отмеченную перестройку своей базовой модели окружающего мира. Такая знаменательная чувствительность к лингвистическому дрейфу, действительно, была особенной для средиземноморских обществ той эпохи, являясь еще одним подтверждением беспрецедентной умудренности византийской цивилизации, исключительной глубины аналитического опыта греков того времени.

Я имею в виду уже отмечавшиеся в другой связи дискурсивные приемы византийских авторов. Как правило, в высоких жанрах литературы в случае, если в тексте употреблялся явный ориентализм, автор, как бы оправдываясь перед читателем, выделял его синтаксически и приводил к нему в пару традиционное греческое именование. Так, Акрополит маркировал тюркизм оборотом «ἡ χυδαία γλῶττα κατονομάζει»[301]. Дука повсеместно, употребляя тюркские дублеты, оговаривался в том смысле, что «так мы говорим на нашем современном языке»: «κατὰ τὴν ἡμετέραν κοινὴν γλῶτταν», «κατὰ τὴν κοινὴν γλῶτταν Ῥωμαῖοι… λέγουσι» и т.д. Григора в этих случаях мог использовать синонимическое выражение «κοινὴ τούτους καλεῖ διάλεκτος». Фома Магистр прибегал к другому синонимическому выражению — «λεγόμενος ἰδιωτικῶς». Однако не только у профессиональных писателей и интеллектуалов мы находим такие оговорки. В близких к официальной документации текстах, например в табелях о рангах, собранных у Ж. Верпо, встречаются такие же маркировки восточных дублетов. О дворцовом переводчике (διερμηνευτής) отмечается, что он «κοινῶς δραγουμάνους καλοῦσιν»[302]. Точно так же об особом виде копья говорится: «ὃν κοινῶς καλοῦσι σαλίβαν» (← араб. ثلبة *thaliba*)[303]. В других трактатах того же жанра,

[301] *Acrop.* Vol. 1. P. 75.2.
[302] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 184.17–19.
[303] Ibid. P. 161.19–20.

которые описывали трапезундскую иерархию чинов, мы находим те же оговорки для дублетов в понтийском греческом языке. В поэтической версии трапезундской табели значится «πρῶτος σπαθαρίων ὅστις ἀμυρτζαντάριος καλεῖται κατὰ Πέρσας» («протоспафарий, который именуется персами амиртзантарием»), а в прозаической версии содержится еще одно дублетное именование — «ἀκόλουθος ἤτοι ὁ χουρτζῆς» («аколуф, то есть хурджи»)[304]. Обратим внимание на то, что вариантные неологизмы синтаксически выделены, а «персидское» происхождение одного из них даже особо отмечено. Более того, эти неологизмы не были необходимым элементом текста: «протоспафарий» в прозаической версии и «аколуф» в поэтической фиксируются без своих восточных соответствий. Однако многочисленные данные источников показывают, что заимствованные ориентализмы совершенно вытеснили из общего употребления византийские эквиваленты, приобретя статус стандартных обозначений. Именно поэтому анонимные авторы трапезундских табелей о рангах и посчитали нелишним привести в тексте эти более распространенные восточные варианты.

Такого рода примеры можно значительно умножить. Отмеченные дискурсивные приемы с употреблением «κοινὴ γλῶττα», «χυδαία γλῶττα», «κοινὴ διάλεκτος», «λεγόμενος ἰδιωτικῶς» и просто «λεγόμενος» чрезвычайно часто встречаются в поздневизантийской литературе, маркируя разговорные и диалектные дублеты. Для нас важно подчеркнуть, что ориентализмы не только рассматриваются как часть разговорного греческого языка, но весьма редко выделяются из него как иностранные слова. В этом свете трудно себе представить, насколько широк был слой ориентализмов в разговорном языке византийцев, особенно у малообразованных и необразованных классов. Несомненно, восточных заимствований в нем было много больше, чем доносят их до нас сохранившиеся тексты.

Есть основания также полагать, что обсуждаемая дублетность зашла много дальше, чем подмена отдельных устаревших именований новой лексикой. Я уже говорил выше о воздействии восточного костюма на византийскую моду XIV–XV вв. Не следует недооценивать это влияние. Средний византиец начал конструировать собственный облик, применяя чуждые, иностранные элементы. Причем конструирование нового облика происходило в том же самом дублетном ключе: византиец отнюдь не стал одеваться совсем как мусульмане, но заимствовал лишь отдельные элементы

[304] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 348.36–38, 345.18.

восточного костюма. Именно на это, как упоминалось выше, весьма метко указал Григора.

Приведу еще один значимый пример из греческого понтийского ментального пространства, озадачивающий своей радикальностью. Похоже, что образованные понтийские греки жили не только в своем, традиционном византийском времени (летоисчисление от Адама, год начинается 1 сентября), но и в *вариантном*, чужом. В самом начале уже упоминавшегося «Трапезундского гороскопа» обозначена традиционная византийская датировка грядущего года (6844 г. от Адама), однако в эфемеридах, на которых гороскоп базируется, анонимный автор приводит мусульманское соответствие византийскому году: «737 год арабов». Указание на «арабский» год было отнюдь не случайностью и интеллектуальным курьезом, но элементом системы, ибо ниже в эфемеридах весь год расписан по мусульманским месяцам, которые представлены как вариантная шкала для византийской христианской градации годового цикла, включающей в себя и церковные праздники[305]. Но этого мало: грядущий год был не только одновременно 6844-м и 737-м, но еще и «годом Мыши» (ποντικός). Отдельная главка гороскопа — «О Мыши, первом знаке татар» — посвящена характеристике года по монгольской календарной системе[306]. Вряд ли следует сомневаться в том, что эта избыточная информация о мусульманском и монгольском календаре — не просто интеллектуальный жест анонимного автора, творящего науку ради науки. Она была востребована трапезундскими обывателями, адресатами гороскопа, — ровно настолько, насколько она востребована сейчас потребителями астрологических прогнозов, читателями современной прессы и пользователями Интернета. Так что понтийские греки прожили 1336/1337 г. от Р.Х. даже не в двух, а в трех *вариантных* системах исчисления космического времени.

Описанная ситуация с календарем с фактической и генетической точки зрения легко объяснима. Трапезундская астрологиче-

---

[305] *Mercier R.* An Almanac...: ἀράβων ψλζ (p. 29), Σαπάν (араб. شعبان *shaʿbān*, p. 30, 52), ῥαμαδάν (араб. رمضان *ramaḍān*, p. 32), σαουάλ (араб. شوال *shawwāl*, p. 34), δελχάτε (араб. ذوالقعدة *dhū al-qaʿda*, p. 36), δελχήτζε (араб. ذوالحجة *dhū al-ḥijja*, p. 38), μούχαραν (араб. *muḥarram*, p. 38), σαφάρ (араб. صفر *ṣafar*, p. 40), ῥαπϊελάβελ (араб. ربيع الاول *rabī' al-awwal*, p. 42), ῥαπϊελάχηρ (араб. ربيع الآخر *rabī' al-ākhir*, p. 44), τζημϊλάβελ (араб. جماد الاول *jumād al-awwal*, p. 46), τζηματιλάχειρ (араб. جماد الآخر *jumād al-ākhir*, p. 48), ῥατζάπ (араб. رجب *rajab*, p. 50). Григорий Хиониад в «Περσικὴ σύνταξις ἀστρονομίας» также широко использует как мусульманский, так и зороастрийский календарь: *Pingree D.* The Astronomical Works of Gregory Chioniades. Amsterdam, 1985.

[306] TH. P. 42.1: «Περὶ τοῦ πρώτου στοίχου τῶν Τατάρων τοῦ ποντικοῦ».

ская школа (равно как и константинопольская) находилась под сильным влиянием мусульманской ирано-арабской (прежде всего, тебризской) традиции. Эфемериды для «Трапезундского гороскопа» были составлены с использованием именно ирано-арабских математических моделей. В свою очередь, иранская астрология в XIV в. широко оперировала двенадцатигодичным животным циклом монгольского календаря. Добывая информацию в Иране, трапезундские астрологи получали ее «пакетом» в двух календарных системах — мусульманской и монгольской. Однако в контексте наших привычных представлений о византийской автаркии столь разительная модернизация византийской идеи космического, по существу Божественного, времени, конечно, может ввергнуть в некоторое смущение. Ведь только потребительский спрос мог заставить астролога учесть в конечном своем продукте оба чужих календаря.

Итак, совершенно очевидно, что иноязычные онимы начинают в некоторых случаях теснить старую лексику. Вместе с тем приведенные примеры показывают, что для этой эпохи речь пока должна идти (за исключением единичных случаев) не о полном исчезновении нормативного греческого элемента, но о появлении для него влиятельного иноязычного *варианта*. Широкое вытеснение исконной лексики из греческого языка начнется позже — в эпоху Туркократии. В византийскую эпоху обыденное сознание только лишь начинало отдавать предпочтение варварским именам мира (именам людей, предметов, абстрактных понятий, земель, звезд, времени). Ясные и отчетливые штрихи византийского классического рисунка мира теряют былую резкость, расплываются, тускнеют. Рядом с ними и поверх них все отчетливее и ярче проступают иные линии, другие цвета, чужие образы.

13. Свидетельство новогреческого языка

Итак, все приведенные примеры включения чужеродных элементов в греческое культурно-лингвистическое пространство извлечены мною из письменных источников. Следовательно, вновь встает вопрос: как соотносились языки письменного текста и живой речи в отношении присутствия в них лексических ориентализмов? Каким образом восточная лексика соотносилась с процессом «снижения» письменного греческого языка? Была ли она отражением некоей ориентализации книжного мышления или должна рассматриваться в контексте более общего процесса размывания аттической нормы формами греческой обыденной речи, несшей

в себе ориентализмы? Думаю, значительную долю ответов на эти вопросы содержат сами обсуждавшиеся выше прецеденты. В описанном случае лексических дублетов старые греческие слова в основном использовались в высоких литературных жанрах, в то время как восточные заимствования имели хождение по преимуществу в жанрах утилитарных, использующих актуальную терминологию, а также и в низких жанрах, которые были ближе к разговорному языку. Во-первых, удалось проследить, что ориентализмы, уже утвердившиеся как основные формы на более «низких» уровнях языка, в «высоком» языке приобретали статус лишь дополнительных вариантов старой лексической нормы. Во-вторых, очевидно, что по мере понижения статуса текста количество ориентализмов в нем существенно увеличивалось. Нет причин сомневаться в том, что *движение новой, восточной лексики было направлено снизу вверх — из разговорного языка в книжный, но не наоборот* (в отличие, может быть, от некоторых старых заимствований). Свободному проникновению восточной лексики, несомненно, препятствовала аттикизирующая цензура, отсеивавшая значительную часть разговорных ориентализмов. Это касается всех разрядов рассмотренных текстов, различавшихся только мерой и тщательностью этой цензуры.

Слишком рано делать окончательные статистические оценки, пока все восточные языковые элементы в среднегреческом не собраны и систематически не проанализированы. Работа над этим велась несколькими поколениями исследователей, но пока она далека от завершения. Вместе с тем уже сейчас можно сказать, что, судя по приведенному в данном исследовании материалу, приток восточных заимствований в XIII–XV вв. увеличился почти в два раза по сравнению с XI–XII вв. Кроме того, как представляется, именно в XIII–XV вв. иностранные языковые элементы стали активно замещать исконные.

Особую важность имеет то обстоятельство, что подавляющее большинство восточных заимствований, здесь обсужденных, вошли в новогреческий язык и могут быть найдены в современном литературном языке или местных диалектах. Так, из числа обсуждавшихся слов следующие зарегистрированы в авторитетных новогреческих словарях К. Куккидиса и Н. Андриотиса[307]: ἀμανάτιον (ἀμανάτι), πούρτζιον (μπούρτζι), διαγουμάς, ζάμβαξ, ζαρταλοῦ, ζατρίκιον, καλάϊ, καμουχᾶς, μαϊτάνιν (μεϊντάνι), μουρτάτος, παζάριον, παπούτζιον

[307] *Koukkides K.* Λεξιλόγιον ελληνικών λέξεων παραγομένων εκ της τουρκικής // Αρχείον του Θρακικού Λαογραφικού και Γλωσσικού Θησαυρού. 1959–1960. Т. 24. Σ. 281–312; Т. 25. Σ. 121–200; *Andriotes.* Ετυμολογικό.

(παπούτσι), σαντούκιον (σεντούκι), τεφτέρι, τατᾶς, τζαμαντούνος (τσαμαντάνι), τζαούσιος (τσαούσης), τζαρούκιν (τσαρούχι), τζόλιν (τσούλι), τζόχα (τσόχα), χαβιάρι, χανακᾶς (ср.: χανές), χαμάλης.

Следует подчеркнуть, что более чем 60% византийских заимствований из восточных языков, зарегистрированных в стандартных словарях среднегреческого, можно обнаружить в новогреческом языке. Остается лишь гадать, какая часть других тюркизмов, зарегистрированных в новогреческом, вошла в разговорный язык уже в византийскую эпоху. В силу ограниченности источниковой базы для реконструкции поздневизантийского языка (как письменного, так и разговорного), будет весьма трудно обнаружить те тюркские лингвистические элементы, воспринятые разговорным языком уже в XIII–XV вв. и позже закрепленные в новогреческом, которые, однако, не были отражены в наличных византийских текстах. Все же в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что новогреческий унаследовал от византийского времени *много больше* тюркских языковых элементов, чем мы сейчас можем доказать. Следовательно, можно думать, что воздействие тюркского на греческое лингвистическое поле в византийскую эпоху было много более значительным, чем это видится из наличных текстов византийской эпохи.

Таким образом, влияние Востока, и в особенности тюркских языков, на греческий началось намного раньше, чем во второй половине XV в. Р. Браунинг, Дж. Хоррокс и многие другие[308] не правы, утверждая, что тюркизация греческого началась лишь в эпоху османского владычества. Ведь в развитии языка не может быть цезуры: *тюркизация* греческого в эпоху Туркократии лишь продолжила ту набиравшую силу тенденцию, которая обозначила себя еще в XII–XV вв. Культурные обстоятельства многовекового периода османского владычества закрепили ранние тюркизирующие тенденции в среднегреческом и развили их; если бы не было последующей Туркократии, скорее всего, многие византийские ориентализмы были бы со временем забыты. Но история сложилась так, как она сложилась... В контексте моего исследования свидетельства новогреческого языка важны именно потому, что они дают некую ретроспекцию в византийскую эпоху и подтверждают мою гипотезу о том, что эпоха османского владычества лишь катализировала уже существовавшие тенденции в греческом лингвистическом поле, а следовательно, и в самой греческой ментальности.

---

[308] См., например, мнение историка: *Brand.* Turkish. P. 19: «But only after 1453 was spoken Greek influenced by Turkish...»

Если это так, то нужно поставить вопрос об истоках и конкретных механизмах тюркизирующих тенденций в поздневизантийском мире, на который я попытаюсь ответить ниже.

14. Туркофония в Византии

Итак, логично было бы предположить, что число ориентализмов в обыденной речи византийцев было неизмеримо бо́льшим, чем это можно видеть в сохранившихся текстах. Эти незафиксированные восточные лексические элементы, вероятно, рассматривались как один из атрибутов низкого разговорного языка. Книжная норма препятствовала их проникновению в текст в той же мере, в какой она задерживала письменную фиксацию элементов «народного» греческого языка. Причем можно думать, что интенсивность и глубина проникновения чужих языковых элементов находилась в прямой связи с культурным статусом языкового регистра. Вместе с тем очевидно, что «иммунитет» всех типов известных текстов по отношению к ориентализмам был чрезвычайно устойчив: языковая письменная норма, с одной стороны, пропускала в качестве вариантных форм греческие диалектные элементы, но с другой — весьма эффективно отфильтровывала тюркизмы. Те тюркские антропонимы и топонимы, которые рассматривались в гл. III, IV и VII на материале Балкан и Понта, оказались одной из брешей, сквозь которую нам открывается истинная роль восточных заимствований в обыденной речи. Наличие в городском и сельском языке целого слоя ориентализмов-апеллятивов, означавших отнюдь не экзотические, но самые обыденные предметы, позволяет ожидать сколь угодно значительных масштабов «ориентализации» низких уровней разговорного языка, так и не нашедших отражения в источниках.

Если верны мои основные выводы о направлении движения ориентальных неологизмов из разговорного языка (или, точнее, разговорных языков) в письменные языки и об относительно глубоком проникновении ориентализмов как в городские, так и в сельские говоры, то встает вопрос об источниках этой ориентализации. Кто были исконные носители этих ориентализмов, из уст которых греки и черпали «вторые» имена для описания своего мира? Следует предположить, что *внутри* греческого лингвистического поля находились некие индивиды — носители тюркского языка, *туркофоны*, которые и являлись источником языковых заимствований.

Византийские источники очень скупы на информацию о знании и использовании негреческих языков в византийской среде. Это было связано в первую очередь с уже отмечавшимся в гл. I дан-

ного исследования принципиальным безразличием к лингвистическим вопросам, присущим византийскому сознанию в целом и византийской научной модели человеческого общества в частности. Византийцы не делали проблемы из знания или незнания иностранного языка, воспринимая его скорее как некий инструмент в редких случаях коммуникации между римлянином и варваром. Вместе с тем мы располагаем существенными проговорками византийцев, из которых следует, что в XII–XV вв. тюркская речь была привычным элементом лингвистического ландшафта Византии.

В первую очередь, зададимся вопросом: насколько знание языка или языков анатолийских и балканских тюрков было распространенным в среде греков? Знание тюркского и/или персидского чаще всего отмечалось среди четырех категорий византийцев: 1) грекирепатрианты, переселившиеся из мусульманской Анатолии или из «северных» земель, 2) коренные византийцы, выучившие так или иначе тюркский, 3) отпрыски греко-тюркских браков и, наконец, 4) собственно тюрки, волею судьбы оказавшиеся на византийской территории. Это были люди, которых могли называть δίγλωσσος («двуязычные», «говорящие на двух языках»)[309]. Дадим характеристику этим группам.

Первая группа представлена именами тех, кто в разное время бежал в Византию из мусульманской Анатолии и из «скифского» Подунавья. Самые ранние сведения о частичной ассимиляции анатолийских греков, живших в пограничных с тюрками районах, относятся уже к концу XI — XII в. На этот счет мы располагаем красноречивым указанием византийских авторов, которые жалуются на временами частичную, а иногда и полную тюркизацию тех греческих общин, которые нашли ту или иную форму симбиоза с соседствующими с ними тюрками. Иоанн Киннам и Никита Хониат для 1140-х гг. пишут о, видимо, уже обычной в их время «культурной» метаморфозе, которую претерпело население на островах Пусгусского озера (ныне озеро Beyşehir Gölü) во Фригии — пограничной с тюрками-сельджуками области. По словам Хониата, «на островах жило много христиан, которые на рыбачьих лодках и небольших судах имели сношение с иконийскими турками (τοῖς Ἰκονιεῦσι Τούρκοις ἐπιμιγνύμενοι) и через это не только завели с ними дружбу, но и восприняли во многом их нравы (τοῖς ἐπιτηδεύμασιν

309 Ср.: Scholia in Thucydidem ad optimos codices collate / Ed. K. Hude. Leipzig, 1927. 8.85.2.2: «δίγλωσσον: καὶ τὴν βάρβαρον καὶ τὴν Ἑλλάδα γλῶσσαν ἐπιστάμενον». Кантакузин сообщает о своих переговорах с золотоордынскими налетчиками весной 1324 г.: «...διά τινος ἀπεκρίνατο τῶν διγλώσσων ὁ βασιλεὺς...» (*Cantac.* T. 1. P. 192.11–12).

αὐτῶν ἐν πλείοσι προσεσχήκασιν). И, имея с ними [близкую] связь, как с соседями, глядели они на римлян как на врагов. Обычай, укрепленный временем, бывает сильнее происхождения и веры». Киннам дает примерно ту же информацию, но более сжато: римляне на озере не желали сотрудничать с византийской властью, ибо они «образом мыслей (τὰς γνώμας), в силу долгого времени и из-за привычки, смешались с персами»[310]. В подобном же смысле следует толковать и замечание Хониата для событий второй половины XII в. о тюркизированном населении Северо-Восточной Анатолии, на границе с византийским Понтом (τότε δὲ τοῖς Τούρκοις καὶ τοῖς τούτων ὑπείκουσαν ἔθεσι)[311]. Описанный начальный этап тюркизации греческих анатолийских общин, вероятно, уже тогда предполагал развитие в их среде греко-тюркского двуязычия, ибо одним из элементов «нрава» (ἔθος, ἐπιτήδευμα), как уже приходилось обсуждать в гл. I, являлся язык. В другом месте Хониат упоминает византийца Мавропула (τὸ γένος Ῥωμαῖος), судя по всему местного анатолийца, который владел двумя языками (ἀνήρ τις δίγλωττος)[312]. Скорее всего, этот Мавропул и был тем самым продуктом лингвистической тюркизации, шедшей полным ходом в Анатолии XII в.

К XV в. двуязычие было настолько распространено в Анатолии, что стало заметным стороннему наблюдателю, не знавшему ни тюркского, ни греческого. К 1437 г. в этом регионе даже высокопоставленные греческие иерархи (епископы и митрополиты) одевались в мусульманском стиле и разговаривали на тюркском; на нем же в церкви произносились проповеди, хотя литургия читалась на греческом. Это важное свидетельство содержится в анонимной латинской справке, подготовленной в 1437 г. для Базельского собора[313]. Причем следует подчеркнуть, что епископы и митрополиты

---

[310] *Nic. Chon.* P. 37.88–93; *Cinn*. I.10 (p. 22.16–17). Эти сообщения комментировались много раз, см., например: *Chalandon F.* Les Comnènes. Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. T. 2: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). P., 1912. P. 181. Note 3; *Vryonis*. Decline. P. 459. Note 54; *Necipoğlu N.* The Coexistence of Turks and Greeks in Medieval Anatolia (Eleventh–Twelfth Centuries) // Harvard Middle Eastern and Islamic Review. 1999–2000. Vol. 5. P. 58; *Balivet*. Romanie byzantine. P. 44; *Шукуров Р.М.* Имя и власть… С. 228.

[311] *Nic. Chon.* P. 226. На этот отрывок обратили внимание и сходно истолковали его С. Врионис (*Vryonis*. Decline. P. 459. Note 54) и Э. Брайер (*Bryer A.* The Late Byzantine Identity // Byzantium. Identity, Image, Influence. Vol. 1: Major Papers. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. P. 49–50).

[312] *Nic. Chon.* P. 190.25–26.

[313] Анонимное «Terre hodierne Grecorum et dominia secularia et spiritualia ipsorum. De ecclesia et dominio Grecorum hic infra», изданное в: *Lampros S.* Υπόμνημα περί των Ελληνικών χωρών και εκκλησιών κατά τον δέκατον πέμπτον αιώνα // ΝΕ. 1910.

могли назначаться на анатолийские кафедры из других частей византийского мира, они не обязательно должны были быть местными уроженцами. Не исключено, что тюркский перевод исповедания веры патриарха Геннадия Схолария имел хождение именно в этой христианской тюркоязычной среде с середины XV в., особенно если учесть, что до наших дней дошел только тот его вариант, что был записан греческой графикой, используемой в тюркоязычных церковных текстах Анатолии[314]. О распространении греко-тюркского двуязычия в мусульманской Анатолии свидетельствуют как восточные, так и латинские источники XIII–XIV вв., о чем мне уже приходилось писать подробнее[315].

Механизм тюркизации греческого населения Анатолии до сих пор не изучен в деталях. Современные анатолийские турки в некоторой своей части, несомненно, происходят именно от таких тюркизированных греков. Караманлы и тюркоязычные христианские общины Вифинии, Сиваса, Кастамону, Никсара, Каппадокии, Алашехира/Филадельфии и других регионов Анатолии, существовавшие до обмена населением в 1920-х гг., вероятно, в некоей своей части или даже в большинстве были изначально именно этими тюркизированными греками. То же касалось и тех тюркоязычных криптохристиан, существование которых фиксировалось исследователями вплоть до начала XX в. Долгий процесс тюркизации греков, вероятно, начался с греко-тюркского двуязычия уже в византийскую эпоху[316]. Нет сомнений в том, что многие репатрианты из Анатолии в европейские части Византии были носителями тюркского языка, греко-тюркскими билингвами.

Этому мы находим подтверждения, хотя и скупые, в византийских источниках XIII–XV вв. Из известных репатриантов наиболее интересна группа тех интеллектуалов, которые настолько глубоко

Т. 7. Σ. 360–367, особенно σ. 366: «Notandum est, quod in multis partibus Turcie reperiuntur clerici, episcopi et arciepiscopi, qui portant vestimenta infidelium et locuntur linguam ipsorum et nihil aliud sciunt in grece proferre nisi missam cantare et evangelium et epistolas. Alias autem orationes multi dicunt in linguam Turcorum».

[314] *Blanchet M.-H.* Georges Gennadios Scholarios (vers 1400 — vers 1472): un intellectuel orthodoxe face à la disparition de l'empire byzantin. P., 2008. P. 104–106. Текст издан: *Halasi-Kun T.* Gennadios' Turkish Confession of Faith // Archivum ottomanicum. 1987–1992. T. 12. P. 5–103; PG. T. 160. Col. 333–352. Некоторые поправки к турецкому тексту: *Choudaverdoglou-Theodotos S.* Η Τουρκόφωνος Ελληνική φιλολογία, 1453–1924 // ΕΕΒΣ. 1930. Τ. 7. Σ. 299; см. также: *Vryonis*. Decline. P. 453.

[315] *Шукуров Р.М.* «Гаремное христианство»: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. М., 2011. С. 64–90; *Vryonis*. Decline. P. 462.

[316] *Dawkins R.* The Crypto-Christians of Turkey // Byzantion. 1933. T. 8. P. 247–275; *Vryonis*. Decline. P. 458–459.

знали языки анатолийских тюрков, что обладали существенными навыками соответствующего письма. Они, судя по всему греки по рождению, были билингвами. Такими были братья Василики, выходцы с Родоса, сделавшие головокружительную карьеру при дворе султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II, но в 1262 г. переселившиеся в византийские земли (см. гл. III). Как уже говорилось, Василий Василик, бывший констабль и *беглербег* султана, в Константинополе стал паракимоменом, а его брат, бывший *амирмайдан*, — великим этериархом. Василий Василик разумел не только разговорный язык, но и «агарянскую грамоту» (ξυνετὸν ὄντα γραμμάτων Ἀγαρηνῶν); например, он смог прочесть надпись на египетской чаше (1279 г.)[317]. Следовательно, Василий не только говорил на персидском и/или тюркском, распространенных в Анатолии, но и знал письменный арабский, надписями на котором украшались мамлюкские металлические чаши.

Уроженец Филадельфии Феолог Коракс вскоре после 1402 г. переселился из Анатолии в Константинополь и благодаря своему высокопоставленному знакомому стал выполнять функции переводчика во дворце. Как отмечает Дука, «сказанное турками он переводил на греческий, ибо был чрезвычайно знающим в языке турок»[318], а в другом месте этот же автор вновь подчеркивает, что Феолог Коракс был неизменным участником посольств «из-за искусности в языке турок и хорошего знания его»[319]. Феолог, видимо, действительно обладал исключительными познаниями в обоих языках, ибо с тех пор в течение двух десятилетий оставался главным переговорщиком со стороны византийцев в сношениях с турками. Однако человеком он был ненадежным — мошенником (πανοῦργος), который шпионил в пользу обеих сторон, пока не был убит греками в 1422 г.[320]

Византийский термин для придворного переводчика (а также и общее обозначение для толмача) имел восточное происхождение,

[317] *Pachym.* T. 2. P. 575.16 (VI.12); PLP. № 2454, 2458.

[318] *Ducas*. XXII.7 (p. 161.19–20).

[319] Ibid. XXVIII.1 (p. 229.21): «διὰ τὸ ἀσκεῖν τὴν τῶν Τούρκων γλῶτταν καὶ ἐπίστασθαι αὐτήν».

[320] PLP. № 92415; *Ducas*. XXII.7–9, XXIII.4, XXVIII.1–5 (p. 161–163, 173, 229–235). Об этом персонаже см. также: *Barker J.* Manuel II Palaeologus (1391–1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick (NJ), 1969. P. 361. О «персональной» дипломатии в XI–XV вв. см. работу Мишеля Баливе, который, однако, не обсуждал приводимых мною примеров: *Balivet M.* Élites byzantines, latines et musulmanes: Quelques exemples de diplomatie personnalisée (Xᵉ–XVᵉ siècles) // Diplomatics in the Eastern Mediterranean… P. 423–437.

но вошел в среднегреческий через посредство итальянского. Слово δραγουμάνος, δραγομάνος, δραγούμηνος «переводчик», судя по его фонетической форме, скорее всего, происходит от ит. *dragomano* ← араб. ترجمان *tarjumān*. Слово впервые встречается в грекоязычной Италии в 1126 г. в форме τουργουμένης[321]. Однако, как представляется, в главных центрах греческого языкового ареала (Константинополь, Балканы, Анатолия, Эгеида) оно утвердилось лишь к XIV в.; в народной литературе, а в XV в. и в высоких литературных жанрах (у Сфранзи и в письмах Виссариона) оно уже употребляется как стандартное обозначение переводчика[322]. Как прозвище или патроним Δραγουμάνος было довольно распространенным и встречается начиная с 1314 г.[323] Как дворцовый титул оно упоминается у Псевдо-Кодина в сер. XIV в. в форме δραγουμάνος; причем отмечается, что это — современный термин для традиционных διερμηνευτής и ἑρμηνεύς[324]. Переводчик-драгоман занимал примерно середину сороковых строчек из 70. Слово перешло в современный греческий с тем же значением[325]. Среди драгоманов вполне могли быть выходцы из тюркской среды — как анатолийские греки, так и отпрыски тюрко-греческих браков, ибо именно они чаще всего фигурируют в источниках как переводчики[326].

Судьба одного из современников и приятелей Коракса сложилась иначе. Михаил Пилл был греком из Эфеса и, оставаясь христианином, служил при османском дворе в Адрианополе. По словам источника, Михаил Пилл был «писцом, искусным в грамоте греческой и арабской», т.е. он не только говорил на обоих языках — он знал их настолько глубоко, что писал на них. Именно он выдал двойную игру Феолога византийцам, за что был насильно обращен турками в мусульманство[327]. Анатолийские греки, как христиане, так и неофиты-мусульмане, были неотъемлемым элементом жизни

---

[321] *Caracausi G.* Lessico greco della Sicilia e dell'Italia meridionale (secoli X–XIV). Palermo, 1990. P. 574; *Idem.* Arabismi… P. 385–386.

[322] LBG. S. 409; TLG.

[323] PLP. № 5787–5791, 91829.

[324] *Pseudo-Kodinos.* Traité. P. 184.19 («Ὁ μέγας διερμηνευτής ἐστι πρῶτος τῶν ἑρμηνέων, οὓς κοινῶς δραγουμάνους καλοῦσιν»), 348.54.

[325] *Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 85.

[326] Полезную подборку сведений о переводчиках на византийской службе см. также в: *Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты… С. 165. Примеч. 16.

[327] *Ducas.* XXVIII. 5 (p. 235.6–18), особенно p. 235.7–9: «…ὁ Πύλλης ἦν ἐξ Ἐφέσου, Ῥωμαῖος τῷ γένει, τὸ σέβας χριστιανός… τὴν τύχην ἐξ εὐγενῶν τῆς αὐτῆς πόλεως, τὴν τέχνην καὶ τὸ ἐπιτήδευμα γραφεὺς ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ ἡγεμόνος ἐν γράμμασι Ῥωμαϊκοῖς καὶ Ἀραβικοῖς».

мусульманской Анатолии. Чаще всего мы встречаем информацию о них как о посредниках и переводчиках. Переводчик Мануила II Палеолога в Анкаре зимой 1391 г. хоть и был мусульманином, однако происходил из греческой христианской семьи и был расположен к религии своих предков[328].

Греки-анатолийцы оказались особенно востребованы в эпоху гражданских войн при Иоанне VI Кантакузине. Посредником между греками и тюрками в эту эпоху был еще один филадельфиец — Мавроммат, который знал язык тюрков (Περσιστὶ διαλεγόμενος) и был приставлен Иоанном VI Кантакузином к айдынскому союзнику Умур-беку[329]. Анна Савойская использовала в качестве посредника другого филадельфийца — великого стратопедарха Георгия Тагариса, который был отослан ею в 1346 г. к эмиру княжества Сарухан. Георгий был сыном знаменитого правителя Филадельфии Мануила Тагариса (ум. до 1342 г.) и, проведя долгое время с отцом, дружил с эмиром (ἦν γὰρ αὐτῷ καὶ συνήθης)[330]. В свете приведенных примеров можно предположить, что не только Мавроммат, но и Георгий Тагарис, если даже и не знал «персидской» грамоты, все же владел языком тюрков в достаточной для полноценной коммуникации степени.

Филадельфийцы-греки явно были хорошо знакомы с тюркскими обычаями и часто являлись билингвами. Тюрки и греки жили вперемежку в анатолийском пограничье, частью которого была и Филадельфия. Султана Гийас ал-Дина Кайхусрава I, погибшего в сражении при Антиохии на Меандре в 1211 г., греки временно похоронили на мусульманском кладбище — скорее всего, поблизости от места сражения, возможно в Филадельфии[331]. Существование мусульманского кладбища на греческой территории указывает и на то, что в пограничье тюрки не подвергались принудительной христианизации. Как подтверждение наличия «агарянского» населения в пограничных Никее и Прусе в эпоху воцарения Андроника I Комнина (1183 г.), возможно, следует понимать слова Евстафия Со-

---

[328] *Manuel II. Palaiologos*. Dialoge mit einem „Perser“ / Hrsg. E. Trapp. Vienna, 1966. S. 79.34–35: «…Χριστιανῶν δὲ ἦν βλάστη καὶ τὰ γονέων ἠγάπα καὶ τῇ γνώμῃ τούτοις προσέκειτο…»; *Balivet M.* Culture ouverte et échanges inter-religieux dans les villes ottomanes du XIVe siècle // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 4.

[329] *Cantac.* T. 2. P. 407–409, о туркофонии Мавроммата: p. 408.3–4; PLP. № 17462.

[330] *Cantac.* T. 2. P. 591.10–11; PLP. № 27399.

[331] *Ibn Bibi* (AS). P. 111: در مقابر عاریت برسم مسلمانان دفن کردند. Ср.: *Necipoğlu N.* The Coexistence of Turks and Greeks… P. 67.

лунского: он утверждал, что мятежу Андроника I сопротивлялись в этих городах не только греки, но и агаряне[332].

Византийский и османский дворы, а также — шире — центры византийской и османской культуры являлись естественными точками притяжения талантливых и образованных анатолийских греков, которые, благодаря своим познаниям в обоих языках, нередко делали хорошую карьеру. Если учитывать указания на распространенность греко-тюркского двуязычия в мусульманской Анатолии и приведенные тут подтверждения этому в судьбах конкретных персон, то можно предположить, что количество анатолийских переселенцев-греков, живших на византийских территориях и в той или иной мере обладавших знанием языка тюрков, было весьма значительным. Однако сейчас нет возможности сказать определенно, сколько было этих мигрантов, какова была динамика их переселений, где они расселялись и каким образом византийские власти инкорпорировали их в местные общества[333].

В XIII–XV вв. большое количество прозвищ обозначало происхождение из мусульманской Анатолии. Так, например, в империи Палеологов это Ἀνατολική (PLP. № 878–881, 91176–91177), Ἀνατολικός (PLP. № 882–891, 91178–91190, 93080), Ἀρζυρουμήτης (PLP. № 93119), Ἰκονιάτης (PLP. № 8155, 93610), Καππαδόκης (PLP. № 11044–11048, 93768), Καππαδόκιος (PLP. № 11049), Καππαδοκᾶς (PLP. № 11043), Καππάδοξ (PLP. № 11050–11063, 93769), Κασταμονίτης (PLP. № 10927, 11370–11374, 93787), Μετυληνιός (PLP. № 94158), Νεοκαισαρείτης (PLP. № 20089–20099), Παφλάγων (PLP. № 22149–22158), Σινωπίτης (PLP. № 25391–25392). В Трапезундской империи это Καμαχενός (PLP. № 10800–10802, 92301–92303), Καμάχης (PLP. № 10803), Καμαχινή (PLP. № 10804), Παφλάγων (PLP. № 22159), Χαλυβίτης (PLP. № 30534). История греческой эмиграции из мусульманской Анатолии в византийские земли (Ῥωμαῖοι ἐξ ἀνατολῆς, ἕωθεν), которая временами вырастала до масштаба настоящих исходов, еще не написана[334]. В любом случае, нет сомнений в том, что гре-

[332] Ср. с интерпретацией: *Merianos G.A.* «The Sons of Hagar» in Archbishop Eustathios' *The Capture of Thessaloniki*: Some Evidence Concerning Late Twelfth Century Byzantine-Turkish Relations // Σύμμεικτα. 2005. Т. 17. P. 215–218.

[333] Как отмечалось в гл. V (раздел «Анатавлы»), вполне возможно, что вопросами беженцев в палеологовский период занимались этериархи во главе с великим этериархом.

[334] Некоторый материал о беженцах можно найти в: *Vacalopoulos A.E.* Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, 1970. P. 8 (деэллинизация Южной Албании, Эпира, Фессалии, Этолии, Акарнании и бегство населения в прибрежные районы или в материковые анклавы в сер. XIV в. и позже); p. 10–11 (о высокой концентрации греческих беженцев и переселенцев на

ческие переселенцы из мусульманской Анатолии способствовали внедрению и сохранению туркофонии в византийском обществе. Однако, несмотря на это, даже в XV в. при дворе императора было трудно найти переводчика с тюркского[335].

Ко второй группе туркофонов относятся греки, выросшие на византийских территориях, но тем или иным образом выучившие язык/языки тюрков. Конец XIII и XIV в. дают нам примеры византийских туркофонов, принадлежавших к высшей элите империи. Иоанн Кантакузин, император в 1347–1354 гг., в своей «Истории» (события 1348 г.) прямо говорит о своем знании «персидского», т.е. либо, действительно, персидского, либо тюркского. Кантакузин явно любуется собственным знанием: «...василевс же... повелел на персидском... ведь он (т.е. Кантакузин. — *Р.Ш.*) не совсем был несведущ в их языке»[336]. Особая гордость Кантакузина своим знанием «персидского» проглядывает и в другом месте его «Истории». Рассуждая о характере Анны Савойской, он отмечает: «Слышал я персидскую пословицу, которая весьма правильно и точно сказала о женской природе: говорят, что если даже до облаков вознесется голова женщины, она ничуть не меньше прежнего останется привязанной к земле». Далее он разъясняет смысл данной пословицы: даже если женщина достигнет вершины рассудительности, величия духа и отваги, все равно не меньше прежнего она будет оста-

---

Пелопоннесе в кон. XIV в.); p. 80–82 (массовые миграции греческого населения на юг, в Пелопоннес, и на север, в Подунавье и Сербию, в первой половине XV в.). О бегстве из материковой Греции на острова см.: *Vacalopoulos A.E.* The Flight of the Inhabitants of Greece to the Aegean Islands, Crete, and Mane during the Turkish Invasions (Fourteenth–Fifteenth Centuries) // Charanis Studies / Ed. A.E. Laiou-Thomodakis. New Brunswick, 1980. P. 272–283. О массовом бегстве населения и депопуляции отдельных районов на Пелопоннесе в результате политической нестабильности (конец XIV в.) см., например: *Chrysostomides J.* Symbiosis in the Peloponnese in the Aftermath of the Fourth Crusade // Byzantium. State and Society. In Memory of Nikos Oikonomides / Eds. A. Avramea, A. Laiou, E. Chrysos. Athens, 2003. P. 162. О миграции греков из Анатолии и внутри нее в XII–XIV вв. см.: *Vryonis*. Decline. P. 169–172, 448; *Laiou A.E.* The Black Sea of Pachymeres... P. 96. О переселении греков из Анатолии на острова во второй половине XIII в.: *Jacoby D.* Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles // Études rurales. 1962. T. 5–6. P. 184. См. также о разнонаправленных перемещениях населения на Балканах в результате катастрофы 1204 г.: *Nicol D.* Refugees, Mixed Population and Local Patriotism in Epiros and Western Macedonia after the Fourth Crusade // Actes du XVe Congrès International des Études Byzantines. Vol. I. Athènes, 1976. P. 1–33.

[335] Дука так начинает свой рассказ о Феологе Кораксе: «...μιᾷ τῶν ἡμερῶν ἐν τῷ παλατίῳ ἐγένετο ζήτησίς τινος διερμηνευτοῦ χρείας κατεπειγούσης...» (*Ducas*. XII.7.11–12).

[336] *Cantac.* T. 3. P. 66.5–7: «...βασιλεὺς δὲ ἐπεὶ ἑώρα κτεινομένους, ἐκέλευεν αὖθις εἰς τὸν λόφον ἀνατρέχειν Περσιστὶ καὶ σώζεσθαι· ἄπειρος γὰρ οὐ παντάπασιν ἦν τῆς ἐκείνων διαλέκτου».

ваться во власти природных страстей[337]. Такая ссылка на «персидскую» традицию для писателей XIII–XIV вв. является уникальной. Кантакузину уже не хватает греческой мудрости, и он легко дополняет ее «персидской». Остроумное суждение Й. Думмера, подметившего, что «византийские “царские зерцала” не почитали похвальным знание иностранных языков сильными мира сего»[338], не вполне точно: с ним входит в противоречие персона Иоанна Кантакузина. Кантакузин не надеялся на сторонних апологетов своей персоны — он активно восхвалял себя сам, в частности за свое знание «персидского», за умение общаться с тюрками на их языке.

Точно так же Кантакузин считал примечательными способности Иоанна Ватаца, представителя высшей знати и видного полководца, который дружил с тюркскими эмирами в Западной Анатолии, именно «поскольку знал их язык и разговаривал на персидском». Одна из дочерей Ватаца была замужем за Сулайманом, эмиром Караси. В силу своих лингвистических способностей Ватац выступал в качестве посредника между враждующими в гражданской войне партиями и тюркскими наемниками, пока последние не убили его осенью 1345 г.[339]

Интересно, что ни Григора, ни какой-либо другой современник гражданских войн в Византии первой половины XIV в. ни разу не обмолвились о знании кем-либо из знатных греков языка тюрков. Если бы не признания Кантакузина, то мы так и не узнали бы, что часть византийской аристократии уже в эту эпоху весьма успешно изъяснялась на языке варваров. В этой тематической «стерильности» текста Григоры хорошо видна эффективность византийской диглоссийной цензуры.

К группе знатных туркофонов можно причислить и уже упоминавшихся интеллектуалов Иоанна Канавуца и Михаила Дуку, которые, несомненно, обладали существенным знанием тюркского.

---

[337] *Cantac.* T. 2. P. 48.11–18: «…ἀκούω δὲ καὶ παροιμίας Περσικῆς ὀρθῶς ἄγαν καὶ συνετῶς περὶ τῆς γυναικείας εἰρημένης φύσεως. Λέγουσι γὰρ, ὡς κἂν μέχρι νεφελῶν ἀφίκηται ἡ κεφαλὴ τῆς γυναικὸς, οὐδὲν ἔλαττον ἢ πρότερον ἐφάπτεται τῆς γῆς· σημαίνοντες, οἶμαι, διὰ τοῦ λόγου, ὡς κἂν εἰς ἄκρον καὶ φρονήσεως ἀφίκηται καὶ μεγαλοψυχίας καὶ ἀνδρίας, οὐδὲν ἧττον ἢ πρότερον ἔστι γυνὴ, τοῖς φυσικοῖς καὶ γυναικείοις πάθεσιν ἐνεχομένη».

[338] *Dummer J.* Die Begegnung mit den Nachbarvölkern als Sprachproblem in byzantinischer Sicht // Byzanz in der europäischen Staatenwelt / Hrsg. J. Dummer und J. Irmscher. B., 1983. S. 227.

[339] *Cantac.* T. 2. P. 552.18–20: «…ἦν γὰρ πρός τινας τῶν σατραπῶν φιλίαν ἔχων τῷ τε τὴν φωνὴν αὐτῶν εἰδέναι καὶ διαλέγεσθαι Περσιστί…». См. также о нем: PLP. № 2518; *Parisot V.* Cantacuzène: homme d’état et historien. P., 1845. P. 206; *Zachariadou E.* Histoire et légendes des premiers Ottomans // Turcica. 1995. T. 26. P. 76–77.

Особенно интересен Дука, весьма чувствительный к лингвистическим вопросам, цитировавший и разъяснявший целые турецкие фразы, пытавшийся проследить происхождение тех или иных турецких слов в греческом.

Был и другой тип греков — незнатных и небогатых, разными путями освоивших язык тюрков. Так, мы знаем о бывших пленниках, которые выучили его в плену. Таким был славянин Радомир, состоявший в войске Алексея I Комнина в конце XI в. Он, побывав у тюрков в плену, выучил их язык (οὐδ᾽ αὐτὸς ἀδαὴς τῆς τοιαύτης ἦν διαλέκτου)[340]. Вряд ли следует сомневаться, что прототипы литературного героя *Катавлатты*, долгое время прослужившие в османской армии, но позже вернувшиеся на родину, в той или иной мере знали тюркский[341]. Тут можно упомянуть и греков, обратившихся (или обращенных насильно) в мусульманство, а затем вернувшихся к христианству, которые, несомненно, в итоге становились двуязычными, причем, скорее всего, осваивали и грамоту тюрков. Этот тип представлен, например, св. мучеником Феодором, родом из Адрианополя, который был обращен в мусульманство, а через 10 лет вернулся в лоно христианства. Он был убит тюрками в середине XIV в. в Малагине[342]. Можно думать, что подобные св. Феодору бывшие мусульмане — греки, вернувшиеся к христианству, избежали судьбы мученика и оказались в конце концов на византийской территории. Так, сохранилось постановление синода, датируемое периодом с 1223 по 1240 г., по поводу грамматика Николая, который перешел в мусульманство и написал исламскую апологию против православной веры, однако в итоге возвратился в лоно христианства[343]. Подобных примеров, как показывают канонические тексты XII–XV вв., было немало, ибо церковь под давлением обстоятельств значительно смягчала наказание для таких заблудших душ, облегчая их возвращение в христианскую общину[344].

---

[340] *Anna Comn.* XI.2.9.2–5. О нем см.: *Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980. P. 274–275.

[341] *Canivet P., Oikonomidès N.* La Comédie de Katablattas. Invective byzantine du XVe s. // Δίπτυχα. 1982–1983. T. 3. P. 5–97; *Necipoğlu N.* Sources… P. 99–100. П. Канив и Н. Икономидис предположительно приписывают «Комедию о Катавлатте» Иоанну Аргиропулу.

[342] *Oikonomides N.* Ακολουθία του αγίου Θεοδώρου του νέου // Νέον Αθηναίον. 1955. T. 1. Σ. 213–221.

[343] RegPatr. T. 1/IV. № 1300 (p. 104–105).

[344] Детальное обсуждение проблемы: *Oikonomidès N.* La brebis égarée et retrouvée: l'apostat et son retour // Religiöse Devianz. Untersuchungen zu sozialen, rechtlichen und theologischen Reaktionen auf religiöse Abweichung im westlichen und östlichen Mittelalter / Hrsg. D. Simon. Frankfurt am Main, 1990. P. 143–157.

Третья и четвертая группы туркофонов, представленные индивидами смешанного, греко-тюркского происхождения (3) и чистыми тюрками («агарянами» и «скифами») (4), подробно обсуждались в предыдущих главах данной работы. Собственно, именно им и посвящено мое исследование. Эти группы туркофонов близки к первой обсужденной выше, они пересекаются с ней, ибо ее представители были жителями бывших византийских земель, занятых тюрками. Однако далеко не всегда метисы греко-тюрки приходили из-за пределов империи. Заметная их часть рождалась на территории Византии, где оказывался один из их родителей — тюрк по происхождению (чаще отец, но иногда и мать). Греко-тюрки обычно были двуязычны. Анна Комнина называет их «миксоварварами-эллинофонами» (ἦσαν γὰρ καί τινες ἐν αὐτοῖς μιξοβάρβαροι ἑλληνίζοντες)[345]. «Миксоварвары» не раз сообщали Алексею I Комнину о тайных переговорах врагов, вскрывая их планы[346]. О видном военном деятеле Монастре Анна говорит, что он μιξοβάρβαρος ἦν καὶ τῆς τουρκικῆς εἰδήμων διαλέκτου[347]. В другом месте она упоминает, что в 1092 г. «тюрки» Чахи, осажденные в Смирне, взывали к Богу на греческом (ἐπεκαλοῦντο Κύριον ῥωμαΐζοντες)[348]. Айдынские тюрки говорили по-гречески во время переговоров с Иоанном Кантакузином в 1331 г.[349] Как в случае тюрков Смирны, так и в случае Кантакузина, по всей вероятности, на греческом говорили либо греческие ренегаты[350], либо отпрыски тюрко-греческих браков. Есть

---

[345] *Anna Comn.* XV.5.2.18; *Vryonis.* Manpower. P. 139; *Idem.* Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 59.

[346] *Anna Comn.* VII.9.3.16; XV.6.3.1.

[347] Ibid. XI.2.9.1–2. О том же Монастре как «μιξοβάρβαρος» см.: Ibid. X.2.7.17; X.4.10.19; XI.2.7.19; XI.9.4.9; XIV.3.1.15. Подробнее о нем см.: *Skoulatos B.* Les personnages… P. 213–215.

[348] *Anna Comn.* VII.8.3.13.

[349] *Cantac.* T. 1. P. 471.25: «…οἱ βάρβαροι πρότερον Ἑλληνιστὶ πρὸς Ῥωμαίους εἶπον…». См. также: *Vryonis.* Decline. P. 461–462.

[350] О греческом элементе в тюркских нашествиях на Фракию прямо пишет Пахимер, указывая, в частности, что в 1305 г. к высадившимся в этой области тюркам присоединились и анатолийские греки (*Pachym.* T. 4. P. 643.18: «ἐπιμιξάντων καὶ Ῥωμαίων ἐξ ἀνατολῆς»). Не исключено, что уже на ранних этапах, в начале XIV в., греческих участников тюркских разбойных экспедиций стали называть *martolos*, مارتلوس (← ἁρματολός «вооруженный, воин»), как именовались греческие ренегаты в эпоху османского завоевания Балкан в XIV–XV вв. и позже. В любом случае, упоминавшиеся Пахимером анатолийские греки и османские *martoloslar* были типологически тождественными явлениями. *Martolos*, возможно, возникло от слияния ἅρματα «оружие» и ἁμαρτωλός «грешник» (*Andriotes.* Ετυμολογικό. Σ. 35). См. также: *Beldiceanu-Steinherr I.* En marge d’un acte concernant le penğyek et les aqınğı // RÉI. 1969. № 1. P. 27, 34; *Imber C.* The Legend of Osman Gazi // The Ottoman Emirate (1300–1389). P. 68; *Rossi E., Griswold W.J.* Martolos // EI NE. Vol. 6. P. 613

прямые подтверждения такой интерпретации, как, например, сообщение анонимного итальянского путешественника начала XVI в., по словам которого две дочери Феодоры Великой Комнины — византийской жены султана Узуна Хасана — были двуязычными, зная как местный язык (персидский и тюркский?), так и понтийский диалект греческого, воспринятый от матери[351]. Происхождение и природа двуязычия детей от смешанных браков самоочевидны.

В отношении четвертой группы византийских туркофонов — тюркских поселенцев на византийских землях — не приходится сомневаться, что они говорили и по-тюркски, и по-гречески. Как уже отмечалось, это были солдаты-наемники, военнопленные и рабы (включая женщин и детей), «политические» беженцы, заложники и, наконец, разного рода поселенцы, по тем или иным причинам оказавшиеся на византийской территории. Они принимали христианство и, вероятно, активно осваивали обычаи и язык византийского населения. Анна Комнина сохранила известие о языковой ассимиляции тюркских пришельцев. Рассказывая о созданной Алексеем I Комнином школе при его знаменитом приюте в Константинополе, она, в частности, говорит о том, что там можно увидеть и «скифа, изучающего греческий язык» (Σκύθην ἑλληνίζοντα)[352]. Вскоре после 1402 г. Йусуф (Ἰωσούφης), сын умершего султана Байазида I, оказался при константинопольском дворе (вероятно, как заложник). По словам Дуки, он страстно стремился к знаниям и ходил в школу вместе с Иоанном, сыном императора Мануила II, принял крещение и христианское имя Δημήτριος; ок. 1413 г. он умер от чумы[353]. Как видим, византийская система образования была доступна азиатским иммигрантам.

Тюркские друзья детства комниновских василевсов Татикий и Иоанн Аксух, вероятно, были двуязычны и обучали тюркскому бу-

(с дальнейшими ссылками). О сотрудничестве греков с тюркскими завоевателями в Анатолии и Фракии в первую половину XIV в. см. некоторые дополнительные сведения в: *Zachariadou E.* Histoire et légendes des premiers Ottomans… P. 82–85.

[351] A Narrative of Italian Travels in Persia, in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Transl. and ed. Ch. Grey. L., 1873. P. 183; *Bryer A.* Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460–1461 // BK. 1965. T. 19–20. P. 197. Note 7; *Карпов С.П.* Культура Трапезундской империи // Культура Византии. Т. 3. М., 1991. С. 118.

[352] *Anna Comn.* XV.7.9.9.

[353] *Ducas*. XXI.4 (p. 143); *Chalc.* T. 1. P. 167.15–17. Дука называет Йусуфа заложником, однако Халкокондил считал, что он появился в Константинополе после 1402 г. вне связи со знатными заложниками, переданными Мануилу II Сулейманом Челеби: PLP. № 9082.

дущих императоров — Алексея I и Иоанна II Комнинов[354]. Эта категория может быть дополнена также фигурой Симеона Сифа, который по просьбе императора Алексея I Комнина (1081–1118) перевел с арабского повесть «Калила и Димна» (на греческом — «Стефанит и Ихнилат»). Составленные им диетологический трактат, ботанический словарь и небольшой текст о запахах, вкусе и осязании имеют явные признаки перевода с арабского. Симеон Сиф был сирийского или еврейского происхождения, родился, скорее всего, в Антиохии, провел большую часть жизни в Константинополе и умер после 1081 г.[355]

В 1258 г., когда решался вопрос о регентстве Михаила VIII Палеолога и было испрошено мнение войска на этот счет, в пользу его кандидатуры выступили «скифские» воины, «говоря разумно» на греческом языке, — удивление Акрополита этим фактом само по себе указывает на то, что половцы были тюркоязычны, а греческий был их «вторым языком»[356]. В 1305 г. натурализованный золотоордынец Коджабахши (Κουτζίμπαξις) был отправлен в качестве предводителя Андроником II Палеологом к восставшим аланам и половцам-туркопулам именно потому, что был с ними «одного рода и языка» (τῷ γὰρ ὁμοεθνεῖ τε καὶ ὁμογλώσσῳ), что, по мысли императора, должно было облегчить их умиротворение[357]. Крещеные выходцы из анатолийской и золотоордынской среды использовались и в дипломатических миссиях. Упомянутый Коджабахши возглавлял посольство к золотоордынскому хану Токте[358]. Мамлюкские источники сообщают об абсолютно уникальном прецеденте: в 1326–1327 гг. двое из византийских послов в Каире — братья Аксункур (آقسنقر) и Бахадур (بهادر) — обратились в ислам (اسلم)[359]. Очевидно, что они были двуязычны и именно поэтому были отправлены в Египет. Скорее всего, в бытность свою в Византии они перешли в христианство из мусульманства.

В эпоху Иоанна Кантакузина (до 1375 г.) богатый и знатный мусульманин обратился в христианство, принял в монашестве имя Мелетий и стал зваться Мелетий Ахеменид; он, бесспорно, был глубоко ассимилирован эллинской культурой, однако нет сомнений

[354] *Brand.* Turkish. P. 15–19.
[355] *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. S. 35–48.
[356] *Acrop.* Vol. 1. P. 158.19–21.
[357] *Pachym.* XII.32 (t. 4, p. 603.29–30); PLP. № 13622.
[358] *Pachym.* XII.32 (t. 4, p. 603.31).
[359] *al-Maqrizi, Taqi al-Din.* Kitab al-suluk li-maʿrifat duwal al-muluk / Ed. Muhammad ʿAbd al-Qadir ʿAta. T. 1–8. Beirut, 1997. T. 3. P. 97.

и в том, что он остался туркофоном[360]. Возможно, именно его изображение сохранилось на одной из византийских миниатюр XIV в. (рис. 8.5)[361].

В своем анализе данного изображения Г.М. Прохоров утверждает, что безбородая фигура с монголоидным разрезом глаз (указание на принадлежность к тюркам?), протягивающая свою правую руку к Христу, — это и есть Мелетий Ахеменид. Конечно, подобные идентификации в византийском искусстве всегда сомнительны и с трудом доказуемы[362]. Однако в данном конкретном случае предположение Г.М. Прохорова не лишено смысла: если даже художник не имел в виду изобразить именно Мелетия, в этом персонаже он вполне мог передать обобщенный образ христианизированного тюрка.

Еще более интересный пример: некий Антоний, бывший мусульманин (ἐκ Μουσουλμάνων), сначала обратившийся в католичество, а потом в православие. В феврале 1374 г., по требованию Константинопольского синода, он составил опровержение латинской веры. Документ завершается грекоязычным подтверждением Антония: «Собственноручно подписываю это на языке и буквами, которые я понимаю» (καὶ οἰκειοχείρως αὐτὴν ὑπογράφω τῇ γλώττῃ καὶ τοῖς γράμμασιν, οἷς ἐπίσταμαι). Е. Мициу и И. Прайзер-Капеллер издали факсимиле арабографичной подписи Антония, следующей сразу за этими словами, которая не воспроизводилась Миклошичем и Мюллером[363]. Как издатели акта, так и недавние его исследователи затруднились дать прочтение и перевод подписи Антония. Ф. Миклошич и Й. Мюллер лишь обозначили подпись в сноске как

[360] *Kantakuzenos, Johannes.* Christentum und Islam. Apologetische und polemische Schriften / Griechisch-deutsche Textausgabe von K. Förstel. Würzburg; Altenberge, 2005. S. 2.6–18 (= *Cantacuzenus*. Contra Mahometem Apologia I // PG. T. 154. Col. 372–377); PLP. № 17738; *Todt K.-P.* Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos und der Islam. Politische Realität und theologische Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz. Würzburg; Altenberge, 1991. S. 196–198.

[361] *Proxorov G.M.* A Codicological Analysis of the Illuminated *Akathistos* to the Virgin (Moscow, State Historical Museum, Synodal Gr. 429) // DOP. 1972. Vol. 26. P. 237–252, pl. 7.

[362] См. критику предложенной Г.М. Прохоровым атрибуции рукописи и его идентификаций персонажей на ее миниатюрах: *Pérez Martín I.* The Escorial Akathistos: the last manuscript illuminated in Constantinople // Italia medioevale e umanistica. 2011. Vol. 52. P. 237–241, там же см. библиографию.

[363] MM. Vol. 1. P. 550–551; *Mitsiou E., Preiser-Kapeller J.* Übertritte zur byzantinisch-orthodoxen Kirche in den Urkunden des Patriarchatsregisters von Konstantinopel (mit 10 Tafeln) // Sylloge Diplomatico-Palaeographica I / Hrsg. Ch. Gastgeber, O. Kresten. Wien, 2010. S. 240 und Tafel 5.

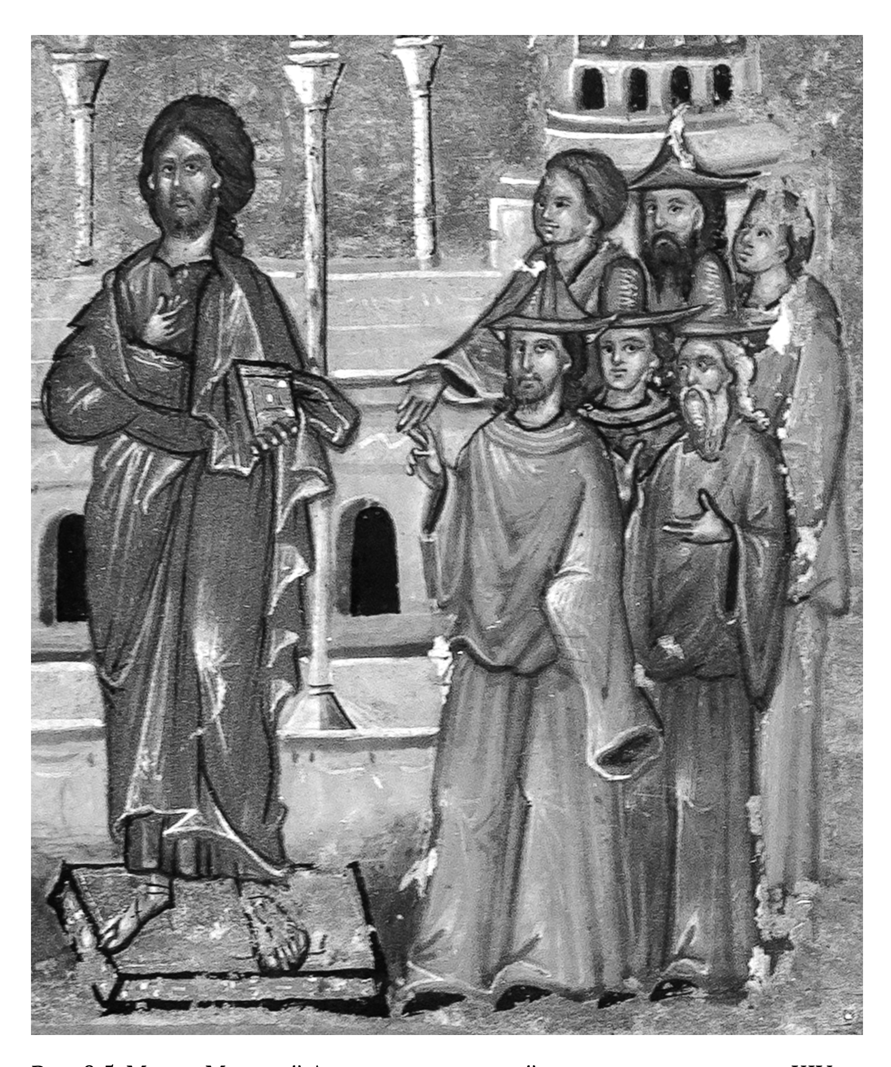

Рис. 8.5. Монах Мелетий Ахеменид — первый слева во втором ряду. XIV в., фрагмент миниатюры (Акафист. Государственный исторический музей, ГИМ 80272, Син. греч. 429. Fol. 28v)

«Persice: Anton musulman...»[364], что, как мы увидим ниже, мало соответствует истинному смыслу фразы.

Судя по факсимиле, изданному Е. Мициу и И. Прайзером-Капеллером, арабографичная подпись Антония записана в двух строках; она составлена на персидском языке, как верно отметили издатели, и прочитывается следующим образом (рис. 8.6):

+ان دون مسل مان سد مرده باور کردم با دلم
بحدا

В этой персидской фразе две орфографические и две каллиграфические ошибки и одна перечеркнутая описка в начале второй строки. В нормализованном виде фразу следует читать так:

+اندون مسلمان شد مرده باور کردم با دلم
بخدا

Перевод: «Андун. Мусульманин почил [во мне], я уверовал сердцем своим в Бога». При этом «Андун» тут является арабографичной передачей имени Антоний. Следует отметить, что эта транслитерация имени довольно неточна и показывает слабое знание греческого самим Антонием.

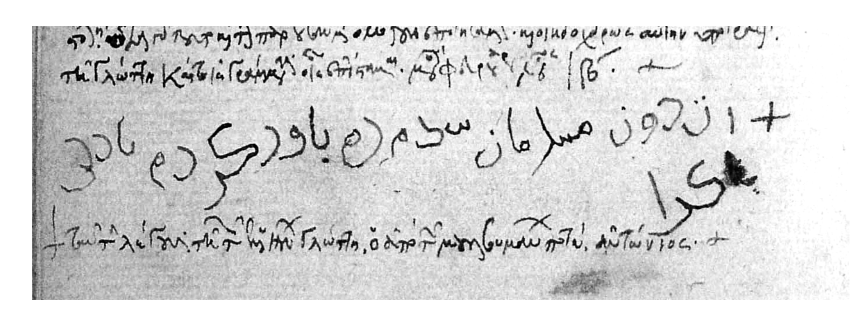

Рис. 8.6. Персидская подпись Антония (*Mitsiou E., Preiser-Kapeller J.* Übertritte zur byzantinisch-orthodoxen Kirche... Tafel 5)

На следующей строке под персидской фразой дан ее греческий перевод: «ταῦτα λέγουσι τῇ τῶν ἑλλήνων γλώττῃ· ὁ ἀπὸ τῶν Μουσουλμάνων ποτέ Ἀντώνιος» («на языке эллинов сказано так: Антоний, который [был] некогда из мусульман»).

Судя по персидской подписи, как представляется, Антоний понял процедуру подтверждения его православия в Константинопольском синоде как констатацию отречения не от латинской веры, но от мусульманства. Ясно также, что персидский язык Антония,

[364] MM. Vol. 1. P. 551*.

хотя и довольно примитивен, был ему родным, в то время как начертания персидских слов и многочисленные огрехи в письме характеризуют его как малограмотного человека. Использование персидского в подписи вполне понятно: с XII в. и далее это был язык большинства городских мусульман в Анатолии, многие из которых были иранцами по крови или иранизированными тюрками[365]. Можно также предположить, что с большой долей вероятности Антоний изначально принадлежал к западноанатолийским мусульманам из Эгеиды, где было много латинян и где он и мог принять латинский вариант христианства.

Ясно также, что существовал определенный языковой барьер между Антонием и греками Константинопольского патриархата, организовавшими эту процедуру подтверждения православия. Совершенно очевидно, что текст всего исповедания веры был составлен отнюдь не Антонием, но греческим писцом, который не знал персидского и неправильно перевел подпись Антония. Тем не менее можно предположить, что Антоний, будучи в то время, скорее всего, жителем Константинополя, практиковал двуязычие, зная наряду с родным персидским/тюркским и разговорный греческий. Однако он не знал греческой грамоты и совершенно не умел читать и писать по-гречески, что эксплицитно констатируется в документе («подписываю это на языке и буквами, которые я понимаю»). Случай Антония еще раз демонстрирует, что византийские тюрки-иммигранты являлись носителями и проводниками иноязычия в византийском языковом пространстве.

Я уже упоминал Димитрия Йусуфа, который жил при дворе Мануила II в начале XV в. Византийцы почтительно называли его Τζαλαπὴς κὺρ Δημήτριος[366], где почетное именование *çelebi* указывает на его султанскую кровь. Без сомнения желая ассимилироваться в византийской среде в культурном и религиозном плане, он, конечно, оставался туркофоном, что справедливо и в отношении других заложников в Константинополе.

При всем желании переселенные тюрки не могли мгновенно перестать говорить на своем родном языке. Сохранение туркофонии в среде таких поселенцев удостоверяется той балканской и понтийской топонимикой, которая подробно обсуждалась в предыдущих главах (гл. IV, VII). Те или иные пункты получали тюркское

[365] О роли персидского языка в Анатолии см., например: *Hillenbrand C.* Ravandi, the Seljuk Court at Konya and the Persianisation of Anatolian Cities // Mésogeios. 2005. T. 25–26. P. 157–169; *Ateş A.* Hicri VI–VIII. (XII–XIV.) asırlarda Anadolu'da Farsça eserler // Türkiyat Mecmuası. 1945. C. VII–VIII/2. S. 94–135.

[366] *Sphran*. Vol. 3. P. 8.10–11.

название, скорее всего, именно потому, что преимущественно тюркским было население соответствующей территории.

Среди неассимилированных или малоассимилированных туркофонов (или персофонов) следует назвать мусульманских интеллектуалов, как то врачей и ученых, иногда упоминающихся в источниках; их вряд ли принуждали к принятию христианства. Трое «персидских» врачей пользовали Андроника II в начале XIV в., в частности пытаясь излечить его диетой; однако император не мог воздержаться от привычной ему тяжелой пищи[367].

Источники дают нам довольно загадочные случаи мусульманского присутствия в Византии, которые до сих пор не могут быть в полной мере разъяснены. В сочинении Григоры присутствует следующий рассказ, обличающий нравственность Иоанна VI Кантакузина как христианина. Этот рассказ был сообщен Григоре в кон. 1352 — нач. 1353 г. (он находился тогда под арестом в монастыре) его другом Агафангелом. Последний говорил о нравах двора, что «варвары», т.е. анатолийские мусульмане, устраивают там шумные шествия, когда захотят. В моменты службы в дворцовой церкви варвары «заводят хороводы в дворцовых залах, перекрикивают [литургию] пением и, выплясывая замысловатые танцы, неразборчивыми воплями выкрикивают оды и гимны Мухаммаду, чем привлекают к себе больше слушателей, нежели чтение святого Евангелия; из [этих слушателей] иногда совершенно все, а иногда лишь некоторые собираются там [на этих плясках]». Сверх того, варвары устраивают то же «и за царским столом, часто с кимвалами и [другими] сценическими музыкальными инструментами и песнями». Агафангел называет их «духовными наставниками и предводителями (μυσταγωγοὶ καὶ πρόεδροι) нечестивой религии», говорит, что они ведут жизнь «нестяжательную и безбрачную», однако не отказывают себе в чревоугодии и потреблении неразбавленного вина. Несомненно, что речь тут идет о неких анатолийских суфиях, дервишах, привеченных Иоанном VI Кантакузином. Упоминание «хороводов» (χορούς) и «замысловатых танцев» (γυμνικὴν ἐκείνην ὀρχούμενοι ὄρχησιν) может указывать на адептов ордена *мавлави*, «танцующих дервишей». Под пением, одами и гимнами с использованием музыкальных инструментов, вероятно, подразумеваются суфийские радения (سماع *samā*ʿ).

С какой целью и почему они оказались во дворце, зачем понадобились Кантакузину — сказать пока сложно[368]. Для нас важно,

[367] *Greg.* T. 1. P. 554.14–19.
[368] Ibid. T. 3. P. 202.12–203.4.

что внутри Константинополя и даже внутри самого дворца при Кантакузине присутствовали коммуникативно активные группы неассимилированных мусульман — дервишей, которые были носителями не только и не столько тюркского, сколько персидского и арабского языков. А посетители и обитатели дворца (очевидно, в подавляющем своем большинстве, если не исключительно православные греки), вопреки христианскому благочестию, игнорировали святую литургию, предпочитая присоединиться к дервишскому мистическому действу. Бесспорно, прецедент весьма симптоматичный: что изменилось в византийской идентичности, что происходило в головах этих греков, которые, не стыдясь и не опасаясь друг друга, находясь в само́м дворце христианнейшего государя, шли на нарушение общепринятых обычаев?

Иоанн Цец в своей «Истории» еще во второй половине XII в. обрисовал ясную картину фактического многоязычия на константинопольских улицах:

У всех разный выговор, непохожая речь,
Но языки смешиваются — это «священные воры»!
Поскольку жители царственного града Константинова
Не говорят на одном языке и не принадлежат к одному племени,
Здесь смешивается много языков, и из этих закоренелых воров —
Критцев, тюрков, аланов, родосцев, жителей Хиоса,
Одним словом, жителей всех стран, —
Из самых отъявленных, самых прожженных воров
Град Константинов делает святых![369]

Судя по этой цитате, можно думать, что языковое разнообразие населения никак не лишало Константинополь его статуса πατρίς, а его иноязычных жителей — статуса истинных византийцев. Многоязычная речь была обычным элементом городского лингвистического ландшафта. Среди других народов тут отмечены тюрки. Интересно то, что, в полном соответствии с отмечавшимся равнодушием византийцев к проблеме иноязычия, Цец ставит диалекты греческого и *иные* языки в один ряд. Этот пассаж имеет весьма показательное дополнение в «Теогонии» того же автора, где он даже различает анатолийских тюрков («персов») и тюрков дунайских или балканских («скифов»), приводя фразы на их языках, которыми они приветствуют друг друга. Лингвистическое и историко-куль-

[369] Ioannis Tzetzae historiae / Rec. P.A.M. Leone. Napoli, 1968. XIII.354–362 (p. 528). Детальную интерпретацию этого отрывка с его скрытыми аллюзиями на гомеровскую «Илиаду» см. в: *Dagron G.* Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle) // TM. 1994. T. 12. P. 239–240; рус. пер.: *Дагрон Ж.* Формы и функции... С. 192.

турное содержание последнего отрывка уже обсуждалось в гл. I. Тут лишь следует добавить, что, судя по последнему пассажу, указание Цеца в его «Истории» на присутствие тюркской речи на улицах Константинополя отнюдь не было пустым риторическим жестом, воображаемым диалогом с древним поэтом Мелеагром, но отражало истинные городские реалии. Тюрки продолжали говорить на своем языке и в Городе. В конце XII в. жители Константинополя не только видели этих тюрков на улицах и отличали их от других, но, при наличии должного любопытства, могли усвоить некоторые элементы их речи. И надо быть уверенным, что, подобно Цецу, некоторые византийцы выучивали расхожие тюркские выражения.

Однако на протяжении XIII и начала XV в. в среде интеллектуалов, по-видимому, нарастало раздражение многообразным тюркским присутствием. В самом начале XIV в. (но после 1304 г.) патриарх Афанасий I отправляет императору послание, указывающее на засилье в Городе иноверцев — иудеев, армян и мусульман (Ἰσμαηλῖται). Афанасий возмущен, что мусульмане, «открыто взбираясь на возвышенное место, как это принято в их землях, выкрикивают свои гнусные таинства» и при этом остаются безнаказанными[370]. Если Иоанн Цец чуть ли не с восторгом описывает многоязычие Константинополя, то в первой половине XV в. Сильвестр Сиропул говорит о непрекращающемся притоке тюрков в Город с нескрываемым раздражением и озабоченностью. Рассказывая о событиях до 1416 г., Сиропул вкладывает в уста мидийского митрополита Неофита в его беседе с патриархом Евфимием II восклицание: «Толпами инородцы и иноверцы прибывают в этот Город: и армяне, и агаряне прибывают каждый день, и никто их не остановит!»[371] У Афанасия и Сиропула не осталось и следа от благодушия Иоанна Цеца.

Действительно, к середине XV в. ситуация в Византии радикально изменилась. Похоже, не только избранные интеллектуалы

[370] The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials / Ed., transl., and commentary A.-M. Talbot. Washington, 1975. P. 84.23–26 (№ 41): «…κατεφρονήσαμεν οὐ μόνον ποιεῖν ὅσα ἐποίησαν οἱ τῶν Ἰσμαηλιτῶν πρέσβεις — καὶ ταῦτα οὐδαμηνοὶ καὶ παρὰ τοιούτων ἀπεσταλμένοι — ἀλλὰ καὶ φανερῶς ἐφ᾽ ὑψηλοῦ ἀναβαίνοντες ὡς ἔθος ἔχουσιν ἐν τῇ χώρᾳ αὐτῶν, τὰ μυσαρὰ αὐτῶν ἐκφωνοῦσι μυστήρια».

[371] *Syropoulos*. P. 102.1–3: «Πολλοὶ καὶ ἐξ ἄλλων γενῶν καὶ αἱρέσεων εἰσέρχονται ἐν ταύτῃ τῇ Πόλει· καὶ Ἀρμένιοι γὰρ καὶ Ἀγαρηνοὶ εἰσέρχονται καθ᾽ ἑκάστην μὴ κωλυόμενοι παρά τινος». См. также комментарии в: *Necipoğlu N.* Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of the Fifteenth Century // BMGS. 1992. Vol. 16. P. 160; *Balivet.* Romanie byzantine. P. 35.

и иммигранты (как греки, так и метисы и тюрки), но почти все население Византии в той или иной мере умело говорить на языке тюрков. Так позволяют думать рассуждения Геннадия Схолария. В своей «Апологии» против обвинений в латинизме он приводит множество доводов, среди которых есть и «лингвистические» аргументы. Схоларий утверждает, что его интерес к латинскому (или итальянскому) языку и само изучение этого языка не есть аргумент в пользу якобы присущего ему латинофильства. При этом он приводит чрезвычайно неожиданную, более того — ошеломительную параллель. Разве можно утверждать, вопрошает он, «что к вере соседних варваров (т.е. тюрков. — *Р.Ш.*) принадлежат все те из нас, кто разумеет их язык» (ὅσοι τῶν ἡμετέρων τῆς ἐκείνων ἐπαΐουσι γλώττης); было бы нелепостью считать, продолжает Схоларий, что «мы принадлежим к вере этих варваров, поскольку почти все мы используем их говор не меньше, чем собственный» (πάντες γὰρ σχεδὸν τὴν ἐκείνων φωνήν οὐδὲν ἧττον ἢ τὴν οἰκείαν μεμελετήκασιν)[372]. По толкованию М. Жюжи, Схоларий подразумевал под τὴν ἐκείνων φωνήν латинский язык; однако, как показал И.И. Шевченко, несомненно, что тут имелся в виду тюркский[373]. По всей видимости, в контексте наших предшествующих рассуждений слова Схолария следует понимать буквально: к первой половине XV в. большинство византийцев в той или иной степени «усвоили» тюркский. Об этом свидетельствуют и другие примеры, обсуждавшиеся выше: Иоанн Канавуц и Михаил Дука, в частности, весьма уверенно толковали тюркские слова и выражения, как вошедшие в греческий, так и остававшиеся за пределами греческого лингвистического поля. Слова Схолария хорошо подтверждают мою гипотезу о том, что еще до падения Византии греческое языковое пространство (и в особенности, надо думать, разговорный язык) оказалось открытым для тюркских заимствований, лишь малая часть которых отражена в сохранившихся текстах.

Можно сделать следующий важный вывод. Очевидно, что обсуждаемые заимствованные слова не появились из воздуха. Новые

[372] *Georges Scholarios*. Discours justificatif de Scholarios accusé de latinisme // Scholarios, Georges. Œuvres complètes / Éd. L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. T. 1–8. P., 1928–1936. T. 1. P. 382–383, и особенно p. 382.9–15.

[373] *Jugie M.* Compléments à la biographie // Scholarios, Georges. Œuvres complètes. T. 8. P. 21*; *Ševčenko I.* Intellectual Repercussions of the Council of Florence // Church History. 1955. Vol. 24 (4). P. 298–299. См. также: *Blanchet M.-H.* Georges-Gennadios Scholarios et les Turcs: une vision nuancée des conquérants // Worlds in Change: Church Union and Crusading in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / Eds. C. Gastgeber, I.-A. Pop, O.J. Schmitt, A. Simon. Cluj-Napoca, 2009. P. 101–116.

иностранные слова привносились в греческий конкретными лицами — как правило, носителями чужого языка. Следовательно, в Византии существовала довольно большая группа туркофонов, которые выступали в качестве передатчиков тюркских и других восточных языковых элементов. Эти тюркоязычные византийцы были достаточно многочисленными, чтобы повлиять на языковую ситуацию. Хотя они приняли христианство и христианские имена, они вряд ли могли немедленно отказаться от родной тюркской речи. Эти византийские тюрки формировали и поддерживали существование тюркского языкового анклава на территории империи.

Моя гипотеза о значительном распространении двуязычия на византийских территориях в XIV–XV вв. подтверждается лингвистами и находит развитие в разработках Бернта Брендемёна, специалиста по тюркским языкам Анатолии. Фонологическое исследование современных тюркских диалектов Понта позволяет реконструировать некоторые черты исконного говора, лежащего в основе большинства из них. Одно из территориальных ядер, где зародился этот говор, исследователь локализует южнее Векфикебира (т.е. между средневековыми Триполи и Трапезундом). Этот исконный тюркский говор формировался на базе греческого субстрата и тюркского суперстрата (т.е. наложения групп пришлых тюрков на греческих автохтонов). Следовательно, его исконные носители были *двуязычны* — то есть греко- и тюркоязычны. Их двуязычие значительно повлияло на фонологию последующих тюркских диалектов. Фонологические характеристики этого гипотетического говора позволяют сближать его с диалектом туркмен *аккуйунлу* и возводить его появление в этом регионе к XIV в. Лингвистические данные согласуются с данными исторических источников: примерно в том же районе (а именно южнее Кенхрины и Керасунта), обозначенном Б. Брендемёном как очаг формирования диалекта, в середине XIV в. кочевали туркмены *аккуйунлу*[374].

К сожалению, мы пока не имеем подобных историко-диалектологических исследований для Балкан, в особенности, что более всего было бы интересно, трудов по исторической фонологии балканских тюркских и греческих диалектов. Однако исследование Б. Брендемёна до некоторой степени восполняет утраченное звено в цепи языковых метаморфоз на византийских территориях. Можно предположить, что и на византийских Балканах существовали достаточно многочисленные группы двуязычных персон. Собран-

[374] *Brendemoen B.* The Turkish Dialects of Trabzon. Their Phonology and Historical Development. Vol. I: Analysis. Wiesbaden, 2002. P. 284–290.

ный в этом разделе материал и выводы Б. Брендемёна позволяют также предположить, что не только тюркоязычные византийцы становились двуязычными, овладевая разговорным греческим, но и местные греки в зонах наиболее плотного расселения тюрков широко воспринимали отдельные элементы их языка и переходили к греко-тюркскому двуязычию.

Таким образом, очевидно, что часть тюркизмов, проникших сначала в греческий разговорный, а затем и в письменный язык, пришли вместе с двуязычными переселенцами и беженцами, а также «чистыми» тюрками (как оседлыми, так и кочевниками), селившимися на византийских землях. При этом следует иметь в виду, что культурный статус тюрков в рамках византийской традиции был чрезвычайно низок (в отличие, предположим, от статуса иранской цивилизации до VII в. или арабо-мусульманской в VIII–XI вв.). Тюрки в этот период завоевывали для себя место в византийском пространстве тем, чем могли завоевать, — силой оружия и расселением на византийских территориях (этнической миграцией). А значит, и их язык не рассматривался византийцами как престижный. Поэтому столь явственное влияние тюрков на греческую языковую ситуацию может быть объяснено только относительной многочисленностью *тюрков-византийцев* уже, по крайней мере, к XIV в. Следовательно, источник лингвистических и культурных неологизмов восточного происхождения (или значительной их части), скорее всего, располагался *внутри византийского социокультурного пространства* как его особый структурный элемент: столь широкий пласт заимствований вряд ли может быть объяснен случайными «инъекциями» заезжих одиночек-инородцев или завезенных торговцами рабов.

Таким образом, приведенные примеры значительно проясняют подоплеку движения восточной лексики из обыденной речи в текст: живая тюркская речь становится непременным и влиятельным элементом византийского культурно-лингвистического поля рассматриваемой эпохи. Разве не на это откровенно намекает та двуименность греческого сознания, которая столь отчетливо прослеживается в поздневизантийских источниках вопреки аттикизаторской цензуре? Причем подчеркну, что греческая передача подавляющего большинства обсужденных выше восточных заимствований безукоризненно точна. Эти слова почти не подверглись фонетической эллинизации и попадали в греческий язык чуть ли не в первозданном виде. Это может означать только одно: слух греков был хорошо знаком с подобными именами и даже привычен к ним, а следовательно, к тюркской, персидской и, возможно,

арабской и монгольской речи. Другими словами, азиатская речь для греческого сознания в значительной степени потеряла свое «чуждое», «иностранное» звучание.

15. Латентная тюркизация

Приведенные рассуждения выводят нас на проблему *латентной тюркизации* византийского общества. Под латентной тюркизацией я понимаю проникновение в византийскую среду тюркского этнического элемента, а также связанную с этим глубинную трансформацию византийского сознания в поздневизантийскую эпоху, выражавшуюся в постепенном освоении реалий *чужого* тюркского мира как некоего соответствия, как равноправного (или почти равноправного) варианта *своего*. Таким образом, отмечавшиеся лексические заимствования, а также лежавшие за ними новые «варварские» реалии византийской жизни являются одновременно знаками и продуктами более масштабной культурной трансформации, прямо затрагивавшей базовые характеристики самоидентификации поздневизантийского сознания. Латентной или скрытой я называю ее не только оттого, что это был подспудный процесс, не осознаваемый ни субъектами, ни объектами тюркизации, но и потому, что признаки этого процесса в наличном корпусе источников присутствуют лишь *имплицитно*.

Освоение и ассимиляция византийской ойкумены анатолийскими тюрками, ее деэллинизация традиционно рассматривается в современной науке, и в особенности после классических трудов С. Вриониса, как следствие тюркского завоевания, которое вводило в действие на покоренных землях два параллельных процесса — депопуляцию территорий (вытеснение греков с их земель) и исламизацию греков, оставшихся под властью новых хозяев. Эти два взаимосвязанных процесса, виртуозно продемонстрированные С. Врионисом на материале источников XII–XV вв., признаются ведущим фактором в освоении тюрками византийского мира[375]. На мой взгляд, изложенная схема требует одной существенной оговорки. Исламизаторская концепция С. Вриониса приложима только к тем территориям, которые уже находились под властью тюрков, и, конечно же, совершенно справедлива для *поствизантийского* времени, когда турки-османы, покончив с византийской государственностью, действительно использовали исламизацию как один из рычагов этнической ассимиляции автохтонов. Однако

[375] *Vryonis S.* Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 60ff.

в период XIII–XV вв. параллельно описанным С. Врионисом процессам происходила также и *латентная тюркизация* на тех территориях, на которых сохранялось византийское политическое господство. Этот процесс в ряде случаев, несомненно, предшествовал турецкому завоеванию и последующей исламизации, будучи отнюдь не *следствием и результатом* последней, но, напротив, *отправной точкой и условием* массовых обращений в мусульманство в последующем.

Отсюда следует и другой принципиальный вывод: в структуре византийско-тюркских контактов необходимо развести *два их аспекта — конфессиональный* (исламо-христианская контроверсия и связанная с ней исламизация) и *этнический* (тюрко-греческая контроверсия и связанная с ней тюркизация). Как показывает мое исследование, в контексте конкретных прецедентов конфессиональный и этнический аспекты далеко не всегда совпадали или сопутствовали друг другу. Более того, можно думать, что не только для поздневизантийского времени, но и в далекой исторической перспективе этнический аспект тюркского освоения греческой ойкумены оказался более значимым и долговременным, нежели конфессиональный.

Восточные заимствования в византийском греческом отражают определенный «ориентализирующий» сдвиг в византийской повседневной ментальности. Византийская культура, как культура-реципиент, отреагировала на свою встречу с «чужим» обретением новых иностранных слов и имен. Византийцы все более и более активно использовали эти слова для выражения своих повседневных интересов и нужд. Иноземная и даже чуждая для византийцев информация, поступавшая с Востока, нарастала, тем самым в определенном смысле открывая путь турецкому завоеванию 1453 г.

16. Культурный обмен и смертельный исход

Приведу хрестоматийный пример. По рассказу историка Дуки, когда в начале апреля 1453 г. османский султан Мехмед II во главе 160-тысячного войска подошел к Константинополю, великий дука Лука Нотара произнес: «Лучше увидеть посреди Города возвышающуюся чалму турок, чем латинскую калиптру»[376], манифестируя то неприятие, которое испытывала часть византийцев к амбициям папства в отношении Константинопольского патриархата. Слова, вложенные Дукой в уста Луки Нотары, вот уже несколько столетий

[376] *Ducas*. XXXVII.10 (p. 329.11–12): «Κρειττότερόν ἐστιν εἰδέναι ἐν μέσῃ τῇ πόλει φακιόλιον βασιλεῦον Τούρκων ἢ καλύπτραν Λατινικήν».

не устают вновь и вновь цитировать и комментировать историки падения Византии, завороженные парадоксальной и трагической логикой этой максимы — сколь ясной в своем «внешнем», словесном выражении, столь же загадочной и не поддающейся простому препарированию в плане глубинном, мотивационном. Эта максима, как видимая часть айсберга, скрывает под собой несколько смысловых пластов. Наиболее очевидный ее смысл отражает острые споры между сторонниками и противниками унии с католической церковью, разделившие византийское общество. Лука Нотара принадлежал к числу последовательных противников унии, в то время как Дука, вложивший в его уста это высказывание, был последовательным унионистом. Дука, приписав эти слова Луке Нотаре, тем самым выразил расхожие обвинения унионистов в адрес противников унии, провозгласив склонность последних к преступному компромиссу и даже капитулянтству в отношениях с турками. Именно поэтому аутентичность этих слов и, особенно, правомерность их приписки Луке Нотаре вызывает серьезные сомнения. Как показал И.И. Шевченко, вряд ли великий дука произносил эти слова; и совсем невероятно, что им владели капитулянтские настроения, ибо наряду с другими защитниками Константинополя весной 1453 г. он честно исполнил возложенные на него обязанности по обороне города. Противники унии вовсе не собирались добровольно отдаваться под власть турок. Совершенно очевидно, что обвинения Дуки в адрес Луки Нотары (а имплицитно — и в адрес всех его единомышленников-антиунионистов) являются сознательным преувеличением и несправедливы[377].

В исследовательской литературе приписанная Луке Нотаре максима часто интерпретируется как проявление особой тенденции в поздневизантийской политической мысли и шире — ментальности, которую некоторые исследователи определяют как «туркофилию» (τουρκοφιλία), присущую так называемой «туркофильской партии». «Туркофилию» как концепт антилатинских умонастроений описывала Э. Эверт-Каппесова[378]. Терпимость антиунионистов по отношению к туркам демонстрировали З.В. Удальцова и Е.М. Ломизе[379]. Весьма ярко изобразил туркофильские тенденции в визан-

---

[377] *Ševčenko I.* Intellectual Repercussions of the Council of Florence. P. 293–297, 315 (note 47). См. также: *Philippides M., Hanak W.K.* The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies. Farnham; Burlington, 2011. P. 41–42, а также note 120.

[378] *Evert-Kappesowa H.* La tiare ou le turban // Byzantinoslavica. 1953. Vol. 14. P. 245–257.

[379] *Удальцова З.В.* Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // ВВ. 1953. Т. 7. С. 93–121; *Ломизе Е.М.* Византийский

тийской мысли на закате империи М. Баливе, посвятивший этому немало страниц в монографии и отдельные статьи. Им было убедительно показано, что идея политического сговора с турками, а также и готовность признать над собой их власть отнюдь не были чужды части византийцев. При военном столкновении с османами византийское население нередко охватывали протурецкие настроения. М. Баливе подвергает детальному анализу тексты Димитрия Кидониса, Мануила II Палеолога и других авторов, которые осуждали своих соотечественников, готовых сотрудничать с турецкими завоевателями. В периоды острых военных противостояний (как, например, конфликты вокруг Фессалоники в 1380-х, в 1422 и 1430 гг., осада Константинополя в 1394–1402 гг.) часть византийцев была готова сдаться туркам, склоняла к этому других и, наконец, даже дезертировала к ним[380]. Экономическую подоплеку компромисса многих византийцев с турками детально исследовал К.-П. Мачке[381]. На примере Иоанна Анагноста и фессалоникийцев в 1420-х гг. о протурецкой партии подробно писала Невра Неджипоглу[382]. Сюда можно добавить и случаи нескольких ярких персонажей, осуждавшихся современниками за демонстративное сотрудничество с турками: это митрополит Перифеория Дорофей (1381 г.), знаменитый морейский деспот Димитрий Палеолог (1449–1460), семейство Франкопулеев (Φραγγοπουλαῖοι) на Пелопоннесе и другие.

Однако проблема заключается в том, что сами византийцы не знали такого понятия, как «туркофилия»: слово τουρκόφιλος впервые появляется в эпоху борьбы за независимость в начале XIX в., а именно в 1829 г., синонимичное ему φιλότουρκος и абстрактное τουρκοφιλία впервые зафиксированы еще позже — в 1888–1889 гг.[383] Действительно, в византийское время существовал похожий термин, описывающий «склонность» к латинянам, — λατινόφρων, то есть «единомышленник латинян». Тем не менее λατινόφρων указы-

---

патриотизм в XV в. и проблема церковной унии // Славяне и их соседи. [Вып. 1]. Этнопсихологические стереотипы в Средние века. М., 1990. С. 94–106; *Он же.* Константинопольский патриархат и османская религиозная политика в конце XIV — первой половине XV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 89–96; *Он же.* Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) // ВВ. 1994. Т. 55(80). С. 104–110.

[380] *Balivet M.* Le personnage du «turcophile» dans les sources Byzantines antérieures au Concile de Florence (1370–1430) // Balivet M. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. Istanbul, 1999. P. 31–47; *Idem.* Romanie byzantine. P. 73–81.

[381] *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981. S. 56–64, 125–139.

[382] *Necipoğlu N.* Sources… P. 98–101.

[383] См.: *Babiniotis.* Λεξικό. Σ. 1782.

вало лишь на сочувствие к некоторым религиозным идеям католиков, но не на культурную или политическую привязанность к Западу. К VIII в. восходит аналогичный термин σαρακηνόφρων («единомышленник сарацин»), который приобрел распространение во время иконоборческого кризиса и прилагался к людям, думавшим в вопросах веры «по-сарацински»[384]. В догматическом «сарацинстве» обвиняли друг друга и иконоборцы, и иконопочитатели. Однако, насколько мне известно, в поздневизантийское время σαρακηνόφρων никогда не применялось для описания текущей ситуации. Как кажется, византийцы не думали о себе *как о способных быть «единомышленниками» турок*. Эта идея была совершенно чужда их ментальности. Следовательно, вряд ли правомерно предполагать существование в Византии какой-то особой «туркофильской партии», которая бы состояла из антиунионистов и антилатинских элементов, склонных к капитуляции перед османами, как некогда утверждала Э. Эверт-Каппесова, а многие другие последовали за ней[385]. Принимая во внимание обсуждавшуюся ограниченность терминов τουρκόφιλος, φιλότουρκος и τουρκοφιλία, следует использовать их осторожно (а может быть, и вообще не использовать) для описания византийских реалий XIV–XV вв.

Готовность византийцев к сговору с турками всегда была обусловлена конкретными социальными и экономическими обстоятельствами и не имела связи с некоей гипотетической «любовью» (φιλία) к туркам. Как отмечал М. Баливе, император Мануил II хотя и не может быть заподозрен в капитулянтстве перед турками, однако по политическим мотивам шел с ними на компромисс; его долговременный альянс с османскими султанами и данные им в письмах объяснения по этому поводу показывают, что в отношении императора (равно как и его подданных) к туркам превалировал прагматизм[386].

Конечно, как представляется теперь, на уровне интеллектуальной и политической рефлексии в Византии не существовало какой-либо последовательной «туркофильской» политической программы — и, повторю еще раз, термин «туркофилия» вряд ли применим к византийской ситуации. Однако некая вполне явная трансформация в отношении к тюркам в сознании византийцев, конечно же, присутствует и вычленяется. Эту трансформацию, желая уйти от анахронистичного концепта «туркофилия», я бы формулировал в несколько иных терминах.

---

[384] См., например: Theophanis chronographia / Rec. C. de Boor. Vol. 1. Leipzig, 1883 (repr.: Hildesheim, 1963). P. 414.27.

[385] *Evert-Kappesowa H.* La tiare ou le turban...

[386] *Balivet M.* Le personnage du «turcophile»...

В одном из исследований В.Н. Топоров, выдающийся российский лингвист и культуролог, точно и емко сформулировал свой подход к проблеме интеркультурных влияний. Он пишет: «Поскольку приобретение “чужого”, как правило, зримо меняет нечто в “своем”, а “дающая” сторона как бы сама ничего не теряет и не претерпевает изменений, внимание специалистов преимущественно было направлено на “принимающую” и обогащающуюся сторону, а “дающая”, но не скудеющая (*Что отдал, то твое*) сторона оказывалась в тени, из-за чего акцент ставился на “односторонне” направленных ситуациях, которые в пассивном аспекте определялись как заимствование, а в активном — как влияние. Но односторонность в подобных ситуациях всегда мнима... Любой этнокультурный и этноязыковой контакт — всегда обмен и, следовательно, всегда двусторонен, обоюден... “Принимающая” сторона уступает свое место “чужому”, получая за это выигрыш в виде некоего нового, нужного ей элемента, а... “дающая”... сторона выигрывает в приобретении нового... для нее пространства, позволяющего в принципе и в ряде отношений доминировать над [берущей] стороной... Общая формула подобного обмена может быть выражена следующим образом — “экстенсивное” (“пространство” культуры) обменивается на “интенсивное” (“новый” элемент культуры)...»[387]

Эффективность подобного подхода к исследованию межцивилизационного обмена доказали не только многие труды самого В.Н. Топорова. В том же русле описывает византийско-тюркские связи французский исследователь Мишель Баливе. Он показывает, как греко-тюркский симбиоз трансформировал обоих субъектов отношений, постепенно приводя к единому знаменателю поначалу столь непримиримые различия между ними. Исследователь не без веских оснований склонен подчеркивать именно позитивные, «обогащающие» результаты встречи греческого и тюркского миров, в частности в том, что касается вклада тюркского элемента в византийскую культуру, редко по достоинству оцениваемого византологическим научным «национализмом»[388].

Однако логика моего изложения, наверно, уже не оставила у читателя сомнений в том, что тут я склонен особо выделять иную, теневую сторону взаимоотношения «чужого» и «своего» в хрупком

---

[387] *Топоров В.Н.* Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспективы) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 142–144.

[388] *Balivet.* Romanie byzantine. См. также рецензию на эту книгу: *Шукуров Р.М.* Зона контакта: проблемы межцивилизационных отношений в современной византинистике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 258–268.

внутреннем равновесии культуры. Как справедливо отмечено в приведенной цитате В.Н. Топорова, обретение «чужого» — это всегда отказ от части «своего». Для сохранения самоидентичности культуры, обладающей *конечным* набором имен, жизненно важно то, как много *своих* имен ей приходится уступить в обмен на *чужие*. Это и таит в себе опасность трагического исхода всякой встречи между двумя культурами, которая, по воле обстоятельств, всегда готова перерасти в жестокий поединок, что и произошло в случае греков и тюрков.

Однако вернемся к Византии. Материал византийских источников свидетельствует о наличии первоначальных тюркизирующих трансформаций в византийском сознании. Подсознательная открытость тюркскому миру, его мнимая *освоенность* в контексте византийской ментальности, формировавшаяся вследствие этих трансформаций, в конце концов нередко интерпретировались византийским сознанием как греко-тюркская «близость» в плоскости культурной и конфессиональной.

Георгий Трапезундский (1395 — ок. 1472/3) — потомок понтийских эмигрантов и знаменитый византийский интеллектуал, перешедший в 1426 г. в католичество[389], писал османскому султану Мехмеду II в 1453 г.: «Ты видишь, всезлатый эмир и истинный султан: весь род людской разделен на три части — на евреев, христиан и мусульман, из коих род евреев невелик и слишком рассеян, род христиан многочисленен, велик и имеет великие силы, мудрость и знание, род же мусульман весьма велик и достоин удивления. Итак, если кто-то эти два человеческих рода, я имею в виду христиан и мусульман, к одной вере и одному исповеданию приведет, то я клянусь Богом небес и земли, что его будут прославлять среди всех людей, на земле и на небе и что он перейдет в разряд ангелов. Это, дивный эмир, не может совершить никто, кроме тебя»[390].

Далее Георгий обстоятельно показывает мнимость мусульманско-христианских богословских противоречий в области христологии и тринитарной проблематики, истинный источник которых он усмотрел в злонамеренных кознях иудеев[391]. Георгий заключает,

---

[389] Георгий происходил из эмигрантов, переселившихся из Трапезунда на Крит. О его жизни и произведениях см.: *Monfasani J.* George of Trebizond. Leiden, 1976; *Георгий Трапезундский*. Об истинности христианской веры / Пер. и коммент. К.И. Лобовиковой. Самарканд, 2009 (обширный аналитический комментарий на с. 93–238).

[390] *Георгий Трапезундский*. Об истинности… С. 20 (§ 5). Фр. пер.: *Balivet M.* Pour une concorde islamo-chrétienne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen-âge (de Nicolas de Cues à Georges de Trébizonde). Roma, 1997. P. 38.

[391] *Георгий Трапезундский*. Об истинности… С. 33 (§ 35), 35 (§ 43); *Balivet M.* Pour une concorde… P. 46–48.

что если Мехмед II осуществит объединение мусульман и христиан, то по сравнению с его могуществом «покажутся ничтожными… Александр Македонский, кесарь Август и сам Константин»[392]. Я поддерживаю К.И. Лобовикову, которая наглядно показала, что Георгий Трапезундский в этом послании отнюдь не имеет в виду установления некоей труднопредставимой унии между христианами и мусульманами, как толковал это Мишель Баливе и другие исследователи. Цель Георгия — склонить Мехмеда II к обращению в христианство, ибо мусульманство — это в действительности то же христианство, но изложенное иначе. Как только Мехмед обратится в христианство, мировой порядок вернется в присущее ему состояние: в его центре, как и прежде, будет вечная универсальная Римская империя христиан[393].

Георгий Трапезундский, как и множество других византийцев, до и после написания этого письма пестовал надежду, что «чуждость» тюркского и мусульманского начала мнима, это «чужое» на самом деле есть *вариант* старого доброго «своего», христианского и греческого (вспомним показанную выше «двуименность», *вариантность* византийского мира). В условиях острого политического соперничества византийского мира с тюркским (преимущественно анатолийским, а отчасти и степным золотоордынским) описанная тюркская «внутренняя колонизация» византийской ойкумены приводила ко все нараставшему со временем *дефициту культурного иммунитета* в византийском сознании. Когда тюркская речь, тюркский модус жизни, разнообразные знаки соседнего тюркского мира стали восприниматься византийским сознанием как хорошо знакомые, понятные, может даже и «совсем свои», когда тюрки перестали казаться загадочными и опасными, инстинкт самосохранения неизбежно должен был подвести греков. Политические ошибки византийцев, в первой половине XIV в. столь широко привлекавших тюрков на Балканы, а в последнее столетие существования империи надеявшихся договориться с османами, были подспудно обусловлены этим недостатком культурного иммунитета по отношению к противнику. Латентная тюркизация была не единственным, но весьма существенным фактором, обусловившим экзистенциальное поражение византийской цивилизации, которая на этот раз так и не нашла ответа на внешний вызов.

---

392 *Георгий Трапезундский*. Об истинности… С. 90 (§ 183); *Balivet M.* Pour une concorde… P. 77. См. также: *Geanakoplos D.J.* Byzantium. Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary Eyes. Chicago; L., 1984. P. 384–385.

393 *Георгий Трапезундский*. Об истинности… С. 142–179, 210–233; *Лобовикова К.И.* Византия и Запад: поиски путей к примирению мусульман и христиан: (По поводу книги М. Баливе) // ВВ. 2006. Т. 65. С. 204–217.

ЭПИЛОГ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Тюркское меньшинство

Источники, исследуемые в заданном в настоящей работе методологическом ключе, ясно свидетельствуют о наличии индивидов и групп тюркского происхождения в составе византийского населения. Тюрки присутствовали во всех социальных стратах. Среди них были как «персы», так и «скифы», причем первые значительно преобладали. Весьма заметным было наличие тюрков в составе средней и высшей аристократии, что указывает на высокую вертикальную мобильность западновизантийских обществ. В результате анализа биографий отдельных членов знатных фамилий удалось установить, что в них присутствовала профессиональная преемственность на протяжении нескольких поколений. Очевидна преемственность и в статусе семей: знать средней руки так и оставалась в среднем регистре аристократии, а наиболее знатные роды, например Султаны и Мелики, сохраняли свои связи с правящим домом.

Этих натурализовавшихся иммигрантов целесообразно выделять в особый разряд византийского населения — «византийских тюрков», тем самым отличая их от подданных иностранных держав, которые всегда присутствовали на территории империи. Главными орудиями натурализации пришельцев были обращение в христианство и сопутствующая эллинизация. Византийские тюрки переходили в православие, чаще всего сочетались браком с местными (греками, славянами и т.д.); принятие христианства и поселение на византийской территории ставило их под юрисдикцию римского права и делало полноценными гражданами; в зависимости от обстоятельств, в результате натурализации они могли быть наделены землей и другой собственностью, чинами. Второе поколение иммигрантов, как правило, было вполне эллинизированным.

Как мне удалось установить, многие из византийских тюрков являлись бывшими и действующими военными и членами их семей, а также рабами-военнопленными. Второе поколение бывших

варваров хотя в культурном (но ни в коем случае не юридическом) смысле и выделялось самими коренными византийцами, но в большинстве случаев было целиком интегрировано в местную культуру и говорило на греческом языке; среди его представителей немало интеллектуалов (монахов, священников, писцов и т.д.). Данные как балканских, так и понтийских актов демонстрируют проникновение варваров преимущественно в средние и низшие слои византийского общества. Перечисленные аспекты являются общими для средневизантийского и поздневизантийского периодов, отражая базовые модели натурализации иммигрантов (как западных, так и восточных) в византийском мире. В этих аспектах западновизантийские земли и Понт немногим отличались друг от друга.

Каких-либо принципиальных предпочтений в отношении тех или других «разновидностей» варваров у византийцев не было, границы византийской ойкумены по всему периметру были одинаково проницаемы. Вместе с тем совершенно очевидно, что шансов натурализоваться в византийском обществе было больше у тех пришельцев, которые могли *понять* и принять новые правила игры. По этой причине на протяжении всей истории империи выходцы из тюркской и иранской Анатолии, арабского Восточного Средиземноморья, в силу большей способности к культурной адаптации, с большей легкостью и в бóльших количествах встраивались в византийский социум и культуру. Эта особенность была также общей для западновизантийского и понтийского обществ.

2. Региональные особенности

Однако западновизантийская и понтийская парадигмы тюркского присутствия демонстрируют и весьма существенные различия, которые мы ниже и попытаемся обозначить. Очевидно, что было бы некорректно сравнивать количественные показатели по всему западновизантийскому региону с соответствующими данными по византийскому Понту. Для этого представляется более логичным взять равновеликий Понту регион, например Македонию, население которой по численности было сравнимо с понтийским. Сходство Македонии и Понта усиливается и тем, что оба региона были преимущественно аграрными, оба имели только один крупный городской центр (Фессалоника и Трапезунд соответственно) и несколько средних и мелких городов.

1. Прежде всего, это различие в распределении тюрков-иммигрантов в разных слоях общества. В понтийской части моего списка

численно зафиксировано много меньше париков и малоимущих крестьян: если в Македонии 51% носителей восточных имен были париками и малоимущими, то на Понте — лишь 11%. Кроме того, на Понте выходцев с Востока в среде средних собственников, торговцев, клириков и монахов было в шесть раз больше, чем в Македонии (59% против 11%). Еще одно существенное различие касается высших классов: если в Македонии до 34% носителей восточных имен относилось к высшим слоям общества (аристократия, чиновничество), то на Понте — от силы лишь 11% (рис. 9).

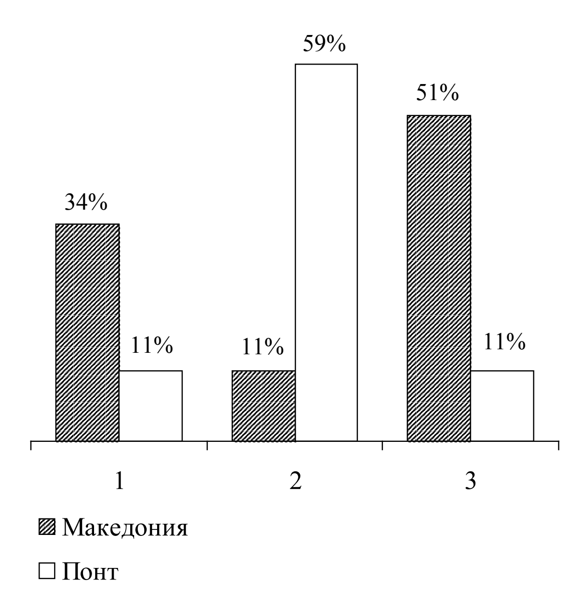

Рис. 9. Социальный состав византийских тюрков: 1 — знать, прониары и крупные собственники; 2 — средние собственники, торговцы, интеллектуалы, клирики; 3 — парики, мелкие собственники и рабы

Из этого сопоставления можно сделать целый ряд важных выводов. Во-первых, македонское общество в большей мере, нежели Понт, было открытым для знатных тюрков — преимущественно высокопоставленных военных, анатолийских эмиров, тюркских командиров-прониаров. Этому может быть единственное объяснение: Палеологи в неизмеримо большей степени, чем Великие Комнины, опирались на тюркских наемников. По всей видимости, именно непрерывный приток тюрков в византийскую военную машину и, более того, ставка на тюркскую живую силу в палеологовской армии привели к формированию целого слоя знати и высших военачальников с тюркскими корнями, а некоторые из них

оказались на высшей ступени социальной иерархии (Султаны, Мелики). Еще больше тюрков влилось в средний слой аристократии (Газии, Масгиды, Иагупы, Анатавлы и т.д.).

В Трапезундской империи из среды тюркских иммигрантов не вышло ни одной действительно знатной семьи, сравнимой по влиянию с могущественными кланами Схолариев, Доранитов, Кавацитов и т.д. Трапезундское общество было во много большей степени корпоративным, чем западновизантийское (балканское и западноанатолийское). Многочисленные знатные роды на Понте сохраняли свое единство в течение многих поколений, каждый из них выступал как консолидированная сила в политической борьбе. Временами они объединялись против императорской власти, временами сталкивались друг с другом в соперничестве за контроль над империей. Сами Великие Комнины воспроизводили ту же модель, выступая скорее как знатный род наряду с другими аристократическими кланами и отличаясь от последних лишь своей имперской харизмой. На византийском Понте, в силу клановости элиты, вертикальная мобильность (особенно в самых высших стратах общества) была много слабее, чем на западновизантийских территориях, где гражданская парадигма продолжала играть существенную роль. Трапезунд, как представляется, в меньшей степени пользовался услугами тюркских наемников, рассчитывая на автохтонную живую силу; похоже, только дворцовые гвардейские подразделения в Трапезунде (амирджандары и хурджириоты) имели генетическую связь с тюркскими наемниками. Этим и можно объяснить легкость проникновения тюркских иммигрантов в палеологовскую аристократию в сравнении с понтийской ситуацией.

Во-вторых, как это ни парадоксально, при отмеченной открытости македонского общества к восточной знати, оно было много более закрытым по отношению к тюркским иммигрантам среднего и низшего статуса. Поселившиеся в Македонии тюрки занимали заведомо более низкое положение, чем автохтоны; они часто оказывались париками, для них и их потомков пути к полной аккультурации и вхождению в разряд «интеллектуалов» (клириков, монахов, нотариев и т.д.) были если и не закрыты совсем, то весьма затруднены. Напротив, на Понте тюркские поселенцы редко попадали в самые низы общества, быстрее ассимилировались, они сами или их потомки вскоре могли пополнить состав среднего чиновничества, клира и монашества.

2. На Балканах верхняя точка активности переселений как анатолийских тюрков, так и кыпчаков приходится на вторую половину XIII в. и первую половину XIV в. Несмотря на традиционное равно-

душие византийских авторов к проблеме проникновения варваров на земли империи, удалось установить, что наиболее мощная волна иммиграции за весь поздневизантийский период приходится на 1260-е гг., когда многие тысячи «персов», как оседлых, так и кочевых, оказались в империи. Поначалу они имели статус иностранных подданных, но с бегством их государя султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II подавляющее большинство тюрков, находившихся в оседлых районах Фракии и Македонии, перешло в византийское подданство. Число переселенцев в первой половине XIV в. также было весьма значительным, однако нарративные источники не содержат никаких указаний на хотя бы относительные цифры. В этом случае на помощь приходят данные антропонимики. Наибольший прирост «персидских» и «скифских» имен для Македонии приходится как раз на первую половину XIV в.: 56% всех «персидских» имен и 87% — «скифских». Это ясно указывает на значительный приток иммигрантов как с юга, так и с севера.

Однако со второй половины XIV в. наблюдается резкое падение числа византийских тюрков в Македонии. Черная смерть оказала существенное влияние на азиатских иммигрантов, число которых во второй половине XIV в. резко сократилось. В Константинополе не наблюдалось такого стремительного падения численности носителей азиатских имен в период с середины XIV в. и до гибели империи. Это означает, что с оскудением византийской казны, а потом и потерей Македонии и Фракии в пользу турок феномен «византийских тюрков» в сельских районах прекращает свое существование; его заместят в ближайшем будущем иные реалии. Хотя это не касалось Константинополя, в котором продолжают селиться тюрки. Однако в силу особенностей источниковой базы сейчас трудно судить об истинных масштабах их проникновения в столицу. Падение притока тюрков в Палеологовскую империю было связано с коллапсом прониарной системы и обнищанием казны.

В то же время Трапезундская империя, с одной стороны, не претерпела столь катастрофических трансформаций в экономике, а с другой — по мере нарастания османской угрозы с рубежа XIV и XV вв. все больше сближалась с мусульманскими соседями. Анализ понтийской антропонимии указывает на то, что в XIII в. в притоке тюрков в Трапезундскую империю наблюдается всплеск, в XIV в. их проникновение сокращается, но в первой половине XV в. — вновь резко возрастает.

3. Следует отметить существенные различия в этническом составе иммигрантов с Востока в западновизантийских землях и на Понте. В западновизантийском регионе большинство из тюркских

переселенцев были выходцами из Анатолии. Половцы численно преобладали, вероятно, только в Северо-Западной Македонии. Анатолийский и кыпчакский элементы были перемешаны на территориях расселения; как правило, невозможно выделить этнически однородные области, населенные исключительно той или иной подгруппой варваров. Тюркских иммигрантов расселяли преимущественно в сельской местности, удаленной от основных стратегических центров империи. На Понте мы также встречаем как анатолийских, так и северных, причерноморских тюрков. Однако на территории Трапезундской империи в числе азиатских иммигрантов просматривается заметный слой иранцев и курдов, отсутствовавших в западновизантийских землях. Арабы и монголы жили как на Балканах, так и на Понте, но монголов было больше в трапезундском населении, а арабов — на Балканах. Эти различия легко объясняются особенностями ближайшего окружения и традиционных торговых и политических связей Палеологовской и Великокомниновской империй.

4. Трапезундские территории в большей степени, нежели западновизантийские, были открыты для расселения кочевников. В земледельческих регионах Западной Анатолии и на Балканах зафиксировано присутствие исключительно оседлых тюркских иммигрантов. Лишь удаленная Добруджа была ок. 1262–1263 гг. заселена кочевниками из Анатолии, однако полноценный византийский контроль над этой территорией вряд ли сохранялся после рубежа XIII и XIV вв.

5. Обычно тюрки на византийских землях подвергались ассимиляции, выражавшейся в христианизации и постепенном переходе на греческий язык. Для эпохи Ласкарей и Палеологов нам не известно ни одного случая сохранения изначальной конфессиональной идентичности (мусульманской, языческой) индивидом или группой восточных или северных варваров, натурализовавшихся в империи. Ассимиляционные механизмы в западновизантийском мире до самой его гибели оставались весьма действенными: все подданные империи исповедовали православное христианство. В этом поздневизантийская ситуация демонстрировала полную преемственность с прежней традицией. Понтийский же материал и в этом отношении специфичен. Можно предположить, что в XV в. некоторые осевшие на трапезундских землях азиатские иммигранты сохраняли мусульманскую идентичность. Недостаточная глубина христианизации иммигрантов подтверждается наличием на понтийских территориях «криптомусульман», которые внешне были христианами, но тайно продолжали исповедовать ислам. Это различие вполне объяснимо этнической фрагментиро-

ванностью византийского Понта, населенного не только греками, но и значительным числом картвелов, а также монофизитов-армян. Кроме того, как показало мое исследование, численность восточных иммигрантов на Понте превышала западновизантийские показатели в 3–4 раза. Конфессиональная и этническая фрагментированность, а также отмечавшаяся ранее сугубая корпоративность общества, вероятно, препятствовали скорой и глубокой христианизации пришельцев по западновизантийской модели.

3. Культурная трансформация

Византийские письменные источники указывают на циркуляцию в среднегреческом значительного числа заимствований из тюркских языков. Эти заимствования свидетельствуют о присутствии в империи относительно многочисленных и лингвистически влиятельных групп носителей тюркского языка (или языков), которые и изменяли языковую ситуацию на византийских территориях. Этих тюрков, подданных византийских государей, мы называем *тюркоязычными византийцами* или же *византийскими тюрками*: они натурализовались в византийском обществе, но сохранили свой язык. Данные фонологического анализа современных тюркских понтийских говоров позволяют предполагать, что, по крайней мере, на Понте уже в XIV в. существовали группы двуязычного (тюрко- и грекоязычного) населения. Можно думать, что феномен такого рода существовал и на Балканах.

Нарастающее количество тюркских языковых элементов в среднегреческом указывает на распространенность туркофонии в византийской среде, главным проводником которой были византийские тюрки. Источники сохранили имена греков, которые свободно говорили на языке/языках тюрков. Более того, можно думать, что ко времени падения империи большинство византийцев в той или иной мере знали тюркский. Его распространение в византийской среде лишь усиливалось к концу существования империи.

Значительная часть арабской лексики, вошедшей в среднегреческий в XIII–XV вв. (а частично и раньше), была воспринята византийцами через тюркскую передачу. При этом важно отметить, что сами тюрки, скорее всего, в большинстве случаев заимствовали ее из персидской языковой среды, но не напрямую из арабской. Это наблюдение важно для понимания тех специфических фонетических (и, соответственно, графических) форм, которые иностранная лексика приобрела в византийской среде. Важно оно и для тюркологии, являясь еще одним аргументом в пользу того, что

мусульманская культура Анатолии была глубоко иранизирована. Вплоть до первой половины XIV в. в городских обществах данного региона, включая средние и высшие образованные слои, господствовал персидский язык.

Внешнее давление тюрков на Палеологовскую и Великокомниновскую империи, присутствие тюркского этнического элемента в самой византийской среде вызвали к жизни целый ряд вторичных трансформаций. Признаки тюркизации зафиксированы в военной сфере, в дворцовом, городском и сельском быте, что в наличном комплексе источников выражается в появлении новой тюркской терминологии и в вытеснении тюркизмами старых греческих именований.

В связи с этим можно сделать следующий немаловажный вывод: в структуре византийско-тюркских контактов необходимо различать два их аспекта, присутствующие в современных историографических концепциях в нераздельном единстве, — *конфессиональный* (исламо-христианский конфликт и связанная с ним исламизация) и *этнический* (тюрко-греческий конфликт и связанная с ним тюркизация). В случае византийских балканского и понтийского обществ внедрение тюркских элементов (этнических, языковых, бытовых) в греческую среду не только не сопутствовало исламизации греческого общества, но, напротив, предполагало христианизацию самих носителей этих чужеродных элементов.

Рассмотренные в данной работе факты восточного влияния на греческое общество я определяю как проявление одного из самых ранних этапов тюркской этнической экспансии на византийских территориях, длившегося вплоть до достижения тюрками политического господства в византийском мире. Смысл и последствия тюрко-греческого этнического и культурного «взаимообмена» в поздневизантийский период должны быть рассмотрены в исторической перспективе, с точки зрения его долгосрочных последствий. Захват османами Константинополя в 1453 г., равно как и падение Трапезунда в 1461 г., несомненно, оказался подготовленным подспудной и слабо отраженной источниками тюркизацией самого византийского общества: тюркский язык, тюркский быт, многочисленные реалии соседнего тюркского мира к середине XV в. были хорошо знакомы, привычны, а может быть, и близки византийцам. Тюркское мирное проникновение в греческую среду, рассмотренное в этой конечной катастрофической перспективе, предстает особым, *латентным* этапом тюркской экспансии, внесшим свою лепту в политический разгром поздневизантийских государств и последующий ход тюркизации греческого населения, которая яв-

лялась не столько следствием установления тюркского политического господства на византийских территориях, сколько одной из причин, обусловивших политическое поражение византийской государственности.

Характер собранного материала заставляет расценивать *латентную тюркизацию* не столько как последствие «взаимовыгодного культурного обмена», обогатившего византийский субстрат, сколько как один из разрушительных факторов, который, одновременно с нарастанием военно-политического соперничества, подспудно подрывал самоидентичность византинизма, видоизменял его традиционные ценностные ориентации.

4. Перспективы

1. Следует продолжить работу по этимологизации византийской ономастики. Для палеологовского времени 14% антропонимов до сих пор не растолкованы, т.е. их языковая привязка остается загадочной. Процент нерастолкованных антропонимов на византийском Понте еще выше — около 50%. Этимологизация антропонимического материала, несомненно, внесет существенные коррективы в современные представления об этническом составе населения на византийских землях. Следует продолжить работу по сбору и анализу географической и этнической номенклатуры, содержащейся не только в изданных греческих источниках утилитарных и научных жанров (география, астрология и т.д., см. гл. I), но и в рукописях. Это позволит с большей точностью судить о темпах замещения старых названий иноязычной топонимикой. Должна иметь продолжение и работа по выявлению в негреческих источниках (славянских, латинских, персидских, арабских, тюркских и др.) лиц, не вошедших в PLP, и введению их в исследовательский оборот византинистики.

2. Необходимо продолжить работу по выявлению и этимологизации лексических и иных лингвистических элементов в разговорном и литературном среднегреческом. До сих пор мы не располагаем полным списком арабских, персидских, тюркских и иных заимствований. Это позволит более полно отследить ориентализирующие трансформации в поздневизантийской ментальности.

3. Следует продолжить реконструкцию образа «византийского тюрка» в византийской ментальности. Если образ тюрка-иностранца разрабатывался в литературе, то отношение византийцев к «своим» тюркам до сих пор оставалось непроясненным. В настоящей книге эта работа лишь начата, и она должна быть продолжена.

Не будет лишним в этой связи пересмотреть и эволюцию отношения к тюркам-чужакам. В результате настоящего исследования становится очевидным, что изначальное пренебрежение или равнодушие в XIII в. сменилось восприятием тюрков как части себя (пусть худшей и дикой, но все же части); в середине XIV в. явно наблюдается поворот к ощущению равенства с тюрками, а после середины XIV в. в византийском мире растет престиж тюрков и тюркского языка.

4. Наконец, набор подходов и методик, опробованных в данном исследовании, было бы небесполезным применить к изучению и других этнических групп (персов, арабов, славян, армян, латинян, сирийцев) в составе византийского населения, как в позднюю эпоху, так и в предыдущие столетия.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ТАБЛИЦ

Иллюстрации

Таблицы

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Языки и диалекты

ак. — турецкий диалект Акчаабата
англ. — английский
араб. — арабский
башк. — башкирский
вак. — турецкий диалект Вакфикебира
гир. — турецкий диалект Гиресуна
гр. — греческий
ит. — итальянский
казах. — казахский
крым. — крымско-татарский
лаз. — лазский
лат. — латинский
мерз. — турецкий диалект Мерзифона
монг. — монгольский
новогр. — новогреческий
ор. — турецкий диалект Орду
осм. — османлыджа
перс. — персидский
понт. — понтийский греческий
рус. — русский
согд. — согдийский
сюр. — турецкий диалект Сюрмене
тер. — турецкий диалект Терджана
тюрк. — тюркский
т.-м. — тюрко-монгольский
узб. — узбекский
фр. — французский
халд. — греческий диалект Халдии
чагат. — чагатайский
эрзер. — турецкий диалект Эрзерума

2. Библиографические сокращения

АДСВ — Античная древность и Средние века.

Будагов — Будагов Л. Сравнительный словарь тюркско-татарских наречий. Т. 1–2. СПб., 1869–1871.

ВВ — Византийский временник.

ВДИ — Вестник древней истории.

ВО — Византийские очерки.

ИФЖ — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР.

Карпов. История — *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.

Карпов. Романия — *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000.

Марр — *Марр Н.* Грамматика чанского (лазского) языка. СПб., 1910.

Мошин. Акти — *Мошин В.* Акти из светогорских архива // Споменик Српске Краљевске Академје. 1939. Т. 91. С. 155–260.

Радлов — *Радлов В*. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. СПб., 1893–1911.

СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.

Успенский. Очерки — *Успенский Ф.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.

Abu al-Faraj. Chronography — *Abu al-Faraj, Gregorius*. The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron / Ed. E.A.W. Budge. Vol. 1: Translation from Syriac by E.A.W. Budge. L., 1932 (repr.: Amsterdam, 1976).

Abu al-Faraj. Mukhtasar — *Abu al-Faraj*. Mukhtasar tarikh al-duwal. Beirut, 1890.

Abu Bakr Tihrani — *Abu Bakr-i Tihrani*. Kitab-i Diyarbakriyya / Yayınlayanlar N. Lugal, F. Sümer. T. 1–2. Ankara, 1962–1964 (repr.: Tehran, 1977).

AChil (Petit–Korablev) — Actes de l'Athos V. Actes de Chilandar I / Éd. L. Petit, B. Korablev // ВВ. Приложение к т. 17. СПб., 1911.

AChil (Živojinović–Kravari–Giros) — Actes de Chilandar / Éd. M. Živojinović, Ch. Giros, V. Kravari. T. I (Des origines à 1319). P., 1995.

Acrop. — Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg, P. Wirth. Vol. 1–2. Stuttgart, 1978.

ADion — Actes de Dionysiou / Éd. N. Oikonomidès. P., 1968.

ADoch — Actes de Docheiariou / Éd. N. Oikonomidès. P., 1984.

AEsph — Actes d'Esphigménou / Éd. J. Lefort. P., 1973.

AIvir — Actes d'Iviron / Éd. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, Hélène Métrévéli. T. I–IV. P., 1985–1995.

AKAW — Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin (philologische und historische).

ALavr — Actes de Lavra / Éd. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou, S. Çirkoviç. T. I–IV. P., 1970–1982.

Andriotes. Ετυμολογικό — *Andriotes N.P.* Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη, 1967.

Anna Comn. — Annae Comnenae Alexias / Rec. A. Kambylis et D.R. Reinsch. B.; N.Y., 2001.

ANSMN — American Numismatic Society, Museum Notes.

АП — Αρχείον Πόντου.

APantél — Actes de Saint-Pantéléèmôn / Éd. P. Lemerle, G. Dagron, S. Çirkoviç. P., 1982.

APantokr — Actes du Pantocrator / Éd. V. Kravari. P., 1991.

APhilK — *Kravari V.* Nouveaux documents du monastère de Philothéou // TM. 1987. T. 10. P. 261–356.

AProd — *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. P., 1955.

Aqsarayi — Kerimuddin Mahmud Aksaraylı. Müsameret ül-ahbâr. Moğollar zamanında Türkiye selçukluları tarihi / Mukkademe ve haşiyelerle tashih ve neşreden Osman Turan. Ankara, 1944.

ARus — Акты русского на св. Афоне монастыря Пантелеимона. Киев, 1873.

AS — Anatolian Studies.

Asmā — Asmā al-lughāt bi-l-ʿarabiyya bi-l-fārsiyya bi-l-turkiyya wa bi-l-yūnāniyya. BnF. Supplément persan 939. Fol. 23–65.

ASV, SM — Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, Venezia.

Attal. — Miguel Ataliates. Historia / Introducción, edición, traducción y comentario de I. Pérez Martín. Madrid, 2002.

AV — *Успенский Ф., Бенешевич В.* Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927.

AVat — Actes de Vatopédi / Éd. J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. T. 1–2. P., 2001–2006.

AVat III — *Theocharides G.* Μία διαθήκη και μία δίκη Βυζαντινή. Ανέκδοτα Βατοπεδινά έγγραφα. Θεσσαλονίκη, 1962.

AZog — Actes de l'Athos IV. Actes de Zographou / Éd. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // ВВ. Приложение к 13 т., № 1. СПб., 1907.

Babiniotis. Λεξικό — *Babiniotis G.* Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.

Balivet. Romanie byzantine — *Balivet M.* Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994.

Barkan. Osmanlı — *Barkan O.L.* Osmanlı Imperatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak sürğünler // İstanbul Üniversitesi Iktisat Fakültesi Mecmuası. 1953–1954. C. 15. S. 209–237.

Beldiceanu. Biens des Amiroutzès — *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I.* Biens des Amiroutzès d'après un registre ottoman de 1487 // TM. 1981. T. 8. P. 63–78.

Beldiceanu 1990 — *Beldiceanu N., Nasturel R.* Biens du monastère Sainte-Sophie de Trébizonde dans plusieurs bandons du pays à la charnière de la conquête (1461) // Byzantion. 1990. T. 60. P. 25–89.

Belleten — Belleten, Türk Tarih Kurumu.

Bessarion — Lampsides O. O "εις Τραπεζούντα" λόγος του Βησσαρίωνος // ΑΠ. Τ. 39. 1984. Σ. 1–75.

BF — Byzantinische Forschungen.

BK — Bedi Kartlisa.

BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies.

Brand. Turkish — *Brand Ch.* The Turkish Element in Byzantium, 11th–12th Centuries // DOP. 1989. Vol. 43. P. 1–25.

Bryer. Estates — *Bryer A*. The Estates of the Empire of Trebizond. Evidence for Their Resources, Products, Agriculture, Ownership and Location // АП. 1979. Т. 35. P. 370–477.

Bryer. Greeks — *Bryer A*. Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149.

Bryer. MO — *Bryer A*. Some Trapezuntine Monastic Obits (1368–1563) // RÉB. 1976. T. 34. P. 125–138.

BS — Byzantinoslavica.

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies.

BZ — Byzantinische Zeitschrift.

Caferoğlu. Doğu — *Caferoğlu A*. Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar (Kars, Erzerum, Çoruh ilbaylıkları ağızları). İstanbul, 1942.

Cantac. — Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV / Rec. L. Schopen. Vol. 1–3. Bonn, 1828–1832.

CCAG — Catalogus codicum astrologorum graecorum. T. 1–12. Bruxellis, 1898–1936.

CFHB — Corpus Fontium Historiae Byzantinae (1967–).

Chalc. — Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes. Vol. 1–2 / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922–1927.

CHBE — The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2008.

CHT — The Cambridge History of Turkey. Vol. 1: Byzantium to Turkey, 1071–1453 / Ed. K. Fleet. Cambridge, 2009.

Cinn. — Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonn, 1836.

Clauson — *Clauson G*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

CSHB — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 1–50. Bonn, 1828–1897.

Dawkins. Modern Greek — *Dawkins R.M*. Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916.

Dehkhodâ. Loghatnâme — *Dehkhodâ A*. Loghatnâme. CD-Version. Tehran, 2000.

Demetrakos — *Demetrakos D*. Μέγα Λεξικόν Όλης της Ελληνικής Γλώσσης. T. 1–15. Αθήνα, 1953.

Doerfer. Türkische — *Doerfer G*. Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen. Bd. 1–4. Wiesbaden, 1963–1975.

Digenes Akrites (Mavrogordato) — Digenes Akrites / Ed. with an introd., transl. and comment. by J. Mavrogordato. Oxford, 1956.

Digenes Akrites (Trapp) — Digenes Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen / Hrsg., übers. E. Trapp. Wien, 1971.

DOP — Dumbarton Oaks Papers.

DOS — Dumbarton Oaks Studies.

DöSch — *Dölger F*. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948.

DöUrk — *Dölger F.* Zu den Urkunden des Vazelonsklosters bei Trapezunt // BZ. 1929/30. Bd. 29. S. 329–344.

Du Cange. Glossarium — *Du Cange Ch.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688.

Ducas — *Ducas.* Historia Turcobyzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1958.

ÉB — Études balkaniques.

ΕΕΒΣ — Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών.

EHB — The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou. Vol. 1–3. Washington, 2002.

EI NE — The Encyclopaedia of Islam. New Edition / Eds. P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs et al. Vol. 1–12 with indexes and etc. Leiden, 1960–2005.

Ekthesis Chronike — *Philippides M.* Emperors, Patriarchs, and Sultans of Constantinople, 1373–1513: An Anonymous Greek Chronicle of the Sixteenth Century. Brookline (MA), 1990.

Golden. Byzantine — *Golden P.B.* Byzantine Greek Elements in the Rasulid Hexaglot // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1985 [1987]. Vol. 5. P. 41–166.

Greg. — Nicephori Gregorae Byzantina historia / Rec. L. Schopen, I. Bekker. Vol. 1–3. Bonn, 1829–1855.

Heisenberg. Neue Quellen — *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion // SBAW. 1922–1923. Bd. 1–3.

HungChort — *Hunger H.* Johannes Chortasmenos (ca. 1370 — ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und Kleine Schriften. Einleitung, Regesten, Prosopographie, Text. Wien, 1969.

IA — Islâm Ansiklopedisi. Islâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biografya Lugati. Beşıncı Baskı. C. 1–13. Ankara, 1978–1987.

Ibn Bibi (AS) — *Ibn Bibi.* El-Evamirü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Önsöz ve fihristi hazırlıyan A.S. Erzi. Ankara, 1956.

Ibn Bibi (Duda) — *Duda H.W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.

Ibn Bibi (Houtsma) — Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi / Texte persan publié d'après le ms. de Paris par M.H. Houtsma. Leide, 1902.

JA — Journal asiatique.

Janssens. Trébizonde — *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.

JÖB — Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik.

JRS — Journal of Refugee Studies.

Karapotosoglou. Ετυμολογικά — *Karapotosoglou K.* Ετυμολογικά σε ποντιακές λέξεις // ΑΠ. 1990–1991. Τ. 33. Σ. 256–335.

Katrarios — Anonymi christiani Hermippus De astrologia dialogus / Rec. W. Kroll, P. Viereck. Leipzig, 1895.

Kriaras. Λεξικό — *Kriaras E.* Λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημώδους γραμματείας 1100–1669. Τ. 1–. Αθήνα, 1969– (онлайн-версия: http://www.greek-language.gr/greekLang/medieval_greek/kriaras/index.html).

Kuršanskis. Relations — *Kuršanskis M.* Relations matrimoniales entre Grands Comnènes de Trébizonde et princes géorgiens // BK. 1976. T. 34. P. 112–127.

Lampros. Ανέκδοτον — *Lampros S.* Ανέκδοτον χρυσόβουλλον Αλεξίου του Μεγάλου Κομνηνού αυτοκράτορος Τραπεζούντος // NE. 1905. T. 2. Σ. 187–198.

LaurBel — *Laurent V.* Note additionnelle. L'inscription de l'église Saint-Georges de Bélisérama // RÉB. 1968. T. 26. P. 367–371.

Laurent. Deux chrysobulles — *Laurent V.* Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // АП. 1953. T. 18. P. 241–278.

LBG — Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts / Hrsg. E. Trapp et al. Wien, 1994–2007.

Lazaropoulos — Lazaropoulos. Synopsis miraculorum sancti Eugenii // Rosenqvist J.O. The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996. P. 246–358.

Libadenos — Ανδρέου Λιβαδηνού βίος και έργα / Εκδ. Ο. Λαμψίδης [ΑΠ. Παράρτημα VII]. Αθήνα, 1975.

MHR — Mediterranean Historical Revue.

Miklosich. Die Türkischen — *Miklosich F.* Die Türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen (griechisch, albanisch, rumunisch, bulgarisch, serbisch, kleinrussisch, grossrussisch, polnisch) // Denkschriften der phil.-hist. Cl. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXXIV–XXXV. Wien, 1884–1885; Bd. XXXVII–XXXVIII. Wien, 1888–1890.

Millet. Inscriptions — *Millet G.* Inscriptions byzantines de Trébizonde // Bulletin de correspondance hellénique. 1896. T. 20. P. 496–501.

Millet. Monastères — *Millet G.* Les monastères et les églises de Trébizonde // Bulletin de correspondance hellénique. 1895. T. 19. P. 419–459.

MM — *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. 1–6. Vindobonae, 1860–1895.

MOG — Mitteilungen zur osmanischen Geschichte.

Moravcsik. Byzantinoturcica — *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Bd. 1–2. Leiden, 1983.

NE — Νέος Ελληνομνήμων.

Nic. Chon. — Nicetas Choniates. Historia / Rec. J.A. van Dieten. Vol. 1–2. B.; N.Y., 1975.

OCP — Orientalia Christiana Periodica.

ODB — Oxford Dictionary of Byzantium / Eds. A. Kazhdan, A.M. Talbot. Vol. 1–3. N.Y.; Oxford, 1991.

Pachym. — Georges Pachymérès. Relations Historiques / Éd. A. Failler. T. 1–5. P., 1984–2000.

Panaretos — Μιχαήλ του Παναρέτου περί των Μεγάλων Κομνηνών / Εκδ. Ο. Λαμψίδης. Αθήνα, 1958.

Papadopoulos. Ιστορικόν λεξικόν — *Papadopoulos A.* Ιστορικόν λεξικόν της Ποντικής διαλέκτου. T. 1–2. Αθήνα, 1958–1961.

PBW — The Prosopography of the Byzantine World. URL: http://www.pbw.kcl.ac.uk/

PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.P. Migne. T. 1–161. P., 1857–1866.

PKar — *Lemerle P.* Un praktikon inédit des archives de Karakala (Janvier 1342) et la situation en Macédoine orientale au moment de l'usurpation de Cantacuzène // Χαριστήριον εις Αναστάσιον Κ. Ορλάνδον. T. 1. Αθήνα, 1965. P. 278–298.

PLP — Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Bd. 1–12. Wien, 1976–1996.

Pseudo-Kodinos. Traité — *Pseudo-Kodinos*. Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. Verpeaux. P., 1966.

Pseudo-Sphran. — *Sphrantzes*. Memorii 1411–1477. In anexa Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258–1481 / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966.

Ptolem. Opera — Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia / Ed. E. Boer et F. Boll, secundis curis edidit Wolfgang Hübner. Vol. 3/1. Stuttgart, 1998.

Rásonyi & Baski. Onomasticon Turcicum — *Rásonyi L., Baski I.* Onomasticon Turcicum: Turkic Personal Names. Vol. 1–2. Bloomington, 2007.

RÉB — Revue des études byzantines.

Redhouse 1921 — *Redhouse J.* A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1921.

Redhouse 1997 — *Redhouse J.* Türkçe-Ingilizce Sözlük. İstanbul, 1997.

RegPatr — Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople / Éd. V. Grumel, V. Laurent, J. Darrouzès. T. 1–2 (pt. 1–8). P., 1932–1989.

RÉI — Revue des études islamiques.

Rhabdas. Epistula — *Nicolaus Artabasdos Rhabdas*. Epistula // Tannery P. Sciences exactes chez les Byzantins // Tannery P. Mémoires scientifiques. T. 4. P., 1920. P. 118–186.

RHC — Recueil des historiens des croisades.

RN — Revue numismatique.

ROL — Revue de l'Orient latin.

RPK — Das Register des Patriarchats von Konstantinopel / Hrsg. H. Hunger, O. Kresten et al. Teil 1: 1315–1331; Teil 2: 1337–1350; Teil III: 1350–1363. Wien, 1981, 1995, 2001.

SBAW — Sitzungsberichte Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-philologische und historische Klasse.

Schreiner. Kleinchroniken — *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Bd. 1–3. Wien, 1975–1979.

Schreiner. Texte — *Schreiner P.* Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano, 1991.

Schwyzer. Griechische Grammatik — *Schwyzer E.* Griechische Grammatik auf der Grundlage von K. Brugmanns Griechischer Grammatik. Bd. 1. München, 1939.

SI — Studia Islamica.

SK — Seminarium Kondakovianum.

Sphran. — *Giorgio Sfranze*. Cronaca / Ed. R. Maisano. Roma, 1990.

Sümer. Oğuzlar — *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy teşkilatı, Destanları. İstanbul, 1992.

Symeonidis. Lautlehre — *Symeonidis Ch.* Lautlehre der türkischen Lehnwörter im neugriechischen Dialekt des Pontos // ΑΠ. 1971–1972. T. 31. S. 17–231.

Symeonidis. Nominalendung — *Symeonidis Ch.* Die Nominalendung -άντ(οι), -άντων, -άντα im neugriechischen Dialekt des Pontos // ΑΠ. 1979. T. 36. S. 97–103.

Syropoulos. Les Mémoires — Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438–1439) / Éd., trad. V. Laurent. P., 1971.

TAD — Tarih Araştırmaları Dergisi. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Tarih Bölümü.

TH — Τραπεζουντιακόν ωροσκόπιον του έτους 1336 / Εκδ. Σ. Λάμπρος // ΝΕ. 1916. T. 13. P. 33–50.

TLG — The Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature. University of California, Irvine, USA. URL: http://www.tlg.uci.edu/

TM — Travaux et mémoires.

Tompaïdes. Ελληνικά — *Tompaïdes D.* Ελληνικά επώνυμα τουρκικής προελεύσης. Αθήνα, 1990.

Trapp 1978 — *Trapp E.* Probleme der Prosopographie der Palaiologenzeit // JÖB. 1978. Bd. 27. S. 181–201.

TS — Tarama Sözlüğü / Türk Dil Kurumu. C. 1–8. Ankara, 1965–1977 (онлайн-версия: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_tarama&view=tarama).

Tzetzes. Theogonia — Die Theogonie des Johannes Tzetzes aus der bibliotheca Casanatensis / Hrsg. I. Bekker // AKAW. Aus dem J. 1840. B., 1842. S. 147–169.

Variorum CS — Variorum Collected Studies Series.

Varzos. Γενεαλογία — *Varzos K.* Η γενεαλογία των Κομνηνών. T. 1–2. Θεσσαλονίκη, 1984.

Vryonis 1977 — *Vryonis S.* Another note on the inscription of the church of St. George of Beliserama // Βυζαντινά. 1977. T. 9. P. 11–22.

Vryonis. Decline — *Vryonis S.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971.

Vryonis. Manpower –*Vryonis S.* Byzantine and Turkish Societies and Their Sources of Manpower // Vryonis S. Studies on Byzantium, Seljuks, and Ottomans: Reprinted Studies. Malibu, 1981. № III. P. 125–140.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

Yazıcızâde Ali (Bakır) — *Yazıcızâde Ali.* Tevârîh-i Âl-i Selçuk (Oğuznâme-Selçuklu Târihi) / Hazırlayan A. Bakır. İstanbul, 2009.

Yazıcızâde ʿAli (Berlin) — *Jazığyoğlu ʿAli.* Oġuzname. Handschrift d. Staatsbibliothek zu Berlin. Orient. Quart. 1823.

Yurtsever. Türkçe — *Yurtsever* E. Türkçe Adlar Derlemesi. İstanbul, 1997.

Zajaczkowski. Najstarsza — *Zajaczkowski A.* Najstarsza wersja turecka «Husräv u Širin» Qutba. Warszawa. 1961. T. III: Slownik.

Zerzelides. Ερμενευτική — *Zerzelides G.* Ερμενευτική του τοπωνυμικού της Άνω Ματσούκας // ΑΠ. 1961. T. 24. Σ. 245–290.

ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ИСТОЧНИКИ

Рукописи

Акафист. Государственный исторический музей. ГИМ 80272, Син. греч. 429.

Идрис Бидлиси. Хашт бихишт. СПб. Отд. рукописей ПФ ИВ РАН. С 387.

Муслих ал-Дин Мухаммад. Мирʾат ал-Адвар. Отд. рукописей ПФ ИВ РАН. С 427.

Asmā al-lughāt bi-l-ʿarabiyya bi-l-fārsiyya bi-l-turkiyya wa bi-l-yūnāniyya. Bibliothèque nationale de France. Supplément persan 939. Fol. 23–65.

Διήγησις Ἀλεξάνδρου. Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Post-Bizantini. Cod. gr. 5.

Evangelistarium. Biblioteca Medicea Laurenziana (Firenze). № 244.

Ibn Bibi. El-Evamirü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye. Süleymaniye Kütüphanesi. Ayasofya № 2985 = *Ibn Bibi* (AS).

Idrīs Bidlīsī. Hasht Bihist. Paris. Bibliothèque nationale de France. Supplément persan 1558.

Jazığyoġlu ʿAli. Oġuzname. Handschrift d. Staatsbibliothek zu Berlin. Orient. Quart. 1823 = *Yazıcızâde ʿAli* (Berlin).

Maliyeden Müdevver 828. İstanbul. Başbakanlık Osmanlı Arşivi.

Публикации и переводы

Абу Бакр Кутби ал-Ахари. Тарихи Шейх Увейс / Введ., пер. и коммент. М. Кязимова и В. Пириева. Баку, 1984.

ʿАджаʾиб ад-Дунйа (Чудеса мира) / Крит. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указатели Л.П. Смирновой. М., 1993.

Акты русского на св. Афоне монастыря Пантелеимона. Киев, 1873.

Алмазов А.И. Неизданные канонические ответы Константинопольского патриарха Луки Хризоверга и митрополита Родосского Нила. Одесса, 1903.

Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я.Н. Любарского. СПб., 1996.

Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996.

Аристотель. Категории / Под ред. Г. Александрова, пер. А.В. Кубицкого. М., 1939.

Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976–1983.

Византийская книга эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.

Византийские сочинения об исламе / Под ред. Ю.В. Максимова. М., 2006.

Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм. М., 1962.

Георгий Акрополит. История / Пер. с древнегреч. П.И. Жаворонкова. СПб., 2003.

Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Пер. и коммент. К.И. Лобовиковой. Самарканд, 2009.

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997.

Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М., 1994.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. и коммент. Н. Велиханова. Баку, 1986.

Каухчишвили С.Г. Грузинские источники по истории Византии. Т. 1. Тбилиси, 1974.

Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976.

Клавихо Р. Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Текст, пер. и примеч. под ред. И.И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.

Мошин В. Акти из светогорских архива // Споменик Српске Краљевске Академје. 1939. Т. 91. С. 155–260.

Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-китаб фи таʿйин ал-маратиб / Крит. текст, предисл., указат. А.А. Али-заде. Т. 1 (ч. 1–2). М., 1964–1971.

Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны / Изд. крит. текста, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М., 1996.

Низам ал-Мульк. Книга об управлении государством / Пер. Б.Н. Заходера. Душанбе, 1998.

Никифор Григора. История ромеев / Пер. Р. Яшунского. Т. 1–2. СПб., 2013–2014.

Никольский Н.К. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI века. СПб., 1896.

Османские документальные источники о Грузии и Закавказье (XVII–XVIII вв.) / Тур. текст с грузинским переводом, введением, факсимиле и индексом подг. А.Т. Велковым и Н. Шенгелия. Кн. II. Тбилиси, 1989.

Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Т. 2. Ч. 1 / Крит. текст А.А. Али-заде. М., 1980.

Он же. Переписка / Пер., введ. и коммент. А.И. Фалиной. М., 1971.

Смбат Спарапет. Летопись / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. Ереван, 1974.

Соловьев А., Мошин В. Грчке повеље српских владара. Издање текстова, превод и коментар. Београд, 1936.

Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского, под ред. О.О. Крюгера, общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1994.

Странствия и путешествия Перо Тафура (1453–1454) / Пер., предисл. и коммент. Л.К. Масиеля Санчеса. М., 2006.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из арабских сочинений). СПб., 1884; Т. 2 (Извлечения из персидских сочинений). М.; Л., 1941.

Успенский Ф., Бенешевич В. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927.

Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957.

Фома Мецопский. История Тимурланка и его преемников. Баку, 1957.

Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме / Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. 1–2. М., 1967.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965.

Abu al-ʿAbbas al-Qalqashandi. Kitab subh al-aʿshaʾ fi kitabat al-inshaʾ. T. 5–8. al-Qahira, 1915.

Abu al-Faraj, Gregorius. The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron / Ed. and transl. E.A.W. Budge. Vol. 1. L., 1932 (repr.: Amsterdam, 1976).

Abu al-Faraj. Mukhtasar tarikh al-duwal. Beirut, 1890.

Abu Bakr Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya / Yayınlayanlar N. Lugal, F. Sümer. T. 1–2. Ankara, 1962–1964 (repr.: Tehran, 1977).

Abu-l-Feda. Annales muslemici. Arabice et latine / Rec. I.G.C. Adler. Vol. 1–5. Hafniae, 1789–1794.

Actes de Chilandar / Éd. M. Živojinović, Ch. Giros, V. Kravari. T. I (Des origines à 1319). P., 1995.

Actes de Dionysiou / Éd. N. Oikonomidès. P., 1968.

Actes de Docheiariou / Éd. N. Oikonomidès. P., 1984.

Actes de l'Athos I. Actes de Xénophon / Éd. L. Petit // ВВ. Приложение к т. 10, № 1. СПб., 1903.

Actes de l'Athos II. Actes de Pantocrator / Éd. L. Petit // ВВ. Приложение к т. 10, № 2. СПб., 1903.

Actes de l'Athos III. Actes d'Esphigménou / Éd. L. Petit et W. Regel // ВВ. Приложение к т. 12, № 1. СПб., 1906.

Actes de l'Athos IV. Actes de Zographou / Éd. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // ВВ. Приложение к т. 13, № 1. СПб., 1907.

Actes de l'Athos V. Actes de Chilandar I / Éd. L. Petit, B. Korablev // ВВ. Приложение к т. 17. СПб., 1911.

Actes de l'Athos VI. Actes de Philothée / Éd. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // ВВ. Приложение к т. 20, № 1. СПб., 1913.

Actes de Lavra / Éd. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou, S. Çirkoviç. T. I–IV. P., 1970–1982.

Actes de Saint-Pantéléèmôn / Éd. P. Lemerle, G. Dagron, S. Çirkoviç. P., 1982.

Actes de Vatopédi / Éd. J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. T. 1–2. P., 2001–2006.

Actes d’Esphigménou / Éd. J. Lefort. P., 1973.

Actes d’Iviron / Éd. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, Hélène Métrévéli. T. 1–4. P., 1985–1995.

Actes du Pantocrator / Éd. V. Kravari. P., 1991.

Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque / Rec. R. Keydell. B., 1967.

Ali Yazdi. The Zafarnamah by Maulana Sharafuddin Ali Yazdi / Ed. Mawlawi M. Ilahdad. Vol. 1–2. Calcutta, 1885–1888.

Andreae Libadeni Trapezuntii praedictiones pro anno mundi 6844 = 1336 p. Chr. n., excerpta ex Cod. 12 (Monac. 525) / Ed. F. Boll // CCAG. T. 7 (Codices Germanicos). Bruxellis, 1908. P. 152–160.

Ανδρέου Λιβαδηνού βίος και έργα / Εκδ. Ο. Λαμψίδης. Αθήνα, 1975.

Anecdota Astrologica / Rec. A. Ludwich. Lipsiae, 1877.

Anna Comnène. Alexiade / Éd. B. Leib. T. 1–3. P., 1937–1945.

Annae Comnenae Alexias / Rec. A. Kambylis et D.R. Reinsch. B.; N.Y., 2001.

Anonymi christiani Hermippus De astrologia dialogus / Ed. W. Kroll et P. Viereck. Lipsiae, 1895.

Anthologia Graeca / Ed. H. Beckby. T. 1–2. München, 1965.

Arsenios. Testamentum // PG. T. 140. Col. 948–958.

Aşıkpaşazade. Tevarih-i al-i Osman. İstanbul, 1332 (1914).

Ašikpaša-zade. Vom Hirtenzelt zu Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik „Denkwurdigkeiten und Zeitlaufte des Hauses Osman“ von Derwisch Ahmed, genannt Ašik-Paša-Sohn / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von R.F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959.

al-ʿAyni, Badr al-Din Mahmud ibn Ahmad. ʿIqd al-juman fi tarikh ahl al-zaman / Ed. M.M. Amin. T. 1 (648–664 H / 1250–1265 M). al-Qahira, 1987.

Aziz ibn Ardaşir Astarabadi. Bazm-u razm / [Hazırlıyan Kilisli Muallim Rif’at], F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. İstanbul, 1928.

Bakker W.F., Gemert A.F. van. Ιστορία του Βελισαρίου. Αθήνα, 2007.

Basilicorum libri LX / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda et N. van der Wal. Vol. 1–8. Groningen, 1953–1988.

Baybars al-Mansuri al-Dawadar. Zubdat al-fikra fi taʾrikh al-Hijra. History of the Early Mamluk Period / Ed. D.S. Richards. Beirut; B., 1998.

Beldiceanu N. Biens monastiques d’après un registre Ottoman de Trébizonde (1487). Monastères de la Chrysoképhale et du Pharos // RÉB. 1977. T. 35. P. 175–213.

Idem. L’empire de Trébizonde à traverse un registre ottoman de 1487 // АП. 1979. T. 35. P. 54–73.

Idem. Les Qavāzid/Kabazitès à la lumière d’un registre ottoman de Trébizonde // Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor, XIX. Napoli, 1982. P. 41–54.

Idem. Les sources ottomanes au service des études byzantines // Studien zur Geschichte und Kultur des vorderen Orients. Festschrift für Bertold Spuler zum siebzigsten Geburtstag. Leiden, 1981. P. 1–11.

Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I. Biens des Amiroutzès d'après un registre ottoman de 1487 // TM. 1981. T. 8. P. 63–78.

Beldiceanu N., Năsturel P. Le monastère de la Théosképastos à la lumière d'un recensement ottoman de Trébizonde // Byzantion. 1985. T. 55. P. 260–331.

Beldiceanu-Steinherr I. Analyse de la titulature d'Orhan sur deux inscriptions de Brousse // Turcica. 2002. T. 34. P. 223–240.

Eadem. En marge d'un acte concernant le penğyek et les aqınğı // RÉI. 1969. № 1. P. 21–47.

Beldiceanu-Steinherr I., Ganchou Th. Tarhaniyat/Menemen, de Byzance à l'Empire ottoman // Turcica. 2006. T. 38. P. 47–122.

Berger A. Accounts of Medieval Constantinople. Cambridge, Mass., 2013.

Bertrandon de la Broquière. Le voyage d'Outremer / Éd. Ch. Schefer. P., 1892.

Brocardus. Directorium ad passagium faciendum // RHC: Documents arméniens. T. 1–2. P., 1869–1906. T. 2. P. 365–517.

Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Eds. J. Thomas, A.C. Hero, G. Constable. Vol. 1–5. Washington, 2000.

C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII / Ed. K. Mayhoff. Vol. 1–6. Stuttgart, 1967–1970.

Cahen C. Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Roum au moment de l'invasion mongole // Byzantion. 1939. T. 14. P. 131–139.

Canivet P., Oikonomidès N. La Comédie de Katablattas. Invective byzantine du XVe s. // Δίπτυχα. 1982–1983. T. 3. P. 5–97.

Catalogus codicum astrologorum graecorum. T. 1–12. Bruxellis, 1898–1936.

The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmitt. L., 1904.

Chronik des edlen En Ramon Muntaner / Hrsg. K. Lanz. Stuttgart, 1844.

Claudii Ptolemaei geographia / Ed. K. Müller. Vol. 1.1. P., 1883.

Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia / Ed. E. Boer, F. Boll, W. Hübner. Vol. 3/1. Stuttgart, 1998.

Codex Comanicus: édition diplomatique avec fac-similés / Éd. V. Drimba. Bucarest, 2000.

Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies / Éd. A. Vogt. T. 1–2. P., 1967.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by G. Moravcsik. English translation by R.J.H. Jenkins. New, rev. ed. Washington, 1967.

Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions / Ed. J. Haldon. Wien, 1990.

Constantini Manassis Breviarium Chronicum / Ed. O. Lampsides. Athenis, 1996.

Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / Rec. J.J. Reiske. Vol. 1. Bonn, 1829.

Constantinople in the Early Eighth Century: the Parastaseis Syntomoi Chronikai. Introduction, Translation and Commentary / Eds. A. Cameron and J. Herrin. Leiden, 1984.

Cornet E. Giornale dell'assedio de Costantinopoli 1453 di Nicolò Barbaro P.V. corredato di note e documenti. Wien, 1856.

Corpus Iuris Civilis / Rec. T. Mommsen, P. Krueger et al. Vol. 1–3. B., 1928–1929.

The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials / Ed., transl., and commentary A.-M. Talbot. Washington, 1975.

Costantino Porfirogenito. De Thematibus / Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi. Cittá del Vaticano, 1952.

Dagron G. Vie et miracles de Sainte Thècle. Texte grec, traduction et commentaire. Bruxelles, 1978.

Darrouzès J. Le traité des transferts: édition critique et commentaire // RÉB. 1984. T. 42. P. 147–214.

Idem. Les discours d'Euthyme Tornikès (1200–1205) // RÉB. 1968. T. 26. P. 49–121.

Delehaye H. Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues. Bruxelles, 1921.

Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. G. Prinzing. B.; N.Y., 2002.

Démétrius Cydonès. Correspondance / Éd. R.J. Loenertz. T. 1–2. Città del Vaticano, 1956.

Demetrius Cydonis. Oratio alia deliberative de non reddenda Callipoli petente Amurate // PG. T. 154. Col. 1010–1036.

Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt / Rec. I. Bekker. Bonn, 1829.

Digenes Akrites / Ed. with an introd., transl. and comment. by J. Mavrogordato. Oxford, 1956.

Digenes Akrites. New Approaches to Byzantine Heroic Poetry / Eds. R. Beaton and D. Ricks. L., 1993.

Digenes Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen / Hrsg., übers. E. Trapp. Wien, 1971.

Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial versions / Ed. E. Jeffreys. Cambridge, 1998.

Dölger F. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948.

Idem. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949.

Ducas. Historia Turcobyzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1958.

Duda H.W. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.

Eideneier H. Ptochoprodromos. Einfrührung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar. Köln, 1991.

Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächslehrbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache / Beiträgen von T. Berger, Chr. Correll, G.S. Henrich und W. Lehfeldt. Köln; Wien, 1989.

Epanagoge Basilii Leonis et Alexandri / Ed. K.E. Zachariae von Lingenthal // Collectio librorum iuris Graeco-Romani ineditorum. Leipzig, 1852.

Das Eparchenbuch Leons des Weisen / Einführ., Ed., Übersetz. und Indices J. Koder. Wien, 1991.

Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Graz; Wien; Köln, 1954.

Europa und die Türken in der Renaissance / Hrsg. B. Guthmüller, W. Kühlmann. Tübingen, 2000.

Eusebius. Die Praeparatio evangelica // Eusebius. Werke / Hrsg. K. Mras. B., 1954. Bd. 8.

Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula / Ed. Th.L.F. Tafel. Frankfurt am Main, 1832.

Eustathii Thessalonicensis Opera minora / Rec. P. Wirth. B.; N.Y., 2000.

Eustathius Thessalonicensis. Commentarium in Dionysii periegetae orbis descriptionem // Geographi Graeci Minores / Ed. K. Müller. P., 1861. Vol. 2. P. 201–407.

Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. C. de Boor. Vol. 1: Excerpta de legationibus. Prs. 1–2. B., 1903.

Géographie d'Aboulféda / Éd. M. Reinaud. P., 1840.

Géométries du fisc byzantin / Éd., trad. et comm. par J. Lefort, R. Bondoux, J.-C. Cheynet, J.-P. Grélois, V. Kravari, J.-M. Martin. P., 1991.

George Akropolites. The History / Introd., transl. and commentary R. Macrides. Oxford, 2007.

Georges et Dèmètrios Tornikès. Lettres et discours / Éd. J. Darrouzes. P., 1970.

Georges Pachymérès. Relations Historiques / Éd. A. Failler. T. 1–5. P., 1984–2000.

Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg, P. Wirth. Vol. 1–2. Stuttgart, 1978.

Giorgio Sfranze. Cronaca / Ed. R. Maisano. Roma, 1990.

Giovanni Cananos. L'assedio di Costantinopoli / Ed. E. Pinto. Messina, 1977.

Γρηγορίου του Κυπρίου Επιστολαί / Εκδ. Σ. Ευστρατιάδης // Εκκλησιαστικός Φάρος. 1909. Τ. 4. Παράρτημα.

Guilland R. Correspondance de Nicéphore Grégoras. P., 1927.

Guillou A. Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. P., 1955.

Hafiz-i Abru. Dhayl-i jamiʿ al-tawarikh-i Rashidi / Ed. Khanbaba Bayani. Tehran, 1317 (1939).

Idem. Jughrafiya-yi Hafiz-i Abru / Ed. Sadiq Sajjadi. Vol. 1–3. Tehran, 1997–1999.

Halasi-Kun T. Gennadios' Turkish Confession of Faith // Archivum ottomanicum. 1987–1992. T. 12. P. 5–103.

Halkin F. Hagiographica inedita decem. Turnhout; Leuven, 1989.

Hasan b. 'Abdi'l-Mu'min el-Hoyi. Gunyetu'l-Katib ve Munyetu't-Talib // Erzi A.S. Selçukiler Devrinde âid Inşâ Eserleri. Ankara, 1963. S. 1–15.

Hasan b. 'Abdi'l-Mu'min el-Hoyi. Rusumu'r-Resa'il ve Nucumu'l-Faza'il // Erzi A.S. Selçukiler Devrinde âid Inşâ Eserleri. S. 1–46.

Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion // SBAW. 1922–1923. Bd. 1–3.

Hicrî 859 tarihli Sûret-i defter-i sancak-ı Tirhala / Metni bir giriş ile neşredenler M. Delilbaşı ve M. Arıkan. Ankara, 2001.

Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi / Texte turc publié d'après les mss. de Leide et de Paris par M.H. Houtsma. Leide, 1902.

Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi / Texte persan publié d'après le ms. de Paris par M.H. Houtsma. Leide, 1902.

Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par F.N. Uzluk. Ankara, 1952.

Ḥudūd-al-ʿĀlam, "The regions of the World", a Persian geography, 372 A.H. – 982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky, with the preface by V.V. Barthold († 1930) translated from Russian. L., 1937 (2nd ed.: L., 1970).

Hunger H. Johannes Chortasmenos (ca. 1370 – ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und Kleine Schriften. Einleitung, Regesten, Prosopographie, Text. Wien, 1969.

Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-tarikh. T. 1–13. Beirut, 1966.

Ibn al-Athir. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.T. Tornberg. Vol. XII. Leiden, 1853.

Ibn Bibi. El-Evamirü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Önsöz ve fihristi hazırlıyan A.S. Erzi. Ankara, 1956.

Ibn Fadl-Allah al-'Umari. Al-Taʿrif bi al-mustalah al-sharif. al-Qahira, 1312 (1894/5).

Ibn Khordadhbeh. Kitab al-masalik wa'l-mamalik (Liber viarum et regnorum), et excerpta e Kitab al-kharadj, auctore Kodama ibn Djaʿfar / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.

Ibn Taghribirdi. Annals, entitled 'an-Nujum az-zahira fi muluk Misr wal-Qahira' / Arabic text ed. by W. Popper. Vol. 5 (Pts. 1–4). Berkeley; Los Angeles, 1936.

Ioannis Caminiatae de expugnatione Thessalonicae / Rec. G. Böhlig. B., 1973.

Ioannis Canabutzae magistri ad principem Aeni et Samothraces in Dionysium Halicarnasensem commentarius / Ed. M. Lehnerdt. Lipsiae, 1890.

Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV / Rec. L. Schopen. Vol. 1–3. Bonn, 1828–1832.

Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonn, 1836.

Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. H. Thurn. B.; N.Y., 1973.

Ioannis Tzetzae Historiae / Rec. P.A.M. Leone. Napoli, 1968.

Isocrate. Discours / Éd. É. Brémond, G. Mathieu. T. 1–4. P., 1928–1962.

Joannis Cantacuzeni Contra Mahometem Apologia I–IV // PG. T. 154. Col. 372–584.

Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1896–1900. T. 4–8.

Jughrafiya-yi Hafiz Abru: qismat-i rubʿ-i Khurasan, Harat / Ed. Mayil Harawi. Tehran, 1970.

Kantakuzenos, Johannes. Christentum und Islam. Apologetische und polemische Schriften / Griechisch-deutsche Textausgabe von K. Förstel. Würzburg; Altenberge, 2005.

Idem. Geschichte / Übers., erläut. G. Fatouros und T. Krischer. Bd. 1–3. Stuttgart, 1982–2011.

Kekaumenos. Raccomandazioni e consigli di un galantuomo: Stratēgikon / Ed. M.D. Spadaro. Alessandria, 1998.

Kerimuddin Mahmud Aksaraylı. Müsameret ül-ahbâr. Moğollar zamanında Türkiye selçukluları tarihi / Mukkademe ve haşiyelerle tashih ve neşreden O. Turan. Ankara, 1944.

The King's Dictionary: The Rasūlid Hexaglot – Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Ed. P.B. Golden, tr. T. Halasi-Kun, P.B. Golden, L. Ligeti, and E. Schütz. Leiden, 2000.

Kravari V. Nouveaux documents du monastère de Philothéou // TM. 1987. T. 10. P. 261–356.

Kugéas S. Notizbuch eines Beamten der Metropolis in Thessalonike // BZ. 1914–1919. Bd. 23. S. 143–163.

Lagus J.J.W. Seid Locmani ex libro Turcico qui Oghuzname inscribitur excerpta. Helsingfors, 1854.

Lampros S. Ανέκδοτον χρυσόβουλλον Αλεξίου του Μεγάλου Κομνηνού αυτοκράτορος Τραπεζούντος // ΝΕ. 1905. Τ. 2. Σ. 187–198.

Idem. Ο μαρκιανός κώδιξ του Κρητός Γεωργίου Κλόντζα // ΝΕ. 1915. Τ. 12. Σ. 41–52.

Idem. Υπόμνημα περί των Ελληνικών χωρών και εκκλησιών κατά τον δέκατον πέμπτον αιώνα // ΝΕ. 1910. Τ. 7. Σ. 360–371.

Lampsides O. Ο εις Τραπεζούντα λόγος του Βησσαρίωνος // ΑΠ. 1984. Τ. 39. Σ. 1–75.

Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes. Vol. 1–2 / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922–1927.

Laskaris Kananos. Reseanteckningar från de nordiska länderna / Utg. V. Lundström. Uppsala; Leipzig, 1902.

Laurent V. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // ΑΠ. 1953. T. 18. P. 241–278.

Lazaropoulos. Synopsis miraculorum sancti Eugenii // Rosenqvist J.O. The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996. P. 246–358.

Lemerle P. Un praktikon inédit des archives de Karakala (Janvier 1342) et la situation en Macédoine orientale au moment de l'usurpation de Cantacuzène // Χαριστήριον εις Αναστάσιον Κ. Ορλάνδον. Τ. 1. Αθήνα, 1965. P. 278–298.

Leonardus Chiensis Mitylenaeus Archiepiscopus. Notitia // PG. T. 159. Col. 923–944.

Leonis Diaconi historiae libri X / Rec. C.B. Hase. Bonn, 1828.

Letters of Gregory Akindynos / Greek text, English translation A. Constantinides Hero. Washington, 1983.

The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G.T. Dennis. Washington, D.C., 1977.

Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea compilado por comandamiento de Don Fray Johan Ferrandez de Heredia, maestro del Hospital de S. Johan de Jerusalem (Chronique de Morée au XIIIe et XIVe siècles publiée et traduite pour la première fois pour la Société de l'Orient latin) / Ed. A. Morel-Fatio. Genève, 1885.

Ludolphus de Sudheim. De itinere Terre Sancte / Ed. G.A. Neumann // Archives de l'Orient latin. 1884. T. 2. P. 329–376.

Machéras, Léonce. Chronique de Chypre / Éd. E. Miller, C. Sathas. P., 1882.

Magoulias H.J. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. Detroit, 1975.

Idem. O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984.

Manuel II. Palaiologos. Dialoge mit einem „Perser" / Hrsg., übers. E. Trapp. Wien, 1966.

Manuelis Holoboli Orationes / Rec. M. Treu. Potsdam, 1906.

Manuelis Philae carmina / Ed. E. Miller. Vol. 1–2. P., 1855–1857.

Manuelis Philae carmina inedita / Ed. A.E. Martini. Neapoli, 1900.

al-Maqrizi, Taqi al-Din. Kitab al-suluk li-maʿrifat duwal al-muluk / Ed. Muhammad 'Abd al-Qadir 'Ata. T. 1–8. Beirut, 1997.

Mauricius. Arta militară / Ed. H. Mihăescu. Bucureşti, 1970.

Maximi monachi Planudis Epistulae / Ed. P.A.M. Leone. Amsterdam, 1991.

Mazaris' Journey to Hades: or, Interviews with dead men about certain officials of the imperial court. N.Y., 1975.

Mélikoff I. La Geste d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri). P., 1954.

Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438–1439) / Éd., trad. V. Laurent. P., 1971.

Menander Protector. Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903.

Mercier R. An Almanac for Trebizond for the Year 1336. Louvain-la-Neuve, 1994.

Michaelis Pselli orationes panegyricae / Ed. G.T. Dennis. Stuttgart, 1994.

Miguel Ataliates. Historia / Introducción, edición, traducción y comentario de I. Pérez Martín. Madrid, 2002.

Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. T. 1–6. Vindobonae, 1825–1895; см. также: *Henkelmann N., Ludat A.* Namenregister zu Miklosich–Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi Vol. IV und V. Stuttgart, 1986.

Μιχαήλ Ακομινάτου του Χωνιάτου – τα σωζόμενα / Εκδ. Σ. Λάμπρος. Т. 1–2. Αθήνα, 1879–1880.

Μιχαήλ του Παναρέτου περί των Μεγάλων Κομνηνών / Εκδ. Ο. Λαμψίδης. Αθήνα, 1958.

Muḥī al-Dīn b. 'Abd al-Ẓāhir. Al-Rawḍ al-ẓāhir fī sīrat al-Malik al-Ẓāhir / Ed. 'Abd al-'Azīz al-Khuwayṭir. Al-Riyāḍ, 1976.

A Narrative of Italian Travels in Persia, in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Transl. and ed. Ch. Grey. L., 1873.

Nicéphore Bryennios. Histoire / Éd. P. Gautier. Bruxelles, 1975.

Nicephori Gregorae Byzantina historia / Rec. L. Schopen, I. Bekker. Vol. 1–3. Bonn, 1829–1855.

Nicephorus Blemmydes. Conspectus geographiae // Geographi Graeci Minores / Ed. K. Müller. Vol. 2. P., 1861. P. 458–468.

Idem. Ἑτέρα ἱστορία περὶ τῆς γῆς // Geographi Graeci Minores / Ed. K. Müller. Vol. 2. P. 469–470.

Nicetas Choniates. Historia / Rec. J.A. van Dieten. Vol. 1–2. B.; N.Y., 1975.

Idem. Orationes et epistulae / Rec. J.A. van Dieten. B., 1972.

Nicolaus Artabasdos Rhabdas. Epistula // Tannery P. Sciences exactes chez les Byzantins // Tannery P. Mémoires scientifiques. T. 4. P., 1920. P. 118–186.

Nicolo Barbaro. Diary of the Siege of Constantinople, 1453 / Ed. J.R. Jones. N.Y., 1969.

Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte / Übers., erläut. J.L. van Dieten. Bd. 1–6. Stuttgart, 1973–2007.

Nystazopoulou M.G. Η εν τῃ Ταυρικῄ χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία από του ΙΓʻ μέχρι του ΙΕʻ αιώνος. Αθήνα, 1965.

Oeuvres complètes d'Hippocrate / Éd. E. Littré. P., 1840 (repr.: Amsterdam, 1961). Vol. 2.

Papadopoulos-Kerameus A.I. Ανάλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας. Т. 1–5. СПб., 1891–1898.

Idem. Τραπεζουντιακά // ВВ. 1898. Т. 5. Σ. 678–680.

Περὶ τῶν ἑπτὰ ζωνῶν // Kunze R. Die anonyme Handschrift (Da 61) der Dresdner königlichen Bibliothek // Hermes. 1899. Bd. 34. S. 345–361.

Pero Tafur. Travels and Adventures (1439–1453) / Transl. and ed. with an introd. by M. Letts. L., 1926.

Pertusi A. La caduta di Costantinopoli. T. 1: Le testimonianze dei contemporanei. Verona, 1976.

Philippides M. Emperors, Patriarchs, and Sultans of Constantinople, 1373–1513: An Anonymous Greek Chronicle of the Sixteenth Century. Brookline (MA), 1990.

Pingree D. The Astronomical Works of Gregory Chioniades. Amsterdam, 1985.

Pinto E. Giovanni Cananos. L'assedio di Costantinopoli. Messina, 1977.

Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies / Eds. R. Macrides, J. Munitiz, D. Angelov. Farnham, 2013.

Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. Verpeaux. P., 1966.

Ramon Muntaner. Cronica Catalana / Ed. A. de Bofarull. Barcelona, 1860.

Idem. Les Almogavres. L'expédition des Catalans en Orient / Éd. et trad. J.-M. Barberà. Toulouse, 2002.

Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople / Éd. V. Grumel, V. Laurent, J. Darrouzès. T. 1–2 (pt. 1–8). P., 1932–1989.

Das Register des Patriarchats von Konstantinopel / Hrsg. H. Hunger, O. Kresten et al. Teil 1: 1315–1331; Teil 2: 1337–1350; Teil III: 1350–1363. Wien, 1981, 1995, 2001.

Rhalles K., Potles M. Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων. Т. 1–6. Αθήνα, 1852–1859.

Ritschl F. Thomae Magistri sive Theoduli monachi ecloga vocum atticarum ex recensione et cum prolegomenis. Halle, 1832 (repr.: Hildesheim, 1970).

Rosenqvist J.O. The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996.

Rubió y Lluch A. Diplomatari de l'Orient català (1301–1409). Colleccio de documents per a la historia de l'expedicio catalana a Orient i dels ducats d'Atenes i Neopatria / Ed. Maria Teresa Ferrer i Mallol. Barcelona, 2001.

Saadeddin. Tac-üt-Tevarih. C. 1–2. İstanbul, 1279–1289 (1862–1872).

Şams al-Din Ahmad al-Aflaki al-'Arifi. Manakib al-'Arifin (Metin) / Haz. Tahsin Yazıcı. C. 1–2. Ankara, 1959–1961.

Sanjian A.K. Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969.

Sanuto M. Vitae Ducum Venetorum // Rerum Italicarum scriptores / Ed. L. Muratori. T. XXII. Milano, 1733.

Sathas K. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. T. 1–7. Βενετία, 1872–1914.

La satira bizantina dei secoli XI–XV / Ed. R. Romano. Turino, 1999.

Scholarios, Georges. Œuvres complètes / Éd. L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. T. 1–8. P., 1928–1936.

Scholia in Thucydidem ad optimos codices collata / Ed. K. Hude. Leipzig, 1927.

Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. Bd. 1–3. Wien, 1975–1979.

Idem. Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano, 1991.

Scriptores originum Constantinopolitanarum / Rec. Th. Preger. Vol. 1–2. Leipzig, 1901–1907.

Senarega B. Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda. Lettera di Bartolomeo Senarega a Giovanni Pontano / Ed. Cornelio Desimoni // Atti della Società Ligure di Storia Patria. T. 13/3. Genova, 1879. P. 495–536.

Shafi M. Letters of Rashid ad-Din Fadl Allah. Lahore, 1947.

Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Éd. J. Richard. P., 1965.

Sphrantzes. Memorii 1411–1477. In anexa Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258–1481 / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966.

Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt / Rec. A. Meineke. B., 1849.

Strabonis geographica / Rec. A. Meineke. Vol. 1–3. Leipzig, 1877 (repr.: Graz, 1969).

Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis. Propylaeum ad AASS Novembris / Ed. H. Delehaye. Bruxellis, 1902.

Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali. Tehran, 1999.

Theocharides G. Μία διαθήκη και μία δίκη Βυζαντινή. Ανέκδοτα Βατοπεδινά έγγραφα. Θεσσαλονίκη, 1962.

Theodori Balsamonis Opera // PG. T. 137–138.

Theodori Gazae epistolae / Ed. P.A.M. Leone. Napoli, 1990.

Teodoro II Duca Lascari Encomio dell'Imperatore Giovanni Duca / Ed. L. Tartaglia. Napoli, 1990.

Theodoros Skoutareiotes. Ανωνύμου Σύνοψις Χρονική // Sathas K. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. T. 7. Βενετία, 1914. Σ. 1–556.

Die Theogonie des Johannes Tzetzes aus der bibliotheca Casanatensis / Hrsg. I. Bekker // AKAW. Aus dem J. 1840. B., 1842. S. 147–169.

Theophanis chronographia / Rec. C. de Boor. Vol. 1. Leipzig, 1883 (repr.: Hildesheim, 1963).

Theophylacti Simocattae historiae / Ed. C. de Boor, corr. P. Wirth. Stuttgart, 1972.

Τραπεζουντιακόν ωροσκόπιον του έτους 1336 / Εκδ. Σ. Λάμπρος // ΝΕ. 1916. Τ. 13. Р. 33–50.

Turan O. Türkiye selçukluları hakkında resmî vesikalar. Metin, tercüme ve araştırmalar. Ankara, 1958.

Tzetzae commentarii in Aristophanem / Ed. W.J.W. Koster. Groningen, 1962.

Al-Umari's Bericht über Anatolien in seinem Werke „Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar" / Zum ersten Male herausgegeben von Fr. Teaschner. Teil I, Text. Leipzig, 1929.

Uspenskij F.I., Benesevic V.N. Τα Acta της Μονής Βαζελώνος. Στοιχεία για την ιστορία της αγροτικής και μοναστηριακής έγγειας ιδιοκτησίας στο Βυζάντιο κατά τον 13ο–15ο αιώνα / Μετάφρ. Η. Πετρόπουλος. Θεσσαλονίκη, 2007.

Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprachbuch. Beiträge zur Erforschung der Älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922.

Vettius Valens. Anthologiarum libri novem / Ed. D. Pingree. Leipzig, 1986.

Voyages d'Ibn Batoutah / Texte arabe, traduction C. Defrémery, B.R. Sanguinetti. T. 1–4. P., 1853–1858.

Yazıcızâde Ali. Tevârîh-i Âl-i Selçuk (Oğuznâme-Selçuklu Târihi) / Haz. A. Bakır. İstanbul, 2009.

XVI. yüzyıl Menteşe livası vakıfları (338 numaralı mufassal evkâf defteri H. 970/M. 1562) / Hazır. A. Yiğit. Ankara, 2009.

Zakythinos D. Le chrysobulle d'Alexis III Comnène empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. P., 1932.

Zosime. Histoire nouvelle / Éd. F. Paschoud. Vol. 1–3. P., 1971–1989.

2. ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературы. М., 1996.

Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.

Апанович О.С. К вопросу о должности кундастабла у Сельджукидов Рума в XIII в.: кундастабл руми и Михаил Палеолог // ВВ. 2007. Т. 66 (91). С. 171–192.

Она же. Христиане в мусульманской Анатолии (XI – начало XIV в.): симбиоз, интеграция, ассимиляция. Дипломная работа. Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Ч. I–II. М., 2004.

Арапов Д.Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2002. Т. 2/10. С. 252–262.

Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. Ереван, 1980.

Она же. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

Она же. «Повествование о делах армянских» (VII в.): источник и время. М., 2004.

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1977.

Бартикян Р. О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1987. Т. 118. № 3. С. 190–200; 1987. Т. 119. № 4. С. 181–193; 1988. Т. 120. № 1. С. 163–178.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1–9. М., 1963–1977.

Он же. Хафизи Абру и его сочинение // Al-Muzaffariya. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции. СПб., 1897. С. 1–28 [= *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 8].

Бибиков М.В. Византийская историческая проза. М., 1996.

Он же. Византийская этнонимия: архаизация как система // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 70–72.

Он же. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Он же. К изучению византийской этнонимии // ВО. М., 1982. С. 148–159.

Он же. Очерки средневековой истории экономики и права. М., 1998.

Он же. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР (XII – первой половины XIII в.) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 92–110.

Он же. Сведения о пронии в письмах Григория Кипрского и «Истории» Георгия Пахимера // Зборник радова Византолошког института. 1976. Т. 17. С. 93–99.

Он же. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 1. М., 2004.

Близнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М., 1994.

Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 1. М., 1991. С. 8–172.

Божилов И. Асеневци (1186–1400). Генеалогия и просопография. София, 1985.

Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII вв. Барнаул, 1991.

Бородин О.Р., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии. СПб., 2000.

Босворт К.Э. Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981. С. 20–35.

Бубер М. Я и Ты / Пер. В.В. Рынкевича. М., 1993.

Будагов Л. Сравнительный словарь тюркско-татарских наречий. Т. 1–2. СПб., 1869–1871.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Булгакова В.И. Конфликтная зона Черное море: загадка вооруженного инцидента 1278 года из маргинальных заметок Сугдейского синаксаря // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. СПб., 2011. С. 50–63.

Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Пер. О. Кубановой // Логос. 1994. № 6. С. 77–94.

Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 1–2. СПб., 1998.

Он же. Ласкарь Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914.

Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 1–175.

Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. СПб., 2006.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем. М., 1988.

Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь. М., 1987.

Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941.

Гукова С.Н. К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ. 1983. Т. 44. С. 88–97.

Гуссерль Э., Деррида Ж. Начало геометрии / Пер. М.А. Маяцкого. М., 1996.

Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 160–193.

Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб., 1999. С. 282–302.

Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000.

Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России (I, 122.5–126.9) // ВВ. 1961. Т. 21. С. 51–94.

Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербак. Л., 1969.

Дуйчев И. Славянски местни и лични имена във византийските описни книги // Известия на Институт за български език. 1962. Кн. 8. С. 197–215.

Ђоковић З. Проучавање словенске антропонијске грађе у практицима XII и XIII века // Зборник радова Византолошког института. 2006. Т. 43. С. 499–516.

Жаворонков П.И. Дополнения к третьему тому «Регест» Ф. Дэльгера периода Никейской империи // ВВ. 1980. Т. 41. С. 183–193.

Он же. Никейская империя и Восток // ВВ. 1978. Т. 39. С. 93–101.

Он же. Тюрки в Византии (XIII – середина XIV в.). Часть первая: тюркская аристократия // ВВ. 2006. Т. 65. С. 163–177.

Он же. У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30–37.

Жордания Э. Картвельское население Понта в XIII–XV вв.: Дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2002.

Он же. Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Часть I: лазы // BS. 1996. Т. 57. С. 125–139.

Он же. Этнический состав населения и некоторые вопросы топонимики Понта в XIII–XV вв. Часть II: чаны // BS. 1999. Т. 60. С. 71–86.

Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988.

Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

Иванова О.В. О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) // Византия между Западом и Востоком / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 48–80.

Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего государства: Тезисы докладов конференции. Москва, 23–25 июня 1997 г. М., 1997.

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 1–3. М., 1967.

Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952.

Он же. Армяне в составе господствующего класса Византии в XI–XII вв. Ереван, 1975.

Он же. Об аристократизации византийского общества VIII–XII вв. // Зборник радова Византолошког института. 1968. Т. 11. С. 47–53.

Он же. Рец. на кн.: Moravcsik G. Byzantinoturcica… // ВВ. 1959. Т. 16. С. 271–287.

Он же. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

Он же. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. // BZ. 1973. Bd. 66. С. 47–60.

Карпов С.П. Венецианская работорговля в Трапезунде (к. XIV – н. XV в.) // ВО. М., 1982. С. 191–207.

Он же. Иоанн I Аксух Великий Комнин // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 601.

Он же. История Трапезундской империи. СПб., 2007.

Он же. Итальянские «бароны» трапезундских императоров // ВВ. 1995. Т. 56. С. 144–155.

Он же. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

Он же. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. Т. 3. М., 1991. С. 86–119.

Он же. Латинская Романия. СПб., 2000.

Он же. Неизвестный источник о нападении на Трапезунд в 1341 г. // ВО. СПб., 2011. С. 110–115.

Он же. Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.

Он же. Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 3. СПб., 1998. С. 9–81.

Он же. Сельское хозяйство Трапезундской империи по данным османской налоговой описи (ок. 1486 г.) // ВО. СПб., 2001. С. 23–38.

Он же. Социальная борьба в Трапезундской империи: от династических смут — к гражданской войне // ВВ. 2006. Т. 65. С. 6–28.

Он же. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99.

Он же. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. Т. 6. С. 172–177.

Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов в XIII — начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 428–473.

Он же. Из ΣΥΓΓΡΑΦΙΚΩΝ ΙΣΤΟΡΙΩΝ Георгия Пахимера // ВВ. 2000. Т. 59. С. 288–292.

Красавина С.К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки // ВВ. 1973. Т. 34. С. 97–111.

Она же. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы // Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 1–6. М., 1955–1960.

Крюков А.М. Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 7. СПб., 2009. С. 33–53.

Культура Византии / Под ред. З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина. Т. 1–3. М., 1984–1991.

Кущ Т.В. На закате империи: интеллектуальная среда Поздней Византии. Екатеринбург, 2013.

Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986.

Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.

Он же. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991.

Лобовикова К.И. Византия и Запад: поиски путей к примирению мусульман и христиан: (По поводу книги М. Баливе) // ВВ. 2006. Т. 65. С. 204–217.

Ломизе Е.М. Византийский патриотизм в XV в. и проблема церковной унии // Славяне и их соседи. [Вып. 1]. Этнопсихологические стереотипы в Средние века. М., 1990. С. 94–106.

Он же. Константинопольский патриархат и османская религиозная политика в конце XIV — первой половине XV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 89–96.

Он же. Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) // ВВ. 1994. Т. 55. С 104–110.

Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914.

Любарский Я.Н. Критский поэт Стефан Сахликис // ВВ. 1959. Т. 16. С. 65–81.

Марр Н. Грамматика чанского (лазского) языка. СПб., 1910.

Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.

Он же. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

Он же. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988.

Он же. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997.

Меньшикова М.С. Понтийская знать // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 124–126.

Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009.

Мустафаев Ш.М. Восточная Анатолия от Ак-Коюнлу к Османской империи. М., 1994.

Острогорский Г.А. История Византийского государства / Пер. М.В. Грацианского; под ред. П.В. Кузенкова. М., 2011.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. М., 1995.

Подосинов А.В. Вновь найденная поздневизантийская карта мира // ВВ. 2010. Т. 69. С. 230–247.

Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011.

Она же. Латинофил и латинянин: письма Димитрия Кидониса к Симону Атуману // АДСВ. 2004. Т. 35. С. 179–192.

Она же. Место императорской стражи в византийском церемониале XIV в. // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009. С. 437–444.

Она же. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.

Она же. Сакрализация парадной жизни византийского императорского дворца эпохи Палеологов // Известия Уральского гос. ун-та. 2009. № 4 (66). С. 229–237.

Пономарев А.Л. Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. (Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCLXXIV nunc indicatus et a pluribus mendis purgatus) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 6. СПб., 2005. С. 43–138.

Он же. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 4. СПб., 2000. С. 317–443.

Он же. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2012.

Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. СПб., 1893–1911.

Расовский Д.А. Половцы // SK. 1935. Т. 7. С. 247–262; 1936. Т. 8. С. 161–182; 1937. Т. 9. С. 71–85; 1938. Т. 10. С. 155–178; 1940. Т. 11. С. 95–126.

Рудницкий Я.Б. Рец.: Georgakas D.J. Ichthyological Terms… / Пер. с англ. О.Н. Трубачева // Этимология: Ежегодник. 1980. М., 1982. С. 177–179.

Сазонова Н.В. Мир сефевидских тканей. XVI–XVII века. М., 2004.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 3–25.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Сметанин В.А. Византийское общество XII–XV веков (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987.

Степанов А.С. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклиджи Мустафы начала XV в. // ВВ. 1952. Т. 5. С. 99–104.

Стори Ч.А. Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. Ч. 1–3. М., 1972.

Тверитинова А.С. К вопросу об изучении первого антифеодального восстания в средневековой Турции // ВВ. 1956. Т. 11. С. 200–224.

Топоров В.Н. Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301A, B и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспективы) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 142–200.

Он же. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Т. 1. М., 1993.

Троицкий И.Е. Автобиография императора Михаила Палеолога. СПб., 1885.

Он же. Арсений и арсениты // Христианское чтение. 1867; 1869; 1871; 1872.

Трубачев О.Н. Примечания к: *Рудницкий Я.Б.* Рец.: Georgakas D.J. Ichthyological Terms... // Этимология: Ежегодник. 1980. М., 1982. С. 177–179.

Удальцова З.В. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // ВВ. 1953. Т. 7. С. 93–121.

Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Успенский Ф.И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24. С. 1–16.

Он же. История Византийской империи (XI–XV вв.). М., 1997.

Он же. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892.

Он же. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.

Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Ҷ. I–II. М., 1968.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер., доп. О.Н. Трубачева, под ред. Б.А. Ларина. Т. 1–4. М., 1986.

Флоринский Т.Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1–2. СПб., 1882.

Фоменко И.К. Храм парадоксов // Историк и художник. 2004. № 1. С. 102–108.

Фонкич Б.Л. Из истории реставрации одной греческой рукописи на рубеже XVI–XVII вв. («Роман об Александре» Греческого института в Венеции) // Хризограф. 2003. Т. 1. С. 243–258.

Хачатурян Н.А. Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе // Этносы и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 19–37.

Хвостова К. В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.

Она же. Особенности Византийской цивилизации. М., 2005.

Она же. Особенности аграрно-правовых отношений в Поздней Византии (XIV–XV вв.). М., 1968.

Она же. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

Она же. Прония: социально-экономические и правовые проблемы // ВВ. 1988. Т. 49. С. 13–23.

Она же. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М., 1992.

Она же. Судьбы парики и особенности налогообложения в Византии // ВВ. 1978. Т. 39. С. 54–75.

Хестанов Р.З. Трансцендентальная феноменология и проблема истории // Логос. 1991. № 1. С. 67–75.

Черноусов Е. Дука, один из историков конца Византии // ВВ. 1915. Т. 21. С. 171–221.

Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999.

Целебџи Д. Словенски антропоними у судским актима Димитрија Хоматина // Зборник радова Византолошког института. 2006. Т. 43. С. 483–498.

Шангин М.А. Новый географический текст // ВДИ. 1938. № 4. С. 252–255.

Шукуров Р.М. Анатавлы: тюркская фамилия на византийской службе // ВВ. 2007. Т. 66. С. 193–207.

Он же. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001.

Он же. Византийские тюрки: к вопросу об этническом составе Византийской империи в эпоху Палеологов // ВВ. 2009. Т. 68. С. 108–134.

Он же. Восточные лексические заимствования в среднегреческом (XI–XV вв.): предварительные замечания // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 7. СПб., 2009. С. 54–71.

Он же. Восточные заимствования в среднегреческом по рукописи BnF, Supplément persan 939 // ВВ. 2013. Т. 72. С. 178–186.

Он же. «Гаремное христианство»: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. СПб., 2011. С. 64–90.

Он же. Земли и племена: византийская классификация тюрок // ВВ. 2010. Т. 69. С. 132–163.

Он же. Зона контакта: проблемы межцивилизационных отношений в современной византинистике (рец. на: Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; Balivet M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994) // ВВ. 2000. Т. 59. С. 258–268.

Он же. Иагупы: тюркская фамилия на византийской службе // ВО. СПб., 2006. С. 205–229.

Он же. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 194–234.

Он же. Конфессия, этничность и византийская идентичность // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе / Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 243–262.

Он же. Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 6. М., 2005. С. 214–233.

Он же. Латентная тюркизация: опыт византийского Понта // Byzantium. Identity, Image, Influence. Vol. 2: Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. № 3126.

Он же. Латиняне в сельской Мацуке (XIII–XV вв.) // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009. С. 627–642.

Он же. Предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 9–30.

Он же. Семейство ‘Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Византии // ВВ. 2008. Т. 67. С. 89–116.

Он же. Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 47–59.

Он же. Трапезундская империя и Восток // *Карпов*. История. С. 453–507.

Он же. Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 1. М., 1991. С. 217–254.

Он же. Туркменские владыки Римской империи (К семантике термина Рум/Романия) // От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 169–180.

Он же. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 2. М., 1995. С. 68–103.

Он же. Формулы самоидентификации анатолийских тюрков и византийская традиция (XII–XIII вв.) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 5. М., 2001. С. 151–173.

Он же. Церкви в цитаделях Испира и Байбурта: реликт гаремного христианства? // ВО. СПб., 2011. С. 228–242.

Он же. Ζαρκολᾶς и ζαρκουλᾶς: два османских заимствования в среднегреческом // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973) / Под ред. И.В. Зайцева, С.Ф. Орешковой. М., 2010. С. 511–515.

Aʿlam H. Golāb // Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. Vol. 11. L., 2002 (электронная версия: http://www.iranica.com).

Actes du XIVᵉ Congrès international des études byzantines. T. I–II. Bucureşti, 1974.

Adjarian H. Étude sur la langue laze // Mémoires de la société de linguistique. 1898. T. 10. P. 145–160, 228–240, 364–401, 405–448.

Aerts W.J. Ein Lexikon (in statu nascendi) zur Chronik von Morea // Lexicographica Byzantina. Beiträge zum Symposion zur Byzantinischen Lexicographie (Wien, 1.–4. 3. 1989) / Hrsg. W. Hörandner, E. Trapp. Wien, 1991. S. 1–10.

Aerts W.J., Hokwerda H. Lexicon on The Chronicle of Morea. Groningen, 2002.

Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) // TM. 1965. T. 1. P. 1–204.

Eadem. La région de Philadelphie, au XIVe siècle (1290–1390), dernier bastion de l'hellénisme en Asie Mineure // Comptes-rendus des séances de l'année: Académie des inscriptions et belles-lettres. 1983. 127e année / № 1. P. 175–197.

Eadem. Le sébaste, chef des groupes ethniques // Polychronion, Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. P. 34–38.

Album S. A Checklist of Islamic Coins. Second Edition. Santa Rosa, 1998.

Alexakis A., Mavromatis G. Eleven Documents from the Acta of the Monastery of St. John the Forerunner of Vazelon in Trebizond // Myriobiblos: Essays on Byzantine Literature and Culture / Eds. Th. Antonopoulou, M. Loukaki, S. Kotzabassi. Boston, 2015. P. 1–24.

Alexandrescu-Dersca M.-M. L'expédition d'Umur beg d'Aydin aux bouches du Danube (1337 ou 1338) // Studia et Acta Orientalia. 1959. T. 2. P. 3–23.

Eadem. La campagne de Timur en Anatolie (1402). Bucureşti, 1942.

Allan J.W. Bronze. ii: In the Islamic Period // Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. Vol. 4. L., 1990 (электронная версия: http://www.iranica.com).

Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge, 2004.

Anderson G.D. Islamic Spaces and Diplomacy in Constantinople (Tenth to Thirteenth Centuries C.E.) // Medieval Encounters. 2009. Vol. 15. P. 86–113.

Andriotes N.P. Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη, 1967.

Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007.

Angold M. The Byzantine Empire, 1025–1204: a Political History. L.; N.Y., 1997.

Idem. A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea: 1204–1461. Oxford, 1975.

Archaeology, Anthropology and Heritage in the Balkans and Anatolia: The Life and Times of F.W. Hasluck, 1878–1920 / Ed. D. Shankland. Vol. 1–3. Istanbul, 2004–2013.

Arnakis G.G. Byzantium's Anatolian Provinces during the Reign of Michael Palaeologus // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. T. 2. Belgrade, 1964. P. 37–44.

Asdracha C. La région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: étude de géographie historique. Athen, 1976.

Asutay-Effenberger N. Byzantinische (griechische) Künstler und ihre Auftraggeber im seldschukischen Anatolien // Knotenpunkt Byzanz. Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen / Hrsg. A. Speer, Ph. Steinkrüger. B., 2012. S. 799–818.

Eadem. Muchrutas. Der seldschukische Schaupavillion im Großen Palast von Konstantinopel // Byzantion. 2004. T. 74. S. 313–324.

Atabinen R.S. Les Turcs à Constantinople du Ve au XVe siècle // Revue d'Histoire diplomatique. 1953. T. 67. P. 338–364.

Ateş A. Hicri VI–VIII. (XII–XIV.) asırlarda Anadolu'da Farsça eserler // Türkiyat Mecmuası. 1945. C. VII–VIII/2. S. 94–135.

Ayalon A. Malik // EI NE. Vol. VI. P. 261a–b.

Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927.

Idem. Schejch Bedr ed-din, der Sohn des Richters von Simaw // Der Islam. 1921. Bd. 11. S. 1–106.

Babiniotis G. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.

Backhaus W. Der Hellenen-Barbaren-Gegensatz und die Hippokratische Schrift Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1976. Bd. 25/2. S. 170–185.

Badenas P. L'integration des Turcs dans la société byzantine (XIe–XIIe siècles). Échecs d'un processus de coexistence // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6ος–12ος αι.) / Εκδ. Στυλιανός Λαμπάκης. Αθήνα, 1998. P. 179–188.

Bagrow L. The Origin of Ptolemy's Geographia // Geografiska Annaler. 1945. Vol. 27. P. 318–387.

Bakalopulos A. Les limites de l'Empire byzantin depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453) // BZ. 1962. Bd. 55/1. P. 56–65.

Bakirtzis C. The Urban Continuity and Size of Late Byzantine Thessalonike // DOP. 2003. Vol. 57. P. 34–64.

Balard M. La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle). T. 1–2. Roma; Genova, 1978.

Baldwin B. Theophylact's Knowledge of Latin // Byzantion. 1977. T. 47. P. 357–360.

Balivet M. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. Istanbul, 1999.

Idem. Culture ouverte et échanges inter-religieux dans les villes ottomanes du XIVe siècle // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 1–6.

Idem. Élites byzantines, latines et musulmanes: Quelques exemples de diplomatie personnalisée (Xe–XVe siècles) // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Eds. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Chr.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008. P. 423–437.

Idem. Islam mystique et révolution armée dans les Balkans Ottomans. Vie du Cheikh Bedreddîn le «Hallâj des Turcs» (1358/59–1416). Istanbul, 1995.

Idem. Mélanges byzantins, seldjoukides et ottomans. Istanbul, 2005.

Idem. Menteşe dit «Sâğlâm Bey» et Germain alias «Mârpûç»: deux surnoms turcs dans la chronique byzantine de Georges Pachymère // Turcica. 1993. T. 25. P. 137–142.

Idem. Le personnage du «turcophile» dans les sources Byzantines antérieures au Concile de Florence (1370–1430) // Balivet M. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. P. 31–47.

Idem. Pour une concorde islamo-chrétienne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen-âge (de Nicolas de Cues à Georges de Trébizonde). Roma, 1997.

Idem. Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994.

Idem. Turcobyzantiae: échanges régionaux, contacts urbains. Istanbul, 2008.

Idem. Les turcs dans Byzance avant 1453 // Balivet M. Turcobyzantiae: échanges régionaux, contacts urbains. Istanbul, 2008. P. 115–131.

Idem. Une dignité byzantine d'origine turque: le «Myrtaïtès» (Μυρταίτης) // Balivet M. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. P. 115–123.

Ball J. Byzantine Dress: Representations of Secular Dress. Basingstoke, 2005.

Balta E. Les vakıfs de Serrès et de sa region (XVe et XVIe s.). Athènes, 1995.

Bandini A.M. Bibliotheca Leopoldina Laurentiana. T. 3. Florentiae, 1793.

Barkan O.L. Osmanlı Imperatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak sürğünler // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1953–1954. C. 15. S. 209–237.

Barker J. Manuel II Palaeologus (1391–1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick (NJ), 1969.

Bartusis M. The Function of Archaizing in Byzantium // BS. 1995. T. 56/2. P. 271–278.

Idem. Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia. Cambridge, 2012.

Idem. Late Byzantine Thessalonike: A Second City's Challenges and Responses // DOP. 2003. Vol. 57. P. 5–33.

Idem. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992.

Idem. The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Military Organization in Late Byzantium // RÉB. 1989. T. 47. P. 183–207.

Idem. On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium // DOP. 1990. Vol. 44. P. 1–26.

Idem. Pronoia // ODB. Vol. 3. P. 1734.

Bazin L. L'antiquité méconnue du titre turc çavuš // Actes du Ier Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Vol. 6. Sofia, 1968. P. 243–252.

Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971.

Idem. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.

Idem. Theodoros Metochites: die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952.

Bees N. Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien), mit Exkursen zur Geschichte der Seldschukiden-Türken. B., 1922.

Beihammer A. Die Ethnogenese der seldschukischen Türken im Urteil christlicher Geschichtsschreiber des 11. und 12. Jahrhunderts // BZ. 2009. Bd. 102. S. 589–614.

Idem. Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries) // Al-Masāq. 2011. Vol. 23/1. P. 15–36.

Beldiceanu N., Nasturel R. Biens du monastère Sainte-Sophie de Trébizonde dans plusieurs bandons du pays à la charnière de la conquête (1461) // Byzantion. 1990. T. 60. P. 25–89.

Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I. Biens des Amiroutzès d'après un registre ottoman de 1487 // TM. 1981. T. 8. P. 63–78.

Beldiceanu-Steinherr I. Les Bektašī à la lumière des recensements ottomans (XVe–XVIe siècles) // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1991. Bd. 81. P. 21–79.

Eadem. La Conquête d'Andrinople par les Turcs: la pénétration turque en Thrace et la valeur des chroniques ottomanes // TM. 1965. T. 1. P. 439–461.

Eadem. La conquête de la Bithynie maritime, étape décisive dans la fondation de l'État ottoman // Byzanz als Raum. Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraums / Hrsg. Kl. Belke, Fr. Hild, J. Koder, P. Soustal. Wien, 2000. P. 21–35.

Eadem. Le destin des fils d'Orhan // Archivum Ottomanicum. 2005/2006. T. 23. P. 105–130.

Eadem. La géographie historique de l'Anatolie centrale d'après les registres ottomans (communication du 30 avril 1982) // Comptes-rendus des séances de l'année: Académie des inscriptions et belles-lettres. 1982. 126e année / № 3. P. 443–503.

Eadem. L'installation des ottomans // La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. P., 2003. P. 350–374.

Eadem. Notes pour l'histoire d'Alaşehir (Philadelphie) au XIVe siècle // Philadelphie et autres études. P., 1984. P. 17–37.

Eadem. Pachymère et les sources orientales // Turcica. 2000. T. 32. P. 425–434.

Eadem. La population non-musulmane de Bithynie (deuxième moitié du XIVe s. — première moitié du XVe s.) // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 7–22.

Eadem. Rev.: Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana / Hrsg. P. Schreiner. Città del Vaticano, 1991 // Turcica. 1994. T. XXVI. P. 378–381.

Beyer H.-V. Die Chronologie der Briefe des Maximos Planudes an Alexios Dukas Philanthropenos und dessen Umgebung // RÉB. 1993. T. 51. S. 111–137.

Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text / Eds. J.N. Adams, M. Janse, S. Swain. Oxford, 2002.

Birkenmeier J. The Development of the Komnenian Army. 1081–1180. Leiden; Boston; Köln, 2002.

Bisaha N. Renaissance Humanists and the Ottoman Turks. PhD Dissertation, Cornell University. Ithaca (NY), 1997.

Blanchet M.-H. Georges-Gennadios Scholarios (vers 1400 – vers 1472): un intellectuel orthodoxe face à la disparition de l'empire byzantin. P., 2008.

Eadem. Georges-Gennadios Scholarios et les Turcs: une vision nuancée des conquérants // Worlds in Change: Church Union and Crusading in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / Eds. C. Gastgeber, I.-A. Pop, O.J. Schmitt, A. Simon. Cluj-Napoca, 2009. P. 101–116.

Blochet E. Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque nationale. T. 1–4. P., 1905–1934.

Blum W. Georgios Gemistos Plethon. Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355–1452). Stuttgart, 1988.

Bon A. La Morée Franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430). T. 1–2. P., 1969.

Borst A. Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen. Bd. 1–6. Stuttgart, 1957–1963.

Bosch U.V. Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965.

Bosworth C.E. Tardjumān // EI NE. Vol. 10. P. 236a.

Bouché-Leclercq A. L'astrologie grecque. P., 1899 (repr.: Aalen, 1979).

Idem. Chorographie astrologique // Mélanges Graux. P., 1884. P. 341–351.

Bowman S. The Jews of Byzantium, 1204–1453. Tuscaloosa, 1985.

Božilov I. Les Bulgares dans la préséance et dans l'administration Byzantine // Études balkaniques. 1978. T. 14. P. 112–120.

Brand Ch. Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge (Mass.), 1968.

Idem. The Turkish Element in Byzantium, 11th–12th Centuries // DOP. 1989. Vol. 43. P. 1–25.

Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224–1242). Thessaloniki, 1996.

Brendemoen B. The Turkish Dialects of Trabzon. Their Phonology and Historical Development. Vol. I: Analysis. Wiesbaden, 2002.

Brion M. Tamerlan. P., 1963.

Brock S. Aspects of Translation Technique in Antiquity // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1979. Vol. 20. P. 69–87.

Brockelmann K. Geschichte der arabischen Literatur. Bd. 1–2. Weimar, 1898–1902; Suppl. Bd. 1–3. Leiden, 1937–1940.

Brown T.S. Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. A.D. 554–800. Rome, 1984.

Browning R. The Language of Byzantine Literature // The "Past" in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1978. P. 103–134.

Idem. Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1969.

Brunet F. Sur l' hellénisation des toponymes slaves en Macédoine byzantine // TM. 1985. T. 9. P. 235–265.

Bryer A. A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979 – c. 1653 // University of Birmingham Historical Journal. 1970. Vol. XII. P. 164–187 (repr.: *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № IIIa).

Idem. Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149 (repr.: *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № V).

Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980. (Variorum CS).

Idem. The Estates of the Empire of Trebizond. Evidence for Their Resources, Products, Agriculture, Ownership and Location // AП. 1979. T. 35. P. 370–477 (repr.: *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № VII).

Idem. The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor: Classical, Byzantine, Renaissance Studies for R. Browing / Ed. Ann Moffatt. Canberra, 1984. P. 309–327 (repr.: *Idem*. Peoples and Settlement… № VII).

Idem. The Fate of George Komnenos, Ruler of Trebizond (1266–1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 332–350.

Idem. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. 1994. T. 6. P. 257–261.

Idem. Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // The Writing of History in the Middle Ages: Essays Presented to R.W. Southern / Eds. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 471–493 (repr.: *Idem*. Peoples and Settlement… № IV).

Idem. Han Turali rides again // BMGS. 1987. Vol. 11. P. 193–206 (repr.: *Idem*. Peoples and Settlement… № II).

Idem. The Late Byzantine Identity // Byzantium. Identity, Image, Influence. Vol. 1: Major Papers. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. P. 49–50.

Idem. Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460–1461 // BK. 1965. T. 19–20. P. 178–198 (repr.: *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № X).

Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900. L., 1988. (Variorum CS).

Idem. The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and Mummy of Cheriana // AS. 1982. Vol. 32. P. 133–150 (repr.: *Idem*. Peoples and Settlement… № XI).

Idem. Rural Society in Matzouka // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Eds. A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. P. 53–95 (repr.: *Idem*. Peoples and Settlement… № XII).

Idem. Shipping in the Empire of Trebizond // Mariner's Mirror. 1966. Vol. 52. P. 3–12 (repr.: *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № VIII).

Idem. Some Notes on the Laz and Tzan (I) // Bedi Kartlisa. 1966. Vol. 21–22 (50–51). P. 174–195 (repr.: *Idem*. Peoples and Settlement… № XIVa).

Idem. Some Notes on the Laz and Tzan (II) // Bedi Kartlisa. 1967. Vol. 23–24 (52–53). P. 161–168 (repr.: *Idem*. Peoples and Settlement… № XIVb).

Idem. Some Trapezuntine Monastic Obits (1368–1563) // RÉB. 1976. T. 34. P. 125–138 (repr.: *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № IX).

Bryer A., Fassoulakis St., Nicol D.M. A Byzantine Family: The Gabrades. An Additional Note // BS. 1975. T. 36. P. 38–45 (repr.: *Bryer A*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № IIIb).

Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1–2. Washington, 1985. (DOS; XX).

Bulgakova V. Islamisch-christlicher Kulturkontakt im nördlichen Schwarzmeerraum. Sugdaia unter Herrschaft der Seldschuken // Mittelalter im Labor: Die Mediävistik testet Wege zu einer transkulturellen Europawissenschaft. B., 2008. S. 261–274.

Burgess W.D. Isaurian Names and the Ethnic Identity of the Isaurian in Late Antiquity // The Ancient World. 1990. Vol. 21. P. 109–121.

Buturas A. Ein Kapitel der historischen Grammatik der griechischen Sprache. Leipzig, 1910.

Byzantine Diplomacy / Eds. J. Shepard and S. Franklin. L., 1992.

Byzantios S. Λεξικόν της καθ' ημάς ελληνικής διαλέκτου, μεθερμηνευμένης εις το αρχαίον ελληνικόν και το γαλλικόν. Αθήνα, 1874.

Byzantium. State and Society. In Memory of Nikos Oikonomides / Eds. A. Avramea, A. Laiou, E. Chrysos. Athens, 2003.

Caferoğlu A. Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar (Kars, Erzerum, Çoruh ilbaylıkları ağızları). İstanbul, 1942.

Idem. Kuzey–Dogu illerimiz ağızlarından toplamalar. Ordu, Giresun, Trabzon, Rize ve yöresi ağızları. İstanbul, 1946.

Cahen C. Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle // Mélanges d'histoire du Moyen Âge dediés à la mémoire de Louis Halphen. P., 1951. P. 91–101 (repr.: *Idem.* Turcobyzantina et Oriens Christianus. L., 1974. (Variorum CS). № XII).

Idem. The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rūm: Eleventh to Fourteenth Century. Harlow, 2001.

Idem. Kaykāʾūs II, ʿIzz al-Dīn // EI NE. Vol. 4. P. 813b–814a.

Idem. Notes pour l'histoire des Turcomanes d'Asie Mineure au XIIIe siècle // JA. 1951. T. 239. P. 335–354.

Idem. L'origine des Germyan // JA. 1951. T. 239. P. 349–354.

Idem. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968.

Idem. Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Roum au moment de l'invasion mongole // Byzantion. 1939. T. 14. P. 131–139.

Idem. La Turquie pré-ottomane. Istanbul, 1988.

The Cambridge History of Christianity. Eastern Christianity / Ed. M. Angold. Cambridge, 2006.

The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2008.

The Cambridge History of Turkey. Vol. 1: Byzantium to Turkey, 1071–1453 / Ed. K. Fleet. Cambridge, 2009.

Cameron A. Agathias on the Sassanians // DOP. 1969–1970. Vol. 23–24. P. 67–183.

Canard M. Byzance et les Musulmans du Proche Orient. L., 1973. (Variorum CS).

Idem. Deux épisodes des relations diplomatiques arabo-byzantines au Xe siècle // Bulletin des Études Orientales Institut français de Damas. 1949–1950. T. 13. P. 51–69 (repr.: *Idem*. Byzance et les Musulmans du Proche Orient. № XII).

Idem. Les relations politiques et sociales entre Byzance et les Arabes // DOP. 1964. Vol. 18. P. 33–56.

Caracausi G. Arabismi medievali di Sicilia. Palermo, 1983.

Idem. Lessico greco della Sicilia e dell'Italia meridionale (secoli X–XIV). Palermo, 1990.

Carneiro R.L. The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Eds. G.D. Jones, R.R. Kautz. Cambridge, 1981 (repr.: Cambridge, 2010). P. 37–79.

Chalandon F. Les Comnènes. Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. 2: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). P., 1912.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1–4. P., 1968.

Charanis P. The Formation of the Greek People // The "Past" in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1978. P. 87–101.

Idem. Studies on the Demography of the Byzantine Empire. L., 1972. (Variorum CS).

Idem. The Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire // Comparative Studies in Society and History. 1961. Vol. 3/2. P. 140–154.

Cheynet J.-C. L'anthroponymie aristocratique à Byzance // L'anthroponymie, document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux / Éd. M. Bourin, J.-M. Martin, F. Menant. Rome, 1996. P. 267–294.

Idem. L'apport arabe à l'aristocratie byzantine des Xe–XIe siècles // Cheynet J.-C. La société byzantine. L'apport des sceaux. Vol. 1–2. P., 2008. Vol. 2. P. 627–646.

Idem. Du prénom au patronyme: les étrangers à Byzance (X^e^–XIIe siècles) // Studies in Byzantine Sigillography / Ed. N. Oikonomides. Washington, 1987. P. 57–66.

Idem. Théophile, Théophobe et les Perses // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6^ος^ – 12^ος^ αι.) / Εκδ. Στυλιανός Λαμπάκης. Αθήνα, 1998. P. 39–50.

Cheynet J.-C., Malamut É., Morrisson C. Prix et salaires à Byzance (X^e^–XVe siècle) // Hommes et richesses dans l'empire byzantin / Éd. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. T. II. P., 1991. P. 339–374.

Chionides G. Ιστορία της Βεροίας, της πόλεως και περιοχής. Θεσσαλονίκη, 1970.

Choudaverdoglou-Theodotos S. Η Τουρκόφωνος Ελληνική φιλολογία, 1453–1924 // ΕΕΒΣ. 1930. Τ. 7. Σ. 299–307.

Christides V. The Image of Pre-Islamic Arab in the Byzantine Sources. Princeton, 1970.

Idem. The Names Ἄραβες, Σαρακηνοί etc. and Their False Byzantine Etymologies // BZ. 1972. Bd. 65. P. 329–333.

Idem. Saracens' *prodosia* in Byzantine sources // Byzantion. 1970. T. 40. P. 5–13.

Chrysanthos. Η εκκλησία Τραπεζούντος // ΑΠ. 1933. Τ. 4/5.

Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the Aftermath of the Fourth Crusade // Byzantium. State and Society. In Memory of Nikos Oikonomides / Eds. A. Avramea, A. Laiou, E. Chrysos. Athens, 2003. P. 155–167.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Constable O.R. Housing the Stranger in the Mediterranean World: Lodging, Trade, and Travel in Late Antiquity and the Middle Ages. Cambridge, 2003.

Constantinides C.N. Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204 – ca. 1310). Nicosie, 1982.

Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Eds. A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986.

Cumont F. Inscription de l'époque des Comnènes de Trébizonde // Mélanges d'histoire offerts à Henri Pirenne. P., 1926. P. 67–72.

Cutler A. Kallierges, Georgios // ODB. Vol. 2. P. 1093.

Dagron G. Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état // Revue historique. 1964. T. 241. P. 23–56.

Idem. «Ceux d'en face»: Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // TM. 1987. T. 10. P. 207–232.

Idem. Constantinople imaginaire: études sur le recueil des «Patria». P., 1984.

Idem. Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle) // TM. 1994. T. 12. P. 219–240.

Idem. Minorités ethniques et religieuses dans l'Orient byzantin à la fin du Xe et au XIe siècle: L'immigration syrienne // TM. 1976. T. 6. P. 177–216.

Dalby A. Tastes of Byzantium. The Cuisine of a Legendary Empire. L.; N.Y., 2010.

Darrouzès J. Les réponses canoniques de Jean de Kitros // RÉB. 1973. T. 31. P. 319–334.

Dauge Y.A. Le barbare: recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles, 1981.

Dawkins R.M. The Crypto-Christians of Turkey // Byzantion. 1933. T. 8. P. 247–275.

Idem. Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916.

Idem. The Nature of the Cypriot Chronicle of Leontios Makhairas. Oxford, 1945.

Idem. Notes on the Study of Modern Greek of Pontus // Byzantion. 1931. T. 6. P. 389–400.

Decei A. Dobruca // IA. C. 3. S. 628–643.

Idem. Le problème de la colonisation des Turcs seldjoukides dans la Dobrogea au XIIIe siècle // TAD. 1968. T. 6/10–11. P. 85–111.

Dehkhodâ A. Loghatnâme. Tehran, 1998 (CD-ROM).

Demetrakos D. Μέγα Λεξικόν Όλης της Ελληνικής Γλώσσης. T. 1–15. Αθήνα, 1953.

Demetriades V. Τοπογραφία της Θεσσαλονίκης κατά την εποχή της τουρκοκρατίας. 1430–1912. Θεσσαλονίκη, 1983.

Dennis G.T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.

Idem. The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Rome, 1960.

DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, 1994.

Di Cosmo N. Ancient City-States of the Tarim Basin // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures: An Investigation / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 393–408.

Diaconu P. Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Bucarest, 1978.

Idem. Les Petchénègues au Bas-Danube aux IXe–XIe siècles. Bucarest, 1970.

Dicks D.R. The ΚΛΙΜΑΤΑ in Greek Geography // The Classical Quarterly. New Series. 1955. Vol. 5. № 3/4. P. 248–255.

Dictionary of the Middle Ages. T. 1–13. N.Y., 1982–1989.

Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, 5.–15. Jahrhundert. Leipzig, 1912 (repr.: Hildesheim; N.Y., 1973).

Dihle A. Die Griechen und die Fremden. München, 1994.

Idem. Die Wahrnehmung des Fremden im Alten Griechenland. Akademievorlesung gehalten am 29. Oktober 2002. Göttingen, 2003.

Diller A. Byzantine Lists of Old and New Geographical Names // BZ. 1970. Bd. 63. P. 27–42.

Idem. A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // Isis. 1937. Vol. 27/3. P. 441–451.

Idem. Joannes Canabutzes // Byzantion. 1970. T. 40. P. 271–275.

Idem. Joannes Canabutzes and Michael Chrysococces // Byzantion. 1972. T. 42. P. 257–258.

Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Eds. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Chr.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008.

Ditten H. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles. Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15. Jahrhundert u. Z.) // Klio. 1965. T. 43–45. S. 185–146.

Idem. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles: Deutschlands-Exkurz // BF. 1966. Bd. 1. S. 49–75.

Idem. Ethnische Ferschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien von Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. B., 1993.

Idem. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles, interpretiert und mit Erläuterungen versehen. B., 1968.

Idem. Spanien und die Spanier im Spiegel der Geschichtsschreibung des byzantinischen Historikers Chalkokondyles (15. Jh.) // Helikon. 1963. T. 3. S. 170–195.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen. Bd. 1–4. Wiesbaden, 1963–1975.

Đoković Z. Stanovništvo istočne Makedonije u prvoj polovini XIV veka // Зборник радова Византолошког института. 2003. Т. 40. С. 97–244.

Dölger F. Byzantinische Diplomatik: 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956.

Idem. Chronologisches und Prosopographisches zur byzantinischen Geschichte des 13. Jahrhunderts // BZ. 1927. Bd. 27. S. 291–320.

Idem. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. T. 5. München, 1965.

Idem. Zu den Urkunden des Vazelonsklosters bei Trapezunt // BZ. 1929/30. Bd. 29. S. 329–344 (repr.: *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 350–370).

Du Cange Ch. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688.

Ducellier A. Le Miroir de l'Islam. Musulmans et Chrétiens d'Orient au Moyen Âge (VIIe–XIe siècle). P., 1971.

Duda H. Zeitgenössische islamische Quellen und das Oġuznāme des Jazyǧyoġlu ʿAlī zur angeblichen türkischen Besiedlung der Dobrudscha im 13. Jhd. n. Chr. // Списание на Българската Академия на Науките и Изкуствата. 1943. Т. 66: Клонъ историко-филологиченъ. Т. 32. S. 131–145.

Dummer J. Die Begegnung mit den Nachbarvölkern als Sprachproblem in byzantinischer Sicht // Byzanz in der europäischen Staatenwelt / Hrsg. J. Dummer und J. Irmscher. B., 1983. S. 224–229.

Durak K. Defining the 'Turk': Mechanisms of Establishing Contemporary Meaning in the Archaizing Language of the Byzantines // JÖB. 2009. Bd. 59. P. 65–78.

Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium. Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Aldershot, 2004.

Ebersolt J. Les arts somptuaires de Byzance. Étude sur l'art impérial de Constantinople. P., 1923.

Idem. Un itinéraire de Chypre en Perse d'après le Parisinus 1712 // BZ. Bd. 15. 1906. P. 223–226.

The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou. Vol. 1–3. Washington, 2002.

Emiroğlu K. Trabzon-Maçka Etimoloji Sözlüğü. Ankara, 1989.

Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. Columbia University. N.Y., 2010–2011 (электронная версия: http://www.iranicaonline.org/).

The Encyclopaedia of Islam. New Edition / Eds. P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs et al. Vol. 1–12 with indexes and etc. Leiden, 1960–2005.

Encyclopedias and Dictionaries, Arabic and Persian // Dictionary of the Middle Ages. Vol. 4. N.Y., 1984.

Eredità dell' Islam: Arte islamica in Italia / Ed. G. Curatola. Venezia, 1993.

Erkiletlioğlu H., Güler O. Türkiye Selçuklu Sultanları ve Sikkeleri. Kayseri, 1996.

Erzi A.S. Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar // Belleten. 1954. C. 18. S. 178–229.

Ethnische und religiöse Minderheiten in Kleinasien. Von der hellenistischen Antike bis in das byzantinische Mittelalter / Hrsg. P. Herz und J. Kobes. Wiesbaden, 1998.

Ettinghausen R. An Illuminated Manuscript of Hafiz-i Abru in Istanbul, Part I // Kunst des Orients / Hrsg. E. Kühnel. Bd. 2. Wiesbaden, 1955. P. 30–44.

Études prosopographique / Éd. J.-C. Cheynet, J.-F. Vannier. P., 1986.

Evans J. The History and Practice of Ancient Astronomy. N.Y.; Oxford, 1998.

Evert-Kappesowa H. La tiare ou le turban // BS. 1953. T. 14. P. 245–257.

Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de George Pachymérès, I // RÉB. 1980. T. 38. P. 5–103.

Idem. Chronologie et composition dans l'Histoire de George Pachymérès, III // RÉB. 1990. T. 48. P. 5–87.

Idem. Les émirs turcs à la conquête de l'Anatolie au début du 14e siècle // RÉB. 1994. T. 52. P. 69–112.

Idem. Pachymeriana alia // RÉB. 1993. T. 51. P. 237–248.

Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827.

Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raoul-Ral(l)es. Athens, 1973.

Fedalto G. Simone Atumano, monaco di Studio, arcivescovo di Tebe. Secolo XIV. Brescia, 1968.

Felix W. Byzanz und die islamische Welt in früheren 11. Jahrhundert: Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981.

Fine J.V.A. The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor, 1994.

Idem. When Ethnicity Did Not Matter in the Balkans: A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods. Ann Arbor, 2006.

Finlay G. A History of Greece from Its Conquest by the Romans to the Present Time. Vol. 1–7. Oxford, 1877.

Idem. The History of Greece from Its Conquest by the Crusaders to Its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond: 1204–1461. Edinburgh; L., 1851.

Firestone R. Yaʿḳūb // EI NE. Vol. XI. P. 254a.

Foss C. Nicaea: A Byzantine Capital and Its Praises. With the Speeches of Theodore Laskaris "In Praise of the Great City of Nicaea" and Theodore Metochites "Nicene Oration" / With the collaboration of J. Tulchin. Brookline, 1996.

Idem. Survey of Medieval Castles of Anatolia. Vol. 2: Nicomedia. Ankara, 1996.

Fraser A. The Gypsies. Oxford; Cambridge (Mass.), 2003.

Fraser P.M. Ethnics as Personal Names // Greek Personal Names. Their Value as Evidence / Eds. S. Hornblower, E. Matthews. Oxford, 2000. P. 149–157.

Fraser P.M., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 1–4. Oxford, 1987–2005: LGPN I (Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica / Eds. P.M. Fraser and E. Matthews). Oxford, 1987; LGPN II (Attica / Eds. S.G. Byrne and M.J. Osborne). Oxford, 1994; LGPN III.A (Peloponnese, Western Greece, Sicily, and Magna Graecia / Eds. P.M. Fraser and E. Matthews). Oxford, 1997; LGPN III.B (Central Greece: From the Megarid to Thessaly / Eds. P.M. Fraser and E. Matthews). Oxford, 2000; LGPN IV (Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Eds. P.M. Fraser and E. Matthews. Assistant Editor R.W.V. Catling). Oxford, 2005.

Freidenreich D.M. Muslims in Canon Law, 650–1000 // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History / Eds. D. Thomas et al. Vol. 1. Leiden, 2009. P. 83–98.

Fremde der Gesellschaft: historische und sozialwissenschaftliche Untersuchungen zur Differenzierung von Normalität und Fremdheit / Hrsg. M.Th. Fögen. Frankfurt am Main, 1991.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960–1972. Bd. 1–3.

Garsoïan N.G. Notes préliminaires sur l'anthroponymie arménienne du Moyen Âge // L'anthroponymie. Document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux. Actes du colloque international… Rome, 1996. P. 227–239.

Geanakoplos D.J. Byzantium. Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary Eyes. Chicago; L., 1984.

Idem. Emperor Michael Palaeologus and the West (1258–1282). A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge (Mass.), 1959.

Georgakas D.J. Ichthyological Terms for the Sturgeon and Etymology of the International Terms *Botargo*, *Caviar* and Congeners (A Linguistic, Philological and Culture-Historical Study). Athens, 1978.

Idem. The Names for the Asia Minor Peninsula and a Register of Surviving Anatolian Pre-Turkish Placenames. Heidelberg, 1971.

Georgiadis P. Die lautlichen Veränderungen der türkischen Lehnwörter im Griechischen: Dissertation. München, 1974.

Gera D.L. Ancient Greek Ideas on Speech, Language, and Civilization. Oxford, 2003.

Gibbon E. History of the Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. J.B. Bury. Vol. 1–7. L., 1909–1914.

Idem. History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 1–3. L., 1994.

Gill J. John VI Cantacuzenus and the Turks // Βυζαντινά. 1985. T. 13. P. 55–76.

Glei R., Khoury A.-Th. Schriften zum Islam. Würzburg, 1995.

Golden P.B. Byzantine Greek Elements in the Rasulid Hexaglot // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1985 [1987]. Vol. 5. P. 41–166.

Idem. Codex Cumanicus // Central Asian Monuments / Ed. H.B. Paksoy. Istanbul, 1992. P. 33–63.

Idem. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.

Idem. Pečenegs // EI NE. Vol. VIII. P. 289–290.

Greek Personal Names. Their Value as Evidence / Eds. S. Hornblower, E. Matthews. Oxford, 2000.

Greeks and Barbarians / Ed. Th. Harrison. N.Y., 2002.

Grégoire H. Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua // Byzantion. 1959–1960. T. 29–30. P. 447–476.

Idem. Injure tudesque… ou arabe ? // Byzantion. 1934. T. 9. P. 383–385.

Idem. Les veilleurs de nuit à Trébizonde au XIVe siècle // BZ. 1909. Bd. 18. P. 490–499.

Griffith S.H. Bashir/Beser: Boon Companion of the Byzantine Emperor Leo III // Le Muséon. 1990. T. 103 (3–4). P. 293–327.

Grube E. Muslim Miniature Paintings. Venice, 1962.

Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. T. 1–2. B.; Amsterdam, 1967.

Idem. Sur quelques grands dignitaires byzantins du XVIe siecle // Τόμος Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1952.

Guillou A. La frontière pour les byzantins. Le barbare et le voisin // Byzance et ses voisins. Mélanges à la mémoire de G. Moravcsik. Szeged, 1994. P. 8–12.

Idem. Régionalisme et indépendance dans l'Empire byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1972.

Gyóni M. Le nom de βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène // BZ. 1951. Bd. 44. P. 241–252.

Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6^ος – 12^ος αι.) / Εκδ. Σ. Λαμπάκης. Αθήνα, 1998.

Haldon J. Humour and the everyday in Byzantium // Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. Halsall. Cambridge, 2002. P. 48–71.

Halsall G. Funny Foreigners: Laughing with the Barbarians in Late Antiquity // Humour, History and Politics in Late Antiquity… P. 89–113.

Hammer J. Histoire de l'empire ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours / Trad. J.-J. Hellert. T. 1 (1300–1400). P., 1835.

Hemmerdinger B. 158 noms communs grecs d'origine iranienne. D'Eschyle au grec moderne // BS. 1969. T. 30. P. 18–41.

Idem. 173 noms communs grecs d'origine iranienne // BS. 1971. Vol. 32. P. 52–55.

Hanson C.L. Manuel I Comnenus and the "God of Muhammad": A Study in Byzantine Ecclesiastical Politics // Medieval Christian Perceptions of Islam / Ed. J.V. Tolan. N.Y.; L., 2000. P. 55–82.

Hartmann R. Zur Wiedergabe türkischer Namen und Wörter in den byzantinischen Quellen. B., 1952.

Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200. Cambridge, 1990.

Hasluck F.W. Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 1–2. Oxford, 1929.

Hatházi G., Szende K. Ethnic Groups and Cultures in Medieval Hungary // Hungarian Archaeology at the Turn of the Millennium / Eds. Z. Visy, M. Nagy. Budapest, 2003. P. 388–397.

Hägg T. A Byzantine visit to Bergen: Laskaris Kananos and his description of the Baltic and North Sea region // Graeco-Arabica. 2004. Vol. 9–10. P. 183–198.

Hendy M. Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge, 1985.

Hennequin G. Bibliothèque Nationale. Catalogue des monnaies musulmanes. Asie pré-Mongole. P., 1985.

Heywood C. The 1337 Bursa Inscription and Its Interpreters // Turcica. 2004. T. 36. P. 215–232.

Hillenbrand C. Ravandi, the Seljuk Court at Konya and the Persianisation of Anatolian Cities // Mésogeios. 2005. T. 25–26. P. 157–169.

History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honor of John E. Woods / Eds. J. Pfeiffer, S.A. Quinn in collab. with E. Tucker. Leiden, 2006.

The History of Cartography / Eds. J.B. Harley and D. Woodward. Vol. 1–2 (Parts 1–3). Chicago; L., 1987–1998.

Holy Women of Byzantium. Ten Saints' Lives in English Translation / Ed. A.-M. Talbot. Washington, 1996.

Hommes et richesses dans l'Empire byzantin / Éd. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. T. 1–2. P., 1991.

Honigmann E. Die sieben Klimata und die ΠΟΛΕΙΣ ΕΠΙΣΗΜΟΙ: eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929.

Hopwood K.R. The Byzantine-Turkish Frontier c. 1250–1300 // Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums / Hrsg. M. Köhbach, G. Procházka-Eisl und C. Römer. Wien, 1999. P. 153–161.

Idem. Low-level diplomacy between Byzantines and Ottoman Turks: the case of Bithynia // Byzantine Diplomacy / Eds. J. Shepard and S. Franklin. L., 1992. P. 151–158.

Idem. Nomads or bandits? The pastoralist/sedentarist interface in Anatolia // Manzikert to Lepanto. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571 / Eds. A. Bryer, M. Ursinus. Amsterdam, 1991. P. 179–194.

Idem. Osman, Bithynia and the Sources // Archív Orientální. Supplementa. 1998. T. 8. P. 155–164.

Idem. Peoples, Territories, and States: The Formation of the Begliks of Pre-Ottoman Turkey // Decision Making and Change in the Ottoman Empire / Ed. C.E. Farah. Kirksville (MO), 1993. P. 129–138.

Idem. Türkmen, Bandits and Nomads: Problems and Perceptions // Comité international d'études pré-ottomanes et ottomanes: VIth Symposium, Cambridge, 1–4 July 1984 / Eds. J.L. Bacqué-Grammont, E. van Donzel. Istanbul, 1987. P. 23–30.

Horrocks G. Greek: A History of the Language and its Speakers. L.; N.Y., 1997.

Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. Halsall. Cambridge, 2002.

Hunger H. Die Exarchenlist des Patriarchen Kallistos I. im Patriarchatsregister von Konstantinopel // ΚΑΘΗΓΗΤΡΙΑ. Essays presented to Joan Hussey for her 80th Birthday / Ed. J. Chrysostomides. Camberley, Surrey, 1988. S. 431–480.

Idem. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1–2. München, 1978.

Idem. Johannes Chortasmenos, ein byzantinisher Intellektueller der späten Palaiologenzeit // Wiener Studien. 1957. Bd. 70. S. 153–163.

Idem. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jh. // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. I. Bucureşti, 1974. S. 139–151.

Idem. On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 15–38.

Idem. Zu den restlichen Inedita des Konstantinopler Patriarchatsregisters // RÉB. 1966. T. 24. S. 58–68.

Idem. Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes // BZ. 1953. Bd. 46. S. 302–307.

Hutter I. Corpus der Byzantinischen Miniaturenhandschriften. Bd. 3.1: Oxford, Bodleian Library. Stuttgart, 1982.

Huyse Ph. Iranische Namen in den griechischen Dokumenten Ägyptens // Iranische Namen in Nebenüberlieferungen Indogermanischer Sprachen. Bd. 5, Fasz. 6a. Wien, 1990.

Imber C. The Legend of Osman Gazi // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 67–76.

Idem. Paul Wittek's «De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople» // Osmanlı Araştırmaları. 1986. C. 5. P. 65–81.

Inalcik H. Dobrudja // EI NE. Vol. 2. P. 610–616.

Idem. The Ottoman Empire. Organization and Economy. L., 1978. (Variorum CS).

Islâm Ansiklopedisi. Islâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biografya Lugati. Beşıncı Baskı. C. 1–13. Ankara, 1978–1987.

Ivanov S.A. An Anonymous Byzantine Geographical Treatise // RÉB. 2002. T. 60. P. 167–177.

Jacoby D. Caviar Trading in Byzantium // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 2009. P. 349–364.

Idem. Foreigners and the Urban Economy in Thessalonike, ca. 1150 — ca. 1450 // DOP. 2003. Vol. 57. P. 85–132.

Idem. Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles // Études rurales. 1962. T. 5–6. P. 163–186.

Idem. Silk crosses the Mediterranean // Le vie del Mediterraneo: idee, uomini, oggetti (secoli XI–XVI). Genova, 1997. P. 55–79.

Idem. Silk Economics and Cross-Cultural Artistic Interaction: Byzantium, the Muslim World, and the Christian West // DOP. 2004. Vol. 58. P. 197–240.

Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Pt. I: Le siège de Constantinople et le Patriarcat œcuménique. T. 3: Les églises et monastères. P., 1969.

Idem. Les Turcs Vardariotes // Écho d'Orient. 1930. T. 29. P. 437–449.

Janse M. Aspects of Bilingualism in the History of the Greek Language // Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text / Eds. J.N. Adams, M. Janse, S. Swain. Oxford, 2002. P. 332–390.

Janssens E. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.

Jenkins R.J.H. The Flight of Samonas // Speculum. 1948. Vol. 23 (2). P. 217–235 (repr.: *Idem.* Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries. L., 1970. (Variorum CS). № X).

Jennings R.C. Some Thoughts on the Gazi-Thesis // WZKM. 1986. Bd. 76. P. 151–161.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 1–3. Sofia, 2003–2009.

Jugie M. Compléments à la biographie // Scholarios, Georges. Œuvres complètes / Éd. L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. T. 1–8. P., 1928–1936. T. 8. P. 21*–47*.

Kafadar C. Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State. Los Angeles, 1995.

Kahane H., Kahane R. Abendland und Byzanz: Sprache // Reallexikon der Byzantinistik / Hrsg. P. Wirth. Bd. 1. Amsterdam, 1968–1976. S. 345–640.

Iidem. Italienische Ortsnamen in Griechenland. Athen, 1940.

Iidem. The Western Impact on Byzantium: The Linguistic Evidence // DOP. 1982. Vol. 36. P. 127–153.

Kahane H., Kahane R., Tietze A. The Lingua Franca of the Levant: Turkish Nautical Terms of ltalian and Greek Origin. Urbana, 1958.

Kaldellis A. Ethnography After Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After. Philadelphia, 2013.

Idem. Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition (Greek Culture in the Roman World). Cambridge, 2007.

Karapotosoglou K. Ετυμολογικά σε ποντιακές λέξεις // ΑΠ. 1990–1991. Τ. 33. Σ. 256–335.

Idem. Ποντιακά έτυμα // ΑΠ. 1985. Τ. 40. Σ. 144–180.

Karayannopoulos I.E., Weiss G. Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). Bd. 1–2. Wiesbaden, 1982.

Karlin-Hayter P. Les Catalans et les villages de la Chalcidique // Byzantion. 1982. T. 52. P. 244–263.

Eadem. L'Hétériarque. L'évolution de son rôle du De Cerimoniis au Traité des Offices // JÖB. 1974. Bd. 23. P. 101–143.

Kastritsis D.J. The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden, 2007.

Kazhdan A.P. Apographeus // ODB. Vol. 1. P. 134.

Idem. Protoierakarios // ODB. Vol. 3. P. 1745.

Idem. Sebastos // ODB. Vol. 3. P. 1863.

Idem. Tatas // ODB. Vol. 3. P. 2013–2014.

Idem. Tzaousios // ODB. Vol. 3. P. 2135–2136.

Idem. Vardariotai // ODB. Vol. 3. P. 2153.

Kazhdan A.P., Ronchey S. L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1999.

Khoury A.Th. Polémique byzantine contre l'Islam. Leiden, 1972.

Khoury P. Jean Damascène et l'Islam. Würzburg, 1994.

Khowaiter A. Baibars the First: His Endeavours and Achievements. L., 1978.

Kim R. On the Historical Phonology of Ossetic: The Origin of the Oblique Case Suffix // The Journal of the American Oriental Society. 2003. Vol. 123. P. 43–71.

Idem. The origin of the Pre-Ossetic oblique case suffix and its implications // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1999. Vol. 6. P. 233–250.

Koder J. Byzantinische Identität – einleitende Bemerkungen // Byzantium. Identity, Image, Influence. Major Papers. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. S. 4–5.

Kondov N. Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus die Gebiet des Unteren Strymon in der erstern Halften des XIV. Jahrhunderts // Études balkaniques. 1965. T. 2–3. S. 261–272.

Idem. Das Dorf Gradec. Die demographisch-wirtschaftliche Gastalt eines Dorfes aus dem Gebiet des unteren Strymon von Anfang des 14. Jahrhunderts // Études balkaniques. 1971. T. 7. S. 31–55; 1977. T. 13. S. 71–91.

Konidares G.I. Η πρώτη μνεία της επισκοπής Βαρδαριωτών Τούρκων υπό τον Θεσσαλονίκης // Θεολογία. 1952. T. 23. Σ. 87–94, 236–238.

Köpstein H. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Philologisch-historische Untersuchung. B., 1966.

Korobeinikov D.A. Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. Oxford, 2014.

Idem. The revolt in Kastamonu, ca. 1291–1293 // Byzantinische Forschungen. 2004. Bd. 28. P. 87–117.

Idem. A sultan in Constantinople: the feasts of Ghiyāth al-Dīn Kay-Khusraw I // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19): Food and Wine in Byzantium / Eds. L. Brubaker and K. Linardou. L., 2007. P. 93–108.

Koukkides K. Λεξιλόγιον ελληνικών λέξεων παραγομένων εκ της τουρκικής // Αρχείον του Θρακικού Λαογραφικού και Γλωσσικού Θησαυρού. 1959–1960. T. 24. Σ. 281–312; T. 25. Σ. 121–200.

Kravari V. L'habitat rural en Macédoine occidentale (XIIIe–XIVe siècles) // Byzanz als Raum: Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraums / Hrsg. K. Belke et al. Wien, 2000. P. 83–94.

Eadem. L'hellénisation des Slaves de Macédoine orientale, au témoignage des anthroponymes // ΕΥΨΥΧΙΑ, Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Vol. 2. P., 1998. P. 387–397.

Eadem. Villes et villages de Macédoine occidentale. P., 1989.

Kriaras E. Bilinguismo degli ultimi secoli di Bisanzio: nascita della letteratura neoellenica // Bollettino del Centro di Studi di Filologia e Linguistica Siciliana. 1970. T. 11. P. 1–27.

Idem. Diglossie des derniers siècles de Byzance // XIIIe Congrès international des Études byzantines: Actes. Oxford, 1967. P. 283–299.

Idem. Λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημώδους γραμματείας 1100–1669. Τ. 1–. Αθήνα, 1969–.

Krstić T. Contested conversions to Islam: narratives of religious change in the early modern Ottoman Empire. Stanford, 2011.

Kurat A.N. (Nimet A.K.) Peçenek tarihi. İstanbul, 1937.

Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // RÉB. 1988. T. 46. P. 109–124.

Idem. Relations matrimoniales entre Grands Comnènes de Trébizonde et princes géorgiens // BK. 1976. T. 34. P. 112–127.

Kyriakides S. Η Αχριδώ και η επισκοπή της – οι Τούρκοι Βαρδαριώται // Επιστημονικές Επετηρίδες Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1939. Τ. 3. Σ. 513–520.

La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. P., 2003.

Lafontaine-Dosogne J. Nouvelles notes cappadociennes // Byzantion. 1963. T. 33. P. 148–154.

Laiou A.E. The Black Sea of Pachymeres // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D.M. Nicol. L., 1993. P. 94–121.

Eadem. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge (Mass.), 1972.

Eadem. The Foreigner and the Stranger in 12th-century Byzantium: Means of Propitiation and Acculturation // Fremde der Gesellschaft. Historische und sozialwissenschaftliche Untersuchungen zur Differenzierung von Normalitat und Fremdheit / Hrsg. M.Th. Fögen. Frankfurt am Main, 1991. P. 71–97.

Eadem. The Human Resources // EHB. Vol. 1. P. 47–55.

Eadem. In the Medieval Balkans: Economic Pressures and Conflicts in the Fourteenth Century // Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1985. P. 137–162.

Eadem. Institutional Mechanisms of Integration // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 161–181.

Eadem. Italy and the Italians in the Political Geography of the Byzantines (14th Century) // DOP. 1995. Vol. 45. P. 73–98.

Eadem. Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles. P., 1992.

Eadem. Peasant Names in Fourteenth-Century Macedonia // BMGS. 1975. Vol. 1. P. 71–95.

Eadem. Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977.

Eadem. Some Observations on Alexios Philanthropenos and Maximos Planudes // BMGS. 1978. Vol. 4. P. 89–99.

Laiou A., Morrisson C. The Byzantine Economy. Cambridge, 2007.

Lambton A.K.S. Yarghu // EI NE. Vol. 11. P. 284b.

Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1969.

Lampsides O. Georges Chrysococcis, le médecin, et son œuvre // BZ. 1938. Bd. 38. P. 312–322.

Idem. Γλωσσικά σχόλια εις μεσαιωνικά κείμενα του Πόντου // ΑΠ. 1952. Τ. 17. Σ. 227–238.

Idem. Sprachliches zu den Vazelonos-Urkunden // BZ. 1935. Bd. 35. S. 18–19.

Lane E.W. Arabic-English Lexicon. Vol. 1–8. L., 1863–1893.

Langdon J.S. Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N.Y., 1992.

Latham R.E. Revised Medieval Latin Word-List from British and Irish Sources. Oxford, 1983.

Laurent V. Ὁ Βαρδαριωτῶν ἤτοι Τούρκων. Perses, Turcs asiatiques ou Turcs hongrois? // Сборникъ в паметъ на проф. Петъръ Никовъ. София, 1940. P. 275–288.

Idem. Les bulles métriques de la sigillographie Byzantine // Ἑλληνικά. 1932. T. 5. P. 191–228; 321–360.

Idem. Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. T. 1–5. P., 1981.

Idem. Une famille turque au service de Byzance. Les Mélikès // BZ. 1956. Bd. 49. P. 349–368.

Idem. Note additionnelle. L'inscription de l'église Saint-Georges de Bélisérama // RÉB. 1968. T. 26. P. 367–371.

Idem. Le trisépiscopat du patriarche Matthieu Ier (1397–1410). Un grand procès canonique à Byzance au début du XVe siècle // RÉB. 1972. T. 30. P. 5–166.

Le monde byzantin / Sous la direction de C. Morrisson; avec la collaboration de B. Bavant, D. Feissel, B. Flusin et al. T. 1–3. P., 2004–2011.

Lechner K. Byzanz und die Barbaren // Saeculum. 1955. Bd. 6. S. 292–306.

Idem. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner: die alten Bezeichnungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewusstseins. Thesis (doctoral) — Ludwig-Maximilians-Universität. München, 1954.

Lefebvre M.-M. Timars alloués aux gernisons de plusieurs fortresses maritimes de la province de Trébizonde après 1461 // Byzantion. 1992. T. 62. P. 311–379.

Lefort J. Anthroponymie et société villageoise (X^e^–XIVe siècle) // Hommes et richesses dans l'empire byzantin. T. 2: VIIIe–XVe siècle / Éd. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. P., 1991. P. 225–238.

Idem. De Bolbos à la Plaine du Diable, recherche topographique en Chalcidique byzantine // TM. 1979. T. 7. P. 465–489.

Idem. Habitats fortifiés en Macédoine orientale au Moyen Age // Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Lyon, 1983. P. 99–103.

Idem. Population and Landscape in Eastern Macedonia during the Middle Ages: The Example of Radolibos // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Eds. A. Bryer, H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. P. 11–21.

Idem. Population et peuplement en Macédoine orientale, IXe–XVe siècle // Hommes et richesses dans l'empire byzantin. T. 2. P., 1991. P. 63–82.

Idem. Radolibos: population et paysage // TM. 1985. T. 9. P. 195–234.

Idem. The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries // EHB. Vol. 1. P. 231–314.

Idem. Rural Economy and Social Relations in the Countryside // DOP. 1993. Vol. 47. P. 101–113.

Idem. Toponymie et anthroponymie: le contact entre Grecs et Slaves en Macédoine // Castrum 4, Frontière et peuplement dans le monde méditerranéen au Moyen Âge / Éd. J.-M. Poisson. Rome; Madrid, 1992. P. 161–171.

Idem. Villages de Macédoine: notices historiques et topographiques sur la Macédoine orientale au Moyen Âge. 1. La Chalcidique occidentale. P., 1982.

Leiser G. Ṣarı Ṣalṭūḳ Dede // EI NE. Vol. 9. P. 61–62.

Lemerle P. L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha». P., 1957.

Lentz T., Lowry G. Timur and the Princely Vision. Los Angeles, 1989.

Letsios D. Theophilos and his 'Khurramite' Policy: Some Reconsiderations // Graeco-Arabica. 2004. Vol. 9–10. P. 249–271.

Lewis B. Elçi // EI NE. Vol. 2. P. 694a.

Lexicographica Byzantina. Beiträge zum Symposion zur Byzantinischen Lexicographie (Wien, 1.–4. 3. 1989) / Hrsg. W. Hörandner, E. Trapp. Wien, 1991.

Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts / Hrsg. E. Trapp et al. Wien, 1994–2007.

Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, 1996.

Lindner R. Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983.

Lippard B.G. The Mongols and Byzantium, 1243–1341. PhD Thesis. Indiana University. Bloomington, 1984.

Lowry H. The Nature of the Early Ottoman State. Albany, 2003.

Idem. The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trabzon (ca. 1486–1583). A dissertation… Un. of California. Los Angeles, 1977.

Idem. Trabzon şehrinin islamlaşması ve türkleşmesi: 1463–1583. İstanbul, 1981.

Maas P. Die Musen des Kaisers Alexios I. // BZ. 1913. Bd. 22. S. 348–369.

Mackridge P. The Pontic Dialect: A Corrupt Version of Ancient Greek? // JRS. 1991. Vol. 4. No. 4. P. 335–339.

Macmullen R. Provincial Languages in the Roman Empire // American Journal of Philology. 1966. Vol. 87. P. 1–17.

Macrides R. The Byzantine Godfather // BMGS. 1987. Vol. 11. P. 139–162.

Eadem. Killing, Asylum, and the Law in Byzantium // Speculum. 1988. Vol. 63/3. P. 509–538.

Magdalino P. Constantine VII and the Historical Geography of Empire // Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space / Eds. S. Bazzaz, Y. Batsaki, D. Angelov. Cambridge; L., 2013. P. 23–42.

Idem. Paphlagonians in Byzantine High Society // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6ος –12ος αι.) / Εκδ. Σ. Λαμπάκης. Αθήνα, 1998. P. 141–150.

Idem. Prosopography and Byzantine Identity // Fifty Years of Prosopography. The Later Roman Empire, Byzantium and Beyond / Ed. A. Cameron. Oxford, 2003. P. 41–56.

Maidhof A. Rückwanderer aus den islamitischen Sprachen im Neugriechischen (Smyrna und Umgebung) // Glotta: Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. 1920. Bd. 10. S. 1–22.

Makris G. Die Gasmulen // Θησαυρίσματα. 1992. T. 22. S. 44–96.

Maksimović L. The Byzantine Provincial Administration under the Palaiologoi. Amsterdam, 1988.

Malamut É. L'image byzantine des Petchénègues // BZ. 1995. Bd. 88. P. 105–147.

Malingoudis Ph. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. Wiesbaden, 1981.

Mango C. Byzantinism and Romantic Hellenism // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1965. Vol. 28. P. 29–43.

Mantran R. Čāʾūsh // EI NE. Vol. 2. P. 16a.

Marc P. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der Neueren Zeit. Bericht und Druckproben. München, 1910.

Markl O. Ortsnamen Griechenlands in frankischer Zeit. Graz; Köln, 1966.

Matanov H. A Method of Conquest or a Stage of Social Development? // ÉB. 1989. № 3. P. 72–77.

Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981.

Matschke K.-P., Tinnefeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien, 2001.

Mélikoff I. Germiyān-oğulları // EI NE. Vol. 2. P. 989a.

Eadem. Ghāzī // EI NE. Vol. 2. P. 1043–1044.

Melville Ch. The Early Persian Historiography of Anatolia // History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honor of John E. Woods / Eds. J. Pfeiffer, S.A. Quinn in collab. with E. Tucker. Leiden, 2006. P. 135–166.

Mercati S.G. Sull'epitafio di Atanasio Masgidas nel monastero del Prodromo presso Serres // OCP. 1947. Vol. 13. P. 239–244.

Mergiali S. L'enseignement et les lettrés pendant l'époque des Paléologues (1261–1453). Athènes, 1996.

Merianos G.A. «The Sons of Hagar» in Archbishop Eustathios' *The Capture of Thessaloniki*: Some Evidence Concerning Late Twelfth Century Byzantine-Turkish Relations // Σύμμεικτα. 2005. T. 17. P. 213–221.

Mertel H. Die biographische Form der griechischen Heiligenleben. München, 1909.

Mertzios K. Μνημεία μακεδονικής ιστορίας. Θεσσαλονίκη, 1947.

Métivier S. Byzantium in question in 13th-century Seljuk Anatolia // Liquid and Multiple: Individuals and Identities in the Thirteenth-Century Aegean / Eds. G. Saint-Guillain and D. Stathakopoulos. P., 2012. P. 235–257.

Meyendorff J. Byzantine views of Islam // DOP. 1964. Vol. 18. P. 114–132.

Miklosich F. Die Bildung der Slavischen Personen- und Ortsnamen // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Wien, 1860–1874 (repr.: Heidelberg, 1927).

Idem. Die Türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen (griechisch, albanisch, rumunisch, bulgarisch, serbisch, kleinrussisch, grossrussisch, polnisch) // Denkschriften der phil.-hist. Cl. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXXIV–XXXV. Wien, 1884–1885; Bd. XXXVII–XXXVIII. Wien, 1888–1890.

Miles G.S. The Arab Mosque in Athens // Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1956. Vol. 25. P. 329–344.

Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926.

Millet G. Inscriptions byzantines de Trébizonde // Bulletin de correspondance hellénique. 1896. T. 20. P. 496–501.

Idem. Les monastères et les églises de Trébizonde // Bulletin de correspondance hellénique. 1895. T. 19. P. 419–459.

Minns E. Big Greek Minuscule, Pembroke College, Cambridge MS 310 // The Annual of the British School of Athens. 1951. Vol. 46. P. 213–217.

Minorsky V. Kurds, Kurdistān: III. History // EI NE. Vol. 5. P. 446b–463b.

Miquel A. La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du 11e siècle. T. 2: Géographie arabe et représentation du monde: la terre et l'étranger. P., 1975 (réimpr. 2001).

Mirambel A. Diglossie des derniers siècles de Byzance // XIIIe Congrès international des Études byzantines: Actes. Oxford, 1967. P. 309–313.

Idem. Η διγλωσσία των τελευταίων αιώνων του Βυζαντίου αρχή της νεοελληνικής λογοτεχνίας // Παρνασσός. 1966. Τ. 8/3. Σ. 466–472.

Mitsiou E., Preiser-Kapeller J. Übertritte zur byzantinisch-orthodoxen Kirche in den Urkunden des Patriarchatsregisters von Konstantinopel (mit 10 Tafeln) // Sylloge Diplomatico-Palaeographica I / Hrsg. Chr. Gastgeber, O. Kresten. Wien, 2010. S. 233–288.

Monfasani J. George of Trebizond. Leiden, 1976.

Montet E. Un rituel d'abjuration des musulmans dans l'église grecque // Revue de l'histoire des religions. 1906. T. 53. P. 145–163.

Moravcsik G. Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes // BNJ. 1930. Bd. 7 (1928–1929). S. 352–365.

Idem. Byzantinoturcica. Bd. 1–2. Leiden, 1983.

Idem. Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung // Polychronion, Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. S. 366–377.

Moritz H. Die Zunamen bei den byzantinischen Historikern und Chronisten. Bd. 1–2. Progr. des K. Hum. Gymnasiums in Landshut für das Schuljahr 1896/1897, 1897/1898.

Morrisson C., Cheynet J.-C. Prices and Wages in the Byzantine World // EHB. Vol. 2. P. 815–878.

Moutsopoulos N. Σινικό ιδεόγραμμα σε τοιχογραφία του Γερακιού // Byzantiaka. 1998. Т. 18. Σ. 15–31.

Müller K.E. Geschichte der Antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. Bd. 1–2. Wiesbaden, 1972–1980.

Murphey R. Yeñiçeri // EI NE. Vol. 11. P. 322a.

Mutafčiev P. Die angebliche Einwanderung von Seldschuk-Türken in die Dobrudscha im XIII. Jahrhundert // Списание на Българската Академия на Наукитѣ и Изкуствата. 1943. Т. 66: Клонъ историко-филологиченъ. Т. 32. S. 1–128.

Muthesius A. Studies in Byzantine and Islamic Silk Weaving. L., 1995.

Nechaeva E. Embassies–Negotiations–Gifts. Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart, 2014.

Necipoğlu N. The Aristocracy in Late Byzantine Thessalonike: A Case Study of the City's Archontes (Late 14th and Early 15th Centuries) // DOP. 2004. Vol. 57. P. 133–151.

Eadem. Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.

Eadem. The Coexistence of Turks and Greeks in Medieval Anatolia (Eleventh–Twelfth Centuries) // Harvard Middle Eastern and Islamic Review. 1999–2000. Vol. 5. P. 58–76.

Eadem. Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of the Fifteenth Century // BMGS. 1992. Vol. 16. P. 158–169.

Eadem. Sources for the Social and Economic History of Late Medieval Thessalonike and their Significance for Byzantine and Ottoman Studies // Tarihte güney-doğu Avrupa: Balkanolojinin dünü, bugünü ve sorunları. Ankara, 1999. P. 97–107.

The New Cambridge Medieval History. Vol. 1–7. Cambridge, 1998–2005.

Nicol D.M. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Washington, 1968.

Idem. The Immortal Emperor. The Life and the Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans. Cambridge, 1992.

Idem. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1993.

Idem. Mixed Marriages in Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Church History. 1964. Vol. 1. P. 160–172.

Idem. Refugees, Mixed Population and Local Patriotism in Epiros and Western Macedonia after the Fourth Crusade // Actes du XVe Congrès international des études byzantines. T. I. Athènes, 1976. P. 1–33.

Idem. The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, c. 1295–1383. Cambridge, 1996.

Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.

Nimet A. Die türkische Prosopographie bei Laonikos Chalkokandyles. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Hamburgischen Universität. Hamburg, 1933.

Nystazopoulou M.G. La dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde (1254–1265) // RÉB. 1964. T. 22. P. 241–249.

Ocak A.Y. Sarı Saltık. Popüler Islâm'ın Balkanlar'daki Destanî Öncüsü (XIII. Yüzyıl). Ankara, 2002.

Oikonomides D. Die Lautlehre des Pontischen. Leipzig, 1908.

Oikonomidès N. À propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats // TM. 1981. T. 8. P. 353–371.

Idem. Ακολουθία του αγίου Θεοδώρου του νέου // Νέον Αθηναίον. 1955. T. 1. Σ. 213–221.

Idem. La brebis égarée et retrouvée: l'apostat et son retour // Religiöse Devianz. Untersuchungen zu sozialen, rechtlichen und theologischen Reaktionen auf religiöse Abweichung im westlichen und östlichen Mittelalter / Hrsg. D. Simon. Frankfurt am Main, 1990. P. 143–157.

Idem. The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // ΑΠ. 1975. T. 35. P. 299–332.

Idem. Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium // RN. 6e série. 1983. T. 25. P. 189–207.

Idem. Documents et études sur les institutions de Byzance (VIIe–XVe s.). L., 1976. (Variorum CS).

Idem. From Soldiers of Fortune to Gazi Warriors: The Tzympe Affair // Studies in Ottoman History in Honour of Professor V.L. Ménage / Eds. C. Heywood, C. Imber. Istanbul, 1994. P. 239–247 (repr.: *Idem.* Society, Culture and Politics in Byzantium. Aldershot, 2005. (Variorum CS). № XX).

Idem. Le haradj dans l'empire byzantin du XVe siècle // Actes du Ier Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Vol. 3. Sofia, 1969. P. 681–688.

Idem. Monastères et moines lors de la conquête ottomane // Südost-Forschungen. 1976. Bd. 35. P. 1–10.

Idem. L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux 10e–11e siècles et le taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Bucureşti, 1974. T. 1. P. 285–302.

Idem. Ottoman Influence on Late Byzantine Fiscal Practice // Südost-Forschungen. 1986. Bd. 45. P. 1–24.

Idem. The Role of the Byzantine State in the Economy // EHB. Vol. 3. P. 973–1058.

Idem. The Turks in the Byzantine Rhetoric of the Twelfth Century // Decision Making and Change in the Ottoman Empire / Ed. Caesar E. Farah. Kirksville, 1993. P. 149–155.

Idem. The Turks in Europe (1305–13) and the Serbs in Asia Minor (1313) // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 163–164.

Idem. Vardariotes–W.l.nd.r–V.n.nd.r: Hongrois installés dans la vallée du Vardar en 934 // Südost-Forschungen. 1973. Bd. 32. P. 1–8 (repr.: *Idem.* Documents et études sur les institutions de Byzance (VIIe–XVe s.). № 22).

Ostrogorsky G. Byzance, état tributaire de l'empire turc // Зборник радова Византолошког института. 1958. T. 5. P. 49–58.

Idem. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963.

Idem. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.

Oxford Dictionary of Byzantium / Eds. A. Kazhdan, A.-M. Talbot. Vol. 1–3. N.Y.; Oxford, 1991.

Page G. Being Byzantine: Greek Identity Before the Ottomans, 1200–1420. Cambridge, 2008.

Pálóczi Horvath A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. Budapest, 1989.

Panagiotakes N.M. Λέων ο Διάκονος. Βιογραφικά. Χειρόγραφα και εκδόσεις. Αθήνα, 1965.

Papadopoulos A. Ιστορική γραμματική της ποντικής διαλέκτου. Αθήνα, 1955.

Idem. Ιστορικόν λεξικόν της ποντικής διαλέκτου. Τ. 1–2. Αθήνα, 1958–1961.

Papadopulos A.Th. Versuch einer Genealogie der Palaiologen. 1259–1453. München, 1938.

Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Dritte Auflage, neu bearbeitet von G. Benseler. Bd. 1–2. Braunschweig, 1911 (repr.: Graz, 1959).

Parani M.G. Cultural Identity and Dress: Byzantine Ceremonial Costume // JÖB. 2007. Bd. 57. P. 95–134.

Eadem. Intercultural Exchange in the Field of Material Culture in the Eastern Mediterranean: The Evidence of Byzantine Legal Documents (11th to 15th Centuries) // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Eds. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Chr.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008. P. 349–372.

Eadem. Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries). Leiden; Boston, 2003.

Parisot V. Cantacuzène: homme d'état et historien. P., 1845.

The "Past" in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1978.

Patlagean E. Les débuts d'une aristocratie byzantine et le témoignage de l'historiographie: système des noms et liens de parenté aux IXe–Xe siècles // The Byzantine Aristocracy (XI to XIII Centuries) / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 23–41.

Peacock A.C.S. Sinop: A Frontier City in Seljuq and Mongol Anatolia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 103–124, 537.

Peirce L. The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire. N.Y., 1993.

Pérez Martín I. The Escorial Akathistos: the last manuscript illuminated in Constantinople // Italia medioevale e umanistica. 2011. Vol. 52. P. 237–241.

Personal Names Studies of Medieval Europe. Social Identity and Family Structures / Eds. G.T. Beech, M. Bourin, P. Chareille. Kalamazoo, 2002.

Pertusi A. Bisanzio e i Turchi nella cultura del Rinascimento e del Barocco. Milano, 2004.

Petrounias E. The Modern Greek Language and Diglossia // The "Past" in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. S. Vryonis. Malibu, 1978. P. 193–220.

Philippides M., Hanak W.K. The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies. Farnham; Burlington, 2011.

Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994.

Pingree D. Gregory Chioniades and Palaeologan Astronomy // DOP. 1964. Vol. 18. P. 133–160.

Pohl W. Ritualized Encounters: Late Roman Diplomacy and the Barbarians, Fifth–Sixth Century // Court Ceremonies and Rituals of Power in Byzantium and the Medieval Mediterranean: Comparative Perspectives. Leiden; Boston, 2013. P. 67–86.

Idem. Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Leiden; N.Y., 1998.

Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968.

Popper W. Egypt and Syria under the Circassian Sultans, 1382–1468 AD. Berkeley; Los Angeles, 1957.

Prinzing G. Byzantiner und Seldschuken zwischen Allianz, Koexistenz und Konfrontation im Zeitraum ca. 1180–1261 // Der Doppeladler. Byzanz und die Seldschuken in Anatolien vom späten 11. bis zum 13. Jahrhundert. Mainz, 2015. S. 25–37.

Idem. Trapezuntia in Krakau. Über die Kleinchronik und andere Texte im Cod. Berolin. graec. qu. 5 // Polypleuros Nous. Festschrift für Peter Schreiner / Hrsg. C. Scholz und G. Makris. München, 2000. S. 290–310.

Idem. Zu den Minderheiten in der Mäander-Region während der Übergangsepoche von der byzantinischen zur seldschukisch-türkischen Herrschaft (11. Jahrhundert – Anfang 14. Jahrhundert) // Ethnische und religiöse Minderheiten in Kleinasien. Von der hellenistischen Antike bis in das byzantinische Mittelalter / Hrsg. P. Herz, J. Kobes. Wiesbaden, 1998. S. 153–190.

Idem. Zu Sklaven und Sklavinnen im Spiegel des Prosopographischen Lexikons der Palaiologenzeit // Koinotaton Doron. Das späte Byzanz zwischen Machtlosigkeit und kultureller Blüte (1204–1461) / Hrsg. A. Berger, S. Mariev, G. Prinzing, A. Riehle. B.; Boston, 2016. S. 125–147.

Pritsak O. The Pečenegs: a case of social and economic transformation. Lisse, 1976.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Hrsg. E. Trapp et al. Bd. 1–12. Wien, 1976–1996.

The Prosopography of the Byzantine World. URL: http://www.pbw.kcl.ac.uk/

Proxorov G.M. A Codicological Analysis of the Illuminated Akathistos to the Virgin (Moscow, State Historical Museum, Synodal Gr. 429) // DOP. 1972. Vol. 26. P. 237–252.

Ragia E. Η αναδιοργάνωση των θεμάτων στη Μικρά Ασία τον δωδέκατο αιώνα και το θέμα Μυλάσσης και Μελανουδίου // Σύμμεικτα. 2005. Τ. 17. Σ. 223–238.

Rásonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum: Turkic Personal Names. Vol. 1–2. Bloomington, 2007.

Redhouse J. A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1921.

Idem. Türkçe-Ingilizce Sözlük. İstanbul, 1997.

Reinert S.W. The Muslim Presence in Constantinople, 9th–15th Centuries: Some Preliminary Observations // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 125–150.

Restle M. Byzantine Wall Painting in Asia Minor. Vol. 1–2. Greenwich (Conn.), 1967.

Richard F. Catalogue des manuscrits persans. T. II: Le Supplément persan 1 à 1000. Roma, 2009.

Riley M. Science and Tradition in the "Tetrabiblos" // Proceedings of the American Philosophical Society. 1988. Vol. 132/1. P. 67–84.

Riza Y. Cenupta bozdoğanlılar // Ülke. 1934. C. III. № 17.

Robinson B. Persian Miniature Paintings from Collections in the British Isles. L., 1967.

Rosenthal F. A History of Muslim Historiography. Leiden, 1968.

Rossi E., Griswold W.J. Martolos // EI NE. Vol. 6. P. 613.

Rotman Y. Byzantine Slavery and the Mediterranean World / Transl. Jane Marie Todd. Cambridge (Mass.), 2009.

Runciman S. Mistra. Byzantine Capital of the Peloponnese. L., 1980.

Idem. The Ladies of the Mongols // Εις μνήμην Κ. Αμάντου. Αθήνα, 1960. P. 46–53.

Idem. The Last Byzantine Renaissance. Cambridge, 1970.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.

Ryder J. The Career and Writings of Demetrius Kydones. A Study of Fourteenth-Century Byzantine Politics, Religion and Society. Leiden, 2010.

Sahas D.J. Ritual of Conversion from Islam to the Byzantine Church // Greek Orthodox Theological Review. 1991. Vol. 36. P. 57–69.

Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P., 1980.

Savory R.M. Ḳürčī // EI NE. Vol. 5. P. 437a–b.

Savvides A. Byzantines and Oghuz (Ghuzz). Some Observations on the Nomenclature // BS. 1993. T. 54/1. P. 147–155.

Idem. Byzantium in the Near East. Thessaloniki, 1981.

Idem. Εκχριστιανισμένοι Τουρκόφωνοι μισθοφόροι στα βυζαντινά και λατινικά στρατεύματα της Ανατολής // Πρακτικά του Ι' Πανελλήνιου Ιστορικού Συνεδρίου. Θεσσαλονίκη, 1989. Σ. 89–97.

Idem. Οι Κομάνοι (κουμάνοι) και το Βυζάντιο (11ος–13ος αι. Μ.Χ.) // Βυζαντινά. 1985. Τ. 13. Σ. 949–953.

Idem. Late Byzantine and Western Historiographers on Turkish Mercenaries in Greek and Latin Armies: the Turcoples/Tourkopouloi // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D.M. Nicol. L., 1993. P. 122–136.

Savvides A., Lampakis S. Γενική βιβλιογραφία περί του βυζαντινού Πόντου και του κράτους των μεγάλων Κομνηνών της Τραπεζούντας. Αθήνα, 1992; добавления в: ΑΠ. 1994. Τ. 45. Σ. 79–91; 1996–1997. Τ. 47. Σ. 345–350; 1998–1999. Τ. 48. Σ. 232–250; 2002. Τ. 49. Σ. 149–153.

Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

Schreiner P. Byzantinische Orientreisende im 14. Jahrhundert // ZDMG. Suppl. VI. Wiesbaden, 1985. S. 141–149.

Idem. Slavisches in den griechischen Athosurkunden // »Tgolí chole Mêstró«. Gedenkschrift für Reinhold Olesch / Hrsg. R. Lachmann, A. Lauhus, T. Andowski, B. Zelinsky. Köln; Wien, 1990. S. 307–316.

Idem. Theophylaktos Symokattes und das Perserbild der Byzantiner im 6. und 7. Jh. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1980. Bd. 21. Suppl. 5. S. 301–306.

Idem. Zur Geschichte Philadelpheias im 14. Jahrhundert (1293–1390) // OCP. 1968. Vol. 34. S. 377–388.

Schwarz P. Die Herkunft von arabisch *ḫarâğ*, (Grund-)Steuer // Der Islam. 1916. Bd. 6. S. 97–99.

Schwyzer E. Griechische Grammatik auf der Grundlage von K. Brugmanns Griechischer Grammatik. Bd. 1. München, 1939.

Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his “Dialogue between the Rich and the Poor” // Зборник радова Византолошког института. 1960. T. 8. P. 187–228.

Idem. Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World. L., 1982.

Idem. Intellectual Repercussions of the Council of Florence // Church History. 1955. Vol. 24. P. 291–323.

Idem. Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981.

Idem. Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. T. I. Bucureşti, 1974. P. 69–92.

Idem. Theodore Metochites, the Chora, and the Intellectual Trends of His Time // The Kariye Djami / Ed. P.A. Underwood. Vol. 4. Princeton, 1975. P. 11–55.

Idem. La vie intellectuelle et politique à Byzance sous les premiers Paléologues. Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962.

Shagrir I. Naming Patterns in the Latin Kingdom of Jerusalem. Oxford, 2003.

Shawcross T. The Chronicle of Morea. Historiography in Crusader Greece. Oxford, 2009.

Shukurov R. AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // BMGS. 1995. Vol. 19. P. 161–181.

Idem. Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. 1994. Vol. 9/1. P. 20–72.

Idem. The Byzantine Classification of the Turks: Archaization or Academic Traditionalism? // Philopation: Spaziergang im kaiserlichen Garten; Schriften über Byzanz und seine Nachbarn; Festschrift für Arne Effenberger zum 70. Geburtstag / Hrsg. N. Asutay-Effenberger. Regensburg, 2013. P. 273–296.

Idem. The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeios. 1999. T. 6. P. 7–47.

Idem. The Byzantine Turks: An Approach to the Study of Late Byzantine Demography // L’Europa dopo la caduta di Costantinopoli: 29 maggio 1453. Spoleto, 2008. P. 73–108.

Idem. The Crypto-Muslims of Anatolia // Archaeology, Anthropology and Heritage in the Balkans and Anatolia: The Life and Times of F.W. Hasluck, 1878–1920 / Ed. D. Shankland. Vol. 1–3. Istanbul, 2004–2013. Vol. 2. P. 135–158.

Idem. Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond // Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications,

Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Ševčenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 75–81.

Idem. Horizons of Daily Interest // BF. 1999. Bd. 25. P. 1–14.

Idem. Ibn Bībī // Encyclopedia of the Medieval Chronicle / Ed. R.G. Dunphy. Leiden; Boston, 2010. P. 830–831.

Idem. The Oriental Margins of the Byzantine World: a Prosopographical Perspective // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Eds. J. Herrin, G. Saint-Guillain. Aldershot, 2011. P. 167–196.

Idem. Trebizond and the Seljuks (1204–1299) // Mésogeios. 2005. T. 25–26. P. 73–138.

Idem. Two Waves of Nomadic Migration in the Pontos in the Thirteenth-Fourteenth Centuries // International Journal of Black Sea Studies. 2006. Vol. 1. P. 29–44.

Simonian H. Hamshen before Hemshin. The Prelude to Islamicization // The Hemshin: History, society and identity in the Highlands of Northeast Turkey / Ed. Hovann H. Simonian. L.; N.Y., 2007. P. 19–41.

Skoulatos B. Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980.

Smail R.C. Crusading Warfare, 1097–1193. Cambridge, 2005.

Smyrlis K. The First Ottoman Occupation of Macedonia (ca. 1383 – ca. 1403): Some Remarks on Land Ownership, Property Transactions and Justice // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication / Eds. A.D. Beihammer, M.G. Parani, Chr.D. Schabel. Leiden; Boston, 2008. P. 327–348.

Smythe D.C. Byzantine Perceptions of the Outsider in the 11th and 12th Centuries: A Method. PhD Thesis. University of St. Andrews, 1993.

Idem. Minorities in the Cities of the Maeander Valley, c. 610–1100 // Ethnische und religiöse Minderheiten in Kleinasien. Von der hellenistischen Antike bis in das byzantinische Mittelalter / Hrsg. P. Herz, J. Kobes. Wiesbaden, 1998. P. 141–152.

Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods from B.C. 146 to A.D. 1100. Vol. 1–2. Hildesheim; Zürich; N.Y., 1992.

Soulis G.C. The Gypsies in the Byzantine Empire and the Balkans in the Late Middle Ages // DOP. 1961. Vol. 15. P. 141–165.

Soustal P. Thrakien (Thrake, Rhodope und Haimimontos). Wien, 1991.

Spinei V. The Romanians and the Turkic nomads north of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century. Leiden, 2009.

Spitzer L. Ein Fall von Sprachmischung // Revue internationale des études balkaniques. 1936. T. 2. S. 123–129.

Die Sprachen im römischen Reich der Kaiserzeit / Hrsg. G. Neumann, J. Untermann. Bonn, 1980.

Stein E. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte // MOG. 1926. Bd. 2. S. 1–62.

Steingass F. A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. L., 1984.

Idem. Arabic-English Dictionary. New Delhi, 1978.

Stiernon L. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Théodora Comnène et Andronic Lapardas, sébastes // RÉB. 1966. T. 24. P. 89–96.

Idem. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Sebaste et gambros // RÉB. 1965. T. 23. P. 222–243.

Stone A.F. Stemming the Turkish Tide: Eustathios of Thessaloniki on the Seljuk Turks // BS. 2004. T. 62. P. 125–142.

Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider / Ed. D.C. Smythe. Aldershot, 2000.

Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Eds. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998.

Sulejman Efendi. Čagataj-Osmanisches Wörterbuch / Bearbeitet von I. Kúnos. Budapest, 1902.

Sümer F. Anadolu'da Moğollar // Selçuklu araştırmaları dergisi. 1969. C. 1. S. 1–147.

Idem. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy teşkilatı, Destanları. İstanbul, 1992.

Symeonidis Ch. Lautlehre der türkischen Lehnwörter im neugriechischen Dialekt des Pontos // ΑΠ. 1971–1972. T. 31. S. 17–231.

Idem. Die Nominalendung -άντ(οι), -άντων, -άντα im neugriechischen Dialekt des Pontos // ΑΠ. 1979. T. 36. S. 97–103.

Syncrétismes et heresies dans l'Orient seldjoukide et ottoman (XIVe–XVIIIe siècle) / Éd. G. Veinstein. P., 2005.

Tafrali O. Thessalonique au quatorzième siècle. P., 1913.

Talbot A.-M. Chortasmenos, John // ODB. Vol. 1. P. 431–432.

Eadem. Old Age in Byzantium // BZ. 1984. Bd. 77. P. 267–278.

Tapkova-Zaimova V. Turcs danubiens et turcs d'Asie Mineure (problèmes de contacts dans le cadre de l'empire byzantin) // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία (6^ος^ – 12^ος^ αι.) / Εκδ. Σ. Λαμπάκης. Αθήνα, 1998. P. 189–196.

Tarama Sözlüğü. C. 1–8. Ankara, 1965–1977.

Tauer F. Hafizi Abru sur l'historiographie // Mélanges d'orientalisme offerts à Henri Massé. Téhéran, 1963. P. 10–25.

Teteriatnikov N. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Roma, 1996.

Eadem. The Place of the Nun Melania (the Lady of the Mongols) in the Deesis Program of the Inner Narthex of Chora, Constantinople // Cahiers Archéologiques: Fin de l'Antiquité et Moyen Âge. 1995. T. 43. P. 163–184.

Theodoridis D. ΚΥΛΙΧΑΡΤΙΑ: ein mongolischer Stoffname chinesischen Ursprungs // JÖB. 2002. Bd. 52. S. 249–257.

The Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature. University of California, Irvine, USA. URL: http://www.tlg.uci.edu/

Thierry N. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Âge. Turnhout, 2002.

Thierry N., Thierry M. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région de Hasan Daği. P., 1963.

Thomson F.J. SS. Cyril and Methodius and a Mythical Western Heresy: Trilinguism. A Contribution to the Study of Patristic and Mediaeval Theories of Sacred Languages // Analecta Bollandiana. 1992. T. 110. P. 67–122.

Tietze A. Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch // Oriens. 1955. Vol. 8. S. 204–257.

Tietze A., Lazard G. Persian Loanwords in Anatolian Turkish // Oriens. 1967. Vol. 20. P. 125–168.

Tihon A. Études d'astronomie byzantine. L., 1994. (Variorum CS).

*Eadem.*Tables islamiques à Byzance // Byzantion. 1990. T. 60. P. 401–425.

Eadem. L'astronomie byzantine (du Ve au XVe siècle) // Byzantion. 1981. T. 51. P. 603–624.

Eadem. Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle // Byzantion. 1987. T. 57. P. 471–487.

Timothy S.M. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimore (MD); L., 1997.

Todt K.-P. Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos und der Islam. Politische Realität und theologische Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz. Würzburg; Altenberge, 1991.

Tompaïdes D.E. Ελληνικά επώνυμα τουρκικής προελεύσης. Αθήνα, 1990.

Idem. Η ποντιακή διάλεκτος. Αθήνα, 1988.

Toufexis N. Diglossia and register variation in Medieval Greek // BMGS. 2008. Vol. 32. P. 203–217.

Towfiq F. ʿAšāyer // Encyclopaedia Iranica. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/asayer-tribes

Trachoulia N.S. Κώδιξ 5 Ελληνικού Ινστιτούτου Βενετίας. Το Μυθιστόρημα του Αλεξάνδρου. Αθήνα, 1997.

Translation and Translators, Islamic // Dictionary of the Middle Ages. Vol. 12. N.Y., 1989.

Trapp E. Aktualität in byzantinischen Reiseberichten // Zeitgeschehen und seine Darstellung im Mittelalter / Hrsg. C. Cormeau. Bonn, 1995. S. 47–58.

Idem. Learned and Vernacular Literature in Byzantium: Dichotomy or Symbiosis? // DOP. 1993. Vol. 47. P. 115–129.

Idem. Lexicographical Notes, Illustrating Continuity and Change in Medieval Greek // DOP. 1994. Vol. 48. P. 243–255.

Idem. Probleme der Prosopographie der Palaiologenzeit // JÖB. 1978. Bd. 27. S. 181–201.

Treasures of Islam / Ed. T. Falk. Geneva, 1985.

Triandaphyllidis M. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur. Strassburg, 1909.

Idem. Studien zu den Lehnwörtern der mittelgriechischen Vulgärliteratur. Inaugural-Dissertation einer hohen philosophischen Fakultät Sektion I der Ludwig-Maximilians-Universität zu München. Marburg, 1909.

Trüdinger K. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918.

Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. Siyâsi Tarih Alp Arslan'dan Osman Gazi'ye (1071–1318). İstanbul, 1971.

Idem. Les souverains seldjoukides et leurs sujets non-musulmans // SI. 1953. T. 1. P. 65–100.

Türkiye'de halk ağızından derleme sözlüğu. C. 1–12. Ankara, 1963– .

Tzitzilis G. Griechische Lehnwörter im Türkischen (mit besonderer Berücksichtigung der anatolischen Dialekte). Wien, 1987.

Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences / Ed. A. Laiou. P., 2005.

Uyar T.B. Art et société en pays de Rum: les peintures 'byzantines' du XIIIe siècle en Cappadoce. Thèse de doctorat de l'Université Paris 1. P., 2011.

Uzunçarşılı I.H. Afyon Karahisar, Sandikli, Bolvadin, Çay, Isakli, Manisa, Birgi, Muğla, Milas, Peçin, Denizli, Isparta, Atabey ve Eğirdir deki kitabeler ve Sahip, Saruhan, Aydın, Menteşe, Inanç, Hamit oğullari hakkında malûmat. İstanbul, 1929.

Idem. Gazi Orhan Bey Vakfiyesi // Belleten. 1941. C. 5. S. 277–288.

Vacalopoulos A.E. The Flight of the Inhabitants of Greece to the Aegean Islands, Crete, and Mane during the Turkish Invasions (Fourteenth–Fifteenth Centuries) // Charanis Studies / Ed. A.E. Laiou-Thomodakis. New Brunswick, 1980. P. 272–283.

Idem. A History of Thessaloniki. Thessaloniki, 1972.

Idem. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, 1970.

Vagiakakos D. Διαλεκτικά εκ του μεσαιωνικού Πόντου // ΑΠ. 1964. Τ. 26. Σ. 267–289.

Varlik M.C. Germiyan oğulları tarihi (1300–1429). Ankara, 1974.

Varvounis M.G. Όψεις της καθημερινής ζωής στην Τραπεζούντα του 14[ου] αιώνα – Η μαρτυρία του Ωροσκοπίου της Τραπεζούντος (1336) // ΑΠ. 1994. Τ. 45. Σ. 18–36.

Varzos K. Αλέξιος Κομνηνός – Ειρήνη η Ρωσική και οι άτυχοι απόγονοί τους // Βυζαντινά. 1975. Τ. 7. Σ. 133–174.

Idem. Η γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 1–2. Θεσσαλονίκη, 1984.

Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.

Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

Idem. Mesarites as a source // Speculum. 1938. Vol. 13. P. 180–182.

Vasiliev A., Canard M. Byzance et les Arabes. T. 1–3. Bruxelles, 1935–1968.

Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2: Italie, Colonies italiennes du Levant, Levant latin, Empire byzantin. Gand, 1977.

Verpeaux J. Les oikeioi. Notes d'histoire institutionnelle et sociale // RÉB. 1965. T. 23. P. 89–99.

Vogel K. Byzantine Science // The Cambridge Medieval History / Eds. J.M. Hussey, D.M. Nicol, G. Cowan. 2nd ed. Vol. 1–8. Cambridge, 1967. Vol. 4/2. P. 264–305.

Vryonis S. Another note on the inscription of the church of St. George of Beliserama // Βυζαντινά. 1977. Τ. 9. P. 11–22.

Idem. Βυζαντινά και Μεταβυζαντινά. Studies on Byzantium, Seljuks and Ottomans. Malibu, 1981.

Idem. Byzantine and Turkish Societies and Their Sources of Manpower // Vryonis S. Studies on Byzantium, Seljuks, and Ottomans. № III. P. 125–152.

Idem. Byzantine attitudes toward Islam during the Late Middle Ages // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1971. Vol. 12/2. P. 263–286.

Idem. Byzantium: its internal history and relations with the Muslim world. L., 1971. (Variorum CS).

Idem. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971.

Idem. "The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization", the book and its reviewers ten years later // Greek Orthodox Theological Review. 1982. Vol. 22. P. 225–285.

Idem. "The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the 11th through the 15th Century": the book in the light of subsequent scholarship, 1971–98 // Eastern Approaches to Byzantium / Ed. A. Eastmond. Aldershot, 2001. P. 133–145.

Idem. Isidore Glabas and the Turkish *devshirme* // Vryonis S. Byzantium: its internal history and relations with the Muslim world. № XIII. P. 433–443.

Idem. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71.

Wächter A. Der Verfall des Griechentums in Kleinasien in XIV. Jahrhundert. Leipzig, 1903.

Walbank F.W. The Problem of Greek Nationality // Phoenix. 1951. Vol. 5/2. P. 41–60.

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. Heidelberg, 1938.

Walker A. Emperor and the World: Exotic Elements and the Imaging of Middle Byzantine Imperial Power. Cambridge, 2012.

Weiss G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Monch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.

Werner E. Die Geburt einer Grossmacht – Die Osmanen. Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Wien, 1985.

Idem. Johannes Kantakuzenos, Umur Paşa und Orhan // BS. 1965. T. 26. S. 255–276.

Whelan E.J. A Contribution to Danishmendid History: The Figured Copper Coins // ANSMN. 1980. Vol. 25. P. 133–166.

Whitby L.M. Theophylact's Knowledge of Languages // Byzantion. 1982. T. 52. P. 425–428.

Wiita J.E. The Ethnika in Byzantine Military Treatises. Un. of Minnesota, Ph.D. Minneapolis, 1977.

Wilson N., Darrouzès J. Restes du cartulaire de Hiéra-Xérochoraphion // RÉB. 1968. T. 26. P. 5–47.

Wittek P. De la défaite d'Ankara à la prise Constantinople // RÉI. 1938. T. 12. P. 1–34.

Idem. La descendance chrétienne de la dynastie Seldjouk en Macédoine // Echos d'Orient. 1952. № 176. P. 409–412.

Idem. Deux chapitres de l'histoire des Turcs de Roum // Byzantion. 1936. T. 11. P. 285–319.

Idem. Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13.–15. Jh. Istanbul, 1934.

Idem. Les Gagaouzes = Les gens de Kaykaus // Rocznik Orientalistyczny. 1951–1952. T. 17. P. 12–24.

Idem. The Rise of the Ottoman Empire. L., 1938.

Idem. The Taking of Aydos Castle: A Ghazi Legend and its Transformation // Arabic and Islamic Studies in Honor of H.A.R. Gibb / Ed. G. Makdisi. Leiden, 1965. P. 662–672.

Idem. Yazijioghlu ʿAli on the Christian Turks of the Dobruja // BSOAS. 1952. Vol. XIV/3. P. 639–668.

Woods J.E. The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. Rev. and expanded ed. Salt Lake City, 1999.

Yurtsever E. Türkçe Adlar Derlemesi. İstanbul, 1997.

Zachariadou E. The Emirate of Karasi and that of the Ottomans: Two Rival States // The Ottoman Emirate (1300–1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 225–236.

Eadem. Histoire et légendes des premiers Ottomans // Turcica. 1995. T. 26. P. 45–89.

Eadem. Les janissaires de l'empereur byzantin // Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dedicata. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici. Series Minor. T. 19. Napoli, 1982. P. 591–597 (repr.: *Eadem.* Romania and the Turks (c. 1300 – c. 1500). № XI).

Eadem. Noms coumans à Trébizonde // RÉB. 1995. T. 53. P. 285–288.

Eadem. Observations on some Turcica of Pachymeres // RÉB. 1978. T. 36. P. 261–267 (repr.: *Eadem*. Romania and the Turks (c. 1300 – c. 1500). № I).

Eadem. Pachymeres on the 'Amourioi' of Kastamonu // BMGS. 1977. Vol. 3. P. 57–70 (repr.: *Eadem.* Romania and the Turks (c. 1300 – c. 1500). № II).

Eadem. Romania and the Turks (c. 1300 – c. 1500). L., 1985. (Variorum CS).

Eadem. The Presents of the Emirs // Cultural and Commercial Exchanges between the Orient and the Greek World. Athens, 1991. P. 79–84.

Eadem. Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman chronicles // Der Islam. 1983. Bd. 60.2. P. 268–290.

Eadem. Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983.

Eadem. Trebizond and the Turks (1352–1402) // ΑΠ. 1979. T. 35. P. 333–358.

Eadem. Udj // EI NE. Vol. 10. P. 777.

Eadem. Οι χριστιανοί απόγονοι του Ιζζεδίν Καικαούς Β' στη Βέροια // Μακεδονικά. 1964–1965. T. 6. Σ. 62–74.

Zachariadou E., Kazhdan A. Turks in Byzantine Service // ODB. Col. 2129–30.

Zerzelides G. Ερμενευτική του τοπωνυμικού της Άνω Ματσούκας // ΑΠ. 1961. T. 24. Σ. 245–290.

Zgusta L. Die Rolle des Griechischen im Römischen Kaiserreich // Die Sprachen im römischen Reich der Kaiserzeit. Bonn, 1980. S. 121–145.

Zhukov K. Börklüce Mustafa, was he another Mazdak? // Syncrétismes et heresies dans l'Orient seldjoukide et ottoman (XIVe–XVIIIe siècle) / Éd. G. Veinstein. P., 2005. P. 119–127.

УКАЗАТЕЛЬ

Указатель содержит имена, термины, географические названия и т.п., включая греческие (с. 613–623) и латинографичные (с. 623–628). В греческой части в квадратных скобках даны номера PLP для тех лиц, которые упомянуты в тексте только по прозвищу или родовому имени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Шукуров Рустам Мухаммадович

ТЮРКИ В ВИЗАНТИЙСКОМ МИРЕ
(1204–1461)

Редактор *Е.А. Босина*
Оформление переплета *Ю.Н. Симоненко*
Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Подписано в печать 18.05.2017. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 39,5. Уч.-изд. л. . Тираж 400 экз.
Изд. № 10524. Заказ № .

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru
Отдел реализации.
Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupublishing.ru
Сайт Издательства МГУ: http://msupublishing.ru

Отпечатано в…